

Ш. А. Булишъ.

ОТПАДЕНІЕ МАЛОРОССІИ

ОТЪ

ПОЛЬШИ

(1340 — 1654).

ВЪ ТРЕХЪ ТОМАХЪ.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульваръ.

1889.

Изъ „Чтевій въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ“.

Глава XXI.

Совѣщанія пановъ о спасеніи отечества.—Выборъ боевой позиціи подъ Збарж-жемъ.—Козаки и Татары осаждаютъ панское войско.— Переговоры представителя козаковъ съ представителемъ шляхты.—Козацкое искусство маскировать военныя дѣйствія.—Король идетъ къ осажденнымъ на выручку.

Король совѣтовался съ панами рады въ обстоятельствахъ, какъ выражались его совѣтники, „чреватыхъ опасностію (in praegnantī Reipublicae periculo)“. Со стороны Москвы не представлялось никакой опасности, но было страшно Венгріи и Шведовъ, да еще пугала пановъ мѣстная, то-есть католическая чернь, какъ бы она не поддавалась внушеніямъ своевольниковъ и не взбунтовалась подобно черни схизматической. (Zebry plebs tutejsza, chwyciwszy się jakich licentiosos, nie udała się takżе do rebeliėj). Находили полезнымъ отправить посольство къ „турецкому императору“ и къ хану; но гдѣ взять денегъ? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ было рѣшеніе эксплуататоровъ государства: отложить посольство до сейма, который назначенъ на 22 ноября.

Между тѣмъ было извѣстно и тутъ же заявлено отъ имени короля, что люди, назначенные прежде въ эти посольства, не двинулись изъ дому, однакожъ деньги на поѣздку получили (a pieniądze Rzpltej pobrali).

Расхватывая изъ рукъ у короля государственныя имущества, а у своего Шляхетскаго Народа собираемыя съ него деньги, равно какъ и доходы съ городовъ, паны сами устраивали Польшѣ руину, которая постигла бы ее и безъ козакотатарскаго нашествія.

Теперь представлялось два способа спасти отечество: или посредствомъ *прошеваго*, иначе *платнаго* жолнера, или посредствомъ поголовнаго вооруженія шляхты, иначе посполитаго рушенія. Первый способъ находилъ болѣе дѣйствительнымъ даже оракулъ панскаго кунятаторства, Кисѣль; но паны, по его словамъ, не хотѣли прибѣгнуть къ мѣрамъ чрезвычайнымъ, были скупы на пожертвованія; и по-

тому оставался только второй, опасный, по его мнѣнію, способъ. Третьяго не было (*non datur tertium*), по словамъ Киселя. „Бывали далеко маловажнѣйшіе случаи“ (писалъ онъ къ Оссолинскому отъ 23 (13) іюля), „когда духовные и свѣтскіе паны въ нѣсколько недѣль создали своими жертвованіями войско. Теперь, когда погибла половина Рѣчи Посполитой, когда дѣло идетъ объ ея остаткѣхъ и вмѣстѣ съ нимъ о королевской коронѣ, они едва были въ состояніи поставить передъ неприятелемъ 9 или 10 тысячъ. Но мы были бы несправедливы къ Господу Богу, когда бы назвали себя такими убогими, чтобы насъ не хватило на жолнера. За исключеніемъ тѣхъ, которые ничего уже не имѣютъ въ отчизнѣ, у насъ, по милости Божіей, многіе обладаютъ средствами (*plurimi pollent facultatibus*) къ спасенію отечества“.

Одинъ изъ членовъ королевской рады совѣтовалъ назначить одного гетмана: ибо не слыхалъ онъ, чтобы гдѣ-либо на свѣтѣ было три гетмана. По крайней мѣрѣ (говорилъ онъ) деньги на непредвидимыя издержки (*propter secretum bellici consilii*) надобно вручить одному, а не двоимъ, или троимъ. Но паны не довѣряли взаимно своей честности, и полагали, что между шестью глазъ не такъ будетъ, что называется, шито и крыто.

Такъ какъ въ государственномъ совѣтѣ засѣдало шесть бискуповъ, которые первенствовали передъ сенаторами свѣтскими, то король въ рѣшеніи вопроса о походѣ обѣщалъ просить вдохновенія (*prosić o natchnienie*) у Господа Бога, или какъ это объявилъ онъ потомъ—выступитъ въ день своего патрона, Св. Яна.

Въ такихъ совѣщаніяхъ уплыла цѣлая недѣля, а между тѣмъ полученныя изъ Украины и отъ Киселя изъ Гоци письма возвѣщали близкую грозу.

Не смотря на унизительный приемъ королевскихъ комиссаровъ со стороны Хмеля, Янъ Казимиръ отправилъ къ нему секретаря перееяславской комиссіи, Смаровскаго.

Иначе относился къ бунтовщику Шляхетскій Народъ, каковъ бы ни былъ онъ, — не такъ какъ „возвышенный духомъ и благородный умомъ“ избранникъ правительствующихъ пановъ. Его взглядъ на Хмельницкаго сохранился въ популярномъ тогда и сохраненномъ для потомства стихотвореніи, въ которомъ говорится, что легче было бы терпѣть „вѣчный и невознаградимый срамъ отъ иноземнаго неприятеля, чѣмъ отъ такого презрѣннаго сора, какъ Хмѣль, и это да близость Польши къ порабощенію хлопами всего большѣе для націи“.

Snaćby znosniejsza od nieprzyjaciela
 Poniść szwank taki; ale, że od Chmiela
 Śmieci wzgardzonej,—to najwięcej boli,
 Te, że i chłopskiéj blizcysmy niewoli.

Смяровскій выѣхалъ изъ Варшавы подъ хорошимъ предзнаменованіемъ,—въ день Благовѣщенія Пресвятой Дѣвы Маріи (in ipso die Annuntiationis B. V. Mariae), но, по причинѣ опасностей и дурной дороги, достигъ Чигирина едва въ три недѣли. Хмельницкій былъ далеко надменнѣе (daleko większêj nadętości), нежели во время Переславской комиссіи. Принялъ онъ королевскаго посла самымъ недостойнымъ образомъ (indignissime go exserit),—какъ послѣдняго мудака (vilissimum de plebe hominem). Когда подали Хмелю королевскій листъ, онъ швырнулъ его писарю черезъ столъ, такъ что листъ упалъ на землю (aż na ziemię upadł). Въ то же самое время принималъ онъ (писалъ Смяровскій) московскаго и венгерскаго пословъ торжественно (pompatycznie), съ кавалькадой, съ военной музыкой, и послышалъ слухъ (распущенный самимъ Хмельницкимъ), что Москва дала ему 20.000 своего войска. У Смяровскаго были отобраны всѣ кони, зрядъ его была изрублена. Но при этомъ Смяровскій—что весьма характерно—нашелъ себѣ двухъ покровителей между козаками, еще такихъ, которые сообщали ему копіи писемъ своего гетмана султана-галгѣ, въ Періашъ-агѣ, Карашъ-мурзѣ, и помогали доставить его депеши въ Варшаву. Скоро, однакожъ, Варшава узнала, что въ погибъ жертвою своей ловкости. Козакскій Батько не нашелъ другаго средства обезпечить свои секреты въ предательской средѣ своей, и въстрѣбиль соблазнителя.

Памятникомъ существованія Смяровскаго осталось поздно высказанное имъ убѣжденіе,—что тотъ былъ бы глупъ, кто бы осмѣлился шагнуть въ это пекло (kto by się w to piekło odważył): „ибо колеса уже разбѣжались, что каждый долженъ здѣсь погибнуть“. И его собственноручный пріѣздъ удивилъ Хмельницкаго, потому что чернь была крайне раздражена потерей Бара и битвой подъ Межибожемъ, а самъ Смяровскій (доносилъ Смяровскій) „только и дышетъ, что яростью да мстостью“ (sam intus nisi furem et vindictam spirat).

По словамъ Смяровскаго, Хмельницкій ежедневно и ежечасно мѣнялъ свои мысли (in dies et horas singulas mutatur). Если когда подавалъ нѣкоторую надежду на миръ, то черезъ часъ дѣлалъ такъ непохожъ на самого себя, какъ непохожа ночь на день (w dzienne odmieni się jako noc ode dnia).

Послѣднее извѣстіе пана Смяровскаго было таково: что, по словамъ Хмельницкаго, миръ невозможенъ, а должна стѣна удариться объ стѣну, и одна—обвалиться, а другая—остаться (aż się ściana a sciana uderzy, a jedna się obali, druga zostanie). Онъ звалъ къ себѣ Татаръ не только на добычу, но и на то, чтобъ „до конца выгубить поколѣвіе и имя ляшеское“.

Пугали Польшу и вѣсти, полученныя изъ Подольскаго Камьяна. Оттуда Каменецкій каштелянъ, Станиславъ Лянцкоронскій, писалъ Оссолвнскому, что Хмельницкій прислалъ Туркамъ черезъ Татаръ вѣчное подданство, съ тѣмъ, что онъ побусурманится со всѣми вожаками, лишь бы только помогли ему истребить польское имя. Татары и Греки представляли Туркамъ, что Хмельницкій завоевалъ уже Польшу по Бѣлую Воду; за Бѣлой Водой осталось Польшы только немножко: онъ хочетъ завоевать въ этомъ году и остатокъ.

Подъ вліяніемъ страха, бискупы-сенаторы говорили въ государственномъ совѣтѣ: „Напрасно думаютъ, что король его милость ищетъ воевать съ холопами: это не клоны, а воины, страшные самому деспарю оттоманскому“.—„Не за подданство уже теперь воевать намъ (прибавляли другіе), а за Божію кривду, за святыя сакраменты, за костелы“, и, забывая, что сами съ папою да съ іезуитами надѣлали жару, норовили загребать его чужими руками. „Добрый кавалеръ“ (говорили бискупы) „не спрашиваетъ, сколько непріятеля и какой непріятель, а спрашиваетъ: гдѣ онъ? (qualis sit et quis sit, sed ubi est)“.

Тутъ же патріоты, желавшіе, чтобы жолнеръ воевалъ за нивъ въ долгъ, рассказывали, какое множество невольниковъ навезли Татары въ Царьградъ суней и моремъ: за одинъ де лукъ или за два токъ стрѣлъ даютъ плѣнника; а плѣнниками были не только богонавистные схизматики, не только богоугодные католики, но и тѣхъ, чьихъ молитвы властны освободить грѣшники изъ чистилища: везли въ Царьградъ и на невольничьихъ рынкахъ каплановъ, которые показывали своимъ зрителямъ состраданіе больше всего тѣмъ, что „привели ко всевозможнымъ удобствамъ жизни“.

Много было новостей, занимавшихъ членовъ королевской рады, но всѣ до одной были печальнаго свойства. Напримѣръ: изъ Турки такъ идутъ къ Хмельницкому; что подъ Добруджей и Болгарами въ одномъ селѣ не осталось ни одного хозяина: все пошло въ бѣгъ противъ Ляховъ, и жители обоихъ береговъ Дуная двинулись головною въ козацкія купы; а одинъ шпіонъ доносилъ изъ Украйны, что Хмѣль смѣнилъ многихъ полковниковъ, узнавъ отъ ворожки;

ше не будетъ уже „счастить козацкая доля“. Себя онъ считалъ *fortunatissimъ*.

Онъ Когда наступила Зеленая Недѣля, послѣдній срокъ заключеннаго Переяславѣ перемирія съ козаками, король повелѣлъ своему триумvirату соединить войско и приблизиться къ непріятельскимъ зайчицамъ, не ожидая соединенія Хмеля съ ханомъ. Тремя полководцами у него, какъ уже сказано выше, были: Андрей изъ Дубровицы, Фирлей, старый воинъ и опытный вождь, но постоянно хворавшій и слабый, Станиславъ Лянцворонскій, отважный боець, какъ и его отецъ, предводительствовавшій неомужиченными еще козаками, но плохой полководецъ, и графъ Николай Остророгъ, охарактеризовавшій себя готовностью отдаться на милость пиявцецкимъ героямъ, козакамъ и Татарамъ. Достоинно, однакожь, замѣчанія, что генераль, вообразившій послѣ пиявцецкой паники все потеряннымъ, начальствовалъ подъ Пиявцами авангардомъ дѣйствующей арміи. Еще замѣчательнѣе, что при составленіи повтореннаго триумvirата, не могли никакъ замѣнить его; а всего замѣчательнѣе, что въ новой кампаніи Остророгъ велъ себя, если не прямымъ героемъ, то и не слабодушнымъ воинномъ.

Фирлей съ своей стороны показалъ, что въ его немощномъ тѣлѣ божатъ духъ бодрый. Онъ, вмѣстѣ съ Лянцворонскимъ, выбралъ место для генеральнаго лагеря весьма удачно и защищалъ ее съ великимъ искусствомъ. Король и коронный канцлеръ указывали имъ на князь Константиновъ; но Остророгъ, въ письмѣ изъ-подъ Збаража, отъ 3 июля, оправдывалъ сдѣланный его товарищами выборъ разумными соображеніями, и этимъ доказалъ, что князь Вишневецкій не напрасно поднялъ его во Львовѣ изъ упадка.

Занявъ боевую позицію, триумвиры нашли необходимымъ опираться на мужество, популярность и боевыя средства Вишневецкаго, котораго, къ удовольствію мудраго на всякое зло Хмеля, Янъ Каплицъ взялъ изъ рукъ булаву, вѣренную ему тѣми людьми, которые считались мужественнѣе гетмановъ, назначенныхъ сеймомъ. Естественно, что Вишневецкій, за этотъ глупый и наглый поступокъ, воспыривъ презрительнымъ негодованіемъ и къ самому королю, и къ его приближеннымъ. Сперва онъ рѣшился было не вмѣшиваться въ толпу людей, которыхъ, очевидно, судьба обрекла на погибель, такъ какъ они потеряли общій человѣческій смыслъ. Потомъ ему стало жалко своей семьи, своихъ вѣрныхъ слугъ-соратниковъ, и, можетъ быть, своей неразлучной со славой падающаго уже отечества. Онъ созвалъ въ свой щитъ, кого могъ, и держался въ полѣ особнякомъ, подобно

тѣмъ „безупречнымъ и знаменитымъ Геркулесамъ“, которые „стояли на границахъ, какъ мужественные львы, и жаждали только кровяной бесѣды съ невѣрными“. Къ нему присоединился племянникъ его, носившій имя славнаго Дмитрія Вишневецкаго Байды, и бывшій соперникъ его въ колонизаціонной борьбѣ за Хороль и Гадячъ, Александръ Конецпольскій. Ему ввѣрилъ свое ополченіе и князь Доминикъ Заславскій, а братъ его Гризельды, молодой Янъ Замоискій, идя хоясь подъ его опекой, былъ естественнымъ его союзникомъ. „Начинается страшная буря, наступаютъ времена роковыя“ (писалъ князь Іеремія въ универсалѣ къ шляхтѣ). „Уже король выдалъ, какъ говорятъ, вторыя *вици* (оповѣщанія) на посполитое рушеніе; о третьихъ еще не слышно, но отечество въ крайнемъ положеніи: надобно съшить“....

Какъ и въ прошлую кампанію, Вишневецкій намѣревался стать особнякомъ; но Лянцкоронскій ѣздилъ въ его лагерь и упросилъ присоединиться къ генеральному лагерю. Лянцкоронскому Рѣчь Посполитая была обязана защитой Камянца Подольскаго: этотъ подвигъ высоко цѣнилъ нашъ Байдичъ, равно какъ и то, что онъ побилъ хмельничанъ подъ Межибожемъ.

По реляціи Остророга, все простонародье между Богомъ, Горниемъ и Случью обратилось въ мятежниковъ, лишь только коронное войско удалилось оттуда. Повторилось то, что было въ Украинѣ послѣ Бороунщины: добыча панскаго плуга сдѣлалась добычею козацкаго меча какъ это изображено въ современномъ стихотвореніи:

Zeszły z pól wszystkie po Nadbożu plugi;
Nie obejrzał się aż za Wisłą drugi *).

А между тѣмъ жолнеры требовали своего жолду, и не только иностранцы, но и Поляки не хотѣли „воевать въ долгъ“. Отъ малочисленное войско триумвировъ съ каждымъ днемъ уменьшалось. И пахóлки, и самое товарищество разѣзжались изъ-подъ хоругви такъ что отъ нѣкоторыхъ оставалось только по половинѣ и еще меньше. Когда посылали ихъ на подѣздъ, хоругви соглашались идти только самъ-пятъ. По мнѣнію Остророга, противъ этого зла было только лѣварство (*remedium*)—возможно скорая присылка денегъ. Замечательное чѣмъ-то наступленіе Хмельницкаго приписывалъ онъ божеству

*) Исчезли съ полей всѣ плуги по Надбожію: иной оглянулся назадъ только изъ-за Вислы.

ношу Промыслу: „Опять и опять (*iterum et iterum*) просимъ прислать намъ деньги“ (писалъ Остророгъ въ Оссолинсвѣну): „а то войска этого немного останеся. Не ласками и не строгостями возможно удержать его на службѣ, а только деньгами. Въ лошадяхъ у насъ большой недостатокъ отъ безпрестанныхъ чать, а купить не за что. Шпіона весьма трудно найти: между этой Русью все предатели. А добудешь во-зава, — хоть сожги его, правды не скажетъ, такъ что намъ надобно ждать отовсюду непредвидѣнной бѣды, не безъ великой опасности столь уменьшившагося войска (*insperatum malum undique, non sine grandi periculo tam diminūti exercitus*)“.

Эти слова тѣмъ замѣчательнѣе, что оказались вѣрнымъ предсказаніемъ подъ перомъ человѣка, еще недавно совсѣмъ было потерявавшегося. „Единственное противъ этого средство“ (повторялъ онъ *iterum et iterum*)—„поддержать здѣсь насъ деньгами“.

При такомъ хозяйничаньѣ польскихъ скарбовыхъ людей и вообще правительственныхъ представителей Польши, не только такіе мученики ихъ несостоятельности, какъ великіе полководцы Жовковскій и Конецпольскій, являются истинными героями долга и чести, но даже и рядовые жолнеры. Это были честные воины, зависѣвшіе отъ жидовскаго кагала пановъ-доматоровъ. И вотъ почему князь Вишневецкій, вдругъ „потерявшій все, что имѣлъ“, какъ о немъ говорили во Львовѣ, своимъ отважнымъ стояньемъ противъ опаснѣйшаго изъ враговъ отечества—предателя, бунтовщика и поджигателя Хмеля—вселялъ безграничную въ себѣ преданность въ благородныя сердца, которыхъ, увы! всегда и вездѣ бывало мало.

Пока не прибылъ онъ къ Збаражу, въ генеральномъ лагерѣ происходила сумятица, подобная сеймовой польской, или нашей вѣчевой древнерусской: гетманы не ладили между собой; жолнеры не повиновались гетманамъ; войска, способнаго къ бою, осталось всего 6,000. Но когда къ этому войску прибавилось 3,000 панскихъ дружинъ подъ командою любимца полководца, все вдругъ пережѣнилось. Забывая о сеймѣ и королѣ, восторженные жолнеры, по вдохновенію минуты, провозгласили князя Вишневецкаго главнокомандующимъ. Увлекались порывомъ благороднаго чувства и региментари: отвергнутому королемъ гетману была предложена булава; а войско, еще недавно разбѣгавшееся изъ-за недоплатченнаго жолда, вызвалось служить ему двѣ четверти бесплатно. Но Вишневецкій булавы не пріянялъ, и скромно сталъ въ ряду полковниковъ. Эта нѣмая демонстрація противъ короля соединила съ нимъ еще тѣснѣе всѣ сердца. Збаражское войско видѣло

въ немъ своего главнокомандующаго; его совѣты принимались, какъ повелѣнія; нарушить его планъ дѣйствія боялся каждый.

Теперь въ генеральномъ лагерѣ насчитывали 15.000 людей; пе- пѣхоты у пановъ было только 2.000. Всадники были готовы и на пѣ- шую службу подъ вачальствомъ Вишневецкаго. Краснорѣчиво было простое слово его, когда онъ, объѣзжая полки, требовалъ безуслов- наго повиновенія, точно импровизированный императоръ, и вспо- миналъ о Пилявцахъ, гдѣ все дѣло было погублено отъ неурядицы. Его требованіе было голосомъ каждаго разумнаго сердца: ему внима- ли, какъ поэту боеваго стоянья.

Непріятель приближался медленно, съ безчисленными толпами со- блазненной и запуганной черни, съ безчисленными толпами крымскихъ, погайскихъ и другихъ наѣздниковъ. Нѣкоторые козацкіе полки со- стояли изъ 20.000 душъ. Татарами предводительствовалъ самъ ханъ, Исламъ-Гирей, который „правилъ своимъ конемъ хорошо“, у котораго „между нимъ и невѣрными была только сабля“, какъ заявлялъ онъ Туркамъ при своемъ воцареніи, и который готовъ былъ обманывать своихъ союзниковъ такъ точно, какъ и непріятелей“.

Окрестные мужики не были соблазнены добычею и запуганы ко- закотатарскимъ терроромъ, а потому, въ числѣ 6.000, ушли къ мѣ- щанамъ въ Збаражъ, подъ защиту панскаго войска.

Положеніе пріютившихся подъ Збаражемъ пановъ было безна- дежнѣе того, въ какомъ находился Царь Наливай подъ Лубнами. Они сознавали вполне, что имъ грозитъ, но рѣшились, какъ бы въ иску- пленіе пилявецкаго бѣгства—или остановить козакотатарскія орды, или погибнуть, какъ это заявилъ старый Фирлей въ прощальномъ пись- мѣ къ королю. Онъ увѣрялъ, что непріятель пройдетъ во внутренность отечества только по головамъ защитниковъ Збаража. Отъ упадка ду- ха, въ виду наступающихъ сотенъ тысячъ варваровъ, спасала пановъ только надежда, что король скоро придетъ къ нимъ на выручку съ посполитымъ рушеніемъ, котораго двои *ещи* они уже читали. Но эта надежда сдѣлалась весьма сомнительною послѣ того, когда ихъ мно- гократныя предостереженія и просьбы о помощи не вызвали у коро- ля и вороннаго канцлера никакихъ обѣщаній. Ляцкоронскій писалъ къ полковнику королевской гвардіи, Минору, что можно было бы на- звать сумасшедшимъ того, кто бы отважился приблизиться къ Збара- жу съ помощію въ нѣсколько сотенъ и даже въ нѣсколько тысячъ воиновъ.

Хмельницкому были извѣстны не только боевыя средства защит- никовъ Збаража, но и все, что дѣлаютъ столичные патріоты. Его во-

заки давали себя съечь, сохраняя войсковую тайну, но тайны своихъ противниковъ узнавалъ онъ не только отъ захваченныхъ въ плѣнъ жоннеровъ, не только отъ болтливой шляхты, но и отъ варшавскихъ пановъ; такихъ же предателей по природѣ и воспитанію, каковы были онъ самъ. Имѣя всюду подкупленныхъ панскими же деньгами доброжелателей, онъ могъ освѣдомиться даже и о томъ, что дѣлая половина панскаго войска, вписаннаго въ *комтутъ*, находилась неизвѣстно гдѣ; что волонтеры бродили по всему государству и опустошали беззащитныя имѣнія своихъ согражданъ, а правители государства, вмѣсто того, чтобы поддержать армію контингентами, „искали только, на кого бы взвалить вину“; какъ это поставилъ Кисѣль на видъ своимъ соотечественникамъ, въ письмѣ къ Оссолинскому отъ 23 (13) іюля. Умельницей пользовался панскимъ разномысліемъ и раздѣльностью панскихъ интересовъ съ самаго начала своего бунта. Судьба, казалось, готовила ему и на сей разъ Корсунь да Пилавцы. По словамъ Фирлея въ послѣднемъ, возможномъ еще донесеніи королю, онъ думалъ, что паны бѣжали или готовы бѣжать изъ-подъ Збаража, а потому ускорилъ свое медленное сперва наступленіе, и 6 іюля (27 іюня) былъ уже въ пяти миляхъ отъ нихъ. Въ генеральномъ лагерѣ ждали его черезъ два дня.

Вишневецкій болѣе нежели кто-либо изъ его сподвижниковъ понималъ, какъ трудно подать Збаражскому войску скорую помощь. Онъ лучше нежели кто-либо зналъ, что имѣетъ дѣло съ противникомъ, столь же безопытнымъ въ холодной хитрости, какъ и въ разъяренномъ бѣшенствѣ. Но бурный духъ нашего Байдича, вооружавшій рубу его противъ сеймующаго панства, проявился теперь въ твердой рѣшимости бороться съ дикою силою всѣми своими средствами. Рѣшимость его поддерживала крѣпкая позиція, занятая триумвирами подъ Збаражемъ.

Збаражъ былъ окруженъ въ то время водами, топами и лѣсами, которые болѣе или менѣе исчезли въ теченіе двухъ сотъ сорока лѣтъ. Эти, какъ говорилось тогда, фортели прикрывали панскій лагерь отъ многочисленнаго непріятеля, а взгорья и байраки, окружавшіе родовое гнѣздо русскихъ некогда князей Збаражскихъ, способствовали вылазкамъ и обезпечивали *пашу* для лошадей.

Черный лѣсъ тянулся тогда до дороги изъ Жалощицъ. Между нею и дорогою, идущею изъ Вишневца, дубовые лѣса съ востока шли до самихъ Люблянокъ, а съ юга всѣ окрестности Зарудья, Валаховки, Стривки и Кротовичъ были перерѣзаны множествомъ озеръ и топей. Грязистая почва не благопріятствовала движеніямъ татаръ

скихъ и козацкихъ наѣздниковъ, тогда какъ у панской конницы на склонахъ окоповъ было довольно мѣста для обороны.

Городъ Збаражъ, окруженный водою съ трехъ сторонъ, помѣщался какъ бы въ глубинѣ подковы. Съ востока и запада обороняли его два озера, соединенныя съ юга рѣчкою Гнѣзною. Отверстіе подковы, обращенное къ сѣверо-западу и глядѣвшее на Жалощицы, было укрѣплено рвомъ и тыномъ. Плеча подковы съ востока продолжались взгорья, а съ запада—черный лѣсъ, такъ что жалощицкою дорогою можно было приблизиться къ городу. На другомъ берегу Гнѣзны, съ востока, возвышался на взгорьѣ сильный замокъ Збаражскихъ, зданіе величественное, построенное въ 1587 году, а между нимъ и восточнымъ озеромъ лежало предмѣстье Пригородокъ.

Къ югу отъ города и замка волнистая почва представляла высоту, удобную для помѣщенія всѣхъ ожидаемыхъ подерѣплений. Начальникъ артиллеріи, Криштофъ Пршіемскій, получившій образованіе во французской арміи, расположилъ становище соотвѣтственно не сбывшимся ожиданіямъ. Тынь панскаго лагеря прилегалъ къ городу и замку, и только одну часть его, выходившую сзади за восточное озеро, предполагалось обезопасить валомъ. Скарденная медлительность худшихъ представителей Польши заставила лучшихъ переименовать свою диспозицію подъ напоромъ непріятеля.

Вечеромъ того же дня, когда Вишневецкій вѣхалъ въ генеральный лагерь, вернулся подѣздъ, состоявшій изъ 15 хоругвей, и донесъ, что подъ Човганскимъ Камнемъ, въ пяти миляхъ отъ Збаража, встрѣтилъ непріятеля и ведетъ его за собою. Языкъ изъ Гадача, захваченный подѣздомъ, объявилъ о великой козако-татарской силѣ. И рядовые жолнеры, и полководцы лично бросились къ заступамъ да лопатамъ, какъ это было, полстолѣтія съ небольшимъ, назадъ, въ лагерь Яна Замойскаго на Цоцорѣ, гдѣ малочисленное польское войско отсидѣлось въ окопахъ отъ многочисленныхъ азіатцевъ. Скоро старые окопы были восстановлены, и каждый отдѣлъ войска занялъ свою позицію. Войско было раздѣлено на пять частей, подъ начальствомъ пяти дивизионныхъ полководцевъ: Фирлея, Лянцворонскаго, Остророга, Вишневецкаго и Конецпольскаго.

Юля 10 (1), въ субботу, появился козако-татарскій авангардъ. Ему надобно было осмотрѣть непріятельскую позицію и суетвѣрно попытать счастья. Первый ударъ предвѣщалъ козакамъ и Татарамъ удачу и неудачу войны.

Панское войско вышло за окопы и построилось въ боевой порядокъ. Въ это самое время къ Збаражу приближался небольшой во-

зовой таборъ Вишневецкаго, заключавшій въ себѣ 200 пѣхотинцевъ и 200 легко вооруженныхъ всадниковъ. Козаки и Татары окружили его, какъ на Желтыкъ Водакъ Стефана Потоцкаго. Не здѣсь не было ивѣнниковъ драгунъ. На выручку подоспѣлъ Вишневецкій и первый поздоровался съ варярами. Козако-татарскій авангардъ схватилъ его своими крыльями; но на него ударили гусары; онъ разлетѣлся въ мелкія кучи гарцовниковъ, — и возовой таборъ вступилъ въ обѣи при громѣ пушекъ. «Самъ Господь принесъ къ вамъ этого человека» (нашетъ авторъ осаднаго дневника о Вишневецкомъ): «онъ спасалъ насъ и совѣтомъ и мужествомъ».

Татары, служившіе въ это время козацкую службу панамъ, сражались храбро противъ своихъ соплеменниковъ, помогавшихъ козакамъ, такъ что въ первомъ столкновеніи съ неприятелемъ надъ Эбражемъ легло ихъ на мѣстѣ болѣе сотни. Они выходили противъ ханскихъ гарцовниковъ, раздѣлившись на мелкія части, сперва втроемъ, потомъ вчетверомъ, потомъ вдвоемъ, а потомъ уже бросались дѣлою чатою.

Гарцовники, отступая, облетѣли весь лагерь издали, а между тѣмъ наступали новыя и новыя массы. Они ступали на горизонтѣ дѣлйи день и продолжали наступать по заходѣ солнца. Теплая и тихая ночь глухо звучала въ ушахъ осажденныхъ сотнями тысячъ голосовъ.

Чтобъ ободрить войско, князь Вишневецкій задалъ пиръ офицерамъ въ замѣѣ. Гости пили подъ звуки трубъ и литавръ. Пушки и мортиры гремѣли въ отвѣтъ на голоса, долетавшіе въ оконы съ поля. Вишневецкій вселялъ во всѣхъ бодрость и веселымъ видомъ, и своею рѣчью, которою наставлялъ младшихъ, какъ они должны дѣйствовать на умы прочихъ жолнеровъ... Уши! онъ указывалъ на самое безчестное и вредоносное для Польши дѣло Поляковъ, какъ на самое достохвадное и въ настоящемъ случаѣ вдохновительное: онъ пробуждалъ въ своихъ соратникахъ боевой энтузіазмъ двухлѣтнимъ сидѣніемъ польскихъ соотечественниковъ своихъ въ сердцѣ Россіи, Москвѣ, двухлѣтнимъ споромъ за нее съ Московскимъ Царствомъ. Воспитанникъ іезуитовъ: не нашелъ въ польской исторіи лучшей страницы и теперь, стоя мужественно противъ дикихъ рунниновъ, которые вторгнулись въ нѣдра цивилизованнаго государства, восхвалялъ такихъ же рунниновъ, терзавшихъ сосѣднее государство по указанію панскихъ шверетовъ. Римскою догмой своею, онъ побивалъ соотечественниковъ своихъ, въ конечномъ результатѣ больше, чѣмъ хитрые варяры — огнемъ и желѣзомъ.

Козаки и Татары расположились полукружіемъ, символическимъ строемъ послѣдователей Магомета, намекавшимъ на священный для нихъ полумѣсяцъ. Въ полдень слѣдующаго дня, затрепетавъ нашъ Хмѣль 30-ю гарматами своими, и необозримыя массы козако-татарскаго войска двинулись на приступъ, какъ бы съ намѣреніемъ растоптать осажденныхъ въ одинъ пріемъ. Они подняли страшный крикъ, которымъ козаки и Татары всегда сопровождали свои приступы. Но это была фальшивая атака: Хмельницкому надобно было только взвѣситъ силу панскаго отпора. Однакожь тѣхъ, которые не бывали въ бояхъ съ варварами и не знали, что большая часть хмельничанъ была вооружена дубьемъ, дикій крикъ необозримой толпы поразилъ ужасомъ. Участвовавшіе въ походѣ ксендзы вышли съ процессіей, давали всѣмъ желающимъ опрѣсночный сакраментъ и, по выраженію дневника, отрезвили боязливыхъ. Тѣмъ не менѣе густая пальба дѣлала свое дѣло.

„Въ этотъ день“ (говоритъ авторъ дневника) „у насъ въ лагерѣ было больше пуль, нежели во Львовскомъ повѣтѣ куряныхъ яицъ. Нѣкоторые изъ региментарей, видя прострѣленными свои палатки и множество падающихъ людей, начали было теряться; но князь Вишневецкій поддержалъ войско своимъ примѣромъ, такъ что Хмельницкій, общавшій хану почевать въ нашемъ лагерѣ, долженъ былъ отстунить со стыдомъ“.

Въ понедѣльникъ 12 (2) іюля подошли остальные козацкіе полки съ возовымъ таборомъ и расположились въ четверти мили отъ панскаго лагеря, занявъ цѣлую милю своимъ становищемъ.

Ночью насыпали козаки три шанца, вооруженные 40 пушками, и открыли пальбу на разсвѣтѣ. Но козацкіе пушкарѣ больше тремѣли, нежели вредили своему непріятелю. Хмѣль не успѣлъ набравать пушкарей, которыхъ бы стоило, по примѣру Царя Наливайка, приковывать къ пушкамъ.

Во вторникъ 13 (3) іюля начался общій приступъ, одинъ изъ самыхъ страшныхъ. Правое крыло, гдѣ стоялъ Вишневецкій, отразило нападающихъ скоро. Но лѣвое, напротивъ стоянокъ Фирлея, колебалось между гибелью и спасеніемъ. По словамъ дневника, региментарѣ совѣщались уже о бѣгствѣ въ замокъ (*consilia fugiendi uti sciebat de zamku*), и войско спаслось отъ паники только благодаря тому, что Вишневецкій, отразивъ у себя нападеніе, подкрѣпилъ во-время Фирлея. Съ величайшими усиліями удалось панамъ сбить хмельничанъ съ валовъ. Въ это время Маркъ Собѣскій высочилъ за валомъ съ отрядомъ конницы и ударилъ на бѣгущихъ сбоку. Множество коза-

ковъ, потонуло въ озерѣ; но кому посчастливилось выбраться на сушу, тѣ снова гдѣли на валы въ сабной завязтости.

Наконецъ Хмельницкій велѣлъ трубить отступление. Панскія хоругви преслѣдовали бѣгущихъ, взяли одинъ изъ козацкихъ панцевъ и овладѣли нѣсколькими прикладами, какъ называли козаки свои знамена и бунчуки.

Между тѣмъ со стороны восточнаго озера грозилъ панамъ великая опасность. Были тамъ еще недоконченные окопы съ весьма слабымъ прикрытіемъ. Ударилъ на нихъ полковникъ Бурлій, обойдя незамѣтно во время приступа правое крыло. Венгерская пѣхота, оборонявшая то мѣсто, началъ бѣжать, и Бурлій могъ бы оттуда вторгнуться въ становище Фирлея. Но опасность была замѣчена во-время. Приемскій убилъ собственноручно венгерскаго знаменника, выхватилъ у него знамя и повелъ пѣхоту на Бураіа. Козаки, вторгнувшіеся въ лагерь, были истреблены, и Бурлій отступилъ. Онъ отступилъ въ порядѣ, но ему было теперь трудно обойти цѣлое крыло панскаго лагеря, чтобы соединиться съ козацкими полками. Хмельницкій послалъ ему на выручку Морозѣнка съ козацкою конницею; но едва они сошлись, какъ заступила имъ дорогу дивизія Кенецпольскаго. Здѣсь Александръ Кенецпольскій смылъ съ себя пятно бѣгства изъ подъ Плявцевъ. Вѣрено бились козаки съ наномъ, на котораго Батько ихъ вваливалъ вину всего замѣнательства. Наконецъ Бурлій, знаменитый морскими походами своими, палъ вмѣстѣ со множествомъ товарищей своего пошуменія; а Морозѣнка выручили Татары.

Дорого стоили козакамъ ихъ завязтые приступы. Въ озерѣ потонуло ихъ столько, что осажденные не могли больше пользоваться рѣчной водою, и рыли себѣ колоды. Козацкій трупъ лежалъ мѣстами высотой въ человѣческую ростъ.

Героемъ этого страшнаго для пановъ дня былъ Вишневецкій: безъ него здѣсь повторилась бы Корсунщина. Съ самаго появленія своего подъ Збарашемъ и до конца грозной осады, онъ подвизался съ тѣмъ умѣньемъ возбуждать въ своихъ соратникахъ чувство чести или ярости, которое дѣлало невозможное возможнымъ и сверхчеловѣческое—обыкновеннымъ. За нимъ шли въ огонь тѣ хоругви, которыя поворачивали уже къ бѣгству. При немъ не страшно было умереть. Его слова, его движенія дѣйствовали на изнемогшихъ и отчаявшихся въ успѣхъ, какъ волшебство. Геройское безстрашіе и козацкая выносливость знаменитаго колонизатора отдаленнѣйшихъ малорусскихъ кустовъ дѣлали смѣлыми воинами шляхетныхъ трусовъ и превращали въ спартацевъ избѣженныхъ нанятъ. Теперь козаки перемѣнили свое

мѣніе о Ляхахъ, которые „уширають отъ страха“ при видѣ ихъ побратимовъ, Татаръ; а Татары перемѣнили мѣніе о „возацкомъ счастьѣ“ и о *фортуности* Козацкаго Батька, — тѣмъ болѣе, что въ это время надъ Припетью, между знаменитою по Наливайку, Рѣчицею и Петриковичами, литовское войско разбило полковника Кричевскаго, перебило и потопило въ Припети 28.000 козаковъ, а остальныхъ 5.000 держало въ тѣсной осадѣ.

Но въ опасныхъ бояхъ 13 іюля панн удостовѣрились, что въ такомъ обширномъ лагерѣ нельзя имъ оборониться. Опять принялись они за ремесло *могилятниковъ* поголовно, помогая въ работѣ рядовымъ жолнерамъ, пахолкамъ и сидѣвшимъ въ Збаражѣ мужикамъ. Съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня былъ у нихъ конченъ окопъ, надежнѣйшій прежняго. Они стѣснили свой лагерь почти на цѣлую треть противъ первоначальнаго расположенія: ту часть недоконченныхъ валовъ на лѣвомъ крылѣ, на которую всего сильнѣе напирала козакъ, оставили, а новый окопъ насыпали поближе въ линіи восточнаго озера. Хмельницкій не отважился на повтореніе вчерашняго приступа, боясь уронить себя окончательно во мнѣніи Татаръ, которые многолюдствомъ своимъ и страхомъ имени своего сдѣлали его Желтоводскимъ, Корсунскимъ и Пилявецкимъ побѣдителемъ. Его должна была смущать вѣсть о томъ, что его пріятель Кричевскій палъ въ Бѣлороссіи отъ полученной въ грудь раны, а предводимое имъ войско погибло. Блокада была болѣе вѣрнымъ и менѣе рискованнымъ дѣломъ. Хмельницкій началъ дѣлать къ ней приготовленія чрезвычайныя.

Прежде всего заперъ онъ панское становище и всѣ проходы, которыми осажденные могли бы отступить, или доставлять ночью кормъ для лошадей. Съ этою цѣлью занялъ онъ дорогу въ Жалозицкамъ и Вишневцу, а также села Базаринцы, Залужье и Старый Збаражъ. Потомъ построилъ 16 громаднхъ машинъ, называвшихся *гулей-городинами*, иваче *штурмами*, на подобіе подвижныхъ замковъ, на вѣшкахъ и колесахъ. Между нихъ двигались готовые мосты для перехода рва, длинныя лѣстницы и другіе снаряды для приступа. Напротивъ панскихъ окоповъ козакъ рыли поперечные рвы и прикрывали ихъ землею, такъ чтобъ оттуда можно было стрѣлять и дѣлать подкопы. Этимъ способомъ придвигались они всё ближе и ближе къ панскому лагерю, прикрываясь шанцами и защищая пальбою съ нихъ дальнѣйшую свою работу; наконецъ такъ близко подступили къ панскому реду, что могли слышать голоса осажденныхъ.

Во время такихъ приготовленій не переставалъ Хмельницкій штурмовать осажденныхъ ни днемъ, ни ночью. Но Татары вовсе не

рестали наступать и превратились въ зрителей бѣрыбы небольшого войска съ подавляющею массою. И было на что смотрѣть. По словамъ иилявецкихъ побѣдителей, въ збаражскихъ окопахъ сидѣли Тхоржевскіе да Заіончковскіе; на дѣлѣ же Татары видѣли тѣхъ Замойскихъ, Жовковскихъ, Ходковичей, Хмелецкихъ и Конецпольскихъ, которые были памятны ихъ отцамъ и имъ самимъ.

Ханъ Исламъ-Гирей началъ подумывать о выборѣ между воюющихъ сторонъ, и прислалъ съ этой цѣлью своего маршала, Сеферъ-Казы, къ Вишневецкому. Они съѣхались въ полѣ для переговоровъ. Вишневецкій увѣрялъ Татаръ, что козаки, опершись на ихъ помощь, отплатятъ за нее предательствомъ. Татары предлагали ему миръ, но князь отвергъ унижительныя условія мира (*marzatek hański perswadował racem, ale toby było nam infame*).

Между тѣмъ Хмельницкій велъ безуспѣшно подкопы подъ городъ, раскапывалъ гребли и пытался отнять у пановъ воду; а когда это не удалось, началъ раскапывать гребельки вверху, чтобы затонить панскій лагерь. Но козаки были такіе же плохіе гидравлики, какъ и пушкары. Свое безсиліе подкрѣпляли они крикомъ (*krzykiem siła nadrabiali*).

14 (4) іюля козацкіе полковники итурмовали стоянки Вишневецкаго. 16 (6)-го вѣчью былъ такой сильный приступъ, что Небаба и Гладкій потеряли, какъ записано въ дневникѣ, 3.000 народу. „Едва-едва не овладѣли козаки городомъ (*o mały włos nie mieli miasta*)“, писалъ авторъ дневника: „тогда бы отняли у насъ и городъ, и воду“. 17 (7-го) подошелъ къ городу отрядъ полковника Федоренка. Пользуясь утреннею мглою, перешелъ онъ валъ и уже началъ рубить частоколь, какъ поднялась въ стану и въ городѣ тревога. На звонъ колоколовъ и громъ пушекъ, двинулись отовсюду козаки къ Збаражу. Но мужественный полковникъ Корфъ, предводитель рейтаръ, отразилъ нападеніе.

Послѣ этого паны рѣшили — насыпать новые валы поближе къ городу. Мѣщане и мужики работали день и ночь. Военные люди помогали имъ ночью, а днемъ отражали приступы. Въ теченіе двухъ дней внутри лагеря появились высокіе валы.

18 (8) іюля козаки, по словамъ дневника, сдѣлались ласковѣе (*laskawszemi się stawili*): не очень сильно наступали, только осыпали князя Вишневецкаго бранью и угрозами (*tylko mu łajali a grozili*).

19 (9) іюля козаки цѣлый день стрѣляли изъ шанца, устроеннаго ими въ прежнихъ стоянкахъ Фирлея, а ночью двинулись на приступъ. Гуляй-городины пришли въ движеніе; козаки лѣзли на валы слѣпо. На стоянки Вишневецкаго напирали такъ бѣшено, что нѣво-

торые regimentары опять совѣщались о бѣгствѣ въ замокъ; но Вишневецкій не согласился на это ни подъ какимъ видомъ. Вдругъ пошелъ такой сильный дождь и сдѣлалась такая буря, что козаки были принуждены отступить. Вода залила шанцы, лилась ручьями въ прикрытые землю рвы, въ апроши, и скоро смѣшала все въ одну страшную лужу. Козаки съ трудомъ увезли свои гарматы и аммуницію, а гуляй-городины остались посреди пустаго пространства, затопленнаго мѣстами на 5 шаговъ глубины.

Козаки могли оставить при своихъ машинахъ только небольшое прикрытіе. Для Вишневецкаго это прикрытіе было препятствіемъ ничтожнымъ. Онъ выбралъ 500 жолнеровъ, послалъ ихъ съ зажигательными снарядами подъ гуляй-городины и самъ стоялъ съ обнаженною саблею, а къ regimentарямъ послалъ наказъ, „чтобы не думали о бѣгствѣ въ городъ“. Захваченные врасплохъ сторожа *штурмовъ* были вырѣзаны, и машины Хмельницкаго запылали, не смотря на продолжавшійся дождь. Конные козаки „погнали“ пѣшихъ на оборону *штурмовъ*, но всѣ усилія погасить огонь были напрасны.

Цѣлостъ лагеря въ этотъ опасный день жолнеры приписывали, во первыхъ, вмѣшательству Рапа Вога въ дѣла ортодоксальныхъ его поклонниковъ, а во вторыхъ—мужеству князя Вишневецкаго, который дѣлался у нихъ героемъ легендарнымъ.

Утромъ стали паны переходить въ уменьшенное становище. Хмельницкій тотчасъ же занялъ оставленные окопы, и въ наступившій вечеръ 20 (10) іюля сдѣлалъ къ свѣжимъ валамъ приступъ, который продолжался до поздней ночи. Темнота презрала нападеніе. Свѣтомъ осажденные увидѣли себя окруженными со всѣхъ сторонъ высокимъ валомъ, а пальба не позволяла имъ показываться на своемъ валу. Въ слѣдующее утро увидѣли они другой валъ, еще ближе къ лагерю. Татары густо стрѣляли изъ луковъ, а козаки засыпали панскій обозъ пулями, точно градомъ. Наконецъ Хмельницкій окружилъ пановъ и третьимъ валомъ, подѣлалъ кругомъ высокіе шанцы и сталъ подкапываться апрошами къ самому редуту своего непобѣдимаго непріятеля. Осажденные защищались кіями, каменьями, пращами и чѣмъ ни попало: они щадили порохъ для того, чтобы пасть не иначе, какъ съ оружіемъ въ рукахъ. Когда же начался огненный бой, хоругви въ дыму едва различали своихъ, и жолнерамъ, въ жару завязности, казалось, что пули отскакиваютъ отъ нихъ чудеснымъ способомъ (*nie to było wziąć po boku, po łbu, a nazad cudownym sposobem odlatywały kule bez szkody naszym*). Изъ пилявецкихъ трусовъ вдохновительный Байдичъ подѣлалъ козаковъ-характериковъ, которыхъ „не бра-

ла пуля". Еслибы въ нашу малорусскую семью не вползли изъ-за спины пріятелей Ляховъ ксендзы, теперь бы два талантливые Русича вели наши силы противъ общаго непріятеля, а не одну противъ другой; и никто изъ нихъ не носилъ бы на своемъ челѣ печати братоубійцы.

Въ теченіе десяти дней ежедневно и почти ежечасно происходили козацкіе приступы. Но чѣмъ сильнѣе напирали козаки, тѣмъ ближе представлялась панскому войску выручка. „Козаки потому такъ бѣшено рвутся въ окопы“ (говорилъ жолнерамъ Вишневецкій), „что приближается король. Еще немного твердости,—и мы помстимся надъ свирѣпыми врагами“. Такъ вызывалъ онъ въ своихъ соратникахъ одно чувство за другимъ, точно бойцовъ, смѣняемыхъ для отдыха. И дороже славы, заманчивѣе богатой добычи, сладостнѣе свиданія съ родными, желаннѣе всего на свѣтѣ—представлялось измученному войску чувство возмездія. Богиня Немезида, дочь Ночи, затмевала здѣсь бога Марса, сына блистающаго молніями Зевса и свѣтозарной Геры. Она была божествомъ справедливости, какъ понимаетъ справедливость воинъ. Но истощеніе физическихъ и нравственныхъ силъ доходило у жолнеровъ до крайности, зловѣщей предшественницы апатіи, которая погубила войско великаго Жовковскаго въ самомъ горестномъ и самомъ славномъ его походѣ.

Чтобы сколько-нибудь оправиться и сдѣлать новыя укрѣпленія, паны постановили войти съ Хмельницкимъ и съ ханомъ въ переговоры.

Съ козацкой стороны также чувствовалась надобность въ передохѣ. По извѣстію осаднаго дневника, весьма вѣроятному, у козаковъ подъ Збаражемъ погибло тысячъ 50 народу. Хотя козаки беспощадно гоняли окозаченныхъ мужиковъ на приступы, но собственные утраты ихъ болѣли, какъ и собственные раны. Передохъ былъ имъ нуженъ и для того, чтобы потомъ принести тѣмъ болѣе щедрю жертву воинской богинѣ справедливости, которой они поклонялись одинаково съ панами.

Сперва Хмельницкій отпустилъ панскаго трубача безъ отвѣта; но на другой день, передъ обѣдомъ, гарматы его умолкли, и съ козацкихъ шанцевъ раздался крикъ: „Угамуйте, не стреляйте, до й мы не бѣдемо“!

Хмельницкій пожелалъ видѣть Зацвилюховскаго, который нѣсколько времени былъ королевскимъ комиссаромъ у козаковъ, и котораго въ обычной челобитной царю о жалованьѣ называли они гетманомъ. Въ товарищи ему дали паны молодого Киселя, новгородсѣвскаго хорунжаго. Хмельницкій говорилъ много о своихъ личныхъ и козацкихъ обидахъ, которыя де вызвали все это кровопролитіе.

Переговоры кончились ничѣмъ; но достойны замѣчанія слова Козакаго Батька, обращенныя къ Зацвилховскому: „Казавъ я тобі, шановный пане, що пѣки будешъ у насъ комисаровати, пѣти Військо Запорѣзьке посѣдять, якъ за батьва; а тепѣрь що буде, Богъ тѣе знає“.

Потомъ онъ убѣждалъ Зацвилховскаго остаться у него, общая ему всякія почести (*wszelką obsewantium*). Но Зацвилховскій предпочелъ бѣдствовать съ панами.

Этой сценѣ предшествовала еще одна человѣчная черта козакопанской усобицы. Когда прекратилась обоюдная пальба, паны отправили въ козацкій таборъ трубача съ письмами, въ которыхъ убѣждали козаковъ къ примиренію во имя взаимныхъ выгодъ и чувства долга. Но взаимныя выгоды спутались уже въ нераспутываемый мотокъ взаимныхъ недоразумѣній и предубѣждений, а понятія о долгѣ совсѣмъ затмились. Московскому мечу предстояло положить конецъ козакопанской путаницѣ, а царской диктатурѣ—обратить и козака и пана на путь общественныхъ и государственныхъ обязанностей. Не смысла ничего такого и не проникая въ будущее разумніемъ прошедшаго, козаки остались глухи къ панскимъ убѣжденіямъ, но трубача панскаго приняли хорошо и наградили (*nasz trębacz dobrze przyjęty, udatowany*).

Въ числѣ людей, запутавшихъ свои счеты съ совѣстью и ставшихъ новыми злодѣйствами оправдать старыя, явился здѣсь передъ нами сынъ Хмельницкаго и предокъ Мазепы по душѣ, Выговскій. Покаместъ, онъ оправдывалъ свое сообщество съ козаками тѣмъ, что Хмельницкій выкупилъ его на Желтыхъ Водахъ у Татаръ „за одну кобылу“, да тѣмъ, что у него въ Кіевщинѣ есть отецъ, братья, сестры etc. и еслибы онъ измѣнилъ Хмельницкому, то Хмельницкій велѣлъ бы истребить все родство его. Но авторъ осаднаго дневника, называвшій себя „украинцемъ“, замѣтилъ, что важную роль въ его предательствѣ играетъ его образованность, или умъ, какъ тогда смѣшивали одно съ другимъ, и что этимъ преимуществомъ онъ приобрѣлъ между козаками значеніе (*jako zawsze był nie prostak, tak i teraz u nich swoją ma powagę*).

Панскіе переговоры съ ханомъ также не привели ни къ чему. Не хотѣлъ ханъ оставить козаковъ, какъ убѣждали его паны. Напротивъ, объявилъ, что держитъ въ рукахъ пановъ (*ma naz w garści*), что до сихъ поръ только шутилъ съ ними (*żartował*), а завтра (27 (17) іюля) вытащитъ всѣхъ ихъ за чубъ (*za łeb wszystkich wywlecze*).

Паны отвѣчали ему: „Кто придетъ за нашею головой, тотъ принесетъ и свою собственную“. Они поклялись лечь одинъ за другимъ.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ слѣдующій эпизодъ козакпанскаго передоха. Когда прекратилась обоюдная пальба, начался (пишетъ авторъ дневника, „украинецъ“) *congressus* нашихъ знакомыхъ со знакомыми козаками и пріятельскіе разговоры: (*roznowu przyjacielskie*). Обоюдное сожалѣніе (*compassio*), что христіанская кровь льется невинно. Нѣкоторые спрашивали о домашнихъ дѣлахъ, вышедши за самый валъ. Мы угощали ихъ табакомъ“.

Этотъ мимолетный рассказъ дѣлаетъ впечатлѣніе свѣжаго вѣтерка въ удушливомъ воздухѣ. Взаимная злоба была не такъ велика и не такъ всеобъемлюща, какъ это можно заключить по звѣрскому остревененію гайдамакъ, очутившихся на произволѣ своихъ дикихъ страстей. Кровавый пожаръ, раздуваемый, по признанію Киселя, восточнымъ и западнымъ вѣтромъ, утихалъ въ силу изнеможенія природы человѣческой, и наши православные предки вмѣстѣ съ предками полонизованныхъ Русичей залили бы его слезами своихъ женъ и дѣтей; но боги, сражавшіеся руками смертныхъ, въ ревнивомъ обладаніи своею землею, не вымали голосу челоуѣчества, и даже подъ громомъ раздѣлившейся на ся государственной арматы, продолжали свое губительное дѣло.

Въ панскомъ стану былъ смертельно раненъ капитанъ артиллеріи, то-есть одинъ изъ тѣхъ бойцовъ, которыхъ искусству осажденные всего больше были обязаны своею цѣлостью; но онъ, въ качествѣ протестанта, признавалъ только небснаго Бога, отрицая намѣстника его на землѣ. Министръ-капеланъ Фирлея, также протестанта, хотѣлъ напугать умирающаго война въ нежданную никому область, но ревнители единая паствы душъ челоуѣческихъ прегнали съ побоями изъ замка проповѣдника безразличной любви къ намъ небснаго Отца (*od naszych księży wybity i wygnany z zamku*), иишетъ „украинецъ“). Въ другое время вѣрный слуга князя Вишневецкаго палъ съ оружіемъ въ рукахъ, какъ подобало чествому воину, но онъ былъ аріанинъ, и потому, опровергнутый ессенсами, зарытъ въ самомъ валу, какъ пещь.

Во время переговоровъ почти не было приступовъ. Стрѣляли только съ шанцевъ и валовъ какъ бы въ знакъ непримиримости, а въ промежуткахъ пушечнаго грохота перебранивались и обмѣнивались насмѣнками.

Козаки *гукали*: „Чомъ, панове не загадуєте своимъ відданымъ жадной роботы? Осърікъ минае, літо сходитъ, а ще чинші та десяти-

на зъ бидла не выбрана. Воли жалібно мукають: хочуть на ярма-локъ до Вроцлава“.

— „Даемо вамъ пільгу въ работі“ (отвѣчали жолнеры), „та незабаромъ, на озвіаку тяжкої неволі, сыпатимете Вишневецькому грѣблю черезъ Дніпрѣ. Чинигъ не заляже: вибере ёго вѣйсько литовське. Десятини повывірають Татарѣ, и замісь бидла, живокъ та дѣтей вашихъ поженуть воли до Крыму“.

— „Та годі вамъ, панѣвс пручатись“ (кричали съ вала козаки): „тільки кунтуші покаляли та сорочки подрали, по шанцяхъ лязячи. Оце вамъ паробило очковѣ та панщина, та пересуды, та сухомельщина. Гарна въ васъ тоді була музыка, а теперъ ще краще заграли вамъ у дудку козаки“.

Но танцовали подъ козацкую дудку только тѣ, которые возвели на польскій престоль разстригу іезуита, да тѣ, которые вмѣстѣ съ нимъ отняли у князя Вишневецкаго диктатуру. Пока длились переговоры да перебранки, паны еще однажды съзвали свои укрѣпленія, и придвинулись непосредственно къ замку. Открытую часть города, которую рѣчка Гнѣзна отдѣляла отъ замка, укрѣпили валомъ и присоединили къ замку рвами и окопомъ. Насыпали также валы отъ Пригородва, который составлялъ лѣвое крыло, такъ что замокъ, стоя на челѣ лагера, заслонялъ весь городъ: ибо Подзамче и Пригородокъ принадлежали къ городу.

Между тѣмъ жолнеры захватили въ плѣнъ хорунжаго татарской гвардіи Хмельницкаго. Отъ него паны выпытали, что козаки боятся скорого прихода короля, о чемъ у нихъ разнесся слухъ, и потому употребляютъ крайнія мѣры, чтобы „кончить Ляховъ“; а съ другой стороны (говорилъ хорунжій) пришли вѣсти, что литовскія войска идутъ въ Украину; что козаки въ большой тревогѣ за своихъ женъ и дѣтей, а Хмельницкій убѣдилъ хана вызвать на переговоры главныхъ пановъ, съ тѣмъ чтобы оставить у себя въ неволѣ. По словамъ хорунжаго, самъ Хмѣль проговорился объ этомъ съпьяна.

Около того же времени 12 товарищей изъ-подъ разныхъ хоругвей князя Вишневецкаго, подкравшись къ непріятельскимъ валамъ, увидѣли троихъ козаковъ, играющихъ въ карты, двоихъ убили, а третьяго, Грицька изъ Чигирина, принадлежавшаго къ полку самого Хмельницкаго, привели къ Вишневецькому. По увѣренію Грицька Чигиринца, Хмельницкій хлопоталъ вовсе не о томъ, чтобы взять панскій лагерь: онъ только хотѣлъ вынудить у пановъ окунь. Говорилъ еще Чигиринецъ, что козаки боятся наступленія короля, что они боятся за своихъ женъ и дѣтей, которыхъ некому оборонить отъ Лит-

вы, такъ какъ сюда вышли всѣ поголовно, и что мужики начали по ночамъ бѣгать изъ табора. „Эта реляція“ (сказано въ дневникѣ „украинца“) „поддержала отчаявшійся духъ нашъ (и nas zdesperowane duchu polskie), и мы, какъ бы воскреснувъ, рѣшились наступать сильнѣе на непріятеля фортелями“.

30 (20) іюля, на разсвѣтѣ, начали паны переходить въ новый лагерь, оставивъ на старомъ валу по 15 человекъ изъ каждой хоругви. Не успѣли они занять и половины новаго укрѣпленія, какъ хмельничане пошли на приступъ. Пѣшіе панскіе пролжи обратились въ штурмующихъ, и такъ какъ у нихъ не было времени зарядить ружья, то дрались прикладами и холоднымъ оружіемъ, пока, съ великими потерями, отступили въ новые окопы къ самому замку.

Хмельницкій занялъ тотчасъ оставленное становище, поставилъ на валахъ пушки, и подъ защитой пальбы, въ три часа окружилъ панскій редутъ валомъ, наконецъ пришанцевался въ нему на 30 шаговъ. Чаше и чаще дѣлалъ онъ покушенія ворваться въ панскій лагерь; но всякій разъ его Перебійносы сталкивались въ лагерь съ Княземъ Яремою, съ этимъ шляхетскимъ характерникомъ, съ этимъ панскимъ козакомъ-невмиракою, котораго не брала никакая пуля, который ночевалъ подъ самимъ валомъ, появлялся впереди своихъ бойцовъ при всякой тревогѣ и прогонялъ козавовъ-пичальниковъ рукопашнымъ боемъ.

Вообще козацкіе приступы не отличались боевой силой и смѣлостью, а самого Хмеля никогда не видали въ бою. И у царя Нахичевана, въ десяти тысячномъ его таборѣ, Жовковскій насчитывалъ только 2.000 добрыхъ воиновъ. Пропорціоально столько же было ихъ и между козаками Хмельницкаго. Часто впереди наступающихъ козавовъ гнали рогатый скотъ, чтобъ обезсилить панскую пальбу; а во время самаго приступа козавы прикрывались мужиками, у которыхъ на груди висѣли торбы съ пескомъ. Торбоносцы были народъ, новашій между молота и наковальни. Еслибъ они вздумали бѣжать, ихъ ожидали козацкіе списы и татарскія лыки. Они лѣзли впередъ, замурявъ глаза, какъ обреченные на казнь, и часто, ереди крика, который поднимали козавы и Татары, умоляли пановъ пощадить ихъ отъ пальбы! „Чернь молила о милосердіи (plebs o miłosierdziu prosiabat), поднимаясь въ полное рабство“, доносилъ въ Варшаву Казимировскому съ похода королевскій сподвижникъ, и это было извѣстіе справедливое. О томъ, что козавы загонали на вербованныхъ мужиковъ на приступъ, говорится въ дневникахъ, какъ о дѣлѣ повседневноиъ. Для того, чтобъ вынудить у пановъ окупъ, не щадили несчастныхъ новобранцевъ:

Это было еще хуже со стороны Хмельницкаго, чѣмъ изъ-за своихъ обидъ броситься съ огнемъ и ножемъ на всю шляхту. Козаки-гомоники, составлявшіе только малую часть хмельничанъ, выручались и подъ Збаражемъ кровью пѣшихъ затыжцевъ, прозелитовъ козачины, какъ это было подъ Кумейками, гдѣ они натравили завзятыхъ на Потоцкаго, и убрались прочь за добра ума. Разница была только въ томъ, что они подстрекали мужиковъ къ бою не словами, а копьями.

Напрасно ханъ вызывалъ Вишневецкаго съ первенствующими панами на переговоры: осажденные видѣли въ этомъ злой умыселъ Хмельницкаго, который присовѣтовалъ хану захватить князя Ярему въ плѣнъ во время переговоровъ. Тогда Хмельницкій пытался подорвать осажденныхъ подкупомъ. Мысль эту подали ему перехваченныя письма Вишневецкаго къ королю. Чтобы сломить все еще бодрый духъ полководца, который въ его глазахъ стоилъ больше всего польскаго войска, Хмельницкій возвратилъ Вишневецкому письма съ посланцемъ, которому поручилъ всучить свой универсалъ Нѣмцамъ, которымъ обѣщалъ за измѣну большій жолдъ и подарки. Но Нѣмцы представили его универсалъ Вишневецкому.

Здѣсь выстувають передъ нами два рыцаря въ собственной характеристикѣ. Краткую записку, безъ подписи, съ перехваченными письмами, Хмельницкій адресовалъ князю, называя его своимъ пріятелемъ, хотя и не искреннимъ (*przyjacielowi naszemu choć niezyczliwemu oddać*); увѣдомлялъ князя, что посланцу его отсѣкли голову; увѣрялъ, что король скорѣе дождется къ себѣ козаковъ, чѣмъ осажденные — помощи его, и заключалъ удивленіемъ, что Вишневецкій не удовольствовался своимъ заднѣпровскимъ государствомъ, въ которомъ козаки хотѣли оставить его неприкосновеннымъ.

На грубіанскую и живую записку Вишневецкій отвѣчалъ приличнымъ письмомъ, въ которомъ называя своего непріятеля мостивымъ паномъ гетманомъ, удивлялся, откуда у него такое недоброжелательство, что и посланца его приказалъ убить, и къ нему самому не обратился съ письмомъ приличнымъ. Вспоминая о прошломъ (писалъ онъ), „Хмельницкій имѣлъ бы много причинъ благодарить его за милости и благодѣянія. Князь увѣщевалъ его опомниться, какъ доброжелатель Запорожскаго Войска отъ предковъ. Далѣе выражалъ увѣренность въ могуществовъ короля, и писалъ, что не всё донесенія осажденныхъ перехвачены“. „И это не хорошо“ (внушалъ онъ спокойно Хмельницкому), „что вы прислали универсалъ для возмущенія иноземнаго войска. Между ними большая часть такихъ, которые никогда не измѣнили“ (замѣчалъ онъ тономъ нравственнаго превосходства, и возвращалъ уни-

версаль, „какъ ненужный“). „Что вы въ моемъ заднѣпровскомъ владѣніи“ (писалъ онъ далѣе) „не допускали опустошенія, это вы сдѣлали по надлежащему: ибо оттуда Запорожское Войско получало много благодѣній, какъ отъ предковъ моихъ, такъ и отъ меня“. Въ заключеніе, Вишневецкій писалъ: „Не гнѣваюсь, что мои подданные пристали къ вашему войску: вѣроятно, были они къ тому приневолены (*musieli podobno*); но прошу не держать ихъ при себѣ, а отправить домой, за что я, въ свое время, буду благодаренъ“, и подписался доброжелательнымъ пріятелемъ (*życzliwy przyjaciel* Her. Xże na Wiśniowcu i Lubniach, wojewoda ruskі).

Теперь наступили для осажденных такіе дни, что всѣ ихъ предшествовавшіе опасности, труды и бѣдствія показались имъ только началомъ борьбы за свою жизнь и за воинскую честь. Въ распоряженіяхъ козацкаго гетмана была замѣтна лихорадочная поспѣшность, а въ козацкихъ таборахъ—необычайная суетливость. Начиная съ 1 августа, приступъ, можно сказать, не прерывался въ теченіе нѣсколькихъ сутокъ. Шанцы Хмельницкаго стояли всего въ 30 шагахъ отъ панскаго вала. День и ночь козакъ безпрестанно стрѣляли изъ своихъ, правда, не очень мѣткихъ гарматъ и весьма мѣткихъ „семипядныхъ“ пищалей, а на разсвѣтъ, въ полдень и въ полночь штурмовали валы. Всякій разъ на приступъ ходили новые, подпоенные горілкою полки, при звукахъ трубъ, съ пѣснями и восклицаніями. Татары гнали передъ собою чернь и крикомъ *Аллахъ!* и придавали козакамъ смѣлости. Тогда-то были воровавою дѣйствительностью дошедшія до насъ кобзарскія думы, въ которыхъ пьяный и оныяняющій Хмель хвалился своею завзятостью:

Та, ще й Орду за, собдою веду,
А все, вражі Ляхи, та на вашу біду.

Отъ многочисленныхъ сытыхъ и пьяныхъ полчищъ панскіе окопы защищала, можно сказать, горсть невыспавшихся, голодныхъ и оборванныхъ воиновъ. Малорусская исторіографія* въ осадномъ сидѣніи подъ Збаржемъ не хочетъ призвать за панами превосходство мужества. Она безчестно называетъ героев загнанными въ окопы трусами, для которыхъ бѣгство было невозможнымъ. Она съ рабскою насмѣшливостью представляетъ воинственность осажденных однимъ браверствомъ. „Пускай-де скажутъ о насъ: Ай да Поляки!“ *) И одна-

*) Бостомаровъ, „Богданъ Хмельницкій“, изд. 4, стр. 106.

кожь, этихъ трусовъ, этихъ тщетлавныхъ самохваловъ не могло ни взять живьемъ, ни перебить и перестрѣлять стотысячное козацкое войско, вспомошествоемое всѣми татарскими ордами. Одного этого факта достаточно, чтобы всяческая враждебность къ войнамъ-колонизаторамъ исчезла въ благородномъ (у кого оно есть) чувствѣ удивленія къ ихъ доблестямъ въ борьбѣ съ тѣми, которые, какъ у насъ пишутъ, возстали за свою вѣру, за свою честь, за свое имущество, за свою жизнь, и которыхъ Татары подгоняли къ приступамъ нагайками. Еслибы въ какомъ-нибудь новомъ ордынскомъ нашествіи погибли всѣ документы польскорусской дѣятельности и уцѣлѣли только свидѣтельства о збаражской осадѣ, то въ отдаленномъ будущемъ по этимъ свидѣтельствамъ безпристрастный историкъ заявилъ бы вѣкамъ грядущимъ, что былъ на свѣтѣ народъ, выработавшій на чемъ-то величавую твердость духа и благородное самопожертвованіе.

На густую козацкую пальбу отвѣчали уныло замковыя пушки. Но за то у панскихъ пушкарей не пропадалъ ни одинъ выстрѣлъ, тогда какъ гарматы козацкіе часто ревѣли попусту. Въ числѣ панскихъ стрѣлковъ прославился въ это время одинъ изъ новорожденныхъ въ малорусскомъ Переяславѣ іезуитовъ, ксендзь Муховецкій, котораго авторъ осаднаго дневника называетъ „нашимъ украинцемъ изъ Переяславскаго коллегіума“. Въ Збаражскомъ Пригородкѣ стояла дубовая башня. Съ этой башни стрѣлялъ онъ изъ своей рупницы-*гулдынки* и, по общему свидѣтельству, въ теченіе осады убилъ 250 козаковъ. Но и прославленная гулдынка должна была скоро умолкнуть: у пановъ оставалось аммуниціи уже только на шесть дней. Въ темныя ночи бросали они съ валовъ пылающія мазницы и возовыя оси, чтобы освѣтить крадущихся козаковъ. Старые жолнеры говорили, что ни въ какой войнѣ не дѣлали того, что повыдумали теперь Фирлей да Вишневецкій.

Въ среду 4 августа стали говорить въ панскомъ лагерѣ, что Хмѣль двинулся куда-то съ частью своего войска. Предполагая, что онъ пошелъ для отраженія короля, князь Вишневецкій въ четвергъ, 5 августа, сдѣлалъ смѣлую вылазку, чтобы въ этомъ удостовѣриться. Но вылазка доставила панамъ только 16 козацкихъ прикметъ. Захваченные вмѣстѣ съ тѣмъ языки говорили, что Хмѣль опечаленъ потерю полковника Фодоренка, котораго застрѣлилъ недавно ксендзь Муховецкій, когда онъ подводил мину подъ губительную башню, и что за это хочетъ онъ ударить ночью пановъ всѣми своими силами. Паны приготовились къ ночной битвѣ; однаковъ, ночь прошла безъ тревоги.

Въ пятницу, 6 августа (27 іюля), въ день любимаго козацкаго святого, Пал'я, на разсвѣтѣ, Хмельницкій сдѣлалъ общій приступъ со всѣхъ сторонъ. Напирали въ особенности на стоянки Остророга. Появились новыя гулай-городины, изъ которыхъ каждую везли на каткахъ 15 человекъ. Появилось 400 лѣстницъ, переплетенныхъ лозой для подъемныхъ мостовъ черезъ рвы; каждую тащили на колесахъ 20 козаковъ. Начался рукопашный бой, какъ потому, что у пановъ мало было пороху, такъ и потому, что сабля была шляхетскимъ оружіемъ по преимуществу. „Труссы Поляки“ выдержали этотъ бой въ теченіе трехъ часовъ, подъ прикрытіемъ пушекъ, заряжаемыхъ уже, можно сказать, послѣдними зарядами. Панская конница вышла за валы, и врѣзывалась въ подвигающіяся массы. Это была та конница, которую хорошо помнили Кумсйки, Сула, Старець-Давіпръ: одушевлялъ ее бурный духъ Князя Яремы. Во рвахъ и на мѣстѣ схватки лежали груды труповъ на высоту копыя. Не безъ того, что дневники знаменитаго осаднаго сидѣнья и преувеличивали подвиги шляхетныхъ бойцовъ; но Хмѣль истощилъ здѣсь послѣднія средства къ возбужденію своей орды, и долженъ былъ отступить, чтобы его мнимая сила не перешла въ явное безсиліе. Маскируя свою неудачу, онъ штурмовалъ панскій редутъ въ полдень и въ полночь опять, но уже съ меньшимъ жаромъ.

Это были послѣднія усилія Хмельницкаго подавить многолюдствомъ тѣхъ воиновъ, о которыхъ козаки пѣли среди новыхъ малорусскихъ пустынь, что *Ляхъ відъ страху вмірде*, давая камертонъ самохвальства будущимъ грамотѣямъ своимъ. Теперь онъ рѣшился доконать пановъ безпрестанной стрѣльбой да голодомъ, который уже чувствовался въ ихъ стану.

Въ теченіе сутокъ насыпали козаки 15 шанцевъ, высотой въ два копыя. На шанцахъ поставили изъ своихъ гулай-городинъ башни, а на башняхъ укрѣпили лѣстницы, въ видѣ заборовъ такъ высоко, что изъ-за нихъ было удобно стрѣлять въ панскій лагерь. Шанцы были снабжены пушками и обсажены лучшими стрѣлками. Въ одномъ изъ дневниковъ этой осады, по истинѣ славной для пановъ и позорной для козаковъ, записано:

„Подъ каждую хоругвию ежедневно убивали не меньше 10 человекъ. Братъ не смѣлъ спасать брата. Гдѣ кто былъ раненъ, тамъ и лежалъ подъ градомъ пуль до самой ночи; а гдѣ кто легъ убитый, тамъ его ночью и хоронили“.

Паны были принуждены оставить въ окопахъ возы и перейти въ замокъ, чтобы тамъ быть ваготовѣ всякій разъ выбѣгать на оборону валовъ и табора.

Посреди такой борьбы, замѣтили они 8 августа, съ великимъ удивленіемъ, что козацкій таборъ снимается съ мѣста и передвигается къ Старому Збаражу, гдѣ стояла каменная церковь, построенная еще православными князьями Збаражскими. Ночью передвинулся туда весь таборъ, а палатки хана и козацкаго гетмана, стоявшія въ четверти мили отъ панскаго лагеря, разбились подъ старымъ замкомъ, на противъ ставокъ Вишневецкаго.

Въ теченіе слѣдующихъ четырехъ дней шелъ проливной дождь. Военныя дѣйствія приостановились. 13 (3) августа въ стану осаждающихъ сдѣлалось необычайное движеніе. Толпы черви валили отъ окоповъ въ табору, какъ бы для насыпки шанцевъ. Остатокъ табора передвинулся къ старому замку.

Въ панскомъ стану разнеслась радостная вѣсть, что подкрѣпленія стоятъ уже въ Жалощинцахъ, въ трехъ миляхъ отъ Збаража, и что непріятель намѣренъ ошанцеваться у себя въ тылу. На другой день распущенъ былъ слухъ, что Хмельницкій двинулся со всѣми силами оборонять отъ короля переправу въ одной только милѣ отъ Збаража. Затрубили въ трубы; ударили въ бубны. Встревоженные козаки начали густо стрѣлять изъ пушекъ.

Въ козацкомъ таборѣ происходило что-то загадочное. Видать было гетманскіе палатки и бунчуки: знакъ, что Хмельницкій находился въ таборѣ. Между тѣмъ пушки молчали, точно ихъ вовсе не было. Козацкіе полки куда-то дѣвались. Изъ шанцевъ стрѣляли только изъ рѣдкв. Едва мѣстами было видать понемногу орды и мужиковъ, которые подкапывались подъ панскіе валы и сражались цѣпами да пращами.

День проходилъ за днемъ. Процессъ загона мужиковъ на битву продолжался даже и тогда, когда пушечное ядро падало въ толпу загонщиковъ. „Mocno zaganiaci szeregú ku taborowi“ (писалъ въ дневникѣ „украинецъ“). Незвѣстность томила пановъ больше, чѣмъ приступы черни, больше, чѣмъ ея подкопы подъ возы и голодь, который появился въ лагерѣ. Ночи проводили жолнеры, равно, какъ и осаждающіе, то въ пріятельскихъ бесѣдахъ съ осаждающими, то въ перебранкѣ. Козаки страшали жолнеровъ, что ихъ товарищи облегли короля, а жолнеры козаковъ—тѣмъ, что король бьетъ въ это время ихъ товарищей. „Ночью“ (пишетъ „украинецъ“) „умолкала битва (silent arma), зато собачій роть (psia gęba) говорилъ, что взбредеть на языкъ, грозя продавать Ордѣ жолнеровъ „по шагѣви“ (по грошу). Но ни въ одномъ дневникѣ не записано, чтобы psia gęba касалась лашскаго и жидовскаго ругательства надъ церковью и вѣрою.

Козаки сами не знали, что дѣлается съ тѣми, которые куда-то двинулись. Наконецъ стали къ нимъ возвращаться походные возы съ ранеными. Тогда всѣ увидѣли, что идетъ сильная битва; узнали, что бьются подъ Зборовымъ, но кто кого побиваетъ, оставалось тайною; и тѣ полки, которые не вѣрили въ счастье Хмельницкаго, отказывались идти къ нему на помощь (*chyba ci zostaja, co nie wierza, żeby króla obleżono*).

Наибольшую силу своего разбойнаго генія проявилъ Хмельницкій въ томъ, что счумѣлъ прервать всякое сообщеніе между осажденными подъ Збаражемъ и королемъ, котораго они метерѣливо ждали къ себѣ на помощь. Еще 12 (2) іюля Ляндкоронскій писалъ къ полковнику Минору, едва владѣя перомъ (такъ у него болѣли руки отъ земляной работы): „Если не прибудешь съ королемъ скоро, то вступишь на похоронныя милой братіи и собственныхъ сгноивей твоихъ“. Между тѣмъ ни къ Минору и ни къ кому изъ окружавшихъ короля не пришло никакой вѣсти о томъ, что дѣлается въ польскихъ Фермопилахъ. Хмельницкій до такой степени сжалъ подъ Збаражемъ и козацкую, и татарскую орду, что не выпустилъ за сторожевую цѣпь ни одного загона. О его силахъ Янъ Казимиръ узналъ только тогда, когда съ ними неожиданно столкнулся.

Поляки до сихъ поръ не могутъ объяснить поведеніе своего короля и канцлера. Оба они сошли въ могилу заподозрѣнные въ предательствѣ, какъ люди, умышлявшіе на Шляхетскій Народъ вмѣстѣ съ козаками. Но въ чемъ именно состояло предательство, никто не объяснилъ.

Будучи еще королевичемъ, Янъ Казимиръ не стѣсняясь говаривалъ, что ему пріятнѣе смотрѣть на пса, чѣмъ на Поляка. Въ этомъ козаки ему сочувствовали. За одно это могли они подарить ему корону. Въ одномъ этомъ позволительно видѣть причину злорадства, съ какимъ, повидимому, узнавалъ король о занадѣ, въ которой очутился ненавистный ему Вишневецкій.

Что касается Оссолинскаго, то онъ служилъ съ одинаковымъ чувствомъ и самому благому, и самому злому дѣлу, если оно соответствовало тѣмъ цѣлямъ, которыя, по его іезуитскому воззрѣнію, были великими. На Владиславѣ IV онъ испыталъ, какъ выгодно быть „простою глиною“ въ рукахъ неужьлаго короля. Былъ канцлеромъ при такомъ безпутномъ потентатѣ, какъ Янъ Казимиръ, вначило—заручиться его нравственною отвѣтственностью за всѣ свои внушенія. Такъ поступилъ онъ, стоя съ королемъ подъ Замостьемъ, гдѣ умылъ начисто руки въ томъ, чтобы когда-либо не соглашался на посполи-

тое рушеніе, которое тормазилъ изъ-за спины своего повелителя. Не могъ онъ простить своимъ соотечественникамъ упорства, съ какимъ они возстали противъ реформы, которая, очевидно, таилась въ изобрѣтенномъ имъ рыцарскомъ ордѣнѣ. За низведенія съ высоты, на которую мѣтилъ онъ этимъ замысломъ, онъ былъ готовъ отплатить имъ общимъ униженіемъ, а между тѣмъ надѣялся подняться на высоту власти со стороны противоположной.

Такъ ли оно было, или нѣтъ, никто не можетъ утверждать послѣ утайки достойнымъ ученикомъ іезуитовъ руководящей нити къ разъясненію начала Хмельнитчины. Но поведение короля и канцлера современные намъ Поляки находятъ болѣе нежели страннымъ.

Король выѣхалъ изъ Варшавы 24 (14) іюня и прибылъ въ Люблинъ 3 іюля, за недѣлю до появленія подъ Збаражемъ козако-татарскаго авангарда. Онъ зналъ, что и султанъ, и ханъ обязались помогать Хмельницеому; зналъ, какими силами располагаетъ опасный бунтовщикъ, но не выдалъ третьихъ *вицей* на посполитое рушеніе. Ограничился только тѣмъ, что стянулъ въ Люблинъ остатокъ чужеземнаго войска, котораго въ запасъ было еще 2.000, а короннымъ панамъ велѣлъ привести ихъ надворныя дружины. Такого вооруженія, по его мнѣнію, было достаточно.

Если не предполагать въ этомъ злаго умысла, то „благородный умъ“ панскаго избранника оказался въ настоящемъ случаѣ ниже всякой оцѣнки. Янъ Казимиръ надѣялся побѣдить Хмельницкаго еще болѣе недѣйствительнымъ способомъ, чѣмъ тотъ, который былъ панамъ преподанъ миротворцемъ Киселемъ.

Одинъ изъ товарищей Хмельницкаго по бунту, шляхтичъ Забугскій, передался къ панамъ, и король держалъ его при своей особѣ съ тѣмъ, чтобы смутить Хмельницкаго своимъ появленіемъ на театрѣ войны, низложить его среди Запорожскаго Войска и вручить булаву козацкому измѣннику.

Судя по поступкамъ королевскаго агента Смаровскаго и даже по тому; какъ распорядился съ нимъ ежедневно и ежечасно мнѣявшійся Хмѣль, Поляки думаютъ, что дворъ имѣлъ сношенія съ нѣкоторыми козацкими полковниками; а что многіе изъ нихъ были готовы, подобно Забугскому, предать Козацкаго Батька, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія: Они могли и общать Яну Казимиру торжественную сцену низложенія „русскаго единовладника и самодержца“, столь же имъ противнаго, какъ противна была панамъ всякая диктатура. Но Итальянцы сложили мудрую пословицу: „dal detto al fatto v'è un gran

tratto“ *). А время между тѣмъ уходило, и новой арміи угрожала участь погибшей подъ Корсунемъ. Въ этомъ есть что-то недосказанное польской историографіей: чувствуется какая-то утайка отъ исторіи.

Яну Казимиру въ Люблинѣ, пожалуй, могъ присниться сонъ Владислава IV. Венеціанскій посолъ Контарини увѣдомилъ его о странномъ пораженіи Турокъ и сялонялъ, точно второй Тьеполо, къ Турецкой войнѣ. Янъ Казимиръ могъ вообразить козаковъ своимъ авангардомъ, Татаръ — аррьергардомъ, а Марія Гонзага, съ которой онъ разыгрывалъ передъ публикой влюбленную чету, посадила бы его на престолъ Палеологовъ такъ же успѣшно, какъ готова была посадить и перваго супруга. Кто ошибался въ Хмельницкомъ еще грубѣ Владислава, въ томъ позволительно предполагать самыя дикія мечтанія.

Янъ Казимиръ сидѣлъ да сидѣлъ въ Люблинѣ, а дни за днями уходили да уходили, и каждый изъ нихъ уносилъ изъ міра живыхъ цвѣтъ польскорусскаго воинства подъ Збаражемъ. Объ этомъ король не зналъ, а, пожалуй, и не хотѣлъ знать. Если одному воспитаннику іезуитовъ, для какой-то, безъ сомнѣнія, благой въ его мысляхъ цѣли, было позволительно обнажить мечъ среди законодателей Польши; то другому, для такой же, или даже лучшей цѣли, не вмѣнялось въ непростительный грѣхъ погубить представителей исполнительной власти, и тѣмъ очистить себѣ козакотатарскій путь къ обладанію Востокомъ. Политическое разращеніе Польши шло crescendo, какъ смертоносный недугъ, а Янъ Казимиръ, въ этомъ смыслѣ, не оставался ни у кого позади.

Наконецъ было получено громкое извѣстіе, что Збаражъ обложенъ козакотатарскими ордами. У короля набралось всего 7000 жолнеровъ, да было у него три ничтожныя пушки. Великій монархъ повелѣлъ литовскому полевому гетману, Янушу Радивилу, немедленно двинуться въ Украину и овладѣть „козакцимъ гнѣздомъ“, Кіевомъ, а съ своей стороны обѣщавъ ему поспѣшить подъ Збаражъ и занимать бунтовщика увеличенными силами.

Казалось бы, надлежало немедленно объявить посполитое руженіе; но король третьей оповѣсткой отсрочилъ его на 11 августа и потребовалъ къ себѣ немедленно посполитаковъ только трехъ воеводствъ: Русскаго, Бельзскаго и Люблинскаго, потребовалъ русскихъ, но не польскихъ землевладѣльцевъ.

*) Отъ сказаннаго до сдѣланнаго большое разстояніе.

17-іюля, въ то время когда въ густой утренней мглѣ воежи рубяли частоколь и едва не овладѣли Збаражемъ, двинулся король изъ Люблина, предоставивъ главное начальство надъ войскомъ канцлеру Оссолинскому, причѣмъ возвелъ его, къ огорченію военныхъ людей, въ званіе генералиссимуса; что опять говоритъ изучающему исторію—или о крайней глупости Яна Казимира, или о чѣмъ-то похуже.

21 іюля послѣ того, какъ проливной дождь, вмѣстѣ съ бурей, „какъ бы чудомъ“, спасъ осажденныхъ отъ гибели, остановился король подъ Замостьемъ. Никакой вѣсти не приходило къ нему изъ-подъ Збаража. Разосланныхъ шпионовъ нельзя было заставить никакими наградами дойти до самаго Збаража. Характерникъ Хмѣль очертилъ себя громаднымъ кругомъ, и на всемъ его пространствѣ сдѣлалъ Волынь для короля нѣмою, какъ были нѣмы для Николая Потоцкаго Дикія Поля.

Про королевскій походъ одинъ изъ приближенныхъ къ королю писалъ къ министру двора, Казановскому, что денегъ на regimentъ королевской гвардіи, на Нѣмцевъ поморскаго воеводы, Вейера, и на фурмановъ „не дають“; что въ переходахъ—неурядица: „смѣхъ и только“!... и, наконецъ, что шляхта, прибывшая въ Замостье, мѣтитъ отчасти уйти къ Вислѣ (*drudzy się ku Wisle mają*). Были и такіе, которые представляли короля бдительнымъ и дѣтельнымъ вождемъ, не щадившимъ себя въ походѣ; но эти хвалы уничтожаются ихъ же похвалою, что онъ отправляетъ не только королевскія обязанности (*mużnia*), но и гетманскія: отсюда-то и выходилъ „только смѣхъ“.

Войска все еще было не больше 7.000, съ тремя жалкими пушками. Пришло извѣстіе, что вмѣстѣ съ Хмельницкимъ воюеть и ханъ; но этому не вполнѣ вѣрили. Все-таки убѣдили короля потребовать къ себѣ посполитаковъ немедленно. Но посполитаки замедляли королевскій походъ поджиданіемъ замѣшкавшихся дома, а тѣ, въ свою очередь, „спѣшили медленно“, полагая, что дѣло кончится одними сборами.

Вѣсти продолжали приходять въ медлительному войску, но не согласовались между собой. Однѣ говорили, что Вишневецкій сдѣлалъ вылазку и положилъ трупомъ 40.000 козаковъ; другія, что ханъ прибылъ къ нимъ съ 20.000 Татаръ. Наконецъ, и привезенный въ Сокачъ шляхтичъ, очевидецъ трехъ приступовъ подъ Збаражемъ, не могъ сказать ничего вѣрнаго ни о ханѣ, ни о числѣ Татаръ. Въ тотъ же день привели двухъ Ногайцевъ, но они оказались крайне глупыми и могли только сказать, что вся Орда воюеть вмѣстѣ съ Хмельницкимъ.

Черезъ нѣсколько дней, когда король стоялъ подъ Сокалемъ; привели лучшихъ языковъ, которые показали, что ханъ подъ Збаражемъ, что казаки подвигаются подъ обѣи и приюпались такъ близко, что съ вала на вѣль долетѣлъ бы брошенный камень.

На основаніи этихъ вѣстей, король созвалъ тайный военный совѣтъ въ сокальскомъ монастырѣ Бернардиновъ, для рѣшенія вопроса: дожидаться ли здѣсь посполитаго рушенія, или идти далѣе? Всѣ были того мнѣнія, что идти на выручку съ малочисленнымъ войскомъ крайне опасно; но король постановилъ — идти: не вѣрилъ онъ, чтобъ у Хмельницкаго было много Татаръ, такъ какъ не видать нигдѣ загоновъ; а канцлеръ-генералиссимусъ пророчилъ, что одинъ слухъ о прибытіи короля поразить бунтовщиковъ, и русскіе города вышлютъ къ нему посланцовъ съ покорностью. Изъ Литвы доносили, какъ о фактѣ вѣрномъ, что князь Радивилъ идетъ съ литовскимъ войскомъ къ Киеву, и уже спустилъ по Днѣпру байдаками пѣхоту. Извѣстія, добываемыя отъ плѣнниковъ, становились все благопріятнѣе. Хотя нѣкоторые увѣряли, что ханъ со всѣми ордами находится подъ Збаражемъ, но имъ не вѣрили: всѣмъ хотѣлось вѣрить, что Татары вернулись помогать султану, а Хмѣль будетъ просить о помилованіи. На бѣду, привели еще казака, который показалъ, что у Хмельницкаго войска *немного*, и что всѣ казаки въ тревогѣ отъ слуховъ о походѣ Радивила. Король и его генералиссимусъ торжествовали, превзойдя одинъ другаго въ пониманіи дѣла.

Такъ уходилъ день за днемъ. Вѣсти становились все многочисленнѣе и между собой несогласнѣе. Король продолжалъ медлительный походъ; но всѣ подумывали: не лучше ли было бы вернуться на свои слѣды?

Хмельницкій держалъ казацкія и татарскія орды точно какъ бы въ блокадѣ; отпускалъ Татарамъ кормъ изъ собственного табора, а тѣмъ чатамъ, которыми себя окружилъ, какъ цѣпью, не дозволилъ никакихъ сношеній съ главнымъ своимъ войскомъ и таборомъ подъ Збаражемъ. Немало помогла ему въ его замыслѣ и ненависть мѣстныхъ мужиковъ къ жолнерамъ. Мало того, что нельзя было добыть у нихъ никакого извѣстія, они окружали королевское войско постояннымъ предательствомъ. Привозя съѣстные припасы въ лагерь, мужики развѣдывали обо всемъ, что можно было узнать, и тотчасъ увѣдомляли козаковъ. Въ случаѣ подозрѣнія и улыки въ шпіонствѣ, они терпѣли всякій муки, но Лахамъ правды не отыскивали. Волынская почва была подготовлена для Хмельничины Босиациной и Наливайчиной, такъ

точно какъ украинская—Жмайловщиной, Тарасовщиной и Павлюковщиной.

Наконецъ, подъ Топоровымъ явился въ королевскихъ палаткахъ попрошайка, худой, до крайности изнуренный, и подалъ нисѣма отъ полководцевъ изъ-подъ Збаража. Это былъ отважный панцырный товарищъ, Янъ Скршетускій, посланный Фирлеемъ къ королю. Переправясь ночью черезъ озеро, залегалъ онъ въ камышѣ, ползая въ заросляхъ, бродилъ *мановцями*, тонулъ въ болотахъ, и такимъ образомъ ускользнулъ отъ соглядатаевъ Хмельницкаго.

Осажденные писали, что уже обороняются въ городѣ и замкѣ, питаются конскимъ мясомъ, половина лошадей околѣла у нихъ, пороху хватаетъ не больше какъ на три дня, а множество жолнеровъ умираетъ отъ одной бессонницы. Они просили помощи и увѣдомляли, что больше трехъ дней не выдержать. Къ этому прибавляли, что на честный миръ нѣтъ никакой надежды (*honestae pacis nulla spes*), и что Хмѣль намѣренъ быть обладателемъ всей Польши. Поэтому молили объ одной милости: прислать имъ пороху, чтобы, въ случаѣ если помощь опоздаетъ, они могли пасть, какъ подобаетъ воинамъ съ оружіемъ въ рукахъ.

Въ этихъ послѣднихъ словахъ намъ слышится голосъ Вишневецкаго, голосъ его предковъ Русичей: „Станемъ крѣпко, не посраимъ Земли Русской. Мертвые срама не имутъ. Лучше быть изрубленными, нежели полоненными“. Рѣшимостью пасть съ оружіемъ въ рукахъ, пилявецкіе бѣглецы смыли съ себя пятно, наложенное на нихъ двусмысленными совѣтами Киселей, и одно то, что между ними были Скршетускіе, возвышаетъ ихъ національное достоинство въ нашемъ русскомъ возрѣніи, какъ бы они ни называли свою націю.

Это было послѣднее, уже не повторившееся извѣстіе о Збаржѣ. У короля, во время его медлительнаго похода, войско выросло до 25,000. Но сравнительно съ козакотатарскою силою, которую открылъ ему великодушный панцырный товарищъ, 25.000 сборной дружины представляли силу ничтожную.

Есть основаніе думать, что король не рѣшился сперва идти впередъ и хотѣлъ было отступить. Прямой путь къ Збаражу лежалъ ему на Броды. Въмѣсто Бродъ, король пошелъ подъ Бѣлый Камень. Тамъ войско простояло четыре дня по причинѣ постоянной слякоти. Во время остановки, мысли Яна Казимира, или Оссолинскаго, перемѣнились. Это видно изъ универсаловъ, разосланныхъ къ мужикамъ, чтобы они оставили Хмельницкаго. Король обѣщалъ имъ прощеніе, милости и прежнія вольности. Такіе же универсалы были разосланы и по горо-

дамъ. Премудрый канцлеръ вмѣстѣ съ премудрымъ королемъ сулили разкозакоставшейся черни журавля въ небѣ, который не стоялъ ни одной изъ синицъ, попадавшихъ въ ея руки по милости Козацкаго Батька. Они прощали тѣ преступленія, за которыя Хмѣль награждалъ. Они обѣщали какія-то прежнія вольности, не гарантируя ничѣмъ обѣщанія, тогда какъ вольности козацкія были обезпечены повсемѣстнымъ изгнаніемъ пановъ изъ ихъ жилищъ и самимъ истребленіемъ ихъ замковъ и домовъ.

Еще несообразнѣе съ положеніемъ дѣлъ было торжественное низложеніе подъ Бѣлымъ Камнемъ Хмельницкаго и провозглашеніе гетманомъ Запорожскаго Войска Забугскаго, со врученіемъ ему гетманской булавы. Малорусская наша пословица гласитъ: „до булавы трѣба головъ“, а кто ее самъ не имѣетъ, тотъ и въ другихъ не видитъ. Скупая на талантливныя головы фортуна удѣлила ихъ въ это время всей Польшѣ и всей Польской Руси только двѣ: одна продолжала удерживать за панами Збаражъ какъ бы сверхъестественною силою; другая двинулась навстрѣчу королю совершенно для него невѣдомо.

Король и его генералиссимусъ рѣшились идти подъ Збаражъ: рѣшимость благородная; но она произошла не изъ того источника, на который, по окончаніи войны, указывалъ во Львовѣ королевскій духовникъ и проповѣдникъ, Цѣблинскій. Онъ увѣрялъ собранное въ іезуитскомъ костелѣ зборовское и збаражское рыцарство, будто бы Янъ Казимиръ и Оссолинскій предпочли явную гибель тѣмъ подозрѣніямъ, которыя на нихъ таготѣли по извѣсту злыхъ языковъ, и при этомъ поставилъ ихъ на одной высотѣ съ Вишневецкимъ. Здѣсь онъ прибѣгнулъ къ наглой, истинно іезуитской уловкѣ: сталъ доказывать передъ своими слушателями несправедливость людскихъ толковъ, что будто бы князь Вишневецкій старался въ мутной водѣ поймать гетманскую булаву. Такъ точно де и на короля съ его досточтимымъ канцлеромъ злоумышленные языки возвращали всякаго рода хулы. Но теперь де *вст три героя* доблести и чести опровергли общественное мнѣніе столь же достохвальными подвигами *зборовскими*, какъ и *збаражскими*.

Іезуитамъ свойственно смѣшивать высокое съ низкимъ, и пороки возводить въ добродѣтели. Но дѣло въ томъ, что 12 августа привели къ королю плѣннаго Татарина, который увѣрилъ короля и канцлера, что Хмельницкій, узнавъ объ ихъ приближеніи, отступилъ отъ Збаража. Съ радостью приняли они желанное извѣстіе и бодро шествовали раздѣлить съ осажденными славу одолѣнія супостатовъ. По-малорусски это называется: „не говівши, не болівши, пасочки звісти“.

Когда король приблизился къ Злочову, другой татарскій языкъ, человекъ знатный изъ Ногайской орды, говорилъ королю откровенно, что ханъ охотнѣ бы держался королевской, чѣмъ козацкой стороны; „а а“ (замѣтилъ онъ), „видя королевское войско, не понимаю, какимъ способомъ король можетъ устоять противъ такой силы“. Онъ совѣтовалъ писать немедленно къ хану. Но его совѣтомъ пренебрегли, чтобы послѣдовать ему тогда, когда испортили уже дѣло.

13 (3) августа, въ пятницу вечеромъ, король остановился въ полумилѣ отъ мѣстечка Зборова, въ селѣ Млиновцахъ, надъ рѣкой Стырною. Въ субботу было предположено сдѣлать въ Зборовѣ два моста, на мѣсто унесенныхъ недавно половодьемъ. Въ воскресенье войско должно было переправиться черезъ Стырну на противоположную мѣстечку сторону, а въ понедѣльникъ идти на Озерную къ Тернополю, вблизи котораго находился несчастный Збаражъ.

Рѣка Стырна, протекая съ сѣвера на югъ, впадаетъ подъ Млиновцами въ длинное озеро, загибающееся далѣе къ востоку. Въ самомъ изгибѣ вытекаетъ она изъ озера, и тамъ, по обоимъ берегамъ рѣки, лежитъ мѣстечко Зборовъ, принадлежавшее тогда Собіскимъ. И подъ Млиновцами, и подъ Зборовымъ протекала она низинами среди обширныхъ, болотистыхъ луговъ. Дорога черезъ низины была поднята плотинами, которыя во время слякоти превращались въ невылазные топи.

Такъ случилось и въ это бѣдственное время. Въ теченіе пяти дней передъ приходомъ короля шелъ безпрестанный дождь. Вода размывала плотины и снесла въ мѣстечкѣ мосты. Но другаго мѣста для переправы не было.

Генералъ артиллеріи, Артишевскій, посѣдлый въ голландской и въ американской службѣ воинъ, цѣлый день въ субботу исправлялъ плотины, дѣлалъ мосты, какъ не извѣстно откуда разнеслась по лагерю вѣсть, что непріятель находится близко, и сдѣлалъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ засады. Немедленно былъ посланъ подвѣздъ подъ начальствомъ опытныхъ офицеровъ. Но Хмельницкій, предвидя рекогносцировку, спрятался съ ханомъ такъ искусно, что на пространствѣ трехъ миль не было найдено никакихъ слѣдовъ засады.

Король спокойно сдѣлалъ распоряженіе къ переправѣ, намѣреваясь расположиться завтра ночевать съ обозомъ по другую сторону мѣстечка и двинуться въ понедѣльникъ далѣе. Если надъ походомъ Яна Казимира смѣялись приближенные люди, то можно вообразить, какъ усмѣхался нашъ усатый котъ, сторожа издали глупую мышъ, направлявшуюся къ его когтямъ.

Давно уже онъ зналъ королевскій маршрутъ, и потому-то заблаговременно перенесъ татарское становище и свои таборы съ фронта Збаража на западъ, въ ту сторону, съ которой приближался король. Онъ заслонился Старымъ Збаражемъ такъ, что могъ въ любой моментъ выступить навстрѣчу королевскому войску со всеми своими силами и совершенно скрыть свой походъ отъ осажденныхъ. Онъ окружилъ ихъ шанцами, поставилъ немногѣ стрѣлковъ и нѣсколько мужицкихъ ополченій съ кольями, да цѣпами, отправилъ незамѣтно пушны и, приготовивши все такимъ образомъ, бросился въ субботу съ небольшимъ отрядомъ къ Зборову на рекогносцировку.

По дорогѣ между Збаражемъ и Зборовымъ, справа отъ Озерной стоялъ тогда дубовый лѣсъ. Съ высокаго дуба видны были Хмельницкому королевскія хоругви, а зборовскіе мѣщане были уже имъ куплены, или запуганы. Они приготовили для Татаръ проводниковъ, хорошо знавшихъ переправы. Въ умѣ Хмельницкаго составился планъ битвы.

Вернувшись подъ Збаражъ, выслалъ онъ татарскія орды на всю ночь къ Зборову съ провожатыми мужиками. Между Озерной и Зборовымъ растеть и понинѣ вѣтвистый терновникъ. Онъ заслонить отъ короля приближающееся войско. Стоя за этой заслоной, Татары ждали условленнаго звона зборовскихъ колоколовъ, дающаго знать, что войско начало переправляться.

Г л а в а XXII.

Битва подъ Зборовымъ.—Безславный для козаковъ и для пановъ миръ.—Печальное освобожденіе отъ осады.—Малорусскій народъ проклинаетъ Козацкаго Батька.—
Развращеніе народа козатчиною.

Въ воскресеніе 15 (5) августа (въ день Успенія Богородицы по католическому календарю), съ утра погода была туманная. Шелъ мелкій дождикъ, моросило. Королевскій авангардъ прошелъ черезъ мѣстечко, и находился уже на дорогѣ, ведущей къ Озерной. За нимъ двинулась пѣхота и конница, а за конницей должны были идти возы. Хоругвямъ краковскаго воеводы, Любомирскаго, было приказано стоять въ арріергардѣ и не двигаться съ мѣста, пока не переправятся всѣ скарбовые возы и пушки. Медленно шла переправа, по причинѣ грязней и тѣсной дороги. Войско растянулось на цѣлую милю. Передовыя стражи находились уже въ полумилѣ отъ Зборова и его мостовъ, а послопитати Львовскаго и Перемышльскаго повѣтовъ съ 1.500 ополченцами Любомирскаго, подъ начальствомъ князя Корецкаго и со множествомъ возовъ, еще не двинувшихся съ мѣста, заняли такое же пространство на противоположной сторонѣ рѣки Стырны.

Тревога началась тѣмъ, что въ тылу табора поднялась какая-то суматоха, съ такимъ крикомъ, что множество людей, вмѣсто того чтобъ идти въ порядкѣ дальше, останавливались и задерживали идущихъ сзади. Въ это время въ обѣихъ половинахъ мѣстечка стали звонить колокола, какъ бы на богослуженіе, и вѣстовщики дали королю знать о приближеніи непріятеля.

Король спѣшилъ построить уже переправившееся войско, постоянно прибывавшее изъ-за рѣки. Онъ думалъ, что будетъ имѣть дѣло съ небольшимъ отрядомъ. Но козаки и Татары, одновременно съ прибытіемъ вѣстниковъ, стали выходить изъ заслоны по всей линіи отъ Мстенёва по дорогѣ на Озерную. Татары здѣсь играли главную роль. Они шли сперва раскидисто, потомъ больше и больше сгущались, наконецъ составили сплошную массу и наступили двумя *сакмами*, по 50.000 каждая. Одна сакма остановилась передъ панскимъ фронтомъ;

другая бросилась къ Мстенёву, чтобъ ударить съ тыла на возы и на ихъ защитниковъ.

Услыхавъ объ Ордѣ, возницы и челядь, занимавшіе самую средину растанувшагося войска, побросали на мостахъ и плотинѣ возы, бѣжали куда попало и загроздили дорогу такъ, что сообщеніе между двумя половинами войска было прервано. Одна часть возовъ оставила уже за собой мѣстечко; другая гроздилась на мостахъ и на плотинѣ.

Князь Корецкій, находясь въ тылу дальше всѣхъ, подался къ Мстенёву и не давалъ Татарамъ, перейти за Стырну. Но Татаръ было такъ много, что Корецкій отступилъ къ обозу. На выручку ему бросились посполитакн Львовскаго и Перемышльскаго повѣтовъ, а также каштеляны сендомирскій, заславскій, литовскій, подканцлеръ Левъ Казимиръ Сопіга, паны Корняхъ, Фелиціанъ Тишковичъ, племянникъ Оссолинскаго, Балдуинъ и князь Четвертинскій со своими дружинами; но всѣ они были побиты (porgromieni), а Балдуинъ Оссолинскій, Тишковичъ и князь Четвертинскій (членъ Переяславской комиссіи) легли на мѣстѣ.

Исчисляю всѣхъ ихъ по свѣжей реляціи другаго члена Переяславской комиссіи, Мясковскаго, какъ людей, готовыхъ стоять грудью за свою землю, но имѣвшихъ несчастье попасть въ руки безгодоваго правительства.

Въ этомъ бою погибли двѣ хоругви Сопіги съ двумя сотнями его пѣхоты и драгунъ (продолжаетъ Мясковскій). Столько же пало людей и у Корняхта. Львовскій повѣтъ силится задержать на себѣ Орду, но попалъ точно въ западню (говоритъ Мясковскій). Набили и насѣли Татары множество, товарищества, знатныхъ особъ и сановниковъ, и ротмистровъ. Полковникъ и полковое знамя были взяты, почти весь полкъ истребленъ, львовскіе и перемышльскіе возы оторваны. Хоругви сендомирскаго каштеляна и Оссолинскаго легли трупомъ. Погибъ и обозный королевскаго войска Чернецкій, братъ знаменитаго въ послѣдствіи Стефана Чернецкаго. Кто могъ, всѣ бѣжали къ Зборовской переправѣ, но возы такъ ее загроздили, что конному долгу трудно было пробиться впередъ. Орда наступала по слѣдамъ бѣгущихъ, не брала полона и рубила съ плеча. Остановило ее только расхищеніе панскаго добра, находившагося въ походныхъ „скарбовыхъ“ возахъ.

Обороняя добро свое, погубило и здѣсь множество знатныхъ людей, въ числѣ которыхъ возбуждалъ особенное сожалѣніе павшій ко-
стью вмѣстѣ съ четырьмя хоругвями своими Станиславъ Рѣдцкій

(имя русское), урядовскій староста, опытный воинъ временъ Владислава IV, говорившій по-персидски, арабски, турецки и татарски. При защитѣ возовъ, по офиціальному дневнику, погибло не меньше 1,000 человекъ. Остальные добрались таки до мѣстечка, которое обороняла пѣхота, а къ мостамъ не допустили Татаръ нагроможденные возы; „что послужило къ спасенію короля и всего войска“ (пишутъ Поляки).

Въ то самое время, когда одна татарская сама переходила Стырну, другая наступала на короля съ долины. Здѣсь нашѣ землякъ Артишевскій пригодился панамъ знаніемъ военнаго дѣла;—пригодился настолько, насколько король и его генералиссимусъ не мѣшали ему своимъ главенствомъ. Съ лѣвой стороны заслонилъ онъ королевское войско непроходимымъ озеромъ, съ правой—долинами и байраками, едва возможными для перехода пѣшкомъ. Въ тылу находилось мѣстечко, а мосты были защищены возами и пѣхотою. Непритель не могъ ни окружить войска, ни развернуть передъ нимъ своего фронта. Въ головѣ королевской арміи стояла иноземная пѣхота Губальта; правымъ крыломъ командовалъ подольскій воевода, Станиславъ Потоцкій, знакомый съ Павлюкомъ, Скиданомъ, Острилицею, Кудрею, Пештою, Гунекъ; лѣвымъ—Юрій Любомирскій; Краковскій „генераль-староста“.

Сперва Татары „грасовали“ по всему полю въ разсѣпную; вдругъ сбились въ густую тучу и грянули на правое крыло. Потоцкій встрѣтилъ ихъ огнемъ и не двинулся съ мѣста подѣ ихъ напоромъ. Тогда часть Орды, подѣ начальствомъ Артимиръ-бея, обогнувъ голову королевскаго войска, ударила на лѣвое крыло. Генераль-староста не выдержалъ удара. Страхъ охватилъ чисто-польскую шляхту. Король три раза возвращалъ отступающихъ мольбами и угрозами; три раза отбрасывалъ ихъ бурнымъ напоромъ Артимиръ-бей. Наконецъ подписѣли двѣ гусарскія хоругви и королевскіе рейтары. Рейтары стояли противъ азіятскихъ наѣздивковъ непоколебимъ, а между тѣмъ маоръ Гиза, съ двумя компаніями пѣхоты, повернувшись фронтомъ къ лѣвому крылу, открылъ по Татарамъ непрерывную пальбу, а генераль Артишевскій разилъ Орду изъ пушекъ. Сколько разъ ни бросалась она за отступающими Поляками, боковой огонь заставлялъ ее опомниться.

Съ утра до вечерняго благовѣста отбивалось такимъ образомъ королевское войско отъ ханскаго. Подѣ звонъ вечерняго благовѣста Татары отступили въ поле на три стадіа отъ боевища и стали кормить лошадей. Теперь куда бы ни двинулось королевское войско, всюду ждалъ его непритель.

Король потерялъ въ этотъ день, какъ пишутъ не менѣе 2.000 человекѣвъ, заслуживавшихъ лучшей участи подѣ начальствомъ лучшаго полководца. Сборное войско показало значительную силу стойкости. До булавы не доставало только головы. Нашъ столько же даровитый, какъ и коварный Хмѣль, не обнаживъ еще сабли, одною смѣтливостью своею побилъ цвѣтъ королевскаго войска.

Вечеромъ было видать панамѣ, какъ у татарскаго и у козацкаго хановъ разбивали палатки въ полумилѣ отъ королевскаго лагеря. Король разставилъ крѣпкія стражи, велѣлъ жолнерамъ стоять всю ночь подѣ оружіемъ, насыпать окопы и разобрать мосты на Стырнѣ.

Не сходя съ коней, стали совѣщаться, что дѣлать далѣе. Артишевскій вспомнилъ свою старину и утверждалъ, что занятая войсками позиція даетъ возможность обороняться отъ 400.000 варваровъ. Боевая фантазія разыгралась въ немъ до такой степени, что онъ вызвался довести короля и войско до Збаража. Это показываетъ намъ, что были въ польсворусскомъ обществѣ силы, равшіяся изъ-подѣ гнилаго правительственнаго состава въ мужественному выбору между честною смертію и безчестною живнію. Но эти силы были, можно сказать, погублены королевско-ванцеларскими проволочками и порядками. Въ настоящемъ положеніи дѣлъ благородная рѣшимость нашихъ Артишевскихъ сдѣлала бы не болѣе того, что могло сдѣлать великодушное мужество нашихъ Вишневецкихъ. Малолюдное сравнительно панское войско само пришло въ широко разставленные непріятельскія руки. Въ Зборовѣ ли, или въ Збаражѣ, рано ли, или поздно, но чигиринскій мурлыка сдѣлалъ бы надѣ варшавскою мышью свой цапъ-царапъ.

Поняла теперь это безразсудная мышъ, и вспомнила о пренебреженномъ совѣтѣ Ногайца—разъединить Хмельницкаго съ Исламъ-Гиреемъ. Было уже поздно прибѣгать въ этому средству, но лучше поздно, нежели никогда. Лучше поступиться хану всѣмъ, что дозволяетъ и чего не дозволяетъ національная честь, нежели очутиться въ беспощадныхъ лапахъ Козацкаго Батьва, заявившаго мысль о панованѣ надѣ всей Польшей.

Паны находили невозможнымъ выдержать блокаду ни по мѣсту, ни по запасамъ. Явилась было у нихъ мысль—провести короля тайно изъ обоза, чтобъ онъ сталъ во главѣ посполитаго рупенія, которое было уже въ дорогѣ,—опасная мысль, напоминавшая *gesumere vires* Киселя, который находился тутъ же, какъ неизбѣжное зло панскихъ совѣщаній. Съ этой ли стороны, показалась она панамѣ неудобно-исполнимою, или, можетъ быть, съ той, что въ такомъ случаѣ

они лишили бы себя возможности выбраться изъ западни посредствомъ своего готоваго на все избранника,—неизвѣстно; только было предпочтено написать отъ его имени къ хану.

Въ освобожденіи Исламъ-Гирея изъ польскаго плѣна важную роль игралъ Владиславъ IV. Опираясь на благодѣяніе покойнаго брата, Янъ Казимиръ обѣщалъ хану свою дружбу и незаплаченный гарантъ, который называлъ подарками. Съ этимъ письмомъ тотчасъ отправили того самаго Ногайца, который давалъ благой совѣтъ еще подъ Злочовымъ.

Ночь была тихая. Но войско волновалъ слухъ о намѣреніи короля и пановъ уйти изъ лагеря. Не умѣли въ погибающемъ панскомъ государствѣ сохранить и настолько тайны, насколько между хмельничанами хранили ее мужики. Зная по бѣгству изъ-подъ Пилавцевъ, къ чему способны люди, стоявшіе въ Польшѣ на высотѣ знатности, два ротмистра, представители польской національности, Белжецкій и Гидзинскій, упредили предательство предательскимъ бѣгствомъ, а третій, котораго называютъ Литвиномъ, взбунтовалъ больше тысячи человекъ, объявляя, что короля нѣтъ уже въ лагерѣ. Одни стали готовиться къ бѣгству; другіе бросились къ королевскимъ палаткамъ, чтобы узнать правду. Иезуитъ Цѣцишевскій, тотъ самый, который умудрился возвести губителей Польши на одну высоту съ ея спасителемъ, разбудилъ короля и, вѣроятно, научилъ, что дѣлать. Янъ Казимиръ верхомъ, при свѣтѣ факеловъ, обѣзжалъ войско, останавливался передъ каждымъ полкомъ и произносилъ: „Не бѣгите вы отъ меня; я отъ васъ вѣрно не уйду“.

Провожавшіе короля паны принялись рассказывать шляхтѣ турусы на колесахъ,—что посполитое рушеніе приближается съ огромными силами; что Татары хотятъ оставить козаковъ и вырубилъ ихъ множество подъ Збаражемъ, а завтра соединятся съ королемъ и т. п. Такія убѣжденія, вмѣстѣ съ невозможностью бѣжать между постовъ окружившаго ихъ непріятеля, остановили панику, готовую обнять все панское войско. Радивилъ въ своемъ дневникѣ пишетъ: „Только милость Божія да предстательство Пресвятой Дѣвы, польской королевы, сдѣлали то, что въ день ея вознесенія на небо наше королевство не погибло“.

Между тѣмъ подоспѣло изъ-подъ Збаража войско Хмельницкаго, въ числѣ 150.000, какъ писали тогда въ дневникахъ и въ реляціяхъ. Рано утромъ козаки, вмѣстѣ съ Татарами, начали приступъ къ Зборову. 50.000 штурмовали городъ со стороны переправы, гдѣ былъ разобранъ мостъ на Стырнѣ и стояла половина воевъ. Орда распо-

ложились противъ центра королевскаго войска, которое король построилъ въ томъ же порядкѣ, какъ и вчера, а остальные козаки лѣзли на лагерные валы со стороны озера. Шляхта, напуганная событіями вчерашняго дня и миновавшей ночи, утратила отвагу, и только артиллерія да пѣхота отражали Татаръ, которые теперь напирали слабо. Хуже шло дѣло со стороны переправы и озера. Драгуны, оборонявшіе городъ, не могли выдержать натиска. Гарнизонъ, засѣвшій въ церкви, былъ выбитъ, и козаки двинулись оттуда на валы. Полковнику Гладкому помогали мѣщане, зажигая солому въ болѣе слабыхъ мѣстахъ. Король ѣздилъ безъ шляпы по всему лагерю, и умолялъ шляхту защищать валы. Эта позорная для нея сцена смѣнилась еще болѣе позорною.

Многочисленная шляхетская челядь, созванная королевскимъ гетманомъ Забугскимъ, импровизировала себѣ полотняныя знамена, сдѣлала вылазку, отразила Татаръ, отняла у козаковъ три прикметы, выбила ихъ изъ трехъ шанцевъ и прогнала за переправу; а другая купа той же челяди, подъ начальствомъ іезуита Лисицкаго, погибшаго тутъ же въ битвѣ, бросилась на козаковъ Гладкого, которые поставили въ садахъ двѣ пушки и причиняли шляхтѣ много потерь. Смѣлыхъ людей поддержали двѣ сотни драгунъ. Потерявъ двѣ прикметы, Гладкій убрался изъ садовъ. Эти внезапныя нападенія такъ озадачили козаковъ, что они удалились даже изъ церкви, оставивъ на мѣстѣ нѣсколько пушекъ и возовъ съ аммуниціей. Королевское войско приободрилось, и была даже рѣчь о томъ, чтобы, посадивъ челядь на шляхетскихъ коней, дать непріятелю битву въ полѣ. Но интересъ боевой импровизаціи состоитъ въ томъ, что челядь, почти вся русская, шла противъ козачины за пановъ, и что люди православные, какъ это было и въ Павлюковщину, наступали на православныхъ подъ командой іезуита.

Тѣмъ не менѣе битва шла, хоть и вяло, но томительно, и конецъ ея не предвѣщалъ добра. Послѣ четырехъ часовъ тяжкой и унижительной борьбы короля за корону, а пановъ за панованье, прискакалъ отъ хана гонецъ съ отвѣтомъ на королевское письмо. Это письмо сдѣлалось извѣстнымъ публикѣ въ переименованномъ видѣ, и представляло короля такимъ героемъ, какими являются наши козаки въ поддѣльныхъ документахъ, въ измышленныхъ сказаніяхъ лѣтописцевъ и въ основанныхъ на нихъ историческихъ монографіяхъ.

Что касается отвѣта Гиреева, то, титулуя себя „по милости Божіей счастливымъ и милосердымъ“, ханъ объявлялъ, что пришелъ зимовать въ эти края и, поручивъ себя Господу Богу, останется здѣсь

на зиму гостемъ. Если король желаетъ переговорить съ гостемъ и другомъ, то пускай вышлетъ своего визиря, а онъ вышлетъ своего.

Вмѣстѣ съ отвѣтомъ, прислалъ онъ и условія своей дружбы, а именно: 1) удовлетворить Запорожское Войско; 2) уплатить недоплаченный гарачъ съ какою-нибудь значительною прибавкою; 3) представить Ордѣ право—на возвратномъ пути воевать польскія владѣнія вправо и влѣво огнемъ и мечемъ.

Тутъ же съ ханскимъ письмомъ подали королю письмо и отъ другаго по милости Божіей счастливаго и милосердаго воина, Богдана Хмельницкаго. Этотъ плѣлъ ту самую плѣсню, но на собственный, на козацкій ладъ, именно — молилъ о прощениі, запуская панамъ и королю свои когти въ сердце, если только оно имѣлось у короля. Покамѣстъ онъ выражалъ готовность уступить булаву Забугскому, лишь только его королевская милость благоволила выслать его въ Запорожское Войско. На языкѣ дѣйствительности это значило, что кости новаго гетмана, съ обломками торжественно врученной ему подъ Бѣлымъ Камнемъ булавы, полетятъ въ лицо королю такъ точно, какъ полетѣло черезъ столъ королевское письмо, привезенное въ Чигиринъ Смаровскимъ.

Но всеподданнѣйшая и униженнѣйшая петиція Хмельницкаго интересна въ самомъ складѣ своемъ: она изображаетъ Козацкаго Батка передъ потомствомъ лучше всѣхъ портретовъ.

„Видитъ Господь Богъ“ (писалъ онъ), „что я, будучи низайшимъ подножкоймъ найяснѣйшаго маестата вашей королевской милости, и родившись урожденнымъ (то есть шляхетнымъ) Хмельницкимъ, до сихъ пожилыхъ лѣтъ моихъ, не былъ ни въ какомъ бунтѣ противъ маестата вашей королевской милости, милостиваго моего пана. Это показываетъ моя вѣрная служба еще вмѣстѣ съ славной памяти покойнымъ родителемъ моимъ, Михайломъ Хмельницкимъ, чигиринскимъ подстаростіемъ, который на службѣ святой памяти отца вашей королевской милости, какъ и всей Рѣчи Посполитой, положилъ свою голову на Цепарѣ, гдѣ я находился при покойномъ отцѣ моемъ и претерпѣлъ тяжкій двухлѣтній плѣнъ. Когда меня Господь Богъ благоволилъ освободить изъ этой неволи, я всегда пребывалъ вѣрноподаннымъ при войскѣ Рѣчи Посполитой, и теперь свидѣтельствуюсь Богомъ, что былъ бы очень радъ, чтобы христіанская кровь больше не лилась. А что ваша королевская милость въ панскомъ писаньѣ своемъ (къ хану) благоволите считать меня, подножка своего, за какого-то бунтовщика, о чемъ и мысли у меня нѣтъ, и знаю хорошо, что это на меня клеветуютъ, то благоволите, ваша королевская милость, по своему

панскому благоволенію, взвѣситъ своимъ высокимъ и милосерднымъ разсудкомъ и милостиво выслушать тѣхъ пановъ, которыхъ множество тамъ при особѣ вашей королевской милости, какъ они засудили меня безвинно, и какое зло испыталъ я отъ ихъ милостей пановъ державцевъ украинскихъ. Не отъ гордости, а отъ великихъ бѣдъ моихъ, будучи изгнанникомъ изъ собственной отчизны моей и изъ убогихъ добръ моихъ, по-неволѣ долженъ былъ я приникнуть (*przycagnać się*) и упасть къ ногамъ великаго царя его милости крымскаго, чтобъ онъ привелъ меня къ милостивому благоволенію вашей королевской милости, моего милостиваго пана. Хотя такъ оно должно было сдѣлаться, что за виновныхъ и невинныхъ души должны были отвѣчать, но, пускай судить Господь Богъ, кто тому причиною“...

Не вполнѣ надѣясь на успѣхъ своего смиренства, Хмельницкій воспользовался настоящимъ случаемъ, чтобы заподозрить короля передъ его республикой, если не въ готовности, то въ возможности опереться на козаковъ. Іезуитское посланіе свое заключилъ онъ слѣдующими словами:

„Хорошо знаю, что, по благоволенію вашей королевской милости, я былъ бы оставленъ невредимымъ; но, знаю о томъ, что паны державцы украинные вашей королевской милости мало въ чемъ обращаютъ вниманіе на вашу королевскую милость, и каждый изъ нихъ самъ себя называетъ королемъ, увѣренъ, что не только не стали бы терпѣть меня въ панствѣ вашей королевской милости, но и душу мою тотчасъ возьмутъ. Вѣдь и съ Войскомъ Запорожскимъ всегда, и въ началѣ счастливаго избранія вашей королевской милости на это панство, очень о томъ старался, и теперь того желаю, чтобъ вы были могущественнѣйшимъ паномъ въ Польской Коронѣ, нежели святой памяти отецъ и братъ вашей королевской милости. Поэтому, не вѣря ничему (въ толкахъ), что вы—невольникъ Рѣчи Посполитой, я буду держаться того пана, который милостиво, по Божію милосердію, держитъ меня подъ своей опекой“.

Безстыдное письмо убійцы Смяровскаго и нѣсколькихъ посланцевъ Адама Киселя показалось отвратительнымъ даже и тому, кто выдалъ особу, рисковавшую собой для его освобожденія изъ французской тюрьмы. Письменнаго отвѣта на него не послѣдовало, а хану отписали, что король готовъ прислать канцлера на назначенное мѣсто.

Передъ заходомъ солнца стража донесла, что визирь выѣхалъ въ поле и ждетъ канцлера. Канцлеръ отправился къ нему въ 60 лошадей. Ему сопутствовали кievскій воевода, Адамъ Кисель, и литовскій подканцлеръ, Левъ Казимиръ Сопіга.

Милосердый ханъ стоялъ на своихъ условіяхъ такъ твердо подѣ Зборовымъ, какъ плакавшій Хмѣль на своихъ — подѣ Львовомъ. Оба счастливые и милосердые по милости Божіей злодѣя, произнеся жестокой приговоръ, не смягчали его ничѣмъ. Только передъ началомъ совѣщаній послалъ визирь козакамъ приказъ — прекратить приступы, а Татарамъ — съѣхать съ поля. Согласясь въ принципѣ на всѣ требованія хана, Оссолинскій съѣхался съ визиремъ въ полѣ на другой день утромъ для опредѣленія подробностей.

Изъ условій пощады самымъ тяжкимъ и унижительнымъ для себя пунктомъ Поляки находили тотъ, въ которомъ король обязался платить ежегодно хану гарачъ; мы находимъ безпримѣрно унижительнымъ не только для пановъ, но и для самихъ козаковъ тотъ, по которому хану предоставлялось право — на возвратномъ пути воевать огнемъ и мечемъ польскія владѣнія вправо и влѣво. Такъ думаютъ и благородные польскіе умы нашего времени.

„Трудно сказать“ (пишетъ докторъ Кубала), „какого рода была необходимость, принудившая пановъ къ согласію предать неприятельскому огню и мечу беззащитный край. Но если можно было окупиться, если можно было тотъ ясырь и добычу, на которые рассчитывали Татары, исчислить и замѣнить деньгами, но этого не сдѣлали, а торговали человѣческой кровью, то король и его совѣтники достойны смертельнаго презрѣнія (król i jego doradcy zasłużyli na śmiertelną pogardę)“.

Архидіаконъ іерусалимскаго патриарха, проѣзжавшій по слѣдамъ ясырившей Орды, говоритъ, что король, вмѣсто денегъ, отдалъ ей на расхватъ семьдесятъ городовъ и селъ. То же самое число показываетъ козацкій лѣкаръ, Литвинъ Лукашка, прибавляя, что и провожавшіе Татаръ козаки грабили въ тѣхъ городахъ своихъ единовѣрцевъ мѣщанъ. Того мало: лѣкаръ Лукашка рассказываетъ, что Хмельницкій сперва ссорился съ татарскою чернью за неправильность козакотатарскаго дувана, но что потомъ онъ послалъ съ нею своихъ полковниковъ, которые, являясь вмѣстѣ съ Татарами подѣ видомъ закупки съѣстныхъ припасовъ, отпирали города притаившейся Ордѣ, и что Татары хватали въ полонъ даже своихъ проводниковъ и сограбителей.

По разсказу пугивльца Петра Литвинова, гостившаго у Хмельницкаго подѣ Збаражемъ и возвращавшагося съ нимъ изъ Волыни, этими полковниками были Небаба и Нечай. „И назадъ де идучи“ (доносилъ царскимъ воеводамъ гость Козацкаго Батька), „тѣ Крымскіе Татарова взяли взытьемъ литовскихъ (то есть малорусскихъ) городовъ

съ тридцать, и тѣхъ городовъ въ уѣздѣ уѣздныхъ людей всѣхъ побили и въ полонѣ поимали“.

Избіеніе объясняетъ онъ далѣе слѣдующими словами: „...идучи назадъ въ Крымъ (Татары) литовскіе города на Волини и на Подольѣ (повоевали) и у Коломы, гдѣ соль варятъ, полонѣ многой поимали жъ, да и Бѣлорусцовъ (кіевскихъ) и Черкасъ многихъ поимали жъ, и вѣдутъ въ Крымъ полону безчисленное множество, а больша вѣдутъ женской полъ, жонокъ, да дѣвокъ, да робать малыхъ, а мужескъ полъ всѣхъ сбъкутъ“.

Вотъ чѣмъ расплатился Янъ Казимиръ съ ханомъ, а Богданъ Хмельницкій съ татарскою чернью! Малорусская историографія до сихъ поръ не упоминала даже вскользь о такихъ поступкахъ своихъ „національныхъ героев“, воезаконъ. Мало того, она ихъ перелыгала подобно тому, какъ это дѣлали придворные непобѣдимаго Яна Казимира, сочинявшіе реляціи о немъ для Европы и передѣлывавшіе собственныя письма его „ради національной чести“, точно какъ будто національная честь охраняется ложью и подлогомъ.

Торгуя человѣческою кровью, въ переговорахъ съ ханскимъ визиремъ генералиссимусъ Яна Казимира крѣпко стоялъ на томъ, что „Поляки не знаютъ слова *гарачъ* и привыкли его брать, но не давать. Совсѣмъ иное дѣло, *to co innego* (говорилъ онъ), если рѣчь идетъ о *подаркахъ* (*stipendia gratuita*), которые король обязался давать хану.

Визирь, въ качествѣ азійскаго варвара, спорилъ съ европейскою знаменитостію не о названіи, а о самой вещи. Сверхъ недоимочнаго гарача, онъ требовалъ единовременной дани круглою цифрою 200.000 талеровъ, или 600.000 злотыхъ. 30.000 талеровъ король долженъ былъ уплатить на мѣстѣ, за другими 30.000 послать во Львовъ и отправить къ хану нагонцемъ черезъ Сулейманъ-агу, котораго онъ оставилъ королю въ видѣ заложника. За остальные 140.000 талеровъ — оставить въ залогъ у хана сокальскаго старосту, зятя Оссолинскаго, Денгофа.

Когда согласились и на этотъ пунктъ, визирь потребовалъ, чтобъ осажденные въ Збаражѣ паны уплатили 200.000 талеровъ отдѣльнаго окупа, который будто бы обѣщали. Король, прибывшій спасать своихъ Өермопильцевъ, спокойно, или злорадно, положилъ такую резолюцію: „Если обѣщали, то пусть и дадутъ, а если у нихъ денегъ нѣтъ, пускай дадутъ заложника, а я постараюсь, чтобы Рѣчь Посполитая заплатила эту сумму“. Вотъ какимъ способомъ принималъ онъ къ себѣ въ геройскую тройцу князя Вишневецкаго! Всѣ мы, дескать, спаслись окупомъ.

Но все-таки предложенныхъ и принятыхъ условій пощады не для чего было писать на бумагѣ: ханъ гарантировалъ ихъ для себя мечемъ и огнемъ, а королю надобно было сдѣлать изъ нихъ государственную тайну изъ уваженія къ своей чести и къ чести Рѣчи Посполитой (*ze względu na honor króla i Rzeczypospolitej*).

Сдѣлавшись тайно рабомъ счастливыхъ и милосердыхъ злодѣевъ, Янъ Казимиръ заключилъ съ Татарами явно такой договоръ, который честь короля и Рѣчи Посполитой позволяла опубликовать. Обѣ стороны обязывались взаимною помощію и обороною въ войнѣ съ сосѣдями. Рѣчь Посполитая будетъ посылать регулярно подарки въ Каменецъ (30.000 дукатовъ на кожухи). Ханъ обезпечиваетъ за Хмельницкимъ булаву и 40.000 козаковъ, которыхъ нието не смѣетъ обижать. Король предоставляетъ свободную пашу Татарамъ къ западу отъ Азова надъ тремя рѣками (Днѣпромъ, Богомъ и Днѣстромъ), въ Дикихъ Поляхъ. Это значило — во всей *не-городовой* Украинѣ, иначе — въ Запорожьѣ.

Подобно утопающему, Польша хваталась и за соломинку, и за бритву. Но бритвой въ настоящемъ случаѣ были не Татары, придвинувшіе свой Крымскій Юртъ къ украинскимъ *Городамъ*, и не козаки, поступившіеся непріятелямъ Св. Креста своимъ „славнымъ Запорожьемъ“, а нарушение вѣчнаго мира съ Московскимъ Царствомъ. Нарушеніе вѣчнаго мира явствуетъ изъ наступательно-оборонительнаго союза христіянъ съ магометанами; но царскій гонецъ Кунаковъ провѣдалъ, что, кромѣ писанныхъ пунктовъ, былъ въ этомъ явномъ договорѣ и такой, котораго публиковать не рѣшились. Объ этомъ секретномъ пунктѣ доносилъ онъ Царской Думѣ (въ декабрѣ 1649 года) слѣдующими характеристическими словами:

„Да паны жъ рада межъ себя совѣтуютъ и разсуждая говорятъ, что съ великимъ государемъ нашимъ, съ его царскимъ величествомъ, вѣчное докончанье не подрѣшлено за пьянствомъ и за табачною торговлею великихъ королевскихъ пословъ. А цынѣ же король въ обозѣ подъ Зборовымъ по-неволѣ вѣчное докончанье съ царскимъ величествомъ *нарушилъ*: позволилъ крымскому хану черезъ Польское и Литовское Панство съ войскомъ ходить, вуды ему будетъ потреба, и на томъ де король и присягъ; и только де про то вѣдомо учинится царскому величеству, и по той де причинѣ и съ Московскую Сторону война“.

И въ другомъ мѣстѣ: „И тое де статью королевскіе сенаторы и ближніе люди таятъ и заказано про то всѣ пакты подъ гарномъ. А у кого промысломъ и иманы тѣ Крымскаго и Хмельницкаго пакты

прочестъ для вѣдома, и тое статьи въ спискахъ съ пактъ не написано. И сперва де, какъ подь Зборовомъ договорились и пакты пописали, и канцлеръ съ подлинныхъ пактъ списки послалъ къ пріятелямъ своимъ для вѣдомости, а тое статьи не писалъ“.

Зная, что Польши, послѣ этого, ничто уже спасти не могло, слѣдуетъ упомянуть, что пакты съ ханомъ были спрятаны въ тайномъ архивѣ; что на ближайшемъ сеймѣ подтверждены они весьма таинственно и поверхностно *), и что дѣлопроизводитель несчастнаго договора, королевскій секретарь Мясковскій, въ донесеніи королевичу Королю писалъ: „Чѣмъ и какъ обострили Татары свои пакты, было бы трудно и долго писать.“ (Очевидно, что была такая статья, о которой онъ писать не смѣлъ).

Счастливымъ по милости Божіей ханъ явилъ и въ томъ еще свое милосердіе, что согласился двинуться съ мѣста прежде короля, отозвать посланные за Стырну загоны и возвратить взятыхъ ими плѣнниковъ, хотя на эту послѣднюю милость согласился съ большимъ трудомъ.

Молившій короля о помилованіи Хмѣль былъ упорнѣе хана. Дѣло ясное, что его русское самодержавіе татарскій царь ограничилъ 40.000 козаковъ для собственной безопасности: ибо дружба злыхъ, по замѣчанію Шекспира, переходитъ въ боязнь, а боязнь рождаетъ ненависть. Кунаковъ многое принималъ на вѣру несообразно съ историческою дѣйствительностью, отрывающеюся для потомства; но въ этомъ случаѣ изобразилъ весьма правдоподобно сцену между двумя счастливыми по милости Божіей и милосердыми людоѣдами.

„И учиня Крымскій ханъ съ Польскимъ королемъ договоръ чрезъ королевскаго Татарина, и укрѣпясь на договорныхъ записяхъ съ канцлеромъ съ Юрьемъ Оссолинскимъ, послалъ къ Богдану Хмельницкому, даючи ему вѣдомо, на чомъ онъ съ Польскимъ королемъ договорился, и чтобъ Хмельницкой послалъ къ королю пословъ своихъ договариваться о статьяхъ, что ему настоитъ. И Богданъ де Хмельницкой пріѣхалъ въ полки къ Крымскому хану самъ съ 20.000 войска, и хану говорили, что онъ, ханъ, учинилъ договоръ съ королемъ, забывъ шерьъ свою, что было имъ ни одному, ни безъ одного съ королемъ и съ паны и со всею Рѣчью Посполитою не мириться. И ханъ де Хмельницкому говорилъ, что онъ, Хмельницкой, не знаетъ мѣры своей, хочетъ пана своего до конца разорить, а и такъ панство его изплундровано

*) Именно вотъ какъ: „Skrypt do archiwum danu rationem o brony Rzeczypospolitej autoritate praesentis Conv. in toto aprobujemy do przyszlego ordynaryjnego sejmu.“

досыть: надобно де и милость показать; онъ де, ханъ, монарха породный, узнавъ мѣру свою, съ братомъ своимъ, съ польскимъ монархою, снесся въ добрую згуду, и его, Хмельницкого, съ паномъ его поеднать договаривался, какъ годно: а только онъ договариваться и еднаться съ нимъ не будетъ, и онъ, Крымской ханъ, съ королемъ на него заодно. И Богданъ де Хмельницкой о томъ престалъ, и послалъ къ королю пословъ своихъ“.

Въ послѣдствіи, по возвращеніи въ Украину, Хмельницкій говорилъ московскимъ гостямъ своимъ, боярскому сыну Ждадену, да площадному дьячку, Котелкину: „Не того мнѣ хотѣлось, и не такъ бы тому и быть“, а потомъ, подпивъ, заплакалъ, и Москали замѣтили: „знать, что ему не добръ и любъ миръ, что помирился съ Ляхами“.

Но чего бы ни хотѣлось милостію Божіею запорожскому гетману, русскому князю, единовладнику и самодержцу, онъ представилъ королю договорные пункты свои при низкопоклонномъ письмѣ, въ которомъ, падая къ милостивымъ ногамъ его королевской милости, своего милостиваго пана, униженно просилъ простить ему, нижайшему подножку своему, грѣхъ, который де учипилъ онъ по-неволѣ (повтореніе Киселевской фразы), и обѣщаль быть вѣрнымъ подданнымъ до конца живота своего. Если есть (писалъ онъ) что-нибудь оскорбительное въ представляемыхъ пунктахъ, то объ этомъ усиленно просить все Запорожское Войско, равно какъ и о томъ, чтобы выданъ былъ ему измѣнникъ его, Чаплинскій, которому понравилось убогое хозяйство его и который отнял у него всѣ добра его, а самого его подвергъ было смертной казни у пана хорунжаго. За это де и война началась (а не за вѣру, о которой бы здѣсь было время и мѣсто поговорить съ Ляхами). Пускай де Чаплинскій будетъ наказанъ такою смертью, какую предназначалъ для него (Это для Козацкаго Батька было важнѣе вѣры).

Посламъ Хмельницкаго отвѣчали, что король согласится на все, что только не будетъ противорѣчить изъ цѣлости маестата и безопасности Рѣчи Посполитой, а по врученіи хану денегъ и пактовъ, стали договариваться съ козаками. Результатомъ этого договора былъ актъ, названіе котораго напоминаетъ споръ Оссолинскаго съ ханскимъ визиремъ о названіи гарача подарками.

Декларация королевской милости на пункты просьбы Запорожскаго Войска заключала въ себѣ 11 статей. Можетъ быть, ихъ было и больше, но подлинника Декларации въ послѣдствіи никто не доискался, а въ опубликованной тогда же „Привилегіи Русскому Народу“ паны солгали весьма грубо, будто бы король „больше всего своею королевскою повѣгою, нежели кровью, счастливо угасилъ внутреннее

замѣшательство, начавшееся со времени междуцарствія“. Это привело къ тому, что договоръ съ Хмельницкимъ, равно какъ и договоръ съ Исламъ-Гиреемъ, былъ подтвержденъ на сеймѣ лишь въ общихъ выраженіяхъ *). Въмѣсто договорныхъ пунктовъ, польская публика читала великодушный королевскій манифестъ, названный привилегіей *Русскому Народу*, подъ именемъ котораго разумѣлись не тѣ землевладѣльцы, которые сохраняли еще православную вѣру, не тѣ пастыри русскихъ душъ, которые болѣли за нее сердцемъ, подобно Филиповичу, и пользовались духовными хлѣбами, подобно Косову да Тризнѣ, даже не купцы и мѣщане, образовавшіе въ Малороссіи городскія муниципіи и основавшіе церковныя братства, а только козаки. Въ манифестѣ было сказано, что король, снисходя къ просьбѣ Запорожскаго Войска, всѣ прежнія привилегіи, на которыя гдѣ-либо въ книгахъ существуютъ крѣпости (extant munimenta),; возстановляетъ, и давшія вольности, въ тѣхъ привилегіяхъ дарованныя Запорожскому Войску, признаетъ и подтверждаетъ. Но въ какихъ книгахъ и какія именно вольности, объ этомъ не знали ни тотъ, кто составлялъ плутовской актъ, ни тѣ, для кого былъ онъ составленъ, ниже козаки, которые много разъ домогались какихъ-то давнихъ правъ и вольностей, но ни въ одной петиціи не обозначили, въ чемъ состояли онѣ. Въ королевской Привилегіи Русскому Народу все дѣло сводилось къ слѣдующимъ словамъ: „А особливо утверждаемъ за ними (козаками) вашу привилегію то, чтобъ они не были судимы нашими старестами, державцами и (ихъ) намѣстниками, по во всѣхъ дѣлахъ будутъ чинить имъ судъ и расправу гетманы ихъ. Зато и козаки въ замковья начальства, также въ аренды, шинки, равно грунты и принадлежности, на которыя давнихъ правъ не имѣли, вступаться не будутъ“.

Вотъ и все, о чемъ хлопоталъ фиктивный Русскій Народъ королевскаго манифеста. Въ самихъ же пунктахъ „Декларации королевской милости“, которые были закрыты отъ публики этимъ манифестомъ,— за исключеніемъ 8-го, говорится о козацкихъ отношеніяхъ и о территоріи, въ которой будутъ имѣть мѣстопробываніе по обѣимъ сторонамъ Дуѣпра 40.000 козаковъ. Гетманъ Хмельницкій, которому давалось на булаву чигиринское староство (пунктъ 3), можетъ во всей территоріи козацкаго мѣстопробыванія вписать любого изъ королев-

*) Именно въ слѣдующихъ: „Ponieważ podług konstytucji koronacy w uspokojeniu Kozaków dosyć się stało, tedy deklaracyą łaski naszej uczynioną pod Zborowem autoritate conv. praes. za zgodą wszech stanów aprobujemy“.

скихъ или шляхетскихъ подданныхъ въ 40.000-й реестръ. Каждый реестровой козаць дѣлается свободнымъ отъ всякихъ налоговъ и податей (Это значило, что всѣ украинскіе паны, имѣвшіе добра въ чертѣ козачества, фактически теряли ихъ). Гетманъ имѣетъ право выбрать козака и за чертою, но тогда выбранный долженъ совсѣмъ переселиться въ Украину, чего никто не можетъ ему воспретить (На этомъ основаніи всѣ мужики могли выйти въ Украину, и хотя бы ихъ потомъ не было въ реестрѣ, никто бы не могъ выискать ихъ и вернуть за черту).

Коронныя войска въ козацкой территоріи стоянокъ имѣть не будутъ; Жидовъ и іезуитовъ также тамъ не будетъ (пункты 6, 7 и 8). Горилкою козаки шинковать не будутъ, кромѣ того, что выкурятъ на свою надобность (пунктъ 11). Всѣ должности въ воеводствахъ Кіевскомъ, Брацлавскомъ и Черниговскомъ будутъ раздаваться шляхтѣ религіи греческой.

Относительно уничтоженія уніи (пунктъ 8) и возвращенія правъ и имущества грекорусскимъ церквамъ все будетъ постановлено на сеймѣ, съ согласія кіевскаго митрополита, которому король даетъ мѣсто въ сенатѣ.

Въ этомъ пунктѣ мы видимъ, что дѣло Киселей, Древинскихъ, Могилъ, Косовыхъ и Тризнъ перешло спова къ нимъ въ руки, подъ прикрытіемъ сеймовыхъ диспутовъ, отсрочекъ, бездѣйственныхъ постановленій; примѣры которыхъ мы видѣли со временъ Сигизмундовскихъ, и что козаки, эти „единственные борцы за православную вѣру“, довольные своею реестровою да винокуреніемъ во всю мѣру своей надобности, не воспользовались мѣстомъ и временемъ для того, чтобы вопросъ о вѣрѣ и церкви возвратить къ положенію до-уніятскому. Но польская историографія тѣмъ не менѣе—въ общемъ смыслѣ Зборовскаго договора видитъ, что Хмельницкій посредствомъ него сдѣлался силою, въ виду которой королевская власть не значила ничего, и что шляхетская Рѣчь Посполитая, при такомъ договорѣ, не могла существовать. Въ своемъ положеніи (говоритъ она) козацкій гетманъ менѣе зависѣлъ отъ короля, нежели крымскій ханъ—отъ султана: ибо власти крымскаго хана не обезпечивала чужеземная сила, а вѣра и обрядъ соединяли его съ государствомъ оттоманскимъ и ставили въ извѣстную зависимость отъ стамбульскаго калифа. Должностное лицо Рѣчи Посполитой, имѣющее 40.000 войска номинально и 100.000 въ дѣйствительности, съ неограниченною властью надъ нимъ, такое лицо, владѣя булавою, которой нельзя было отнять у него безъ войны съ Крымскимъ Юртомъ, никакъ не могло быть фактически подданнымъ

жороля и Рѣчи Посполитой. Чтобъ уравнивъсь его власть, Польшѣ оставалось изъ республики сдѣлаться самодержавною монархіей; подобно Московскому Царству. Самое распиреніе Крымскаго Юрта по Ворскло и Тясминѣ (замѣчу отъ себя) убивало только русскую идею въ Малороссіи, грозило Москвѣ потерю права на вотчину ея государей, но для Польши дѣлало нашу родину такимъ же неодолимымъ ханствомъ, какъ и Крымское.

Мудреные и опасные для пановъ переговоры съ Хмельницкимъ тянулись до сумерекъ. Особенно трудно было убѣдить его присягнуть. Не даромъ онъ говорилъ царскому дворянину, Унковскому: „Цѣловали мы крестъ служить вѣрой и правдой королю Владиславу, а теперь въ Польшѣ и Литвѣ выбранъ королемъ Янъ Казимиръ. Короля мы не выбирали, не короновали и креста ему не цѣловали, а потому стали свободны“. Теперь эта свобода исчезала юридически, да и фактически русскій единовладникъ и самодержецъ дѣлался однимъ изъ польскихъ королять. Наконецъ Хмельницкій присягнулъ условно, сидя на конѣ. Присяжный листъ читалъ ему Адамъ Кисѣль.

Когда эта формальность была исполнена, отъ него потребовали, чтобъ онъ отступился отъ Чаплинской, которой православное вѣнчанье при живомъ мужѣ католикѣ, очевидно, и самъ Кисѣль считалъ недействительнымъ. Хмельницкій могъ бы отвѣчать спокойнымъ отказомъ, но онъ чувствовалъ, что находится между ханомъ и королемъ, какъ между двумя силами, которыя изъ-за своихъ выгодъ могутъ погубить его. Непредвидѣнная потеря дикаго самодержавія мучила его до такой степени, что онъ обнаружилъ, можетъ быть, скрываемую подъ покровомъ другихъ обидъ боль своего мстительнаго сердца, и вскричалъ ревниво: „Нехай лучче король звелить утяти мені голову!“

Присягнувъ хранить ненарушимо Зборовскій договоръ, Хмельницкій не соглашался никоимъ образомъ просить у короля лично прощенія и присягать на вѣрность подданства. Поляки объясняютъ это упорство страхомъ убійства или предательства, который успокоился только послѣ того, какъ послали къ нему заложникомъ Юрія Любомирскаго. Но мы, въ жилахъ которыхъ течетъ все та же кровь, которая проявила себя въ этомъ уродѣ нашей Малорусской семьи, позволяемъ себѣ думать, что главную здѣсь роль играли — презрѣніе къ избранному среди презираемыхъ козакомъ „Жидовъ“, ненависть въ обидчику, поставившему ничтожнаго Забутскаго наравнѣ съ нимъ, творцомъ своей *фортуны*, и то чувство, которое заставляетъ иногда разбойника бояться взгляда своей жертвы.

Какъ бы то ни было, утромъ въ пятницу 20 (10) августа, Хмѣль нашъ пріѣхалъ къ королю съ сыномъ въ сотнѣ лошадей. Сцену свиданія kota съ мышью сочинители *Декларации* и *Привилегіи* описали такимъ образомъ.

Хмельницкій сошелъ съ козя далеко отъ королевской палатки. Кисѣль ввелъ его въ палатку. Хмельвицкій бросился королю въ ноги, молилъ о милосердіи и говорилъ, что не такимъ бы способомъ желалъ бы его привѣтствовать.

Эти слова, если они были произнесены Хмельницкимъ, отзываются тою демонической ироніей, съ которой онъ выражалъ князю Заславскому желаніе отдать ему поклонъ лично со всѣмъ Запорожскимъ Войскомъ. Напоминаютъ они также и его застольное слово къ Жадену и Котелкину: „Не того бы миѣ хотѣлось, и не такъ бы тому и быть“. Ему бы хотѣлось отправить его королевскую милость, своего милостиваго нана, къ ихъ милостямъ короннымъ гетманамъ, а съ панами-„Жидами“ раздѣлаться по-козацки.

По разсказу присяжныхъ фальсификаторовъ, Хмельницкому отвѣчалъ Левъ Казимиръ Сопіга, что король подражаетъ солнцу, которое всходитъ для добрыхъ и злыхъ, что онъ прощаетъ его преступленія и надѣется, что запорожскій гетманъ вознаградитъ за нихъ цнотю и вѣрностью. Къ этому фальсификаторы прибавляютъ, что, „поговоривъ съ нимъ немного, король удалился“.

Иначе разсказывали Поляки Кунакову. Они присочинили, будто ханъ былъ у короля съ поклономъ, а вмѣстѣ съ нимъ и Хмельницкій, но тѣмъ не менѣе молчали о различныхъ выдумкахъ королевскихъ секретарей и современныхъ книжниковъ: о его паденьѣ къ ногамъ, о его слезахъ, о его реторической рѣчи, которую будто бы онъ произвѣсь „съ чувствомъ своего достоинства“, какъ прилыгаетъ отъ себя малорусская историографія. Кунаковъ пишетъ о Хмельницкомъ, что „ѣдучи де Богданъ Хмельницкой къ королю, металъ дровкомъ“... „и король де говорилъ Хмельницкому: досыть тебѣ быти памъ неспріятелемъ, и до ласки нашей тебѣ припускаемъ, и всѣ выпы твои тебѣ и всему Войску Запорожскому отдаемъ, и тебѣ то годится намъ и Рѣчи Посполитой заплатить услугою своєю. И Хмельницкой до короля мо-лыль: Гораздъ, корѣлю, мѣвишь, а вѣжства и учтивости никакіе противъ тѣхъ его королевскихъ рѣчей всловесне и ни въ чемъ не учинилъ“.

Литовскій канцлеръ Радивиль прибавляетъ, что Хмельницкій присягнулъ на вѣрность королю, *сидя на стулѣ*, и это мѣсто польскій переводчикъ его латинскихъ „Меморіаловъ“ опустилъ, какъ и многое

шокирующее Поляковъ *). Слова Хмельницкаго, что не такимъ способомъ желалъ бы онъ привѣтствовать короля, также записалъ Радивиль, и они тоже пропущены переводчикомъ. Для урегулированія правды и вымысловъ, необходимо помнить, что Хмельницкій „базнилъ королевскихъ пословъ“ и самъ величался этимъ передъ московскими людьми; что послѣ Зборовскаго договора, передъ одними Москляями онъ пилъ со слезами царское здоровье, передъ другими бѣсновался за отказъ ему въ помощи, а третьимъ напрямикъ говорилъ, что онъ все, и города московскіе, и Москву сломаеть, да и тотъ, кто на Москвѣ сидитъ, отъ него на Москвѣ не отсидится.

Какъ бы то ни было, только козаки съ досадою пріостановились „варить съ Ляхами пиво“, въ которомъ былъ „ляцкій солодъ, козацка вода, ляцкі дрова, козацкі трудъ“,—хотя и то довели Польшу до такого изнеможенія, что Радивиль писалъ въ дневникѣ: „Нѣсколько сотъ лѣтъ уже не была Польша и ни одинъ король въ такихъ *терминахъ*, какъ 15 августа. Едва не вернулась она гибель подъ Варною и тѣ времена, когда ханъ (Батый) жилъ въ Краковѣ 12 недѣль. Но и этотъ день будетъ у насъ днемъ печали, доколѣ Польша будетъ существовать“. А Мясковскій прибавилъ къ этому въ частномъ письмѣ: „Возвращаемся во Львовъ визжа, поруганные, побѣжденные и ободранные“.

Ханъ сперва намѣревался взять короля въ плѣнъ, и Хмельницкій этого желалъ, какъ видно изъ упрековъ, которые онъ дѣлалъ хану въ 1655 году; но потомъ крымскій наѣздникъ разсудилъ, что трактаты принесутъ ему больше пользы, и запугалъ своего товарища на счетъ короля. Онъ оказался практичнѣе обоихъ. Кромѣ славы посредника, побѣдителя и протектора, онъ пріобрѣлъ себѣ помощь для войны съ Москвою, содралъ богатый окупъ, возстановилъ ежегодную дань и на возвратномъ пути, по выраженію кievскаго митрополита, взялъ безчисленное множество *христіанъ*. „Этотъ ясырь забралъ онъ въ русскихъ областяхъ съ королевскаго дозволенія, чего бы Хмельницкій не позволилъ“, говоритъ нашъ современникъ Полякъ; но мы ему отвѣтимъ словами польскаго поэта:

Twoja dusza poszcziwa zronniec nie umie,
Ile jest piekła w obrażonej dumie *).

*) Меморіалы князя Альбрехта Станислава Радивила хранятся въ львовской бібліотекѣ Оссолинскихъ, и Поляки, издавшіе такъ много историческихъ памятниковъ, не спѣшатъ издать вполне эту драгоценность.

*) Твоя честная душа не можетъ понять, сколько адскаго зла въ оскорбленной гордости.

Въ тотъ же самый день 20 (10) августа отступилъ Хмельницкій вмѣстѣ съ ханомъ отъ Зборова и вернулся подъ Збаражъ такъ же незамѣтно для осажденныхъ, какъ незамѣтно выступилъ оттуда.

Король послалъ вслѣдъ за нимъ комиссаровъ, львовскаго писаря Ожгу и полковника Минора спасать несчастныхъ отъ послѣднихъ разбойничьихъ ударовъ.

Осажденные не имѣли никакого понятія о томъ, что дѣлалось въ 35 верстахъ отъ нихъ подъ Зборовымъ. Они надѣялись ежедневно и ежеминутно увидѣть передъ собой сильное королевское войско, и не сомнѣвались въ побѣдѣ посполитаго, рушенія шляхты надъ козаками. Но томительное ожиданіе, голодъ и постоянная борьба съ мужицкими цѣпами днемъ и ночью—мучили ихъ не меньше, какъ и прежніе козацкіе приступы.

Нѣсколько недѣль уже питались они кониною. Большая часть лошадей пала, для остальныхъ не было корма. Околѣвшихъ и убитыхъ лошадей сѣкли въ мелкое крошево, вялили, снова сѣкли на *бигосъ* и, обсыпавъ мукой, давали конское мясо конямъ. Мужиковъ, которые спрятались передъ осадой въ городѣ, давно выпустили. Не помиловали ихъ козаки, и всѣхъ, съ женами и дѣтьми, въ числѣ 4.000, отдали Татарамъ; но тѣ гнушались такимъ замореннымъ ясыромъ и вырѣзали его до ноги. Теперь послѣдніе 2.000 мужиковъ, не взирая на то, что дѣлалось у нихъ передъ глазами, просили начальство выпустить ихъ: такъ сильно томилъ несчастныхъ голодъ. Должны были выпустить и этихъ, за неимѣніемъ корма. Дороговизна возросла страшно: гарнецъ пива стоилъ 2 флорина, кварта водки 20 флориновъ, четверть ржи 60 фр., булка 2 фл., и то было трудно добыть. Жолнеры ѣли собакъ и кошекъ, а по ночамъ грабили возы, рвали пицу одинъ у другаго. Дрались за лошадиный кормъ, отнимали у челяди съѣстное, которое она несла своимъ панамъ на валы, такъ что едва не дошло до *уобицы* (*mało ad intestinas caedes nie przyszło*).

Между тѣмъ оказаченные мужики подкапывались подъ валы къ стоянкамъ Конецпольскаго и Фирлея, а такъ какъ лагерь былъ пустъ отъ непрерывной пальбы съ шанцевъ, то мужики лѣзли въ отверстія, заставленные возами, и, побивая изнуренныхъ жолнеровъ цѣпами, тащили къ себѣ возы желѣзными крючьями. Жолнеры тянули возы посредствомъ цѣпей, которыми они смыкались, и вырывали у мужиковъ крючья. Мужики бросали въ обозъ пылающія мазницы и пихали жердями къ возамъ вязанки соломы съ огнемъ, а воткнувши свои приемы на внутренней сторонѣ панскихъ валовъ и овладѣвши всѣми выходами, сидѣли по цѣлымъ днямъ и ночамъ въ панскомъ лагерѣ

между валомъ и возами, съ которыхъ оборонялись осажденные. День и ночь кипѣла тревога, заводились драки, раздавался вызывающій крикъ. Ругаясь всевозможными побранками, мужики грозили панамъ, что будутъ продавать ихъ Ордѣ по шагу и по шелягу. Это была уже не битва, а борьба, но она изнуряла осажденныхъ до упаду своею непрерывностью.

16 (6) августа въ день Спаса, когда король оставался цѣль только благодаря челяди, подошелъ небольшой козацкій отрядъ къ панскому лагерю, вызвалъ пахолка подъ видомъ врученія письма и увлекъ его съ собою. Вечеромъ пахолкъ вернулся и принесъ панамъ фальшивое письмо, которое будто бы писалъ Хмельницкій къ своему обозному, Чорнотѣ, изъ-подъ Озерной. Хмельницкій увѣдомлялъ своего обознаго, что королевское войско разбито; что онъ ведетъ къ Збаражу 500 важнѣйшихъ пановъ и наказываетъ ему смотрѣть въ оба, чтобъ осажденные не ускользнули.

Когда жолнеры читали съ ужасомъ это письмо, мужики толпились подъ обозомъ и кричали Ляхамъ, чтобы они поклонились и поддались „пану Хмелю“, когда ужъ и король не устоялъ противъ него. Выстрѣлы, радостныя восклицанія и пѣсни въ козацкомъ таборѣ наполняли сердца жолнеровъ тревогой и отчаяньемъ. Они, казалось, готовы были теперь опустить руки. Но на разсвѣтѣ ротмистръ татарской хоругви Вишневецкаго принесъ найденную имъ стрѣлу съ прилѣпленнымъ къ ней смолою клочкомъ бумаги, на которомъ прочитали слова: „Будучи шляхтичемъ, хоть и по-неволѣ среди гультайства, увѣдомляю вашихъ милостей, что король его милость находится въ Зборовѣ съ весьма великою силою, я нѣсколько разъ побилъ Орду и козаковъ. Хмѣль въ таборѣ, а вчерашнее торжество было для вашего страха. Держитесь осторожно нѣсколькихъ дней, и дастъ Богъ будетъ хорошо. Уже въ третій разъ предостерегаю васъ“.

Нѣкоторые подозрѣвали, что записка вымышлена; но войско тѣмъ не менѣе ободрилось. Въ послѣдствіи обнаружилось, что это была военная хитрость князя Вишневецкаго, который переносить всѣ неудобства, труды и голодъ наравнѣ съ простыми жолнерами, спалъ подъ валомъ, участвовалъ во всѣхъ вылазкахъ и всего досматривалъ, самъ не падалъ духомъ, и веселымъ лицомъ вливалъ надежду въ сердца своихъ соратниковъ.

Такимъ образомъ въ обоихъ лагеряхъ торжествовали: козаки, что облегли короля, а паны, что Хмѣль и Орда поражены королемъ.

Въ слѣдующій день Вишневецкій схватилъ 10 языковъ. Они объявили на пыткѣ, что король бьетъ козаковъ, такъ какъ множество

раненныхъ постоянно привозять въ таборъ; что Хмѣль призывалъ къ себѣ новую силу, и только передъ чернью дѣлаетъ видъ, будто облегъ короля.

21 (11) августа около полудня, когда часть Орды вернулась уже подъ Збаражъ, подѣхалъ къ панскому лагерю Татаринъ, посланный отъ перекопскаго Карачъ-бея, и кричалъ, чтобъ не стрѣляли по козакамъ, потому что съ королемъ заключенъ уже миръ.

Когда паны размышляли объ этомъ, козаки поставили свои гарматы надъ оверомъ, и двинулись нѣсколькими купами на валы, но ихъ встрѣтили такою пальбой, что они были принуждены отступить. Не хотѣлось кровожадному звѣрю разстаться съ вырванной у него Татарами добычею, но и послѣдній прыжокъ не удался ему.

По заходѣ солнца, явился къ Фирлею молодой шляхтичъ Ромашкевичъ, (по фамиліи Русинъ), извѣстный своею посольскою службою покойному Конецпольскому, съ письменнымъ увѣдомленіемъ, что миръ заключенъ, и что королевскіе комиссары, Ожга и Миноръ, придутъ рано утромъ въ лагерь.

Новость эта наполнила всѣхъ безумною радостью, но потомъ—новымъ страхомъ. Сомнѣвались, чтобы король ввѣрилъ столь важное дѣло такому молодому человѣку. Никто лично не зналъ его. Боялись новаго коварства со стороны Хмельницкаго. Почему не пріѣхали новые комиссары? почему засѣли они въ непріятельскомъ таборѣ и смотрять на новый козацкій приступъ? Не такимъ воображали себѣ освобожденіе герои осаднаго сидѣнія. Король зналъ бы цѣну людямъ, которые своимъ самопожертвованіемъ остановили вторженіе дикой силы во внутреннія области королевства....

Региментари допрашивали Ромашкевича публично: на какихъ условіяхъ заключенъ миръ подъ Зборовымъ? Гонецъ сперва молчалъ упорно, наконецъ угрюмо отвѣчалъ, что это не его дѣло, и что комиссаровъ задержалъ у себя Хмельницкій до утра.

Скоро явился въ панскомъ обозѣ другой гонецъ, съ письмомъ отъ Хмельницкаго. Гетманъ увѣдомлялъ пановъ о заключенномъ мирѣ и окончилъ свое письмо такими словами: „А какъ ваши милости обѣщали хану нѣсколько сотъ тысячъ, то приготовьте ихъ. По полученіи денегъ царь отступить“.

Паны отвѣчали Хмельницкому, что не обѣщали ничего, и скорѣе всѣ погибнуть, нежели заплатить хоть одинъ талеръ.

Ромашкевичъ, видя, что региментари готовятся къ завязанной оборонѣ, началъ рассказывать, какъ бились подъ Зборовымъ, какой заключили миръ, и что слышалъ въ козацкомъ таборѣ.

Паны слушали его молча. Отъ стыда и сожалѣнія о своихъ напрасныхъ страданіяхъ, старые воины поникли головами. Гонецъ пересказывалъ имъ, какъ ихъ враги хвалили ихъ мужество, называя ихъ сердитыми, и какъ Татары ломаннымъ языкомъ своимъ издѣвались надъ королевскимъ войскомъ: „Подъ Збаражъ одна Ляхъ десеть Татаръ взійъ; на Зборувъ одна Татаръ десеть Ляхъ бере“. Никого не занимали ни хвалы, ни насмѣшки. Извѣстіе о позорномъ мирѣ наполнило панскій лагерь великимъ горемъ. Жолнеры, столько разъ явившіе себя героями, теперь упали духомъ, точно на нихъ повѣяло отъ короля заразой себялюбиваго ничтожества. Ихъ подавляла тоска о столькихъ утратахъ, о столькихъ напрасныхъ подвигахъ, о столькихъ несслыханныхъ страданіяхъ.

На другой день, когда прибыли Ожга и Миноръ, региментари объявили, что не давали никакихъ обѣщаній и ни о чемъ не трактовали, такъ какъ „разошлись въ прелиминаріяхъ“. Но ханъ уперся въ своемъ требованіи, и паны согласились дать ему 40.000 талеровъ, въ счетъ неуплаченнаго окупа за Сѣнявскаго. Въ залогъ за эту сумму дали хану Потоцкаго, богатаго шляхтича, но не изъ того дома, glavой котораго былъ Николай Потоцкій.

23 августа жолнерамъ дозволили выходить изъ замка. Тогда между панскимъ и козацкимъ обозами появились тысячи торговыхъ будокъ. Открылась ярмарка. Жолнеры покупали у козаковъ лошадей и сѣстное. Знакомые угощались взаимно горілкою, хлѣбомъ, яблоками. Въ-мѣсто боевой тревоги, поднялся шумъ жизни мирной. Однакомъ, и здѣсь обнаружилась козакотатарская привычка къ воровству и разбою. Сперва схватывали съ головъ у жолнеровъ шапки, потомъ козаки нѣсколькихъ совсѣмъ ограбили, а Татары нѣсколькихъ неосторожныхъ увели въ неволю. „Кто вмѣшивался въ толпу, не имѣя знакомыхъ“ (пишетъ очевидецъ), „тѣ попадали въ бѣду“.

Наконецъ 25 (15) августа съ разсвѣтомъ, отступилъ ханъ съ торжествующею Ордою, за нимъ двинулись козацкіе вozy въ нѣскольکو десятковъ рядовъ, а за ними, въ полдень, Хмельницкій, окруженный татарскою гвардіей своей и блестящими „козацкими признаками“.

Только тогда осажденные вздохнули свободно. Отворились лагерныя ворота. Толпы народу высыпали обозрѣвать поле. Вся окрестность была изрыта вдоль и поперекъ. Семь большихъ окоповъ, насыпанныхъ панами и козаками, окружало панскій лагерь, изъ котораго два хана напрасно грозили попытаскать Ляховъ за чубы. Окопы вокругъ козац-

кихъ таборовъ и татарскихъ юртовъ, жолнерскія „квартиры“, шанцы, разбросанныя, подобно вровымъ норамаъ, по полю, апроши, поперечные рвы и земляные верки, обломки оружія, вововъ, палатокъ, конская пададь и почетныя „могилы“ надъ людьми—покрывали равнины вокругъ Збаража. Вездѣ на этихъ мѣстахъ кипѣлъ бой и лилась кровь. Борьба не прерывалась болѣе шести недѣль. Осажденные выдержали 20 приступовъ; 16 разъ выходили они въ поле и наступали на осажденныхъ, 4 раза рыли и поновляли валы, редуты, рвы, 75 разъ выскакивали мелкими партіями противъ непріятеля, и одна рука держалась иногда противъ сотни и больше козакотатарскихъ. Таковы польскія преданія, опирающіяся на достопамятномъ фактѣ, что сотни тысячъ варваровъ не одолѣли девяти тысячъ хорошо вооруженныхъ и опытныхъ въ военномъ дѣлѣ жолнеровъ.

Какъ ни величался Хмельницкій передъ королевскими послами своею вѣчною дружбою съ Татарами, но никто лучше его не зналъ, что Татары друзья опасные. Еще до прихода къ Збаражу, о козацкихъ союзникахъ царскіе люди доносили въ Москву такія вѣсти: „А Татаровя стоятъ отъ козаковъ верстахъ въ 10 съ своими полки, и тѣ де Татаровя украдкою ихъ, козаковъ, на проѣздахъ побиваютъ, и въ полонъ емлютъ, и конскія стада отгоняютъ, и отъ того де козаки оберегаютца и страшатца добрѣ, что они, Татаровя, имъ, козакомъ, ставтца сильны“.

Такъ было въ самомъ началѣ Збаражскаго похода. По его окончаніи, Татары являются друзьями того же самаго свойства. Вѣстовщики доносили царю: „А шоль Богданъ Хмельницкой, помирясь съ королемъ и отпуствя отъ себя Татаръ, въ свои города зъ большимъ опасеньемъ полками и съ снарядомъ 10 дней, боясь отъ Татаръ погрому, потому что Татаровя, будучи нынѣшняго лѣта въ Польшѣ съ Черкасы вмѣстѣ, многіе литовскіе города повоевали и полонъ многой поимали... И для де того Хмельницкой отъ Татаръ держитъ большое опасенье, потому что запорожскіе Черкасы многіе изнужились, и бредутъ назадъ въ города свои пѣши“.

Въ моментъ превозносимаго козацкими историками торжества Хмельницкаго надъ Ляхами, въ судьбѣ Козацкаго Батька сдѣлался поворотъ. Не помогла ему искусственная встрѣча, сдѣланная пилавецкимъ и львовскимъ добычникамъ въ Кіевѣ. Народъ, который онъ, аки Моисей Израиля, спасалъ отъ ляшеской неволи, встрѣчалъ и провозжалъ его пѣснями въ родѣ слѣдующей, записанной мною самимъ на его родинѣ:

Ой богдай Хмеля Хмельницького
 Пёрва кўля не минула,
 Що велѣвъ брати парубкї и дївкї
 И молодїи молодїцї!
 Парубкї йдуть свївѣючи,
 А дївчѣта рыдѣючи,
 А молодїи молодїцї
 Старого Хмеля проклинаючи:
 Ой богдай Хмеля Хмельницького
 Пёрва кўля не минула! *)

Проклятїя несчастнаго народа, безъ всякаго сомнѣнїя, долетали до ушей козацкаго Моисея. Для такого сердца, какое выработали въ груди нашего Хмеля иезуиты, сами по себѣ эти проклятїя значили столько же, какъ для его сподвижниковъ крикъ облитаго горїлвою и подоженнаго святоюрца; но этотъ возлюбленный сынъ своего украинкозацкаго отечества вѣровалъ въ таинственную силу слова, и погубленные имъ сотни тысячъ земляковъ должны были въ его умѣ имѣть нѣчто общесъ пѣснями, предающими его анаемѣ.

Козацкїй Батько еще зимою послалъ въ Бѣлоруссію 10.000 малорусскихъ мужиковъ, подъ начальствомъ Голоты, о которомъ кобзаря поютъ, что онъ не боялся ни меча, ни огня, ни третьяго — болота. По словамъ кобзарской думы, долетѣвшей до насъ изъ кровавой пропасти, именуемой Хмельниччиною, Голота сводилъ свои подвиги къ такому концу:

Дай же, Бѣже, щобъ козакїи нїлїи та гуляли,
 Хороші мислї мѣли *),
 Одъ мене бїльшу здобычъ здобували,
 Неприятеля нїдъ нѣга топтали.

Для „хорошихъ мыслей“ Бѣлоруссія представляла козаку Голотѣ еще больше простора, нежели Царю Наливаю. Въ теченіе полусто-

*) Въ вариантѣ этой проклинательной пѣсни, записанномъ И. П. Буцнскимъ, авторомъ книги „О Богданѣ Хмельницкомъ“, говорится:

О богдай Хмеля Хмельницького
 Пёрва кўля не минула,
 А другая устрѣлила,
 У сѣрденько уцѣлила!

*) Выраженіе „хороші мислї мѣти“ родственно польскому высу *dobrzej fantazji*, что означаетъ быть смѣлымъ.

лѣтія козацкая пропаганда проникла даже къ подгорскимъ опришкамъ и варшавскимъ гультаямъ. Города за Припетью, убѣжище осиротѣлаго дома удѣльныхъ князей Олельковичей отъ козаковъ и Татаръ, вскипѣли теперь бунтомъ нетягъ противъ людей имущественныхъ и гулящей черни противъ пановъ. Мѣстная шляхта покидала свои хозяйства и толпами замерзала по дорогамъ. Голота, какъ и Перебийнось, воображалъ уже себя вторымъ Хмельницкимъ, властвуя надъ лучшими мужиками и мѣщанами посредствомъ худшихъ. Но весной Викентій Гонсѣвскій, собравъ гарнизоны, вытѣсненные козаками Голоты изъ городовъ, напалъ врасплохъ на его скопище, загналъ его самого въ Припеть и потопилъ со множествомъ такихъ же рыцарей „хорошихъ мыслей“.

Съ другой стороны литовскій гетманъ Янушъ Радивиль, съ главнымъ литовскимъ войскомъ, приблизился къ Рѣчицѣ, гдѣ засѣлъ было другой мурза козацкаго хана, Стецькò Подобайло. Этотъ былъ посланъ Хмелемъ въ Бѣлоруссію съ 10.000 свѣжаго войска только для того, чтобы не дать Радивилу двинуться въ новое „козацкое гнѣздо“, Кіевъ. Радивиль заперъ его въ устьѣ Сожи надъ Днѣпромъ и началъ громить пушечной пальбой.

На выручку Подобайла Хмельницкій двинулъ 300.000 лучшаго козацкаго войска, подъ начальствомъ одного изъ образованныхъ соотчичковъ своихъ, шляхтича Кричевскаго. Но Радивиль вмѣстѣ съ Гонсѣвскимъ не далъ ему соединиться съ Подобайломъ и, послѣ кровопролитной битвы, окружилъ шапцами въ такой западнѣ, которая напомнила козакамъ Мсдѣжьин Лозы. Подобайло воспользовался разединеніемъ литворусскихъ силъ, вырвался изъ тѣснаго кута и спѣшилъ на соединеніе съ Кривоносомъ, но былъ разбитъ на голову.

Въ то же самое время надъ Кричевскимъ, кумомъ, пріятелемъ и главною опорою Хмельницкаго, совершилось проклятіе, которое посылали ему самому татарскія плѣнницы. Какъ много терялъ Хмѣль въ этомъ сподвижникѣ, видно, между прочимъ, изъ того, что прострѣленный пулею Кричевскій былъ нарисованъ съ обнаженной грудью и награвированъ въ „Theatrum Europaeum“, издававшемся тогда во Франкфуртѣ. Раздраженные Литворуссы помнили своего Буйвида кровавою тризною: съ войскомъ Кричевскаго случилось то, что постигло завязтыхъ козаковъ Паливайкова полковника Мартина подъ Копыломъ. Хмельницкій получилъ объ этомъ извѣстіе незадолго передъ тѣмъ, какъ очутился между татарскимъ молотомъ и польскою наковальней подъ Зборовымъ. Проклятія, встрѣтившія „старога Хмеля“ въ Украинѣ, должны были получить въ его душѣ зловѣщую выразительность.

И въ глазахъ спасаемаго имъ народа, и въ его собственныхъ, на его свирѣпомъ дѣлѣ лежала печать Господня отверженія. Сколько въ Польшѣ, столько же и въ Малороссіи были недовольны заключеннымъ въ Зборовѣ миромъ. Растравленные прошлогодней добычей мужики шли на новую добычу по большей части тѣми самыми мѣстами, въ которыхъ—или хозяйничали по-татарски сами, или предоставляли хозяйничать своимъ наставникамъ, Татарамъ. „Поживы“ въ 1649 году было сравнительно мало, ея искателей—сравнительно много, и эти искатели были подгоняемы къ опаснымъ битвамъ козацкими списками да татарскими нагайками. Множество ихъ очутилось у Татаръ въ ясырѣ вмѣстѣ съ тѣми, на кого набѣгали они съ Татарами; множество пало въ битвахъ, которыя „старинные“ козаки устраивали такъ, чтобы козаки „охочіе“, затыжцы мужики и мѣщанѣ, служили имъ прикрытіемъ вмѣстѣ съ гонимымъ впереди скотомъ; остальные, какъ рассказывалъ въ Москвѣ путивлецъ Литвиновъ, „брели домой пѣши изнужившись“.

Окозаченные мужики были крайне недовольны подвигами Хмельницкаго: обманулись они въ своей надеждѣ жить на счетъ Ляховъ, которою такъ восторгалась одичалая въ нашей украинщинѣ Клію. Еще меньше были ими наушники ихъ, запорожцы, и всѣхъ меньше былъ удовлетворенъ самъ Козацкій Батько.

„Это Москва надѣлала намъ такихъ шкодъ!“ (шумѣло преславное Запорожское Войско). „Когда бъ она послушалась на первыхъ же порахъ нашего Батько Богдана, давно были бы мы за Бѣлою Водой; давно бы не было на свѣтѣ ни Ляха, ни Жида, ни проклятой Уни!“ И вотъ по всему московскому пограничью пошла ходить молва о томъ, что козаки, вмѣстѣ съ Татарами, нагрянуть къ православнымъ тѣмъ же обычаемъ своимъ, что и къ невѣрнымъ Ляхамъ да Люторамъ; а обычай де у нихъ тотъ же татарской: живутъ они добычею, воюють изъ-за добычи. А теперь ханъ даже грозитъ Хмельницкому, „сослався съ Польскимъ королемъ и съ Поляки“,—грозитъ воевать его самого, коли не пошелъ бы воевать съ нимъ государеву землю. На то де они побратимы: поклялись братъ брату на саблѣ, Хмельницкій присягою, а ханъ шертью.

Такъ, въ общихъ чертахъ, сложилось общественное мнѣніе пограничниковъ о збаражскихъ и зборовскихъ герояхъ; а признаки враждебныхъ замысловъ видѣли они въ томъ, что „конотопцы государеву землю роспахали многую, и хлѣбъ сѣли орженой и яровой, и сѣна покосили, и лѣсъ хоромной и дровяной и бортной деревья посѣбли, и межи и концы перепахали, и грани попортили“,—видѣли въ томъ

что „по рѣкѣ Сулѣ и по рѣкѣ жъ по Терну Черкасы изъ черкаского войска лѣса запустошили, и лошади у недрыгайловцевъ Черкасы крадутъ, и дворы и гумна жгутъ, а отъ посаду Недрыгайловскаго всего саженехъ во стѣ поселились Черкасы городкомъ Костентиновымъ“, — видѣли въ томъ, что „дворы деревни Кулешовки поставили на государевой землѣ, и мельницу на рѣкѣ Уси къ государевѣ сторонѣ и къ берегу“, — видѣли въ томъ, что Черкасы во всѣхъ пограничныхъ городахъ своихъ „говорять не тайно“ о своемъ намѣреніи „итти зъ гетманомъ однолично на Московское Государство войною за то, что государь не учинилъ имъ, Черкасомъ, ратной помочи на Поляковъ“, — наконецъ и въ томъ, что козаки, вспоминая о жалованьѣ Запорожскому Войску отъ прежнихъ московскихъ государей, вознамѣрились наложить на Москву такой гарачъ, какой Татары наложили на Ляхву; „а будетъ де ты, государь“ (писали въ Москву путивльскіе воеводы) „имъ, Запорожскимъ Черкасомъ, своего государсва жалованья дать не укажешь, и ему, черкаскому гетману, Богдану Хмельницкому, съ Черкасы и съ Татары однолично итти войною на твое государево Московское Государство“.

Москва смотрѣла на козаковъ Хмельницкаго, какъ на прозелитовъ татарщины, и слухи о враждебности мнимыхъ „борцовъ за православную вѣру и русскую народность“ получили серьезное значеніе въ ея глазахъ, особенно послѣ собранія въ Царской Думѣ повсемѣстныхъ въ Украинѣ толковъ о задуманномъ двумя ханами походѣ на Донъ, съ тѣмъ, чтобы „Татаромъ съ Черкасы збить донскихъ козаковъ зъ Дону до одного человѣка“, и потомъ „Крымскому царю съ Запорожскими Черкасы итти войною на Московское Государство“.

Дѣйствительно православное значеніе Москвы было для козаковъ послѣднимъ дѣломъ. Это въ Москвѣ знали даже по дѣяніямъ козаковъ Сагайдачнаго, возстановителя кievской митрополіи. Кадры Запорожскаго Войска состояли изъ шляхтичей банитовъ, принадлежавшихъ не только къ римскимъ католикамъ и къ нѣмецкимъ протестантамъ, но и къ аріянамъ. „Какіе они христіане?“ (говорили о Москаляхъ въ данный моментъ козатчины кошевые и куренные витіи). „У нихъ вѣра царская, а не христіанская: какъ повелитъ имъ царь, такъ они и вѣруютъ“. — „Коли бъ вони знѣли благочестіе“ (прибавляли къ этому богомольные козаки), „не попустили бъ вони Божихъ церквѣ Ляхамъ на поталу; не дали бъ вони побивати насъ проклятымъ пекельникамъ, бісовымъ Ляхамъ та Нимоті. За москѣвскою підмогою, звоювали бъ мы и сплндрували бъ увесь свѣтъ; мы бъ и самого римського папу віддали Турчинові въ неволю. Отъ бы коли була наша честь, слава,

військова справа! Отъ бы коли мы себѣ на сміхъ не подавали, воровъ підъ ноги топтали! А не схопивъ Москаль намъ помагати, ходимо зъ Ордою самого ёго воювати“!

Что такъ должны были логически послѣдовательно мудрствовать всѣ, кого Козацкій Батько называлъ, по словамъ кобзарей, дѣтьми, друзьми, небожатами, это видно изъ того, что логика козакомановъ нашего времени не далеко ушла отъ подобнаго воззрѣнія на порядокъ вещей въ свѣтѣ. Мы уже знаемъ, какими горькими сѣтованіями и злобными угрозами раздражался онъ на равнодушіе Москвы къ его великому предпріятію. Но послѣ припадковъ горя и злости опять выражалъ готовность „служить христіанскому государю“; что, впрочемъ, не мѣшало ему возвращаться къ старой козацкой темѣ. Однажды, когда путивлецъ Василій Бурово да путивльскій пушкарь Марко Антоновъ явились къ нему съ жалобой на козацкіе захваты по московскому рубежу, „началъ онъ ихъ бранить и называть лазутчиками: Їздите де вы не для расправы, для лазутчества. А приказывалъ де съ ними съ грозами и велѣлъ намъ“ (писали путивльскіе воеводы къ царю) „словесно: не тожмо де, что ихъ литовскіе люди твоею государевою землею за межею владѣють, ждали бъ де мы, холопи твои, ево къ себѣ въ гости подъ Путивль вскорѣ: идетъ де онъ, гетманъ, войною тотчасъ на твое государево Московское Государство. Вы де за дубье да за пасѣки говорите, а я де все—и города московскіе и Москву сломаю. Да и противъ тебя, государя, говорилъ онъ, гетманъ, непригожія слова: „Хто де на Москвѣ сидитъ, и тотъ де отъ меня на Москвѣ не отсидитца“.

Такъ бѣсновался въ своемъ безсиліи противъ Татаръ и Ляховъ Козацкій Батько, поживившись у хана, „якъ собака мухою“, сказали бъ козаки-друзі. Теперь уже не было ему торжественной встрѣчи въ его столицѣ, Кіевѣ, наименованной такъ въ чадѣ первыхъ успѣховъ. Онъ пересталъ быть *единовладникомъ и самодержцемъ* русскимъ. По своей присягѣ, теперь онъ былъ такой же королевскій подданный, какъ и всякій другой козакъ. Ханъ далъ ему гетманскую булаву и знамя рукою ничтожнаго, по гордому воззрѣнію пиявцакаго героя, *жидовскаго* короля; ханъ могъ ее предоставить Забугскому и любому полковнику козацкому. Этого мало: Хмельницкій очутился данникомъ крымскаго хана. Молва гласила, что гетманъ отсчиталъ ему 500.000 талеровъ изъ собственной „шкатулы“; а „що по титулі, коли нема въ шкатулі“? говоритъ малорусская пословица. Но татарская помощь стояла дороже. Для вознагражденія мусульманъ-людохватовъ была

наложена поголовная подать на тотъ народъ, который козацкій Моисей взялся освободить отъ польскаго ига.

Дороговизна съѣстныхъ припасовъ возросла между тѣмъ страшно. Дома оставались только женщины, дѣти да немощные инвалиды. И тѣ работали мало, имѣя въ виду великую и богатую милость отъ Бога за избіеніе злочестивыхъ Ляховъ и проклятыхъ Жидовъ. Но вмѣсто денежныхъ людей, обремененныхъ добычею, возвращались большею частью *измученные* оборвыши, часто искалѣченные; вообще облѣвившіеся и, можно сказать, поголовно споенные въ походѣ. Это были не звягельскіе кушнеры, сервировавшіе столъ панскимъ серебромъ, не обогатители, а разорители своихъ семействъ. Они увеличили, а не уменьшили, голодъ и нищету въ Украинѣ. Вернувшись домой, они пропивали даже то, что въ ихъ отсутствіе припасали женщины пряжею, тканьемъ и т. п., какъ объ этомъ выразительно говоритъ украинская Одиссея, которая, по милости козацкаго „всегубительства“, дошла до насъ въ такихъ отрывкахъ сквозъ Хмельничину и Руину, какъ эпосъ варягорусскихъ временъ—сквозъ Татарское Лихолѣтье.

Скдро ставъ козакъ изъ походу прибувати,
 Ставъ до новыхъ воріть до ламаныхъ дожджати,—
 Вінь съ коня не вставає,
 Кѣлепомъ нові-ламані вордта відчиніє,
 Козацькимъ гѣлосомъ гукає...
 Скдро стала козачка козацькимъ гѣлосъ зачуувати,
 До вона не стала до єгѣ дверей выхождати,
 Стала, мовъ сивою голубкою, въ вікно вылітати.
 Тогді козакъ добре дбає,
 Хорошєнько іі кѣлепомъ по плєчахъ привітає,
 Барбачємъ по спині затинає.
 Тогді козачка у хату вбєгала,
 Бүдїмъ нєхотя нещївний борщъ полїномъ щыркнїла,
 Ну єгѣ кгъ нечїстїй матерї! у пїчъ обєртала.
 До скрїні тягла,
 Не прѣстєго, лянїдо полотна трїццятъ лїктївъ узяла,
 До шинкарки тягла,
 Три кварты не прѣстєї горїлки, оковїты узяла,
 Зъ мѣдомъ да зъ пѣрцемъ розогрївала,
 Оттїмъ козакъ частувала та вїтала!..

Украинская Одиссея, съ примѣрнымъ для историковъ прямодушїемъ, изображаетъ милыя привычки козацкаго быта, прїобрѣтаемыя въ безженныхъ товариществахъ. Несчастливая Пенелопа наша не зна-

ла, какъ скрыть передъ сосѣдами синяки подъ глазами, которыми наградила ее за одиночество козакъ-Одиссей, и, чтобъ отелонить на-смѣшки, придумывала разныя небылицы.

А козакъ сидѣть у корчмі, медь-вино кружас,
 Корчмѣ созвалас:
 „Гей, корчмо, корчмо княгинє!
 Чомъ то въ тобѣ козацько добра багато гине?
 И сама еси не ошатно ходишь,
 И насъ, козаківъ-нетягъ, підъ случай безъ свитѣкъ водишь

Результатомъ козацкихъ подвиговъ и приобретаемой въ походѣ нравственности украинская Одиссея выставляетъ слѣдующую картину:

Знати, знати козацьку хату
 Крізь десяту:
 Вона солдмою не покрита,
 Приспою не османана,
 Болѣ двора не чїста (сила) ма й кола,
 На дровітні дровъ нї полїла:
 Сидѣть въ нїй козацька жінка, ожола.
 Знати, знати козацьку жінку:
 Що всю зиму бѣса ходить,
 Горшкѣмъ воду носить,
 Полѣвникѣмъ діти наповас *).

Люди этого пошиба, общаго въ козачинѣ больше всякаго другаго, не могли внести въ Малороссію ни прагматическаго ума, ни добраго, умиротворяющаго чувства. Съ ними вернулись въ шинки, корчмы, кабаки всѣ тѣ чудовищныя исторіи, которыми запорожцы, подобно іезуитамъ, прикрывали движеніе своихъ корпоративныхъ цѣлей. Съ ихъ бурнымъ наплывомъ въ города и села, нѣжныя пѣсни украинскихъ женщинъ, эти граціозныя въ своей страстности произведенія неграмотной Музы, были заглушены пѣснями разбойными. Они внесли въ города и села запорожскій развратъ мысленія и развратъ чувствованія, въ прибавку къ тому, что укрѣдилось тамъ со временъ оныхъ. Пропагандируя войну за вѣру, вмѣстѣ съ войною за козацкую „честь-славу, войсковую справу“, при посредствѣ пьянства, картежничества, востырства и кабачнаго распутства, они поднимали голодную, безнуж-

*) Полная дума о козацкой жизни напечатана въ моихъ „Запискахъ о Южнѣй Русі“, т. I, стр. 215—220.

ную и безчестную чернь на московскаго царя съ такимъ успѣхомъ, что московскіе пограничные воеводы стали съзывать сельскихъ жителей въ города для осаднаго сидѣнья, а къ царю вопіяли о плохомъ вооруженіи своихъ командъ и замковъ-остроговъ.

Между тѣмъ паны, тѣснившіеся за Случью и Припетью, съ нетерпѣніемъ ждали времени, когда будетъ имъ дозволено вернуться въ свои займища, напелелища ихъ колоній, въ окровавленные развалины ихъ домовъ. Дозволеніе зависѣло de jure отъ сеймоваго утверженія Зборовскаго договора, но de facto—отъ настоящихъ владѣльцевъ панскихъ имѣній, настоящими же, фактическими владѣльцами были тѣ, отъ которыхъ бѣжали владѣльцы юридическіе. Такова была дилемма Хмельничины. Руководитель изгнанія изъ Украйны Ляховъ католиковъ, Ляховъ-протестантовъ, Ляховъ-православниковъ, то-есть вообще пановъ Ляховъ, поднялъ поголовно всѣхъ способныхъ и готовыхъ къ бою, какъ вооруженныхъ, такъ и безоружныхъ, подняло не только на освобожденіе Русскаго Народа отъ гонителей *христіанской* вѣры, какъ онъ прокламировалъ, но на истребленіе и самаго имени ляхескаго. Подъ этимъ девизомъ бился онъ съ княземъ Вишневецкимъ, съ королемъ и наконецъ съ панскою челядью—за козачью „честь-славу, войсковую славу“. Чтобъ не было на Украйнѣ ни Ляха, ни Жида, ни Унія, уложилъ онъ по малой мѣрѣ 100.000 ополченцевъ своихъ въ сырую землю на Волини и въ Бѣлоруссіи, да заплатилъ Ордѣ вдвое или втрое столько же молодыхъ молодичъ, дівчатъ, паробковъ и дѣтей, сверхъ милліона татарскихъ плѣнниковъ, насчитаннаго прежде литовскимъ ванцлеромъ, и довоевался до того, что ему повелѣла верховная власть,—не королевская, а ханская, не христіанская, а басурманская,—призвать обратно въ Украйну пановъ Ляховъ, безъ различія исповѣданій. Козацкій Батько внутался въ такую игру, что ему осталось одно—сдѣлаться козацкимъ ханомъ, султанскимъ подданнымъ; а своихъ „дѣтей, друзей, небожатъ“ превратить въ головорѣзовъ зничарь. Такъ и рѣшился онъ дѣйствовать. Но этого не знали еще ни въ Москвѣ, ни въ Варшавѣ; этому не вѣрили даже въ Стамбулѣ. Всѣ были затруднены до крайности: какъ быть съ огромной шайкой разбойниковъ, съ козачиной? и всѣхъ больше затруднялся этимъ вопросомъ атаманъ разбойницкой шайки.

Неопредѣленность его политики обнаружилъ попытка Киселя занять своими хозяйскими и воеводскими дѣлами въ Украйнѣ. Чтобы позондировать взволнованное море, которое дважды уже выбросило его на опустошенный панскій берегъ, Кисель послалъ своего слугу, Сосницкаго, подъ прикрытіемъ надворной дружины своей. Сосницкій

рапортовалъ ему изъ Кіева, отъ 28 сентября, что мужики не оставляютъ своего предпріятія (plebs w swojem przedsięwzięciu nie ustaje), напротивъ они теперь хуже, чѣмъ были въ прошломъ году. „Никакихъ листовъ не респектуютъ“ (писалъ онъ). „Хотя мы ѣхали и съ козаками, но въ нѣсколькихъ мѣстахъ были задержаны, и намъ грозила великая опасность; а не будь съ нами козаковъ, Богъ знаетъ, остались ли бы мы въ живыхъ“.

Въ Кіевѣ Сосницкій засталъ Выговскаго. Тотъ не совѣтовалъ ему ѣхать къ пану гетману, и далъ для отправки въ пану воеводѣ письмо. Кіевскій войтъ принялъ посланцевъ Киселя радушно. Онъ также находился въ великой опасности, и мѣщане лишили было его войтовства. Поэтому не хотѣлъ онъ, да и не могъ, приступить ни къ какому ревизіямъ имущества, подлежащаго воеводскому вѣдомству. Проѣзжая черезъ Вышгородъ, Сосницкій видѣлъ въ шалапахъ (szorach) не мало „поташей“; но считать ихъ было трудно, потому что ихъ грузили на байдаки и возили въ Кіевъ. Кіевскіе мѣщане купили 400 бочекъ, а на остальные трудно было найти кунца. „Намъ говорили“ (замѣтилъ Сосницкій), „будто бы этотъ остатокъ какъ изъ Кіева, такъ и изъ Вышгорода приказано смускать на ливъ“.

Дѣло въ томъ, что когда панскія имѣнія были расхищены, когда даже „панскія жены сдѣлались женами козацкими“, какъ говорить Самовидецъ, — поташъ, главный послѣ земледѣлія и скотоводства продуктъ панскаго хозяйства въ Украинѣ, остался цѣлъ по своему не съѣдомому, и не горючему свойству. Хмельницкій старался превратить его въ деньги до возвращенія пановъ на свои пепелища и пустыри. По сказанію Варшавскаго Анонима, изъ одного Мліева, экономическаго центра украинскіхъ имѣній Конецпольскаго, Хмельницкій за поташъ взялъ отъ волошскихъ купцовъ больше 200.000 битыхъ талеровъ. „Жаль было уступить это Полякамъ“ (пишетъ онъ). „Но развѣ одинъ Мліевъ? У Конецпольскаго, Вишневецкаго, Замоискаго и другихъ отнято было семьдесятъ городовъ, селъ, слободъ и пасѣкъ, которые приносили такіе доходы, что горько и вспомнить“.

Этимъ объясняется, почему козакамъ надобно было всячески губить Вишневецкаго и наслѣдника Стацислава Конецпольскаго, соперника Вишневецкаго въ колонизаціи Малороссіи. Этимъ объясняется также, почему козаки возставали въ Украинѣ противъ Зборовскаго договора еще больше, чѣмъ паны въ Варшавѣ. Анонимъ прямо говоритъ: „Въ особенности же многочисленныя и многолюдныя добра Вишневецкихъ и Конецпольскихъ были препятствіемъ этому трактату: ибо пребываніе такихъ могущественныхъ пановъ на Украинѣ вело въ

постоянной войнѣ съ ними. Лучше было, разъ навсегда отнявши эти имѣнія у магнатовъ, обсадить ихъ козаками и тѣмъ обезпечить себя отъ измѣны“.

На Задѣпріе повѣренный Киселя, Сосницкій, не рѣшился ѣхать. Выговскій далъ ему понять, что гетманъ медлилъ мѣропріятіями для лучшаго перемѣщенія козаковъ изъ-за черты козачины (a prolongasya uszyniea dla lepszej gumacyjéj). Онъ де разостанъ уже на всѣ стороны для сбора извѣстныхъ (wiadomych) данинъ и другихъ доходовъ. Отдавать же шляхетскія мѣстности въ аренду не думаетъ, до утверждения сеймомъ договорныхъ пунктовъ.

„Духовенство наше“ (писалъ Сосницкій) „такое, какимъ было въ прошломъ году“. Въ этомъ лаконизмѣ скрывается мысль, что сановитые представители малорусскаго духовенства не соединили интересовъ церкви съ интересами козачества, и что митрополитъ бесѣдовалъ съ Сосницкимъ такъ же секретно, какъ и съ Киселемъ.

Послѣднія слова донесенія Киселева конфидента заключали въ себѣ самое важное для пановъ извѣстіе, что Хмельницкій не публиковалъ въ Украинѣ о мирѣ.

Въ своемъ письмѣ Выговекій совѣтовалъ Киселю пріостановиться съ пріѣздомъ въ Кіевъ до дальнѣйшаго рѣшенія пана гетмана, потому что онъ не приступилъ еще къ дѣламъ комиссіи, боясь воспламенить народъ въ самомъ жару его (bo teraz na poczátku samym ogień i zagzie rzuci się między niemi). „Въ этотъ огонь ѣхать вамъ опасно“, писалъ alter ego Хмельницкаго.

Мы знаемъ, какъ безуспѣшно старался Кисѣль въ прошломъ году провести, подъ покровомъ комиссіи, кіевскую шляхту на ея пепелища. Теперь, въ званіи кіевскаго воеводы и *украинскаго* комиссара, энергическій миротворецъ предпринялъ нѣчто въ родѣ новой колонизаціи возобновившихся малорусскихъ пустынь — водвореніемъ землевладѣльцевъ и должностныхъ лицъ тамъ, гдѣ уже два года царила козакотатарская орда. Чтобъ установить порядокъ вступленія тѣхъ и другихъ въ свои права, онъ созвалъ въ Житомирѣ шляхетскій сеймикъ подъ своимъ предсѣдательствомъ.

Хмельницкій увѣдомилъ его изъ Чигирина отъ 8 октября, что разослалъ всюду универсалы, повелѣвающіе поспольству въ городахъ (pospolstwa po miastach) вести себя смирно, и объявляющіе, что этотъ сеймикъ созванъ для утверждения козацкихъ правъ и вольностей, а равно и для успокоенія религіи, которая такъ долго не могла стоять на своей старинѣ (według starożytności swéj końca wziąć nie mogła). При этомъ просилъ онъ Киселя внушить шляхтѣ, что „не-

винная кровь лилась такъ долго отъ нарушенія козацкихъ правъ и вольностей“, и выражалъ надежду, что на генеральномъ сеймѣ греческая вѣра будетъ успокоена, а унія совершенно (relitius) уничтожена, „и то, что наши предки“ (писалъ онъ) „падали на Божіе дома, будетъ возвращено“. Онъ увѣрялъ, что ждетъ его прїѣзда въ Кіевъ, какъ давнишняго благопріятеля Запорожскаго войска, „съ великою охотою“, а для безопасности проѣзда послалъ къ нему двухъ козаковъ съ универсалами, которыми бы они усмиряли посольство. Относительно дѣдичныхъ и дигнитарскихъ имуществъ Киселя онъ также, по его словамъ, разослалъ всюду универсалы, и старался о томъ, чтобы войско было переписано въ 40.000-й реестръ, а на сеймѣ обѣщалъ выслать козацкихъ пословъ.

Въ то же самое время, благодарилъ Хмельницкій письменно короля за его великую, истинно-отеческую милость, обѣщалъ привести Запорожское Войско въ опредѣленный порядокъ, увѣрялъ, что никогда не оплачетъ погибели столькихъ невинныхъ душъ, и, „падая низво подъ ноги королевскаго маестата“, свидѣтельствовалъ свое вѣрнопопданство.

И опять черезъ три дня писалъ онъ къ Киселю, что посылаетъ „двухъ товарищей своего войска, чтобы усмиряли посольство; дабы житомирскій сеймикъ могъ отправляться сповойно“, но „просилъ усильно“, чтобы ихъ милости паны-обыватели держались относительно подданныхъ „скромно“, до скомпутованья войска, а потому“ (писалъ онъ) „каждый изъ ихъ милостей, „какъ былъ, такъ и останется“. Въ противномъ случаѣ“ (прибавлялъ онъ ехидно) „надобно бояться, чтобы малая искра не сдѣлала великаго пожара (parva scintilla magnum excitat incendium), такъ какъ до насъ доходятъ разныя вѣсти, что польское войско готовится приблизиться къ нашимъ краямъ, а это было бы противно волѣ его королевской милости и нарушило бы пункты“. Онъ „униженно“ повторялъ свою просьбу, чтобы паны не воспрещали тѣмъ, кто принадлежитъ къ Запорожскому Войску, продавать все добро свое (wszystkie dobra) и выходить въ Украину. Онъ убѣждалъ, чтобы обыватели Кіевскаго воеводства благоволили быть терпѣливыми, и чтобы польское войско не приближалось къ „здѣшнимъ краямъ“.

Съ своей стороны Выговскій, отъ 9 октября, увѣдомилъ Киселя изъ Чигирина, что посодѣйствовалъ слугѣ его, Сосницкому, ѣхать въ заднѣпровскія имѣнія; „а къ черкасскому полковнику“ (замѣтилъ онъ), „хоть и близко, я зналъ, что это будетъ трудно.“¹⁾ Отложимъ

¹⁾ Братъ Адама Киселя, Юрій, былъ черкаскій староста, слѣдовательно, совмѣстникъ полковника по доходамъ.

до ревизіи (гдѣ королевскія имущества и гдѣ шляхетскія) и до устройства войска. Послѣ ревизіи, всѣ тотчасъ должны будутъ поклониться вашимъ милостямъ. Этого желаетъ и самъ панъ гетманъ (i sam JMR. Hetman przychylnym jest)“.

По многимъ причинамъ Малороссію было возможно покорить оружіемъ, но не было никакой возможности слить въ нераздѣлимое тѣло съ Польшею и подчинить навсегда панамъ, которые, въ глазахъ церковной интеллигенціи Малоруссовъ, сдѣлались Ляхами, и были ими дѣйствительно, если не по церковному обряду, то по возврѣнію на малорусскую церковь и по обычаю. Кисѣль считалъ свою миротворную миссію дѣломъ практическимъ; но собственный отвѣтъ его на письмо Хмельницкаго показываетъ, что его практичность основывалась на мечтательности. Этого письма Кисѣль ждалъ съ великимъ нетерпѣніемъ, но оно пришло къ нему только 20 октября. Не получая никакого извѣстія, онъ обходился осторожно съ посольствомъ, которое Зборовскими пактами было освобождено отъ панскаго присуда только по Коростышевѣ, но бушевало всюду по-старому. Чтобы раздраженная шляхта не дала козаковатой черни какого-либо повода къ замѣшательству, онъ принужденъ былъ, съ общимъ горемъ и съ умаленіемъ королевскаго достоинства, отправить сеймикъ подъ открытымъ небомъ, надъ рѣкой Случью, между Звяглемъ и Несолонью, терпя крайнія неудобства со всѣми сеймикующими. „Вѣдъ своеволие—вѣчный врагъ мира (swawola rokojowi na wilki nie zyczliwa)“ философствовалъ Исусъ Навинъ шляхетскаго Израиля въ виду обтраванной земли, и удовлетворялся только тѣмъ, что кievская шляхта сеймиковала на кievской землѣ, хоть не въ обычномъ мѣстѣ. „Если ваша милость“ (писалъ онъ) „сдѣлалъ это съ умысломъ, для посмѣянія,— Богъ тебѣ судья, и хотя я, убогій воевода кievскій, кочевалъ здѣсь со всею братіей, но, въ надеждѣ на будущее, покрываю (молчаніемъ). Что касается другаго пункта вашего письма, относительно того, чтобы паны-обыватели держали себя скромно, то не можетъ быть болѣе скромности, какъ та, что всѣ мы, глядя на дымы отчизны (ojczyście dymy), ожидаемъ убѣжища у берега отеческой земли,—ожидаемъ возвращенія отправленныхъ къ вамъ съ сеймика нашихъ братьевъ, яко слугъ его королевской милости и согражданину того же воеводства. Пора уже вамъ умилосердиться надъ нами, вашей братьей, и исполнить пакты, на которые вы присягнули, и которые заключаются въ трехъ пунктахъ: первый, чтобы козакамъ быть только по Коростышевѣ; второй, что изъ дальнихъ волостей имѣютъ они право выйти третій, что не желаніе быть въ реестрѣ, должны оставаться въ

подданствѣ его королевской милости, а въ нашихъ дѣдичныхъ добрахъ—въ обычномъ повиновеніи намъ. Мы готовы поступить по этому постановленію, и всѣ, кто будетъ въ реестрѣ, пускай себѣ на здоровье будутъ козаками, а мы пускай живемъ въ своихъ домахъ. Уже и сами подданные наши готовятся къ намъ (*garną się do nas*), и только тѣ, которые желаютъ козаковать, все портятъ... Благоволите же выслать свои универсалы, чтобы всѣ тѣ, которые хотятъ принадлежать къ войску, подали каждому изъ насъ въ его имѣніи реестръ, за подписью сотника или атамана, и мы не будемъ къ такимъ имѣть никакого дѣла, пока вы кончите свою ревизію. Кто войдетъ въ войсковой реестръ, тотъ пускай идетъ себѣ со всѣмъ своимъ имуществомъ, кто же не войдетъ и захочетъ остаться съ паномъ, пускай здоровье остается. Каждый панъ въ своей маетности не только не будетъ препятствовать этой ревизіи, напротивъ, будетъ помогать ей: если хочетъ имѣть больше подданныхъ, то будетъ съ ними сноситься, и милостію своею привлечетъ ихъ къ себѣ. А кто испремѣнно хочетъ быть козакомъ, тотъ обратится къ вамъ, и это облегчитъ вамъ составленіе реестра. Но когда намъ, глядя на наши маетности по заключеніи мира, нельзя въѣхать въ нихъ,—что жъ это за миръ и за согласіе? Это только большая досада... Наступаетъ зима: каждый обогрѣлся бы на своемъ пепелищѣ. Да и самая дѣйствительность мира не можетъ имѣть большаго ручательства, какъ пребываніе каждаго въ своемъ домѣ. Увѣряю вашу милость, что домъ каждому милъ: послѣ двухлѣтней драки, каждый научился держать себя скромно и привлекать къ себѣ подданныхъ... Что касается имѣній въ чертѣ пребыванія козаковъ, то допустите только нашихъ старостъ и подстаростіевъ поселиться на своихъ мѣстахъ. Они будутъ ждать составленія реестра. Кого вы выпишете въ реестръ, тотъ будетъ козакомъ, а кто не будетъ вписанъ, тотъ останется при замкѣ и панѣ. Такъ отъ вѣковъ бывало: почему же не можетъ быть и теперь? Ради Бога (сообразите, что) одинъ слуга, который будетъ подстаростіемъ въ королевщинѣ, или старостою въ дѣдичствѣ (*albo w dziedziectwie Starosta*), ничему не помѣшаетъ, а доходы уже начнутся, и будетъ видно, что мы наслаждаемся миромъ, и согласіемъ. Но когда я—воевода кievскій, а королевскій замокъ и въ мирное время пустѣетъ постарому и нѣтъ въ немъ моего подвоеводія, и не будетъ мнѣ никакой власти и дохода,—что жъ это за миръ такой?... Я бы совѣтовалъ реестровать сперва тамъ, гдѣ сама природа создала козаковъ (*gdzie sama natura kozaków mieć chciała*), а изъ отдаленнѣйшихъ волостей дополнять... Хотѣлъ бы я видѣться съ вашностью паномъ и, переговоривъ обо всемъ, поспѣшить на сеймъ

для окончательнаго служенію миру и согласію... Для того я медлю здѣсь, у воротъ Кіевской Земли, чтобы вы пустили братью нашу въ ихъ дома, и я, поблагословивъ имъ, ѣхалъ въ Кіевъ и другіе подначальные мѣ замки: это будетъ пактъ и первый знакъ мира.

Кисѣль увѣрялъ Хмельницкаго, что слухи о приближеніи войска вымышлены, и просилъ его не вѣрять слухамъ. Но Хмельницкій думалъ по-своему.

Недѣли черезъ три, писалъ къ нему король, называя его благороднымъ и вѣрноимымъ (*urodzony i wiernie nasz miły*), требовалъ, чтобы онъ охранялъ общее спокойствіе отъ своевольныхъ купъ, и указывалъ, что козаки все еще остаются въ Любечѣ, Лоевѣ, Стародубѣ и другихъ городахъ Великаго Княжества Литовскаго.

Хмельницкій отвѣчалъ ему, отъ 23 ноября, что войсковая ревизія производится съ великою поспѣшностью, обѣщалъ прислать пословъ на сеймъ съ вѣрноподданническимъ поверженіемъ козаковъ къ ногамъ королевскаго маестата и увѣдомлялъ, что Крымскій ханъ, по давнишнему обычаю брать дань въ *Черкасахъ* (то есть въ землѣ *Черкасъ*, Черкесовъ), прислалъ козакамъ наказъ (*przysłał do nas, abyśmy*), по вѣчной дружбѣ, которую они (Татары) взаимно завязали (*zawzięli*), дать ему двѣ или три тысячи войска для взысканія дани (*kaźni*), какъ это выговорено и при договорѣ съ королемъ. „А Татары“ (писалъ онъ) „всегда готовы служить вашей королевской милости противъ каждаго непріятели“.

Положеніе колонизаторовъ пустынной Малороссіи было безвирмѣрно горестное. Дикая страна, въ которой венеціанскій путешественникъ XV вѣка, Контарини, не находилъ почлега между Луцкомъ, Житомиромъ и Бѣлогородкою, эта *Rossia bassa*, въ которой Кіевъ стоялъ за чертою населенныхъ мѣстъ (*chi è fuori della detta Rossia*), въ которой видалъ онъ только пьянство, слышалъ только про лѣсныхъ бродягъ,—эта панорама безпріютныхъ и голодныхъ труповъ трудами и подвигами ихъ прадѣдовъ, дѣдовъ и отцовъ была превращена въ страну, цвѣтушую земледѣіемъ, скотоводствомъ, промыслами, торговлею,—и созданное смѣлою, энергическою колонизаціею предковъ многолюдство лишило потомковъ тѣхъ правъ, которыя были утверждены вѣками, правительствами, народами,—лишило для того, чтобы „землю, текущую молокомъ и медомъ“, превратить въ такую безпріютную и голодную пустыню, какою Контарини видѣлъ ее съ ужасомъ 175 лѣтъ назадъ...

Ach! czyjeż serce, czyje w żalu się nie hurzy? *).

невольно повторяетъ потомокъ завзятыхъ и безпутныхъ козаковъ стихъ потомка не менѣ завзятый и по-своему безпутной шляхты, когда широкая земля, напоенная кровью тѣхъ и другихъ, отвѣчаетъ на его вопросы такимъ же широкимъ молчаніемъ.

Bo na rozległych polach rozległe milczenie.
Tylko wiatr szumi, smutnie uginając kłosa;
Tylko z mogił westchnienie i tych jęk z pod trawy,
Co śpią na zwiędłych wiencach swojej stariej sławy **).

Нашихъ колонизованныхъ Русичей мы помипаемъ польскими стихами. Русскихъ стиховъ не заслужили эти жертвы римской политики: они предпочли чуждый элементъ элементу родному, и судьба жестоко покарала ихъ за отступничество вмѣстѣ съ тѣми, для кого они сдѣлались отступниками.

Православный предводитель колонизаціи, не умѣвший даже повторить малорусской фразы ***), Адамъ Кисѣль, изобразилъ ихъ несчастное положеніе въ письмѣ къ Оссолинскому яркими красками:

„Пять недѣль миновало уже, какъ посылалъ я къ Хмельницкому, и до сихъ поръ не имѣю никакого отвѣта; а при этой его кунктаціи, всегда для меня подозрительной, чернь остается въ куплахъ и не пускаетъ пановъ по домамъ. Въ Брацлавѣ убито нѣсколько десятковъ, въ Бышевѣ—десятка полтора. Меды, чинши, пактвы, аренды съ Кіева и отовсюду берутъ на Хмельницкаго; наконецъ, поташи, гдѣ еще были, распроданы... Получилъ я извѣстіе, что большая часть Орды осталась у него, и вочуетъ здѣсь при немъ. На мои вопросы: для чего? отвѣчаютъ мнѣ, что все это дѣлаютъ наши, которые уже и зимою грозятъ имъ войною; при этомъ охуждаютъ пакты и чего только не говорятъ! А Хмельницкій все это знаетъ и слышитъ. Шляхта же (nobilitas) доходитъ здѣсь до послѣдняго отчаянія: негдѣ и нечѣмъ жить. Хотѣли было ѣхать по своимъ домамъ, хотъ бы насъ,

*) Ахъ, чье же, чье сердце не погрузится въ печаль!

***) Ибо на широкихъ поляхъ широкое молчаніе. Только вѣтеръ шумитъ, наклоня печально колосья; только вздохи изъ могилъ и стонъ изъ-подъ травы тѣхъ, что спятъ на увядшихъ вѣнкахъ своей старой славы.

***) „Были у меня кіевскіе мѣщане“ (разсказываетъ онъ); „виѣсто раты, принесли мнѣ пять червонцевъ. *Сзаты Богъ! и тоє стѣ, о чємъ вовєводзѣ на сеймъ пѣхаць?* такъ говоритъ наша Русь“.

говорять, и перебили. Едва кой-какъ удержалъ я различными способами. Коротко сказать, нѣтъ уже ничего у тѣхъ, у кого было по 100.000 имущества: не за что купить хлѣба“.

Эту картину дополняетъ Варшавскій Анонимъ разсказомъ о томъ, какъ бѣдные изгнанники возвращались „въ своимъ порогамъ“ по слѣдамъ Киссля, вѣхавшаго наконецъ въ Кіевъ на воеводство. „Хмельницкій показывалъ, будто бы искренно вводитъ ихъ, и внушалъ поданнымъ повиновеніе. Но едва вступила шляхта въ свои дома, хлопство снова давай бунтовать, не терпя пановъ, и началъ убійства. Пришлось опять бѣжать, унося свою жизнь. Въ Кіевѣ не допустили ихъ до города; скитались по предмѣстью. Рѣдко кому присылали изъ дому булку хлѣба или возокъ сѣна, а тутъ наступила дороговизна. Чтò у кого еще было въ запасѣ, все принуждены были выискрить. Не многимъ удалось даже коснуться границъ имѣнія своего“.

Между тѣмъ Хмельницкій (разсказываетъ Анонимъ далѣе) накладывалъ невыносимыя контрибуціи въ свою пользу на великія добра, которыя надобно было возвратитъ панамъ, прочія раздалъ полковникамъ, захватилъ староства, замки, маестности, фольварки, забирая всюду доходы, скотъ, стада и чтò возможно было взять; чтобы не досталось владѣльцамъ, все брали въ его скарбъ; обогащался одинъ общимъ разореніемъ и оставилъ владѣльцамъ одно право на вступленіе въ тѣ добра“.

Киссль, вмѣстѣ съ Косовымъ, сталъ убѣждать Хмельницкаго, говоря, что онъ привлечетъ Божіе благословеніе на своихъ дѣтей, если пріостановитъ разливъ крови и слезы изгнанниковъ. „Эти слезы“ (внушалъ ему митрополитъ) „каплютъ изъ людскихъ очей на твою душу. Вѣдь эти люди жили прежде изобильно, какъ и другіе, а теперь у нихъ нѣтъ и куска хлѣба. Они же — наши собратія той же благочестивой вѣры, чтò и мы съ вами, но дни свои проводятъ въ поруганіи и въ слезахъ. Нѣкоторые перемерли съ голода, а другихъ замучили мужики. Богъ это видитъ и грозитъ отмщеніемъ“.

Хмельницкій отговаривался, что не онъ причиною медленности въ исполненіи Зборовскаго договора. „Это такое трудное дѣло“ (говорилъ онъ), „что его можно сравнить съ толстымъ и высокимъ дубомъ: пока онъ выросъ, надобно было ждать столѣтіе“.

Объясненіемъ этихъ словъ было событіе, случившееся вскорѣ послѣ архипастырскаго увѣщанія. „Когда компуть 40.000-го войска приходилъ къ концу“ (разсказываетъ Анонимъ), „козаки-ветераны соглашались на Зборовскій трактатъ, но тѣ, которые завладѣли чужими добрами, и сдѣлались изъ посполства коноводами (hersztami) бун-

товъ, эти *отчайдуши*, для того чтобъ укрыться отъ кары за свои злодѣйства, домогались также влюченія въ компуть, а было такого своевольнаго хлюпства, не хотѣвшаго вернуться къ повиновенію своимъ панамъ, еще тысячь сорокъ. Они прислали къ Хмельницкому пословъ, которые говорили ему: „Таеъ-то, пане гетмане, покидаеш ты заслуженныхъ тебѣ людей! выдаеш Ляхамъ на муки тѣхъ, которые тебя обороняли. А ты жъ присягъ не отступать насъ! Миръ значить *предательство*. Подъ смиреніемъ кроется у пановъ обманъ и месть. Они хотать обезоружить тебя, отнять у тебя вѣрныхъ воиновъ, чтобъ скорѣе тебя погубить. Но если ты рѣшился уже даться Ляхамъ въ обманъ и погибнуть, то мы будемъ исвать такого, который будетъ вѣрнѣе и лучше защищать козацкое имя“. — Посольство это пришло къ Хмельницкому отъ козаковъ подиѣстранъ и побожалъ, прямыхъ разбойниковъ, предводителемъ которыхъ былъ брацлавскій полковникъ Нечай“.

„Хмельницкій“ (пишетъ Анонимъ далѣе) „боялся, чтобы козаки, воюя одни съ другими, не выгубили сами себя, и потому начал благодарить своихъ бунтовщиковъ за гетманское достоинство; но потомъ сталъ почесывать въ головѣ (*roszał się w głowie skrobać*) и высказалъ Киселю свою тайную мысль: „Вы, папы Поляки,“ (говорилъ онъ) „принудили меня подъ Зборовымъ къ нелѣпому дѣлу, постановивъ, чтобы козаковъ было только 40.000 въ компуть. А гдѣ мнѣ дѣвать такое множество людей? Они съ отчаянья или на меня встануть, или на васъ“.

Мысль о невѣрности затѣяннаго дѣла сопровождала всѣ поступки Хмельницкаго, и пробивалась даже въ его хвастовствѣ передъ Ляхами. По возвращеніи своемъ изъ-подъ Зборова, онъ убѣждалъ разнuzданныхъ сподвижниковъ своихъ лестью. Подобно тому, какъ въ свое время пьяница Борóдовка ревѣлъ въ казацкой радѣ: „передъ Запорожскимъ Войскомъ трепещетъ земля Польская, Турецкая и весь свѣтъ“, Хмѣль проповѣдывалъ за чаркою, что подъ Зборовымъ сила казацкая взвѣшивалась на вѣсахъ судьбы съ силой польскою, и теперь де вся вселенная знаетъ, чтó за народъ козаки, какая *потуга* ихъ, какое могущество. Но въ то же самое время составлялъ себѣ гвардію, сверхъ татарской изъ отборныхъ козаковъ. Это было ему тѣмъ необходимѣе, что, для расплаты съ ханомъ за Збаражскій и Зборовскій походы, обложилъ онъ поголовнымъ налогомъ весь посполитый народъ. Надворные Татары и задобренные избранники козаки обезпечивали ему сборъ поголовнаго налога въ Украинѣ такъ точно,

какъ вооруженная сила помогала хану взимать съ кавказскихъ *Черкасовъ* дань, или какъ называлъ ее Хмельницкій, *казнь* (kazń).

Относительно гарантіи личной своей безопасности, Козацкій Батько не представлялъ исключенія. *Роты* тѣлохранителей, подобныя варяго-русскимъ дружинамъ, содержали при себѣ и тѣ казацкіе гетманы, которые предшествовали гетманамъ-бунтовщикамъ, такъ какъ всякая походная неудача подвергала козацкаго вождя опасности потерять не только булаву, но и голову. Молодость и ученическіе годы козакованья Хмельницкаго совпадали съ тѣмъ временемъ, когда представители королевской власти журуютъ бывало козаковъ за частое низверженіе и убійство ихъ избранниковъ. Будучи страшень каждому въ Украинѣ, Хмельницкій долженъ былъ больше всѣхъ опасаться за свою судьбу и за жизнь. Отсюда-то и происходила та измѣнчивость въ его чувствахъ и намѣреніяхъ, которая озадачивала козацкаго соблазнителя, Смяровскаго, и путала хитроумнаго политика Киселя.

Глава XXIII.

Фальшивое представлѣніе короля героемъ и патриотомъ. — Немногіе обманываютъ многихъ. — Кто собственно былъ угнетателемъ „убогихъ людей“. — Новая реестровка козаковъ. — Замѣна панскаго ига игомъ козацкимъ. — Бѣдствія малорусскаго посольства отъ козацкаго бунта. — Двѣ орды въ виду культурныхъ сосѣдей. — Замыслы Татаръ и козаковъ противъ Московскаго Царства. — Турецкая протекція. — Нагроможденіе горючихъ матеріаловъ. — Грозное посольство московскаго царя.

Послѣ многолѣтняго общенія съ польскою шляхтою, козаки, равно какъ и нынѣшніе козакоманы, усвоили отъ нея такую привычку къ самохвалству, что даже разбой и предательство, которыми всего выразительнѣе отличались „украинскіе національные герои“, они старались и стараются прославлять, какъ достойныя подражанія доблести.

Не рѣшая вопроса, ученики ли въ этомъ отношеніи превзошли учителей, или же воспитанные католическимъ Римомъ учителя остались на недостижимой высотѣ своего превосходства, скажу, что Поляки, опозорясь избраніемъ Яна Казимира на престолъ, имѣли безстыдство называть передъ Европой душу его возвышенною, а его разумъ благороднымъ. За подвиги 1649 года и Шляхетскій Народъ, и Народъ Козацкій превозносили себя одинаково. Но безстрастная муза Клію, зная, чѣмъ завершились эти подвиги, бросаетъ въ лицо Шляхетскому Народу одинъ стихъ Данта:

*E per l'inferno il tue nome si spandi *)*.

а Народу Козацкому—другой:

*E tu in grande onoranza non ne sali **)*.

Въ то время, когда милліоны людей страдали нравственно и вѣщественно за грѣхи королевскаго правительства, католическая Европа была полна хвалы „возвышенной душѣ и благородному разуму“

*) И въ аду распространилась твоя слава.

**) И ты не возвысилась тѣмъ до великой чести.

Яна Казимира, она читала распространенную всюду „Реляцію о славнѣйшемъ походѣ, побѣдоноснѣйшемъ успѣхѣ и счастливѣйшемъ примиреніи съ непріятелями всепресвѣтлѣйшаго и могущественнѣйшаго Яна Казимира“ *). Но, въ виду противорѣчій козацкаго гетмана, выражаемому имъ смиренію и въ виду невѣрности собственнаго его положенія, замѣченной еще подъ Пилявцами, король предположилъ созвать на 22 ноября чрезвычайный двухнедѣльный сеймъ, собственно для того, чтобъ обезпечить государство военными средствами. Въ инструкціи своей на сеймики Янъ Казимиръ представлялъ Шляхетскому Народу, какъ мало и какъ медлительно помогалъ онъ правительству въ оборонѣ отъ непріятеля. Обстоятельство это называетъ король фатальнымъ и обычнымъ препятствіемъ въ военныхъ дѣлахъ и успѣхахъ Рѣчи Посполитой (*naztąpiła fatalis zwykła w tój Rzpliej rzeczom i progressom wojennym przeszkoda*). Одни воеводства (писалъ онъ) дали только нѣкоторую часть причитающихся съ нихъ денегъ, а другія до сихъ поръ ничего не дали, такъ что большая часть войска служить даромъ, а другая получила лишь немного.

Мы видѣли, что король, съ своей стороны, для чего-то медлил третьимъ оповѣщеніемъ посполитаго рушенія, и тѣмъ испортилъ всю кампанію; но шляхетская медлительность въ исполненіи гражданскихъ обязанностей давала ему возможность взвалить вину на другихъ и разыгрывать роль рыцаря безъ страха и упрека, сочиненную іезуитами для оглашенныхъ. Утаенныя отъ общества статьи Зборовскаго договора, разосланныя по Европѣ реляціи о непобѣдимости того, кто вернулся съ похода „визжащимъ, поруганнымъ, побѣжденнымъ, ободранымъ“, возвышеніе присяжными проповѣдниками подвиговъ короля до равенства съ подвигами князя Вишневецкаго, привѣтственныя рѣчи, въ которыхъ представители такихъ городовъ, какъ Львовъ и Замостье, называли Яна Казимира непобѣдимымъ побѣдителемъ, заткнутыя въ варшавскомъ соборѣ Св. Яна козацкія знамена, отбитыя Радивиломъ у Голоты, Подобайла, Кричевскаго, и всевозможныя манифестаціи со стороны тѣхъ, чьи интересы были неразлучны съ его интересами, — все сдѣлало изъ ничтожнаго, презрѣннаго и портившаго дѣло **) ко-

*) *Relatio, quae exoteros missa est: gloriosissimae expeditionis, victoriosissimi progressu, faustissimae pacificationis cum hostibus serenissimi et potentissimi Domini Johanni Casimiri Regis Poloniae.*

**) По замѣчанію Альбрехта Радивила, одною изъ причинъ печальнаго результата было гетманованье короля (Рат. II, 386); а преисполненный уваженія къ царственности Варшавскій Анонимъ, указывая крупныя ошибки Яна Казимира,

роля нѣчто похожее на великаго монарха, и самъ онъ, какъ омороченный няньками ребенокъ, возымѣлъ о себѣ такое мнѣніе, что даже многоопытнаго литовскаго канцлера поучалъ литовскимъ законамъ, а въ послѣдствіи и самому князю Вишневецкому давалъ чувствовать недостатокъ боеваго мужества.

Инструкція на сеймики, плодъ пера одного изъ ангеловъ-хранителей Яна Казимира, представила его въ ореолѣ самоотверженнаго героя, равнагося на подвиги славы и чести, не взирая на совѣты людей, которые вляли его жизнь на вѣсы съ цѣлостью отечества. Даже невѣдѣніе о непріятельскихъ силахъ, захватившихъ его врасплохъ, послужило сочинителю инструкціи къ возвышенію короля-полководца: ибо непріятель де такъ сжался, что не выпустилъ ни одного загона за сторожевую линію свою. Этотъ только робкій непріятель два раза пробовалъ подъ Зборовымъ и своего счастья, и могущества его королевской милости; но король де, исправляя должность и полководца, и война, далъ ему отпоръ, такъ что непріятель *первый склонился къ миру* и отозвался съ такими условіями, которыя были спасительны и славны для Рѣчи Посполитой въ нынѣшнемъ ея положеніи (*Reipublicae hoc statu salutare et gloriosae*).

Въ виду столь наглого безстыдства передъ современниками и потомками, знающему закулисную сторону польской государственности, приходитъ на мысль драгоценный дневникъ Освѣцима, изображавшій событія 1643—1651 годовъ. Изъ него исчезли годы 1648—1650; осталась только часть 1650 года (январь, февраль, мартъ) да весь 1651-й (годъ упадка козакотатарской силы). Это, по всей вѣроятности, было дѣло такой руки, каковая о московской самозванщинѣ написала, что источникъ этого дѣла должно хранить въ тайнѣ*). Въ истребленной части Освѣцимова дневника и самъ Янъ Казимиръ, и тѣ, которые показывали эту маріонетку обществу іезуитски оглашенныхъ, безъ сомнѣнія, выступали не въ лучшемъ свѣтѣ, какъ и въ тѣхъ документахъ, которые истребить не было никакой возможности**).

мира передъ походомъ говорить: „Zeby większych errorów nie było, odradzali Królowi, aby sam nie narażał się na takowe niebezpieczeństwa. Król urażony deklarował, że ja sam pojędę z wojskiem.“ (Pam. do Panow. Zyg. III etc. II, 78).

*) Zródło tej sprowy z którego następujące płynęli potoki w prawdzie tajemne rady skrycie chowane mają i nie trzeba odkrywać tego soby narotym przeszedz nieprzujaciela miało. (Рукоп. Библ. Красинскихъ, лт. В. I, 8)

**) Издатель книги „Pamiętniki o Koniecpolskich,“ знаменитый археографъ Пршилянскій, на стр. 295, объявилъ (лѣтъ 40 тому назадъ), что дѣльнымъ ру-

И инструкція на сеймикѣ была только предъувѣдомленіе къ славословію короля на сеймѣ. Тамъ Оссолинскій цѣлыхъ четыре часа (удаливъ, однакожъ, лицъ, не принадлежащихъ къ членамъ сейма) держалъ передъ панами рѣчь о Зборовскомъ походѣ, пачавъ съ коронаціи и въ заключеніе прочитавъ редактированное извѣстнымъ способомъ письмо короля къ хану, въ которомъ де король силу своего оружія увѣнчалъ славою дипломата. Наступившій вечеръ не далъ Оссолинскому докончить хвалебную реляцію. Въ слѣдующемъ засѣданіи (пишетъ въ своемъ дневникѣ Радивиль) „канцлеръ продолжалъ свою реляцію, сравнивая Зборовскій тріумфъ съ Хотинскою побѣдою, одержанною при Сигизмундѣ III, и превознося его даже выше, ибо подъ Зборовымъ непріятельская сила была больше, а наше войско малочисленнѣе, да еще и безъ гетмановъ. Одни смѣялись на это, другіе называли (реляцію Оссолинскаго) ласкательствомъ. Но (примасъ) архіепископъ, вставши со всѣмъ сенатомъ, благодарилъ короля за спасеніе Рѣчи Посполитой съ опасностію собственной жизни“.

Умолчаніе о Посольской Избѣ показываетъ, что не сенаторы, а нѣкоторые изъ ея членовъ смѣялись и называли канцлера льстецомъ. Зато Радивиль записалъ слухъ, что многіе изъ королевскихъ сподвижниковъ, во время битвы, спрятались въ коноплѣ, гдѣ найдено нѣсколько брошенныхъ ими знаменъ.

Радивиль не былъ подъ Зборовымъ, и писалъ о доблестяхъ своихъ согражданъ по слухамъ. Доблести козацкія были ему извѣстны обстоятельнѣе. „По заключеніи мира между нашими и Татарами“ (говоритъ онъ), „Татары опустошили часть Руси и Волини, гдѣ и моя Олыка выдержала ихъ нападеніе съ двухъ сторонъ. Ночью съ одной стороны ударили на нее козаки, съ другой Татары, но, съ Божіей помощью, были съ обѣихъ сторонъ отражены, и потеряли нѣсколько человекъ убитыми. Другое мое мѣстечко оборонялось нѣсколько дней, но, когда мѣщане, обманутые присягою козаковъ, впустили ихъ въ городъ, они, забывъ о своей присягѣ, нѣсколько тысячъ вырубили, а нѣкоторыхъ взяли въ неволю. То же самое дѣлали по селамъ, и нѣсколько городовъ сожгли, какъ-то: Острогъ, Заславъ, Полонное, Колки, Тучинъ и т. д.“

копическимъ экземпляромъ Освѣцимова дневника владѣеть нѣкто Мартинъ Прибыльскій, въ Живцѣ (близъ Кракова). Сколько я ни разспрашивалъ за-границей у польскихъ археографовъ о судьбѣ этого безцѣннаго мемуара, они мнѣ отвѣчали съ какимъ-то страннымъ равнодушіемъ, точно родственники того, кто сократилъ экземпляръ, принадлежащій бібліотекѣ Оссолинскихъ.

Зная за панами и за козаками такія доблести, мы должны убѣдиться, что тогдашній польскорусскій панъ и польскорусскій козакъ, тогдашній Ляхъ и Русинъ, какой бы ни были они вѣры и безвѣрія, стоили одинъ другаго, по малорусской пословицѣ: „явій пійшовъ, тавогó й зусторієвъ“. Панъ былъ достоинъ козацкаго разбоя и предательства, козакъ—панской жадности и презрѣнія.

Уже и въ инструкціи на сеймики король предостерегалъ шляхту, точно кто путный, не медлить больше съ денежными сборами и не допустить снова, чтобы жолнеры, послѣ войны съ непріятелями, воевали свое отечество по-непріятельски и взяли съ него нѣсколько жолдовъ, прежде чѣмъ имъ будетъ уплаченъ одинъ.

Фатальное и обычное въ Польшѣ препятствіе въ военныхъ дѣлахъ и успѣхахъ вело се къ погибели не только извнѣ государства, но также и внутри его. Жолнеры, равно какъ и козаки, не получая жолда, брали его десятеричею и сторицею посредствомъ разоренія такъ называемыхъ „убогихъ людей“, которые, въ концѣ концовъ, ожесточались противъ своихъ властителей и отъ души желали имъ гибели. Альбрехтъ Радивилъ, въ своемъ піетизмѣ, высказалъ мысль реальную: „Чѣмъ кто грѣшенъ, тѣмъ тотъ и карается: ибо нигдѣ не бываетъ такихъ бунтовъ, какъ въ Польшѣ, оттого что нигдѣ такъ не угнетаютъ подданныхъ. Передъ этимъ было у насъ угнетеніе убогихъ; теперь убогіе сдѣлались орудіемъ угнетенія богатыхъ, и, какъ прежде паны различными способами выжимали кровь изъ своихъ подданныхъ, такъ сдѣлалась и наоборотъ. Козаки и посполство совершили неслыханныя мерзости, потому что и наши грѣхи были неслыханные. Надобно намъ уменьшить нашу вольность, или лучше—ея злоупотребленіе, и ограничить закономъ жолнера, чтобы онъ воздерживался отъ грабежа подданныхъ: ибо грѣхъ этотъ взываетъ къ Богу о мщеніи“... А въ инструкціи на сеймики прямо сказано, что, „по общему мнѣнію, постигшія Польшу бѣдствія Господь Богъ допустилъ за угнетеніе убогихъ подданныхъ посредствомъ жолнерскихъ становищъ и грабительствъ въ королевскихъ и панскихъ имѣніяхъ“ *). Но жолнеры, какъ и козаки, сами по себѣ были меньше виновны, чѣмъ тѣ, которые, зная, съ чего начинаются конфедераціи однихъ и бунты другихъ, тѣмъ не менѣе продолжали расхищать государственные доходы. Литовскій канцлеръ открываетъ намъ, что когда въ 1650 году, при-

*) Это—одно изъ доказательствъ, что паны, какъ паны, говоря вообще, не были угнетателями подданныхъ; они скорѣе избаловали крестьянъ своими зазывами да перезывами.

шлося расплачиваться съ наемнымъ войскомъ за Корсунскую, Збаражскую и Зборовскую войну, въ скарбѣхъ недоставало для расплаты съ жолнерами милліона и двухсотъ тысячъ, которыя дѣлались не извѣстно куда, и жолнеры замыслили довести подданныхъ до убожества, грасуя своевольно по селамъ, а это значило—лить воду на козацкія колеса *). Самъ коронный подскарбій, то есть министръ финансовъ, Богуславъ Лещинскій, получивъ деньги на 600 жолнеровъ, и жолнеровъ не доставилъ, и денегъ не возвратилъ. Самъ коронный гетманъ, Николай Потоцкій, по возвращеніи своемъ изъ плѣна, вошелъ въ стачку съ подскарбіемъ: одинъ не представилъ ревизіонной комиссіи компута войска, а другой не объявлялъ, сколько въ скарбѣхъ денегъ. Что касается короля, то, въ своихъ денежныхъ дѣлахъ, онъ всегда зависѣлъ отъ пановъ, а теперь королю надобно было еще держаться на высотѣ своей славы, и потому царственною особой своей онъ только увеличивалъ число обманщиковъ Рѣчи Посполитой.

Такое положеніе дѣлъ придало созванному имъ теперь чрезвычайному сейму характеръ собранія, въ которомъ немногіе старались оморочить многихъ, и только нѣкоторые понимали, какъ бы слѣдовало поступить въ грозномъ положеніи отечественныхъ дѣлъ. Къ числу такихъ людей принадлежали тѣ, которые требовали, чтобы гетманская власть не была пожизненною; чтобы князь Вишневецкій былъ вознагражденъ за потерю своихъ имѣній въ Украинѣ, за свои подвиги въ козакотатарской войнѣ, и чтобы, послѣ короля, ему первому была объявлена благодарность Рѣчи Посполитой, „яко Геркулесу“. Но противъ государственной рутинны труднo было стоять людямъ независимаго ума и чувства. Освѣцимъ въ своемъ дневникѣ говорить выразительно, что отъ несогласія пановъ зависитъ все, что они были крайне своекорыстны въ виду страшнаго положенія отечества, что они домогались пожалованій у короля безстыдно. Сынъ Конецпольскаго, по его разсказу, велъ себя въ этомъ случаѣ скромно, но добрые пріятели разгласили, будто бы онъ хочегь присоединиться къ жолнерской конфедераціи, чтобы вмѣстѣ съ нею домогаться вознагражденія, и этимъ исторгнули ему у короля пожалованіе.

Когда сеймующіе паны валадались такимъ образомъ съ дѣломъ правленія, превосходившимъ ихъ способности, король получилъ отъ Киселя изъ Кіева донесеніе, какового никто уже и не ждалъ.

*) Одною изъ причинъ увеличенія числа козаковъ Жевковскій выставялъ опустошительныя татарскіе набѣги, а жолнерскіе бунты разоряли подданныхъ, какъ татарскіе набѣги.

Кисѣль напомнилъ королю тономъ челоуѣка добродѣтельнаго, что подъ Зборовымъ были постановлены такіе пакты съ Запорожскимъ Войскомъ, какія велѣла принять послѣдняя крайность (*jakie przujac res nostrae in extremis posita kazaly*). Для общаго блага, рѣшилса де онъ еще на одну попытку къ переговорамъ (*tentanda tentare et tractanda tractare*), и, точно сквозь терніе, продрался въ Кіевъ, сквозь толпы черни (*per obvias catervas plebis*). Въ теченіе своего трехнедѣльнаго тамъ пребыванія, добился онъ того, что наконецъ Хмельницкій посѣтилъ его, и что послѣ юрисдикціи козацкой, наступила въ Украинѣ королевская. Кисѣль, по его словамъ, возстановилъ кіевскій магистратъ съ его властью, и за свѣжее убійство пана Голуба покоралъ виновныхъ королевскимъ мечемъ въ присутствіи не менѣе 20,000 козаковъ (*majac spectatores najmniej 20.000 Kozakow*). Онъ увѣдомлялъ короля, что составленіе козацкаго реестра приходитъ къ окончанію на обѣихъ сторонахъ Днѣпра, и не совѣтовалъ королю порываться на войну, потому что Орда готова поддержать козаковъ, и задорное посольство желаетъ войны съ панамі. „Но гетманъ со всѣмъ войскомъ“ (писалъ Кисѣль, поддавшись новымъ каверзамъ Хмеля) „сильно желаетъ мира и искренно о томъ заботится; наконецъ, грозитъ наступить на мужиковъ съ войскомъ (*nastapic na nich grozi wojskowo*). Но ничего вѣрнаго сказать Кисѣль все-таки не могъ, при всемъ своемъ желаніи поддержать миръ съ козаками. Такъ какъ чернь, по его выраженію, была полна послѣдней рѣшимости (*ostatnej rezolucyjcej plebs plena*), и онъ боялся, чтобы война съ нею не сдѣлалась національною и религіозною (*juzby nastalo bellum gentis et religionis*), а это показываетъ намъ въ Кисѣлѣ сознаніе, какъ Ляхикатолики и Ляхи-православники (отъ нихъ же первый былъ онъ самъ) поставили церковное дѣло въ Малороссіи.

Подъ конецъ сейма, въ началѣ 1650 года, дѣйствительно привезли королю козацкіе послы то, что они, въ своемъ обществѣ, безъ сомнѣнія, называли *мандю* -- 40.000-й реестръ, который король и его миротворцы-паны приняли за самый убѣдительный документъ вѣрно-подданства Хмельницкаго и за гарантію мира. „Большинство нашихъ пановъ“ (говоритъ Освѣцимъ), „хорошо знающихъ дѣла Рѣчи Посполитой, были такого мнѣнія, что Хмельницкій—или не хотѣлъ, или не могъ изъ нѣсколькихъ сотенъ тысячъ взбунтовавшагося хлопча сдѣлать войнами такое малое число, а другихъ безъ числа (*sine numero*) обратить въ хлопцы, но у него было столько ума, который мы должны въ этомъ случаѣ за нимъ признать, и столько совѣта (*gady*), что онъ

привелъ предпринятое въ исполненіе сверхъ общаго чаянія и мнѣвія (*ultra spem et opinionem omnium*)“.

Чтобы замылить глаза павамъ и ихъ королю, Хмельницкій, въ началѣ реестра, изобразилъ свой гербъ, и присовокупилъ къ нему стихотворную октаву, въ которой русская рѣчь такъ безобразно соединена съ польскою, какъ безобразно соединялся русскій элементъ съ польскимъ въ такихъ представителяхъ нашей малорусской народности, какими были Кисели, Древинскіе, Могилы, Косовы Тризны и *tutti-quantum*... Темный смыслъ этой октавы таковъ: „Старина обновила какъ бы только то, что слава вновь открываетъ явно. Гербъ, украшающій домъ Хмельницкихъ, сильно утверждаетъ въ мужествѣ, въ правдѣ, въ вѣрѣ. И не удивительно: ибо Абданкъ (*habe Dank*) есть званіе щедрой покорности, а крестъ означаетъ твердость вѣры Хмельницкихъ и силы. Ты, король, непобѣдимъ въ христіанскомъ государствѣ, имѣя въ своемъ подданствѣ Хмельницкихъ“ *).

Одновременно съ козацкими послами прибылъ въ Варшаву кievскій воевода, Адамъ Кисѣль, а вмѣстѣ съ нимъ и митрополитъ, Сильвестръ Косовъ, которому, по Зборовскому договору, слѣдовало дать мѣсто въ Сенатѣ. Это былъ камень преткновенія на пути польской жизни. Въ сеймиковыхъ инструкціяхъ земскимъ посламъ заключался наказъ утвердить Зборовскіе пакты съ соблюденіемъ правъ Римской церкви (*salvis juribus Ecclesiae Romanae*). Духовные сенаторы Рѣчи Посполитой боялись быть отлученными отъ церкви за допущеніе схизматика сидѣть съ ними рядомъ въ сенаторскихъ креслахъ. Въ отвѣтъ на это свѣтскіе указывали имъ на кальвинистовъ и лютеранъ, засѣдавшихъ въ сенатѣ. Но въ Польшѣ католическое духовенство было государствомъ въ государствѣ. Столѣтія употребило оно на то, чтобы Шляхетскій Народъ и короли его творили волю папы, яко Христова намѣстника. Только съ исчезновеніемъ Польши могла исчезнуть зависимость католиковъ отъ земнаго Бога, возсѣдавшаго на святомъ престолѣ Петра въ Римѣ. Папы не боялись протестантовъ, и про-

*) *Starożytność to tylko iakby odnowiła,
 Że wiekopomność iawnno zuowu się odkryła,
 Klejnot, który Chmielnickich dom przyozdobialet,
 W muźnoscy, w prawdi, w wiery motno utwierżaiet.
 Nedyw: bo Abdank iest znak szczodrey powolnosci,
 Chrest zafirmament wiery Chmielnickich, możnosci.
 Nieźwyciez'onyś, Krolu, w Chrestianskim Panstwie,
 Gdy powolnose Chmielnickich maiesz w swym poddanstwie.*

тестанты начали уже возвращаться на лоно католичества. „Новая вѣра“ основывалась на отрицаніи блага: она была въ ихъ глазахъ недолговѣчнымъ отступничествомъ. Напротивъ боялись очень польскихъ схизматиковъ, опиравшихся на предковъ и старину заодно съ гражданами обширнаго Московскаго Царства. По этому даже тѣхъ іерарховъ, которыхъ іезуиты соблазняли къ переходу въ унию высокою честью засѣдать въ *сенаторской лавицѣ*, не допустили до равенства съ католическими бискупами. У папъ только католикъ былъ правоправнымъ христіаниномъ. Всякая уступка въ этомъ правилѣ представлялась противодѣйствіемъ ихъ видамъ на вселенскую власть.

Косовъ, съ высоты своего верховенства надъ малорусскою церковью, могъ бы торжественно заявить на сеймѣ о несоблюденіи панами договора въ войнѣ съ „борцами за православную вѣру“, и своимъ протестомъ освятить во мнѣніи народа подвиги Хмельницкаго. Но онъ помышлялъ единственно о томъ, какъ бы, въ своемъ двумысленномъ положеніи, устоять на высотѣ своего званія и сохранить за собой духовные хлѣбы. Онъ, безъ сомнѣнія, чаялъ выхода изъ обстоившихъ его золь посредствомъ гибели *ребеллизантовъ*, отъ которыхъ сторонился и Петръ Могила, завѣщавшій созданной имъ іерархіи свою колонизаторскую политику. Поѣздка Косова въ Варшаву была только послушаніемъ козацкому верховодству въ Малороссіи. Какъ вѣрно-подданный короля и Рѣчи Посполитой, онъ совѣтовался тамъ не съ однимъ Киселемъ, какъ ему быть, и смиренно отказался отъ своего спорнаго права на засѣданіе въ Сенатѣ. Для соблюденія того значенія, какое было придано ему Зборовскимъ договоромъ, онъ получилъ отъ короля *апробацію* на возвращеніе вѣдомству митрополита вакантныхъ епархій и т. п. Но фиктивные уступки „схизматику“ подлежали еще рѣшенію высшей католической власти. Поэтому литовскій канцлеръ протестовалъ о своемъ разномыслии съ королемъ передъ папскимъ нунціемъ, а нунцій вписалъ свой протестъ въ канцеляріи литовскаго канцлера,—и огражденная такимъ способомъ униа осталась неприкосновенною „въ правахъ римской церкви“.

Изъ этого мы видимъ, что Зборовскій договоръ былъ нарушенъ въ той статьѣ, которую Хмельницкій въ своей переяславской пропозиціи поставилъ первою, и въ той, которую написалъ второю: униа не была уничтожена; кievскій митрополитъ не *застыдалъ* въ Сенатѣ. И однакожъ, воитель вѣры и церкви принялъ за благо сеймовое утвержденіе Зборовскихъ пактовъ.

Огправивъ козацкое посольство, король опубликовалъ, посредствомъ вписанія въ житомирскія гродскія книги, универсалъ, въ ко-

торомъ объявлялъ всѣмъ и каждому, „какого бы кто ни былъ состоянія: шляхетскаго, козацкаго и польскаго“, что заключенный его королевскою повагою подъ Зборовымъ миръ утвержденъ сеймомъ согласно и единомысленно, что миновавшее замѣшательство, допущенное Господомъ Богомъ, предается вѣчному забвенію, что Запорожскому Войску возвращены и подтверждены всѣ права и преимущества, что всѣ рестровые козаки, вошедшіе въ составъ этого войска, должны оставаться при своихъ правахъ и преимуществахъ, всѣ же подданные королевскихъ замковъ и городовъ, а равно духовные, панскіе и шляхетскіе, должны оставаться въ обычномъ своемъ подданствѣ; что коронное и чужеземное войско, идущее въ Украину на квартиры, должно оставаться въ прежнемъ мирѣ и согласіи съ Войскомъ Запорожскимъ; а для охраны общественнаго спокойствія назначенъ Адамъ изъ Брусилова Кисѣль, воевода-генераль кіевскихъ земель, королевскій комиссаръ, который будетъ имѣть свое мѣстопробываніе въ Кіевѣ, и которому дана полная власть охранять миръ, чинить судъ и расправу между короннымъ и Запорожскимъ Войскомъ. „Посему“ (писалъ король) „мы публикуемъ этотъ универсалъ, дабы всѣ, зная о святомъ мирѣ, нами заключенномъ, прекративши всякія тревоги, хвалили Господа Бога и возвращались въ свои дома, каждый къ своему занятію; и при семъ строго повелѣваемъ, чтобъ никто не отваживался затѣвать какихъ-либо бунтовъ, зная, что наше коронное войско, вмѣстѣ съ соединенными запорожскими силами, будетъ каждому давать отпоръ, какъ пограничному непріятелю, и такимъ образомъ будетъ усмирять всякіе бунты“.

Хмельницкій, письмомъ отъ 20 марта, нижайше и вѣрноподданнически благодарилъ короля и всю Рѣчь Посполитую за декларацію, милостиво дарованную козакамъ подъ Зборовымъ, а нынѣ утвержденную сеймомъ. „Все, что касается успокоенія религіи“ (писалъ онъ) „козаки поручили его милости отцу митрополиту и духовенству. Хотя на нынѣшнемъ сеймѣ не могло состояться окончательное успокоеніе, но козаки и за эту милость униженно благодарятъ и покорнѣйше просятъ, чтобы все, заключающееся въ дипломѣ, съ этого времени было приведено въ исполненіе, потому что у пановъ уніатовъ обычно — королевскія повелѣнія откладывать. Въ Запорожскомъ Войскѣ есть много такихъ, которыхъ предки лежатъ въ коронныхъ и литовскихъ церквахъ, присвоенныхъ уніатами. Желая, чтобы поминовеніе душъ ихъ совершалось по обряду ихъ старожитной религіи, они до тѣхъ поръ будутъ постоянно ходатайствовать, пока эти церкви не будутъ въ рукахъ у нашихъ православныхъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ Хмельницкій про-

силъ, чтобы королевскія войска не приближались къ Украинѣ и тѣмъ не производили въ посполствѣ тревоги.

Это письмо было написано въ отвѣтъ на королевское увѣдомленіе объ утвержденіи сеймомъ Зборовскаго договора, но отправлено лишь черезъ два мѣсяца *). Есть основаніе думать, что оно не было бы совсѣмъ послано, еслибы двѣ личности, которыми Хмельницкій дорожилъ, не очутились въ тюрьмѣ у браковскаго воеводы. Въ самомъ концѣ Козацкій Батько написалъ: „Осмѣливаемся со всѣмъ Войскомъ вашей королевской милости, припадая къ стопамъ наяснѣйшаго маеста-та, просить объ Иванѣ Тетеревскомъ и Петрѣ Котовичѣ, которыхъ безвинно мучать въ тюремномъ заключеніи и доселѣ не выпускаютъ. Благоволи, по своей благосклонной панской милости, повелѣть написать князю его милости, браковскому воеводѣ, чтобъ онъ приказалъ выпустить ихъ со всѣми купеческими товарами“.

Такъ и въ Пилявецкую войну Хмельницкій до тѣхъ поръ смиренничалъ и сталъ себя подъ ноги Рѣчи Посполитой, пока не вернулись изъ Варшавы его послы, о которыхъ кривоносовцы распустили слухъ, что они казнены.

Послѣ опубликованія королевскаго универсала не препятствовалъ онъ украинскимъ панамъ возвращаться въ ихъ имѣнія и на ихъ „уряды“. Наученные горькимъ опытомъ вотчинные и помѣстные землевладельцы составляли военно-экономическія ассоціаціи, и появлялись въ видѣ колопистовъ среди одичалаго края. Безъ такъ называемой ассистенціи и безъ условія взаимной помощи ни одно панское семейство не дерзало явиться къ подданнымъ, попробовавшимъ безнаказаннаго самоуправства.

Съ удивленіемъ узнали тогда козаки, что имъ нельзя оставаться въ шляхетскихъ имѣніяхъ при своихъ войсковыхъ правахъ и вольностяхъ. Надобно было — или отказаться отъ козакованья, или, забравъ свою движимость, переходить въ тѣ королевщины, которыя назначались комиссарами для козацкаго жительствова. Но удивленіе переходило въ ярость, когда стали дѣлать различіе между вписанными и невписанными въ козацкій реестръ. Первыхъ просили удалиться изъ имѣнія; отъ вторыхъ требовали чиншей, податковъ и отбутковъ, или

*) Хмельницкій пишетъ въ немъ: „посылаемъ войсковою реестръ“, а реестръ былъ въ рукахъ у короля въ началѣ января. И потомъ: „Тѣ, которые, по заключеніи мира, умертвили урядниковъ, своихъ пановъ, наказаны по мѣрѣ вины въ бытность въ Кіевѣ пана воеводы“; а кievскій воевода былъ въ Кіевѣ снова въ январѣ.

панщины. Хмельницкій долго не объявлялъ Зборовскаго договора, наконецъ разослалъ отъ Малороссіи универсалъ, повелѣвающій повиноваться панамъ дѣдичамъ и панамъ урядникамъ подѣ страхомъ смертной казни.

Такимъ образомъ обѣщанія, которыми завлекалъ онъ въ козацкое войско вотчинныхъ и ранговыхъ, иначе *панскихъ* и *королевскихъ* поданныхъ, оказались обманомъ. Обнищавшіе, „изнужившіеся“, по выраженію Кунакова, реестровики, вмѣсто переходовъ въ козацкіе поселки, завопили въ панскихъ имѣніяхъ о *зрадѣ*. „Зрадила насъ наша старшина! зрадивъ насъ и самъ гетьманъ! Дышутъ однѣмъ дѣхомъ зъ нашими нашими, зъ нашими душманами! накладываютъ съ нами! вырубаютъ Ляхомъ!“¹⁾ Такіе восклицанія гремѣли всюду, гдѣ собирались герои поджога и грабежа шляхетскихъ дворовъ, панскихъ домовъ и всякой движимости. Начались повсемѣстные бунты. Повторились убійства надъ панами и отмщенія за нихъ со стороны пановъ. Кто на разоренное козаками хозяйство вернулся въ сопровожденіи надежнаго почта, тѣ брали верхъ надъ бунтовщиками, и въ этомъ случаѣ на своевольныхъ мужиковъ дѣйствовалъ не столько страхъ оружія, сколько увѣренность, что паны въ состояніи охранять ихъ самихъ отъ козакающей голоты, затѣвавшей и поддерживавшей бунты. Тѣ же паны, которые не обезпечили себя ни надворною дружиною, ни подмогою сосѣдей, спѣшили убраться за добра ума въ болѣе безопасныя мѣстности.

Политика Хмельницкаго, часто противорѣчившая собственнымъ правиламъ, поставила его между двухъ лагерей. Съ одной стороны все христіанское общество, въ гражданственномъ строю своемъ, требовало отъ него приноровленія къ правиламъ жизни, выработаннымъ вѣками культуры; съ другой—орда головорѣзовъ и хищниковъ домогалась отъ него полной свободы, не желая знать, что это значить и къ чему такая свобода приведетъ въ ближайшемъ будущемъ. Взавшись выместить за Чаплинскаго на всѣхъ его укрывателяхъ, онъ отрекся отъ солидарности съ тѣмъ классомъ, къ которому принадлежалъ отецъ его, чигиринскій подстаростій, сложившій голову рядомъ съ великимъ Жовковскимъ; но теперь видѣлъ, что не одобровать ему въ роли Ко-

¹⁾ *Вырубати Ляхомъ* значило говорить по-польски, вести себя поляешски, напримѣръ:

Ой пѣ Сава и гуляе,
Ляхомъ вырубае..

зацкаго Батька, и потому дѣлалъ уступки панской республикѣ, которая пріютила его отца въ бѣдственномъ положеніи и взлелѣвала собственное дѣтство его.

Чтобы занять умы, взволнованные бунтовщиками, Хмельницкій совалъ въ Переяславѣ генеральную раду. На ней былъ прочитанъ и принятъ козаками реестровый списокъ, посланный къ королю. Этимъ актомъ, завоеваннымъ подъ Збаражемъ и Зборовымъ, Козацкій Батько сложилъ съ себя отвѣтственность передъ разбойною массою въ томъ, что не ведетъ ее *кончати Ляхівъ*, а, вмѣсто того, еще караетъ смертію панскихъ убійць. Всѣ козаки, имѣвшіе, въ глазахъ черни, преимущественное право на козацкія вольности, признавало законнымъ и естественнымъ тотъ порядокъ вещей въ Украинѣ, который былъ низпровергнутъ по поводу гонимы Хмельницкаго за его обидчиками. Чтобъ отмѣнить ихъ общее рѣшеніе, голодная и сравнительно безоружная чернь должна была бы убить не одного Хмельницкаго, но и сорокъ тысячъ реестровиковъ, вмѣстѣ со всѣми тѣми, которые пользовались выгодами ихъ положенія *по за реестромъ*.

Такъ изъ-подъ ига панскаго люда посполитые перешли подъ его козацкое, потому что гетманъ каралъ ихъ смертію за бунты противъ пановъ, а сорокатысячный привелигированный Козацкій Народъ, за реестромъ доходившій до статысячнаго, содержался на счетъ работы людей посполитыхъ. Это была новорожденная, хоть и не законорожденная, шляхта, которой недоставало только государственной нобилитаци. То, что говорить о себѣ въ кобзарской думѣ Иванъ Кавивченко, сподвижникъ Филоненка, было символомъ вѣры каждаго козака:

И вже мені не честь, не подоба
По рилляхъ спотыкати,
Ждвті сапчянці калѣти,
Дорогі сукні шломъ набивати... *)

Теперь людямъ посполитымъ, не шляхтичамъ и не козакамъ, представлялось дѣлать сравненіе между тѣмъ временемъ, которое пред-

*) Хлѣбопашество въ жизни козаковъ (пишетъ достойный оппонентъ костомаровскихъ изображеній козачества въ Смутное Время Московскаго Государства, г. Бѣляевъ) являлось элементомъ развращающимъ, слишкомъ осѣдлымъ, и потому пахать землю, сѣять хлѣбъ, напримѣръ у Донцовъ, строго воспрещалось: „а стануть пахать, и того бить до смерти и грабить“, говоритъ одна войсковая грамота 1590 года по Хоперскимъ и Медвѣдицкимъ городамъ. („Мининъ и Пожарскій“, стр. 207).

шествовало Хмельнитчинѣ, и тѣмъ, когда „козацкая слава разлилась по всей Украинѣ“.

По свидѣтельству Самовидца, до бунта Хмельницкаго, „посполство во всемъ жили обфито (изобильно): въ збѣжахъ (хлѣбахъ), въ бидлахъ (скотѣ), въ пасѣкахъ“; досадовали ихъ только не привычныя для украинцевъ „вымыслы великіе отъ старостовъ и отъ ихъ намѣстниковъ и Жидовъ. Бо сами державци на Украинѣ не мешкали (не жили), тилько урядъ держали, и такъ о кривдахъ людей посполитыхъ мало знали, альбо, любо (хоть) и знали, только, заслѣплени будучи подарками отъ (панскихъ) старость и Жидовъ арендарей, же (что) того не могли узнати, же (что) ихъ саломъ по ихъ же шкурѣ и мажутъ: зъ ихъ подданныхъ выдравши, онимъ даруютъ, щѣ и самому пану вольно бы узяти у своего подданнаго, и не такъ бы жаловалъ подданный его. А то леда (какая-нибудь) шевлюга (шваль), леда (какой-нибудь) Жидъ богатится, по вилько цуговъ коней справляетъ; вымышляючи чинши великіе, поволовщины, дуды, осмшъ, мѣрочки сухіе, зъ жорновъ плату и иное. отниманье фольварковъ, хуторовъ,—щѣ натрафили на чоловѣка одного, у котораго отняли пасѣку, которая всей Землѣ Польской начинила бѣды“...

По свидѣтельству же всѣхъ современныхъ документовъ, въ эпоху Хмельницкаго свирѣпствовала ужасающая нищета въ той массѣ, которая, увлекшись козацкимъ промысломъ, помогла козакамъ отдѣлать на свой пай сытный кусокъ хлѣба на счетъ старость, державцевъ, арендаторовъ Жидовъ, а сверхъ нищеты свирѣпствовали козацкій произволъ, безъ всякой апелляціи. Въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ козаки не сидѣли на шеѣ у доматоровъ и гречкосѣевъ (названія у нихъ презрительныя), — въ тѣхъ мѣстахъ свободно разгуливали татарскіе загоны. Козаки перебили или предали Татарамъ пановъ, которые набирали бывало изъ своихъ селъ охотниковъ до гонитвы за хищниками, вооружали ихъ на собственный счетъ, водили въ „невѣдомыя“ поля по примѣру древняго князя Игоря, и нерѣдко, какъ это мы знаемъ по „русскому воеводичу“, слагали буйную голову въ бою съ невѣрными. Теперь некому было охранять отъ Орды не только мужиковъ, но и козацкихъ жилищъ. Ворота въ Украину стояли Татарамъ настезь; Зборовскій договоръ отдалъ подъ ихъ кочевья все Черноморіе, отъ Азова до Чигирина, отъ Чигирина до Акермана, и если они уводили въ неволю даже собственныхъ сподвижниковъ, козаковъ; то каково было положеніе доматоровъ и гречкосѣевъ!

Въ то время, когда Хмельницкій просилъ короля объ освобожденіи Тетеревскаго и Котовича изъ тюрьмы, прибавляя: „а мы за на“

яснѣйшій маестатъ вашей королевской милости готовы жертвовать жизнью (*zdrowie swoje gonic*)“, — въ то самое время Адамъ Кисѣль изображалъ королю положеніе дѣлъ въ Украинѣ такими словами:

„Послѣ моего перваго кievскаго обжога, о которомъ я увѣдомилъ вашу королевскую милость, — лишь только Хмельницкій велѣлъ снять головы и тѣмъ, которые у береговъ козатчины начинали мятежъ въ панскихъ имѣніяхъ, и тому, что назывался гетманомъ на Запорожьѣ, мужики нѣсколько приутихли. Однакожъ, желая поддѣйствовать еще сильнѣе въ этомъ случаѣ, Хмельницкій намѣренъ въ скоромъ времени отправиться (*exurgere*) челнами на Запорожье, чтобъ очистить скопище (*sentinam*) своевольства и обсадить Запорожье надежною (*podufala*) старшиною. Здѣсь также велѣлъ полковникамъ сторожить берега, чтобы (возаки) не входили ни въ какое замѣшательство съ тѣми regimentами, которые приблизились къ Хмельнику и Бару, и предотвращать всякіе бунты. Послы (Хмельницкаго) также ѣхали къ вашей королевской милости съ реестрами, а другіе реестры представили въ кievскій городъ. Судя по этимъ поступкамъ и наблюдая за всею старшиною, которой у меня бываетъ полно каждый день, кажется, что они желаютъ сохранить миръ. Только исключенные изъ реестровъ мужики, которые было овозначились, прибѣгаютъ къ разнымъ способамъ, чтобы не быть въ подданствѣ у своихъ пановъ. Одни продаютъ все и, оголѣвъ, идутъ къ козакамъ въ чуры и постои (*jedni się sprzedając i ogolociwszy ze wszystkiego, za szurów i postojów do kozakow udaja*), другіе совсѣмъ идутъ за Днѣпръ, а нѣкоторые—такихъ наименѣе—кланяются уже своимъ панамъ. Поэтому одинъ Господь Богъ, въ своемъ предвѣдѣніи, рѣшилъ и предопредѣлилъ, какъ все это можетъ усмириться и успокоиться. Я не смѣю успокоивать отечество миромъ; точно такъ же не желаю раздражать шерней и давать имъ поводъ къ враждѣ. Одинъ, кажется, остается совѣтъ: положиться на волю всемогущаго Бога, какъ Ему будетъ угодно смягчить эту казнь, и на подтвержденіе присягой обѣщаній Хмельницкаго, какъ онъ захочетъ ихъ сдержатъ, хотя бы это было съ великою кривдою и почти съ порабощеніемъ (*a prawie cum servitute*) всѣхъ насъ, украинныхъ (пановъ). Еслибъ я не видѣлъ такой силы и готовности, какую здѣсь нахожу, и еслибы могъ видѣть расторгнутымъ товарищество (*societatem*) съ козаками Орды, а также, когда бы войско могло вступить сюда раньше, нежели рѣки пустятъ (воду), то, какъ я всегда объявлялъ на сеймѣ, наилучшимъ средствомъ (*pro maxima*), такъ и теперь—не только желалъ бы, но просилъ бы униженно вашу королевскую милость, принимая во вниманіе все униженіе, которое мы

претерпѣваемъ въ мирѣ. похожемъ на рабство, — лучше попытаться прибѣгнуть къ оружію, нежели, имѣя, не имѣть подданныхъ. Имъ помогаютъ всѣ *фортели* и на сушѣ, и на водѣ, потому что у нихъ та же сила, та же готовность, та же лига, хотя меня угнететъ та же бѣдность и несчастіе (*egestas et calamitas*), что и каждого. Поэтому я не нахожу другаго способа, какъ только ждать у берега попутнаго вѣтра (*secundos spectare in littore ventos*). По вышеизложеннымъ причинамъ, больше можетъ сдѣлать половина войска съ осени и зимой, нежели цѣлое войско теперь лѣтомъ: ибо у нихъ (тогда) прекращаются всѣ *фортели*, и Орда не можетъ оставаться долго съ ними; а когда не будетъ Орды, то мы всегда, по милости Божіей, можемъ взять верхъ. Еще и то надо принять во вниманіе, что теперь *великій голодъ*. Огультаенное хлопство должно снова приняты за землю, или, не будучи задираемо, какъ этого рѣшительно Хмельницкій желаетъ, придумаетъ себѣ куда-нибудь (добычный) путь. Черезъ это могла бы эта вооруженная толпа какъ-нибудь порѣдѣть и разойтись, а если нуженъ поводъ къ войнѣ, то у Рѣчи Посполитой онъ есть всегда, лишь только она будетъ готова къ войнѣ. Если даже козаки пожелаютъ оставить насъ въ покоѣ, то поводомъ къ войнѣ можетъ быть то обстоятельство, что этотъ миръ не только не удовлетворяетъ насъ, обиженныхъ, но не соотвѣтствуетъ и самой транзакціи, учиненной съ ними. Два важнѣйшія обстоятельства, именно: возстановленіе католическаго исповѣданія и такое подданство, которое бы приносило намъ выгоду (*prodatiŭstwo z pożytkiem ranom*), не скоро могутъ войти въ колею, потому что они — или совсѣмъ не хотятъ, или хотѣли бы мало давать податковъ, и быть въ подданствѣ только по имени. Поэтому признаюсь чистосердечно (*ingenue fateor*), что такой миръ мнѣ не по сердцу, если его Господь Богъ и самое время не исправятъ. Только теперь опять начать войну было бы, по моему мнѣнію, крайне опасно. Вотъ почему я желаю, чтобы отечество, пользуясь временемъ, исправило то, что должно быть исправлено (*tempore temperanda temperare*)... и униженно прошу не приближать войска, чтобы не давать повода къ враждебнымъ дѣйствіямъ... иначе—мнѣ и всѣмъ находящимся здѣсь обывателямъ *ipso facto* пришлось бы творить предсмертные обѣты (*vovere hostias*). Если же ваша королевская милость пожелаете приблизить войско и, при первомъ поводѣ (*data occasione*), предоставитъ суду Божію то, что оскорбило Республику, не дожидаясь исправленія—если только какое-либо исправленіе возможно въ этихъ своевольныхъ и одичалыхъ подданныхъ,—не дожидаясь даже времени, болѣе благопріятнаго для нашихъ дѣлъ; въ такомъ случаѣ низайше

прошу о томъ, чтобы, прежде нежели войско двинется въ Украину, я, по какому-нибудь письменному повелѣнію вашей королевской милости, могъ оставить здѣшній мой постъ, и чтобы дворянство не вдругъ, а мало-по-малу... могло уйти отъ опасности, которая захватитъ насъ въ ту же минуту, какъ только пойдетъ молва, что войско двинулось и идетъ въ Украину“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Кисѣль увѣдомлялъ, что къ Хмельницкому прибыли съ чѣмъ-то послы изъ Венгріи, Молдавіи, Валахіи: доказательство, что „сила этой черни и счастье Хмельницкаго уважаются“, замѣтилъ онъ, и просилъ увѣдомить его съ возможною скоростью; долженъ ли онъ здѣсь укрѣпиться (*fidere pedem*), или же думать о бѣгствѣ? Не получая ни гроша дохода изъ своихъ заднѣпровскихъ имѣній, не могъ, однакожъ, онъ обходиться безъ ассистенціи, такъ какъ постоянно находился среди опасности (*obnoxius semper periculis*), а при дороговизнѣ съѣстныхъ припасовъ, издерживалъ на нее не меньше двухъ тысячъ злотыхъ въ недѣлю изъ своего жалованья; поэтому просилъ пособія. „Не получаю“ (писалъ онъ) „здѣсь въ резиденціи ни гроша, провѣянту же трудно достать, потому что его нѣтъ, а силою трудно взять. Если подданные не хотятъ ничего давать даже своимъ собственнымъ панамъ, то тѣмъ болѣе—жолнеру“.

Когда такимъ образомъ спокойные прежде обладатели Малороссіи находились въ положеніи колонистовъ среди свирѣпыхъ дикарей, или—въ положеніи безоружныхъ завоевателей среди враждебныхъ къ нимъ туземцевъ, — двѣ орды, магометанская и христіанская, занявъ своими кочевьями широкое пространство отъ черноморскихъ береговъ до Случи, были поглощены заботой о своемъ существованіи на счетъ культурныхъ сосѣдей.

Не напрасно Хмельницкій говорилъ въ прошломъ году противъ московскаго царя „непригожія слава“. Попавъ между татарскаго молота и польской наковальни, по милости юнаго самодержца, щадившаго Рѣчь Посполитую въ ея несчастномъ положеніи, не оставлялъ онъ и теперъ мысли показать Москалю, что только тотъ непобѣдимъ, кто „въ своемъ подданствѣ имѣетъ покорность Хмельницкихъ“.

Съ Польши было уже снято золотое руно: надобно было снять его и съ Москвы. Мысль эту возымѣлъ счастливый по милости Божіей и милосердый соратникъ Хмельницкаго, Исламъ-Гирей. Когда паны выкупили у него своего заложника, Денгофа, ханъ писалъ къ королю: „По благоволенію, помощи и милосердію Божію, мы не имѣемъ теперъ никакого непріятеля, и на всѣ стороны обрѣтаемся въ дѣйствительной пріязни. Однакожъ, много бесѣдовали мы съ вашими

послами о предметахъ, достойныхъ бесѣды. О томъ же достаточно мы сообщили и Калиновскому. Посылаемъ съ этимъ главнаго изъ нашихъ слугъ, Мустафу-агу. Ему поручили мы устно все, что есть въ нашемъ сердцѣ,—всѣ наши намѣренія и мысли. Что вамъ опъ разскажетъ, то будутъ наши собственныя слова, лишь бы только, выслушавъ хорошо это дѣло, пожелали вы начать. Къ какому времени собравшись, можете быть готовы? Объ этомъ дайте намъ знать черезъ Мустафу-агу. Лѣтомъ-ли, зимой ли, всегда мы будемъ готовы; ждемъ только вашего рѣшенія. То дѣло великое! Множество царствъ и королевствъ можете приобрести. О запорожскихъ же козакахъ, если бы стали говорить вамъ, что противное, не вѣрьте: Козацкій Народъ, это ваши слуги и подданные. Куда бы вы ни задумали, всюду они пойдутъ охотно впереди васъ. Они съ нами договорились въ томъ, что безъ нашей воли никуда двинуться не могутъ. Поэтому не наставляйте уха людскимъ розсказнямъ. А чтобы наши дружескія письма были тѣмъ пріятнѣе, посылаю Потоцкаго, подаривъ ему свободу за здоровье вашей головы“.

О „предметѣ достойномъ бесѣды“ писалъ то же самое и ханскій визирь къ коронному, какъ выражался ханъ, визирю, Оссолинскому, присовокупляя, что походъ въ Москву разъединитъ козаковъ съ означенными мужиками, которые, въ ихъ отсутствіе, сдѣлаются тѣми же панскими хлопами, какими были.

Возвращеніе Николая Потоцкаго изъ татарскаго плѣна Кисѣль привѣтствовалъ письмомъ отъ 4 апрѣля, называя его отцомъ отечества и возлагая на него великія надежды, въ противность собственному мнѣнію о причинѣ междоусобной войны и голосу Шляхетскаго Народа, который въ популярномъ стихотвореніи обращался къ нему съ такой оцѣнкою: „Напрасно взваливать несчастье на Бога: не за столомъ было яриться на козаковъ. Мы дома не можемъ ходить безъ чужой помощи, и хотимъ давать битвы въ каретѣ“ *).

Голоса тѣхъ, которые требовали отмѣны пожизненнаго гетманства, вопіяли въ пустынѣ. Какими средствами возвысилась Рѣчь Посполитая, такими только могла и поддерживать себя. Зная это изъ Саллюстія, она боялась одной переменной подать поводъ къ другимъ, то-есть обнаружить негодность основъ своихъ и пасть, въ лицѣ боль-

*) Na niebo pròżno i nieszczęście łożyć:

Nie u stołu się na nich było srożyć.

(Этотъ стихъ дошелъ до насъ съ припискою: Такъ было).

Duma nie możemy o swęj mocy chodzić,

Przecie w karetce chcemy bitwy zwodzić.

шинства пановъ, отъ внутреннихъ причинъ скорѣе, чѣмъ она пала отъ вѣшнихъ. Но не дряхлымъ подагрикамъ было стоять противъ бури, которая, въ короткое время отсутствія Потоцкаго, измѣнила лицо Польши до неузнаваемости.

„Не та *gerum facies*“ *), (писалъ къ нему Кисѣль), „не тѣ статки, не та военная сила, но то же самое надменное и окровавленное нашимъ несчастіемъ бѣшенство (*ale taž infortunio nostro inflata i zajuszona rabies*). Всѣ мнѣнія наши полны пустокъ, такъ что Украина едва въ состояніи содержать стеченіе и сбродъ вооруженной черни (*colluviem et congeriem armatae plebis*). Увидите сами, въ какомъ хаотическомъ состояніи находится она со стороны Днѣстра. Здѣсь на Днѣпрѣ я сижу въ тройной опасности: вопервыхъ, чтобы Хмельницкій остался вѣренъ клятвенному слову, что обуздаетъ чернь; во вторыхъ, чтобы чернь не возобладала надъ нимъ и не встала подъ новымъ главою (*cum novo capite non recrudescat*); въ третьихъ, чтобы наши не застучали въ берегъ (*żeby od nas w brzeg nie kołatano*), и отъ нашего домогательства не поднялась буря... Мало-по-малу будемъ осваиваться съ нашими одичалыми подданными, довольные, на первый разъ, однимъ признаніемъ нашего хоть и бездоходнаго господства (*z gazu sola recognitione dominii, chociaż bez pożytku, kontenci*)... Принизившись такъ, какъ мы принизились, не надобно давать повода къ войнѣ, а хана какъ можно секретнѣе (*quam citissime*) увѣдомить что мы все сдѣлали для черни, а она для насъ еще ничего, и дѣла обезпечить тамъ... Теперь уже дѣло идетъ не о ремнѣ, а о цѣлой шкурѣ польской. Въ крайнемъ свирѣпствѣ черни, и потому въ крайней опасности Республики, крайнія средства не уйдутъ отъ насъ... За Днѣпръ поѣхало много братьевъ (шляхты), хоть я и не совѣтовалъ: жестокая стрѣла бѣдности и нужды не взираетъ ни на какія опасности (*durum telum egestatis et necessitatis nec periculo respicit*). Мои слуги, передъ сеймомъ, введены туда по великой де благосклонности, но до сихъ поръ они тамъ гости, а не хозяева“.

Въ заключеніе письма, Кисѣль говорилъ и что теперь въ Варшавѣ великій посолъ царскій, и что онъ совѣтовалъ бы послу, глядя на Польшу, не подвергать Москвы такой же опасности, и лучше держаться съ панами, нежели съ мужиками... Но и паны, и мужики такъ хорошо зарекомендовали себя передъ Москалями, что царскому послу трудно было рѣшить, которое изъ двухъ золъ меньшее.

*) Лицо вещей, положеніе дѣлъ.

Умудренный горькимъ опытомъ, Кисѣль оставилъ, наконецъ, свой оптимизмъ относительно земляка и пріятеля, Хмельницкаго. Изъ легко-вѣрнаго политика онъ превратился въ печальнаго историка, и письма его вносятъ много свѣта въ туманъ, котораго напустили въ тогдашнія религиозныя, соціальныя и національныя соотношенія наши украиноманы да козакоманы. Отъ 6 мая онъ писалъ къ королю изъ Кіева: „Хмельницкій велѣлъ собраться подъ Полтавою на ханскую службу (на usługę hańską) по триста человекъ отборныхъ козаковъ изъ каждаго полка, о *доупокъ* каждый, къ 26 мая по старому календарю. Будетъ этого войска 6.000... Изъ этого видно, что Татары отъ козаковъ не оторвутся. Они не только вмѣстѣ живуть и кочуютъ, но и войска взаимно другъ другу посылаютъ... И на этой недѣлѣ былъ отъ хана посоль въ Чигиринѣ съ предложеніемъ и подарками. Привѣтствовали его пальбой изъ пушекъ, и отправили также съ подарками. Посольство заключалось въ двухъ пунктахъ: первый—домогательство Портѣ, чтобы Хмельницкій удерживалъ отъ моря донскихъ козаковъ, на что онъ согласился, и тотчасъ послалъ на Донъ письмо. Второй пунктъ: просьба хана о помощи ему противъ *Черкасъ*... *) Съ обѣихъ сторонъ полюбились другъ другу (*zasmakowali się w sobie*), живя добычей и грабежемъ (*praeda et spoliis gentes nutritae*): вопли во вкусъ соединенной силы (*zasmakowali sobie conjunctum robur*)... Все Задніпріе оставлено безъ реестровой ревизіи. Хотя реестры и составлены, однакожь, козаки по-прежнему лелѣютъ (*fovent*) при себѣ всѣхъ до святокъ... Бунтуютъ подъ предлогомъ религіи... Хотя Хмельницкій и усмиряетъ чернь жестокими примѣрами, но караетъ меньшихъ, а старшихъ преступниковъ не замѣчаетъ, или, ударивъ по карману, выпускаетъ. Такъ недавно поступилъ онъ съ Нечаемъ, который надѣлалъ много зла. Обѣщалъ мнѣ, что казнить его смертию, а потомъ выпустилъ, взявши тысячу 15 и оправдываясь тѣмъ, что будто бы его отприслали ханскіе послы“.

Въ письмѣ къ Потоцкому о брацлавскомъ полковникѣ Нечаѣ Кисѣль писалъ, что нѣтъ бѣльшаго бунтовщика въ Украинѣ. По отъѣздѣ Хмельницкаго изъ Кіева (разсказываетъ Кисѣль), онъ оставался здѣсь двѣ съ половиною недѣли, увѣдомилъ очаковскаго бея, кочующаго въ Дикихъ Поляхъ, что съ Ляхами нѣтъ мира, и просилъ прислать ему 2.000 Татаръ. Орда пришла къ Брацлаву, и, не найдя тамъ Нечая, вернулась въ свое кочевіе, но множество людей обезглавила, въ

*) Кисѣль называетъ Черкесовъ такъ, какъ въ Москвѣ называли нашихъ козаковъ.

томъ числѣ и одного шляхтича, захваченнаго въ домѣ. Узнавъ объ этомъ, Хмельницкій поклялся снять голову Нечая, и послалъ за нимъ но такъ какъ Нечай человекъ богатый, то его ставятъ наравнѣ съ Хмельницкимъ“.

По всему этому Кисѣль совѣтовалъ королю не обезпечиваться татарскимъ предложеніемъ, не приближать войска къ границѣ, въ избѣжаніе дракъ, а написать къ Хмельницкому, чтобъ онъ, согласно Зборовскому договору, возвратилъ на хвалу Божію костелы, вывелъ козаковъ изъ-за линіи, не принималъ въ козаки сверхъ реестра, привлекъ подданныхъ къ повиновенію панамъ, да еще, чтобы Нечай, за призваніе Орды, былъ казненъ смертью. Свое положеніе въ Украинѣ изображалъ Кисѣль такъ,—что, „вѣхавъ между гадовъ и пригасивъ огонь бунта, живеть онъ, какъ Овидій, среди ежеминутной опасности, не удостоиваясь ни похвалъ, ни порицанія, ни подкрѣпленія... Всюду полно бунтовъ“ (писалъ онъ), „отовсюду получаютъ страшныя вѣсти, изъ Самуилова, Котельни, Винницы и пр.“

Для отвращенія грозившей польскому отечеству бѣды, почтенный Свѣнтольдовичъ пытался свалить ее съ больной головы на здоровую, и забывая о своей православности по примѣру Хмельницкаго, поджигалъ его къ войнѣ противъ Москвы. „Такъ какъ Москва“ (говорилъ онъ въ пунктахъ своихъ переговоровъ съ Хмельницкимъ въ Черкасахъ, 20 іюня), — „такъ какъ Москва не хочетъ дать козакамъ надлежащей дани (*dani należącej dać nie chce*), и еще домогается у короля правосудія, то чтобы просилъ хана помочь имъ“.

Хмельницкій отвѣчалъ, что пошлетъ къ хану, и, безъ сомнѣнія, Орда придетъ къ козакамъ: ибо, по договору съ ними, хотя бы ханъ самъ и не пришелъ, то долженъ послать нурединъ-султана со всѣмъ войскомъ. Желалъ бы, однакожь, чтобы король обезпечилъ за собой Орду особеннымъ обязательствомъ (*osobliwym obowiązkiem*): а то Москва отторгнетъ ее подаркомъ, такъ какъ Орда на подарки падка.

„Если бы пришлось воевать съ Москвой“ (спрашивалъ Кисѣль), „то съ какой стороны, по его мнѣнію, слѣдовало бы напасть на непріятеля“?

Хмельницкій отвѣчалъ,—что, „соединясь съ Татарами тамъ, гдѣ Муравскій Шляхъ притянулъ къ Сѣверщинѣ и называется Свинною Дорогою (*S'winia Droga*), куда, Кисѣль, будучи посломъ, шелъ отъ границъ къ столицѣ, тѣмъ шляхомъ идти и, широко распуская загоны, не мѣшкать у замковъ: они потомъ будутъ того, чья будетъ земля.

На вопросъ: нужно ли ему сколько-нибудь польсваго войсва? Хмельницкій отвѣчалъ: „Намъ съ Татарами не долго собираться въ походъ, а польское войско надѣлало бы великаго шуму. Съ этой стороны достаточно будетъ козаковъ и Татаръ, только чтобы козаки были увѣрены въ безопасности домовъ, женъ и дѣтей“.

А какую бы пору избралъ онъ для войны? спросилъ Кисѣль.

Хмельницкій отвѣчалъ, что Татары пойдутъ не раньше жнивъ, когда выпасутъ лошадей. Но это въ наступательной войнѣ, въ оборонительной же надобно тотчасъ Войску Запорожскому пересунуть (przesunąć) за Днѣпръ; а московскихъ пословъ задержать до тѣхъ поръ, пока не будетъ все устроено къ походу.

„По этимъ пунктамъ нашихъ переговоровъ, Хмельницкій, кажется, искренно желаетъ въ настоящемъ дѣлѣ служить королю и Рѣчи Посполитой“, замѣчаетъ въ своемъ донесеніи Кисѣль, и присовокупляетъ нѣсколько благихъ совѣтовъ. Если рѣшится король на войну съ Москвой, то чтобы при письмѣ къ Хмельницкому послать какую-нибудь тысячу червонцевъ и короткій *креденсъ* отъ королевы, дабы его тѣмъ больше заохотить, обязать и утвердить: „ибо“ (писалъ Кисѣль) „наше нынѣшнее положеніе таково, что на которую чашку вѣсовъ онъ обратится, та и перетянетъ. А что сказалъ онъ о падкости Татаръ на деньги, то таковъ и его духъ (tenże jest i jego geniusz)“.

Кисѣль совѣтовалъ не допускать московскихъ пословъ до разговоровъ съ послами козацкими, такъ какъ хмельничане домогаются отъ Москвы дани (że się u nich urominają o kaźni) и забираютъ у нихъ пасѣки.

Онъ совѣтовалъ народность и религію русскую (*gentem et religionem ruska*) сохранить въ величайшемъ спокойствіи, такъ какъ Хмельницкій намекнулъ, что, идучи на эту службу, хочетъ потребовать возвращенія церковныхъ имуществъ и владычествъ русскихъ *de facto*.

Наконецъ, онъ совѣтовалъ прислать Кіевскому и Браиловскому воеводствамъ королевскіе универсалы, чтобы всѣ вели себя какъ можно скромнѣе, сообразно времени (*tempori serviendo*), а изъ домовъ не уходили. Кромѣ того, совѣтовалъ Кисѣль отсрочить въ этихъ воеводствахъ трибунальскія дѣла до болѣе спокойнаго времени: ибо, подъ предлогомъ выѣзда на трибуналъ, паны уѣзжаютъ изъ Украины, а уѣзжая, подданныхъ обдираютъ безъ всякой мѣры (*poddanych bez respektu zdzierają*).

У Яна Казимира не было ни ума, ни совѣсти, ни чести. Любезнѣйшее изъ іезуитскихъ чадъ и орудій, онъ былъ готовъ на всякую войну и на всякій миръ безразлично, по вдохновенію минуты. Такъ онъ отнесся и къ предложенію Исламъ-Гирей. Посылая къ хану съ секретнымъ наказомъ дворянина своего, Бѣчинскаго, онъ поручилъ ему переговорить, по пути, съ мультянскимъ господаремъ, Бессарабомъ, котораго увѣдомилъ письмомъ, чтобъ онъ далъ Бѣчинскому „полную и несомнѣнную вѣру“ во всемъ, что онъ скажетъ отъ королевскаго имени.

Въ вопросѣ о Московской войнѣ, на короля дѣйствовалъ Потоцкій, которому съ этою цѣлью ханъ даровалъ свободу. Отъ 26 августа Исламъ-Гирей снова писалъ къ Яну Казимиру, и говорилъ уже прямо, что о *московскомъ* дѣлѣ много толковалъ съ его короннымъ гетманомъ. При этомъ жаловался, что донскіе козаки сдѣлали морской набѣгъ нѣсколькими чайками и увели много крымскихъ подданныхъ въ неволю. Ханъ довольно комически претендовалъ на предъявленныя Москвою королевскому правительству требованія. „Ваше оскорбленіе“ (писалъ онъ) „есть наше оскорбленіе. Мстя не столько за свою, сколько за вашу обиду, мы посылаемъ 27 августа брата нашего, султанъ-галгу, на Москву“. Онъ совѣтовалъ, посредствомъ литовскаго войска, овладѣть пограничными московскими городами. „Мы очень сильно уповаемъ на милосердіе Божіе“ (говорилъ, точно католикъ, Исламъ-Гирей), „только чтобы вы, поручивъ себя ему, стояли мужественно. Не о себѣ мы думаемъ, а о томъ, чтобы сдѣлать вамъ добро. Мы удовольствуемся завоеваніемъ своихъ единовѣрцевъ (Казанцевъ и Астраханцевъ), а вы, сколько добудете христіанскаго царства, то будетъ ваше. Въ нашемъ сердцѣ нѣтъ никакой хитрости. Что я въ началѣ съ вами подъ Зборовымъ постановилъ, отъ своего слова не отступлю“.

Безхитростный хитрецъ умѣлъ задѣть въ пустомъ сердцѣ Яна Казимира самую чувствительную струну. Выродку норманскихъ завоевателей было пріятно думать, что онъ, по проложенной братомъ Владиславомъ дорогѣ, стяжаетъ себѣ въ Московскомъ Царствѣ славу великаго полководца, и бѣдствіями своихъ сосѣдей осчастливитъ бѣдствующую Польшу. Но его, какъ и всѣхъ Поляковъ, путалъ нашъ старый Хмѣль, обвиваясь вкругомъ своими цѣпкими завитками. Послѣ совѣщанія съ Киселемъ въ Черкасахъ о разореніи православнаго царства въ пользу католическаго и мусульманскаго, онъ возмутилъ благочестивые помыслы Адама Свѣитольдовича непонятною выходкой.

Въ Чигиринѣ появился посолье турецкаго султана, Османъ-ага. Привезли его изъ Очакова. Отъ оказавшихся шляхтичей Кисѣль узналъ, что „Турецкій Цесарь“ говорилъ о Зборовскомъ мирѣ: „Не можетъ этого быть, чтобы Ляхи не мстили козакамъ“, и совѣтовалъ Хмельницкому вести съ ними войну, а онъ даетъ ему 100.000 войска на цѣлый годъ и обѣщаетъ представить козакамъ „провинцію“, гдѣ они будутъ совершенно свободны, „какъ люди Шляхетскаго Народа“. Хмельницкій отвѣчалъ, что давно желалъ этого и въ такомъ смыслѣ писалъ къ султану, но что волошскій господарь, яко измѣнникъ цесаря, перехватывалъ ихъ и послалъ въ Польшу.

Турецкое посольство перестроило всѣ планы Хмельницкаго: оно вдругъ освобождало его и отъ молота и отъ наковальни, между которыхъ онъ попалъ подъ Зборовымъ. Турецкій цесарь повелитъ хану кончать съ нимъ Ляховъ, какъ теперъ ханъ повелѣваетъ ему щадить ихъ. Съ помощью Турокъ онъ будетъ силенъ всѣмъ татарскимъ ордамъ, и сдѣлается такимъ ханомъ, какъ потомокъ Чингиса.

Такъ ли онъ думалъ, или какъ-нибудь иначе, только недавній союзникъ Польши противъ Москвы заговорилъ съ благочестивымъ своимъ совѣтникомъ, Свѣнтольдичемъ, по-непріятельски. Теперъ де посажу на господарствѣ Моисея Могилу (Петрова брата и по имѣніямъ наслѣдника), да не только Польскую Корону, и Римъ отдамъ Цесарю!

Въ это время прибыли къ нему послы отъ краковскаго воеводы, князя Владислава Заславскаго, и отъ калусскаго старосты, молодаго Яна Замойскаго, съ разными ходатайствами. Онъ пригласилъ ихъ къ обѣду, выслушалъ каждого внимательно, и, послѣ разныхъ бесѣдъ, сказалъ *крито*: „Ни король, ни Рѣчь Посполитая не можетъ принудить меня ни къ чему: бо я собі вольный, и буду служить, кому захочу. Вѣрный у меня помощникъ Турецкій царь, нашъ милостивый панъ, также и царь Московскій, а всѣ орды присягли мнѣ. Не только Польскую Корону, но и Римское Панство кому захочу отдамъ въ руки, а всѣмъ панамъ не пущу маетностей, пока не выдадутъ мнѣ Чаплинскаго. Если Ляхи точать (строить) обозъ, то и я пускаюсъ тотчасъ же (въ походъ), а тѣ, которые тамъ живутъ, первые поплатятся жизнью за свой лагерь“.

Вотъ какія вещи говорилъ онъ кроткимъ голосомъ, и голосъ этотъ былъ ужаснѣе того рева, который въ Переяславѣ заставлялъ дрожать на панахъ шкуру. Хмельницкій чувствовалъ себя сильнымъ не только Ляхамъ, не только Татарамъ, но и своимъ дѣтямъ, друзямъ, небожатамъ съ ихъ Перебійносами, Джедтахлами, Нечаями.

На другой день (разсказываетъ безыменная реляція) ѣздилъ Хмельницкій на проѣздку. Кто знаетъ, что выражала проѣздка у такого человѣка? Можетъ быть—алкающую мщенія ревность къ тому, кто смѣлъ съ такимъ крупнымъ звѣремъ спорить за самку. Можетъ быть, его томилъ избытокъ гордыхъ замысловъ; а, можетъ быть, на проѣздку вызывало чувство свойственной кровавому злодѣю тоски, отводимой только новыми кровавыми замыслами. Проѣздившись (говоритъ реляція) Хмельницкій пилъ съ Дорошенкомъ, своимъ гарматнымъ писаремъ (братомъ извѣстнаго наслѣдника его туркоманіи, Петра).

Варшавскій Анонимъ, представляющій такое же эхо слуховъ, занимавшихъ Польшу въ то время, какимъ для Москвы былъ Кунаковъ, разсказываетъ, съ признаками реальности, о томъ, что заставило козацкій вулканъ извергать зловщій пламень, предсказывавшій новые пожары и новыя рѣки человѣческой крови. Османъ-ага привезъ Хмельницкому отъ Султана турецкую саблю въ дорогой оправѣ, знамя съ изображеніемъ полумѣсяца, золотую гетманскую булаву и титулъ Украинскаго Князя. Султанъ желалъ, чтобъ онъ взялъ Каменецъ-Подольскъ и отдалъ Туркамъ въ знакъ вѣрности (какъ это сдѣлалъ черезъ 22 года Петръ Дорошенко). Хмѣль былъ готовъ на этотъ подвигъ и, для вѣрнѣйшаго успѣха, просилъ Османъ-агу сохранить его обѣщаніе въ тайнѣ. Но какимъ-то путемъ разнесся слухъ, что онъ говорилъ султанскому послу: „Тутъ польскіе послы шпионничаютъ и подбиваютъ меня къ войнѣ съ Турками, но я скоро ихъ отправлю ни съ чѣмъ, а неприступную крѣпость Каменецъ захвачу врасплехъ“. Потомъ де пригласилъ Османъ-агу, человѣка трезваго, на попойку, пилъ за здоровье Турецкаго цесаря огромными кубками, и ничего не опустилъ для удостовѣренія Турка въ искренней своей дружбѣ.

Узнавъ объ этомъ (разсказываетъ Анонимъ), Адамъ Кисѣль едва не умеръ съ горя, что онъ увѣрялъ короля въ искренности Хмельницкаго. Адамъ послалъ къ нему своего брата Юрія, черкаскаго старосту. Хмельницкій встрѣтилъ Юрія Киселя словами: „принялъ я протекцію Турецкаго царя“, и „хвалился безбожнымъ дѣломъ“ (пишетъ Анонимъ), „какъ будто чѣмъ добрымъ“.

Свидѣтели этой сцены (продолжаетъ онъ) были делегаты разныхъ пановъ съ подарками, которыми они надѣялись смягчить его и выпросить своимъ панамъ дозволеніе возвратиться въ украинскія маестности. Юрій Кисѣль весьма краснорѣчиво убѣждалъ Хмельницкаго бросить невѣрнаго и коварнаго Турка, но его краснорѣчіе подѣйствовало на Хмельницкаго, разгоряченнаго виномъ, такъ, что онъ велѣлъ всѣмъ панскимъ пословъ и самого Киселя повѣсить, какъ шпионовъ. Но

Выговскій, вмѣстѣ съ бывшею Чаплинскою, отсрочилъ казнь до утра и, по выраженію Анонима, „апеллировалъ отъ пьянаго къ трезвому. Хмельницкій извинился передъ жертвами своего русскаго единогосподничества и самодержавія словами: „Вчѣра я зъ досады впивсь и здуривъ“. Но тѣмъ не менѣе отправилъ Османъ-агу, на зло Ляхамъ, торжественно, причемъ было сказано: „отъ гетмана и князя запорожскаго Турецкій цесарь принимается за найвысшаго пана, протектора“ и т. д.

„Такъ то Хмельницкій исполнилъ Зборовскій договоръ!“ (воскликаетъ совершенно по-католически Анонимъ): „ему лучше быть бисурманомъ, нежели уніатомъ“.

Разсказъ Анонима подтверждается лаконическою реляціею, въ которой сказано: „Напившись съ Дорошенкомъ, велѣлъ онъ утопить Ляховъ. Сама упросила. Проспавшись, онъ и самъ раскаялся“.

„4 августа“ (продолжаетъ безыменная реляція) „прибылъ къ нему хавскій посолъ съ требованіемъ (wołajac) идти въ Московщину со всѣмъ войскомъ, и чтобъ 26 августа стоялъ на границѣ, куда и султанъ-галга двинется съ Ордою... Теперь разосланы всюду универсалы, чтобы всѣ готовились къ войнѣ, не только рсестровые, но и охочіе, только неизвѣстно, къ какой“.

До пріѣзда Османъ-аги, не зная и самъ Хмельницкій, къ какой готовится ему войнѣ. Заваривъ „съ Ляхами пиво“, онъ долженъ былъ пить его до конца, и для того, чтобъ уцѣлѣть на кровавомъ пиру бросался въ противоположныя крайности.

Страна, еще не давно представлявшая возможность богатѣть мѣщанамъ и жить изобильно въ хлѣбахъ, скотѣ, пасѣжахъ селянамъ, сдѣлалась теперь голодною не только для отверженныхъ землевладѣльцевъ, не только для козаковъ-рсестровиковъ, но и для оказаченныхъ пахарей, которые волей и неволей перестали быть хлѣборобами. Видя, что ему не сдобровать среди раздраженной убожествомъ черни, Хмельникій нашелся вынужденнымъ изобрѣсть новую войну съ кѣмъ бы то ни было и за чтѣ бы то ни было, лишь бы привлечь къ себѣ завзятыхъ новой мечтой о добычномъ промыслѣ, сдѣлавшемся почти единственнымъ въ Малороссіи.

До насъ дошла пѣсня, воспоминающая Хмельнитчину и характеризующая чувства хмельничанъ, пропившихся, голыхъ и голодныхъ:

Ой спавъ пугачъ на могилу
 Та й крикнувъ вітъ пугу!
 Чи не дасть Богъ козаченькамъ
 Хочъ тенѣръ потугу?

И день и ніч войны ждёмъ,
 Поживы не маемъ:
 Давно булѣ Хмельщиченка,
 Що вже й не згадаемъ...

Козакъ былъ подобенъ пугачу, падающему на степной курганъ съ голоднымъ, отчаяннымъ, зловѣщимъ для многихъ крикомъ *пугу!* Его потуга, то-есть сила, обновлялась войною, которой онъ ждалъ день и ночь для поживы. Война прежде всего и послѣ всего предпринималась изъ-за добычи, прославлялась ради добычи и переходила изъ рода въ родъ, какъ память о добычѣ. Съ отчаяніемъ, какъ голодающій на степныхъ могилахъ коршунъ, напѣваетъ и теперь еще козацкій потомокъ свою жестокосердную пѣсню:

Ой колись мы воювали,
 Та бльше не будемъ!
 Тодѣ щастя й тої долі
 По вікъ не забудемъ.

Козацкіе историки, поэты и публицисты внушаютъ своимъ читателямъ, что козаки воевали за православную вѣру и русскую народность. Но козакъ, въ своемъ добычномъ промыслѣ, не разбиралъ вѣры и народностей, какъ и Татаринъ. Онъ былъ готовъ идти на Москаля, какъ и на Турка,—идти на Грека, Серба, Волоха, какъ и на Ляха. Лучшей славы для него не было, какъ устранять все народы и грабить ихъ имущество.

Что касается Хмельницкаго, то, не говоря уже о его мстительности за батьковщину, за коханку, за посягательство на его жизнь,—въ настоящемъ своемъ положеніи, онъ бы не призадумался погубить весь міръ для спасенія себя отъ раздраженной толпы, — погубить и самихъ сподвижниковъ своихъ, какъ это предлагалъ Наливайко Сигизмунду III. Предательская Наливайкова мысль вертѣлась и у него въ головѣ, какъ это мы видѣли изъ его бесѣды съ Киселемъ.

Миновало уже для малорусскаго поджигателя время, когда онъ, по словамъ кобзарской думы, взывалъ къ оказанной черни:

Идїть Ляхівъ та Жидівъ зъ України зганяти,
 Дакъ будете собі мати—
 Хочъ на три тїжні хоропѣнько кокозалькѣ погуляти.

Погулявъ столько, насколько хватило кровавой добычи, усыновленная злоствующимъ шляхтичемъ голода хотѣла гулять поковацки
 т. ш.

безконечно. Напрасно Батько Богданъ воспрещалъ своими универсалами бунты и неповиновеніе панамъ, напрасно грозилъ своевольникамъ жестокими казнями и приказывалъ полковникамъ казнить на мѣстѣ всѣхъ, кто окажется виновнымъ, а нѣкоторыхъ сорвиголовъ казнилъ при себѣ въ Кіевѣ. Онъ очутился въ положеніи Нерона, принуждаемаго злодѣйствами къ поступкамъ добродѣтельнымъ, а добродѣтельными поступками — къ злодѣйствамъ. Хмельницкій сдѣлался такимъ чудовищемъ, что даже его достойный біографъ и панегиристъ написалъ о немъ: „Имя его, которое до того времени провозносилось съ благоговѣніемъ Русскими, стало у многихъ предметомъ омерзѣнія“.

Въ свою очередь, охраняемые Хмельницкимъ землевладѣльцы не могли чувствовать себя безопасными среди народа, который даже козаковъ заставилъ быть его судьями и карателями. „Наше примиреніе пахнетъ рабствомъ для самихъ насъ“, говорили паны. Обширныя имѣнія были ихъ собственностью только на словахъ, на самомъ же дѣлѣ составляли кочевья номадовъ, у которыхъ не было другихъ бесѣдъ, кромѣ воспоминаній о спущенной съ рукъ добычѣ и надежды на новое обдиранье пановъ и Жидовъ. Жаднымъ ухомъ прислушивались козаки и мужики къ рапсодіямъ своихъ Гомеровъ:

Якъ почали діти, друзі, небожата
Жидівъ та Ляхівъ зъ України зганяти,
До въ котрого не булô драгої кошушны,
До й той надівъ жидівські кармазинны.
Хорошѣнько вони собі цюкованькы походжали,
Та ще й по кешеляхъ срібні грôшні мали.

А панъ Хмельницькый,
Житель чигиринський,
Козакъ лейстрôвкый,
Писаръ військовый,
До гôрода Полонного прибувавъ,
Та старіми Жидами оравъ,
А Жидівками боронувавъ,
А котôрі бували малі діти,
До вінъ ихъ кіньми порозбивавъ.

Мечты кровавыя смѣнили у этого народа заботы о семьѣ, о домѣ, о земледѣльческомъ и промышленномъ благосостояніи. Стоило только ему перейти отъ своей природной угрюмости къ пьяной пѣснѣ,—онъ воспѣвалъ рѣзню да побоища:

Ой не встигъ же козаць Нечай
 На коника сласти.
 Та й ставъ Ляхівъ, вражихъ сынівъ,
 Якъ сибики класти.
 Оглянеця козаць Нечай
 На правую рѹку,—
 Не выскочить кінъ лыцарський
 Изъ лѣцького трѹпу.
 Озирнеця козаць Нечай
 На лѣвее плече,—
 За нимъ рѣчка кривавая
 По долині тече.

Или о Морозѣ Морозенкѣ:

А въ нашего Морозенка
 Червоная стрічка:
 Де проїде Морозенко,
 Тамъ кривава рѣчка.

Или о Кривоносѣ—Перебийносѣ:

Перебийнісь просьть немного—
 Сімъ сотъ юнаківъ съ собою,
 Рубас мечемъ головы съ плечей,
 А рѣшту тѹпить водю:
 Ой пийте, Ляхи, воды калюжі,
 Воды калюжі болотяні,
 А що нива ли по тій крайні
 Пива та меды сытні!

Жутко было панамъ въ Украинѣ внимать подобнымъ пѣснопѣніямъ. Не дожидаясь появленія въ своихъ дѣдовскихъ усадьбахъ воспѣваемыхъ Нечаевъ, Морозенковъ и Перебийносовъ, они перебирались въ менѣе означенныя мѣстности и, покидая земледѣліе, готовили военные снаряды. А тѣ, которые не потеряли еще надежды устоять на поприщѣ предковской колонизаціи, составляли клятвенные союзы между собою съ обязательствомъ собираться въ назначенное кievскимъ воеводою мѣсто по первому зову, и грозили тѣмъ, кто не явится, лишеніемъ чести и имущества, которое предоставляли въ распоряженіе короля. „Отъ исполненія этой обязанности“ (писали они) „не можетъ отговариваться ни арендаторъ, ни заимодавецъ: арендаторъ лишится своей аренды, а заимодавецъ данныхъ въ займы денегъ“.

Между тѣмъ Хмельницкій раскидывалъ умомъ во всѣ стороны, какъ человекъ, стоящій на скользкой вершинѣ и готовый ухватиться за всякую опору, хотя бы даже и за самую гнусную. Турція была готова поддержать его, чтобы шагнуть въ Христіанскую Землю за рѣку Турлу *) и поставить ногу въ Подольскомъ Каменцѣ. Венгрія радовалась его усилѣхамъ въ войнѣ съ панами, и молодой Ракочій мѣтилъ на польскій престолъ, до котораго смерть не допустила его отца. Волошскій господарь, Лупуль, колебался между козацкимъ терроромъ и панскимъ покровительствомъ. Татары были недовольны султанскою протекціей надъ завоеванными ими подлѣ Зборовымъ козаками, но Татаръ можно было купить новымъ зазывомъ на грабежъ нетронутыхъ еще панскихъ имѣній. Одна Москва стояла въ молчаливомъ и таинственно-грозномъ величіи. Если пылающіе мезью паны соединятся съ Москвою, да еще поумнѣютъ на столько, чтобы подавить своего короля въ пользу диктатуры Вишневецкаго, тогда вся политическая сѣть Козацкаго Батька порвется, какъ паутина. Надобно было, во что бы то ни стало, ссорить Москву съ Польшею,—и Хмельницкій, опомнясь, пока еще не было поздно, пересталъ грозить сидящему на Москвѣ, а свое намѣреніе идти вмѣстѣ съ Ордой на Свиной Шляхъ превратилъ въ политическую демонстрацію. Онъ сталъ увѣрять Москалей въ невозможности подобаго покушенія со стороны Татаръ и, въ доказательство своей преданности царю, сообщилъ въ Москву оскорбительныя для нея сочиненія, печатанныя Поляками.

Москва, какъ мы видѣли, имѣла уже причины гнѣваться на пановъ-рады, высокоумныхъ передъ нею даже въ своемъ уничтоженіи. Теперь у нея были новыя причины къ нарушенію добраго согласія, которымъ паны не умѣли пользоваться.

Въ Сентябрѣ 1649 года пріѣзжалъ къ царю великій и полномочный посолъ польскаго короля, Добѣславъ Чеклинскій, для заключенія союза противъ Татаръ и козаковъ. Чеклинскаго и его свиту приняли въ Москвѣ не совѣмъ радушно, а о взаимныхъ интересахъ обѣщали переговорить черезъ нарочитыхъ царскихъ пословъ, которые не замедлятъ прибыть въ Варшаву.

Дѣйствительно, въ октябрѣ того же года, царь послалъ въ Варшаву своего гонца, Кунакова, съ увѣдомленіемъ, что вслѣдъ за нимъ придутъ царскіе великіе и полномочные послы; а между тѣмъ Кунакову было наказано собрать свѣдѣнія о состояніи Рѣчи Посполи-

*) Турецкое имя Диѣтра.

той. На Посполитую Рѣчь монархическая Москва смотрѣла, какъ на третью послѣ Новгорода и Пскова республику, которую, ради собственнаго спокойствія, должна она уничтожить, вмѣстѣ съ ея ублюдкою— республикой козацкою.

Кунаковъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ былъ то, что при Юваннѣ Ш были Товариюковы да Бородагы, предвѣстники поворенія такъ называемой народной державы—Новгорода. Изъ перваго принадлежавшаго тогда Польшѣ города, Дорогобужа, онъ донесъ царю, что ему „противъ перваго звычая, чести никакой не учинено, и поставили его въ самое убогомъ, нужномъ дворишкѣ, на всюль по Смоленской дорогѣ“, а на его протестъ дорогобужскому намѣстнику полученъ такой отвѣтъ: „Какова де намъ на Москвѣ почестъ была, такова де и вамъ здѣ“. Приставомъ къ царскому гонцу намѣстникъ приставилъ „самово худово человекъ, плутишва и табанника“, котораго Кунаковъ, послѣ разспроса, велѣлъ отъ себя сбить со двора“, и объявилъ намѣстнику, что „такому худому человекенку у негѣ, царскаго величества гонца, въ приставѣхъ быть не годитца“.

Въ Смоленскѣ Кунаковъ былъ принятъ еще оскорбительнѣе. Его заставили простоять среди улицы на морозѣ конецъ дня и до 5 часовъ ночи. Не правительство было въ этомъ виновато; но Москва тѣмъ не менѣе была оскорблена. Кунаковъ, вывѣдавъ дѣло у челядника подвоеводія, Петра Вяжевича, доносилъ, что „Петръ Вяжевичъ въ Смоленску велѣлъ его, гонца, держать на морозѣ и на грязи, и безчестить велѣлъ, сердитую на то, что на Москвѣ литовскимъ кунцомъ не повелено было табакомъ торговать, а онъ де, подвоеводье (принадлежа къ свитѣ Чеклинскаго) язнулъ было тѣхъ литовскихъ купцовъ обогатить табачною торговлею на Москвѣ паче того, какъ ихъ табачною продажею обогатилъ напередъ сего королевской же посолъ, Гаврило Стемпковской, и ималь де ихъ, купцовъ, нынѣ Петръ Вяжевичъ въ Москвѣ, похваляясь о томъ съ клятвою, и отъ того у нихъ поималь многіе грѣши; и которые де на Москвѣ табакомъ не исторговались, и тѣ, прѣхавъ въ Смоленскъ, приходили къ подвоеводью, къ Петру Вяжевичу, съ большою доукою, и по ся мѣста ему доучають, чтобъ грѣши взялъ онъ, которые Петръ съ нихъ, купцовъ, за посмѣхъ, имъ вернулъ, потому что табаку они на Москвѣ не продали.. Да и у нихъ де у всѣхъ Петра Вяжевича у слугъ и у челядниковъ табакъ былъ на Москвѣ многой, и на Москвѣ де они будучи, продали табаку немного. А какъ литовскіе послы отпущены съ Москвы назадъ, и они де многой табакъ продавали ѣдучи съ Москвы и изъ

Можайска въ дорогѣ и на станѣ многіе люди. Да и дворяне королевскіе табакъ возили къ Москвѣ на продажу многой“.

Вотъ съ какихъ мелочей начинаются событія, называющіяся, по своей крупности, историческими. Причиною нанесеннаго царскому гонцу оскорбленія былъ не столько холодный пріемъ въ Москвѣ великаго и полномочнаго посла, Чеклинскаго, сколько неудача подвоеводія Вяжевича въ табачной торговлѣ. По пріѣздѣ въ Варшаву, Кунаковъ протестовалъ передъ панами-рады въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„О моемъ пріѣздѣ подвоеводю было вѣдомо задолго; а пріѣхалъ я къ Смоленску съ приставомъ своимъ противъ прежняго звычая, и какъ учили въѣзжать на мостъ съ городскіе стороны, чтобъ проѣхать черезъ мостъ на посадъ, и изъ города, изъ Королевскіе брамы, вышли пурутчики и гайдуки съ обухами въ десять человѣкъ, и спросили, будто невѣдая: кто и куда ѣдетъ? И приставъ имъ сказалъ, что великаго государя, его царскаго величества, гонецъ къ королевскому величеству. И тѣ поручики приказали, чтобъ онъ меня поставилъ на улицѣ, а на мѣщанскіе и ни на чьи двory, безъ повелѣнія подвоеводія, Петра Вяжевича, не пуцалъ. И я, переѣхавъ мостъ, и пріѣхалъ къ мѣщанскому двору, гдѣ напередъ сего яжъ и иные великаго государя нашего, его царскаго величества, гонцы ставали. И приставъ остановилъ меня среди улицы на морозѣ и на грязи, до ночи години за двѣ и, оставя меня одного, пошелъ въ городъ къ подвоеводю. А двory мѣщанскіе всѣ были заперты. И потомъ вскорѣ подвоеводье, Петръ Вяжевичъ, выслалъ изъ города безчестить меня пахолковъ своихъ, и тѣ пахолки, а съ ними мѣщаня табашники, остуя меня на улицѣ, безчестили и лаяли многое время, и говорили: Добро бъ де подвоеводье учинилъ, чтобъ камень на шею да съ мосту въ Днѣпръ! А припоминали то, что у нихъ на Москвѣ табакъ покупать было запрещено“.

Кунакова задержали въ Дорогобужѣ три дня, въ Смоленскѣ четыре дня, въ Оршѣ шесть дней, и всюду слушали онъ ругань и упреки за то, что въ Москвѣ не было дозволено литовскимъ людямъ торговать табакомъ. Выѣхавъ изъ Орши къ Борисову, царскій гонецъ испытать со стороны Вяжевича новое оскорбленіе. Вяжевичъ проѣхалъ въ Варшаву, обогнавъ Кунакова на стану въ Бобрѣ, и устроилъ ему такую непріятность.

Въ третьемъ часу ночи, къ господѣ, гдѣ гонецъ съ приставомъ своимъ стоялъ, пришли Юрьева полку Тизнауза рейтары, Реймеръ да челядникъ его, Воравскій, со многими людьми, и учили ломиться въ ворота пьяны. И приставъ на господу ихъ не пустилъ; и они гонца

и пристава лаiali и похвалялись грабежемъ и убойствомъ, и приступали къ воротамъ и къ окнамъ всю ночь съ саблями и изъ пищалей стрѣляли, и посылали по драгуновъ и по петарды. А гонецъ съ приставомъ и съ людьми своими, пристроя ружье, сидѣли въ избѣ. А жидъ съ женою и съ дѣтьми, у ково гонецъ стоялъ, видя такую отъ рейтаръ страсть, съ двора бѣжали, пометавъ все свои животы“.

Подобно тому, какъ нелѣпая ссора Хмельницкаго съ Чаплинскимъ зажгла внутреннюю войну, бессмысленное нападеніе Вяжевича на царскаго гонца повело къ войнѣ внѣшней, и все потому, единственно потому, что горючіе матеріалы были нагромождены въ Польшѣ и въ Москвѣ издавна. Недоставало только искры для воспламененія. Съ одного края польскихъ владѣній запылалъ гибельный пожаръ изъ-за темной кокетки, которая вскорѣ была заподозрѣна въ новой связи и погублена тѣмъ же Хмельницкимъ, а съ другой—готова была возгорѣться война между двухъ государствъ, по выраженію пановъ рады, „за такую хлопскую штуку, за табакъ“. Но еслибы не было ни пограничной прелестницы съ ея завзятыми любовниками, ни табачной контрабанды въ Москвѣ подъ прикрытіемъ посольства,—тысячи другихъ мелкихъ случаевъ привели бы прожитую двумя государствами жизнь къ тому же самому результату.

Каждому народу, обществу и государству предстоитъ считаться въ будущемъ за свое прошедшее. День судный рано или поздно настанетъ, и въ этотъ судный день подведется силою вещей итогъ былого,—помянется не только всякое злое дѣло, но и всякое праздное слово. Въ придачу къ своимъ злодѣяніямъ, Польша наговорила о Москвѣ много праздныхъ словъ, не только дома, но и за-границею,—не только чрезъ посредство такихъ лаятелей, какъ смоленскіе пахолки да мѣщане, но и черезъ посредство такихъ Цицероновъ своихъ, какъ Оссолинскій. А слова эти падали ядомъ на русскія раны, еще не закрывшіяся со временъ оныхъ. Теперь наступилъ международный судъ, какъ за все памятное, такъ и за все сокрытое въ забвенныхъ могилахъ.

Добытыя Кунаковымъ въ Литовской сторонѣ и въ Польшѣ свѣдѣнія соотвѣтствовали традиціоннымъ взглядамъ Царской Земли на безурядную шляхетскую державу. Не только ради воздаянія за мѣру мѣрою, но и ради своего спасенія отъ новыхъ покушеній исконнаго врага на государственную русскую жизнь, должна была Москва возимѣть виды на бессмысленную, по ея воззрѣнію, республику съ королемъ во главѣ, или вѣрнѣе—во хвостѣ. Какъ Новгороду и Пскову суждено было войти въ систему Россійскаго Государства, такъ неиз-

бѣжно и необходимо слѣдовало Польшѣ съ ополяченною Литвою дополнить замкнутый морями кругъ русскихъ владѣній. „Москва волей и неволей разширяется“: эти слова Конецпольскаго предсказывали разливъ Россіи не только по обоимъ берегамъ Днѣпра, но и обоимъ берегамъ Вислы.

Кунаковъ, какъ бы въ pendant съ полученными въ Москвѣ вѣстями о малорусскомъ голодѣ, доносилъ, что Дорогобужскій уѣздъ и порубежныя мѣста полны „прихожими мѣщанами и пашенными мужиками“, которые безпрестанно идутъ къ московской границѣ изъ польскихъ и литовскихъ городовъ „отъ голоду“... „А сказываютъ“ (писалъ онъ), „что въ тѣхъ мѣстахъ хлѣбъ не родился, а достальной де хлѣбъ пограбили у нихъ шляхта и жолнеры, и въ польскихъ, и въ литовскихъ городѣхъ отъ голоду бѣдные люди помирають, да и въ Дорогобужѣ хлѣбъ не родился, и нынѣ московскую четь ржи купять больши двублевъ“.

Потомъ онъ доносилъ царю, что въ Дорогобужскомъ уѣздѣ 300 человекъ мѣщанъ и холопей пошли въ его государеву сторону ко Брянску, — что за ними была погоня, но не догнала до рубежа. „А къ зимѣ“ (продолжалъ онъ) „зговариваютца холопи и ссылаютца, и чають что будетъ въ государеву сторону больши 10.000 человекъ, только де иные пойдуть отъ хлѣбнаго недороду, пометавъ жены свои и дѣтей; а нынѣ поборы большіе съ пашенныхъ мужиковъ: со всѣхъ безъ обходу правять по рублю, а говорятъ, что будетъ и больши того“.

Это были многозначительныя данныя для хозяйливыхъ царскихъ совѣтниковъ. Не меньше важно было и слѣдующее извѣстіе Кунакова.

„Паны-рада литовскіе съ корунными въ розни за то: литовскіе говорятъ, что они козакомъ никакіе налоги не дѣлали, а налога имъ учинилась и кровь мнѣгая разлилася отъ корунныхъ, и нынѣ въ томъ шкѣда учинилась всей Рѣчи Посполитой; и на сеймѣ де они, литовскіе, о томъ радить не будутъ: какъ они о томъ хотять, такъ пусть и дѣлають. И боятся, что за тѣмъ сеймѣ не скончится, и они чають войны паче прежняго“.

Независимо отъ пререканій съ Литвою, Варшава была крайне недовольна Зборовскимъ договоромъ. Паны, тормозившіе сборы короля въ походъ, удовлетворились бы только совершеннымъ пораженіемъ непріятеля. Держа въ рукахъ договорные пункты, не хотѣли они слушать сечиненныхъ іезуитскою факціею рассказовъ о подвигахъ, которые отвели Яну Казимиру почетное мѣсто между польскими полководцами, — рассказовъ о томъ: какъ во время похода шелъ онъ посредь войска, въ пыли, подъ вѣтромъ, подъ дождемъ; съ какимъ самозаб-

веніемъ водилъ онъ то одну, то другую часть войска въ огонь; съ какимъ жаромъ и величіемъ обращалъ смущенныхъ ротмистровъ къ исполненію долга, восклицая къ жолнерамъ: „За мной! я вамъ ротмистръ“! Зная короля за-границей и дома, въ монашескомъ и свѣтскомъ званіи, вельможные доматоры относились къ дѣланной молвѣ недовѣрчиво и находили въключеніемъ королемъ договоръ позорнымъ; а вельможные шалуны преслѣдовали его въ Варшавѣ пасквилями, наклеивали ихъ на стѣнахъ, пѣли на улицахъ и даже на придворныхъ празднествахъ, дававшихся по случаю побѣды надъ козаками и Татарами. Королю совѣтовали отыскать людей, которые не только позорили его, какъ государя, но представляли въ унижительномъ видѣ и его домашнюю жизнь. Но Янъ Казимиръ боялся публичной обороной вызвать на свѣтъ многое творившееся въ потемкахъ. Ангелы хранители его распустили слухъ, будто бы онъ припомнилъ своимъ совѣтникамъ замѣчаніе Тацита, писателя слишкомъ для него серьезнаго,—что оскорбительная клевета теряетъ свою силу, когда ею пренебрегаютъ, и внушаетъ себѣ вѣру, когда на нее гнѣваются.

Какъ бы то ни было, только политическое развращеніе, усилившееся при Владиславѣ IV, приняло характеръ истинно зловѣщій при его братѣ. Панская республика покарала сама себя, низведя королевское достоинство съ благодетворной высоты его и облекши священнымъ саномъ столь недостойную личность. Какое бы ни былъ Янъ Казимиръ по своимъ умственнымъ недостаткамъ и по своимъ сердечнымъ порокамъ, но они были слишкомъ явственны во время рѣшенія вопроса: кому царствовать въ Польшѣ? Теперь панамъ осталось только повторять нашу малорусскую пословицу: „бачили очі, щѣ купували: іаже, хочъ повываѣте“.

Справедливо, или нѣтъ оцѣнивалъ Кунаковъ силу сопротивленія нѣкогда грозной Польши, въ случаѣ, когда бы рѣшено было покарать ее за всѣ грѣхи, но изъ его донесеній видно, что Москали не высоко цѣнили теперь польскую воинственность. Эпоха царя Алексѣя Михайловича была началомъ усовершенствованія московской рати, доконченнаго Петромъ Великимъ. Побитые подъ Смоленскомъ царскіе люди озаботились лучшимъ устройствомъ полковъ своихъ. Самы Польшаки, по словамъ Кунакова, говорили, что „нынѣ Москва стала суптельна и часъ отъ часу суптельнѣйши, и райтарского строю войско устроено нынѣ вновь — многіе полки; также и на (московской) Украинѣ всѣ люди разнаго строю навичны, изучены вновь, чего передъ тѣмъ николи не бывало; а жолнеры только свое панство шлюндруютъ, а отъ козаковъ всегда утекають, нигдѣ противъ нихъ не стоять“.

Польшу смущалъ страхъ новой войны съ козаками. По донесенію Кунакова, польскіе торговые люди твердили, что договоръ Хмельницкаго съ королемъ не вѣрнопъ, а паны,—что „вѣчное докончанье съ московскимъ царемъ не подкрѣплено за пьянствомъ и за табачною торговлею королевскихъ великихъ пословъ. А нынѣ де король въ обозѣ подъ Зборовымъ, поневолѣ, вѣчное докончанье съ царскимъ величествомъ нарушилъ: позволилъ крымскому хану чрезъ Польское и Литовское панство съ войскомъ ходить, вуды ему будетъ потреба, и на томъ де король и присягъ; а Крымскому де хану, опричь Московскаго Государства, съ войскомъ своимъ чрезъ Королевское Панство ходить некуда. И только де то вѣдомо учинился царскому величеству, и по той де причинѣ и съ Московскую Сторону война. А есть ли де съ войскомъ царскаго величества съединится Богданъ Хмельницкой, и то де крайняя Рѣчи Посполитой гибель... Король де и паномъ-радѣ отъ него отстояться будетъ не умѣть, такъ же какъ и нынѣ въ обозѣ Крымскому хану на всемъ его позволенѣ поступлено поневолѣ. А Хмельницкой де съ нимъ одной вѣры; а Польша де нынѣ, за злымъ панскимъ несогласьемъ, утрачена и войска польскія и литовскія побиты отъ козаковъ и отъ своихъ холопей многія, а достальныя обѣдняли и устращены... Да у нихъ же въ Панствѣ отъ хлѣбнаго недороду голодъ, и имъ отовсюду стало тѣсно. А на сеймѣ межъ пановъ-радѣ и повѣтныхъ пословъ добрые згоды нѣтъ: лише де паны рада вдались въ пыху да въ лавомство и въ лупежство; а впередъ себѣ и Рѣчи Посполитой ничего не прочать. А духовенство де наипаче сварбы себѣ собираютъ и ни о чемъ добромъ не дбаютъ, и грѣшей своихъ для покою Рѣчи Посполитые нисколько дать не хотятъ... А польскіе де и литовскіе бискупы и вознодѣи по волшебнымъ книгамъ дочитываются: сего де пришло 1650 року будетъ знаменье—два затмѣнья въ солнцѣ и два затмѣнья въ мѣсяцѣ; и то де досвѣченная рѣчь, что то все на гибель Рѣчи Посполитой, и одолѣеть де въ Польшѣ и Литвѣ Римскую вѣру Грецкая вѣра вскорѣ. И та у нихъ рѣчь обносится во всѣхъ людехъ, и отъ того де наипаче въ Польскихъ и въ Литовскихъ людяхъ ужестъ Великая“.

Все это были уличныя и трагирныя розказни; но эти розказни организовались въ общественное мнѣніе народа подъ вліяніемъ разнообразныхъ событій. Кунаковъ пыталъ по-своему духа народнаго, и видѣлъ, что польскій духъ падаетъ передъ русскимъ. Съ такой точки зрѣнія, достойны нашего вниманія и слѣдующія вѣсти, сообщенныя гонцомъ царскому правительству:

„Да у нихъ же обносится рѣчь, что Богданъ Хмельницкой писалъ нынѣ къ царскому величеству, чтобъ Кіевъ и всею Бѣлую Русь, и его Богдана со всѣмъ войскомъ изволилъ великій государь, его царское величество принять подъ свою государскую высокую руку. Да Богданъ же де Хмельницкой нынѣ въ ноябрѣ мѣсяцѣ писалъ къ Крымскому хану, что Польскаго и Литовскаго народу вязней всѣхъ постиналъ, безъ всякаго пожелѣнья, и не учинилъ бы того, что, для пожитку своего, ково изъ нихъ живить: а дать де Богъ въ при- шлую весну можетъ онъ Польскаго и Литовскаго народу вязней на- мать втрое того. А тѣ де про Хмельницкаго новины учинились въ Варшавѣ отъ польскихъ шпѣговъ, которые были въ Кіевѣ и въ Чи- гиринѣ.

„Декабря въ 4 день“ (продолжаетъ Кунаковъ) „сказывалъ гонцу приставъ Петръ Свядкой, что того дни говорили въ Посольской Избѣ повѣстные послове о поборахъ, чтобъ съ Смоленска, съ Дорогобужа и съ Бѣлые и съ иныхъ мѣстъ поборы взять передъ Литовскими го- родами въ треть или четвертую долю, и о томъ де межъ пословъ учи- нилась рознь, и маршалокъ де кола посольскаго, Богуславъ Лещин- ской, говорилъ во всю Посольскую Избу: чего де вамъ, посломъ, да волатъ? Навестъ де вамъ своею рознью и несогласьемъ на себя сверхъ нынѣшнихъ невгодъ Москву, а Смоленску де и Сѣвершизѣ нечего фольговать: давно де они наготовѣ; лише бѣ Москва хоти мало наступила, и Смоленскъ и Сѣвершизна—первые здрайцы, и замки имъ отворятъ. И такъ де отъ вашего панскаго несогласья и отъ непорядковъ у насъ въ Панствѣ во всемъ упадки и розоренье. А Москва де своими добрыми порядками стала нынѣ сунтельна, и полки рейтарскіе строятъ не ваково, ажъ не на насъ; и выбѣ, послове, не- слушные свои мовы и пыху и лакомство и несогласье отставили, и приступили къ доброму дѣлу всѣми добрыми аффекты, и какъ бы всей Рѣчи Посполитой къ покою и къ тишинѣ. И послы де о тѣхъ маршалковыхъ рѣчахъ не дбаютъ: голосовавъ много, разошлись ни съ чѣмъ“.

Въ виду такого оборота дѣлъ „вѣрные Россы“, навичные и вновь наученные ратному дѣлу, естественно, ждали случая помѣряться си- лами съ „вичливыми Ляхами“. Поэтому въ Москвѣ прочитали съ удо- вольствіемъ донесеніе Кунакова о томъ, какъ, по слухамъ, самъ ко- роль третировалъ польское войско.

„А король отъ Збаража пошелъ въ Люблинъ и велѣлъ всему своему войску, которые за побѣгами были въ остаткѣ и сидѣли съ нимъ въ осадѣ, выѣхать въ поле всѣмъ, И пріѣхавъ король къ вой-

ску своему говорилъ: при предкахъ нашихъ Поляки отъ давнихъ лѣтъ были доброго (смѣлаго) сердца, и рыцѣрствомъ своимъ славу себѣ и потомству своему зналезли добрую, чего въ иныхъ монархіяхъ нигдѣ не оказалось: описуютъ то всѣ хроники. А вы, нынѣшній злый (дрянной) народе, тое всю предковъ своихъ добрую славу згубили и всей отчизнѣ злую гибель учинили, чего не годится и въ хроники положить: меня, монарха своего, непріятелямъ нашимъ выдали было въ вязни невинно злымъ своимъ утеканьемъ и хованьемъ въ возы, а биться есте съ непріятелемъ ведлугъ повинности своей и отчизны боронить не хотѣли. Лѣтѣ васъ учинилися пахолята ваши и кукаре, и ужъ есте нагодни добрые славы. И то вамъ повѣдаю подь сумнѣньемъ своимъ королевскимъ, что въ предыдущіе дни нигды съ вами, злыми здрайцами, противъ непріятеля ходити не буду, а съ сойму кажу съ васъ имати грѣши, и буду наймать чужеземскихъ людей, которые такіе зрады, какъ отъ васъ нынѣ показалось, чинить не навыкли. Ужъ есте показались отчизнѣ горше непріятелей, и отъ мене вамъ ласки никакіе не будетъ“.

Эта рѣчь, безъ сомнѣнія, была сочинена и пущена въ народъ іезуитами, какъ противодѣйствіе варшавскимъ пасквилямъ, характеризовавшимъ Яна Казимира по наблюденіямъ ближайшихъ къ нему людей, и насколько возвышала она іезуитскую маріонетку въ глазахъ Шляхетскаго Народа, настолько вредила Польшѣ въ собственномъ ея сознаніи. Москва, напротивъ, возвышалась русскимъ духомъ своимъ надъ польскимъ и питала его даже такими вѣстями Кунакова, что „королевскаго войска Поляки, панскія дѣти и знатная шляхта, и короля (подь Зборовымъ) видѣвъ, и его королевскія слова слыша, на бой противъ козаковъ и противъ Татаръ никто не поѣхалъ, и хоронились въ возы свои, а иные подь возы, въ попоны завиваяся. И король де, ходя пѣшъ, тѣхъ нанять и шляхту изъ воезовъ и изъ подь воезовъ поролъ на бой палашемъ“.

Такъ какъ Янъ Казимиръ не разъ высказывался, что ему пріятнѣе смотрѣть на пса, чѣмъ на Поляка, то не мудрено, что онъ и самъ бравурствовалъ а posteriori въ той роли, которую сочиняли для сцены ангелы хранители его, и съ которой онъ сроднился до того, что и князь Вишневецкій, въ его глазахъ, былъ недостаточно мужественъ.

Москва, съ самага начала Хмельничины, слѣдила за Польскимъ Разореньемъ съ напряженнымъ вниманіемъ, и жадно ловила всѣ слухи, пророчившіе паденіе исконнаго врага. Это видно, между прочимъ, и изъ того „письма по статьямъ“, которое было вручено Кунакову при царскомъ наказѣ. Двѣнадцать статей этого письма говорятъ крас-

порѣчиво о глубинѣ русской политики. Онѣ-то и послужили Бунакову руководствомъ для его разспросовъ.

Что касается Хмельницкаго, то царскіе совѣтники, зная о его замыслѣ воевать вмѣстѣ съ Татарами московскую Украину, старались укротить его „царскою милостію и жалованьемъ, которое царь и впрямь учнетъ держать, смотря по козацкой службѣ“, отъ наступленія же вмѣстѣ съ нимъ на Поляковъ отговаривались тѣмъ, что „вѣчнаго утвержденія и крестнаго дѣлованья безъ причины нарушить нельзя“, а хоть и были напередъ сего со стороны Поляковъ неправды, то царь ожидаетъ отъ нихъ „исправленья“. Въ сущности же Москвали давали двумъ одинаково противнымъ для нихъ республикамъ время ослабѣть въ своей беспорядочной борьбѣ. Не могла Москва не предвидѣть, что палѣи, колѣи и рѣзуны прибѣгнутъ подъ ея безопасный кровъ изъ неприютнаго и незащитнаго руйновища, которое сами себѣ устроятъ. Общество, произведшее Тишайшаго Государя, не могло плѣняться подвидами Козацкаго Батька, какъ плѣнялись ими наши кобзари и лѣтописцы. Слухъ о предательствѣ Туркамъ одного изъ древнѣйшихъ русскихъ городовъ, Каменца, приходилъ къ царскимъ боярамъ вмѣстѣ съ вѣстями о готовности русской орды воевать Московскую Русь въ союзѣ съ ордой татарскою. Москва не отталкивала предателя, но видимо сторонилась отъ него, и готовилась дѣйствовать независимо отъ его варварской силы для покоренія подъ нозѣ своего царя извѣчнаго врага и супостата.

Кунаковъ привезъ изъ Литвы и Польши зловѣщую для панской республики увѣренность. „Быть войнѣ“ (доносилъ овъ), „быть войнѣ у Богдана Хмельницкаго съ Поляки впрямь,—вопервыхъ, потому что самого его козаки хотѣли убить за Зборовскій договоръ; во вторыхъ, потому что паны-рада, земскіе послы и вся Рѣчь Посполитая не согласны на пакты короля съ Крымскимъ ханомъ и съ Богданомъ Хмельницкимъ; а втретьихъ, пріѣхавъ нынѣ въ Варшаву князь Еремей Вишневецкой говорилъ сенаторамъ и шляхтѣ, которые къ нему пріѣзжали на дворъ всѣмъ вслухъ, что де король изволилъ меня призвать на сеймъ, обезчестя меня, и за мои многія службы и за оборону Рѣчи Посполитой. Даю вамъ шляхетское слово свое подъ сумнѣньемъ своимъ: только нынѣшній сеймъ не на моемъ на всемъ позволенѣ станеть, и я де наготовлю вамъ и всей Рѣчи Посполитой пива горше Хмельницкаго“.

Одна мысль о возможности такого явленія въ Польскомъ государствѣ,—а Царская Дума въ ней не сомнѣвалась,—поддерживала въ Москвѣ политику выжиданія. Преданный москворусской идеѣ не ме-

нѣе Товарюкова и Бородатаго, Кунаковъ доносилъ, что „Венгерскоѣ Рачоць со всѣмъ войскомъ готовъ помогать Хмельницкому, котораго (войска) 20.000 стоитъ наготовѣ въ Сочавѣ... „Сѣтуютъ всѣ“ (писалъ онъ о королевскихъ павахъ въ докладной запискѣ) „и ходятъ внѣ ума своего, а многіе де сенатори отпустили скарбы свои въ Гданескъ и хотять бѣжать за море. Такова де злова несогласья и во всѣхъ людехъ ужести николи въ Польшѣ и Литвѣ не бывало“.

По донесенію Кунакова, къ Хмельницкому собралось шесть тысячъ шляхтичей, сдѣлавшихся банитами, и эта шляхта (писалъ онъ) „паче всѣхъ Богдана Хмельницкаго къ войнѣ на Польшу наговариваютъ: такіе де намъ поры николи не будетъ; теперъ-то де ихъ и смирить, покамѣста не справились“. Въѣстѣ съ тѣмъ думный дьякъ доносилъ, что „вышли изъ Нѣмецъ недавно практики, сирѣчь книги печатные звѣздочетцовъ, въ которыхъ то угадываютъ, что нынѣшній Казимиръ—послѣдній въ Польшѣ король, а Алексѣй Московскій такой славы достигнетъ, какъ Александръ Македонскій“.

Между докладомъ Кунакова и настроеніемъ правительственнаго общества въ Москвѣ существовала тѣсная связь. Зима, слѣдовавшая за сего поѣздкой въ Польшу, рѣшила наконецъ въ принципѣ вопросъ о воздаяніи за все, въ чемъ Польша была виновата передъ Россіей. Въ іюнѣ 1650 года царь отправилъ въ Варшаву двухъ бояръ своихъ, братьевъ Пушкиныхъ, Григорія да Степана, съ товарищи. Неизвѣстно, какая была дана инструкція этимъ великимъ и полномочнымъ посламъ; но они, какъ бы въ отмщеніе за то, что претерпѣлъ царскій думный дьякъ отъ Вяжевича, вели себя съ крайнею грубостью въ свиданіяхъ и переговорахъ съ королевскими сановниками. Слова *лжеть, дуракъ* и еще покрѣпче того сыпались у нихъ градомъ на сенаторовъ, которые и безъ того уже „ходили внѣ ума своего“ при видѣ настоящихъ и въ ожиданіи будущихъ бѣдствій Шляхетскаго Народа. Въ поведеніи предковъ того, кто сказалъ незабвенное слово „клеветникамъ Россіи“; не было ничего похожаго на предшествовавшее посольство „царскаго дяди“, боярина Стрѣшнева, очаровавшаго Альбрехта Радвила своими „прекрасными обычаями“.

„Кичливые Ляхи“ давали „вѣрнымъ Россамъ“ сдачи, говоря, что за такія рѣчи у нихъ бьютъ въ рожу, и что посольское дѣло съ такими грубиянами было бы приличнѣе вести панскимъ гайдукамъ.

Послѣ взаимныхъ привѣтствій въ этомъ родѣ, царскіе послы говорили не обвинуясь, что Господь избересть Русскихъ орудіемъ своего мщенія за польскія кривды, и требовали отъ Рѣчи Посполитой возвращенія Смоленска съ Сѣверскимъ и Черниговскимъ княжествами.

если она дорожить миромъ. По ихъ словамъ, Поляки нарушили крестное цѣлованіе тѣмъ уже, что дѣлали въ царскомъ титулѣ пропуски. За это московскіе послы домогались казни такихъ лицъ, какъ Іеремія Вишневецкій. Несчастные паны должны были обѣщать имъ въ принципѣ то, что въ исполненіи не было возможно ни для короля, ни для сейма. Польша путалась въ разставленныхъ ей кругомъ сѣтяхъ. Ей было нужно, во что бы то ни стало, отсрочить разрывъ съ Москвою, чтобы не воевать съ нѣсколькими непріятелями разомъ. За злой умыселъ на христіанское государство вмѣстѣ съ непріятелями Св. Креста, она казилась уже нравственно.

Но царскіе послы заявили еще болѣе унизительное для панской гордости требованіе,— чтобы всѣ *безчестныя* книги были собраны и сожжены въ ихъ присутствіи, а слагатели ихъ, содержатели типографій, наборщики, печатники и даже владѣльцы маестностей, въ которыхъ находились типографіи, были казнены смертью. Это была уже не на словахъ, а на самомъ дѣлѣ, та наука, которую еще при Владиславѣ IV читали московскіе просторѣковатые бояре европейскимъ знаменитостямъ Польши,— великая и святая для Москвы наука о томъ, какъ должно блюсти честь и достоинство своего государя.

Паны оправдывались весьма убѣдительно. „Стоить ли“ (говорили они) „какое-нибудь оскорбительное слово, написанное по легкомыслію, или ошибка въ титулѣ, происшедшая, быть можетъ, отъ случайнаго недостатка чернилъ,— стоитъ ли все это того, чтобы проливать чело-вѣческую кровь?“ Но сильный рѣдко обходится безъ злоупотребленій относительно слабого. Теперь сила была на сторонѣ Москвы, и Москва платила Польшѣ ея старинною монетою римской чеканки. Конечно, эта монета потеряла въ московскихъ рукахъ тонкость отдѣлки, но стоимость ея не измѣнилась. Отдавая Ляхамъ что называется *wet za wet*, Москаля отвѣчали: „Господь возвеличилъ царя предъ всѣми владыками и монархами земными. Такія укоризны не только помазаннику Божію, но даже и простому чело-вѣку терпѣть не пристало, у васъ за то, по конституціи 1637 года, положена казнь, латинскимъ языкомъ называемая *penamъ perduellionisъ*: почему его царское величество и требуетъ, чтобы оскорбители его были наказаны.

Это оскорбленіе причиняетъ намъ большую кручину; поэтому мы не хотимъ вести съ вами дальнѣйшихъ переговоровъ, пока король не удовлетворитъ насъ“.

Насилу уговорили ревнителей царскаго достоинства просьбами, пирами, подарками и, наконецъ, сожженіемъ передъ ними безчестныхъ книгъ. Великіе и полномочные послы уѣхали, уничтоживъ представи-

телей Польши несмысланными доселѣ грубостями и связавъ ее обща- ніями, которыя оправдывала она крайней нуждою, но которыя испол- нить не могла. Дамокловъ мечъ былъ повѣшенъ надъ Рѣчью Поспо- литою въ самое трудное для нея время, когда Корсунь, Пилявцы и Зборовъ потрясли ее до основанія, когда Малороссія была готова ото- рваться отъ нея навѣки, войско находилось въ безпорядкѣ и жолне- ры отказывались отъ службы за недоплату жалованья.

Такъ въ царствованіе Шуйскаго стояли вещи въ Москвѣ, съ тою только разницею, что въ своемъ разоренѣи не сама она была виновата. Московское Разореніе было задумано въ Рямѣ и выполнено Поляка- ми чрезъ посредство Русскихъ людей, еще не въ такомъ числѣ своемъ совращенныхъ въ католичество, но развращенныхъ уже польскою граж- данственностью. Козаки, эти орудія крушенія Московскаго Царства въ интересахъ Польши, готовы были теперь сдѣлаться, въ интересахъ Москвы, орудіями мщенія за невинно разлитую кровь Москворусска- го народа, за сожженіе москворусскихъ городовъ, за расхищеніе цар- скихъ сокровищъ, за поруганіе народныхъ святилищъ. Но козаки, по- камѣстъ, были только бунтовщиками. Манифестация московскаго царя, по словамъ Іоанна III, дѣдича и отчича Литворусской и Польскорус- ской земли, могла превратить ихъ въ національную русскую силу. Поляки это знали, знали это прежде нихъ просвѣтители Польши. По- этому-то и ходили паны сенаторы, сѣтуя внѣ ума своего, какъ выра- зился весьма мѣтко царскій думный дьякъ.

Побитые собственными подданными, униженные и обобранные татарскою ордою, *визжа*, по собственному выраженію, отъ всяческой боли, Полякоруссы паны были еще больше побиты въ своей столицѣ. Представители царя, котораго даже воздержный Янъ Замойскій, въ лицѣ Бориса, называлъ хлопомъ, указывали имъ на то, что претер- пѣли они отъ хлоповъ. „Теперь вы сами смотрите на торжество ва- шихъ хлоповъ надъ вами“ (говорилъ имъ Григорій Пушкинъ). „Они ваше панство позорили, гордость вашу сломили, дома ограбили, наи- лучшія ваши войска побили, гетмановъ вашихъ въ неволю взяли. Об- ласти ваши опустошены войною и вашими жолнерами до того, что мы отъ Смоленска до Станиславова поющаго пѣтуха не слышали. Люди ваши умирають съ голоду и продаются въ наши края, моля велекаго государя о милостынѣ и провормленіи. А въ нашемъ государствѣ все- го довольно. Есть у насъ и чужеземное войско, и даже Шведовъ до- статочно. Вы, паны-рада, сами себя восхваляете и называетесь уче- ными людьми, а въ пятнадцать лѣтъ не можете научиться, какъ ти-

туловать нашихъ великихъ государей. Намъ кажется, что вы глупѣе насъ, неучей“.

Современный намъ польскій историкъ подтверждаетъ истину послѣднихъ словъ, говоря: „Въ этихъ трактатахъ Пушкинъ показалъ спокойствіе, остроуміе и энергію въ высокой степени“. А современнаго боярамъ Пушкинымъ историка Польши поражали они своимъ умомъ такъ, что онъ удивлялся: „какъ эти люди неученые, не знающіе вовсе полатыши, недалекіе въ грамотности и незнакомые съ первыми ея основапіями—могли углубляться въ самыя трудныя политическія дѣла!“

„Подъ давленіемъ угрожающей войны“ (пишутъ въ наше время Поляки), „сенаторы и дворъ дѣлали московскимъ посламъ уступку за уступкой, и не спохватились, что, по требованію Пушкина, унижаютъ отечество, покрываютъ правительство позоромъ и ослабляютъ въ народѣ патріотизмъ“.

Въ Смутное Время Польскаго Государства, въ бѣдственную и для самихъ разорителей эпоху Польскаго Разоренія, природный русскій умъ, основаанный на вѣрности долгу, одержалъ надъ Поляками такую побѣду, которой не забудутъ ни ихъ, ни наши отдаленнѣйшіе потомки. Не восторжествовалъ надъ этимъ умомъ и хитрецъ, который всѣхъ польскихъ мудрецовъ обернулъ вокругъ пальца. Всѣ ухищренія Козацкаго Батька протѣивъ Россіи, въ концѣ концовъ, привели къ тому, чего могъ бы желать ей только преданнѣйшій другъ и почитатель творца ея судьбы—Великорусскаго Народа. Самыя измѣны, посвяныя имъ въ будущемъ козачествѣ, послужили къ возвышенію Россіи въ собственномъ сознаніи и въ глазахъ всего свѣта.

Глава XXIV.

Козакотурецкая политика.—Козакотатарскій набѣгъ на Волощину.—Предпочтеніе варварства турецкаго варварству козацкому.—Козаки вооружаютъ противъ пановъ сосѣдніе народы.—Мѣра за мѣру въ борьбѣ двухъ вѣроисповѣданій.—Чрезвычайный сеймъ.

Напрасно Хмельницкій переходилъ отъ угрозъ къ ласкательству, напрасно писалъ къ царскимъ воеводамъ: „Того нѣтъ и не будетъ, чтобы татарскіе царьики имѣли, побратавшихся съ нами, православную Русь и вѣру нашу воевать“. Кунаковъ доносилъ царю обо всѣхъ козацкихъ плутняхъ и, между прочимъ, о наслѣдственномъ козацкомъ плутовствѣ—самозванціи. Въ обширной запискѣ, представленной имъ по возвращеніи въ Москву, мы читасмъ, что Хмельницкій обзавелся какимъ-то царевичемъ Казанскимъ, съ цѣлью возстановить Казанское Царство. И не для одной Казапи, опъ и для самой Москвы припасъ такого человѣка, который называлъ себя болѣе законнымъ обладателемъ Русской Земли, нежели Романовы. У козаковъ опъ слылъ внукомъ царя Василя Ивановича Шуйскаго, а по словамъ царскихъ людей, это былъ „человѣкъ самого простого чину и худыя породы воршика, Тимошкою зовутъ, Акупдиновъ“. Какъ ни отпѣкивался Хмельницкій передъ царскими гонцами въ зловредномъ замыслѣ произвести въ Московскомъ Государствѣ смуту, не вѣрила ему Москва ни въ одномъ словѣ. Маски съ него не срывали, но видѣли подъ ней готовность на всевозможныя предательства, и держали коварнаго Хмеля въ почтительномъ отдаленіи.

Судя по политикѣ Козацкаго Батька, о которой намъ говоритъ не столько его біографія, сколько исторія козачества, Москва, въ его умѣ, была послѣднимъ, запаснымъ поприщемъ козацкаго грабежа, или послѣднимъ козацкимъ прибѣжищемъ, смотря по тому, какъ укажутъ непредвидимыя обстоятельства. Въ Москвѣ, съ своей стороны, были увѣрены, что куда бы ни бросались козаки по замысламъ вихреватаго гетмана,—неизбѣжно придутъ они къ старому своему убѣж-

денію, что вромѣ царскаго величества, дѣться имъ негдѣ. Москва ждала и въ выжиданіи событій заключалась ея наибольшая мудрость.

Въ то время, когда царскіе пограничныя воеводы были заняты своимъ, какъ они выражались, „бодроопаснымъ“, истинно московскимъ радѣніемъ по случаю козакотатарскаго движенія, центромъ котораго была Полтава, а Поляки надѣялись внутреннюю войну перемѣнить на заграничную,—Хмельницкій разослалъ универсалы, чтобы не только реестровые, но и охочіе козаки поголовно готовились къ войнѣ, а къ какой, никому не было извѣстно. Способъ войны у него былъ татарскій, а Татары, по замѣчанію Варшавскаго Анонима, не любили двухъ вещей: проволочки времени и обнаруженія тайны. „Совѣты“ (пишетъ онъ) „соединены у нихъ съ самимъ дѣломъ, такъ что они скорѣе ударятъ, нежели замахнутся“. По его разсказу, Хмельницкій приготовленіемъ къ набѣгу на Москву маскировалъ только задуманный набѣгъ на другую христіанскую землю—на Волощину (*szyni arragencia*). Онъ торопился такъ въ этомъ случаѣ, какъ будто хотѣлъ вылетѣть (*iz zdał się wylecieć*),—и обманулъ своихъ союзниковъ.

Таковы были слухи, доходившіе до мемуариста. Но мы оснуемся на письмѣ Исламъ-Гирея къ Яну Казимиру. По его словамъ, козацкій гетманъ уже садился на коня, какъ пришла къ султанъ-галгѣ вѣсть о готовности польскаго войска наступить на козаковъ. Это заставило его остановиться съ походомъ на Москву. „Тогда татарское войско“ (писалъ ханъ), „имѣя въ обычаѣ не возвращаться домой безъ добычи, особенно бей и мурзы, да почти и все лучшее войско, упали галгѣ султану въ ноги, чтобы не возвращалъ ихъ домой съ пустыми руками (*próżno*) и, припомнивъ ему великія кривды со стороны Волоховъ, просили горячо вести ихъ въ Волощину, какъ это и сдѣлано“.

Въ королевской же инструкціи на сеймики совмѣстный походъ козаковъ и Татаръ противъ Москвы былъ объявленъ измышленнымъ для того, чтобы тѣмъ удобнѣ броситься вмѣстѣ за Днѣстръ и сокрушить волошскаго государя, тайнаго союзника Польши. Дружба козаковъ съ Татарами представлена въ инструкціи такою, что стоить одному кивнуть головою, другой уже зналъ, что ему дѣлать (*nie tylko consilia swoje in magna confidentia et majori secreto z sobą odprawują, ale i ad nutum teni owego ten tego, owych ehequntur*).

Трудно сказать навѣрное: оба ли хана, козацкій и татарскій, морочили вмѣстѣ короля, или козакъ дурачилъ, въ этомъ случаѣ, и Ляха и Татарина; только походъ въ Московщину перемѣнился на походъ въ Волощину..

Такъ называемая козаками и панами Волощина (Wołoszczyzna) по-нынѣшнему Молдавія въ первой половинѣ XVII вѣка была государствомъ славянскимъ, по языку и обычаю—можно сказать малорусскимъ. „Вѣра у нихъ различная“ (говорить Варшавскій Апонимъ), „какъ и самый край населенъ различными людьми“, (и въ качествѣ латинца, на первомъ мѣстѣ ставитъ папистовъ): „есть католики. Волошскій бискупъ назначается польскимъ королемъ — то изъ францискановъ, то изъ доминикановъ. Русь держитъ вѣру схизматическую, и подчиняется константинопольскому патріарху“.

Но она-то, эта Русь, и была основою волошской національности, не только по религіи, по языку, но и по самой письменности, господствовавшей въ Волощинѣ. Мы такъ точно омалороссіянили Волощину, какъ, въ свое время, Литовщину, и такъ точно, по нашимъ слѣдамъ, вошла сюда Польша, передѣлывая наше православіе въ католичество, а нашу національность—въ польщизну.

Вышес сословіе въ сбродномъ населеніи Волощины составляли бояре, большею частью выходцы изъ Червонной Руси и вообще изъ Малороссіи, потомъ — изъ Польши, Болгаріи и русской Угорщины. Ниже бояръ стояли *магмы*, а за ними слѣдовали *земяне* и все прочее волошское посольство. Могучій и потому главный элементъ въ волошскомъ населеніи составляли потомки римскихъ Даковъ, отъ которыхъ ведутъ свое происхожденіе воспробладавшіе надъ всѣми прочими элементами Румыны. Но Славянъ между Даками-Румынами было и до сихъ поръ есть не меньше, какъ было нашихъ Русичей между коренными Литвинами.

Торговое сословіе образовали тамъ Греки, Армяне и Жиды, какъ въ древней Польшѣ—Нѣмцы, вмѣстѣ съ Армянами и Жидами, а подонками всего населенія были Цыгане.

Находясь между двухъ великихъ силъ, христіанской и магометанской, постоянно спорившихъ за обладаніе дунайскимъ, днѣстровскимъ и днѣпровскимъ Черноморіемъ, Волощина носила на себѣ отпечатокъ той и другой силы. Воптели реформированной поддумейски вѣры Моисея и Иисуса не могли шагнуть за Мультаны и Волощину съ мечемъ, искавшимъ Божіей правды въ скрещеніи своемъ съ мечами иновѣрцевъ,—не могли потому, что защитники христіанства въ этой небольшой странѣ стояли противъ нихъ упорнѣе, чѣмъ въ обѣихъ Имперіяхъ, раздѣлившихъ между собой цивилизованный свѣтъ. Упорство обходилось Мультянамъ и Волохамъ не дешево. Магометанскій мечъ, скрещенный здѣсь ради Божіей правды съ христіанскимъ, губилъ цѣлѣ населенія край, а менѣе стойкихъ захватывали вассалы

Турокъ. Татары, для продажи на европейскихъ и азіятскихъ базарахъ. Но подобно тому, какъ разрѣживаемый воздухъ тянетъ къ себѣ густой; подобно тому, какъ наша Малороссія, *Rossia bassa* итальянскихъ географовъ, тѣмъ сильнѣе влекла къ себѣ колонистовъ изъ соплеменныхъ и нѣмецкихъ странъ, чѣмъ больше гибло ихъ въ защитѣ плодородной почвы,—Волощина, равно какъ и Мультаны, населялась новыми искателями новаго счастья по утратѣ стараго. Рѣдко встрѣчаемое въ другихъ странахъ разнообразіе пришельцевъ дѣлало въ Волощину то, что днѣпровскій Украинецъ, днѣстровскій Подгорецъ, Подолянинъ, Волынецъ и Бѣлоруссъ, и даже Полякъ—находили между Днѣстромъ и Дунаемъ, въ смыслѣ этнографическомъ, какъ бы другую родину. Съ нами, Малоруссами, этотъ край сосѣдская враждебность раздѣляла, а паше вѣчное исканіе *xotъ їршої, абы їншої доли*—связывало. Волощину мы даже воспѣвали, какъ замѣну родины, подчиненной пришельцамъ Ляхамъ:

Бувай здоровъ, Ляцький краю!
 вже жъ я тебѣ покидаю:
 Ой пійдѹ жъ я въ Волощину,
 И тамъ же я не загину,
 Въ Волощині щірі люде, —
 И тамъ мені добре буде.

Стариныя наши воспоминанія о такихъ подвигахъ, какими прославились въ Волощинѣ герои нашей утраченной Иліады, братья Струси, дѣлали этотъ край намъ близкимъ, какъ поприще борьбы съ невѣрными, и дорогимъ, какъ мѣсто, гдѣ находили мы богатую поживу въ тяжкой, часто голодной и всегда убогой пограничной жизни. Возможность низвергать государей съ арендуемаго у Турокъ престола и сажать на него такихъ, которыхъ Туркамъ было слишкомъ трудно спихивать вооруженною рукою,—эта заманчивая возможность особенно влекла нашъ пылкій, не имѣвшій лучшихъ цѣлей духъ въ постоянно опустошасмый и встающій въ новомъ богатствѣ край. Исторія нашего козачества полна былей и небылицъ о подвигахъ Струсей, Байдъ, Филоненковъ и Канивченевъ, за Днѣстромъ въ Ясахъ, въ Тагнѣ, въ Сочавѣ, на Киминскомъ полѣ и на Черкевъ-долинѣ. Общій взглядъ на Волощину былъ у насъ въ XVII вѣкѣ таковъ, что въ Волощину стоитъ ходить за добычею и за спутницею добычи—козацкою славою. Такое впечатлѣніе дѣлала на козаковъ Сагайдачнаго и Московщина, какъ при его жизни, такъ и по смерти. Тамъ обогащала жителей роскошная природа, здѣсь — трудолюбивая промышленность.

Какъ въ одной, такъ и въ другой странѣ преславное Запорожское Войско, привыкшее *пліндрувати* и *руйнувати* во всю ширь „Божіей милости“ и „козацкаго счастья“,—не стѣснялось ни единоплеменностью, ни единовѣріемъ. Этимъ оно свидѣтельствовало свое родство съ Татарами. Татаринъ, замышляя полонить людей для невольничьихъ базаровъ, говаривалъ: „Мы сильно уповаемъ на милость Божию“, и титуловалъ себя счастливымъ и милосерднымъ, а зачатый и рожденный имъ въ незапамятныя времена козакъ, мечтая о пожарахъ и кровавыхъ рѣчкахъ, оставилъ намъ по себѣ богохульную пословицу: „Богъ не безъ милости, а козакъ не безъ щастя“, и, сдѣлавшись безопаснымъ, важиточнымъ, даже просвѣщеннымъ, благодаря Москвѣ, гражданиномъ, до сихъ поръ напѣваетъ съ дикою грустью:

Ой колись мы воювали,
 Та бѣльше не бѣдемъ:
 Тодѣ щастя й тої долі
 По вѣкъ не забудемъ!

Три государства интересовались Волощиною въ политическихъ видахъ своихъ: Турція, какъ завоевательница; Польша, какъ покровительница завоеванныхъ; Москва, какъ земля, единовѣрная съ Волохами. Испытавъ невозможность покорить задунайскихъ христіанъ своему Пророку, правовѣрные мусульмане обрекли невѣрныхъ, по своему закону, на рабство, и довольствовались наложенною на нихъ данью, а чтобъ эта плата за право жизни приходила въ Стамбуль безъ хлопотъ по взиманію, сдѣлали сборщикомъ самого князя волошкаго, равно какъ и князя мультанскаго, называемыхъ постарославянски господами.

Польша, посредствомъ своихъ удалцовъ-Русичей, Струсей, Мелецкихъ, Сѣнявскихъ, Вишневецкихъ, помогала искателямъ княжеской чести и наживы свергать съ престола волошскихъ господарей, мирила своихъ ставленниковъ съ султаномъ, иногда ей удавалось и совѣмъ освобождать ихъ въ свою пользу отъ султанскаго вассальства, какъ это было съ господами Могилами. Россія ограничивалась дружескимъ общеніемъ съ господарскимъ правительствомъ, какъ единовѣрцами и политическими доброжелателями. Но днѣпровскіе козаки, эти *Черкасы* позабытаго происхожденія, продолжали въ Волощинѣ традиціонное ремесло свое въ силу номаднаго положенія своего среди народовъ культурныхъ. Арендное престолонаслѣдіе Волоховъ представляло имъ такіе случаи къ поживѣ, какой представился ихъ наѣздническому товариществу въ Смутное Время Московскаго Государства. Въ XVI столѣтіи они признавали себя не столько подданными короля польскаго,

сколько слугами царя московскаго, и съ этой стороны московское вліяніе на волошскія дѣла было равномернo съ польскимъ. Оно даже перевѣшивало польское, и именно съ того времени, когда римская политика Польши велѣла ей вліять на воспитаніе Могилъ посредствомъ іезуитовъ. Сдѣлавшись политическимъ центромъ и упованіемъ Славянщины Москва, даже не прилагая попеченій о томъ, поддерживала въ Волощинѣ славянскій элементъ, какъ солнце поддерживаетъ теплоту въ планетѣ, входящей въ сферу центростремительной силы его.

Волошскіе господа, по церковной традиціи, состояли въ духовномъ вассальствѣ у Россіи. Молдавская церковь была филиею церкви галицкой, и князья-господа, въ качествѣ верховныхъ ктиторовъ этой церкви, зависѣли отъ галицкихъ митрополитовъ. Они печатали богослужебныя книги во Львовѣ. Этотъ же православный издревде городъ отливалъ для нихъ колокола, и такъ какъ православная церковь, говоря вообще, стояла у насъ на Украинѣ въ заустѣннѣ, то волошскіе господа при своемъ дворѣ обучали церковному пѣнію поповичей, которые потомъ являлись въ Малороссіи дьячками, а изъ дьячества „совершались въ попы“. Господа, желая, по примѣру московскихъ царей, быть у себя въ краѣ опорой и образцомъ благочестія, принимали участіе и въ ставропигіальномъ львовскомъ братствѣ, которое хранило въ своихъ подземельяхъ ихъ сокровища. Одинъ изъ нихъ, Александръ Лопушнянъ, дозволилъ даже вписать свое имя въ число старшихъ братчиковъ, подобно вельможнымъ польскорусскимъ панамъ. Іезуиты не сближали ихъ тогда еще, какъ въ послѣдствіи Могилъ, съ католическою польщизною путемъ воспитанія богатаго юношества. Лопушнянъ не любилъ Ляховъ за ихъ „кривую гѣру“ до такой степени, что, устраивая праздничныя трапезы для братства, наказывалъ, чтобы допускали Ляховъ за трапезный столъ, но не дозволяли присутствовать при богослуженіи. „У нашемъ законѣ“ (писалъ онъ) „того ся не годить. У стола могутъ сѣдѣти и за насъ Бога просити, а сами ваши милости цѣйте и ѣйте, и насъ не забувайте“.

Ставропигіальное братство угрожало тогда перейти въ бездопущину, подъ вліяніемъ разливающегося по всей Польшѣ протестантства. Господарь убѣждалъ его не пренебрегать попомъ: „...попа ни за помае“ (писалъ онъ), „они въ дома свои у дни недѣльныхъ и праздничныхъ, для благословенія хлѣба, не призываете... Попъ межи вами только перекупиничествомъ живитя: самъ идетъ до церкви, а попадя идетъ на рынокъ съ хлѣбомъ и цыбулею, такожь у другого перекупивши, и што съ того приторгуеть, тѣмъ ся живять“. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ охранялъ братство и отъ другаго нечестія,—чтобы мужчины въ брат-

ской церкви не стояли вмѣстѣ съ женщинами. Такъ было и у насъ въ Малороссіи: для женщинъ назначались притворы, которые до сихъ поръ называютъ *бабинцями*.

Все вмѣстѣ показываетъ, что славянскій элементъ, и преимущественно малорусско-славянскій, господствовалъ тогда за Днѣстромъ во всей своей силѣ и во всемъ безсиліи.

Этотъ элементъ боролся здѣсь издавна, со временъ еще дако-римскихъ, съ элементомъ румынскимъ, восторжествовавшемъ наконецъ при помощи политической махинаціи. Козаки слагавшіе головы за волошское господарство, и козаки, грабившіе православный, почти русскій заднѣстровскій край, какъ Турецкую Землю, наполненную по словамъ козарской думы, песчитаннымъ серебромъ—златомъ, пемѣрянными поставами саецъ, одамашковъ, кармазиновъ, блаватовъ,—исѣли они, въ войнѣ и въ мирныхъ общеніяхъ, оглашали Волощину своимъ москворусскимъ и польскорусскимъ говоромъ, оживляли своими пѣснями, своими симпатіями и антипатіями. Они вспахивали копьемъ, взрыхляли мечемъ, засѣвали боевымъ удалствомъ эту землю посильнѣе представителей элемента польскаго, который выставялъ здѣсь одно государственное знамя. На формацию народнаго духа въ Волощинѣ польскій элементъ влялъ только искусственно, изъ-за спины козацкихъ буйтуровъ паповъ и не пановъ, которые бывали обращены къ Волохамъ то враждебною, то дружескою грудью. Когда наконецъ удалось Польшѣ посадить на волошскомъ престолѣ одного за другимъ трехъ Могилъ, и тогда еще славянскій элементъ за Днѣстромъ опирался на людей русскихъ и единовѣрныхъ съ русскими. Иезуитская махинація, ознаменовавъ себя въ Польшѣ ополеченіемъ дома Острожскихъ, готова была повториться въ Волощинѣ надъ домомъ приемышей Польши—Могилъ. Но тутъ румынскій элементъ, борвшійся съ элементомъ славянскимъ, выдвинулъ на поприще господарской дѣятельности такого человѣка, который своими способностями превосходилъ трехъ Могилъ и всѣхъ соперниковъ ихъ въ арендаторскомъ соисканіи господарскаго престола. То былъ Василій Лупуль, родомъ Грекъ, или Албыпецъ, или, какъ думаютъ иные, Сербъ.

Волошскіе господа Могилы: Иеремія, дядя нашего Петра Могилы, Симеонъ, отецъ его, Моисей, родной братъ и послѣдникъ его, находились въ родствѣ и дружбѣ съ богатѣйшими польскорусскими домами. Той же политики родства и дружбы держался и Василій Молдавскій (какъ называли Лупула козаки), сдѣлавшійся господаремъ въ 1637 году. Онъ былъ таковой же интригантъ, какъ и его предшественники, интригантъ по положенію князя-господаря, или господаря-арен-

датора, присяжный, записной интригантъ; но далеко превосходил ихъ искусствомъ интриги. Служа нѣсколькимъ государямъ, особенно же Моисею Могилѣ, своимъ талантомъ пройдохства, онъ усвоилъ себѣ ихъ житейскую практику, которая состояла въ томъ, чтобы, поелоняясь отъ всей души мамонѣ, тѣмъ еще ревностнѣе клянуться Богу, разумѣется, не „духомъ и истиною“. Лупуль умѣлъ служить не только двумъ, но и нѣсколькимъ господамъ въ одно и то же время,—служить не только согласнымъ между собою, но и враждебнымъ. Такъ было необходимо поступать всѣмъ троицъ предшественникамъ его, Могиламъ, въ ихъ положеніи; такъ въ особенности надобно было поступать ему самому.

Лупуль въ своей господствующей средѣ былъ homo novus. Изъ низменнаго положенія въ свѣтѣ онъ возвысился на степень обладанія свѣтомъ, а возвышаться помогало ему чувство, выраженное Тацитомъ въ изображеніи таланта, возобладавшаго надъ толпой римской знати: „Они презираютъ мою новость, я—вялость ихъ (Contemnunt novitatem meam, ego ignaviam illorum)“. Но это чувство двигало его впередъ не облагороживая. Будучи въ пачалѣ жизни предметомъ презрѣнія со стороны людей, которымъ богатство и знатность не дали энергии, онъ презиралъ богатыхъ и знатныхъ злобно: онъ вымещалъ претерпѣнное отъ нихъ униженіе на каждомъ, кого ни прибиралъ къ своимъ рукамъ, какъ неудачника. Безъ всякой совѣсти и безъ всякой жалости, онъ дѣлалъ ихъ пѣшками на шахматной доскѣ игры своей въ богатство и знатность. Онъ дурачилъ и предавалъ каждого по мѣрѣ его неспособности къ политикѣ силы и власти: жертвуя равнодушно единицами, сотнями, тысячами людей, онъ былъ способенъ столь же равнодушно жертвовать и цѣлыми народами.

Но если кто-либо имѣетъ право презирать въ ихъ счастливой судьбѣ людей вялыхъ, бездѣйственныхъ и недалкихъ, то Василь Молдавскій обладалъ этимъ правомъ вполне, будучи полонъ горячей энергии, неутомимаго трудолюбія и того ума, основаніемъ котораго служить ловкость, изворотливость, ехидство и коварство. Сдѣлавшись *вистерникомъ*, то-есть министромъ финансовъ, при господарѣ Граціани, Лупуль попалъ было въ тюрьму по подозрѣнію въ тайныхъ сношеніяхъ съ турецкимъ правительствомъ; но Граціани палъ на Цецорѣ, и гибель господаря спасла вистерника для новыхъ подвиговъ интриги и предательства. Лавируя въ своемъ пройдохствѣ между Сциллой и Харибдой не хуже Улисса, Василь Молдавскій пережилъ благополучно всѣ послѣдующія княженія: Александра Илиі, Стефана Тисмисевича, иначе Томжи, Радо, Мирона Берновскаго, Александра

Радо, опять Александра Иліи, опять Мирона Берновскаго и наконецъ Моисея Могилы. Противъ Александра Иліи онъ взбунтовалъ народъ, воспользовавшись его ропотомъ на князя-господаря за то, что навелъ съ собою Грековъ и вводитъ въ Волощину греческіе порядки. Мирона Берновскаго оклеветалъ онъ передъ султаномъ, и султанъ казнилъ его въ Стамбулѣ смертью. Преемника Миропова, Моисея Могилу, очаровалъ онъ своею угадливостью, но, сдѣлавшись у него великимъ дворникомъ, то-есть генералъ-губернаторомъ, и ходатайствуя въ турецкомъ Диванѣ по его дѣламъ, столкнулъ его съ престола и сдѣлался господаремъ.

Но этого было мало для проходимца, жаднаго къ обогащенію и власти не менѣе нашего Хмеля. Чтобы создать себѣ прочный фундаментъ въ дальнѣйшихъ замыслахъ, необходимо было ему упереться въ Трансильванскія горы, въ Дунай и Черно море. Мысль эта, осуществленная въ повѣйшее время однимъ почеркомъ враждобнаго Славянству пера, возвышаетъ Лупула во мнѣніи румынскихъ патріотовъ надъ всѣми его злодѣйствами, въ числѣ которыхъ исторія записала 14.000 подданныхъ, казненныхъ мучительною смертью въ его царствованіе. Онъ у нихъ считается первымъ законодателемъ, хотя его законы писаны человѣческою кровью: по нимъ, за преступленія гражданскія выкалывали глаза, отрѣзывали руки, подвергали голыхъ бичеванью уличной толпы. Онъ у нихъ и великій господарь, и творецъ народнаго благоденствія, и воскреситель румынской національности, и двигатель интеллектуальной культуры. Онъ у нихъ почти то, что у нашихъ козакомановъ Богданъ Хмельницкій, хотя наши козакоманы съ гордостью могутъ сказать, что Василю Молдавскому далеко до такого человѣкоистребленія, какимъ себя прославилъ Козацкій Батько.

Какъ бы то ни было, по великій умъ героя румынскаго, по извѣстной французской пословицѣ, встрѣтился съ великимъ умомъ героя украинскаго, и вотъ почему его пройдохество получило извѣстное значеніе въ исторіи отпаденія Малороссіи отъ Польши, въ исторіи русскаго воссоединенія, въ исторіи преобладанія Россіи надъ Славянствомъ.

По ту сторону рѣки Молдавы, раздѣлившей два подначальныя Турціи княжества, господарилъ такой же откупщикъ, Матвѣй Бессарабъ. Василь Молдавскій вознамѣрился спихнуть его съ престола. Но Бессарабъ умѣлъ держаться на своей арендѣ подарками, уклончивостью и виноватностью, которую поддерживалъ своими боевыми средствами сосѣдъ его, князь Трансильванскій. Когда многообразныя средства, придумываемыя Лупуломъ для пагубы князя сосѣда, оказа-

лись безуспѣшными, онъ обратился къ такому средству, которому, въ случаѣ успѣха, могъ бы позавидовать и нашъ Хмѣль.

Чѣмъ усерднѣе служилъ онъ мамонѣ, тѣмъ еще болѣе долженъ былъ служить Богу, чтобы вторымъ служеніемъ прикрывать первое: явленіе обыкновенное въ жизни корыстолюбцевъ и тирановъ, которые, за невозможностью обмануть Бога, весьма усердно обманываютъ людей, а иногда и собственную совѣсть. О сокровищахъ Василя Молдавскаго ходили баснословные слухи, и они подтверждались громадными, документально извѣстными, его тратами, послѣ которыхъ онъ все-таки оставался богачемъ даже и между владѣльцами коронованными. Судя по характеру и поступкамъ Креза Волоха, какъ прозвали Лупула, надобно думать, что его богатство было нажито средствами, тревожившими его душу при мысли о Божеской карѣ въ настоящей и въ будущей жизни. XVII-й вѣкъ былъ эпохою тѣхъ крайностей піэтизма, которыя должны были вызвать реакцію въ скептицизмѣ XVIII-го. Въ грубыхъ правилахъ замаливанья грѣховъ и покупки церковныхъ отпущеній былъ воспитанъ и Лупуль. Онъ вѣровалъ, что нѣтъ грѣха, котораго не было бы возможности перевѣсить на вѣсахъ Божескаго правосудія созиданіемъ домовъ Божіихъ и благодѣтельствомъ храмовъ святыхъ. Подъ вліяніемъ такой вѣры построилъ онъ въ Яссахъ великолѣпную Трехсвятительскую церковь изъ краснаго камня, съ дорогими арабесками снаружи, съ богатою позолотой внутри стѣпъ, съ роскошною ризницей и пр. и пр. При церкви завелъ онъ училище и типографію; выкупилъ у Турокъ мощи Св Параскевіи за 250 кошельковъ золота, или за 125.000 дукатовъ, и перенесъ ихъ изъ Тырнова въ новопостроенную церковь, гдѣ онѣ почиваютъ и нынѣ; основалъ монастырь Галію и церкви въ Оргіевѣ и Килии. На Трехсвятительской церкви создатель и благодѣтель святаго и вссечестнаго храма сего изображалъ альфреско подносящимъ его тремъ святителямъ, которые благословляютъ его съ небесъ.

По старинному противорѣчію въ жизни подобныхъ подвижниковъ благочестія, Василь Молдавскій сочетался вторымъ бракомъ съ Черкешенкой магометанкой. Православники Турецкой Имперіи возроптали за это на великаго подвижника; мѣстная іерархія отказывала господарю въ признаніи брака законнымъ, а правовѣрные были оскорблены сожитіемъ своей мусульманки съ іауромъ. Но если для богача господаря не было слишкомъ трудно устраивать небесныя свои дѣла, то земныя устраивалъ онъ тѣмъ легче. Молдавская церковь зависѣла въ началѣ отъ галицкихъ митрополитовъ, а потомъ — отъ орхидскаго архіепископа, именовавшаго себя болгарскимъ патріархомъ, слѣдова-

тельно находилась въ подчиненіи славянскимъ іерархамъ. Турціи нужно было подчинить своихъ православниковъ центральной власти, то есть посредствомъ готовыхъ къ услугамъ Грековъ ослабить единеніе Славянъ. Лупулъ это устроилъ могуществомъ своего золота, а какъ центральный константинопольскій патріархъ былъ главнымъ орудіемъ султана по гяурскимъ дѣламъ, то Крезъ Волохъ получилъ отъ него разрѣшеніе на бракъ, заплативъ ему 280 кошельковъ да 50.000 рса-ловъ султану за право женитьбы на мусульманкѣ. Этимъ достопамятнымъ актомъ положилъ онъ начало преобладанію въ придунайскихъ княжествахъ румынской національности надъ славянскою. Съ подчиненіемъ молдавовалахской церкви константинопольскому патріарху, въ православномъ богослуженіи за Днѣстромъ сталъ употребляться, вмѣсто церковнославянскаго языка, румынскій; а какъ румынскія богослужебныя книги заимствованы изъ Трансильваніи, главнаго сѣдалища кальвинства среди Славянъ, то эти книги, будучи проникнуты протестантскимъ ученіемъ, нарушили въ придунайскихъ княжествахъ чистоту православія и оторвали ихъ отъ славянскаго единства. Мѣстная историографія называетъ это „штурмомъ“, даннымъ церковнославянскому языку“, и съ эпохи Лупула да соревнователя его, Бессараба, ведетъ пачало новой своей исторіи. Оффиціальнымъ языкомъ въ Молдавіи оставался все-таки славянскій до XVIII столѣтія: только тогда князья фанариоты замѣнили его греческимъ. Но со временъ Лупула и Бессарабы румынская національность получила такую поддержку со стороны правительства, что нашъ малорусскій элементъ самъ собой прививался передъ румынскимъ, такъ точно, какъ онъ дѣлалъ это на своей родной почвѣ передъ польскимъ, и въ послѣдствіи, по своей исторической несостоятельности передъ великорусскимъ.

Еслибы нашъ Богданъ Хмельницкій не былъ безпутный варваръ, онъ могъ бы сдѣлать нѣчто грандіозное въ судьбахъ Сѣверной Славянщины. Наше давнишнее стремленіе изъ *Польскаго* края за Днѣстръ могъ бы онъ привести къ тому, что область двоякаго русскаго языка и обычая, подъ единовѣрнымъ правительствомъ, уперлась бы въ Дунай и Трансильванію, а польскій элементъ растворился бы самъ собою въ энергическомъ русскомъ больше нынѣшняго. Но, вѣчно пьяный отъ горілки и проливаемой звѣрски крови, не могъ онъ воспользоваться горячимъ темпераментомъ древнихъ Русичей, отозвавшимся въ днѣпровскихъ добычникахъ, и разыгралъ роль стихійной силы, исчезающей безъ благотворнаго слѣда послѣ разрушительнаго своего дѣйствія. Грекъ, Албанецъ, или Сербъ Лупулъ, унаслѣдовавшій культурныя инстинкты древнихъ народовъ, пытался воспользоваться этой

стихійной силой для своихъ замысловъ: по ни въ его народѣ, ни въ немъ самомъ не было всепобѣждающаго творчества, которое проявилъ въ себѣ народъ Великорусскій вмѣстѣ съ выражавшимъ его духъ правительствомъ относительно превращенія разрушительной козацкой силы въ государственно-строительную.

Съ этой точки зрѣнія, возня козатчины и созданнаго ею Хмеля Хмельницкаго съ Ляхвою и Волохами представляетъ для русскаго мыслителя интересъ, печальный съ одной стороны и торжественный съ другой.

Какъ ни усердно служилъ Василь Молдавскій Турецкому султану, не могъ онъ овладѣть всей территоріей нынѣшней Румыніи, посредствомъ овладѣнія двумя престолами. Бессарабъ такъ былъ силенъ въ своей арендѣ, что Лупуль, превзойдя всѣхъ волошскихъ арендаторовъ угодливостью, изворотливостью, подкупами и предательствомъ не могъ ничего ему сдѣлать. Турки щадили ростовщика Лупула, и боялись покуситься на права воина Бессараба. Такъ наступило то время, когда Владиславъ IV поддался своимъ политическимъ ласкателямъ и возмечталъ о господствѣ надъ христіанскимъ Востокомъ. Былъ еще живъ тогда великій Конецпольскій. Изъ его неизданной пока мѣстъ переписки, сохранившейся въ Императорской Публичной Библиотекѣ, мы знаемъ, что онъ смотрѣлъ на Лупула съ благороднымъ презрѣніемъ, и не довѣрялъ его преданности Польшѣ. Но Лупуль, не любя ничего, кромѣ себя, полагался вполнѣ на государство, создающее подобныхъ воиновъ и политиковъ. Лупуль, въ этомъ отношеніи, былъ тотъ же Петръ Могила, воспитавшійся въ созерцаніи торжества Польши надъ Москвою, Турціей, Шведами. Шляхетскій Народъ не дошелъ еще тогда до погибельнаго униженія верховной власти. Заграничнымъ наблюдателямъ Польша казалась еще чѣмъ-то такимъ, какъ изобразилъ ее краснорѣчивый Оссолинскій передъ папою въ присутствіи представителей католической Европы. Василь Молдавскій взиралъ на нее, какъ на безопасное убѣжище въ случаѣ грозы со стороны Турціи, и съ этой цѣлью сталъ подражать политикѣ своихъ предшественниковъ, Могиля, умѣвшихъ, подобно князю Василию, соединять православіе съ противоположными ему вѣрами въ брачныхъ союзахъ. Со своей стороны Польша, въ лицѣ своихъ пановъ, искала сближенія съ князьями откупщиками, и одинъ изъ богатѣйшихъ ея представителей, князь Янушъ Радивиль, съ рыцарскимъ постоянствомъ домогался три года руки старшей дочери господара Василя, Елены. Въ январѣ 1645 года далъ наконецъ Василій Молдавскій согласіе на бракъ своей православной дочери съ магнатомъ. Свадьба была царственная.

Женихъ явился съ двухтысячнымъ почтомъ. Торжество длилось двѣ недѣли. Молодыхъ вѣнчалъ митрополитъ Петръ Могила въ раззолоченной и разукрашенной церкви Трехъ Святителей. Кальвинистъ Радивиль, полевой литовскій гетманъ, полукальвинистъ и полумусульманинъ Лупуль, господарь Волощины, полуправославникъ, полупапистъ Петръ Могила, митрополитъ кievскій и галицкій, моили втроемъ троихъ великихъ святителей о небесномъ благословеніи дома, столь высоко поднявшагося въ земной славѣ своей, и небеса сіяли, казалось, будущимъ счастьемъ надъ этимъ домомъ.

Между тѣмъ челоуѣческія кривды и глупости достигли своей крайности и въ Польшѣ вмѣстѣ съ просвѣщенною ея Литвой, и въ Волощинѣ, гдѣ такъ блистательно княжилъ творецъ румынской будущности, и въ области, избранной самимъ Петромъ Могилой для колонизаціи неополонизованной Руси. Все вмѣстѣ сдѣлало возможнымъ появленіе на исторической сценѣ такого лицедѣя, какъ Хмельницкій, и даже освятило его подвиги въ глазахъ многихъ. Василь Молдавскій продолжалъ бороться съ Бессарабомъ и, можетъ быть, поборолъ бы его, но интересы того и другаго столкнулись съ интересами Козацкаго Батька, и онъ выступилъ противъ нихъ обоихъ, какъ левъ при дѣлежѣ звѣриной добычи. Прочный фундаментъ ему былъ нуженъе, чѣмъ кому-либо, а такого фундамента не обѣщала ему земля измѣнчивой, лукавой, малодушной черни. Двѣ великія рѣки, горы съ запада, море востока: вотъ что могло спасти Козацкаго Батька, впервыхъ, отъ его дѣтей, вовторыхъ, отъ ободранныхъ пановъ-изгнанниковъ, и втретьихъ отъ негодующей на козацкую вольницу Москвы, противницы всѣхъ вѣчъ, всѣхъ панскихъ сеймовъ и чернецкихъ радъ.

Объ этомъ убѣжищѣ могъ онъ мечтать еще въ то время, когда послѣ плявецкаго трехдневнаго пьянства, козаки воображали, что гетманъ ведетъ ихъ съ Татарами за Бѣлую Воду. Безповойно посматривая тогда на Вислу, на Москву рѣку и на Босфоръ, неожиданно увидѣлъ онъ передъ собой пословъ Лупула.

Волошскій господарь, какъ и мультанскій, увлекся было мечтой Владислава IV о Турецкой войнѣ и, подъ влияніемъ своего зятя, Радивила, рѣшился свергнуть съ себя турецкое вассальство. Онъ только ждалъ перехода Поляковъ черезъ Дунай. Но Турецкая война исчезла, какъ мпразъ, и могущественная недавно Польша очутилась подъ ногами у козаковъ. Заподозрѣнный въ невѣрности Портъ, Лупуль въ борьбѣ съ Бессарабомъ прибѣгнулъ къ помощи побѣдителей панскаго войска.

Хмельницкій тогда же, долженъ быть, возмѣлъ мысль, которую преслѣдовалъ до послѣдней возможности съ крайнимъ упорствомъ и рискомъ: столкнуть обоихъ борющихся государей-откупщиковъ съ ихъ мѣсть, купить престолы ихъ для себя да для своего сына и основать въ заднѣстровской Малороссіи княжество, невозможное въ днѣпровской. Для этого ему нужно было всячески ладить съ Портою, и онъ до тѣхъ поръ не вошелъ съ Лупуломъ ни въ какую едѣлку о помощи, пока тотъ не представилъ ему разрѣшенія Порты на призывъ козаковъ противъ Бессараба. Отправленный въ Волощину съ надежными козаками Тимошей Хмельницкій, подъ опекой Тогай-бея и его Татаръ, помогъ Лупулу взять верхъ надъ его противниками, но зато потребовалъ отъ него черезъ Тогай бея руки младшей дочери его, Роксанды. Лупулъ отвѣчалъ на грубое сватовство гордо. Руки Роксанды искали знатнѣйшіе польскорусскіе дома, въ томъ числѣ Петръ Потоцкій, сынъ короннаго великаго гетмана, и князь Дмитрій Вишневецкій, племянникъ Іереміи. Чтò сравнительно съ ними значилъ не отеса Тимошко Хмельниченко? Но иначе думалъ и чувствовалъ Козакій Батько. О Хмельницкомъ поэтъ могъ бы сказать, какъ о Мазепѣ:

Что ни единой онъ обиды,
Съ тѣхъ поръ какъ живъ, не забывалъ...

Не простили государю отказа и побратимы стараго Хмеля. На возвратномъ пути изъ-подъ Зборова, крымскія и буджакскія орды ограбили по дорогѣ Бессарабію. Вступаясь за своихъ подданныхъ, волошскій государь послалъ за хищниками погоню. Обремененныхъ ясыромъ и другою добычею догнать и разбить было не трудно. Орда потерпѣла пораженіе и лишилась добычи своей при селѣ Братуленахъ, у Резины и въ Лопушинѣ. На языкѣ хищниковъ по ремеслу, это называлось „великими кривдами со стороны Волоховъ“, и эти-то кривды припомнили они, валяясь въ ногахъ у султана-галги, когда не состоялся ихъ походъ въ Московщину.

За свою личную кривду Хмельницкій, какъ видно, готовился отмстить Лупулу цѣлый годъ. При посредствѣ Тогай-бея сватался онъ мирно; теперь снаряжалъ къ Василю Молдавскому сватовъ, которыхъ Поляки прозвали кровавыми.

Но сперва въ Яссахъ появилось его посольство съ такимъ же гордымъ требованіемъ, какимъ былъ государскій отказъ. Это было еще въ то время, когда козаки, вмѣстѣ съ достойнымъ Батькомъ своимъ, гремѣли противъ того, кто сидитъ на Москвѣ.

Василь Молдавскій зналъ, что козаки и Татары дѣлаютъ; онъ, безъ сомнѣнія, догадывался, что они и потомъ будутъ дѣлать, какъ безсердечный философъ обогащенія и грубой силы, вѣчно работавшій умомъ надъ эксплуатаціей окружавшаго его міра. Поэтому съ новыми сватами заговорилъ онъ другимъ, смиреннымъ и льстивымъ языкомъ. Онъ отвѣчалъ, что не можетъ принять предлагаемой ему чести единственно потому, что боится оскорбить своего повелителя, султана, выдавъ дочь за молодого Хмельницкаго.

Новый авантюристъ поймалъ стараго пройдоху на словѣ, и побѣдилъ его превосходствомъ интриги. Сила козацкая перевѣсила въ Стамбулѣ силу подкуповъ: князь-господарь получилъ не только дозволеніе, но даже пригазаніе.

Тогда Лупуль обратился къ польскорусской воинственности, которую въ Збаражѣ проявилъ блистательно князь Вишневецкій, а въ Бѣлоруссіи — князь Радивиль. Что значила реляція, распространенная въ Европѣ о непобѣдимомъ побѣдителѣ подъ Зборовымъ, онъ зналъ какъ нельзя лучше; но, взвѣсивая силу руинниковъ съ силой культурниковъ, каковы ни есть одни и другіе, онъ долженъ былъ провидѣть, что Польша хватить еще надолго не только въ борьбѣ съ козаками, но и съ Москвою. Полагаясь на своихъ родныхъ и пріятелей, онъ отказалъ сватамъ Хмельницкаго, несмотря даже на султанское повелѣніе.

Случайно ли, или по предусмотрительности Хмельницкаго, вторичный отказъ пришелъ къ нему въ то время, когда онъ стоялъ противъ Москвы во всеоружіи козацкаго согласія и татарскаго панибратства.

О Козацкомъ Батькѣ дѣти его сказали бы, что на Василя Волошина онъ важнѣмъ духомъ дыше; а что это былъ за духъ, мы знаемъ изъ лѣтописи стариннаго козакомана, который вкладываетъ Хмелю Хмельницкому въ уста такія слова: „Оддай, господарю, дочку за моего сына, а не оддаси, дакъ я тебе изотруу, изомну и прахъ твій розпесу по въздусі!“

По характеру Малорусса, каковъ онъ есть нынѣ, вѣтъ ничего обиднѣе, какъ предложить красавицѣ свою руку, а тѣмъ паче руку сына, (о сердцѣ здѣсь напрасно говорить) и получить гарбузъ. Можно поэтому судить, какъ обидѣлся Козацкій Батько, когда его Тимку *дала гарбузд* дочь презрѣннаго въ его глазахъ богача, неспособнаго наживать богатство кровавою саблею. Нашъ старшій Хмѣль, швырявшій съ пьяна и Римскою Имперіей, не могъ оставить безъ отмщенія такого, какъ онъ, безъ сомнѣнія, выражался *Жидюму-рандаря*, каковъ долженъ былъ представляться гордому добычнику волошскій господарь. И часъ отмщенія насталъ.

Но на дорогѣ въ Волощину стоялъ побѣждавшій козаковъ съ малыми силами Николай Потоцкій; два года тому назадъ потерявшій одного сына и домогавшійся невѣсты для другаго: лицо трагическое въ виду семьянистаго и счастливаго. Его несчастьемъ Козацкаго Батка. Хмельницкій зналъ, что теперь онъ способенъ „давать битвы только въ каретѣ“; но чья юность не обновится въ порывѣ отмщенія за погибшаго сына и въ защитѣ рыцарскихъ правъ живаго? Хмельницкій это чужалъ, и потому сталъ у Ямполя съ 20.000 мѣ обсервационнымъ корпусомъ, а другой корпусъ, подъ охраной ангеловъ и духовъ своихъ, Татаръ, послалъ сватать золотое руно у дракона, отца красавицы Роксанды.

Недавнія угрозы Хмельницкаго сломать Москву не помѣшали ему, передъ походомъ въ Волощину, просить у царя попрежнему помощи противъ Поляковъ, если они будутъ воевать съ козаками. Зававъ къ себѣ путивльскихъ купцовъ на обѣдъ въ Миргородѣ, онъ старался покормить московскаго соловья баснями, точно польскаго, и говорилъ путивльцамъ такія вещи: „...хотя бы де для славы, государевыхъ ратныхъ людей было у него тысячъ съ шесть или съ десять, и онъ бы де очистилъ и Польскую Землю государю. А онъ де, гетманъ, со всѣмъ своимъ Войскомъ Запорожскимъ великому государю служить радъ всею своею душею, не токмо де что польскіе и литовскіе города онъ, гетманъ, государю очистить, хотя де и Царь-городъ и до Ерусалима очистить и приведетъ подъ государеву высокую руку“.

Но не успѣли эти просьбы и хвастливыя обѣщанія достигнуть мѣста своего назначенія, а магометане, сватавшіе христіянку за христіянина, ограбили уже православную Волощину.

Между тѣмъ король, видя въ этомъ набѣгѣ на его союзника дѣло частное, какъ и его паны, выразительно повелѣлъ коронному великому гетману, стоявшему лагеремъ подъ Каменцемъ, не вмѣшиваться въ волошскія дѣла, или, какъ объ этомъ говорили въ Шляхетскомъ Народѣ, „не обгонять чужаго проса, бросивъ свое“. Обезпеченный этимъ Хмельницкій вторгнулся тотчасъ по удаленіи Орды, съ 16.000 войска въ Волощину и принялся грабить и опустошать ее въ свою очередь.

Походъ его былъ популяренъ въ козачинѣ и по своему мотиву, и по богатой добычѣ, затмившей славу Царя Наливая. Козацкіе козари воспѣли набѣгъ на благочестивыхъ Волоховъ съ такимъ же кровавымъ восторгомъ, какъ и набѣги на злочестивыхъ Ляховъ, вмѣстѣ съ которыми погибали сотнями тысячъ козацкіе единовѣрцы всѣхъ

сословіи и состояній. Въ ихъ Иліадѣ Василь Молдавскій вопіеть къ Николаю Потоцкому слѣдующими словами:

Ой гетьмане Потдцький,
 Що въ тебе розумъ жидцький!
 Ты за дорогими напитками, бенкетами уганяешь,
 А про мою пригѣду нічого не знаешь:
 Що жъ то въ васъ гетьманъ Хмельницький, Рѣснийъ,
 Всю мою зѣмлю Волдську обрѣшивъ,
 Все моє поле копѣмъ изоравъ,
 Усімъ моимъ Волхамъ, якъ галкамъ,
 Съ плічъ гдлови поздіймавъ.
 Де були въ полі стежки-доріжки,
 Волдськими головками повимѣщувавъ;
 Де були въ полі глыбки долины,
 Волдською кровью повывляювавъ....

Какъ отражались эти событія въ панскомъ обществѣ, всего лучше видно изъ приведеннаго уже разсказа Варшавскаго Анонима. По дошедшимъ до него слухамъ и толкамъ, Хмельницкій, озабоченный женитьбою сына, дѣлалъ только видъ (szynił aragentia), что готовится къ татарокозацкому походу на Москву. Все дѣло состояло де въ томъ, какъ заставить Орду, вмѣсто Муравскаго и Свиного Шляху, броситься за Днѣстръ? Этотъ вопросъ разрѣшилъ случай, можетъ быть, самимъ же Хмельницкимъ и устроенный.

На Днѣстрѣ (разсказываетъ Анонимъ) въ то время славились разбоями козаки Левенцы, извѣстные и по долетѣвшимъ до насъ отрывкамъ современной пѣсенности. Левенцы, подобно позднѣйшимъ гайдамакамъ Мотренниско-монастырскаго лѣса, гнѣздились въ байраковатомъ лѣсу Недоборахъ. Добычу свою сбывали они въ Волощинѣ за Днѣстромъ, а что добывали воровствомъ и разбоемъ на волошскомъ берегу Днѣстра, то промѣнивали, продавали и пропивали на польскомъ. Потоцкій отправилъ противъ нихъ нѣсколько хоругвей, подъ начальствомъ Кондрацкаго. Предводитель козаковъ Левенцевъ, Мудренко, попалъ Кондрацкому въ плѣнъ съ 20-ю товарищами. Потоцкій де велѣлъ посадить ихъ на колья. Тогда разогнанная Кондрацкимъ дружина Мудренкова бросилась къ Хмельницкому. Хмельницкій провелъ израненныхъ, окровавленныхъ Левенцевъ по своимъ полкамъ въ присутствіи полка вуреддинъ-султанова. „Вотъ миръ съ Ляхами!“ (воскличалъ онъ, заплакавъ передъ козаками и Татарами). „Ихъ миръ жестокосердѣе войны“. И, сдѣлавъ хорошій подарокъ по-

слу, просилъ его донести нуредину, что съ одной стороны Кисѣль собиралъ въ Кіевѣ войско противъ Турокъ, а съ другой наступаетъ Потоцкій съ намѣреніемъ искоренить козаковъ, если Татары ихъ не оборонятъ.

„Убѣжденный этимъ нурединъ-султанъ“ (пишетъ Анонимъ), „оставивъ предпринятый противъ Москвы походъ, грозилъ гетману Потоцкому и донесъ объ этомъ хану, который тотчасъ отправилъ Мехметъ-Газы-Атталыка, сына кормилицы ханскихъ дѣтей, съ жалобой,—что ханъ, яко посредникъ, долженъ вступиться за эту козацкую кривду, какъ за свою собственную“.

Дѣйствительно ханъ писалъ къ королю изъ Бакчисарая, что послалъ къ нему Махметъ-Газы-Атталыка, и прибавилъ съ азійскою непослѣдовательностью и неясностью: „Еслибъ, однакожь, запорожскіе козаки отъ васъ... находились въ страхѣ, то это было бы нехорошо: ибо миръ между нами заключенъ такимъ способомъ, чтобы никто не смѣлъ мѣшаться въ козацкія дѣла (że od tych czas w kozaków z naszej strony najmniejszej przyczyny nie miał się nikt wdawać), чтобы козаки оставались въ своихъ домахъ безопасными, и ни одинъ панъ или староста вашъ нѣзаконной войны къ ихъ вреду не поднималъ; посему, еслибы что-либо такое вредное обнаружилось, то тѣ клятвенные пакты должны бѣ этимъ нарушиться. Но сверхъ того, и въ вашихъ пактахъ первое и послѣднее условіе таково: кто бы ни учинилъ запорожскимъ козакамъ какую шкodu, тотъ ни другомъ, ни братомъ нашимъ быть не можетъ“... Но тѣмъ не менѣе ханъ поручилъ своему послу изустно что-то такое, чѣмъ Польша могла бы сохранить за собой дружбу хана.

Далѣе рассказываетъ Анонимъ про посольство Хмельницкаго къ Потоцкому. Оно было переназначено молвою противъ того, какъ описалъ его находившійся въ то время у Потоцкаго подольскій судья, Мясковскій; но рассказъ Анонима показываетъ, какъ представлялся Хмельницкій той публикѣ, къ которой принадлежалъ мемуаристъ.

„Посылаетъ Хмельницкій къ гетману Потоцкому козака Кравченка, который, не сдѣлавъ подобающаго гетману поклона, тотчасъ (будто бы) проговорилъ: „Чи ще ты, гетьмане, не напивсь козацької крові, изорвешь Зборівські пакта? На що се безъ потреби стягаешь військо польске надъ линією, козаківъ лякаєшь, а людъ посполитый губишъ? Хочь вінъ вамъ и підданий, та до такогo ярма и мучительства не звыкъ“! Гетманъ замѣтилъ высокомерному и глупому хлопцу, чтобъ онъ въ другой разъ осторожнѣе приближался и говорилъ съ гетманомъ, а потомъ (будто бы) отвѣчалъ: „Стою здѣсь по королев-

скому ординансу, и буду стоять до получения новаго ординанса, или другаго случая, выступить отсюда. Старые козаки знаютъ, что и въ мирное время войско выходитъ въ поле, а съ приближеніемъ зимы расходится по зимнимъ квартирамъ. Стою съ войскомъ надъ линіей, хоть и за линіей земля наша, Рѣчи Посполитой. Пускай только козацкій гетманъ похвалится усердіемъ къ королю пану, если онъ вѣренъ королю. Для чего же вся Украина вооружается на войну, собираются купы людей, армяются полки? Неужели онъ думаетъ, что я не замѣчаю измѣны его и хитрыхъ поступковъ“?

„Хмельницкій“ (продолжаетъ Анонимъ, напоминающій съ одной стороны нашего Самовидца, съ другой—московскаго Кунакова), „Хмельницкій съ умысломъ прислалъ высококрѣпнаго хлопа, чтобы раздражить гетмана; но гетманъ Потоцкій намѣревался покарать послѣ невоздержный языкъ жолнерскою рукою. Проникалъ онъ въ мысли Хмельницкаго: въ случаѣ неудачи въ Волощинѣ, намѣревался Хмельницкій вырвать у него Каменецъ; напавши на него неожиданно въ своемъ бѣшенствѣ“.

Такъ о Хмельницкомъ и Потоцкомъ гласила козако-шляхетская молва, которая изображаетъ замѣшательства въ общественныхъ понятіяхъ о томъ, что дѣлается въ государствѣ, и которую наша исторіографія выдаетъ намъ за точныя свидѣтельства. Мясковскій же писалъ къ своему брату, что 16 октября прибылъ къ Потоцкому ханскій ага въ сопровожденіи Васька изъ Чигирина, хорунжаго Хмельницкаго, да Федора Брагиля, писаря его. Они отправляли посольство публично (publice). Отдавъ письмо отъ хана, ага требовалъ объясненія (exrostulował): о собраніи столь великаго войска, о которомъ у нихъ представляютъ, будто бы оно, по своей огромности, стоитъ тремя лагерями; о наступленіи на козаковъ; о несоблюденіи ни въ чемъ относительно ихъ Зборовскаго постановленія: чему ханъ очень удивляется, и требуетъ хранить братство съ Хмельницкимъ, считая кривду его своею собственною.

„Панъ Краковскій“ (пишетъ Мясковскій) „отвѣчалъ, что въ нашемъ отечествѣ давнишній обычай ежегодно, жолнера, получающаго жалованье, держать въ обозѣ подъ открытымъ небомъ, а не въ домахъ. Но этотъ обозъ не причиняетъ козакамъ никакой кривды. Мы стоимъ въ 20 миляхъ отъ козацкой линіи, и ничего враждебнаго не замышляемъ, хотя козаки поступаютъ съ нами непріятельски: ни слова, ни присяги не держатъ; не выходятъ не только изъ Брацлавскаго, но и изъ Подольскаго воеводства; имѣній нашихъ не пускаютъ; особенно я—слова пана Краковскаго—имѣя за Двѣпромъ 150.000 дохода, не

получилъ еще и гроша, также его милость панъ коронный хорунжіи и многіе другіе. Словомъ, козаки дѣлаютъ, что хотятъ, и слугъ нашихъ, и шляхты, братіи нашей, множество перебили въ это время тирански.

„На это хорунжіи Хмельницкаго дерзко (*arroganter*), не допустивъ переводчика толмачить, возразилъ: Не покажецца вонѣ, милостивый пане гетмане: не наше козацьке діло розбивати мужиківъ: се вѣші опришки справляють. Федоръ поддержалъ его. (Вотъ изъ чего молва сдѣлала невозможную сцену между Потоцкимъ и козакомъ Кравченкомъ).

„Панъ Краковскій“ (продолжаетъ писать братъ къ брату, поучая Малоруссовъ отличать бывшее отъ небывальщины) „представилъ доказательства справедливости своихъ словъ: ибо и его собственныхъ слугъ за Днѣпромъ убили теперь нѣсколько человекъ, и другихъ перебили козаки, убили и пана Воляновскаго, и пана Костына, на котораго коняхъ ѣздигъ Нечай, а прочихъ подарилъ Хмельницкому*). Споръ продолжался съ полчаса, и когда переводчикъ все это пересказалъ ясно агѣ, тотъ сказалъ: Я сумѣю (*będę to umiał*) рассказать объ этомъ хану, и которая сторона виновна передъ другою, и кто не соблюдетъ Зборовскаго постановленія, противъ того будетъ стоять ханъ: такъ и велѣлъ онъ мнѣ сказать.

„При этомъ послы отдали, съ низкимъ поклономъ письмо отъ Хмельницкаго, въ которомъ письмѣ онъ настоятельно проситъ о распущеніи войска, присовокупляя, что онъ принужденъ держать на Синихъ Водахъ Татаръ съ великими издержками, доставляя изъ Украины стаціи, пока не разойдется войско.

„Послѣ того послы были публично на обѣдѣ; ихъ угощали съ почетомъ (*byli na obiedzie publice, traktowani honorifitse*), и послѣ этого посольства уѣхали въ Варшаву“.

По словамъ Мясковскаго, между Потоцкимъ и Хмельницкимъ уже недѣли полторы передъ тѣмъ были дружескія сношенія, а недѣлю тому назадъ Потоцкій отправилъ съ какимъ-то тайнымъ порученіемъ къ хану Бѣчинскаго съ Атталыкомъ. Грозы какъ будто и не было на горизонтѣ, но она чуялась въ воздухѣ, потому-то и носились передѣлываемые каждымъ слухи о Хмельницкомъ. Но никто не предвидѣлъ козакотатарскаго набѣга на Волощину, о которомъ я долженъ

*) Это показываетъ, что Хмельницкій разыгралъ передъ Киселемъ такую же комедію съ Нечаемъ, какую передъ Ляшкомъ съ Кривоносомъ.

былъ прервать повѣствованіе, чтобъ освѣтить истиннымъ свѣтомъ взаимныя отношенія трехъ интригующихъ силъ въ виду четвертой, луцковской.

За немѣнимъ болѣе точныхъ извѣстій о козацкихъ походе- нияхъ въ Волощія, приходится и мнѣ повторить слухи, долетавшіе до анонимнаго мемуариста, который, какъ можно догадываться, былъ адгерентомъ дома Замойскихъ и жительствовавъ въ Замостьѣ.

„Вскорѣ“ (пишетъ онъ) „полковники Носачъ, Пушкаренко и Дорошенко съ 16.000 козаковъ ворвались къ Волохамъ и соединились подъ Соровой съ 20.000 Орды нуреддинъ-султана. Татарская голода, какъ муха на медь, бросилась на грабежъ Волощины. Тамъ люди зажиточные, есть что грабить, а если будутъ обороняться, то собственную кровью заплатятъ.

„Волошскій господарь *Луцку*, не имѣя столько войска, чтобъ отразить внезапный набѣгъ Татаръ и козаковъ, отослалъ жену и дѣтей въ замокъ Нѣмецъ, за рѣку Сереть, и велѣлъ тамъ сдѣлать засѣку въ густомъ лѣсу, въ буковинѣ, а самъ скитался въ неприступныхъ горахъ, ущельяхъ и петрахъ. Поэтому непріатели не воевали, а сплошь грабя, опустошали край огнемъ и мечемъ, господарскую столицу сожгли, какъ сожжена изъ-за Елены Троя, и всю Волощину разорили. Господарь Василій послалъ людей на высокія деревья, велѣлъ смотрѣть, въ которой сторонѣ видать огонь, и соображалъ руины. Было у него нѣсколько приближенныхъ Поляковъ. По совѣту двоихъ изъ нихъ, Кутнарскаго и Доброшевскаго, опытныхъ въ домашнихъ и военныхъ дѣлахъ, рѣшился онъ окупиться, и послалъ переговорить съ непріателемъ.

„Орда уже довольно награбила; козаки опасались Поляковъ, стоявшихъ обозомъ на волошской границѣ; поэтому нуреддинъ-султанъ вступилъ охотно въ переговоры, и получивъ 300.000 битыхъ талеровъ, сверхъ подарковъ старшинѣ, вытунилъ изъ Волощины. Хмельницкому также было полезно разграбленіе Волощины: ибо господарь обѣщалъ ему отдать дочку за его Тимошка, лишь бы только далъ ему послѣ этой руины немного осмотрѣться. Онъ до того былъ прижатъ къ стѣнѣ, что прежде у него присватывались, а теперь самъ онъ сватался ради мира. Отсчитавъ жестокииъ сватамъ такую громадную сумму, оплакивалъ онъ выжженный и разоренный край свой, и поступилъ по давнишнему обычаю Волоховъ, которые заискиваютъ благоволенія у всѣхъ и кланяются сильнѣйшему. Несчастное положеніе ихъ было таково, что сысподу дымъ выѣдаетъ глаза, а сверху на нихъ каплетъ.

„Удавались эти штуки Хмельницкому“ (продолжаетъ это современной молвы, Апонимъ). „Счастливыи десператы, онъ заохачивалъ Турцію къ протекціи надъ собою, Орду отвлекъ отъ Московской войны, Москву, обманутую видомъ предательской пріязни, сдѣлалъ не-пріятелями Поляковъ, волошскаго господара оклеветалъ, и не пропустилъ никакого случая повредить Польшѣ. Великое диво! человекъ низкаго происхожденія однимъ природнымъ умомъ доходилъ до такихъ предательскихъ штукъ и прозорливыхъ мыслей, что не только обвинявалъ глупое посольство, но обманывалъ и великихъ монарховъ и, словно помраченныхъ чернокожними чарами, вооружалъ и соединялъ на Поляковъ. Татары, отъ природы довольно проникательные, повѣрили, что Поляки, будучи не въ силахъ одолѣть козаковъ, хотятъ выгубить обезоруженныхъ подъ предлогомъ Зборовскаго трактата. Россіянинъ, утраченный татарскимъ могуществомъ, принялъ протекцію надъ козаками для обезпеченія своего Московскаго царства; а Турокъ, желая завоевать Украину, предложилъ имъ протекцію, и ослабилъ постоянной войною Поляковъ, надѣялся покорить ихъ своей власти. Такъ-то“ (заключаетъ съ глубокимъ вздохомъ современникъ-мемуаристъ) „одной головы Хмельницкаго съ его столь быстрымъ умомъ было достаточно, чтобы причинить Рѣчи Посполитой такія тяжкія страданія, того Хмельницкаго, о которомъ всѣ знали, что это былъ такой великій пьяница, что никогда не просыпался, и, однако жъ, онъ одинъ былъ авторомъ и исполнителемъ столь страшныхъ руйнъ, бѣдъ и кровопролитія“.

Совсѣмъ иной взглядъ на козацкіе подвиги и единовѣрной Молдавіи усвоили себѣ отъ козаковъ наши предки Малоруссы; а какъ отъ формациі мнѣній зависятъ судьбы человѣческихъ обществъ, то заслуживаютъ вниманія историка и тѣ мнѣнія, которыя поворачиваютъ общественный умъ вспять, вмѣсто того, чтобы устремлять его впередъ. Козацкія воззрѣнія не оставляютъ козацкихъ потомковъ доншиѣ, какъ и шляхетскія—шляхетскихъ. Малорусская историографія до настоящаго момента угощаетъ публику вотъ какими взглядами на героя походовъ, руйны и человѣкоистребленія:

„Вся страна пылала. Ясы, оставленные жителями, были разорены и сожжены козаками и Татарами. Гетманъ чувствовалъ себя въ положеніи торжествовавшаго побѣдителя, могущаго требовать покорности отъ своего противника, такъ недостойно его обманувшаго и такъ грубо оскорбившаго“ *).

*) Киевская Старина, 1887, мартъ, 491.

Въ томъ крайнемъ положеніи, до котораго была доведена страна и собственная семья Лупула, онъ былъ принужденъ откупиться и отъ козаковъ, какъ откупился отъ Татаръ, обручить Роксанду съ Тимош-комъ Хмельниченкомъ и дать въ залогъ четырехъ богатѣйшихъ бояръ; въ томъ числѣ и своего племянника, какъ удостовѣреніе, что тотчасъ послѣ Рождества Христова 1650 года будетъ свадьба. Но при всей низкопоклонности своей въ бѣдственномъ положеніи, при всемъ своемъ корыстолюбіи и свойственномъ корыстолюбцамъ жестокосердіи, Василь Молдавскій не былъ до конца лишенъ человѣческаго достоинства и сопровождающаго достоинство мужества: онъ рѣшился не выдавать свою Роксанду за козака. Если въ этомъ нехотѣннѣи участвовало звѣ-пиваніе борющихся передъ его глазами силъ, то мужество его возвы-пается въ нашихъ глазахъ и дальновиднымъ умомъ, котораго не бы-ло у Козацкаго Батька. Лупуль отправилъ свою дочь и жену къ сво-ему зятю, Радивилу, а въ Стамбулѣ хлопоталъ, чтобъ его освободили отъ насильственнаго родства.

Но съ Хмельницкаго было мало сочетанія сына съ дочерью кня-зя-господара: ему хотѣлось овладѣть и самимъ господарствомъ. До-стигнувъ случайно того, о чемъ и не думалъ въ началѣ бунта, онъ по-терялъ сообразительность, и ему теперь все казалось возможнымъ, какъ человѣку, не имѣвшему въ основѣ своихъ дѣйствій традиціи, на-слѣдственности, присущей всѣмъ явленіямъ постепенности и взаимной ихъ зависимости. Пользуясь вліяніемъ своимъ въ Стамбулѣ, онъ, вмѣ-стѣ съ ханомъ, обвинялъ господара въ измѣнѣ, домогался низверже-нія измѣнника и просилъ господарства для себя. Но на вѣсахъ пра-вившаго Портою серала соперники пройдохи перевѣшивали одинъ другаго. Великій визирь Ахмедъ запретилъ выдавать Роксанду за Хмельниченка и потребовалъ ее въ Стамбулѣ, какъ залогъ вѣрности отца.

Въ этомъ требованіи была та же самая горечь насилія надъ серд-цемъ отца; но для Василя Молдавскаго магометанское насиліе не бы-ло столь тяжкимъ, какъ христіяно-козацкое. Онъ, безъ сомнѣнія, самъ и устроилъ его, — принесъ, такъ сказать, жертву чудовищу Сциллѣ, лишь бы спастись отъ чудовища Харибды. Свобода выбора облегчала сердце тирана, не знавшаго участія къ страданіямъ чужихъ сердецъ, какъ и его достойный соперникъ, Хмѣль.

Козацкій Батько между тѣмъ видѣлъ на своемъ горизонтѣ бурю, и, въ виду этой бури, долженъ былъ отсрочить посягательство на при-дунайскія княжества. Онъ зналъ, что Польша не до конца разстроена. Онъ ждалъ войны, онъ даже самъ вызывалъ войну, но вызывалъ, какъ

злаге духа,—ужасаясь; и только ангелы хранители его, Татары, поддерживали въ немъ отчаянную дерзость. Чтобъ ослабить естественныхъ враговъ козачины, пановъ, и увеличить число панскихъ неприятелей, подговорилъ онъ хана отправить въ Стокгольмъ посольство, которое бы служило прикрытіемъ его собственныхъ сношеній со Шведами,—тѣхъ злоторпыхъ сношеній, которыми были вызваны грозныя для Польши событія 1655—1659 годовъ.

Въ Стокгольмѣ не забыли посягательствъ Сигизмунда III и Владислава IV на шведскую корону. Теперь Хмельницкій открывалъ Шведамъ виды на польскую. Съ другой стороны Турція, желавшая только одного, чтобъ казаки не разбойничали на Черномъ морѣ, — была теперь къ его услугамъ. Хмельницкій получилъ отъ султана титулъ не только Украинскаго или Запорожскаго князя, но и Стража Оттоманской Порты. По его просьбѣ хану было приказано идти къ нему на помощь со всей Ордой, а силистрійскому башѣ—стагивать войска и вмѣстѣ съ обоими господалями присоединиться къ Запорожскому Войску. Не сомнѣвался теперь Хмельницкій въ окончательномъ покореніи Польши подъ нозѣ ея враговъ и супостатовъ. Злой духъ войны облекся передъ нимъ въ образъ благовѣстника. Онъ дѣлалъ щедрыя обѣщанія своимъ соратникамъ, а въ Крымъ писалъ игриво: „Приходите выбирать медь изъ Польши. Закуривши подъ носъ Ляхамъ, мы выгонимъ ихъ прочь, какъ пчелъ“.

Седмиградскій князь, Ракочій, условился съ нимъ — въ данный моментъ сдѣлать диверсію и ударить на Польшу съ тыла, а чтобы выгубить шляхту до ноги, завзятый Хмѣль разослалъ двѣ тысячи агентовъ по всему краю для взбунтованія не только православной, но и католической черни. „Польская шляхта“ (писалъ онъ къ Ракочію), „идучи за королемъ, оставляетъ безъ обороны свои города и села. Я подговорилъ мужиковъ, чтобы вооружились и ударили неожиданно съ тылу на занятыхъ войной со мною. Наступи одновременно Турецкимъ, Седмиградскимъ и Венгерскимъ Шляхами, возьми старый городъ Вавеля (Краковъ), и обрящешь въ немъ богатую добычу“.

Одинъ московскій царь, наперекоръ молвѣ, не вмѣшивался въ толпу сообщниковъ Хмельницкаго, зная, что „вотчина“ Іоанна III придетъ къ нему, какъ выражались въ Москвѣ, судомъ Божиимъ. Поляки подозрѣвали, что онъ подсылалъ Хмельницкому тайкомъ оружіе и пушки; но это были слухи одного происхожденія съ тѣми, какіе черезъ 117 лѣтъ были распущены Поляками и гайдамаками о подсылѣ въ Екатерину великою ножей для Уманской Рѣзни.

Николай Потоцкій стоялъ подъ Каменцемъ въ видахъ прикрытія родной Подоліи отъ козачины и защиты землевладѣльцевъ отъ оказанной черни. Отсюда слѣдилъ онъ за козацкими сношеніями съ Турціей, дунайскими княжествами, Венгріей и сообщалъ о нихъ королевскому правительству.

Волошскій господарь горько жаловался ему на козаковъ, которыми онъ, по его словамъ, давалъ убѣжище въ своемъ княжествѣ во время польскихъ замѣшательствъ и со всѣми обходился челоуѣколюбиво (*et omni tractabat humanitate*), а они де такъ жестоко его давили! Бѣдствія Польши обрушились и на него (писалъ онъ): ибо Хмельницкій выговаривалъ ему: зачѣмъ старался онъ въ Крыму объ освобожденіи гетмановъ? для чего ихъ на возвратномъ пути изъ плѣна такъ радушно принималъ? зачѣмъ даетъ королю деньги на войско? зачѣмъ дружится съ Ляхами и упѣдомляетъ ихъ обо всемъ, что дѣлается у Порты? Причиной постигшихъ его, Лупула, бѣдствій, по его мнѣнію, были также мультянскій господарь Бессарабъ и седмиградскій князь, Ракочій, заключившіе съ Хмельницкимъ враждебный союзъ противъ Польши. А теперь (писалъ онъ) и его самого Хмельницкій довелъ до того, что долженъ былъ присягнуть ему въ томъ же, сверхъ того далъ письменное обязательство и обѣщалъ послать войско въ помощь противъ короля. Сдѣлалъ де онъ это по-неволѣ (*non tam libenter, quam reverenter*): ибо у него надъ шеей висѣлъ неотвратимый (*nie uchronny*) мечъ; а этотъ измѣнникъ непремѣнно хотѣлъ добыть его, Лупула, гдѣ бы то ни было (*in omni loco*) и добытаго умертвить. Въ такомъ де положеніи дѣлъ своихъ прибѣгалъ онъ подъ покровительство короля, обѣщая ему всяческую преданность, на сколько это возможно при необходимости исполнить обязательства, данныя Хмельницкому. Онъ готовъ нарушить вынужденную у него присягу, лишь бы не принадлежать къ обществу этого измѣнника и укрыться подъ милостивыми крыльями королевскаго орла.

Такъ передавалъ его жалобы и мольбы Потоцкій въ письмѣ къ королю отъ 22 октября 1650 года, и ходатайствовалъ, по его просьбѣ, о дарованіи ему польскаго индигената, дабы приобрѣсть въ немъ союзника. Что же касается обѣщанной сыну Хмельницкаго дочери, то Лупуль, по словамъ Потоцкаго, желалъ бы ловко уклониться (*kształtnie wysliznać*) и отъ этого. Потоцкій просилъ короля написать къ Хмельницкому, чтобъ онъ оставилъ свое сватовство къ подданной Турецкаго цесаря, дабы не заподозрить своей вѣрности Рѣчи Посполитой. „Если же таковой способъ не подѣйствуетъ“ (писалъ Потоцкій), „то, по моему мнѣнію, надобно этотъ союзъ расторгнуть мечемъ, въ из-

бѣжаніе великой опасности, которая бы вытекла изъ успѣховъ Хмельницкаго въ его замыслахъ“, и здѣсь высказалъ онъ мысль, зародившуюся въ воеводчинѣ еще при Косинскомъ. Въ теченіе полустолѣтія эта мысль развилась до того, что теперь казалась исполнимою многимъ. „Намѣренія этого предателя“ (писалъ Потоцкій) „вотъ какія войска вашей королевской милости осадить; Ракочія съ мультанскимъ господаремъ выпустить къ Кракову; шляхту искоренить (*nobilitatem extinguere*); у вашей королевской милости престолъ отнять, и посадить на него кого-нибудь другаго, едвали не самаго Ракочія“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Потоцкій доносилъ, что Хмельницкій на тѣ воеводства, которыя онъ удерживаетъ за собой противъ Зборовскаго договора, получилъ султанское знамя и обѣщалъ платить съ нихъ ггарачъ. „Намъ готовится страшное и неожиданное бѣдствіе“ (прибавлялъ онъ). „Я знаю, что теперь онъ будетъ ласкаться, но это для того, чтобы миновало всудобное для него зимнее время, и чтобы привести въ исполненіе то, что вознамѣрился и условился съ сосѣдями сдѣлать весною. Теперь намъ остается одно: или поразить козаковъ, или перенести войну за границы государства, поуспокоясь дома.“

„Обозъ“ (писалъ Потоцкій) „распуцу черезъ три дня. Сидѣлъ бы въ немъ и дольше, хотя не знаю для чего, когда бы войско не было въ такой страшной нуждѣ (*gdaby nie to, ze srodze wojsko potrzebne*)“. А войско Потоцкаго, готоваго и поразить козаковъ, и перенести войну за предѣлы государства, не только терпѣло нужду, причиняемую, какъ всегда, скарбовою неурядицей, но, подъ гнетомъ нужды, и бунтовало. Мясковскій писалъ о немъ къ брату такъ: „Того, что я засталъ въ лагерѣ новаго, неслыханнаго и подающаго дурной примѣръ (*novum inauditum et pessimi exempli*), не могу забыть. Чужеземцы, или лучше нашицы, одѣтые почужеземски, почти выламыгались уже изъ гетманской юрисдикціи, и не допустили судить себя войсковымъ судьямъ по старинному войсковому закону. Послѣ сигнала, дѣлали многолюдныя сборища, поднимали шумъ и крикъ противъ польскаго войска. Ударили было уже въ бубны и накопецъ—разграбили базарь“.

Въ обществѣ рассказывали, что когда передъ роспускомъ войска гетманъ дѣлалъ смотръ, у одного жолнера вспыхнулъ безъ выстрѣла порохъ на полкѣ, и онъ сказалъ: „Это—за недоплаченное жалованье“, а потомъ выстрѣлилъ изъ другаго пистолета и сказалъ: „А это — за уплаченное“. Всѣ захохотали, и самъ гетманъ сознался, что голодный и недоплаченный жолнеръ не исполняетъ команды.

Изъ этого лагеря кто-то писалъ къ кому-то отъ 23 октября: „Хмѣль замеръ съ войскомъ своимъ (*cicho zapadl z gadzina*). Какъ

бы не ожилъ снова, и наидальше—весною. Съ нами фальшивыя, обманчивыя церемоніи. Тѣхъ, которые бѣгали (у него) изъ Волощины, обезглавливаютъ и разстригаютъ, а другихъ посвящаютъ“.

Далѣ въ безыменномъ письмѣ слѣдуетъ не менѣе характеристическая черта по отношенію къ татарской помощи: „Быль въ великомъ страхѣ, потому что пришелъ въ Украинну только съ 30.000. Татары всѣ разошлись. Вотъ когда можно было его наугать или совсѣмъ уничтожить. Но онъ двинулся хитро (*usus stratagemate ruszyl*): прислалъ къ пану Краковскому грозное посольство, готовясь наступить на обозъ, а между тѣмъ поскорѣе убрался на Украинну, и этакъ ускользнулъ отъ насъ“.

Въ заключеніе, безыменный корреспондентъ сѣтуетъ на королевское запрещеніе вмѣшиваться въ волшскія дѣла—слѣдующими словами: „Правда, его милость панъ Краковскій зналъ объ этомъ, но трудно было что-нибудь дѣлать со связанными руками (*związane ręce mając*)“.

Кисиль доносилъ королю изъ Кіева отъ 26 октября, что пзъ Волощины только часть Орды пошла въ Крымъ, а другая за Чигириномъ въ Дикихъ Поляхъ осѣла на кочевницахъ... „Здѣсь всѣ говорятъ“ (писалъ онъ), „что если не будутъ успокоены въ религіозныхъ притязаніяхъ и не будутъ обезпечены заложниками, или присягою, то миръ не можетъ быть проченъ“.

Это значить, что Хмельницкій, дѣйствуя на Турецкаго султана потурецки, дѣйствовалъ на Московскаго царя помосковски, чтобы приготовить себѣ правовѣрное, или же православное убѣжище, смотря по обстоятельствамъ. То, что во времена оны кіевское духовенство едва смѣло шептать козакамъ на ухо, теперь оно проповѣдывало съ кровель. И почему же нѣтъ? скажутъ объ этомъ его потомки. Независимо отъ козаковъ, которые держали въ рукахъ нѣсколько воеводствъ и давали ему опору вещественную, на эту проповѣдь уполномочивали его нравственно такіе *душохваты*, какими были Пизонъ, Поссевинъ, Сварга, Кунцевичъ, Рутскій и пр. и пр. со всѣмъ нечислимымъ іезуитскимъ сонмомъ. Созданіе этого сонма, уніаты, захватили и подчинили папѣ церкви, въ которыхъ были погребены предки людей православныхъ,—не только такихъ, какіе вносили теперь это напоминаніе въ грознопросительное письмо Хмельницкаго къ королю, но и такихъ, какими были Іоаннъ Вишенскій, Іовъ Борецкій, Исайя Копинскій и многіе другіе „преподобные мужи Россы, житіемъ и богословіемъ цвѣтущіе“. Если позволительно было католическимъ прелатамъ вторгаться въ вергоградъ христіанства, насажденный учениками

Кирилла и Мсѳодія, то колыми паче было позволительно потомкамъ этихъ учениковъ удалять папистовъ изъ захваченныхъ такъ или иначе церквей. отнимать у нихъ духовные хлѣбы и даже уничтожать католическія насажденія, дабы они, въ римскомъ злочестіи своемъ, не высасывали жизненныхъ соковъ изъ почвы древняго русскаго благочестія. Ею же мѣрою мѣрили апостолы папства, возмѣрилось и имъ, да еще отмѣренная въ воздаяніе мѣра была, по писанію, „мѣрою доброю, на тоштанною“. Древнѣйшія русскія воспоминанія и самое Повисліе съ его Браковами и Судомирами включало въ область восточнаго проповѣданія христіанской вѣры. Но мы не вторгались въ захваченный у насъ вертоградъ съ насажденіями своего благочестія. Девизомъ нашей проповѣди было: „имѣяй уши слышати да слышитъ“... А деспотическое папство вторгнулось въ православную папству насильственно, и мирнымъ проповѣдникамъ нашимъ не стало отъ него житья. Оно исчезало и являлось подъ новыми видами безконечно, не оставляя въ цѣлости ни древней славы нашей, ни пользованія нашимъ церковнымъ достояніемъ. Беззаконіе, облеченное въ законность, рождало новыя беззаконія, а злочестіе, прикрытое вольностью и равенствомъ, сдѣлалось источникомъ нашей скорби и сѣтованія на гробахъ благочестивыхъ предковъ. Наконецъ, въ Королевской Землѣ не стало добра не только худшимъ, но и лучшимъ изъ насъ. Тогда въ силу закона жизни и свободы, въ сущности нераздѣлимыхъ, Королевская Земля сдѣлалась Царскою; вольная и бѣдствующая Польша уступила мѣсто рабствующей и благоденствующей Россіи. Окозаченные Ляхи Косинскіе, отатаренные шляхтичи Хмельницкіе были въ историческихъ польскорусскихъ судьбахъ только стихійными карами, ниспосланными регулирующею силою жизни на обладателей польскаго Содома, Кракова, и польской Гоморры, Варшавы, — на добровольныхъ рабовъ римскаго папы, приукрашенныхъ титлами великихъ монарховъ и великихъ пановъ.

Во чтѣ бы ни игралъ Козацкій Батько, грозя Москвѣ, прислуживаясь Турціи, живя, повидимому, душа въ душу съ Татарами, но союзъ хана съ королемъ на пагубу Москвы не состоялся. Хмельницкій превзошелъ пановъ искусствомъ загребать жаръ чужими руками. Онъ платилъ союзникамъ не своимъ, а сосѣдскимъ добромъ. У него за все и про все отвѣчалъ неистощимый богачъ Лупуль, котораго онъ, словно ловкій паукъ рѣзвую муху, запуталъ въ свою паутину. Но хану было не по душѣ слишкомъ уже ловкое запутываніе такой крупной мухи, которая рвала до сихъ поръ всевозможныя паутины. Козаки сдѣлались теперь сильны Татарами, и именно тѣмъ, что турецкій султанъ смогъ на Козацкую Украину, какъ на широкій

шагъ правовѣрныхъ изъ-за Дуная въ области проклятыхъ Пророкомъ гяуровъ. Отъ него пришло строгое повелѣніе помогать Хмельницкому, яко Стражу Оттоманской Имперіи. Дружба злаго къ злему перешла въ боязнь, и боязнь родила взаимную ненависть.

Согласно увѣренію силистрійскаго баши, Мегметъ-Дервиша, Потоцкій думалъ, что Туркамъ былъ не по вкусу союзъ Татаръ съ козаками; но турецкій вкусъ мѣнялся съ переменой султанскихъ временщиковъ. Теперь отъ Босфора вѣтеръ дулъ въ паруса Хмельницкаго не хуже того, какъ въ былое время съ Низу Днѣпра. Хмельницкій торжествовалъ, точно Громобой передъ разчетомъ съ дьяволомъ. Онъ былъ теперь, въ полномъ смыслѣ слова,

И сильныхъ бичъ и слабыхъ страхъ,
И хищникъ, и грабитель.

Откуда бы ни произошла сила, она производитъ явленія соотвѣтственныя. Поклонники истины поклоняются ей духомъ и истинною до конца, а поклонники лжи и насилія рабствуютъ передъ всякимъ успѣхомъ, готовые покинуть своего божка при первой неудачѣ. Хмелю Хмельницкому, этому „сору Рѣчи Посполитой“, стали кланяться не одни восточные попрошайки да кіевскіе нопы и монахи, но и гордые паны, о которыхъ послѣ Корсунскаго погрома пѣла „Муза яростной сатиры“:

Czyli w tém jakie przedwieczne wyroki,
Czy grzech nasz sprawił i zbytek głęboki,
Kiedy bujając myślą nieba blizką,
Ledwie patrzymy na ziemię już niżką *).

Хмелю Хмельницкому кланялся въ злобѣ своей, и обветшалый, полуразрушенный „глубокимъ развратомъ“ герой Кумеекъ, Боровицы, Старца Днѣпра. Николай Потоцкій послалъ ему въ подарокъ *оправную* саблю съ увѣреніемъ, что королевское войско чуждается всякой враждебности. Потомъ опять писалъ къ нему пріятельскій листъ (*list przyjaźny*), полный выражений расположенности (*dobrego affektu pełen*), какъ объ этомъ увѣдомлялъ брата подольскій судья, Масковскій. Кисѣль объясняетъ намъ, почему такъ дѣлалось, въ письмѣ къ королю отъ 26 октября: „Мила намъ отчизна и ея спокойствіе, мила

*) Совершился ли въ этомъ какой-то предвѣчный судъ, или сдѣлалъ это нашъ грѣхъ и глубокой развратъ, когда мы, летая мыслью подъ небесами, едва смотрѣли на землю, уже низкую.

намъ староства въ Украинѣ“. И поэтому онъ совѣтовалъ, —хоть бы секретно (*chochy też tacite*) склонить Хмельницкаго какимъ-нибудь почетнымъ (*zasłnut*) подаркомъ къ возвращенію панамъ козацкихъ захватовъ. „Ибо власть его такова“ (писалъ почтенный миротворецъ), „что козаки должны все сдѣлать, что онъ велитъ“. Изобрѣтательный Свѣнтольдовичъ предлагалъ сдѣлать съ этой цѣлью починъ складчины въ Кіевскомъ воеводствѣ, „лишь бы не явно (*hyle było tacitum*). Инымъ способомъ“ (твердилъ онъ готовому на всякую низость Яву Казимиру) „невозможно намъ нынѣ свергнуть иго (*excutere jugum*) Орды въ соединеніи съ козаками и всею чернью, а если присоединится къ нимъ Турокъ, то невозможно и никогда“.

Политика, оправдываемая горестною необходимостью, велѣла подъ Зборовымъ панамъ, а съ ними и самому Хмельницкому, отдать въ жертву татарскому огню и мечу десятки малорусскихъ городовъ и сель. Политика, внушаемая отсутствіемъ патріотизма, нагибала теперь имъ гордую выю передъ тѣмъ, кого безымянный сатирикъ называлъ „презрѣннымъ соромъ“. Ихъ воспитали многія поколѣнія въ убѣжденіи, что наследственная знатность не существуетъ безъ богатства, а безъ знатности и богатства не существуетъ и не долженъ существовать архичеловѣкъ, то-есть панъ и шляхтичъ. Самая церковь, основанная просвѣтителями и руководителями ихъ на развалинахъ церкви благочестивой, стояла, по своему римскому происхожденію, на принципѣ, противоположномъ ученію Христа: „царство мое не отъ міра сего“, и въ этомъ смыслѣ правы были наши ревнители „древняго русскаго благочестія“, называя свою вѣру не восточною, греческою, русскою, православною, благочестивою, а просто *върою христіанскою*, въ отличіе отъ римской, латинской, католической, папской, польской. Перечитывая автентическія свидѣтельства о быломъ, мы находимъ и такіе факты панскаго поклоненія Хмельницкому, что еслибы не знали, какъ созданъ новый, такъ называемый христіанскій Римъ, и какъ онъ созидалъ по образу своему и по подобію Польшу, то не вѣрили бы собственнымъ глазамъ. Дворянинъ короннаго полеваго гетмана, Мартина Калишонскаго, доносилъ своему пану изъ Чигирина отъ 26 ноября 1650 года нижеслѣдующее:

„По повелѣнію вашности пана, приѣхавъ къ пану гетману запорожскому, засталъ я его въ Чигиринѣ. Нашелъ я у него много словъ: отъ его королевской милости—пана Воронича, а отъ пана Крахѣвскаго - пана Загоровскаго. Этотъ прибылъ съ подарками. Былъ и московскій посолъ съ просьбой о мирѣ. Взявъ отъ него подарокъ, (Хмельницкій) отправилъ его не весьма любезно (именно съ тѣмъ) что

если (козаки) заключать удовлетворительный миръ съ Рѣчью Посполитою, то зимой обѣщаетъ быть къ нимъ (Москалямъ *). Волошскій митрополитъ былъ у него, прося назначить время свадьбы сына его, Тимкѣ. Назначилъ (ему) время или на русскія святки, или послѣ Трехъ Королей русскихъ. Отправилъ его весьма дружески, и послалъ ему что-то тайкомъ (i coś tu skrycie posłał **). Отъ князя Дмитрія (Вишневецкаго), также и отъ пана *русскаго воеводы* (Іереміи Вишневецкаго) были послы съ подарками и съ просьбой—усмирить хлопское своевольство и привести (мужиковъ) къ повиновенію. Все это для нихъ сдѣлавши, благосклонно ихъ отправилъ“.

Интересно это письмо и до конца:

„Я только на третій день могъ доложить ему порученіе вашмось пана. Сперва принялъ онъ меня не очень любезно, за то что пріѣхалъ къ нему съ пустыми руками (z pizsémt), и обняками намекалъ, что у меня де множество пословъ польскихъ королей (polskich królów) и чужеземныхъ монарховъ пріѣзжало, но ни одинъ съ голыми руками не пріѣхалъ. Я оправдывалъ вашмось пана, что вашмось находитесь въ дорогѣ. А вже жъ! сказалъ онъ мнѣ. Каліновскій теперъ худій пахѣлокъ, да трѣба ёго запомогти. Къ этому пришилъ онъ короля его милость. Король допевняецця въ мене правосуддя, а самъ ёго не чинить. Нехай же знае корѣль ёго милость и Річь Посполитая: коли мені ёго милость корѣль на сѣмѣ сѣймі Чаплинського не выдасть, до я буду ёго шукати въ Варшаві и Гданському, и вже не я ёго, а вінъ мій. Потомъ, обращаясь ко мнѣ, сказалъ: Скажи жъ відъ мене пану Кялиновському и князеві (Любомирскому): коли хочуть миру, дакъ нехай мені ёго выдають: бо якъ теперъ васъ зачнѣ до й скінчѣ. Въ мене Татаре, Волѣхи, Мултяне, Венгры: якъ васъ теперъ почнѣ, до вже вічна памѣть... Благоволите же ваша милость судить, жаеаетъ ли этотъ человекъ мира? Дѣло вѣрное, что весной наступитъ всею силою, не дожидаясь военнаго времени. Онъ и такъ ужъ говорить: коли справді воювати“.

Хмельницкій постоянно находился въ противорѣчій съ самимъ собою: то дѣйствовалъ онъ по внушенію своего мстительнаго и ревниваго сердца, то внималъ голосу практическаго ума, для обезпеченія себя и своего семейства среди домашнихъ завистниковъ, среди разогорченныхъ имъ пановъ, среди стороннихъ соискателей господства въ

*) Въ архивахъ не отыскано слѣдовъ отъ посольства. Оно, по всей вѣроятности, было сочинено Хмельницкимъ для пановъ, какъ и переяславское 1649 г.

**) Эти неясныя слова переводятъ такъ: „и далъ ему тайное порученіе“.

Малороссіи. Готовясь преслѣдовать Чаплинскаго до отдаленнѣйшихъ предѣловъ Польши, онъ въ то же самое время угождалъ великимъ панамъ, даже Потоцкому и Вишневецкому, а взволнованнымъ имъ паліямъ, коліямъ, рѣзунамъ и всякимъ инымъ истребителямъ панскаго вѣдла вѣщаль своими универсалами точно сердитый Нептунъ бурными вѣтрами: „Я васъ!“

Такой универсалъ (отъ 3 русскаго октября) былъ имъ разосланъ изъ Ямполя. Въ немъ объявлялъ онъ, „какъ старшинѣ, такъ и черни, товариществу Войска его королевской милости Запорожскаго, яко межъ мещанамъ и селянамъ, подданнымъ усимъ въ воеводствѣ Киевскимъ найдуочимся“, что въ нынѣшнее время, когда пѣшее войско козацкое выступало въ Волошскую Землю, нѣкоторые изъ принадлежавшихъ къ „подданству“, не будучи панамъ своимъ послушными и доброжелательными, напротивъ будучи ихъ непріятелями, „много шпакты, пановъ своихъ, потопили, поубивали“, и теперь, не оставляя своего замысла, посягаютъ на жизнь пановъ и не хотятъ быть послушными, а затѣваютъ бунты и своеволіе. Посему, еслибы явились еще такіе своевольники, которые бы покушались на жизнь господъ своихъ и не хотѣли имъ повиноваться, то чтобы такихъ своевольниковъ сами паны, вмѣстѣ съ козацкими полковниками, бѣлоцерковскимъ или зѣвскимъ, строго и даже смертью карали. Тѣ же (писалъ Хмельницкій), которые кровь христіанскую невинную пролили и миръ нарушили, не избѣгнуть „горлового каранья, якожь и тутъ за тое не одного на горло скарали есмо“.

Съ своей стороны ханъ колебался между Хмельницкимъ и Яномъ Казимиромъ, между козаками и панами. Сперва онъ ластился къ янамъ, сулилъ имъ завоеваніе Московскаго Царства, утѣрлялъ, что козаки—ихъ покорные слуги; теперь вошелъ въ свою роль посредника между ними, и заговорилъ съ королемъ угрожающимъ тономъ судьи.

Угрозы хана и самого Хмельницкаго привели польскорусскихъ пановъ къ необходимости созвать и въ 1650 году чрезвычайный двухнедѣльный сеймъ. Окружавшіе короля сенаторы и другіе сановники шумѣли о козацкой дерзости, о пренебреженіи Хмельницкаго къ королю и Рѣчи Посполитой, о претерпѣваемыхъ шляхтою въ Украинѣ обидахъ и убійствахъ, о стремленіи козацкаго гетмана расторгнуть съ Польшею послѣднюю связь и создать отдѣльное гетманство подъ протекціей султана. Были между ними такіе, что, помня опасности послѣдней войны, домогались всячески мира и доказывали, что силы Рѣчи Посполитой слабы, тогда какъ ея бунтовщики сдѣлались могущественны турецкою протекціей; но большая часть представителей

Шляхетскаго Народа, какъ въ столицѣ, такъ и въ провинціяхъ, взвѣсившая прошедшее и будущее, пришла къ убѣжденію, что—или Рѣчь Посполитая должна погибнуть, или козаки... Не приходило панамъ тогда въ голову, что должны были неизбежно исчезнуть *объ* соперничающія республики: панская потому, что и безъ козаковъ сама собою губила свою общественность и государственность, а козацкая—потому, что не имѣла ни общественности, ни государственности.

И вотъ появился королевскій универсалъ, созывающій повѣтвые сеймики на 7 день ноября, а генеральные на 22-й, съ тѣмъ чтобы Шляхетскій Народъ готовился къ центральному сейму на 5 день декабря. На этомъ чрезвычайномъ сеймѣ предполагалось трактовать лишь о двухъ предметахъ: о защитѣ Рѣчи Посполитой и объ уплатѣ жолда жолнерамъ.

Въ инструкціи королевскаго правительства, разосланной на сеймики, говорится,—что никогда еще Польша не претерпѣвала болѣе постыдныхъ поражений, какъ въ послѣднее время (po wielkich a przeszlych wiekow nigdy sromotniejszych klęskach), но что король, разогнавъ подъ Зборовымъ всѣ бури и скопища (wszystkie burze i nawałności), освѣтилъ шляхту свѣтомъ любезнаго и желаннаго мира (miłego i požądanego pokoju światłem nas rozświecił). „Тѣмъ не менѣе“ (продолжаетъ инструкція) „обстоятельства велятъ озаботиться упроченіемъ этого мира на будущія времена, чтобы не было больше повода къ новому бунту и внутреннему несогласію“...

Но прежде всего надобно было устроить самый источникъ постыдныхъ поражений, какихъ никогда еще не претерпѣвалъ Шляхетскій Народъ. Объ этомъ въ инструкціи сказано премудро: „Какъ въ челоувѣческомъ тѣлѣ скрытыя болѣзни бываютъ самыми опасными и трудными для излѣченія, такъ и въ тѣлѣ Республики внутреннія зла несравненно опаснѣе внѣшнихъ. Въ этомъ столько разъ уже удостовѣрилось наше отечество, когда отъ неуплаты жолнерамъ жолду появлялись вредоносные заговоры, и военное своевольство причиняло Рѣчи Посполитой больше вреда, нежели самый могущественный непріятель. А теперь особенно кто изъ насъ не испыталъ этого бѣдствія? Теперь отъ нихъ пострадали не только духовныя и государственныя имущества, но и шляхетскія. Вопли убогихъ людей и стоны бѣдныхъ навѣрное прошибли небеса и, должно быть, они-то привели за собой и божеское мщеніе. Отъ незаплаченнаго жолнера едва ли не въ болѣшей опасности была Рѣчь Посполитая, нежели отъ самого непріяте-
ля. Только счастье короля его милости и труды пановъ комиссаровъ (по регулиціи скарба и удовлетворенію войска) все это успокоили“.

Сознаваясь въ государственной несостоятельности своей, правительство ставило вольному Шляхетскому Народу на видъ, что ему предстоитъ борьба не съ далеко находящимся непріателемъ, а съ такимъ, который пребываетъ въ границахъ государства и можетъ наступить недѣли черезъ двѣ. Оно умоляло своихъ гражданъ не дѣлать больше такъ, какъ на прошломъ сеймѣ, что нѣкоторые воеводства не согласились на налоги, а другія, согласясь, не представили ихъ“.

Въ это время Потоцкій сообщилъ королю свой взглядъ на политику Хмельницкаго, и король разослалъ дополненіе инструкціи, въ которомъ вопіялъ къ шляхтѣ:

„Пришли къ намъ обстоятельныя и несомнѣныя извѣстія о непрестанныхъ козняхъ завятаго и заклятаго врага Рѣчи Посполитой. Извѣщаемъ о нихъ всѣхъ писаніемъ нашимъ. Заключенная Хмельницкимъ дружба съ Татарами такъ нерасторжима, что не только совѣщаются между собой весьма интимно и съ великою тайною, но и мавовенія другъ друга взаимно исполняютъ. Рѣчь Посполитая уже претерпѣла отъ этого много непоправимаго вреда (*irragabili damno*); но вотъ новое доказательство (ихъ козней). Распустивъ слухъ, будто хочеть идти на Москву, Хмельницкій, подъ предлогомъ непрочнаго мира, бросился на доброжелательнаго Рѣчи Посполитой волошкаго господаря, съ намѣреніемъ свергнуть его съ престола, а потомъ, подавивъ и другихъ сосѣдей своею силою и окруживъ насъ со всѣхъ сторонъ, довести Рѣчь Посполитую до послѣдней пагубы (*in ultimū extremū*). Легко привелъ бы онъ въ исполненіе свои злостныя замыслы, когда бы Татары, взявши добрый окупъ отъ волошкаго господаря и нахватавъ множество ясыру (*optima praeda obłowiwszy się*), не вернулись въ свои жилища. Вслѣдъ за этимъ скопленіемъ козакаго войска, и взбунтованная имъ чернь начала неистовствовать (*fugere coerit*), и нѣсколько десятковъ шляхетскихъ домовъ, которые, обезпечась миромъ, возвратились въ свои жилища, истребила съ женщинами и дѣтьми. Не высидѣла бы въ обозѣ горсть нашего войска, на которос онъ покушался (*na ktore się on kaszał*), и навѣрное не выдержала бы такой силы, когда бы Татары, съ такимъ изобильнымъ (*obfitum*) полономъ, не повредили его замысламъ“.

Этими словами инструкція снимала съ короля отвѣтственность за повелѣніе „не обгонять чужаго проса“.

„Но предательскій во всѣхъ поступкахъ непріатель, не довольствуясь одной этой нерасторжимой лигой, ищетъ все новыхъ и новыхъ способовъ къ увеличенію силы своей (*ad augendam potentiam suam*) на угнетеніе Республики. Огдался подъ протекцію Турецкаго

цесаря, и самъ хвалился этимъ (*cum suo applausu*), принявъ турецкихъ пословъ при нашихъ послахъ, а тамъ держитъ своихъ резидентовъ для взаимныхъ сношеній (*ad communicata consilia*). Но еще и въ томъ не меньшее доказательство его предательскихъ замысловъ, что, по выходѣ Татаръ изъ Волощины, самъ опять напалъ на волошскаго господаря, и оружіемъ принудилъ обѣщать свою дочь за его сына. Если это придетъ въ исполненіе, то каждый легко можетъ судить, какія опасности угрожаютъ Рѣчи Посполитой. Прибавимъ еще то, что недавно татарскій ханъ послалъ въ Швецію своихъ пословъ, которые проѣхали чрезъ наше государство, а съ чѣмъ ѣхали, не хотѣли сказать; но не можемъ иначе думать, какъ такъ, что—для возбужденія Шведовъ противъ Рѣчи Посполитой по внушенію Хмельницкаго, дабы тѣмъ удобнѣе напасть на развлеченную такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ отъ разныхъ непріятелей Республику, и потомъ придавить. Изъ всего этого слѣдуетъ, что къ веснѣ надобно ждать неизбѣжной козацкой войны“.

Изобразивъ грозное положеніе дѣлъ, дополнительная инструкция отклоняла посполитое рушеніе по вытекающимъ изъ него неудобствамъ (*incommoditates z niego sami to uwazyć możecie*), и предпочитала составить регулярное войско въ количествѣ, достаточномъ для отраженія непріятеля.

Глава XXV.

Польша перестаетъ быть государствомъ свѣтскимъ.—Партизанская война въ началѣ весны 1651 года.— Неудачныя покушенія козаковъ на Подольскій Каменецъ

Между тѣмъ какъ Польша была поставлена правительственнымъ сообщеніемъ въ извѣстность о грозѣ, облежавшей ея горивонть со всѣхъ сторонъ, Николай Потоцкій донесъ королю изъ Каменца, что Хмельницкій въ Подольскомъ воеводствѣ, за козацкой линіей, записалъ не малое число селянъ въ козаки, по мнѣнію Потоцкаго, для того, чтобы возбудить приверженность къ себѣ въ черни (*conspiciendae plebis gratia*) въ видахъ предстоящаго нашествія на пановъ.

Войско было сведено съ поля 29 октября, но его такъ трудно было размѣстить по зимнимъ квартирамъ, что Потоцкій, по его слѣвамъ, предпочелъ бы дать нѣсколько битвъ. Край былъ разоренъ; вездѣ голодъ и дороговизна, а жолнерамъ нечѣмъ было уплатить жолду. Часть войска расположилъ Потоцкій вдали отъ козацкой линіи, въ близкихъ къ украиннымъ воеводствахъ, а верхнія воеводства отступились отъ поста платоку.

Но въ это самое время кто-то писалъ къ кому-то изъ Бара о козацкихъ замыслахъ, то есть о ходячихъ въ народѣ толкахъ, страхахъ и ужасахъ. Была де у Хмельницкаго рада, на которой козаки совѣщались: не оторваться ли имъ совѣмъ отъ Польши? и что дѣлать, если панское войско не уйдетъ въ Польшу? Было де рѣшено выдержать и вытерпѣть всю зиму, а весной выступить вмѣстѣ съ Татарами и Ляхами *потужно* въ Московщину и, доведя Ляховъ до московской границы, взять ихъ между себя (*wziąć między się*), да и вырѣзать до ноги, такъ чтобы не ушелъ ниодинъ Ляхъ (*aby i jednego Lacha nogi nie upuścić*), а потомъ запустить глубоко въ Польшу Татаръ. „Когда же послѣ Татаръ“ (говорили козаки) „добьемъ Ляховъ (*wybiwszy te Lachy po Tatarach*), тогда уже наша земля *счиститися*, и мы будемъ пановать въ мирѣ“.—„Но Господь Богъ“ (утѣшалъ себя

писавшій), „можетъ быть, скорѣе счистить ихъ моровымъ повѣтріемъ: уже они тамъ страшно валятся, и лежатъ, какъ дрова, на Подиѣстриі около Шаргорода и далѣе къ Брацлаву. Но мужики наши твердятъ, что у нихъ что-то злое на умѣ: ибо наказано имъ—черезъ двѣ недѣли имѣть въ готовности лошадей и сухари. Хмельницкій еще въ Брацлавѣ, а Татары стоятъ всюду около *Савранъ*“.

Между тѣмъ козацкіе послы прибыли въ Варшаву, по современной перепискѣ, „въ одной сворѣ съ татарскими“, а литовскій канцлеръ замѣтилъ въ дневникѣ, что они даже заняли общую квартиру.

Татары (говорить корреспондентъ), въ качествѣ посредниковъ и прокураторовъ, находили Хмельницкаго (точно наши историки) вовсе невиновнымъ въ томъ, что онъ ходилъ въ Волощину. Не согрѣшилъ онъ, по татарскому возрѣнію, и тѣмъ, что такое множество шляхты перебито; что посылалъ къ турецкому султану пословъ и отдался ему въ подданство. Татары настаивали на исполненіи со стороны пановъ Зборовскаго договора. А козаки пріѣхали свидѣтельствовать свое вѣрноподданство (продолжаетъ корреспондентъ), на всѣ же уборы отвѣчали отрицаніемъ и незнаніемъ. Все дѣло было отложено до сейма.

Но мы прочтемъ такъ названнаго *покорнаго petita* Хмельницкаго.

Увѣряя короля, „Божія помазанника“, въ своемъ вѣрноподданствѣ, Хмельницкій писалъ: „Посылаемъ нашихъ пословъ только черезъ эти *petita*, потому что мы, яко простаки, не умѣемъ ходатайствовать изустно (*domówici się nie możemy*). Мы просимъ о томъ, что наилучше утвердило бы миръ. Пускай этимъ не оскорбляется маестатъ вашей королевской милости и освѣщенный сенатъ.

„Самый прочный и вѣчный миръ всей Рѣчи Посполитой въ панствѣ вашей королевской милости былъ бы тогда, когда бы былъ утвержденъ присягою ихъ милостей ксендза архіепископа гнѣзненскаго, ксендза архіепископа львовскаго, ксендза бискупа краковскаго, его милости пана Лянцкоронскаго, воеводы брацлавскаго, и его милости подканцлера короннаго (Геронима Радзѣвскаго), а въ залогъ просимъ намъ дать: князя его милость Вишневецкаго, когорый не желаетъ замѣшательства и милостиво (*laskawie*), съ давнишнихъ временъ обходится съ Запорожскимъ Войскомъ и съ подданными, его милость пана хорунжаго короннаго, который, прибывъ на свои староства, привезъ намъ стародавнія привилегіи на Чигиринѣ, чтобы здѣть резидовать; его милость старосту бѣлоцерковскаго (князя Любомирскаго); его милость пана обознаго короннаго (Калиновскаго—сына), которые на своихъ маестностяхъ резидуютъ, и пускай благоволятъ охранять миръ безъ единой хоругви войска, а равно безъ великихъ дворовъ и асси-

стенцій, да просимъ, чтобъ они, будучи заложниками, обходились хорошо съ нами“.

Никогда еще волки не предлагали пастухамъ болѣе наглого договора. Никогда козаки не думали такъ презрительно о здоровомъ умѣ пановъ, — и они были правы. Передъ изумляющимся потомствомъ тѣхъ и другихъ лежитъ письмо величайшаго мудреца и глупца въ панской республикѣ, величайшаго патріота и губителя панской среды своей, Адама Сьѣптольдовича Киселя изъ Бруслова, отъ 26 октября 1650 года.

Кисель, назначенный на прошломъ сеймѣ, по его словамъ, „стражемъ мира“, совѣтовалъ королю, чтобы Рѣчь Посполитая ждала будущаго сейма спокойно, для того, чтобы, взвѣсивши свои и непріятельскія силы, могла рѣшить, чего ей держаться, и что замышляютъ въ Крыму, и какъ у Турокъ трактуютъ о *волошскомъ отсутшеши*, и что затѣваютъ внутри (*interne machinatur*). Дѣказавъ ясно, какъ день, свою химеру, панскій Несторъ и Улиссъ приходитъ къ такой мысли, что средствомъ гарантіи мира Польша достигла бы расторженія козакотатарской лиги, а это было бы величайшимъ для нея благополучіемъ (*summa Reipublicae felicitas*). „И хотя въ этомъ“ (продолжаетъ Кисель) „видимъ нѣчто недостойное (*indignitatem jakaś*), но по мнѣ— наибольшее достоинство— спасеніе Республики (*salus Reipublicae, to najwieksza dignitas u mnie*). А допустить этого человѣка до послѣдняго отчаянія, въ которомъ онъ поддался бы Турку съ войскомъ и съ всѣмъ посольствомъ, вотъ когда— сохрани Боже— была бы *indignitas*, а пожалуй, и послѣдняя гибель наша... Когда дѣло дошло до крайности, всегда избираютъ меньшее изъ золъ... Мы могли бы и взять и дать заложниковъ, которые были бы въ родѣ плѣнниковъ у запорожскаго гетмана, но чтобъ они резидовали на Украинѣ за линіей, въ своихъ имѣніяхъ, прилично своему положенію. Что лучше: рисковать ли всѣмъ, или же все подвергнуть гибели? Можно бы и на присягу согласиться *своимъ способомъ* (*swym sposobem*) вмѣсто того, чтобы возбудить еще ужаснѣйшую и злоторную войну. Этыхъ заложниковъ можно назвать комиссарами, и подъ этимъ названіемъ передать въ потомство, а они присягнули бы, какъ на комиссію“. По мнѣнію Киселя, этимъ способомъ, безъ всякаго недостойства (*absque omni indignitate*), можно бы удовлетворить и тому, чего желаетъ запорожскій гетманъ для своего обезпеченія, и миръ утвердить, и разорвать козацкій договоръ съ Ордою, а себѣ (козакъ) присвоить (*sobie arporgiage*) и отъ Москвы спасти, и миръ, заключенный Киселемъ въ ея столицѣ, осуществить.

Изъ этого документа видно, что Хмельницкій обработалъ стража панскаго мира съ козаками сообразно своимъ дѣлямъ, которыя грубо, но вѣрно, высказывались въ толкахъ посполства о совмѣстномъ походѣ козаковъ, Татаръ и панскаго воинства въ Московщину. Еще мало было панамъ горькихъ разочарованій! Или въ самомъ дѣлѣ у нихъ, какъ у кобзарскаго Потоцкаго, былъ *розумъ жіноцький*, довѣрчивый погибельно? Земля, удобренная кровью и орошенная потомъ прадѣдовъ, сдѣлалась теперь манією правнуковъ. Лишаясь этой земли, вырванной изъ рукъ у голодныхъ номадовъ, Татаръ, несчастные поняли всю цѣну ей, какъ утраченному здоровью, какъ отнимаемой жизни... Только такимъ образомъ возможно намъ объяснить себѣ то жалкое забвеніе національнаго достоинства, съ которымъ они относились къ предателямъ и разбойникамъ, лицемѣря не только передъ современниками, но и передъ потомствомъ.

Но обратимся къ *покорнымъ петитамъ* „простаковъ“, которые не умѣли ходатайствовать изустно.

„Просимъ, чтобъ уніа, начало всѣхъ золь, возмущающая (народъ) съ давнишнихъ временъ, была совсѣмъ уничтожена, какъ въ Коронѣ, такъ и въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, а всѣ владычества, каеэдры, церкви, обращенныя въ костелы, или предоставленныя уніатамъ, и всѣ имущества, наданныя предками владычествамъ, каеэдрамъ и церквамъ искони (*antiquitus*) были бы возвращены, чтобы отнынѣ уніты, какъ они привыкли, своими ухищреніями больше не пускали этого дѣла въ проволочку, и вѣра наша никакихъ притѣсненій не терпѣла. Свобода богослуженія русскаго, чтобы была невозбранна; по старинѣ въ городахъ его королевской милости, какъ въ Польской Коронѣ, такъ и въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ. Ксендзы и свѣтскіе паны римской церкви всякихъ духовныхъ нашей вѣры, какъ въ добрахъ вашей королевской милости, такъ и въ дѣдичныхъ (панскихъ) не должны принуждать къ своему послушанію (*do posłuszeństwa swego*) и вимать съ нихъ данинъ, ни десятинъ изъ церковныхъ мѣсть. Просимъ, чтобъ уніты, по уничтоженіи уніи въ Польской Коронѣ и Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, тотчасъ отдали не унітамъ владычества, каеэдры, церкви, грунты, добра; а кто бы оказался непослушнымъ, на такихъ чтобы была установлена строгая кара. Священники старожитной русской вѣры, чтобъ имѣли такіа вольности, какія имѣютъ ксендзы римской церкви, и никакимъ свѣтскимъ законамъ не подчинялись; также чтобы жолнеры у нихъ постоемъ не стояли. Просимъ вашей королевской милости, чтобы село Перетынско было возвращено львовской каеэдрѣ, а село Кцелевъ—галицкой капи-

гудъ, въ границахъ, означенныхъ въ привилегіи князя Льва, перваго фундагора. Доносимъ также до слуха вашей королевской милости, что Русскій Народъ терпитъ великія преслѣдованія отъ пановъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ: Униженно просимъ, чтобъ они никакъ не мстили. Еслибы мы получили опредѣленную линію, то просимъ вашей королевской милости, чтобъ и по за линіей наши духовные и Русь оставались при свѣихъ вольностяхъ и старожитныхъ обрядахъ, и чтобы не терѣли уже отъ унитовъ никакихъ нападковъ: ибо никакія вѣры и въ чужихъ земляхъ не подвергаются такимъ притѣсненіямъ и преслѣдованіямъ, какъ въ нашей землѣ.

Такъ желали говорить съ королевскимъ правительствомъ тѣ попы и мѣщане, которыхъ живыя манифестаціи князя Острожскаго ввели въ баницію. Такимъ языкомъ имѣлъ бы полную возможность говорить онъ и самъ, стоя во главѣ своего 15-ти или 20-тысячнаго ополченія, когда бы домъ его не находился больше во власти іезуита Скарги, чѣмъ самого главы дома. Тенерь языкомъ, подобавшимъ ему больше, чѣмъ кому-либо, заговорили кievскіе яны и чернецы изъ-за спины православнаго Запорожскаго Войска, котораго послы, увы! прибыли въ Варшаву „въ одной сворѣ“ съ новыми протекторами православія — Татарами.

Какъ бы то ни было, но въ Польшѣ боролись уже не люди съ людьми: въ борьбу людей съ людьми вмѣшались боги противъ боговъ, и вопросъ междусловный сдѣлался вопросомъ междуцерковнымъ. Кіевское духовенство наконецъ языкомъ власти имѣющаго. Тема почитанія предковъ подь сѣнію созданныхъ и облагодѣтельствованныхъ ими храмовъ была высказана въ „покорныхъ петитахъ“ такъ выразительно, какъ будто всѣ наши Святославы, Брячиславы и Мстиславы подали изъ-подъ родной земли голосъ свой, — высказана была такъ требовательно, какъ будто сонны *зды лежашыа* проснулись для рѣшенія стараго спора о томъ, чью вѣру слѣдуетъ признавать христіанскою. Въ смѣшанныхъ восклицахъ близкихъ предковъ намъ слышится приговоръ отдаленнѣйшихъ, — приговоръ вѣдь пришельцами и отстунниками: „Вы отнимали духовные хлѣбы у нашего потомства посредствомъ Городельскаго и другихъ подобныхъ Городельскому, по вашему законныхъ актовъ. Ваши Ягеллоны, вашъ Трансильванецъ Баторій и ваши Шведы Вазы тревожили нашъ вѣчный сонъ возглагошеніемъ въ русскихъ церквахъ того, отъ кого Русь не принимала вѣры. Идите же прочь изъ земли, посвященной христіанствомъ, которое проповѣдали и утвердили въ ней Антоніи, Феодосіи и другіе преподобные мужи Россы, процвѣтавшіе и богословіемъ, и

самимъ житіемъ своимъ. Нѣтъ вамъ, пришельцы-напастьники, ниже вамъ, туземцы-отступники, друзья и слуги ихъ, нѣтъ вамъ удѣла здѣсь, до черты той области, которую присвоили римскому папѣ ваши Войцѣхи да Владиславы! И вамъ среди нашего вѣрнаго потомства нѣтъ удѣла, наслѣдники древнихъ Русичей, совратившіеся въ пауку вѣры нѣмецкую, родоначальницу ересей, отвергнутыхъ единою соборною церковью, какъ и „кривая вѣра“ латинская. Нѣтъ удѣла и вамъ, что сохранили на себѣ лишь образъ древняго русскаго благочестія, духа же его давно отверглись. Ваши отцы и дѣды позволяли дѣтямъ своимъ католичиться и еретичиться, предавая въ руки иновѣрцевъ имѣнія свои и подданныхъ своихъ, а вы стоите нынѣ въ одномъ стану съ иновѣрцами противъ городовъ и селъ, не признававшихъ и не признающихъ васъ ратоборцами церкви и вѣры своей. Изыдите изъ нашей земли вмѣстѣ съ тѣмъ, на служеніе которымъ выдѣлили вы изъсреди себя всѣхъ лучшихъ и всѣхъ худшихъ. Найдутъ себѣ потомки наши иныхъ князей и вельможъ, вѣрою крѣпкихъ, непоколебленныхъ со временъ крещенія Руси, и будутъ съ ними одно стадо, подъ единымъ пастыремъ, Христомъ“.

Таковъ дѣйствительно былъ приговоръ живыхъ представителей Малороссіи отъ лица усопшихъ, сказавшійся въ „покорныхъ пети-тахъ“,— тѣхъ представителей, которыхъ намъ не стыдно называть Малорусскимъ Народомъ,—и этотъ приговоръ оказался безапелляціоннымъ.

Не чуялъ въ душѣ ничего подобнаго глава нашихъ отверженцевъ, Адамъ Кисѣль. Склоняя короля къ уничтоженію униі, онъ, со всею силою своего краснорѣчія, увѣрялъ его, что самъ онъ, Кисѣль, по милости Божіей, благопріятствуетъ католической вѣрѣ (*której i ja za laską Bożą przyjacielem jestem*), и что переходъ изъ обряда въ обрядъ равенъ перемѣнѣ одной одежды на другую. Онъ писалъ, какъ о дѣлѣ, извѣстномъ королю іезуиту, что лѣтъ пятнадцать трудился съ Оссолинскимъ надъ соглашеніемъ православія съ католичествомъ, и что эти труды оперлись о самый Римъ (*i te pcase o sam Rzumi oparły się*). Онъ, очевидно, считалъ соединеніе малорусской церкви съ польскою только дѣломъ времени, въ виду совершившагося уже соединенія національностей. Но католическій Римъ не дѣлалъ попятнаго шага въ своихъ притязаніяхъ, чего бы они ни стояли подчинившимся имъ народамъ, и, какъ увидимъ ниже, потребовалъ отъ своихъ добровольныхъ рабовъ, Поляковъ, защиты „дѣла Божія“, не обращая вниманія на дѣла человѣческія.

Зато и съ другой стороны проявилась необычайная напряженность религіознаго, вѣриѣ сказать—церковнаго чувства. Кто и благопріятствовалъ до сихъ поръ, подобно Киселю, римской пропагандѣ въ ея апрошахъ, какъ его пріятель, Сильвестръ Косовъ, и тѣ теперь молчали, идучи слѣдомъ за массою кіевскаго духовенства. По общей участи высшихъ идей, осуществляющихся въ нижней средѣ, наше малорусское православіе потеряло много той чистоты, которою сіяло въ трудную для него эпоху Вишенскаго и Борецкаго: но тѣмъ не менѣе духъ его проповѣди оставался несоединимымъ съ духомъ проповѣди римской, по своей противоположности, и каковы бы ни были наши православники вообще; но между ними не переводились ни такіе молчальники, каковымъ былъ Исаія Копинскій, ни такіе застолпники, каковымъ видимъ мы вопіющаго въ польскорусской пустынѣ Аванасія Филиповича. „Соль земли“ не могла „обуять“ въ Малороссіи, и „свѣтъ міра“ не могъ погаснуть въ удаленныхъ отъ мірской суеты убожищахъ богословія.

Знали это римскіе прелаты по многолѣтней сѣйности Малороссіи на своей вѣрѣ, и стали въ упоръ противъ нашей національной церкви по вопросу о томъ, чтобы „не быть и самому имени униі“. При невозможности покорить русскую схизму духовными средствами, они дѣйствовали средствами вещественными, казуистическими. Они опирались на законы, установленные беззаконно, и говорили: „Унія съ римскою церковью установлена въ національномъ синодѣ и утверждена святымъ отцомъ: пускай такимъ образомъ и уничтожается“. Другими словами это значило: скорѣе должна погибнуть Польша, чѣмъ прекратиться римское беззаконіе въ Польшѣ. Считая волю святаго отца закономъ, а противящихся ей беззаконными, Польши сдѣлались патріотами во имя погибельной для нихъ римской политики. Панское знамя замѣнило у нихъ національное, а церковь заняла мѣсто государства. Чего боялась при Владиславѣ шляхта, то постигло ее при Янѣ Казиміръ: Польша перестала быть государствомъ свѣтскимъ, а это вело неизбежно къ тому, чтобы она и совсѣмъ исчезла съ карты государства.

Въ послѣднемъ засѣданіи чрезвычайнаго сейма, 24 декабря, была объявлена церковная война всѣми голосами. Въ ксендзовско-патріотическомъ энтузіазмѣ, правительствующая шляхта рѣшила — не только собирать подати для уплаты регулярному войску, но созвать и посполитое рушеніе. Явилось единодушіе въ постановленіяхъ, единодушія въ пожертвованіяхъ, явилась даже строгость относительно собираній налоговъ.

Въ отвѣтъ на покорныя *petita* Хмельницкаго, представлявшія теперь уже ультиматумъ не только Козацкаго, но и Малорусскаго Народа, король отправилъ Украинскому Коммиссару Киселю ультиматумъ панскій, для предъявленія Хмельницкому. Отъ козацкаго гетмана паны требовали, чтобъ онъ прежде всего (*ante omnia*) отрекся и отступилъ отъ всѣхъ союзовъ (*foedera*) съ иноземцами, и чтобы войска свои велъ туда, куда ему будетъ повелѣно, а именно противъ Порты, еслибъ то было нужно. „Ибо онъ“ (писалъ король Адаму Киселю) „запрегъ (*auctoravit*) шею свою въ новыя присяги язычникамъ, и самъ же намъ въ письмѣ своемъ хвастливо (*jactanter*) объ этомъ сообщаетъ, говоря, что никто этого союза не разорветъ. Вотъ какіе задатки мира со стороны самого Хмельницкаго! Чтò же касается вѣры, то такой миръ скорѣе можно назвать крайнимъ порабощеніемъ (*extremae imago servitutis*): Русину, который желаетъ быть унитомъ, онъ велитъ быть дизунитомъ“.

На это Кисѣль могъ бы отвѣчать, что паны, съ королями своими, никому не позвѣлывали быть унитомъ, или католикомъ, однакожъ сдѣлали такъ, что теперь онъ одинъ только изъ православныхъ сидѣлъ въ сенаторскихъ креслахъ, которыя въ средѣ литовскихъ сенаторовъ принадлежали прежде, за исключеніемъ одного или двухъ, православнымъ и протестантамъ. Но Кисѣль былъ конфидентомъ Оссолинскаго, Могилы и Косова по тѣмъ трудамъ, когорые „оперлись о самый Римъ“. Онъ высказалъ одну только правду, да и то не королю. Убѣждая Раздѣвскаго, теперь короннаго подканцлера, сдѣлать попытку къ миру и послѣ козацкаго задора, и сожалѣя, что приласкали православныхъ духовныхъ, онъ писалъ: „Скажемъ другу правду: ссорять насъ духовные съ обѣихъ сторонъ“, и этимъ подтвердилъ слова пьянаго Вешняка.

Рядомъ съ достопамятнымъ изреченіемъ объ унитахъ, королевскіе совѣтники написали отъ имени короля къ Адаму Киселю слѣдующее: „Чтò касается войска, то какая въ томъ справедливость, что нашимъ хоругвямъ и въ собственныхъ стоянкахъ не дозволяютъ сидѣть у линіи, а козаки присвоили себѣ право вымышлять и указывать Ляхамъ границы? А въ новой козацкой милиціи какое это равенство и какая безопасность (*jaka to paritas, jaka securitas*), когда противъ нашей воли и выписчики, и реестровые пользуются свободой и саблей, а Рѣчь Посполитая остается при умѣренномъ войскѣ“?

Паны, строители Польши изъ русскихъ рзвалинъ, видѣли въ чужомъ глазу сучекъ, а въ собственномъ не замѣчали и бревна. Злоупотребленія нравственнымъ правомъ далеко превышали въ Рѣчи

Посполитой вытекавшія изъ нихъ злоупотребленія революціоннымъ безправіемъ. Увѣренныя въ своей правотѣ, правительственные паны писали теперь отъ имени короля къ Адаму Киселю: съ энтузіазмомъ, достойнымъ благоразумнѣйшаго дѣла, что „сильно уповаютъ на Бога, подавшаго имъ въ руки мечъ на оборону добрыхъ и покаранье злыхъ“, и повелѣвали Киселю, дождавшись другаго комиссара, Станислава Лянцкоронскаго, потребовать отъ Хмельницкаго въ заложники дѣтей его для обезпеченія комиссіи среди черни и козаковъ. Они надѣялись устратить Хмельницкаго сеймовымъ постановленіемъ о двоякомъ вооруженіи.

Здѣсь надобно вспомнить, что въ ихъ средѣ не стало того, кто, какъ видимъ, не напрасно увѣрялъ папу, что Поляки больше занимаются борьбой съ гражданами своими за вѣру, нежели безопасностью и цѣлостью общаго отечества. Оссолинскій почилъ отъ славныхъ и вредоносныхъ дѣлъ своихъ 9 августа 1650 года. Дошедшіе до насъ пасквили говорятъ, что смерть поздно освободила отъ него Польшу, а соучастникъ пашней его, Янъ Казимиръ, рѣдко бывалъ такъ веселъ какъ въ день его смерти: Оссолинскій унесъ въ могилу не одну тайну могущественнѣйшаго и непобѣдимаго монарха. Канцлерство сдѣлалось теперь достояніемъ лица духовнаго бискупа Андрея Лещинскаго.

Ксендзъ канцлеръ увѣдомлялъ Киселя, что козацкими комиссарами назначены большею частью тѣ, которыхъ онъ самъ предложилъ; что инструкція предстоящей ему комиссіи будетъ двоякая: одна явная, другая тайная; что первая уже готова, но составленіе второй требуетъ больше времени и хлопотъ. По его словамъ, паны искренно желали мира, но готовили и регулярное войско, и посполитое рушеніе. Если удастся склонить Хмельницкаго къ миру, то оба войска, козацкое и панское, немедленно выступятъ противъ непріятели Св. Креста.

Такимъ образомъ Шляхетскій народъ, заплативъ такъ дорого за свое противодѣйствіе Турецкой войнѣ Владислава IV, теперь былъ готовъ осуществить его намѣреніе. Немудрено, что правительственные пигмеи, съ пигмеемъ королемъ во главѣ, стали титуловать уничтоженнаго ими короля Владиславомъ Великимъ.

Отъ 5 января 1651 года Янъ Казимиръ публиковалъ первыя *виши*, долженствовавшія служить и за вторыя, съ тѣмъ чтобы шляхта, по полученіи третьихъ, садилась на коня.

14 февраля посланъ былъ сендомирскій каштелянъ, Станиславъ Витовскій, въ Москву съ просьбою, чтобы царскіе бояре сносились съ королевскими полководцами и позволяли добывать у себя съѣстные

припасы; чтобы было дозволено польскому войску проходить черезъ Московскую Землю; чтобы донскіе Татары царскіе ударили на Крымскихъ и Ногайскихъ, когда королевское войско наступить на неприятеля.

Кисѣль заблаговременно убрался изъ Кіева и, въ ожиданіи результатовъ чрезвычайнаго сейма, жилъ въ своей Гоцѣ. Онъ былъ такъ боленъ хирагрою, что писалъ чужой рукою и, между прочимъ, хлопоталъ о пожалованіи ему богуславскаго староства, выставляя свою *цндту* въ такомъ видѣ, что возбуждалъ смѣхъ даже въ варшавскихъ своихъ пріятеляхъ. Онъ спскулировалъ любовью къ отчеству до самой смерти, и въ этомъ смыслѣ былъ истинный Полякъ, о которомъ русскій поэтъ сказалъ:

„Не вѣрю чести игрока,
Любви къ отчизнѣ Поляка“.

Въ числѣ подвиговъ, которыми Кисѣль гордился и которые паны, по своей женской довѣрчивости, считали чѣмъ-то серьезнымъ, были его переговоры съ Хмсльницкимъ. Изъ Гоци онъ увѣдомлялъ короля, что убѣдилъ Хмсльницкаго отказаться отъ своего „новаго, несноснаго требованія въ его петиціи и отъ всякихъ враждебныхъ дѣйствій“, причѣмъ представлялъ изобрѣтенныя имъ средства, какими возможно умиротворить его сумасбродное варварство (*vesanam barbariam*) по предмету вышеозначенной просьбы. (Такъ относился Кисѣль къ церковной униі). Онъ разослалъ универсалъ и къ обывателямъ Кіевскаго воеводства, обадеживающій ихъ въ успѣхъ его комиссарскихъ внушеній тому, кто столько разъ уже и словомъ, и самимъ дѣломъ заявилъ, что удовлетворится только тогда, когда погубить и самое имя польское. Въ качествѣ „охранителя мира“, какъ величалъ себя Кисѣль, онъ былъ похожъ на слѣпаго сторожа горючихъ матеріаловъ. Король писалъ къ нему, что козаки хозяйничаютъ и за линіей, а съ другой стороны наказный брацлавскій полковникъ, Кривенко, еще въ ноябрѣ жаловался брацлавскому воеводѣ, Лянцкоронскому, на пановъ-жолнеровъ, что они переходятъ за козацкую линію, берутъ провіантъ, грабятъ людей, причиняютъ козакамъ нестерпимыя обиды и называютъ своими мѣстечки Морахву, Красное и другія, уступленныя козакамъ по Зборовскому договору. Теперь же по всей Польшѣ тысячи голосовъ повторяли слова королевскаго воззванія: „Уповаемъ сильно на Бога, подавшаго намъ въ руки мечъ на оборону добрыхъ и на покаранье злыхъ“, разумѣя подъ добрыми шляхту и католиковъ,

а подѣ злыми—козаковъ и схизматиковъ. Недоставало только несчастнаго случая, чтобы горючіе матеріалы воспламенились.

Слова Вешняка и слова Киселя, сказанныя однимъ въ пьяномъ, а другимъ въ трезвомъ видѣ о духовенствѣ, ссорящемъ вооруженныя массы съ папскою и съ козацкою стороны, поясняютъ многое въ исторіи Польской Руины. Мы знаемъ, какъ давно козаки начали хлопотать о томъ, чтобы поднять и мѣщанъ и селянъ противъ *дуймановъ* и *душохватовъ*, вообще—противъ Ляховъ не только римской и нѣмецкой, но и русской вѣры. Послѣднихъ они обрекли на изгнаніе и на истребленіе не за вѣру и не за панство, а за то, что ихъ русскія кости обросли польскимъ мясомъ. Злостные посявы въ сердцахъ посполства, какъ со стороны поповствующихъ, такъ и со стороны козакующихъ, принесли теперь обильный урожай, и потому-то Хмельницкій войну за свои личныя обиды соединилъ съ войною за христіанскую вѣру.

То же самое происходило и съ противной стороны. Боги къ богамъ всегда завистливы. Были завистливы и всѣ творившіе боговъ по образу своему и по подобію. Но нигдѣ и никогда божеская зависть не доходила до такихъ крайностей, какъ въ католическомъ свѣтѣ XVI и XVII столѣтій. Нигдѣ и никогда не являлась она среди Славянъ въ такомъ погибельномъ безсмысли, какъ въ Польшѣ. При Владиславѣ IV въ слѣдствіе терпимости королевскаго правительства, она упала было до того, что католическая шляхта даже на сеймѣ проклинала папу. Но іезуитъ-король во всемъ потакалъ духовенству и его дикой политикѣ, а Хмельницкій, взявши кровавою рукою чистое знамя малорусскаго православія, подливалъ масла въ пылающій фанатизмъ католической партіи.

Варшавскій Анонимъ, очевидно ксендзъ, вписалъ въ исторію Польскаго Разоренія краснорѣчивую страницу, когда пришлось ему описывать чрезвычайный сеймъ. По его взгляду на католичество и православіе, даже Кисѣль былъ врагъ римскаго папы, и письмомъ, убѣждающимъ короля къ церковнымъ уступкамъ, оскорблялъ религиозное чувство Поляковъ.

„Въ этомъ письмѣ“ (говоритъ онъ) „духъ схизмы бьетъ на уніатскую вѣру, такъ какъ и самъ онъ былъ схизматикъ. Кисѣль говоритъ: пускай восточная и западная церковь будутъ одна овчарня: ибо глава обѣихъ—Христосъ, преемство у обѣихъ идетъ отъ апостоловъ, одни святые учителя и одно ученіе; одна безъ другой не можетъ существовать; въ церемоніяхъ и обрядахъ различаются по различію языковъ, но это не бѣда, когда онѣ имѣютъ: одни основанія и начала отъ

Господа Христа; и для чего же пороть Христову ризу не шитую, называя (послѣдователей той и другой) унитами и дизунитами? для чего раздѣлять церковь, которую соединилъ Богъ? Когда мы примемъ и утвердимъ это основаніе, то не будетъ разницы въ словахъ, не будетъ и диссиденціи между народомъ, исчезнетъ соревнованіе, прекратится война.

„Кисѣль“ (продолжаетъ фанатикъ) „призвалъ во свидѣтели тѣхъ, которые вмѣстѣ съ нимъ трудились надъ Зборовскимъ миромъ: они де согласились на уничтоженіе имени уніи, но исполнить это обѣщали его товарищи словесно, не включая въ публичный документъ мира, дабы это было благодѣяніемъ согласнаго отечества, не вынужденнымъ козацкою войною. Если де сдѣять этого тридцать уніятскихъ церквей, чтобы разорить и опустошить вѣскольکو тысячъ храмовъ благочестивыхъ, и чрезъ то погубить миллионы христіанскихъ душъ; если эта малая лѣтороль, отщепленная отъ греческой и не приростая къ римской, будетъ разумнымъ основаніемъ такой тяжелой войны, то лучше теперь совѣщаться о безопасности жизни и здоровья, а потомъ, успокоивъ отчизну, созвать на это синодъ, удовлетворяя волю духовенства, и на немъ обсудить это различіе“.

„Въ отвѣтъ на это“ (говоритъ Анонимъ) „поднялся страшный крикъ въ Посольской Избѣ (не въ Сенаторской, состоявшей на половину изъ бискуповъ, а въ Посольской, гдѣ засѣдали представители свѣтской шляхты)“. Какъ козелъ не будетъ бараномъ (завопила шляхта), такъ схизматикъ не будетъ искреннимъ охранителемъ католической вѣры; а тотъ, кто принадлежитъ къ одной и той же вѣрѣ съ хлопами, не можетъ оборонять шляхетскія вольности. Вѣра это даръ Св. Духа; Духъ Святой это іероглифъ вольности: гдѣ хочетъ и какъ хочетъ, даетъ онъ вдохновеніе. Какъ! для схизматиковъ да для обжорства и бунтовъ глупаго хлопства, сдѣлать невольниками шляхту и не дозволить имъ такъ вѣровать, какъ повелѣваетъ Святой Духъ, а такъ (пустъ вѣруютъ), какъ предисмываетъ сумасшедшая и пьяная голова Хмельницкаго, подъ предлогомъ обороны вѣры (*pretext zmysliwszy obrony wiary*)! Вотъ какой проявился новый докторъ чертовской академіи! Недавно выпущенный на волю чернорабочій хлопъ отнимаетъ у Поляковъ даръ Божій, святую вѣру. Если не нравится (имъ) слово уніа, то (намъ) не нравится схизма. Пускай же отрекутся ученія своего схизматика патріарха, оскверненнаго аріанскими ересями безумца, посвященнаго бисурманскою властью, и всѣ соединятся съ западною церковью и назовутся правовѣрными: на это Польша согласится легко, а Кисѣль, кіевскій воевода, пускай не будетъ проповѣдникомъ козац-

каго ученія, если хочеть быть въ числѣ польской шляхты, а не въ звѣнзкъ козацкаго бунта“!

Вотъ подъ какимъ знаменемъ выступила наконецъ Польша! подъ знаменемъ развратителей ея государственности, общественности и семейности. Свободный паче всѣхъ народовъ Шляхетскій Народъ не признавалъ свободы совѣсти въ томъ народѣ, который раньше его принялъ христіанство, и даже родоначальниковъ польскаго имени видѣлъ крещенными по обряду церкви греческой. Признавъ девизомъ своимъ религіозную нетерпимость и проповѣдуя вѣру, какъ магометане, съ мечемъ въ рукѣ, Поляки оправдали козацкое вмѣшательство въ церковныя дѣла, и поставили московскаго царя въ необходимость отставать присвоиваемые папистами владиміровскіе и ярославскіе храмы.

Но въ составной польской націи было много иновѣрцевъ-иноплеменниковъ, которые худой миръ предпочитали: доброй-ссорѣ, и они то способствовали образованію комиссіи для переторжекъ съ Хмельницкимъ. Съ другой стороны и между козаками были такіе, которые высказывали втайнѣ, что Хмельницкій посягаетъ на то, что ему не слѣдуетъ по народному праву, и долженъ самъ нести отвѣтственность за свое предпріятіе, они же готовы отстать отъ него, лишь бы наслаждаться спокойствіемъ. Искушеніемъ Хмельницкій, увлежъ на свой путь однихъ, а терроромъ принудилъ идти за собой другихъ; но прожитыя съ панами столѣтія дѣлали въ Малороссіи свое дѣло, и многіе изъ нашихъ предковъ, козаковавшихъ по волѣ и по неволѣ, оглядывались назадъ съ сожалѣніемъ и раскаяніемъ. Этихъ людей Хмельницкій зналъ; онъ ихъ вокругъ себя чувялъ; онъ ихъ боялся,—и вотъ почему, стоя во всеоружіи новаго покушенія на пановъ, или какъ онъ выражался по-козацки, на Ляховъ, не отказывался отъ мирныхъ переговоровъ. Притомъ же у него, какъ у демагога, не все ладилось одно съ другимъ. Турки потому содѣйствовали его союзу съ Татарами, что неудачи Венеціанской войны пугали ихъ; а Татары потому ладили съ нимъ, что не смѣли ослушаться султана. Но ханъ долго не соглашался лично участвовать въ новой войнѣ съ панами, и отправилъ къ нему въ помощь нурэддинъ-султана съ 10.000-мъ отрядомъ, давъ при этомъ нурэддину тайный наказъ избѣгать сраженій и состоять при Хмельницкомъ лишь въ качествѣ стражи; только въ случаѣ крайней опасности, обѣщалъ ханъ прійти къ козакамъ на помощь со всей ордою, когда наступитъ весна.

Съ обѣихъ сторонъ, съ панской и съ козацкой, дѣла стояли въ такомъ сомнительномъ положеніи, что иногда селонялись, повидимому,

къ миру, а иногда—къ войнѣ. Кто чего сильно желалъ, тотъ и вѣ-
роваль—или въ возможность мира, или въ неизбежность войны.

Полагаясь на обѣщаніе хана и на вспомогательный отрядъ его
второго соправителя, Хмельницкій, въ февралѣ, выступилъ изъ Чи-
гирина и направился къ Бару. Слухъ о томъ, что Козацкій Батько
идеть *кончатти Ляхлез*, поднялъ на ноги всю малорусскую голоту,
чаявшую такъ называемаго „панскаго добра“. Оборвыши мечтали о
кармазинныхъ жупанахъ, босоногіе говорили, какъ поють у насъ и
донывѣ объ уманскихъ гайдамакахъ:

„Будемъ дрѣти, пане брѣте,
Съ китайки онучіі..“

бывшіе *гречкосѣи* вдохновлялись подвигами Перебийноса и Морозенка.

Оставляя безъ вниманія королевскихъ комиссаровъ, козаки ста-
рались предупредить соединеніе панскихъ войскъ. Но это имъ не
удалось. Главное начальство надъ войскомъ, сколько было его въ
готовности, король поручилъ полковому гетману, Мартину Калинов-
скому, а Потоцкаго удержалъ при себѣ, подъ тѣмъ предлогомъ, что
ему необходимы совѣты главнаго сенатора, но правдоподобіе, какъ
были слухи, потому, что не довѣрялъ его распорядительности. Впро-
чемъ коронные гетманы, враждовавшіе и теперь одинъ съ другимъ,
какъ подъ Корсунемъ, не были и порознь одинъ лучше другаго. По-
тоцкаго одолѣвала дряхлость, Калиновскаго—запальчивость.

Очутясь, по милости короля, главнокомандующимъ, Калиновскій
стянулъ войско къ Бару и, узнавъ, что мужики бунтуютъ въ Браи-
ловщинѣ, рѣшился разгонять ихъ козакующія купы. 19 (9) февраля
выступилъ онъ изъ Бара по направленію къ Лінцамъ, съ цѣлью
преградить путь неприятелю. Остановясь вечеромъ въ мѣстечкѣ Стани-
славовѣ, онъ узналъ, что брацлавскій полковникъ, Нечай, одинъ изъ
главныхъ бунтовщиковъ, котораго козаки считали первымъ лицомъ
послѣ Хмельницкаго, занялъ мѣстечко Красное, принадлежавшее, по
Зборовскому договору, къ панской территоріи, а не къ козацкой,
какъ вопіялъ наказный Нечая.

Въ порывѣ запальчивости, Калиновскій былъ неустрашимый
воинъ. Его терзало воспоминаніе о Корсунскомъ погромѣ, вину ко-
торого приписывалъ онъ справедливо Потоцкому. Не завися теперь
отъ его старшинства, полевой гетманъ кипѣлъ жаждою боя, какъ
юноша. Таковъ былъ въ своемъ гайдамачествѣ и полковникъ Нечай;
съ придачею вдохновительнаго пьянства. Не обращая вниманія на

цѣлое войны, оба полководца въ смѣломъ ударѣ видѣли всю ея сущность, и вотъ они столкнулись, — панъ, исключавшій козака изъ жизни и ея правъ, какъ разбойника, козака, исключавшій пана, какъ Ляха и душмана.

Подъ начальствомъ Калиновскаго воевали теперь многіе шляхтичи съ древними, прославленными именами, обездоленные нечаевцами, изгнанные изъ предковскихъ займанщинъ, ожесточенные кровавыми утратами. Войска у него было всего 12.000; но еслибъ оно свою жажду возмездія вдохнуло посполитакамъ, козаки были бы истреблены до ноги, какъ они желали истребить всѣхъ дѣйствительныхъ и номинальныхъ Ляховъ.

Выступленіе Нечая за козацкую линію Калиновскій считалъ достаточнымъ поводомъ къ тому, чтобы возобновить Збаражскую и Зборовскую войну. Въ сущности война и не прекращалась, но кипѣла глухо, какъ отодвинутый отъ жару горшокъ. Теперь она заклокотала попрежнему.

Въ авангардъ отправилъ коронный гетманъ брацлавскаго воеводу, Станислава Лянцкоронскаго, и въ понедѣльникъ, на масляной, выступилъ изъ Станиславова съ главнымъ войскомъ. Нечаевцы не предполагали въ панахъ такой быстроты, и словойно завялисъ провозаньемъ своей пьяной масляницы. Козацкая пѣсня, въ свободѣ своего творчества, заставляеть и куму Нечая, гетманшу Хмельницкую, бражничать съ козаками. Когда ему донесли, что идутъ Ляхи, —

Козакъ Нечай Нечайенко
 На те не вважѣ,
 Та съ кумію съ Хмельницкою
 Медъ-вино кружѣе.
 Бо поставивъ Нечайенко
 Три сторжі въ місті,
 А самъ пійшовъ до кӯшоньки
 Щуку-рыбу істи...

На Русичей шли Русичи, на православныхъ — большею частью православные. Въ авангардѣ Лянцкоронскаго, потомка козацкаго гетмана, были: черкасскій староста, братъ Адама Кисѣля, улановскій староста, представитель недавно еще православныхъ Песочинскихъ (по-польски звавшихся теперь Пясечинскими), и другіе русскаго происхожденія паны. Пируя съ козаками въ Красномъ, Нечай не обратилъ вниманія на появленіе въ мѣстечкѣ Ляховъ. Онъ думалъ, что это пришелъ къ нему изъ Мурахвы сотникъ Шпакъ. Но вскочить

на коня и броситься въ свалку было для него дѣломъ одной минуты. Пѣсня, не умолкающая въ Малороссіи донинѣ, восхваляла знаменитаго *лыцаря* словомъ крылатымъ:

Ой не встѣгъ же Нечѣенко
 На вѣники спасти,
 Тай ставъ Ляхівъ, вражихъ сынѣвъ,
 Якъ свѣпникъ влѣсти...

а славный современный мемуаристъ, участвовавшій въ походѣ, пишетъ, что хотъ онъ былъ навеселѣ, по, вскочивъ на коня, сталъ сражаться, какъ подобало храброму юнаку, и перначемъ своимъ подгонялъ козаковъ въ бою. Но, среди безпорядка и суматохи, не могъ Нечай организовать сопротивленія и, мужественно защищаясь, образцовый гайдамака, слава и краса козатчины, палъ въ битвѣ со многими козаками.

Въ популярномъ Нечаѣ Хмельницкій потерялъ столько же, какъ и въ образованномъ поиноземномъ Кричевскомъ. За серебряный перначъ козацкаго лыцаря ссорились потомъ гетманъ Калиновскій съ воеводой Лянцкоронскимъ, какъ за трофей, достойный спора коронныхъ полководцевъ, и это лучшее, что козаки могли бы отмѣтить въ исторіи славы своей; но они были такіе варвары, что ихъ сыновья и внуки, желая славить отцовскіе и дѣдовскіе подвиги, только гнали про нихъ, и потому любителю правды осталось угадывать ее только въ сказаніяхъ козацкихъ враговъ, среди естественныхъ предубѣжденій. До Варшавскаго Анонима дошелъ о Нечаѣ такой слухъ, что съ нимъ было 3.000 козаковъ ветерановъ, кромѣ мѣщанъ; что панскій авангардъ очутился было среди нихъ въ отчаянномъ положеніи, но къ нему подоспѣлъ Косаковскій, командовавшій брацлавскою шляхтою, которую нечаевцы повыгнали изъ ея домовъ; что вслѣдъ за Косаковскимъ прибыли драгуны, вырубили палисадъ, зажгли мѣстечко и выручили своихъ передовиковъ, „почти уже погибшихъ“ въ торжествѣ надъ Нечаемъ. Обороняя брата Данила, погибъ и Матвѣй Нечай. Шляхетскій мемуаристъ приписываетъ славу побѣды надъ знаменитымъ козакомъ какому-то Добосѣцкому, который де едва не схватилъ его живьемъ; но къ Нечаю страшно было приступить и Добосѣцкій застрѣлилъ его. Кобзарская Иліада поетъ, что Ляхи застрѣлили Нечая серебряной пуговкой, яко характерника, котораго пуля не брала. Мемуаристъ не могъ отказать шляхетскому сердцу въ отрадѣ: по его разсказу, падшаго наконецъ Нечая изрубила саблями

шляхта, изгнанники Брацлавскаго воеводства, какъ хищника имѣній своихъ (jako wydzierse fortun swych)“.

По разсказу Освѣдима, участвовавшаго въ походѣ Калиновскаго, знатные козаціе сотники Гавратинскій, Красносельскій, братъ Нечая (Иванъ), Степко (Білоченко) и другіе, съ значительнымъ количествомъ стрѣлковъ, отступили въ замокъ. Къ замку можно было приступить лишь со стороны става, но и тамъ защищали замокъ подѣланныя во льду проруби. Все-таки гетманъ послалъ иноземную пѣхоту на приступъ, не давая козакамъ опомниться отъ перваго удара. Козаки отразили приступъ. Тогда панская конница, спѣшившись, поддержала пѣхоту, и съ распущенными знаменами взбѣжала на валы. Не помогло и это. Битва была отсрочена до слѣдующаго дня. Съ разсвѣтомъ начался новый приступъ; спѣшившіеся всадники помогали пѣхотѣ; гетманъ командовалъ приступомъ лично; подъ нимъ даже былъ раненъ конь. Но сколько ни горячился Калиновскій, жолнеры къ вечеру выбились изъ силъ, и ночь опять развела сражавшихся. Козаки, однакожь, потеряли увѣренность въ себѣ, и ночью многіе пытались бѣжать. Не вписанный въ козацкій реестръ ихъ сотникъ, шляхтичъ Гавратинскій, попалъ въ плѣнъ и былъ потомъ разстрѣлянъ. Жидкевичъ (или Жидовчинъ), писарь Нечая, также попалъ въ плѣнъ, но впослѣдствіи былъ освобожденъ.

Гетманъ отправилъ однѣ хоругви за бѣжавшими, а другіе ворвались въ замокъ и тамъ изрубили всѣхъ козаковъ; какъ видно по разсказу, павшихъ съ оружіемъ въ рукахъ. Когда кровопролитіе кончилось, жолнеры нашли Нечая во гробу, надъ которымъ стояли поны и, не обращая вниманія на тревогу, молились объ упокоеніи души козацкаго лыцаря.

23 (13) февраля коронный гетманъ съѣзъ въ Красномъ городѣ вмѣстѣ съ замкомъ, и двинулся въ Мурахову, гдѣ собралось 2.000 козаковъ подъ начальствомъ сотника Шпака, котораго украинская пѣсня представляетъ виновникомъ оплошности Нечая:

Якъ заквілять-крикне пугать

Изъ тѣмного гая:

Загукали козаченьки:

Втѣнаймо, Нечая!

Не честь мені, не подоба

Заразъ утекати,

Славу мою козацькую

Підъ ноги топтати.

Есть у мене Шпакъ Шпаченко,
 Козакъ-вдовиченко;
 Ой той дастъ Нечая знати,
 Коли утекаѣти.

Если шляхта столь часто помышляла о бѣгствѣ, то козаки, родная чада шляхты, думали о немъ еще чаще, и въ такихъ случаяхъ оказаченные города свои оставляли на произволь судьбы. Шпакъ Шпаченко убрался изъ Мурахвы куда-то къ Днѣстру, который прежде былъ сѣдалищемъ шляхетской, а теперь сдѣлался притономъ козацкой вольницы, яко рѣка пограничная. Мѣщане и мужики прозелиты козачины затворились было въ городѣ, однакожь, не возмогли стоять противъ жолнеровъ и перешли изъ города въ замокъ. Здѣсь опять они сплеховали, выдали пушки и порохъ, принесли присягу и представили одного изъреди себя, какъ зачинщика бунта; наконецъ просили гетмана оставить у нихъ въ замкѣ гарнизонъ, который бы защищалъ ихъ отъ своевольныхъ людей. Но разбой и грабежь былъ давнишнею болѣзнью Рѣчи Посполитой Польской, особенно въ Украинѣ. Возстановители порядка, панскіе жолнеры, начали разбивать коморы, грабить провизію, медъ и все прочее совершенно такъ, какъ это дѣлали нарушители онаго, козаки, со временъ Грѣнковича, Касинскаго и Наливайка. Между гетманомъ и воеводою началась уже ссора за Нечасвъ перначъ, и недавній татарскій плѣнникъ, въ пику герою Збаражскаго осаднаго сидѣнья, велѣлъ повѣсить одного изъ его жолнеровъ.

По словамъ лучшаго изъ польскихъ мемуаристовъ, Калиновскій усмирилъ жителей Мурахвы лишь настолько, „насколько это было возможно въ то время“. Житейское море въ Рѣчи Посполитой было воздвизаемо бурей напастей съ разныхъ сторонъ, и тихое пристанище обрѣли наконецъ только вопіяшіе въ Тишайшему Государю, да и въ его страну козаки внесли волненіе, продолжавшееся до временъ Екатерины Великой.

Февраля 27 (17) войско двинулось въ Шаргородъ. „Мѣщане этого города“ (пишетъ Освѣцимъ) „озаботились заблаговременно своєю безопасностью: за два дня до прихода войска, они прислали къ гетману изъявленіе своей покорности и высказали готовность, какъ вѣрные королевскіе подданные, впустить войско въ городъ. Общанія свои они дѣйствительно сдержали. Когда войско простояло нѣсколько дней на квартирахъ въ Шаргородѣ, прибыла къ гетману депутація отъ мѣщанъ изъ Чернівецъ съ заявленіемъ готовности выдать ору-

жіе и принести присягу вѣрности; точно такъ же поступили и другіе близлежащіе города.

Повторялось то же явленіе, что и во времена похода Жовковскаго за Сулу. Бѣдный народъ не зналъ, какъ ему быть между двухъ силъ, изъ которыхъ одна была своя, съ примѣсью польщины, а другая своя, съ примѣсью татарщины. Противъ первой вооружали его, безъ сомнѣнія, натерпѣвшіеся отъ уни и отъ могилянъ попы; противъ другой не вооружалъ его никто, но казаки были друзья только до чернаго дня, и, кромѣ того, за козакованье съ казаками приходило ему рано или поздно считаться съ панами, а не то — платить Ордѣ за ея помощь противъ пановъ своими женами, дѣтьми и самими собою.

Но какъ бы ни были правы, даже святы, паны въ собственномъ сознаніи и во мнѣніи католической Европы передъ русскимъ населеніемъ Польши, — вазуистическое насиліе общаго ихъ правительства надъ русскою совѣстью по отношенію къ благочестивымъ предкамъ и грекорусской старинѣ отчуждало ихъ на вѣки отъ участія въ тѣхъ правахъ на обладаніе древнимъ русскимъ займищемъ, которыя присвоивали себѣ исключительно люди вѣры *христіанской*, а такими людьми, по національному, выработанному малорусскою церковью воззрѣнію, были только тѣ, чьи русскія кости не обросли польскимъ мясомъ, — тѣ, которые не ходили на совѣтъ нечестивыхъ, не стояли на пути грѣшныхъ, не сидѣли на сѣдалищахъ губителей; нечестивыми же, грѣшными и губителями, по суду аеонскихъ да печерскихъ мужей Россовъ, вынесшихъ въ цѣлости нашу національность изъ потопной польщины, были, какъ мы уже знаемъ, всѣ князья и всѣ паны безъ исключенія. Не понимаютъ, не хотятъ понять этого положомамы и въ наше время; а въ тотъ хаотическій вѣкъ мудро было понять правду подобнаго суда Калиновскимъ, Лянцкоронскимъ и Кисѣлямъ. Они только видѣли, что пруть противъ рожна, и ихъ раздражительность, равно какъ и ихъ снисходительность, вротость, уступчивость были одинаково для нихъ вредоносны. Тотъ же самый народъ, который въ одномъ городѣ казался имъ довѣрчивымъ, въ другомъ съ ними лукавилъ, а въ третьемъ являлся дикимъ. Кто правилъ умомъ и чувствами миллионной массы въ ея переменчивости, никогда бы паны не дождались, потому что сказанное шепотомъ слово дѣлало съ нею дивныя превращенія.

Въ началѣ римскаго марта Калиновскій двинулся къ Стинѣ, въ которой заперлись казаки и мужики изъ разныхъ другихъ мѣстечекъ. На походѣ встрѣтило его двое мѣщанъ изъ Стинцы съ просьбою о мирѣ.

отъ всѣхъ жителей, и взялись проводить панское войско. Но въ окрѣпавшіе Стіну хутора набѣжало множество мужиковъ, вооруженныхъ самопалами, луками и другимъ оружіемъ. Они стали стрѣлять, приносили угрозы, крутили Ляхамъ дулі *) и даже выставляли заднія части тѣла. Долго это христолюбивое воинство защищало входъ въ хутора и въ нижній городъ, наконецъ его прогнали, овладѣли хуторами и нижнимъ городомъ. Защитники нижняго города отступили въ верхній, обороняемый мѣстоположеніемъ. Попытка взять его приступомъ оказалась безуспѣшною. Начались переговоры. Осажденные предлагали окупъ въ 4.000 злотыхъ и просили гетмана пощадить ихъ, увѣряя, что они—вѣрные подданные калусскаго старосты, Яна Замойскаго. Видя, что силой нельзя съ ними ничего сдѣлать, Калиновскій согласился на контрибуцію, и удовлетворился только тѣмъ, что потребовалъ отъ нихъ присяги. Но, присягнувъ, мѣщане доставили только 1.000 злотыхъ. По общему совѣту, гетманъ возвратилъ имъ и эти деньги.

Неизвѣстно, что было говорено на панской радѣ, но дальнѣйшіе поступки пановъ были верхомъ безразсудства. Отступивъ къ Черніевцамъ, они оставили въ одной долинѣ близъ города засаду. Ничего не опасаясь, мужики вышли изъ города на опустѣвшее панское становище. Тогда жолнеры бросились на нихъ изъ засады съ татарскимъ крикомъ *Галла! Галла!* и перебили ихъ до полусотни.

„Въ тотъ же день“ (пишетъ Освѣцимъ) „гетманъ послалъ полки князя воеводы русскаго и пана короннаго хорунжаго въ мѣстечко Ямполь. Они захватили Ямполь ночью въ расплохъ, перерѣзали поголовно всѣхъ жителей и овладѣли богатою добычею; а войско, отступивъ отъ Стіны, расположилось на трехдневный отдыхъ въ Черніевцахъ“.

Другой мемуаристъ, называемый мною Анонимомъ, не только не видѣлъ въ этомъ актѣ безразсудной свирѣпости, но распространился о немъ сочувственно, точно наши историки о свирѣпости козацкой.

„Лянцкоронскій“ (пишетъ онъ) „вознамѣрился овладѣть Ямполемъ, гнѣздомъ, какъ волошскихъ, такъ и нашихъ разбойниковъ, а между тѣмъ пошла молва, что гетманъ Калиновскій двинулся подъ Винницу. Лянцкоронскій подступилъ къ Ямполю секретно: ибо секретъ на войнѣ—душа триумфовъ, да и въ мирное время секретъ хорошее дѣло, потому что, разгласивъ, что думаешь, рѣдко задуманное сдѣлаешь“

*) Показывали кукиши обѣими руками, вертя одну вокругъ другой, что выражало крайнее ругательство.

Бурица кудахчетъ, снеся одно яйцо, а ястребъ ловить птиць потихоньку. Поэтому Ямполь ничего не опасался, да еще на то время собралась тамъ ярмарка. Тихохонько подошли хоругви и вступили въ отворенныя ворота. Мѣщане только что проснулись, и стали отворять крамныя коморы (кгаму), какъ рынокъ наполнился шальскими войскомъ. Ударили въ колокола, крикнули на оборону; но Поляки стояли уже съ голыми саблями надъ шеей. Все-таки мѣщане хотѣли защищаться, а приѣзжіе бросились толпой бѣжать, но мостъ на рѣкѣ обрушился. Обороняющіеся мѣщане были перебиты; ограбленный городъ былъ зажженъ, а сколько ямпольскихъ мѣщанъ и гостей заходящее солнце оставило въ доволъ, всѣхъ нашло оно вырубленными. Погибло тамъ десять тысячъ народу обоюга пола, въ томъ числѣ и три полка бунтовщиковъ. Достатки ихъ расхватали жолнерская челядь.

Что эти походы были дѣломъ произвела Калиновскаго и Лянцкоронскаго, видно изъ письма Адама Киселя, которымъ онъ старался ослабить впечатлѣніе, какое они должны были сдѣлать въ Украинѣ.

Называя Хмельницкаго милостивымъ паномъ гетманомъ, любезнымъ паномъ и братомъ, Кисель писалъ, что отъ начала вселенной, „при костелѣ, а по нашему при церкви Божіей“, злой духъ устраиваетъ свою капеллу; что онъ, Кисель, вмѣстѣ съ Хмельницкимъ, постоянно хлопоталъ о томъ, какъ бы спасти отъ гибели послѣднюю горсть Русскаго Народа (одинъ ополячивая, другой отатаривая); что Хмельницкій вѣрноподаннически *зоровалъ* (hogował) и трудился для того, чтобы потушить вспыхнувшій пожаръ, но что Нечай, которому де нынѣ да оставить Господь его: прегрѣшенія, привыкъ было, безъ гетманскаго вѣдома, творить всякое зло: зазывать Татаръ противъ соотечественниковъ, проливать кровь, избивать шляхту. „Такъ и въ послѣднее время“ (писалъ Кисель) „онъ овладѣлъ артиллеріей въ Брацлавѣ, двинулся къ Линцамъ и напалъ на квартиры польскаго войска, понося письмами и на словахъ знатныхъ вождей и гетмановъ“. Узнавъ де объ этомъ столкновеніи и имѣя въ виду охраненіе мира, онъ, Кисель, удержалъ королевскимъ именемъ полеваго гетмана и брацлавскаго воеводу отъ дальнѣйшаго движенія за пограничную черту, и теперь комиссія спокойно ожидаетъ начала своего дѣйствія, а онъ де, Кисель, и полевой гетманъ, котораго письмомъ въ Хмельницкому при семъ прилагается, считаютъ миръ ненарушеннымъ. Когда комиссія откроется, брацлавскій воевода предъявитъ въ ея засѣданіи *плюгавыя* письма и угрозы Нечая. Король де глубоко сожалѣетъ объ этомъ поступкѣ и о возникшей ссорѣ, но увѣренъ, что все это случилось безъ вѣдома Хмельницкаго, и желаетъ, чтобы комиссія поскорѣ начала

свои дѣйствія, дабы собранныя военныя силы соединились противъ общаго врага. Гонцу своему Кисѣль назначилъ срокъ до 12 римскаго марта, и если до въ этому сроку не получитъ отвѣта, то потеряетъ всякую надежду на комиссію и на миролюбивое омончаніе дѣла.

Это письмо было писано за два дня до истребленія Ямполя, такъ что оно могло прийти къ Хмельницкому одновременно съ извѣстіемъ о подвигѣ Лянцкоронскаго. Но раньше, или позже достигло оно своего назначенія, Хмельницкій былъ готовъ къ встанію о началѣ войны. Онъ выкивалъ ее всѣми неправдами, и, однакожь, этой грязной душѣ было приятно или нужно представляться чистую. Козацкій Батько отвѣчалъ панскому Нестору, — что онъ (Кисѣль) обезпечилъ его (Хмеля) комиссіей и миромъ; а между тѣмъ братъ своего отправилъ воевать вмѣстѣ съ Калиновскимъ и Лянцкоронскимъ. Заѣту де кривду и polegъ братъ его (писано послѣ того, что произошло подъ Винницею), котораго (писалъ Хмельницкій) „мнѣ жалъ, какъ великаго рыцаря и моего пріятели; но самъ онъ того хотѣлъ. И такъ какъ Ляхи начали войну, то я насытятся ею (będą jejъ susi)“.

Въ знаніи разрыва дружескихъ отношеній (увѣдомлялъ Кисѣль одного изъ своихъ пріятелей) Хмельницкій продалъ въ свою пользу 2.000 мѣръ его жита за нѣсколько десятковъ тысячъ злотыхъ. Но Кисѣль былъ таковъ запасливый хозяинъ, что и послѣ этой потери отправилъ возоблѣбъ въ лагерь короннаго войска.

Между тѣмъ Калиновскій держалъ военную раду и, по ея рѣшенію, выступилъ 6 марта, изъ Чернівецъ въ Винницю. Войско шло черезъ Мурахву, Браеное, и 10 марта остановилось на ночлегъ въ Сутискѣ. Въ ту же ночь гетманъ отправилъ впередъ къ Винницѣ брадавскаго воеводу съ его полкомъ на рекогносцировку. Отъ захваченныхъ на пути лыжковъ Лянцкоронскій узналъ, что въ Винницѣ расположился, въ видѣ гарнизона, кальницкій полковникъ Богунъ съ 3.000 козковъ. Калиновскій ускорилъ походъ свой, несмотря на глупый снѣгъ. Такъ какъ козаки не поставили сторожеваго отряда за мостомъ, то паны ворвались въ предмѣстья неожиданно. Конные и пѣшіе козаки вышля на рѣку Богъ, покрытую льдомъ, въ которомъ они заблаговременно надѣлали прорубей, незамѣтныхъ теперь подъ тонкимъ слѣбомъ льда и снѣгомъ. Лянцкоронскій съ хоругвами чераскаваго староеты, Юрія Киселя, и новгородскаго подстоля, Николая Мелешка, также Русина, бросился на козакъ, не осмотрѣвъ мѣстности. Онъ и самъ насилу выбрался изъ проруби, а Кисѣль, Мелешко, одинъ поручикъ, то есть панскій намѣстникъ въ походѣ, и много товарищей-солдатовъ погибли. „Тѣло Киселя“ (пишетъ Анонимъ)

„лежало потому непогребенное козаками, хотя онъ былъ и одѣянъ съ ними въры“, а звенигородскій староста Гулевичъ (Русанъ); въ письмѣ къ пріятелю изъ-подъ Винницы, прибавляетъ, что его съѣли собаки, осталась только голова и рука, такъ трудно было подступитъ къ нему осаждавшимъ Богуна.

„Козаки“ (разсказываетъ Осѣвцимъ), взяли знами воеводы и оба намени хоругвей. Хоругви отступили въ безпорядкѣ къ замку, который между тѣмъ заняли драгуны, и расположились вокругъ его укрѣпленій, но сильно страдали отъ выстрѣловъ козацкой артиллеріи. Потому уже отыскали Лянецбороскаго, который, выкарабкавшись изъ проруби, лежалъ на льду, избитый прикладами козацкихъ самопаловъ, и онъ отправилъ къ гетману юнца, чтобы свѣшилъ съ главнымъ войскомъ.

По разсказу Анонима, Винница была полна посольства, сбѣжавшагося отовсюду для козацкаго прѣмысла, такъ какъ въ это Смутное Время Польскаго Государства села перебирались въ мѣстечки, и отъ того мѣстечки дѣлались многлюдными горѣдами. О Богуна онъ говоритъ, что это былъ человѣкъ отважный во всѣхъ случайностяхъ войны; что, при своей отвагѣ, онъ былъ и разуменъ, и счастливъ, какъ это рѣдко соединяется въ одномъ человѣкѣ. О его неутомимой дѣятельности и удалствѣ мемуаристъ говоритъ съ удивленіемъ и даже съ любовью. Очевидно, что онъ выражалъ чувства разсказчиковъ-шляхтичей, относившихся къ этому козаку съ рыцарскимъ уваженіемъ. Богуна (пересказываетъ Анонимъ) выслалъ къ гетману чернецъ для переговоровъ и, воспользовавшись проволочкою трактата, выкрался ночью черезъ прилегавшій къ замку монастырь съ тремя сотнями комонника за Богъ, чтобъ развѣдать, не идетъ ли къ нему отъ Хмельницкаго подрѣзленіе. Въ то же самое время и паны отправили подвѣздъ на рекогносцировку. Панскій подвѣздъ былъ сильнѣе козацкой чаты, и Богуна, столкнувшись съ нимъ, побѣжалъ къ Винницѣ. Жолнеры узнали его среди козаковъ по блестящему при мѣсяцѣ панцирю, и лучшіе бойцы напрягали всѣ силы, чтобы схватить живымъ знаменитаго полковника. Богуна уходилъ, обнявъ шею своего чубараго коня, а когда его заскочили и схватили за плечи, онъ страхивалъ жолнеровъ такъ, что тѣ падали съ коней. Въ такой борьбѣ набѣжалъ Богуна на одну изъ тѣхъ прорубей, которыми недавно обманулъ пановъ, и погрузился было въ воду, но добрый конь вынесъ его изъ западни. Думали, что ледяная ванна охладитъ его боевой пылъ; но на разсвѣтъ самъ онъ атаковалъ панскую чату, и потомъ выдалъ его всюду за ретраншаментами на чубаромъ конѣ. Узнавъ издали, паны спрашивали его о здоровьѣ, и Богуна благодарилъ, что ему от-

платили за купанье купаньемъ. „Такъ мужественные кавалеры бесѣдуютъ и бьются!“ восклицаетъ Анонимъ.

По сказанію того же мемуариста, Богунъ укрѣпилъ городъ, замокъ и монастырь такимъ образомъ, что могъ безопасно перейти изъ одного мѣста въ другое, и свое фортификаціонное искусство сосредоточилъ на монастырѣ, занимавшемъ сильную позицію.

Объ этого сочувственнаго противникамъ и уважаемаго ими война-козака разбился, какъ увидимъ, Калиновскій въ своей кипучей, но безтолковой завзятости.

Онъ пришелъ къ Винницѣ 11 марта и расположилъ войско на позиціяхъ, но, поджидая артиллеріи, не предпринималъ военныхъ дѣйствій. Войско стояло день и ночь въ строю. Козаки, не довѣряя своимъ силамъ, въ полночь съ субботы на воскресенье зажгли городъ во многихъ мѣстахъ и заперлись въ монастырѣ. Тогда паны вступили въ городъ и, лишь только разсвѣло, пошли на приступъ. Бой длился, съ небольшими перерывами, цѣлый день въ воскресенье и всю слѣдующую ночь во вреду осаждающихъ. Въ понедѣльникъ, однакожъ козаки повинули первую линію палисада и сомкнулись во второй линіи своихъ укрѣпленій. Съ наступленіемъ ночи, на нихъ повели приступъ со всѣхъ сторонъ, при непрерывной пальбѣ. Они мужественно защищались огнестрѣльнымъ оружіемъ, косами, дубьемъ, камнемъ. Борьба продолжалась до полуночи. Съ обѣихъ сторонъ погибло много людей. Ни та, ни другая сторона не торжествовала.

Богунъ повелъ съ панами переговоры, очевидно, желая выиграть время. Съ панской стороны было сдѣлано козакамъ гордое предложеніе—выдать пушки, знамена и полковника Богуна. Козаки предлагали панамъ 4.000 воловъ, соглашались наконецъ, по увѣренію Освѣцима, выдать пушки и знамена, но выдать полковника, или кого-либо изъ старшины отказались на отрѣзъ.

Здѣсь паны прибѣгнули къ такой хитрости, которая должна была въ случаѣ удачи, только создать новое препятствіе къ примиренію польскаго элемента съ русскимъ, панскаго—съ козацкимъ, въ придачу къ тысячѣ уже надѣланныхъ ими самими и въ особенности ихъ руководителями, ксендзами.

Освѣцимъ пишетъ слѣдующее: „Переговоры кончились тѣмъ, что козаки обязались возвратитъ взятые у насъ знамена и удовлетворитъ житомирскаго старосту (Тишковича), имущество котораго они разграбили, а также возвратитъ лошадей, взятыхъ у насъ въ стычкѣ у прорубей, или уплатитъ ихъ стоимость деньгами. Когда эти условія были заключены, они требовали, чтобы войско наше очистило поле передъ

монастыремъ. Жолнерамъ дѣйствительно было приказано отступить съ поля и укрыться въ замкѣ, а также въ улицахъ и среди домовъ въ городѣ, но оставаться въ строю. Предполагалось употребить слѣдующую хитрость: когда козаки выйдутъ изъ укрѣпленій, окружить ихъ въ полѣ со всѣхъ сторонъ и потребовать выдачи старшинъ и оружія, а если не согласятся, разгромить ихъ окончательно. Намѣреніе это не удалось исполнить“....

Начались новые переговоры. Участники осады Винницы, Гулевичъ, писалъ къ пріятелю, что послѣ неудачнаго покушенія къ ночному бѣгству съ 12 на 13 марта, козаки, къ вечеру 13 числа, просили о помилованіи. Гетманъ (продолжалъ онъ) послать на переговоры меня и брацлавскаго подстоля, Ревускаго. Начали мы трактовать уже въ сумерки. Трактовали часа четыре подъ самими ихъ валами, и кой въ чемъ согласились. На утро рано—опять, и было постановлено, что они отдадутъ хоругви, армату, лошадей, дадутъ заложниковъ и разойдутся по своимъ домамъ, съ тѣмъ чтобы не поднимать больше руки противъ королевскаго войска. Отдали послѣ того хоругви, которыя мы и получили, получили также и часть лошадей, но армату они хотѣли оставить на мѣстѣ уходя. Заложниками взяли мы четырехъ весьма хорошихъ сотниковъ. Сверхъ того, присягалъ какъ самъ Богунъ во всякой вѣрности, такъ и войско, и когда все это было уже выполнено, козаки, неизвѣстно по какой причинѣ, вернулись къ своему упорству. Опять нѣсколько дней драка; потомъ вторично просятъ о помилованіи. Пришли мы снова подъ валы, я брацлавскій подсудокъ и стражникъ Замойскій. Но измѣнники показали себя измѣнниками и, вмѣсто привѣтствія, убили гетманскаго трубача и моего хлопца. Думаемъ такъ, что это было дѣломъ или—чернецовъ, которые съ нами сидятъ, или шляхты, которой у нихъ 70 человекъ: ибо эти—или боятся за свою шкуру, или по крайней мѣрѣ того, чтобъ ихъ не узнали, когда выйдутъ“.

То, что въ этой реляціи говорится о хоругвахъ, о лошадяхъ, о заложникахъ, очевидно, было только обѣщаніемъ со стороны козаковъ, но не совершившимся фактомъ. Освѣщимъ пишетъ: „Прервавъ переговоры, козаки объявили, что всѣ готовы погибнуть въ бою. Дѣйствительно пошли было они напроломъ, но были отбиты съ большимъ уропомъ. Тогда отступили за третью линію укрѣпленій, укрѣпили ее, и въ ней засѣли мужественно; при этомъ часть лошадей своихъ выгнали, и, когда наша челядь покушалась овладѣть ими, многихъ перестрѣляли. Наши окружили козацкія укрѣпленія валами, и постоянно сторожили, но не могли отрѣзать козаковъ отъ воды; громили осажденныхъ

пушечною пальбою, бросали въ ихъ таборъ бомбы; но бомбы козакъ успѣвали гасить, и въ сущности не могли мы имъ ничего сдѣлать. Между тѣмъ войско наше выбилось изъ силъ, такъ какъ все время жолнеры и лошадей не разсѣдывали, и сами не оставляли оружія.

18 марта, въ субботу, коронный обозный, сынъ полеваго гетмана отправился въ Кальникъ, полковой городъ Багуна, на рекогносцировку, съ цѣлью развѣдать, гдѣ находится Хмельницкій, и не подходитъ ли какое подкрѣпленіе на выручку Богуну. Онъ дошелъ только до Липовца, лежащаго въ 5 миляхъ отъ Винницы, и отправилъ оттуда для развѣдокъ пана Кондрацкаго по направленію къ Кальнику. Но едва Кондрацкій выступилъ въ поле, какъ наткнулся на козацкій передовой отрядъ, и замѣтилъ въ сторонѣ большое войско. Въ то же время другой конскій отрядъ напалъ на молодаго Калиновскаго, расположившагося въ Липовцахъ, и привелъ жолнеровъ его въ большое замѣшательство. Только выскочивъ изъ мѣстечка въ поле, удалось пану обозному привести въ порядокъ свои хоругви, но всѣ разсѣданныя лошади были потеряны. Притомъ же козаки, прежде чѣмъ напасть на Липовецъ, заняли дорогу въ Кохановку, и потому та часть отряда, которая сопровождала возы съ припасами, также потерпѣла значительный уронъ. Панъ Кондрацкій едва успѣлъ спастись, потерявъ много жолнеровъ, посланныхъ съ нимъ изъ разныхъ хоругвей. Но молодой Калиновскій, вернувшись къ отцу 20 числа подъ вечеръ, все-таки привелъ нѣсколько захваченныхъ въ плѣнъ козаковъ. Они показали, что Хмельницкій былъ въ Бѣлой Церкви, и уже выступилъ навстрѣчу панскому войску.

Коронный полевой гетманъ рѣшился отступить въ какую-нибудь мѣстность, болѣе удобную для продовольствія войска: ибо ледъ на рѣкѣ Богъ уже тронулся, а по сю сторону рѣки не было возможно-сти добыть фуража. Но прежде онъ хотѣлъ попытаться, не посчастливится ли ему взять приступомъ осажденныхъ. Приступъ начался съ разсвѣтомъ. Козаки сдѣлали тотчасъ вылазку, но нѣсколько человѣкъ ихъ попало въ плѣнъ; зато и они увели къ себѣ двухъ плѣнниковъ. „Вообще козаки сражались храбро“, пишетъ Освѣцимъ. Было очевидно, что панамъ съ ними не совладать, и тѣмъ болѣе, что въ панскомъ стану знали о наступленіи большаго козацкаго войска. Напротивъ козаки съ каждыиъ днемъ и часомъ ожидали помощи.

Помощь пришла къ нимъ во время самаго приступа, спустя нѣсколько часовъ послѣ восхода солнца. На выручку Богуну подоспѣлъ уманскій полковникъ, Глухъ, съ 10.000 козаковъ. Для пановъ это было неожиданностью: не рассчитывали они такъ скоро столкнуться

съ превосходными непріятельскими силами. Козаки, съ ужасающимъ крикомъ, заняли новый городъ, отдѣленный отъ стараго, занятаго нами, только мостомъ, на разстояніи: выстрѣла изъ пула.

„Въ нашемъ войскѣ“ (пишетъ Освѣдимъ) „произошло страшное замѣшательство. Жолнеры не слушали распоряженій и разорвали боевой строй. На трубахъ играли тревогу, что еще больше усиливало страхъ и смятеніе. Наконецъ наши, бросившись на лошадей, выскочили въ поле къ Якушинцамъ, и здѣсь построились въ боевой порядокъ; но часть хоругвей осталась на прежнемъ мѣстѣ, передъ фронтномъ мѣнастрыя, въ которомъ заперлись козаки. Панъ воевода, съ нѣсколькими козаками (легко вооруженными, по-козацки) хоругвями, бросился къ мосту, за которымъ стоялъ непріятель, и завелъ съ нимъ перестрѣлку. Вся эта тревога была совершенно напрасна, хотя бы козаки выжили и въ большемъ количествѣ. Богъ уже тронулся, и они не могли переправиться на сю сторону. Но челядь, бывшая у обоза, не обративъ на это вниманія, побросала возы, лошадей и обратилась въ бѣгство. Ея примѣру послѣдовали и товарищи изъ разныхъ хоругвей; другіе же, видя, что возы оставлены безъ присмотра, бросились къ нимъ, и свои стали грабить своихъ. Дѣло вышло похожее на Пилавецкую битву, съ тою разницею, что нѣхота и часть хоругвей, оставшаяся въ строю, сомкнулись, и въ порядкѣ отступили по направленію къ Бару. На прощанье, козаки, взбѣжавъ на возы, провожали нашихъ обычными криками, прилагая къ Лякамъ разные оскорбительные эпитеты: Цыгане! утікачі! безмозглые! пилавчики! кричали они. *Утікайте даліше за Вісму! не тутъ ваше діло!* *) Гетманъ былъ очень смущенъ отъ этого безпорядка и слишкомъ поспѣшнаго отступленія. Жолнеры негодовали на него за отсутствіе распорядительности. Они сами были страшно изнурены, лошадей измучили и, въ заключеніе, лишились возовъ, запасныхъ лошадей, челяди, съѣстныхъ и боевыхъ припасовъ. Въ большомъ смятеніи, усилившемъ самоувѣренность непріятеля, отступило войско отъ Винницы, прекративъ осаду, и направилось въ Баръ, куда пришло 24 числа“.

Тамъ разбилъ себя Калиновскій о Богуна, который—то подставлялъ ему желѣзные бока свои, то выигрывалъ время по-козацки лужеными переговорами. Постыдное бѣгство его Освѣдимъ снисходительно называлъ безпорядочнымъ отступленіемъ, но прибавилъ къ нему такіа характеристическія черты обоихъ панскихъ полководцевъ, которыя низводятъ ихъ до уровня грубіяновъ, крутившихъ дуля ятлп.

*) Курень писанъ въ польскомъ подлинникѣ порусски.

„Главною причиною сматенія и безпорядка нашего“ (пишетъ онъ), „было соперничество и ссоры вождей, то-есть полеваго гетмана и брацлавскаго воеводы. Послѣдній желалъ распорядиться независимо отъ гетмана; притомъ онъ хотѣлъ удержать у себя серебряный перначъ Нечая, но долженъ былъ отдать его гетману, который выбралъ его по этому случаю. Другой разъ они столкнулись въ Шаргородѣ: здѣсь, во время разговора, воевода упомянулъ о томъ, что онъ увѣщевалъ жолнеровъ повиноваться гетману; но гетманъ, всплывъ, отвѣтилъ: Ваши увѣщанія имѣли столько же вѣса, какъ этотъ кукишъ, причеиъ онъ показалъ кукишъ воеводѣ. Поистинѣ стыдно и позорно для вождей заниматься такими школьными выходками. Воевода, ничего не отвѣтилъ, но вышелъ изъ комнаты. Въ третій разъ гетманъ обругалъ воеводу, когда тотъ попрекнулъ его тѣмъ, что онъ, въ письмахъ къ королю, исключительно себѣ приписываетъ всякое успѣшное дѣйствіе.

„Какъ образецъ безобразія“ (продолжаетъ Освѣцимъ), „до котораго войско дошло вслѣдствіе этихъ ссоръ и неуваженія подчиненныхъ къ вождямъ, приведу очень грустный случай. Когда 18 марта казаки очистили Придуку, туда отправилось для собранія фуража нѣсколько тысячъ войсковой челяди. На обратномъ пути, жолперы изъ полковъ гетманскаго и князя воеводы русскаго ограбили жолнеровъ брацлавскаго воеводы. Утверждали, что зачинщикомъ безпорядка былъ какой-то товарищъ изъ хоругви князя Вишневецкаго. Брацлавскій воевода, требуя по этому поводу удовлетворенія у гетмана, попрекалъ указаннаго товарища. Присутствовавшій при этомъ нашъ Незабитовскій, поручикъ той роты, въ которой служилъ товарищъ, замѣтилъ воеводѣ: „Ваша милость постоянно къ намъ придирается“. Разговоръ обострился. Наконецъ воевода сказалъ Незабитовскому: „Тебѣ пристало скорѣе быть быкомъ, чѣмъ жолнеромъ“. Панъ Незабитовскій отвѣтилъ на это: „А тебѣ подобаеиъ скорѣе быть козыимъ пастухомъ, нежели сенаторомъ“. Воевода замолчалъ, а панъ Незабитовскій вышелъ. Разговоръ происходилъ въ присутствіи гетмана; но, когда воевода ему пожаловался, онъ за него не вступился, и отвѣчалъ пословицей: „гдѣ брѣютъ, тамъ и бьютъ“; потому воевода чувствовалъ себя оскорбленнымъ въ этомъ случаѣ больше гетманомъ, чѣмъ Незабитовскимъ“.

Картину разбившагося о козацкій авангардъ панскаго войска доканчиваетъ Войцѣхъ Мясковскій, авторъ дневника Переяславской комиссіи, теперь намѣстникъ хоругви калипскаго каштеляна, Розражевскаго. „Увѣряю васъ“ (писалъ онъ, какъ видно, къ Розражевскому), „что нынѣшніе наши труды превзошли Збаражское осадное сидѣнье:

ежедневные приступы, безпрестанныя стражи,—такъ что, стоя три дня и три ночи на стражѣ, не разводя огней, должны были мы отмораживать носы, руки, ноги. А подъѣзды! Счастливая была та недѣля, въ которую мы не по три раза чатовали,—такъ что кони у насъ выбились наконецъ изъ силъ. Пять недѣль не сходятъ съ нихъ сѣдла,—страшныя ссадины, горше чѣмъ подъ Збаражемъ. Въ Липовцѣ всѣ бы мы остались на мѣстѣ, когда бы самъ Господь Богъ не оборонялъ насъ. На одну нашу (Розражевскаго) хоругвь ударила вся непріятельская сила, съ которой, столкнувшись въ тѣсныхъ улицахъ (ortokach) темною ночью, сѣкли мы два часа, и только днемъ, прійдя въ порядокъ и взявши 19 добрыхъ языковъ, вернулись къ войску. Какимъ это образомъ случилось, что его милость панъ гетманъ не зналъ о непріятелѣ, пока не увидѣлъ его передъ собой,—не могу понять. Отъ этого произошло страшное смятеніе, превосходившее и Пилявецкое. Съ хоругвями одни (бросились) въ ворота, другіе черезъ валъ, одни верхомъ, другіе пѣшкомъ, и еслибъ его милость панъ воевода брацлавскій не уперся на мосту, то легла бы тамъ вся пѣхота. Стояли мы до полуночи въ строю, потомъ двинулись въ Баръ, сведя съ поля пѣхоту и покинувъ съ тысячу больныхъ и раненныхъ. Шла за нами сволочь (colluvies) до нашихъ переправъ, не безъ (нашего) урону: ибо отъ неосторожности старшихъ, не оставившихъ ни одного полка въ арріергардѣ, оторвали у насъ нѣсколько сотъ возовъ и столько же челяди. Отступивъ такимъ образомъ въ смятеніи, въ страшномъ безпорядкѣ, въ проклятомъ разстройствѣ (w przeklętej sprawie), притапились мы сюда на Барскій постъ, гдѣ намъ придется до остатка повялить измученныхъ лошадей и самимъ бездѣйственно погибать въ страшной истомѣ⁴.

Въ тотъ же самый день Калиновскій доносилъ королю по Яно-Казимировски, что еслибы ему прислали подкрѣпленія, то Хмельницкому давно былъ бы конецъ, и храбро прибавлялъ: „За мною дѣло не стоитъ... А услужливый сочинитель дневника „козацкой экспедиціи отъ 19 до 24 марта“ написалъ даже, что, „получивъ извѣстіе о прибытіи не малыхъ козацкихъ силъ на помощь осажденнымъ, его милость панъ гетманъ велѣлъ войску выходить въ поле и таборомъ идти къ Бару“. Липовецкое дѣло молодаго Калиновскаго также здѣсь названо счастливымъ, а потери его покрыты молчаніемъ.

Стѣсняясь въ средствахъ для прокормленія войска въ предѣлахъ одного барскаго старства, Калиновскій распредѣлилъ его всюду, гдѣ могъ, чтобъ дать ему оправиться. Но движеніе козаковъ заставляло пановъ думать объ охранѣ внутреннихъ провинцій. Ляницкоронскій, иду-

чи въ Хмельникѣ на указанную его жолнерамъ квартирровку, видѣлъ на пути своемъ въ Летичевѣ, 30 марта, многихъ жителей Константинова, бѣжавшихъ отъ Орды и козаковъ. Отправленные для развѣдокъ двѣ хоругви прискакали въ Константиновъ къ полночи. Ночевавшіе тамъ пьяные козаки полковника Крысенка, вмѣстѣ съ Татарами, бѣжали въ испугѣ, побросавъ свои прикметы и лошадей, какъ верховыхъ, такъ и вьючныхъ. Убито ихъ было немного, но гораздо больше потонуло въ рѣкѣ Богѣ. Счастливыя козакотатарскимъ испугомъ хоругви, захвативъ нѣсколько козаковъ, двоихъ Татаръ и до 20 татарскихъ лошадей, успѣли удалиться, чтобы непріятель не напалъ на нихъ, опомнясь отъ своей паники. Дѣйствительно утромъ козаки Крысенка возвратились въ городъ, собрали покинутое тамъ добро свое, перерѣзали многихъ людей, городъ сожгли и отступили въ Хмельникъ, гдѣ расположились въ замкѣ и въ городѣ. Для охраны себя отъ панскихъ подѣздовъ, они сожгли постройки на панской сторонѣ рѣки Бога и разрушили мостъ. Лянцкоронскій, вмѣсто Хмельника, долженъ былъ квартировать въ Летичевѣ, сильно страдая отъ голода.

Получивъ извѣстіе о движеніи козаковъ и Татаръ, Калиновскій предпочелъ ожидать ихъ въ болѣе безопасномъ мѣстѣ, у Каменна, а въ Барѣ оставилъ гарнизонъ. Объ этомъ писалъ онъ къ королю изъ Бара отъ 2 апрѣля: „Не видя больше возможности противостоять непріятельской силѣ, снабдилъ я Баръ гарнизономъ, и выступаю (*progrebior*) съ войскомъ далѣе, подъ Каменецъ: такъ какъ нѣтъ сомнѣнія, что всѣ полки, и заднѣпровскіе, и здѣшніе, приблизились къ войску съ немалыми татарскими вспоможеніями. Боюсь поэтому, чтобы и войска не обмануть (*abum i wojska nie zawiódl*), и Рѣчь Посполитую не привести въ пагубу, и гнѣву вашей королевской милости не подвергнуться... Провожу время не праздно и нынѣ: ибо нѣтъ у меня такого дня, чтобы не добывалъ подѣздами языковъ и не истреблялъ непріятеля“.

Приказъ направляться къ Каменцу былъ горестною необходимостью для отрядовъ, шедшихъ на отдыхъ въ Баръ. Красноставскій староста, Маркъ Собіскій, писалъ къ пріятелю отъ 6 апрѣля изъ-подъ Зѣнькова, что войско держало тамъ раду, куда бы ему обратиться для отдыха, „пока непріятель позволить“: ибо, въ противномъ случаѣ, осталось бы оно безъ лошадей, „невъразимо измученныхъ и изнуренныхъ“. Было рѣшено расквартировать войско полками подъ Каменцемъ такъ, чтобы, въ случаѣ наступленія непріятеля, оно могло обратиться къ полевому гетману въ одни сутки. „Не мы виновны въ томъ“ (продолжалъ бѣдный Русинъ), „что такъ дурно идутъ дѣла: виновны

подвѣрженія, которыя къ намъ не подходятъ, а наше войско ежедневно уменьшается. На бумагѣ былъ представленъ сейму большой компуть войска, а пришло къ намъ только 16 хоругвей; прочія ползугъ какъ раки, и неизвѣстно, придуть ли къ намъ. Рѣчь Посполитая сама передъ собой виновна. Рванулись мы слишкомъ скоро и зашли слишкомъ далеко, а теперь не можемъ найти себѣ нигдѣ мѣста, кромѣ Каменца"... А подольскій судья Лукашъ Мясковскій представляетъ къ этому отъ 7 апрѣля изъ Микулинецъ: „Прибѣжалъ ко мнѣ товарищъ (рядовой шляхтичъ) его милости полевого гетмана, ища челяди, бѣжавшей со своими почтовыми“ (принадлежавшими къ почту) лошадьми. О войскѣ нашемъ говорить, что оно отступило по причинѣ голода“.

Въ то время, когда одинъ полководецъ разбился о Богуна въ Винницѣ и привелъ подъ Каменецъ остатки войска, какъ пишетъ Мясковскій, проголодавшася, унылаго, вымореннаго, измученнаго (*z głodzonego, opieszalego, wumorzzonego, wumęczonego*), — другой (Лянцкоронскій), ободренный нѣсколькими стычками съ неприятельскими чатами, писалъ къ королю, что не нужно было уже никакого войска на козаковъ, и общалъ ему успокоить Украину въ нѣсколько недѣль. Копія писемъ его, присланная изъ Варшавы, произвели въ обломкахъ войска Калиновскаго крикъ величайшаго негодованія. И такимъ-то вождямъ, обезьящимъ наперерывъ передъ королемъ польскихъ королей, предстояло спасать Польшу отъ Малороссіи, вооружившейся варварски противъ ея варварскаго господства.

Апрѣля 12 варвары-номады напали на варваровъ цивилизаторовъ, охранявшихъ Варъ. Три легкія хоругви, назначенныя для обороны города, слыша, но ничего не зная, о громадныхъ силахъ неприятеля, отступили къ войску, не добывъ даже языка, а 300 человекъ Нѣмцевъ ушли изъ замка. Но мужики хмельничане, ограбивъ мѣстечко, на замокъ не покусились, и, погулявъ здѣсь „по-козацки“ нѣсколько часовъ, исчезли, къ стыду польской цивилизаціи и гражданственности.

Въ это время достойный такого государства король повелѣлъ коронному великому гетману собрать всѣ вновь на вербованные отряды войска у Владиміра, и самъ выѣхалъ, для примѣра польскимъ королямъ, какъ справедливо называлъ пановъ Хмельницкій. Узнавъ, что Потоцкій основалъ обозъ у Владиміра, Калиновскій стянулъ всѣ свои хоругви подъ самый Каменецъ, и 23 апрѣля расположился по ту сторону рѣки, у замка. Каждый сталъ по возможности запасаться провіантомъ, который пришлось покупать по небывало высокимъ цѣнамъ. Мясковскій писалъ еще 7 апрѣля, что жолнеры платили за осьмачеу

овса по червонцу и дороже, да и тѣмъ не могли поправить лошадей, „не вставаа пять недѣль съ сѣдла“: не было времси кормить ихъ (choć było czên, ale nie było kiedy). Непрiятеля ждали сжедневно, и такъ простояли лагеремъ цѣлую недѣлю. Наконецъ военная рада рѣшила—идти на соединеніе съ главными силами, пробиваясь на пути сквозь козакотатарскіе отряды.

Мая 7 войско двинулось, а между тѣмъ Хмельницкій сосредоточилъ свои силы на урочищѣ Ганчарихѣ, между Межибожемъ и Старымъ Константиновымъ. Ему слѣдовало не допустить полеваго гетмана соединиться съ королемъ, и онъ отправилъ впередъ нѣсколько отборныхъ полковъ конницы, да нѣсколько тысячъ Татаръ, съ приказаніемъ—захватить у панскаго войска лошадей, чтобъ остановить, или, по крайней мѣрѣ, задержать его движеніе, пока самъ не подойдетъ съ остальными силами.

Гонитва его за панами и ихъ жолнерами представляла опасность со стороны Литвы, гдѣ погибъ незамѣнимый никѣмъ Кричевскій, гдѣ палъ не боявшійся ни огня, ни меча, ни болотныхъ топей Голота, гдѣ, вмѣстѣ съ мужественнымъ бойцомъ Подобайломъ перетонуло въ болотахъ и рѣкахъ много таки отчаянныхъ козарлюгъ, какими заявили себя Наливайковы мартиновцы. Внукъ Радивиля Перуна и сынъ того Криштофа Радивиля, который, по словамъ Юва Борецкаго, былъ достоинъ въ памяти всѣхъ грядущихъ вѣковъ за оборону православныхъ іерарховъ, былъ страшилищемъ псевдовоиителя за малорусскую церковь. Чтобъ остановить его грозное движеніе въ Украину, котораго боялись, и въ Збаражчину, Хмельницкій отправилъ три полка: полтавскій, переяславскій и черниговскій, составившіе 20.000-й корпусъ, подъ начальствомъ Небабы, по отъзвѣ пановъ, опытнаго и хорошаго воина, и поручилъ имъ не допускать литовскаго войска переправляться черезъ Днѣпръ.

Мысль овладѣть Каменцемъ постоянно занимала Хмельницкаго, не умѣвшаго взять всѣми своими силами и средствами збаражской западни. Этой мысли сочувствовали и лучшіе козаки, которыхъ наша историографія представляетъ патриотами. Подъ начальствомъ такихъ сыновей козацкаго отечества, отправилъ Хмѣль надежнѣйшихъ соратниковъ своихъ, среди которыхъ, вѣроятно, находился и будущій предатель Каменца Магомету IV, Петро Дорошенко. Рьяные воины пробѣжали, съ татарской быстротой, 12 миль въ однѣ сутки, и явились подъ свалистымъ городомъ, хранительнымъ устоемъ поколебленной Польши; но воевать было ужѣ не съ кѣмъ, а каменнаго гнѣзда древнихъ Русичей не могъ взять и Перебийнось, утопившій въ женской

зроби Полонное и гордо заявившій во Львовѣ свое равенство съ Хмельемъ. Тѣмъ не менѣ хмельничане сдѣлали попытку овладѣть Подольскимъ Каменцемъ, и вонъ какъ доносилъ объ этомъ одинъ изъ его защитниковъ коронному полевому гетману.

„Пишу кратко о нашемъ сидѣннѣ въ осадѣ, продолжавшемся три дня. Когда нашъ обозъ двинулся изъ-подъ Каменца съ понедѣльника на вторникъ, непріятель сжегъ и вырѣзалъ Дунай городъ, всѣ окрестности Каменца уничтожилъ поголовно (zniszczył na głowę), и яа бѣгущихъ людяхъ вѣхалъ рано утромъ въ предмѣстье. Мы сперва думали, что это наше войско, потому что сперва подошло подъ городъ едра 300 человекъ ихъ передней стражи. Съ голыми саблями на темлякахъ, они отнимали у бѣгущихъ въ городъ скотъ. Но на возвышенности стараго лагеря появились Татары, и разсыпались какъ муравейникъ, одни къ Паневцамъ, а другіе къ Чернокозеницамъ. Тогда салютовали изъ замковыхъ пушекъ, а между тѣмъ наступили козаціе полки, которыхъ считали „80.000 языковъ“, да Татаръ 12.000. Козаки остановились на горѣ, и сдѣлали первый приступъ къ городу пѣхотою, которая такъ сильно ударила на наши двѣ конныя хоругви и на 200 Нѣмцевъ, что они отступили въ городъ; а между тѣмъ хлопство напало подъ замокомъ на скотъ и на таборъ мужиковъ, бѣгущихъ въ городъ. Забравши у нихъ множество скота, овецъ и одежды, оно удалилось къ своему обозу. Послѣ обѣда того дня и ночью не было намъ отъ нихъ безпокойства, однакожъ они послали нѣсколько тысячъ войска къ Чернокозеницамъ и Паневцамъ. Чернокозеницы оборонялись хорошо. Замокъ со шляхтой освобожденъ; городъ козаки сожгли. Панѣвцы взяли на третій день предательствомъ Тришлятковскаго, слуги пана каневскаго старосты, который выдалъ имъ одежды, серебро, обозъ, нѣсколько турецкихъ коней, и самъ ушелъ къ нимъ съ какимъ-то Гловацкимъ; но они Тришлятковскаго обезглавили, хотя прежде обѣщали ему полковничество, а Гловацкому дали хоругвь. Въ среду сдѣлали одинъ приступъ (къ городу), а другой къ Русской брэмѣ, ударивъ отважно. Но, такъ какъ мы сожгли Каравансеръ, и домики подъ скалою, чтобъ намъ оттуда не вредили, то наша пѣхота была ихъ тамъ хорошо и прогнала на самую гору. Выѣхалъ также съ 300 комонника и павъ староста каменецкій (Петръ Потоцкій). Разили ихъ и конница, и замковыя пушки такъ сильно, что они бѣжали подъ Кешеню. Тамъ наши отняли у нихъ 60 возовъ съ добычею, награбленною въ Панѣвцахъ, и добыли много козацкихъ и татарскихъ языковъ, которые показывали согласно, что еуда подъ Каменецъ Хмельницкій выслалъ отборное войско, чтобъ занимало

квартировъ и не допустило ихъ соединиться съ королемъ... Съ середѣ на четвергъ устроило себѣ русское хлопство кругомъ (сігсисігеа) подъ самой скалой шанцы, изъ которыхъ цѣлый день причиняло великій вредъ городу и людямъ. Но ихъ также хорошо щупали (масало) въ тѣхъ шанцахъ съ замка и башенъ пушечною пальбою, такъ что принуждены были бѣжать, покидая хоругви. Послѣ обѣда вышло нѣсколько сотъ пѣшаго охотника и двѣ сотни вѣмецкой пѣхоты пана Зылинскаго, къ старому становищу, а съ другой стороны отъ замка къ Кешені выбѣжали панъ староста въ нѣсколько сотъ конницы. Тамъ дважды наши двинули (ruszyli) ихъ изъ шанцевъ, и отняли нѣсколько хоругвей, но не могли устоять противъ ихъ силы, потому что ихъ наводилъ (nawodził) хорошо Богунъ, подъ которымъ также изъ замковой пушки убили коня, и самъ онъ едва убрался въ таборъ. Много перебили этого хлопства изъ пушекъ и ружей, такъ что не досчитались между собой цѣлаго полка. Хватаясь за сабли, порывались они къ своему наказному (do polnego), Демку, за то что, противъ воли и приказа Хмельницкаго, потерялъ такъ много людей подъ Каменцемъ, какъ это показали намъ ихъ языки. Въ полночь съ четверга на пятницу пришелъ къ нимъ горячій (gorący) универсалъ, чтобъ оставили совершенно все и шли одни комонникомъ за нашимъ войскомъ, а другіе ему (Хмельницкому) навстрѣчу. Заиграли у нихъ ворю въ трубы, въ шиноши (szyrosze), и сдга погребли свои трупы, зарывая съ ними сухари, салъ, ветчину, водку въ фляжкахъ *). На своемъ таборищѣ, которое растянули отъ самихъ Зѣнковичъ до Мобши и подъ Недоборъ, побросали много взятаго скота и барановъ, жаркаго на рожнахъ, муки, хлѣба, воевъ, такъ что каменецкое убожество собирало все это послѣ нихъ три дня. Но, что всего удивительнѣе, козаки и Татары отпустили на волю много плѣнныхъ разнаго пола и состоянія. Эти плѣнники рассказывали, что въ ту ночь такая у нихъ въ таборѣ сдѣлалась тревога, что перекопскій бей и Татары, получивъ какое-то нерадостное извѣстіе о Хмелевыхъ козакахъ, рвали на себѣ волосы и бились въ землю... Не даромъ они такъ спѣшили, что и подъ Гуменцами бросили нѣсколько воевъ, нагруженныхъ разнаго рода крупю. Пошли по слѣдамъ вашей милости и, слышно, сожгли скалу. Татары, однакожь, упорствовали идти за ними, и, видно, что-то случилось у нихъ (śnac ich sami coś zapadło): вид-

*) На старинныхъ кладбищахъ и нынѣ вырываютъ въ головахъ у скелетовъ горілку въ фляжкахъ.

но, не хотѣть наступать; говорятъ, что имъ Богъ на эту войну идти не велитъ“.

Летучія козацкія чаты настѣгли пановъ римскаго 9 мая, у переправы черезъ небольшую рѣчку у мѣстечка Пробожной, въ нынѣшнемъ Чортковскомъ округѣ Галиціи. Помѣшать переправѣ были онѣ безсилны, а угнаться за ихъ свѣжими лошадыи не могли паны на своихъ лошадахъ, истощенныхъ походами да подѣздами. Одного козака поймали таки живьемъ, да наканунѣ одинъ изъ панскихъ подѣздовъ привелъ къ гетману нѣсколькихъ Татаръ.

Мая 10, переправляясь черезъ рѣку Сереть у Янова (въ Тернопольскомъ округѣ Галиціи), паны, въ виду затруднительной переправы, ожидали появленія козаковъ; но ожиданіе было напраснымъ, потому (какъ это сдѣлалось извѣстнымъ послѣ отъ плѣнниковъ), что козацкіе полковники напились черезъ мѣру горілки.

Не менѣе трудную переправу встрѣтилъ Калиновскій и 12 мая у Купчинець (въ Бережанскомъ округѣ Галиціи), на рѣкѣ Стрипѣ. Полковники успѣли опохмѣлиться, догнали пановъ, но дали имъ почти совсѣмъ переправиться. На козацкомъ берегу оставался только полкъ молодого Калиновскаго. Козаки напали на него внезапно, такъ что онъ едва успѣлъ построиться. Отбиваясь, Калиновскій началъ отступать на другую сторону, расположивъ у переправы пѣхоту подѣ начальствомъ того Бутлера, который въ 1680 году, вмѣстѣ съ ротмистромъ Жолтовскимъ, оборонилъ отъ козаковъ-тарасовцевъ тогдашняго архимандрита Кіевопечерской Лавры, Петра Могилу, и его монастырь. Здѣсь Бутлеръ палъ съ нѣсколькими десятками своихъ воиновъ. Козаки не разъ истребляли наемныхъ Нѣмцевъ до остатка: Такъ хотѣли они поступить съ вѣрными хранителями пановъ и теперь; а панская конница не могла подать Нѣмцамъ помощи въ-время. Сильно тѣсными Нѣмцы стали отступать, и въ это время погибъ встеранъ Бутлеръ. Ободренные успѣхомъ, козаки и Татары начали отважно переправляться, а переправясь, развернулись въ тылу панскаго войска и налегли на его арріергардъ и на обозъ, но были согнаны съ поля, и оставили нѣсколькихъ Татаръ и козаковъ плѣнниками, въ томъ числѣ Негычай-мурзу, изъ знатной фамиліи даерскихъ мурзъ, и каневского сотника, Шабельниченка. Послѣ боя, панское войско простояло всю ночь въ строю подѣ проливнымъ холоднымъ дождемъ. Козаки не отважились напасть на него.

Между тѣмъ пріѣхалъ налегкѣ новый коронный подканцлеръ, Іеронимъ Радзѣевскій, и передалъ Мартину Калиновскому посланіе Николая Потоцкаго, передвинувшаго уже свое войско изъ-подѣ Вла-

диміра къ Сокалю (въ Злочевскомъ округѣ Галиціи). Дѣло въ томъ, что корсунское несогласіе между главами короннаго войска пережило ихъ плѣненіе. Радзѣвскій, воспитанный въ школѣ отца, расчетливо щедрого хлѣбосола, умѣлъ говорить и съ козацкими, и съ панскими своевольниками. По порученію короля, онъ подготовилъ уже въ Сокалѣ Потоцкаго къ совмѣстному служенію отечеству съ соперникомъ; точно то же долженъ былъ онъ сдѣлать и съ Калиновскимъ.

13 мая переправились паны въ Поморяны. Козаки показывались на пути маленькими чатами отъ 10 до 20 всадниковъ, но приблизиться не смѣли. Калиновскій зналъ, что сзади быстро наступаетъ Хмельницкій, чтобъ отрѣзать его отъ сокальскаго войска. Въ Поморянахъ, паны сожгли всѣ возы, которыхъ оставалось еще по 10 на каждую хоругвь; двѣ пушки, порохъ и больныхъ оставили въ поморянскомъ замкѣ, и спѣшили соединиться съ королевскимъ ополченіемъ, проходя по двѣ и по три мили ежедневно. Козаки ждали ихъ у Зборова; но они круто повернули въ другую сторону, и безъ дальнѣйшихъ включеній, достигли королевскаго лагеря.

Въ королевскомъ лагерѣ представили они изъ себя не воиновъ, спорившихъ съ дикарями за обладаніе воздѣланнымъ ими краемъ, а дикарей-бѣглецовъ, покусившихся на чужую землю, которую владѣть было не по ихъ нравственнымъ и вещественнымъ силамъ. Преслѣдовавшіе Калиновскаго туземцы, въ числѣ 18.000, съ прибавкою 2.000 Татаръ, довели его до крайняго изнуренія, въ какомъ былъ нѣкогда заклятый врагъ его дѣда, царь Наливай, ускользнувшій „какъ лѣсной звѣрь“, въ таинственную тогда Уманію къ мѣнческимъ Синимъ Водамъ. Оборванные и разстроеныя жолнеры Калиновскаго, въ глазахъ защитниковъ польскаго отечества, представляли не больше цѣнности, какъ остатки разбитаго на голову и разбѣжавшагося войска.

Но калиновцы, какъ увидимъ далѣе, не были контрастомъ среди соединившихся въ Сокалѣ помогаль.

Г л а в а XXVI.

Воюющія стороны, неспособныя къ правотѣ.—Наискій лагерь подъ Сокалемъ.— Война Римлянъ съ Греками посредствомъ пановъ, а Грековъ съ Римлянами посредствомъ козаковъ.—Достоинство московскаго правительства въ виду этой борьбы.—Движеніе царскаго войска къ Берестечку.—Козацкое становище и приходъ Крымскаго хана къ козакамъ.—Первая битва подъ Берестечкомъ.

Несчастенъ былъ тотъ народъ, который ввѣрилъ свою судьбу колонизаторамъ нашей опустѣлой отъ Татарскаго Лихолѣтя Малороссіи, сколько бы ни было между ними аборигеновъ. Колонизаторы прельщали этотъ сбродный народъ, какъ бы новыхъ египетскихъ бѣглецовъ, мечтали о землѣ, текущей молокомъ и медомъ, не были способны воспользоваться благодатною почвою нашей родины, и допановались въ ней до того, что голодали на сѣняхъ берегахъ молочныхъ и медовыхъ рѣкъ, наконецъ были подавлены и изгнаны съ безчестіемъ подражателями ихъ самоуправства, козаками. Довѣрчивый и увлеченный панами въ обтѣванную землю народъ оказался въ ней бѣдствующимъ. Но не меньше выпало бѣдствій и на долю тѣхъ, которые, въ качествѣ передовиковъ его, двинулись въ роскошныя пустыни изъ зажитыхъ и прославленныхъ древнимъ русскимъ, литворусскимъ, польско-русскимъ, пѣмско-русскимъ мужествомъ. Они сдѣлались рабами рабовъ своихъ, изгнанниками изъ земли древнѣйшихъ предковъ своихъ.

И вотъ, изгнанные и изгоняющіе собираются передъ нами на послѣднемъ человѣческомъ судѣ за содѣянные обѣими воюющими сторонами неправды, тѣ и другіе преисполненные чувствомъ правоты своей, тѣ и другіе равно жалкіе въ нашихъ глазахъ неспособностью къ правотѣ.

Съ такими чувствами приходится потомкамъ *осадниковъ* и *осадчимъ* старой Малороссіи проповѣдывать спасительную идею русскаго воссоединенія въ изображеніи междусловнаго спора, который, съ тече-

ніемъ времени, сдѣлался междуцерковнымъ и пакопецъ—международнымъ.

Всмотримся сперва въ панское войско—глазами самихъ потомковъ панскихъ, которыхъ большая часть позабыла свое русское имя ради имени польскаго.

Предводитель панскаго войска, Янъ Казимиръ, называемый Казимиромъ V въ воспоминаніи о Казимирѣ IV Великомъ, прибылъ 27 мая въ лагерь, соединявшій въ себѣ всю вооруженную Польшу. Прибылъ онъ, великій монархъ, непобѣдимый побѣдитель,—и ему (рассказываютъ сами Поляки) представилось поразительное, страшное зрѣлище.

Польскій лагерь подъ Сокалемъ (говорятъ они) былъ готовою для непріятели добычею. Выѣсто того, чтобы представлять грозный редутъ вольнаго Шляхетскаго Народа, опоры могущества *польскихъ королей* и короля королей польскихъ, онъ казался громаднымъ лазаретомъ: такъ ужасно разбились папы о собственныхъ мужиковъ своихъ во всѣхъ столкновеніяхъ за право владѣть землею,—отъ Желтоводскаго до Крупчипецкаго включительно. Голодный тифъ похищалъ храбрыхъ жолнеровъ одного за другимъ съ бѣльшею быстротою и безпомощностью, чѣмъ похищаетъ голодный коршунъ цыплятъ. Вокругъ боеваго лагеря, послѣдней опоры славы и вольности шляхетской, не было ни валовъ, ни шанцевъ. Босые оборвыши жолнеры оставались безъ оружія,—изнемогшіе львы безъ когтей и зубовъ. Квартяки Калиновскаго, не уступавшіе въ личной отвагѣ Богуну и его отчаяннымъ шляхтичамъ, таяли здѣсь отъ всякихъ недуговъ поразительно. Они были набраны изъ ветерановъ Тридцатилѣтней войны да перестроены изъ старыхъ полковъ покойнаго короля, побѣдителя многоцарственной Москвы, готовившагося къ покоренію не до покореннаго македонскимъ героемъ Востока. Изнуренные безпрестанною борьбою съ непріателемъ и многочисленнымъ, и повсемѣстнымъ, уменьшенными и разстроеными бѣгствомъ—сперва изъ-подъ Винницы, потомъ изъ-подъ Камсца, одесятствованные болѣзнию голода—тифомъ, эти мужественные и выносливые воины сдѣлались негодны для войны. Они были теперь способны истреблять не козаковъ и Татаръ, а тѣхъ, которые припяли ихъ, немощныхъ бѣглецовъ, къ себѣ въ лагерь.—Истреблять посредствомъ заразы.

Изъ первоначальнаго количества калиповцевъ, изъ 12 000 лучшихъ на свѣтѣ бойцовъ, уцѣлѣло всего 5.985 человекъ, и это число съ каждымъ днемъ уменьшалось. Съдые усачи и бородачи, смотрѣвшіе недавно еще львами, служившіе подъ начальствомъ генераловъ

Густава Адольфа, или въ прославленныхъ походахъ Владислава IV, до роковаго 1648 года ужасъ козацкой гидры, — теперь нищіе лохмотники, съ печатью голодной горячки на лицахъ, едва держались на ногахъ въ строю подъ своимъ надломаннымъ оружіемъ. Недавно навели они страхъ на всю Европу; теперь, стыдись убожества своего, молча валялись на солому и умирали безъ ропота; а государство, навывшее ихъ на службу, не давало имъ даже того, что получалъ каждый попрошайка на дорогѣ, каждый конь и волъ у хозяина (Слова историка-Поляка).

Король очутился подъ Сокалсмъ въ ужасающемъ положеніи. Надъ непобѣдимымъ побѣдителемъ здѣсь долженъ былъ повториться, если не Зборовъ, то Корсунь. Толпы малорусскихъ мужиковъ, „пуская на пожаръ“ и грабя все, что было можно истребить; или унести съ собой, важили на Волинь къ главному козацкому табору. 100.000 Татаръ шло на помощь козакамъ изъ-за Днѣпра. Надо было двинуться впередъ, непременно впередъ, чтобы не дать безчисленному неприятелю усилиться и соединиться съ Ордою, какъ это все проповѣдывалъ Вишневецкій послѣ Корсунскаго погрома. Но предводители объявляли, что голодный и неоплаченный жолнеръ не двинется съ мѣста.

Въ Сокальскомъ монастырѣ — замѣтъ находилась въ спрату почти вся дорогая движимость окрестной шляхты. Жители южныхъ восводствъ свезли сюда все свои цѣнныя вещи въ серебрѣ, золотѣ и налчныя деньги, подъ защиту войска. Военная рада, съ королевскаго разрѣшенія, изрекла отчаянное постановленіе — обривизовать денежные склады и взять ихъ въ видѣ займа, лишь бы удовлетворить войско.

Послѣ Пилявецкаго бѣгства, нѣчто подобное произошло во Львовѣ, и Рѣчь Посполитая тогдашній военный произволъ заклемила названіемъ разбоя. Теперь самъ король съ сенаторскою радю предпринялъ то, что было опозорено Шляхетскимъ Народомъ въ другихъ, и выслалъ представителей третьяго государственнаго сословія ломать замки у чужихъ сундуковъ. Но находившаяся тутъ же въ лагерѣ шляхта не дала прикоснуться къ своей собственности: добро отсутствующихъ она припрятала, а въ оставшихся ящикахъ не было найдено ничего. Когда эта позорная эзекуція оказалась безуспѣшною, король обратился къ иному способу. Собрано было 18.000 злотыхъ складчины и роздано по полкамъ. Жолнеры должны были удовольствоваться скудною подачкою. Кисиль умудрился привезти въ лагерь хлѣба, но хлѣбъ къ этому времени вышелъ, и голодъ снова приступилъ къ войску страшнѣе всякаго неприятеля.

Тогда отчаяніе внушило королевскимъ совѣтникамъ такую мѣру, какая была возможна только въ Польскомъ псевдогосударствѣ. Распустили слухъ, что ханъ соединился уже съ Хмельницкимъ, и оба намѣрены разомъ ударить на королевскій лагерь. Король объявилъ, что останется въ лагерѣ, велѣлъ сыпать валы, какъ бы съ намѣреніемъ выдержать осаду подобно збаражскому герою Вишневецкому, и, при звукахъ трубъ, отдалъ войску приказъ запастись съѣстными припасами посредствомъ грабежа (*wolnego wszędzie brania*). Поляки скрываютъ *международное* значеніе необычнаго приказа, характеризующаго и самого Яна Казимира, в тогдѣшнее религіозное, то есть польско-національное настроеніе войска. Я повторю подлиннымъ текстомъ опущенное польскою исторіографіей свидѣтельство Освѣцима, панскаго Самовидца. Освѣцимъ пишетъ въ своемъ дневникѣ слѣдующее: „Это было поводомъ къ разоренію всей Волыни (co było okazyą zrujnowania wszystkiego Wołynia): ибо *охочая* челядь и чужеземцы, разойдясь послѣ такого дозволенія тотчасъ па чаты въ разныя стороны, не довольствовались свотомъ, съѣстными припасами и другими достатками, находившимися въ убогихъ домахъ у подданныхъ, но даже вторгались толпами по-непріятельски въ дома и замочки, въ которыхъ шляхта съ своими подданными заперлась для обороны отъ непріятеля, и, какъ въ непріятельской землѣ, своихъ же, *подъ предлогомъ*, что они русской вѣры, истребляли мечемъ и огнемъ (*swóich że pod pretekstem wiary ruskiej, mieczem i ogniem znosili*)“.

Зналъ старый Хмѣль, кого посадить на польскомъ престолѣ: разоряя русскихъ людей на Волыни, потому что они сохранили вѣру предковъ своихъ, Янъ Казимиръ оправдывалъ козацкіе подвиги во мнѣніи столь страшнаго противника Польши, какъ раздраженное лативцами въ теченіе вѣковъ Московское Царство, и вооружалъ противъ Польши самихъ прозелитовъ полонизма, владѣльцевъ укрѣпленныхъ дворовъ и замочковъ. Соименникъ великаго Казимира, „короля хлоповъ“, какъ его прозвали недовольныя величіемъ его, отблагодарилъ козакамъ за корону такъ, какъ не смѣлъ надѣяться и самъ Хмѣль, при всемъ презрѣніи своемъ къ уму разстриги-іезуита.

Снабдивъ такимъ способомъ голодное войско съѣстными припасами, король созвалъ знатнѣйшихъ пановъ на совѣщаніе о дальнѣйшемъ походѣ. На этомъ совѣщаніи князь Іеремія Вишневецкій доказывалъ, что сперва надобно подвинуться прямо къ Тернополю, гдѣ находился тогда Хмельницкій, и ударить неожиданно на непріятеля, пока не соединился онъ со своими союзниками. Другіе совѣтовали королю занять Галицныя подѣ Львовомъ, чтобы не дать Хмельницкому

соединиться съ Ракоцими. Всѣ же вообще рѣшили, что лучше будетъ обождать, пока соберется шляхта, такъ какъ силы Хмельницкаго, со времени прибытія короля въ лагерь, выросли, и мѣряться съ нимъ невозможно, а между тѣмъ и посполитаки, и квартаки, находясь уже недалеко, въ дорогѣ, могли прійти въ лагерь черезъ нѣсколько дней. Вишневскій и его воинственная партія были оставлены въ тѣни.

Дѣйствительно, вскорѣ по прибытіи короля въ лагерь, начали стягиваться отряды посполитаго рушенія. Съ каждымъ днемъ приходили съ боевымъ громомъ нарядныя дружины посполитаковъ, представлявшія восводства, земли, новѣты, приходили богатые полки великихъ пановъ, вербованныя хоругви съ толпами слугъ и съ воровыми таборами, точно какъ будто вся Польша поднялась для возобновленія панской колонизаціи, уничтожаемой козаками, Татарами и собственными ея руинниками, съ королемъ во главѣ, разорившими Волынь и поkozакки, и потатарски.

Но собственные руинники не принимались ею во вниманіе, когда она воодушевлялась рѣшимостью подавить иновѣрныхъ. Не только наемныя дружины да панская челядь заставляли въ Польшѣ убогихъ людей всякаго званія „прошибать небеса воплями“, даже великодушныя рыцари, волонтеры, принадлежавшіе къ древнимъ и славнымъ домамъ, нерѣдко занимались грабсжемъ, не обращая вниманія на различіе вѣроисповѣданій и, вмѣсто того, чтобы спѣшить на помощь присяжнымъ патріотамъ, предпочитали возвращаться съ награбленной добычей домой, какъ съ трофеями боеваго мужества. Что касается такихъ дѣлъ, какое хотѣлъ совершить король надъ шляхетскими сундуками и какое совершилъ надъ шляхетскими домами и замочками, то эти дѣла не смущали ни его самого, ни его приближенныхъ.

Такъ какъ походъ былъ въ нѣкоторомъ родѣ крестовый, то христіанскому панскому воинству по ночамъ являлись видѣнія, знаменовавшія будущее величіе Польши и ея короля. Освѣдимъ разсказываетъ весьма серьезно, что ротмистръ канцлерской хоругви (а канцлеромъ былъ теперь всендзъ-бискупъ), стоя на часахъ съ пѣхотинцами, видѣли въ облакахъ короля, сидящаго на золотомъ престолѣ между двухъ ангеловъ, изъ которыхъ одинъ держалъ корону, а другой — мечъ надъ его головой. Это было на одной сторонѣ лагера. На другой — Бенгерцы видѣли среди голубаго облака зеленый вертоградъ, очень красивый, въ срединѣ котораго они прочли латинскую надпись: *Imperator mundi* *), начертанную большими золотыми буквами. Они

*.) Повелитель вселенной.

подтвердили присягою („удостовѣрять Осѣдцимъ“), что дѣйствительно читали надпись:

Пройдя молчаніемъ окончательное разореніе волышской шляхты подъ тѣмъ предлогомъ, что она была русской вѣры, польская исторіографія говоритъ съ умиленіемъ, что представляемая походнымъ народомъ Польша была настроена „чрезвычайно набожно“. Подобно тому какъ у Иаа Казимира, во время его забавъ собаками и кой-чѣмъ похуже, ежедневно служили іезуиты въ передней комнатѣ святую *мишу*; здѣсь безпрерывно отиравалось богослуженіе, а королевскій навѣсъ, въ которомъ стоялъ чудотворный образъ Богоматери, день и ночь былъ полонъ молящихся людей. Подъ вліяніемъ безпрерывнаго богослуженія и пазиданій, дозволяющихъ разорять не только козакующую, но и полякующую Русь, ночью 31 мая хоругвь Станислава Потоцкаго видѣла женщину, которая покрывала своимъ плащомъ весь польскій лагерь. Жолперы, признавши въ ней Божію Матерь, соскочили съ лошадей, упали на колѣни и начали пѣть *Litaniam Lauretanam*.... Пускай бы они пѣли себѣ въ отраду латинскіе гимны, но грустно думать, что это были наши подолыне, отщепенные отъ вѣры предковъ своихъ, какъ и ихъ паны, Потоцкіе, колонизованные на началахъ отвращенія ко всему русскому и направленные сперва противъ Великой, а теперь и противъ Малой Руси.

Но одного направившаго было съ ксендзовъ, „народныхъ проковокъ“ польскихъ, мало. Чудотворный образъ, привезенный ими въ лагерь, принадлежалъ нашей соборной церкви въ Холмѣ, однакожь молитвословили передъ нимъ не православные священники, а католическіе ксендзы. Русская часть королевскаго войска, молясь подъ ихъ молитвословіе передъ своею святыней, претворялась этимъ способомъ въ сообщниковъ тѣхъ, которые изъ ихъ роднаго края дѣлали Новую Польшу.

Замѣчательно, однакожь, къ чему вели польское вопиство многочисленныя почныя явленія по замѣчанію современнаго намъ историка Поляка. Онъ говоритъ, что эти явленія „держали умы однихъ въ горячечномъ напряженіи, а у другихъ ослабляли энергію и мужество до ханжества (*ał do dewocy*), или совершенной безнадежности (*zwąpienia*)“.

Положеніе Шляхетскаго Народа, консолидированнаго подъ Сокалемъ, вытекало изъ его исторической формаціи. Голова у этого плѣка когда могущественнаго политическаго плѣка была панская, торсъ—шляхетскій, а руки и ноги—простонародныя, мѣщано-мужицкія, но-польскія вообще хлонскія. И вотъ, въ то время, когда всѣ умственныя и

нравственная энергія. Польша была олицетворена: сокальскимъ соборничествомъ, се колебали вѣсти, приходившія изъ Шадвелея, изъ Великой Польши, изъ воеводствъ Люблинскаго, Русскаго; о хлопскихъ бунтахъ, которые грозили рѣзней папскимъ и шляхетскимъ семействамъ;— вѣсти о революціи рукъ и ногъ противъ ихъ собственнаго тѣла. Въ то же самое время Ракоцій угрожалъ нападеніемъ со стороны Кракова; а передъ глазами у паповъ стояли козаки съ окозачесною чернью и пальями мужиками, которые были вооружены списами, пожами, косами, пращами, цѣпами и кіями: милиція, грозная многочисленностью и самымъ дикимъ, жартующимъ скирѣпствомъ. Еслибъ и было возможно презирать эту страшную гидру съ возобновляющимися вѣчно головами, то диверсію папскимъ силамъ ежeminутно могли сдѣлать Оттоманская Имперія, Московское Царство и даже Швеція. Между тѣмъ оборона государства лежала на плечахъ западныхъ воеводствъ, которые составляли едва третью часть его, такъ какъ Бѣлоруссія должна была обороняться дома. Въ лагерь подъ Сокалемъ находилась всѣ силы и послѣднія средства Рѣчи Посполитой. Въ случаѣ проигрыша дѣла, Полякамъ, по словамъ польскаго историка, не зачѣмъ было возвращаться домой.

„Зная это“ (продолжаетъ онъ), „папы стояли бездѣйственно, въ то время, когда непріятель соединился и выросъ въ силу; и было у нихъ довольно времени и справедливыхъ причинъ для критики своихъ вождей, для предчувствій, тревогъ и безнадѣжности. Не доставало человѣка, который бы эти массы взялъ въ сильныя руки, увлекъ ихъ за собою, вдохновилъ вѣрою въ себя и воспламенилъ надеждою побѣды. Войско не имѣло никакой увѣренности въ гетманахъ: ихъ прошедшее не давало для того основанія. Короля не любили и цѣнили низко. Упрекали его въ легкомысліи, въ измѣнчивости и въ совершенной неспособности къ веденію войны. Средства, которыми онъ содержалъ войско, отняли у него и послѣднее достоинство. Постоянные смотры и маневры, посредствомъ которыхъ онъ хотѣлъ править войскомъ, не имѣя объ этомъ никакого понятія, дѣлали его смѣшнымъ въ глазахъ старыхъ воиновъ. Его императорская гримаса (*mina impregatorska*) не импонировала никому. Его благосклонность къ иностраннымъ офицерамъ досадовала польскихъ предводителей; строгость, посредствомъ которой силится онъ ввести въ лагерь соподчиненіе, давала совершенно противный результатъ, а постоянныя перемѣны въ военныхъ планахъ лишали всѣхъ надежды на успѣхъ. Это непостоянство въ намѣреніяхъ было для всего войска наибольшимъ поводомъ къ соблазну. Что ни постановила бы военная рада, какъ дѣло неиз-

мѣнное, было извращаемо всякимъ частнымъ наитіемъ. Первая цельная вѣсть путала отданные приказы и всѣ приготовленія вождей, сдѣланные по общему согласію. Другимъ зломъ была несоподчиненность въ войскѣ, увеличивавшаяся съ каждымъ днемъ, а поводомъ къ ней была беспорядочность военнаго судопроизводства. Въ прежнія времена, когда польскій король находился въ лагерѣ, высшая войсковая власть была всегда у него въ рукахъ, но въ судопроизводствѣ вожди и сановники дѣйствовали самосостоительно и непреложно. Каждый исполнялъ свою обязанность, и жолнеръ зналъ, откуда можетъ постигнуть его кара. Теперь же, по совѣту иностранцевъ, которые хотѣли присвоить себѣ достоинство военныхъ сановниковъ, король миновалъ старыхъ должностныхъ лицъ, и лежація на нихъ обязанности поручалъ исполнять лицамъ новымъ. Гетманы не были гетманами, обозный не былъ обознымъ, стражникъ не былъ стражникомъ, потому что самъ король хотѣлъ быть гетманомъ, обознымъ, стражникомъ, — хотѣлъ быть всѣмъ, а для занятія своего мѣста употреблялъ такія личности, которымъ ничто не давало права заниматься этими дѣлами. Потому-то жолнеръ обращалъ мало вниманія на новыхъ и прежнихъ начальниковъ, а офицеры, видя, что ихъ миновали и пренебрегли, не заботились о порядкѣ и субординаціи: такъ какъ о дѣлѣ, о которомъ некутся всѣ, никто не печется. Отсюда полная неурядица въ войскѣ; отсюда ежечасная перемѣна постановленій; отсюда беззаботность о знавіи непріятельскихъ замысловъ. Одинъ оглядывался на другаго, никто не исполнялъ своей обязанности, никто ни о чемъ не вѣдалъ. Король не имѣлъ никакой увѣренности въ способностяхъ своихъ офицеровъ, а тѣ взаимно себя чернили и постоянно ссорились. Когда доходило дѣло до рады, члены ее подавали самыя противоположныя мнѣнія, и казалось, что никто не знаетъ, зачѣмъ прибылъ въ лагерь: ибо всѣ были склонны больше къ трактатамъ, нежели къ битвѣ. Къ счастью (прибавляетъ польскій историкъ), „въ королевскомъ войскѣ находилось два челоѣка, которые въ настоящемъ случаѣ могли бы спасти Рѣчь Посполитую отъ окончательной гибели. Первый изъ нихъ, князь Іеремія Вишневецкій, любимецъ всего народа, за котораго грудь могла бы дышать спокойно вся отчизна, держался скромно въ сторонѣ; по его слова, произнесенныя въ рѣшительный моментъ, были всегда сигналомъ и велѣньемъ для всѣхъ, и не было сомнѣнія, что въ случаѣ крайности, вся шляхта безъ колебанья отдалась бы въ руки того, который, по словамъ одного изъ его поклонниковъ, сдѣлавшись популярнымъ, любилъ славу и ходилъ въ ней, какъ въ солнечномъ сіяніи (*w słońcu się kochał i w niej, jak po słońcu, chodził*). Другой

былъ мало въ то время извѣстный поручикъ (пam'ѣстникъ) короннаго великаго гетмана, Стефанъ Чарнецкій, по ежедневно, однакожь, выросшій вліяніемъ и значеніемъ у короля. И вотъ битва подъ Берестечкомъ для перваго изъ нихъ была яркимъ отблескомъ заходящаго солнца, а для другаго — зарею восходящей славы богатыря“, — увь! (скажетъ русскій читатель) „богатыря безплоднаго мщенія, которое ожесточило непримиримыхъ враговъ болше презпяго“.

Война, пачавшаяся изъ-за ничгожной жещины и мелкопомѣстнаго хозяйства въ глуши Чигиринщины, разбудила въ двухъ націяхъ воспоминанія столѣтій, обнаружила симпатіи и антипатіи великихъ народовъ, затронула интересы политическихъ системъ и превратилась наконецъ въ подобіе крестоваго похода однихъ послѣдователей Христа на другихъ, не признававшихъ взаимно другъ друга христіанами. Не католики шли противъ Сарацинъ, какъ въ опыхъ славныхъ и богонротивныхъ походахъ темнаго времени. Два духовныя стада, образовавшіяся во имя одного и того же божественнаго пастыря, двѣ церкви, создавшіяся во славу одного и того же зиждителя, встали другъ на друга, какъ правовѣрные противъ кривовѣрныхъ и какъ благочестивые противъ злочестивыхъ. Святой отецъ, вмѣсто денегъ, которыхъ у него просили сѣверные обожатели его, прислалъ всѣмъ идущимъ на брань отпущеніе грѣховъ, да какія-то мончи, да золотую розу, шляпу и освященный мечъ королю; а святѣйшіе патріархи точные прислали къ козакамъ коринѣскаго митрополита, снабженнаго грамотою константинопольскаго патріарха, въ которой онъ восхвалялъ благочестіе Хмельницкаго и одобрялъ войну его съ врагами и угнетателями православія, измѣнниками истинной вѣры, разорителями христіанской церкви, орудіями сатаны, то-есть—съ нацистами. Патріархъ писалъ къ Сильвестру Косу, прося его быть *дружелюбнымъ* съ Хмельницкимъ и осѣнить своимъ благословеніемъ его предпріятіе, а коринѣскаго митрополита хвалилъ за то, что онъ состоитъ при Хмельницкомъ, и ободрялъ его на духовные подвиги въ защиту православной вѣры. Достойный мусульманскаго господства Грекъ присноясалъ Козацкаго Батька мечемъ, который былъ освященъ патріархомъ не въ Римѣ, а на самомъ Гробѣ Господнемъ, вручилъ ему частицы св. мощей, принесенныя имъ изъ Греціи, кропилъ святой водою козацкое войско, и вызвался сопутствовать ему на брань, въ сопровожденіи козацкаго духовенства.

Въ это было нововведеніе въ преславномъ Запорожскомъ Войскѣ: козакки и при Сягайдачномъ, выстуная противъ Турокъ, отвергли блудой совѣтъ „киевскихъ обывателей“—допустить въ козацкіе таборы

священниковъ для исповѣди и причащенія. Но въ то время православная шляхта не была еще изгнана изъ Малороссіи заодно съ ипофѣрною во имя ея ляшества. Въ то время козаки противопоставлялись папамъ только въ смыслѣ малорусской милиціи. За отпаденіе отъ отеческой церкви Острожскихъ, Радивиловъ, Сопігъ, Замойскихъ, Чорторійскихъ, Любомирскихъ, Жовковскихъ, Потоцкихъ и другихъ великихъ папскихъ домовъ, въ устахъ такихъ апостоловъ древяго русскаго благочестія, какъ Іоаннъ Вишпскій, подверглась роковому отчужденію и вся меньшая папская братія; а между тѣмъ паписты, видя въ крушинѣ аристократическихъ столовъ православія побѣду надъ греческою схизмою въ Малороссіи, повели слишкомъ уже смѣло свою пропаганду церковнымъ и воспитательнымъ путемъ. Когда буря козацкаго мятежа и мужицкаго разбоя обняла большую половину государства, окатоличенные и оеретичившіеся по примѣру польскихъ пановъ Русичи, вмѣстѣ съ тѣми, чьи русскія кости обросли польскимъ мясомъ, оказались отверженцами роднаго племени и очутились изгнанниками собственныхъ домочадцевъ и захребстниковъ. Тсперь они шли завосвивать свое паслѣдіе по благочестивыхъ предкахъ,—шли вмѣстѣ съ корешными папистами, вмѣстѣ съ прозелитами, вмѣстѣ съ еретикамп пализма и благочестія, слѣдовательно—подъ знаменемъ вѣры, злочестивой во мнѣніи той простонародной братіи, котор-я осталась при своемъ искономъ духовенствѣ,—и козаки выставили противъ нихъ, точно какъ бы во свидѣтельство вѣчнаго отверженія, не только искреннихъ, но и терроризируемыхъ богомольцевъ своихъ. Такъ многіе изъ привѣтствовавшихъ въ Кіевѣ Потоцкаго за подвигъ усмиренія *ребеллизантовъ* очутились теперь волей и неволей во главѣ тѣхъ самыхъ ребеллизантовъ... Чего добраго! сюда могъ попасть и маслоставскій проповѣдникъ Петра Могилы, какъ попалъ митрополитъ Сильвестръ въ процессію, привѣтствовавшую тѣхъ самыхъ козаковъ, которыхъ тогда могилыне вразумляли евангельскими словесами. Трагикомедія безпримѣрная!

Кориноскій митрополитъ Іоасафъ, проживая въ Украинѣ, послалъ въ Москву своего двоюроднаго брата, Грека Илью, какъ называли его москвичи, и увѣрялъ черезъ него царя въ доброжелательствѣ козацкаго гетмана. Фальшь этого увѣренія явствуетъ изъ того, что и самъ митрополитъ, и братъ его старательно скрывали отъ царя сношеніи Хмельницкаго съ турецкимъ султаномъ, и представляли дѣло въ такомъ видѣ, будто бы султанъ самъ предлагалъ Хмельницкому войско, да Хмельницкій де вовсе въ цемъ не пуждается. Однакожь, не пуждачь въ войскѣ, Хмельницкій подрѣпилъ свой походъ отрядомъ ру

мелійскихъ Турокъ да тутъ же и у царя просилъ черезъ Іоасафа помощи на Ляховъ. Честный Грекъ подъяжалъ къ царю и съ другой стороны. „Подлинно видимъ и слышимъ“ (писалъ онъ, какъ переводили въ Москвѣ съ греческаго по-русски), „что ихъ всѣхъ будутъ Ляховъ побѣдить козаки, а подлинно слышалъ (я) изъ устъ у гетмана, что никакъ миру съ ними не быть: хочетъ ихъ до конца разорить и посадить короля на королевство христіанскаго“. Этимъ христіанскимъ королемъ Греки старались представить въ Москвѣ Ракочія, который будто бы обѣщалъ Хмельницкому, вступивъ на польскій престолъ, принять православную вѣру. Но ни ласкательствомъ, ни угрозами не могли козацкіе агенты отклонить московскихъ политиковъ отъ того пути, которымъ русское возсоединеніе было достигнуто безъ униженія царскаго правительства.

Хмельницкій держалъ при себѣ и другаго восточнаго митрополита, Гаврііла пазаретскаго. Выступая въ походъ, онъ отправилъ его въ Москву съ письмомъ, въ которомъ умолялъ царя прислать ему ратную помощь и изъявлялъ готовность поступить въ его подданство со всей Украиною. Но ратные люди обладателя Руси подали руку помощи разбойникамъ только тогда, когда разбойники, видя, что имъ кромѣ Восточнаго Царя негдѣ дѣться, прибѣжали, вмѣстѣ съ обманутымъ и запуганнымъ ими народомъ, подъ высокую царскую руку. Только въ качествѣ подданныхъ московскаго самодержца получили они значеніе христіанскихъ воиновъ. Съ подданными не стыдно и не грѣшно было идти подъ однимъ знаменемъ. Подданные не смѣли воевать за Божій храмъ подъ мусульманскими бунчуками. Подданные у „единаго сіяющаго подъ солнцемъ православнаго царя“ не могли расплываться съ Ордою христіанскимъ ясыромъ, какъ они сдѣлали у влчестиваго короля. За подданныхъ козаковъ царь принималъ на себя отвѣтственность передъ судомъ Божиимъ и передъ судомъ подданныхъ не козаковъ, которымъ дорожилъ, въ своемъ самодержавномъ величій, несравненно больше короля королей-республиканцевъ.

Хмельницкій находился теперь, какъ и всегда, въ положеніи опасномъ. Походъ 1649 года разочаровалъ мужиковъ на счетъ обильнаго грабежа подъ козакотатарскими бунчуками. Голодъ и пищета, наступившіе послѣ визашаго обогащенія, обратили многихъ на путь, оставашпый ради невѣрнаго козацкаго промысла. Мужики предпочитали быть хлѣборобами и гречкосѣями подъ какой бы то ни было властью, вмѣсто того чтобъ идти съ козаками подъ татарскія нагайки да буздыганы на войну и въ татарскія лыка съ войны. Хмельницкаго проклинали даже послѣ первыхъ его успѣховъ за предательство по-

спольства Татарамъ. Теперь уже не стѣснялись гнѣть про него насмѣшливыя и грозныя шутки, которыхъ онъ старался не слышать, но которыя, безъ сомнѣнія, доходили до него черезъ его безчисленныхъ шпионовъ и доносчиковъ. Татарская охота за козацкими женами и дѣтьми вооружила противъ него даже тѣхъ, которые обогатились добычею, какъ онъ самъ. Дошло до того, что нѣкоторые значные козаки, при самомъ началѣ новой войны, предложили свои услуги намъ противъ Козацкаго Батька. Какими средствами козаччина выросла, такими же должна была себя и поддерживать; а поддержка бунта болѣе завзятымъ бунтомъ и войны болѣе кровавой войною вела къ истощенію массы, изъ которой козаччина начерпала новыя и новыя боевыя силы, или же—къ ея возстанію противъ козацкихъ злодѣяній. Хмельницкому предстояло то и другое.

Около двухъ недѣль уже юрговалось (употреблю здѣсь козакотатарское слово) панское войско въ своемъ бездѣйствіи, давая неприятелю время стянуть все свои силы. Юрговалась бы шляхетная орда и дольше въ своемъ лагерѣ-юртѣ, когда бы не пришла вѣсть; что крымскій ханъ соединился съ украинскимъ. Получено было также извѣстіе, что неприятель занялъ проходы подъ Тернополемъ, попортилъ переправы и подвигается уже къ Вишневцу и Кременцу, между тѣмъ какъ его чаты приближаются къ рѣкѣ Стыру. Все сводилось къ тому, что соединенныя козакотатарскія силы перейдутъ Стырь подъ Берестечкомъ, и вскорѣ явятся подъ Сокалемъ.

Застоявшіеся въ лагерѣ паны успокоились. Немедленно былъ посланъ Александръ Конецпольскій съ 4.000 войска занять подъ Берестечкомъ переправы, а въ сокальскомъ стану собралась военная рада. Въ ней принимали участіе предводители десяти корпусовъ, на которые дѣлилось войско, все министры и сенаторы, каштеляны и старосты, въ качествѣ вождей посполитаго рушенія, все высшіе офицеры, инженеры и войсковые чиновники.

Оба коронные гетмана объявили рѣшительно, что надобно оставаться на мѣстѣ, укрѣпить лагерь сильнѣе и ждать неприятеля. Большая часть полководцевъ была того же мнѣнія. Все они не допускали возможности одолѣть соединенныя неприятельскія силы, и совѣтовали ждать, пока не придутъ воеводства Великопольское и Мазовецкое; такъ какъ, въ противномъ случаѣ, неприятель можетъ ихъ отрѣзать и уничтожить.

Но главнымъ аргументомъ, таившимся въ душѣ каждаго, (ишетъ историкъ Полякъ) было опасеніе неопытности и легкомыслія короля. Безсознательный соучастникъ Хмельницкаго въ уничтоженіи Польши;

Янъ Казимиръ, теперь, когда приближался послѣдній моментъ войны, вдохновлялся всё болѣею и болѣею „рвностью не по разуму“.

Къ счастью для пановъ, Русинъ-католикъ Стефанъ Чернецкій началъ уже входить въ славу знагока стратегіи и тактики. Въ противность большинству вождей, онъ соглашался съ тѣми, которые совѣтовали идти подъ Берестечко. Двѣ педѣли уже твердилъ онъ королю и сенаторамъ, что надобно воспользоваться отсутствіемъ хана и ударить на Хмельницкаго: иначе—ожиданіе и бездѣйствіе ослабятъ бодрость духа въ войскѣ и усилитъ козаковъ. На гетманскаго любимца не обращали вниманія; видѣли въ немъ только талантливаго теоретика и смѣльчака. Теперь же большая часть вождей смотрѣла на него, какъ на вреднаго и опаснаго чловѣка, который пользуется неопытностью короля, предубѣжденнаго въ его пользу. Его слушали нетерпѣливо, его даже ненавидѣли, но всѣхъ удерживало отъ рѣзкости вниманіе, съ какимъ генералы Пршіемскій, Мандель, Убальдъ выслушивали его доводы.

Три дня боролся Чернецкій съ противниками своего плана, и наконецъ движеніе подъ Берестечко представилось большинству, какъ необходимость и какъ единственное спасеніе войска и Рѣчи Посполитой. Аргументы Полякоруса Чернецкаго отличались тою простою, съ которой обыкновенно высказываются глубокія и многосложныя соображенія таланта. Остаться подъ Сокалемъ значило—отдать Волинь и Полѣсье въ жертву непріятелю, значило—позволить ему подкрѣпить себя новыми массами мужиковъ и соединиться правымъ крыломъ съ литвокозацкимъ ополченіемъ, отъ чего силы противника возросли бы до полумилліона. Подъ Сокалемъ не было удобнаго мѣста для полевой битвы. Окрестность была голодна и пустынна. Пришлось бы—или уходить, или подвергнуться осадѣ, и въ такомъ случаѣ тысячъ 15 посполитаковъ были бы—или отрѣзаны, или истреблены, а король и Рѣчь Посполитая, не имѣя никакой надежды на спасеніе, зависѣли бы отъ благосклонности судьбы, или непріятеля. Напротивъ подъ Берестечкомъ было мѣсто, удобное для битвы. Оно представляло всѣ шансы побѣды: ибо, хотя бы непріятель былъ втрое и вчетверо многочисленнѣе, то не могъ бы развернуть всѣхъ своихъ силъ. Паша для лошадей было достаточно. Рѣка Стырь и болота рѣчки Прѣсни защищали лагерь. Въ случаѣ проигрыша, можно было спокойно отступить, а еслибы непріятель, какъ были слухи, имѣлъ намѣреніе отступать къ Кіеву и протянуть войну, оттуда легко было въ этомъ ему помѣшать.

Когда было наконецъ рѣшено, что войско двинется къ Берестечку, Чернецкій выступилъ съ другимъ, еще болѣе смѣлымъ планомъ:

двинуться подъ Берестечко *комоншикомъ*, то есть возы и челядь оставить подъ Сокалемъ.

Чтобы понять, какое значеніе придавалъ Чернецкій своему плану, надобно знать, что это были за возы и вся обозная челядь вѣстѣ съ ея господами, по описанію самихъ Поляковъ. Каждый даже не богатый шляхтичъ (убогіе служили въ надворныхъ хоругвахъ) бралъ изъ дому палатку, вооруженіе, военные снаряды и съѣстные припасы для себя, для слугъ и для лошадей въ такомъ количествѣ, чтобы во время кампаніи не терпѣть голода. Самъ онъ ѣхалъ на возу, „козакъ“ *) его ѣхалъ на верховой лошади, а возница—на кѣзлахъ.

Торныхъ дорогъ въ тѣ времена не было. Коня погрязали въ топкихъ мѣстахъ, въ песокъ или же въ размягченномъ дождями черноземѣ. Поэтому возы должны были быть малы и легки на ходу. Колеса дѣлались дома; ободья не отличались правильностью, а оси не всегда подмазывались. Во время похода поднималось такое скрипѣнье, какъ у Коловцевъ, о которыхъ нашъ древній баянъ говоритъ: „кричать телѣги въ полунощи, рцы лебеди роснуцени“. На скрипучемъ возу утверждался высокій плетеный кошъ (по-татарски *кошъ*), и во всей постройкѣ походной колесницы не было ни кусочка желѣза.

Самый убогій шляхтичъ, отправляясь на войну, бралъ съ собой обыкновенно два воза, три или четыре коня и двоихъ слугъ. Можно судить, сколько ихъ бралъ богачъ, не отказывавшій себѣ въ удобствахъ походной жизни. Возили за собой напы полную кухню, цѣлую инвентарную, удобные и нарядные шатры, дворовую прислугу въ составѣ королевскаго двора, экипажи и цуговыхъ парадныхъ лошадей. Вельможи вступали въ лагерь цѣлыми таборами, такъ что подъ Пилявцами на 34.000 посполитаконъ было 200.000 слугъ, а бѣглецы оставили на мѣстѣ 160.000 возовъ. Подъ Берестечкомъ не было уже такой роскоши и щеголеватости, но зато въ лагерѣ находился король со дворомъ, все министры Рѣчи Посполитой, 40.000 шляхты, болѣе 20.000 лапновыхъ и дворовыхъ жолперовъ и 36.000 регулярнаго войска, которые также требовали значительнаго числа возовъ. Очевидецъ насчиталъ

*) Въ настоящемъ случаѣ *козакъ* у шляхтича былъ тѣмъ, чѣмъ у козака былъ *чуря* или *джура* (джауръ). Война мѣстнымъ обычаемъ, шляхтичъ обозначивался, а козакъ отатаривался въ смыслѣ военного ремесла; но оба они учились этому ремеслу у азіятскихъ номадовъ, которые уничтожили древній Кіевъ и потрясли Краковъ. Здѣсь видно то сродство шляхтича съ козакомъ, которое объясняетъ, почему во главѣ козацкихъ бунтовъ является шляхта различныхъ вѣроисповѣданій. Сродство козака съ татарининомъ не менѣе очевидно.

ихъ полмилліона подъ Сокалемъ, а потому было тамъ не менѣе полумилліона слугъ и милліона полутора лошадей: цифра невѣроятная, но она основывается на общемъ убѣжденіи, что въ панскомъ лагерѣ везы надобно было считать не десятками, а сотнями тысячъ.

Эти везы были причиною, что шляхта, кочуя обозомъ удобно, не охотно перемѣняла мѣсто, и никоимъ образомъ не допускала надъ собою дисциплинарной строгости. Она и здѣсь помнила, что шляхтичъ въ городѣ равенъ воеводѣ, все равно какъ и козакъ помнилъ всадъ, что онъ вольный козакъ, хоть и гнали его на бой сзади, все равно какъ и Татаринъ зналъ, что хану повируется Орда только въ Крыму, и то не всегда. Подъ Берестечко сошлись на бой три вольницы: цивилшованная, полудикая и совсѣмъ дикая.

Столь огромный таборъ, и независимо отъ атавизма, импугнаго шляхетскою вольностью, дѣлалъ невозможнымъ всякое энергическое движеніе, и такъ какъ, при такой массѣ людей, лошадей и воевъ, нельзя было сохранить въ походѣ порядка, то панскому лагерю ежеминутно угрожала опасность, что нападеніе непріятеля, расположеннаго невдалекѣ отъ Стыра, могло разорвать беспорядочную громадину на части. По этой-то причинѣ Чернецкій предлагалъ оставить везы и челядь въ укрѣпленномъ лагерѣ подъ Сокалемъ, съ нѣкоторою частью пѣхоты и конницы для обороны и порядка, а съ остальнымъ войскомъ и необходимымъ багажемъ двинуться подъ Берестечко компанькомъ.

Большая часть вождей не хотѣла рисковать своею популярностью у всемогущей шляхты и отказаться отъ походныхъ удобствъ. Популярники и сибариты объявили напрямикъ, что—или совсѣмъ не слѣдовало двигаться съ мѣста, или двигаться въ полномъ составѣ. Но, такъ какъ этого мнѣнія не поддерживали они никакимъ аргументомъ, то король объявилъ военною радѣ своею, что войско пойдетъ компанькомъ, и съ этимъ отпустилъ гетмановъ и тѣхъ, которые умѣли противорѣчить, но не могли придумать ничего убѣдительнаго. Въ другой, болѣе ограниченной, радѣ было постановлено—въ слѣдующій же день готовиться къ походу; 15 мая, на разсвѣтѣ, войско выступитъ одной дорогою, а необходимые фургоны и везы пойдутъ тремя дорогами. Въ два дня надѣялись прійти подъ Берестечко.

Лишь только этотъ приказъ протрубилъ въ лагерѣ, шляхта бросилась въ собственную раду. Воеводства, земли и повѣты собрались каждое въ свой кругъ (коло), и выбрали пословъ для генеральнаго кола. Генеральное коло отправило посольство къ гетманамъ, и такъ какъ не было недостатка въ людяхъ, умѣвшихъ искать своихъ выгодъ подъ прикрытіемъ общественныхъ интересовъ, то пущена была въ

хоть мысль, что эти огромныя толпы челяди, оставленныя въ лагерѣ, могутъ поднять бунтъ и, въ отсутствіе своихъ пановъ, разграбить ихъ имущество, что поведетъ Рѣчь Посполитую къ послѣдней гибели.

Мысль эта послужила сигналомъ общаго ропота. Предчувствуя грозящее отечеству несчастье отъ рукъ и погѣ, которыя голова и торсы исключали изъ политическаго тѣла, посполитаки отправили къ королю пословъ; но король не допустилъ ихъ къ себѣ, и они обратились къ генералу Пршіемскому съ мольбой отъ всей шляхты спасти отечество. Пршіемскій, въ качествѣ полеваго писаря, побѣждалъ къ королю, бросился ему къ ногамъ и такъ настойчиво умолялъ его, что король испугался собственнаго рѣшенія. Отданъ былъ приказъ готовиться къ походу съ возами.

Чтобы сохранить, однакожь, какой-нибудь порядокъ въ громаднѣйшемъ передвиженіи, королевская канцелярія раздѣлила войско на три дивизіи, начертила весь походъ на бумагѣ и раздала чертежъ во многихъ экземплярахъ по иолкамъ, а возы каждой дивизіи велѣла сперва обозначить разными красками. Способъ этотъ, практикованный съ пользою въ голландскомъ войскѣ, произвелъ новое замѣшательство. Посыпались упреки и грубости на вождей: зачѣмъ такое новос дѣло сдѣлано частнымъ образомъ, безъ согласенія съ посполитаками! Шляхетскій популярникъ, Николай Потоцкій, „счастливый тѣмъ, что думалъ одинаково со всѣми“, началъ публично порицать короля, терзалъ себѣ бороду, бросилъ на землю булаву и отрекался отъ гетманства, а когда его упрямивали, чтобъ этого не дѣлать, онъ, по примѣру Ходковича подъ Москвою, готовъ былъ собственноручно расправиться съ подчиненными булавою, но, какъ булавы не было уже въ рукахъ, то кричалъ трагически: „Прочь отъ меня, а то шихну пожему!“

Въ придачу къ кукину короннаго вице-фельдмаршала, эта выходка характеризуетъ голову Рѣчи Посполитой, боявшуюся, вмѣстѣ съ торсомъ, рукъ и погѣ своихъ. И вотъ какъ готовились паны къ великому походу подъ Берестечко, который только игрою вышннихъ обстоятельствъ не сдѣлался для нихъ повтореніемъ Пилявецкаго бѣгства.

Утро 15 (5) іюня было туманное. Далѣе четверти мили не видать было ничего. Изрѣдка только восходящее солнце проридалось между облаковъ. На разсвѣтѣ двинулись крикливыя возы, за ними — войско, но тотчасъ же наступилъ такой безпорядокъ, что канцелярскіе чертежи послужили только къ общему замѣшательству. Отъ короля и короннаго гетмана до послѣдняго посполитака, за исключеніемъ немногихъ бѣдствовавшихъ среди нихъ, умныхъ людей, всѣхъ можно было назвать сумасшедшими.

Неспобѣдимый побѣдитель стоялъ на лагерныхъ шанцахъ, и передъ нимъ необозримая масса нѣсколькихъ сотенъ тысячъ воевъ, съ полумилліономъ людей и лошадей, сбилась въ непонятное мѣсиво, и никоимъ образомъ не могла двинуться съ мѣста. Призывы, крики, проклятія, топотъ и ржанье лошадей, скрипѣнье воевъ — представляли омутъ и хаосъ, который, по словамъ польскаго историка, „увлекалъ каждаго въ свой черторый (wir), отнималъ умъ и сознаніе“.

Король разослалъ сильныя стражи во все стороны, опасаясь повторенія зборовской внезапности, а самъ шепталъ молитвы, какъ заклинанія противъ непостижимаго для него смятенія. Едва около полудня перестала шляхта кружиться какъ въ лабиринтѣ и двинулась по направленію своей дороги. Кто-то и какъ-то поставилъ рейтарскіе полки на фронтъ; кто-то вытянулъ крайніе ряды одинъ возлѣ другаго на дорогу; кто-то рубилъ и громилъ ослушниковъ... наконецъ весь таборъ тронулся съ мѣста.

Двоя сутки выступали воевы и войско изъ-подъ Сокаля. Пространство въ 8 миль, отдѣлявшее отъ нихъ Берестечко, которое можно пройти форсированнымъ маршемъ въ однѣ сутки, панское войско шло цѣлыхъ пять сутокъ. Въ первый день отодвинулось оно отъ заколдованнаго мѣста только на одну милю.

На половинѣ пути, подъ Стояповымъ, случилось происшествіе, которое, по словамъ почтеннаго историка, свидѣтельствуешь, что польскому жолнеру, привычному къ боевой жизни, „недоставало только желѣзной руки полководца“. Король, окончивъ смотръ полковъ на равнинѣ, ввелъ ихъ около 8 часовъ вечера въ лагерь, который былъ расположенъ между селами Брамою и Доломъ. Едва жолнеры размѣстились по палаткамъ, какъ челядь, стоявшая въ отдаленіи при лошадяхъ и возахъ, затѣяла между собой драку и стала рубиться. Ея навыв бросились къ ней съ обнаженными саблями, и челядь побѣжала въ королевскій лагерь.

Отъ этой тревоги распространился въ лагерь слухъ, что наступаетъ непріятель. Все войско бросилось къ оружію, вылетѣло въ поле хоругвями и построилось какъ пельза лучше въ боевой порядокъ. Король, разбуженный Якубомъ Михаловскимъ, составителемъ безцѣпной книги документовъ (Księga Pamiećnicza), выбѣжалъ изъ палатки и велѣлъ трубить тревогу.

Воевы были сконфужены, не видя непріятели и пайдя свое войско совершенно готовымъ къ бою. Король смѣшался больше всехъ, и, вмѣсто того чтобы восхищаться войсковою традиціей, бранилъ окру-

жавнихъ его самыми скверными словами (klął brzydko na wszystkich dokola).

19 іюня вся походная масса стояла надъ Стыромъ. Никто не запомнилъ, чтобы военный народъ собрался въ такомъ количествѣ. Король съ квартирнымъ войскомъ расположился надъ Щуровцами, въ двухъ миляхъ къ югу отъ Берестечка, прикрывая переправу таборовъ и псполитаковъ, которые готовились два дня къ переходу черезъ рѣку.

Шляхта не хотѣла переходить за Стырь, ни соединиться съ войскомъ, пока не подошли великопольскія воеводства.

Король, видя новое упорство шляхты, началъ игнорировать ее; переправился черезъ рѣку съ квартирнымъ войскомъ мѣстахъ въ пятнадцать, и 22 числа расположился на Берестечкой равнинѣ, велѣвъ укрѣпить лагерь только слегка, такъ какъ не зналъ, долго ли придется стоять. Во время похода онъ получилъ извѣстіе, что непріятель хочетъ протянуть кампанію и рѣшительно замышляетъ отступить къ Кіеву. Чтобы воспріятивствовать отступленію, король вознамѣрился двинуться къ Дубну.

Передъ фронтомъ лагеря, стоявшаго подъ Берестечкомъ, разстилалось широкое, длинное, необозримое поле, весьма удобное для битвы такихъ огромныхъ войскъ. Посреди сухой и длинной равнины возвышалось нѣсколько холмовъ. Съ правой стороны Берестечское поле замыкали густые лѣса, тянувшіеся къ Лѣвѣву и Щуровичамъ. Съ лѣвой—протекала къ сѣверу рѣчка Пляшова, и отъ села, называвшагося Королевскою Пляшевою, вливалась въ топи и обширныя непроходимыя болота. Въ тылу лагеря находилось мѣстечко Берестечко, рѣчка Стырь, обнятая съ обѣихъ сторонъ болотами, а надъ нею съ одной стороны село Струмельецъ, а съ другой—замокъ Перемиль, оба въ милѣ отъ Берестечка.

Весь лагерь былъ обращенъ къ востоку, какъ бы ждалъ непріятеля съ поля, между селомъ Силенкою и пышнѣею Пляшевою. Онъ занималъ обширное пространство, безъ всякаго порядка. Каждый становился тамъ, гдѣ кому правилось, не обращая вниманія на указаніе обознаго. Однакожь, мѣстность имѣла ту важную выгоду, что кругомъ было много пашни для лошадей, и что королевское войско, въ случаѣ битвы, могло на этихъ поляхъ развернуться соответственно своимъ силамъ, не рискуя быть окруженнымъ, тогда какъ у непріятеля поприще было сравнительно узкое, неровное и болотистое, такъ что превосходство его численности скорѣе могло вредить ему, нежели помогать.

Въ это время агенты Хмельницкаго дѣлали уже свое—какъ называли бы кievскіе атависты—достопавное дѣло. Велико-и малопольскіе мужики подняли бунтъ противъ единовѣрной шляхты, и готовились вырѣзывать все, что жило въ панскихъ дворахъ, или держало сторону помѣщиковъ, во время ихъ отсутствія. Король отправилъ въ Краковъ 1.000 псполитаконъ противъ предводителя задуманной рѣзни, Костки Напѣрекаго. Другую тысячу послалъ онъ оборонять Радивилоу Олыку отъ Богуна, который скоро и отступилъ отъ нея. Александръ Конецпольскій отправился къ Дубну, чтобы занять переправы и выбрать мѣсто для лагеря. Гавріилъ Стемпковскій былъ посланъ съ подѣздомъ къ Вишневу, а на Стефана Чернецкаго возложено самое важное дѣло: развѣдать основательно о положеніи непріятели. Отъ его извѣстій зависѣло рѣшеніе: оставаться ли войску подъ Берестечкомъ, или передвинуться къ Дубну.

Козаки и Татары стояли надъ болотистымъ Горынемъ. На поляхъ за Рокочами кочевали пуредшигъ-султанъ, и на правомъ берегу соединился съ Ордоу, кочевавшю между Жиракомъ и Горынемъ, а на лѣвомъ—раскинулся Хмельницкій по Колодинскимъ полямъ. Задачу трудную взялъ на себя Чернецкій. Онъ долженъ былъ идти вдоль Слоховки черезъ Икву и Алексинець, безпрестанно сталкивался съ непріятельными подѣздами, а переправиться черезъ горыискія болота не осмѣливался: его могли бы отрѣзать.

Вѣстей отъ него ждали въ королевскомъ войскѣ съ крайнимъ нетерпѣніемъ. Оставшаяся за Стыромъ шляхта сеймиковала, и черезъ пословъ своихъ требовала отъ короля, чтобы, согласно праву и обычаю, онъ оставался въ лагерѣ псполитаконъ и командовалъ ими въ качествѣ высочайшаго гетмана. Въ противномъ случаѣ, грозила избрать себя генералиссимуса. Не правилось ей, что король опять намѣренъ передвинуться, что не хочетъ видѣть ся войска, не хочетъ слушать по обычаю представленія шляхетскихъ пословъ и отвѣчать на ихъ требованія. Король отвернулся отъ посольства шляхты и ушелъ, не сказавъ ни слова.

Въ то же самое время начались распри между Шѣмцами и Полякоруссами, а въ лагерѣ сдѣлалась такая дороговизна, что ломоть хлѣба, стоившій полтора гроша, продавался по 18 грошей. Король не сталъ искать „благонидныхъ“ способовъ прокормленія войска, и велѣлъ протрубить, чтобы войско само себя добывало живность, разрѣшивъ ему такимъ образомъ грабительство. Квартяки, челядь и даже подѣзды бросились опять, какъ подъ Сокалемъ, опустошать окрестности, изображая собою не защиту края отъ козакогагарской орды, а

хищную и безмощную орду королевскую. Грабежь и подъ Берестечкомъ оправдывался тѣмъ, что разоряютъ не ортодоксальныхъ жителей, а схизматиковъ, на которыхъ двинулось посполитое рушеніе: оправданіе, гибельное для будущности Поляковъ, какъ націи шляхетской, которую оставленная въ невѣжествѣ чернь продолжала уничтожать при всякой возможности, и на которую даже въ наше время готова броситься по первому велѣнію сильнаго, какъ на „Ляховъ, що сховалась підъ Австріюкомъ“. Но жалкіе жолнеры жалкаго короля, подобно своимъ вырождамъ, козакамъ, не стѣснялись въ набѣгахъ ни единовѣрствомъ, ни единоплеменностью: у брацлавскаго каштеляна, Стемковскаго, находившагося тутъ же въ лагерѣ, королевскій подѣздъ захватилъ 10.000 штукъ рогатаго скота, а замокъ въ Свимухахъ лагерная челядь вмѣстѣ съ Нѣвцами брала приступомъ три дня и наконецъ одолѣла. Въ замкѣ у Стемковскаго сидѣлъ, безъ сомнѣнія, такіе же Ляхи, какимъ былъ по рожденію, или сдѣлался по воспитанію и вѣрѣ, онъ самъ; но эти Ляхи правили подзамчанами русскими, и рогатый скотъ былъ захваченъ въ имѣніи Стемковскаго не иначе, какъ съ изобіеніемъ и увѣчемъ его русскихъ подданныхъ. Все это причлось „безмозглымъ“ къ старому нашему съ ними счету, начавшемуся при Ягайлѣ и при его тестѣ, Людовикѣ Венгерскомъ, а проценты на проценты въ предубѣжденіяхъ ничего не взвѣшивающей народной Немезиды росли съ быстротой погубельной. Польская исторіографія, безотрадная въ своей вѣрности правдѣ факта, равно какъ и въ софистическомъ самооправданіи, изображаетъ безпримѣрное развращеніе Шляхетскаго Народа его развращеннымъ правительствомъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ.

Подѣзды отказались повиноваться; жолнеръ не хотѣлъ исполнять своихъ обязанностей; въ лагерѣ съ каждымъ днемъ безпорядки увеличивались, и никто не зналъ, что дѣлать (*nikt nie wiedział co robić*)“.

Вотъ какая вѣра, вотъ какая общественность, вотъ какая государственность (скажетъ русскій читатель) успивались воспреблаждать въ Малороссіи! Козаки, какъ беззавѣтные рушники, были еще большимъ зломъ; но ядъ, приподнесенный намъ въ видѣ созиданной римской политикой культуры, требовалъ антикультурнаго противоядія. Прививъ имсцусемой козачиной и гетманщиной антидотъ, въ ужасающей дозѣ, мы не совсѣмъ выздоровѣли даже и нынѣ, но русское самосознаніе къ намъ возвращается, и русскаго воссоединенія „въ духѣ и истинѣ“ мы чаемъ.

Небольшіе подѣзды и чаты, выслаемые на добываніе языковъ, приводили ихъ множество, но ничего вѣрнаго нельзя было отъ нихъ добыть. Вѣсти, собранныя въ походѣ Чернецкимъ и Степиковскимъ, не имѣли важнаго значенія. Оба доносили, что главная козацкая сила стоитъ подъ Колоднымъ, въ милѣ отъ Збаража; что Хмельницкій замышляетъ бороться выносливостью и хочетъ заманить короля въ голотныя области, которыя теперь опустошаютъ огнемъ и мечемъ; что ханъ прибылъ 21 числа на козацкія кочевья; что подъ королевскимъ обозомъ увивается множество козацкихъ чатъ съ цѣлью добыть языка.. Вѣсгей набралось много, но ничего въ нихъ положительнаго не было. Одни были увѣрены, что Хмельницкій двинется въ Украину, что будетъ все истреблять на своемъ пути, которымъ будетъ преслѣдовать его король. Другихъ смущала мысль, что исполнитое руженіе обратится въ ничто. Если шляхта не пойдетъ *комонникомъ*, то *лѣнновымъ таборомъ* никогда не доберется до непріятели. Если Хмельницкій удалится за Днѣпръ, то вся кампанія кончится ничѣмъ: ибо исполнитаки должны будутъ вернуться домой, а войско безъ нихъ будетъ не въ силахъ идти за Днѣпръ. Были и такіе, что ожидали съ каждой минутой Татаръ въ лагерь. Но здѣсь не было коноплянниковъ, какъ подъ Зборовымъ, гдѣ въ убѣжищѣ храбрцовъ нашли даже брошенныя знамена.

Уже первые два дня, проведенные въ бездѣйствіи подъ Берестечкомъ, угрожали паденіемъ военной дисциплины. Король хотѣлъ постановить ичто вѣрно, и вотъ, въ день своихъ именинъ, принявъ отъ полка подарки отъ наповъ (оружіе, лошадей, мисюрки, параменички), велѣлъ имъ остаться для совѣщанія. Было рѣшено прождать еще два дня, и еслибы не было новыхъ вѣстей, двинуться къ Дубну. Опять возникъ вопросъ о комонникѣхъ и лѣнновомъ таборѣ, по остался безъ разрѣшенія. Было только приказано протрубить въ лагерь, чтобы войско было готово къ выступленію 27 (17) іюля.

Между тѣмъ подѣздъ Чернецкаго пропадалъ гдѣ-то безъ вѣсти. Не вернулся и посланные вслѣдъ отряды. Дисциплина падала въ концѣ. Непріятели могъ появиться внезапно, какъ подъ Зборовымъ. Въ лагерѣ господствовала болѣзненная апатія какъ въ умирающемъ тѣлѣ въ огнившемъ свой вѣкъ государствѣ.

Когда великій монархъ, избранный на царство разбойникомъ среди вкпчивыхъ Полонусовъ, помогалъ ему такимъ образомъ губить настоящее и будущее Польши,—самъ разбойникъ притаился гдѣ-то въ пустыняхъ, которыя сбросили съ себя полувѣковую работу культурниковъ, какъ дикарь сбрасываетъ не пригодную для сего примитив-

наго быта одежду, и снова сдѣлались голыми. Было извѣстно, что главныя силы страшнаго въ своей таинственности Хмеля стоятъ между Тернополомъ и Збаражемъ, но гдѣ находился онъ самъ, сколько у него войска и куда намѣревался двинуться, этого не былъ въ состояніи выслѣдить никакой подвѣздъ.

Чтобы скрыть свои силы и планы, Хмельницкій раздѣлилъ козацкую орду на многолюдныя таборы тѣмъ способомъ, какимъ кочевали въ Буджакахъ Татары. Таборъ отдѣлялся отъ табора пространствомъ въ нѣсколько миль. Жолнеры, наткнувшись на козаковъ, не знали, что вступили въ архипслагъ отдѣльныхъ кочевьевъ, а Хмельницкій искуснымъ расположеніемъ таборовъ и выборомъ мѣстности такъ умѣлъ маскировать свою позицію, что нельзя было распознать, что это: отдѣльный ли корпусъ главной арміи, или же болѣе значительная часть козацкой силы. Если случайно добывали жолнеры языка, то и онъ имъ ничего не могъ сказать ни объ остальномъ, ни о самомъ гетманѣ.

Многолюдныя козацкія таборы, обставленные кругомъ сильными чатами, передвигались по временамъ съ мѣста на мѣсто; а за лишней частью, ихъ безопасность охраняли тысячи развѣдчиковъ, тогда какъ самъ гетманъ сидѣлъ въ панскихъ окопахъ подъ Збаражемъ.

Хмельницкій отправилъ въ такъ называемую Литву часть войска своего съ 700 Крымцевъ (число символическое *), подъ начальствомъ кievскаго полковника Антона Ждановича, и стягивалъ теперь остальные силы къ себѣ. Силыѣйшими отрядами занималъ онъ, по возможности, панское войско и подсылалъ къ нему шпионовъ, которые при творялись бѣглецами, обманывали шпионовъ королевскихъ, туманили

*) Украинская пѣсенность любила это число. Напримеръ:

Ой якъ изъ нѣзу Днирѣ та й до вершини

Сімь сотъ рідокъ, ще й чотыри.

Или: Перебийнісь іресьте немиого:

Сімь сотъ козаківъ съ собою

И въ женской пѣсенности то же самое:

Свѣтавъ менѣ поивъ сыць,

Дававъ мені воивъ *сімь*.

Или: *Сімь* день молотила,

Чехъ, чехъ заробила.

Или: Чимъ я въ мѣжа не жона

Чимъ не господіня?

Сімь день хѣты не мела,

Сниття не носила.

ихъ сказками и, развѣдавъ обо всемъ панскомъ лагерѣ, возвращались къ своему Батьку.

Позиція Хмельницкаго была такова, что, не опасаясь нападенія со стороны короля, онъ могъ въ двои сутки передвинуться подъ Сокаль, или подъ Львовъ. Не позволялъ онъ королю ни раздѣлить войска, ни подвигнуться далеко впередъ. Становищемъ своимъ парализовалъ онъ непріятеля, могъ легко соединиться съ Татарами, сообщаться съ Ракочіемъ и собрать турецкія подкрѣпленія. Наказный полковникъ Стасенко, состоявшій при походной канцеляріи Хмельницкаго, въ Збаражѣ, могъ, безъ всякаго затрудненія, сноситься съ цѣлою тучею агентовъ, разосланныхъ по схизматической и католической Польшѣ для возбужденія черни.

Теперь уже *ося*, можно сказать, польская Русь, въ лицѣ своихъ полопофобовъ, находилась въ таборахъ Казацкаго Батька. Среди папства черни и въ самомъ войскѣ толпилось множество поповъ и монаховъ. Въ преснїя козацкія ополченія на пановъ Ляховъ, пойманные по подозрѣнію Ляхами папы оправдывались убѣдительнымъ фактомъ, что козаки не допускаютъ пона въ походные таборы, а въ 1621 году, благочестивые кіевскіе „обыватели“ напрасно писали къ Сагайдачному: „чому бы и памъ, покинувши поганскіе ворѣжки, же (что) пошь на всякую потребу (битву) пещасливый,—положивши на Бога надѣю, для исповѣди и для причастя завше (всегда) своихъ поповъ, людей духовныхъ и богобойныхъ, у войску не мѣти?“ *) Теперь три колокола, висѣвшіе на подвижной колокольнѣ, ежедневно зывали козаковъ на молитву, а въ походной церкви, составленной изъ множества палатокъ, отправлялось архіерейское богослуженіе. Козаки выступали, какъ воители обобранной, припуженной и поруганной малорусской церкви.

Но творецъ этой благочестивой повизны, очевидно для всѣхъ, терзался какими-то непонятными никому чувствами. Сдѣлавъ такъ много, какъ не сдѣлали козаки со времени Царя Наливая, Козацкій Батько казался теперь чужимъ собственному дѣлу. Можетъ быть, онъ лучше кого-либо изъ козаковъ понималъ, что прочность этого дѣла основывается не на собственныхъ силахъ и средствахъ,—что она зависитъ отъ непредвидимыхъ случайностей. Можетъ быть, въ тайныхъ счетахъ съ разсудкомъ и совѣстью, онъ провидѣлъ и такія событія, какія сопровождали кончину его старшаго сына при его жизни, а

*) Археографическій Сборникъ, I, 255.

младшаго—по смерти. Тогда къ чему эти кровавыя рѣки, слезы стольких матерей, гибель стольких сиротъ?

И послѣ своего похода ко Львову и Замостью, послѣ возведенія на престолъ, въ насмѣшку надъ врагами, худшаго изъ нихъ, послѣ триумфальнаго вступленія въ Кіевъ, Хмельницкій бывалъ, что називается, не при себѣ: то лежалъ ницъ на церковномъ помостѣ, то предавался мертвому пьянству. Теперь его болѣзнь разлада съ самимъ собой усилилась. Наблюдавшіе поступки Хмеля въ таборѣ подъ Берестечкомъ описываютъ его полусумасшедшимъ. Онъ бродилъ по табору, самъ не зная, зачѣмъ; вдругъ, какъ будто проспавшись, изрыгалъ кровавыя повелѣнія, возставалъ противъ правительствъ и народовъ, отвергая всяческіе законы общественной жизни, кощунствовалъ, проклипалъ, и снова впадалъ въ апатію, а потомъ предавался обычному пьянству на цѣлые дни и ночи.

Много было толковъ о причинѣ душевнаго расстройства Козакаго Батька и Поляки, съ дикой отрадой, повторяютъ ихъ донья, забывая, что это было родное дѣтище ихъ Шляхетскаго Народа. Не сомнѣнно одно,—что Хмельницкій пашель въ женщину, которую любилъ, то, что Шекспировъ Тронль—въ Кресильдѣ. Отъ горячей любви къ смертельной ненависти у такого челоуѣка былъ одинъ только шагъ, и этотъ шагъ онъ сдѣлалъ въ то время, когда попалъ опять въ такую грозную зависимость отъ хана, какую ханъ далъ ему почувствовать подъ Зборовымъ.

Пагроможденныя въ Суботовѣ и въ Чигиринѣ сокровища требовали для своей охраны дракона. Въ качествѣ таковаго Хмельницкій приставилъ къ своему золотому руну своего достойнаго сына, Тимофея. Какого рода была между отцомъ и сыномъ переписка, да и была ли, этого нельзя сказать, зная, что и Князь Василій спосился иногда съ Княземъ Черупомъ, въ избѣжаніе случайностей, черезъ посредство живаго слова; по драконъ, въ одинъ прекрасный день, получилъ повелѣніе быть палачемъ своей мачихи, и козацкой Кресильды не стало. Кто знаетъ, какую роль разыгралъ въ семейной драмѣ Тимо Хмельниченко? Въ жаждѣ богатства и власти онъ могъ быть похожъ на отца. Между нимъ и отцомъ стояла женщина, и эта женщина пользовалась такимъ вліяніемъ, что, какъ мы видѣли, могла отвести пьяную руку мужа отъ убійства гостей и пословъ. Притомъ же эта прелестница дважды перешла въ его объятія изъ чужихъ. Старый лѣбовникъ вѣритъ клеветѣ скорѣе молодаго, а такія грязныя личности, какъ Богданъ Хмельницкій, способны, въ мрачную минуту, мстить и за чужую вину, не только за собственную. Какъ бы то ни было, толь-

ко, извѣстіе о казни Чаплинской пришло къ королю 9 римскаго іюня, когда онъ стоялъ еще подъ Сокалемъ, и король угощилъ своихъ приближенныхъ за ужиномъ. рассказомъ, невѣроятнымъ по своимъ гадкимъ подробностямъ. Самъ ли Янъ Казимиръ придумалъ ихъ, или помогли ему и здѣсь готовые на все іезуиты,—дѣло не въ томъ, а въ томъ, что, каковы бы ни были Хмельницкіе, эти божки нашихъ кievскихъ атавистовъ, допускать съ ихъ стороны публичное разоблаченіе семейной драмы прилично только ихъ малорусскимъ панегиристамъ *) да ихъ смертельнымъ врагамъ, польскорусскимъ папамъ. Освѣщивъ, въ отраду польскому потомству своему, сохранилъ всю скабрзность приукрашеннаго враждебною молвою романа, и засвидѣтельствовалъ источникъ ея словами: „*Это нашъ самъ король за своимъ ужиномъ съ радостью докладывалъ (z usiechą referował)*“.

Воспныя дѣйствія зависѣли теперь отъ того, былъ ли Козацкій Батько пьянъ, или трезвъ. Отъ того же зависѣла и соподчиненность въ его войскѣ. Когда онъ пировалъ, пировало все войско, и тогда не было рѣчи о послушаніи: тогда полковники прятались въ палаткахъ; толпы черни бросались одинъ на другія и, какъ выражались козаки, *жаковали* возы. Такъ рассказываютъ Поляки, и, зная безобразія козацкой республики изъ русскихъ источниковъ, печѣмъ намъ опровергать подобные рассказы.

Хотя козацкое войско было вдвое многочисленнѣе паискаго, но Хмельницкій не двинулся съ мѣста до прихода хана, „крѣмьскаго добродія“, какъ называютъ его иронически украинская пѣсня. Безъ Татаръ, онъ мало полагался на стойкость козаковъ. Даже славный гайдамака Нечай, въ роковой для него схваткѣ, подгонялъ соратниковъ къ бою серебрянымъ перначемъ своимъ. Булава Хмельницкаго также имѣла двойное назначеніе; но, безъ такихъ попутителей, какъ Татары, не сдѣлалъ бы Козацкій Батько на своей карьерѣ больше Паслюка, Скидапа, Острияна и Гуни. Татары въ походахъ стараго Хмеля играли важную роль не столько въ смыслѣ подкрѣпленія козацкихъ силъ, сколько въ смыслѣ водворенія въ козакахъ „воли и думы единой“, то-есть въ смыслѣ террора. И желтоводскимъ, и корсунскимъ побѣдителямъ—умячать отъ ляпсской сабли и иѣмецкой пули, картечи, бомбы казалось не столь ужаснымъ, какъ попасть въ татарскія дыка вмѣстѣ съ козачками и козачатами. Безъ татарскаго побратимства, козацкое скопнице давно бы уже не существовало: оно—или бы-

*) См. Костомарова „Вогданъ Хмельницкій“, изд. 4, т. II, стр. 312.

ло бы разсѣяно такими полководцами, какъ Вишневецкій и Чернѣйскій, или раздѣлилось бы на ся, подобно сподвижникамъ Наливайка, Жмайла, Тараса Федоровича, Павлюка, Острияницы. Того мало, что ханъ своимъ присутвіемъ ставилъ козацкія полчища въ необходимость идти на бой: Татары отрѣзывали имъ путь къ бѣгству, и нерѣдко гнали панское войско однимъ своимъ крикомъ.

Положеніе нашихъ добычниковъ на прославленныхъ и опозоренныхъ Збараже-Зборовскихъ равнинахъ стаповилось затруднительнымъ. Край былъ опустошенъ войною 1649 года, а въ прошломъ году сарапча съѣла полевые урожаи. Съѣстные принасы доставлялись издала. Въ козацкомъ войскѣ, какъ и въ панскомъ, открылась повальная болѣзнь, и въ то же время началъ чувствоваться голодъ. Хмельницкій беретъ *харчи* на время боевое, и только по временамъ лакомилъ живыхъ дѣтокъ своихъ жакованьемъ воевъ. Но „крѣмскій добродій“ приближался; пилявецкія сцены трехсуточного пира оживляли козацкое воображеніе, и поднимали козацкій духъ изъ упадка.

Слухъ о памѣреніи козаковъ отступить въ Кіевщину и продлить кампанію напы приписывали изобрѣтательности Хмельницкаго. Гораздо вѣроятнѣе, что этотъ слухъ былъ проявленіемъ общаго чувства козацкой массы, всегда готовой разбѣжаться, когда нечего было жевать и грабить. Иначе—не долетѣлъ бы до насъ изъ позабывшей себя истарины козацкій вопль:

Ой раді бѣ мы вернутися,—
Гетьманъ не мускає!

Что касается до козацкихъ вожаконъ, не исключая и самого Хмельницкаго, то надобно отдать честь ихъ расчетливости: выступая въ походъ, они всегда памѣчали и обезпечивали себѣ дорогу бѣгства—если не въ христіанскую, то въ мусульманскую землю. Такъ объясняютъ и быстрый поворотъ Козацкаго Батька отъ задуманнаго въ Исламъ-Гиреемъ и Киселемъ похода къ набѣгу на Волощину. Если это объясненіе справедливо, то Хмельницкій, отвлекши хана отъ Московской войны своими каверзами, являлся теперь въ нѣкоторомъ родѣ спасителемъ царя отъ ляхо-козако-татарскаго панствія. Не могъ простить этого плутъ ордынецъ плуту козаку, и приготовился тамъ или иначе отомстить ему за недочетъ въ широко рассчитанной добычѣ, а пожалуй—и за потерянный случай къ возстаповленію двухъ татарскихъ царствъ.

Было у Исламъ-Гирея и другое побужденіе къ задуманному коварству; а коварствомъ онъ даже тщеславился въ передѣлкахъ съ дья-

турами: султанъ повелѣлъ ему, наслѣднику древней кипчакской славы, „хорошо править конемъ“ на службѣ бѣглому рабу татарскихъ плѣнниковъ, польскихъ пацовъ. Ослушаться своего сюзерена было бы не безопасно; оцѣпиться противъ стамбульскаго калифа-султана было бы грѣховно. Но мужество и робость, побѣдоносный разумъ и поворное затмѣніе ума ниспосылаются однимъ и тѣмъ же Аллахомъ. Такъ долженъ былъ размышлять уповающій сильно на Божію милость хищникъ, и, можетъ быть, этимъ размышленіемъ предрасположилъ себя къ бѣгству изъ-подъ Берестечка.

Въ то время, когда король вступалъ въ лагерь подъ Сокалемъ, ханъ стоялъ уже надъ Днѣпромъ. Тамъ отдыхалъ онъ три дня и раздѣлялъ Орду на три войска. Первое войско, распадавшееся на двѣ половины, составляло правое и лѣвое крыло главнаго полчища, заключающаго въ себѣ двѣ трети Орды. Во время пути, главный корпусъ шелъ въ ровной линіи съ крыльями, дѣлая шесть миль ежедневно, безъ остановокъ, но каждый часъ все войско приостанавливалось на 15 минутъ, чтобы кони перевели духъ. Въ это время Татары сходили съ лошадей и, исправивъ, что кому было нужно, летѣли „гнѣвомъ Божіимъ саранчею“ дальше.

Но мѣръ того какъ Исламъ-Гирей приближался съ востока, Хмельницкій подвигался къ сѣверу, чтобы заслонить Орду отъ панскихъ подѣздовъ и сойтись въ походѣ съ союзниками. Когда такимъ образомъ Татары достигли Вишницы, онъ подвинулся на Колодинское поле и сдѣлалъ тамъ свою главную квартиру. Оттуда двинулся онъ съ частью войска къ Вишневцу, изъ Вишневца протанулъ свои посты до Казмирова, и распустилъ чаты къ Стыру. Въ это самое время передняя стража татарская, подъ начальствомъ султанъ-муреддина, пришла къ Вишневцу. Хмельницкій выѣхалъ изъ Вишневца со всѣми полковниками привѣтствовать хана, встрѣтилъ его подъ Лябшиномъ, и выѣтъ съ нимъ въѣхалъ въ татарскій конь при восклицаніяхъ Орды. Загребатель жару чужими руками былъ счастливъ: 100.000 отборныхъ Татаръ готовы были къ его услугамъ. Оставалось только выкурить польскихъ пчелъ и выбирать медъ, какъ подъ Пилявцами. Кони и люди были у Татаръ въ наилучшемъ видѣ, повиновеніе бсямъ и мурзамъ полное, въ батовахъ большой запасъ провизіи, и по пути не сдѣлали они въ козацкой области никакого грабсжа. Словомъ, татарскій ханъ явилъ свою орду образцомъ и для козацкой, и для панской орды.

На пространствѣ между Сокаломъ и Колодымъ стояло теперь три силы готовыя къ бою: образцовый ханъ съ двумя братьями соправителями своими, съ отборною Ордою, съ баями, агамъ, мурзами;

козацкій гетманъ со всѣмъ, что могъ вывести изъ Украины соблазномъ и терроромъ, и король съ министрами, съ большою половиною свѣтскихъ сенаторовъ и почти со всей короной шляхтою; а бои предстоялъ теперь уже не за козацкія вольности, давно завосванныя, не за татарскій гарачъ, возмѣщенный съ лихвою, а за двѣ христіанскія вѣры, изъ которыхъ одну предоставлялось магометанину возвысить, а другую унизить.

Обезпечивъ себя Татарами, Хмельницкій имѣлъ всѣ шансы для гордости надъ папаша въ небываломъ еще богословскомъ диспутѣ, но, при всѣй своей радости, скоро почувялъ, что играть въ рискованную игру. Исламъ-Гирей далъ ему замѣтить, что между ними нѣтъ прежняго согласія. Хану была не по сердцу дружба козаковъ съ Турками: козаки, чего добраго, могли сдѣлаться уздою на Татаръ въ рукахъ Дивана. Падшахъ ужъ слишкомъ настоятельно погналъ его, перскопскаго и крымскаго царя, на помощь папскимъ бунтовщикамъ. Но мнѣнію Исламъ-Гирея, Чингисхановичамъ, а не Османамъ слѣдовало бы царствовать и въ самомъ Стамбулѣ. Если не обманъ со стороны Хмельницкаго въ походѣ на Москву, обѣщавшемъ хану такъ много, то помыканье крымскимъ величествомъ чрезъ посредство турецкаго султана, одно изъ двухъ, превратило дружбу татарскаго хана съ ханомъ козацкимъ въ тайную боязнь и слѣдовательно въ ненависть.

Ища выхода изъ своей запутанной роли, Хмельницкій переломилъ въ разнообразныхъ заискиваньяхъ, и теперь видѣлъ, что у побритыя Татарина что-то недоброе на умѣ. Не успокоило его и лестное обѣщаніе Исламъ-Гирея посѣтить союзника въ козацкомъ таборѣ. Весь расчетъ на успѣхъ основывался теперь у Козацкаго Батка на увѣренности, что Татары запугаютъ своими лыками его дѣтушекъ и принудятъ къ отчаянному бою. Но и этотъ расчетъ сдѣлался сомнительнымъ отъ пріема, какой онъ сдѣлалъ „Крымскому Добрѣдѣю“ у себя въ таборѣ, поддавшись обычному своему ньянству, въ которомъ находилъ лѣкарство отъ удручавшей его грусти.

Чтобы маскировать свое охлажденіе къ гетману, ханъ возвратилъ ему визитъ на другой день. Исламъ-Гирей пріѣхалъ въ сопровожденіи князей и бароновъ Крымскаго юрта, на дорогихъ, богато украшенныхъ лошадяхъ, въ легкихъ фригійскихъ шапкахъ, въ длинныхъ холщевыхъ снпачахъ. Загремѣло 60 пушекъ, завопили колокола, загудѣли бубны и сурмы; но гетманъ хана не встрѣтилъ: онъ лежалъ пьяный. Невозможно было скрыть это отъ царственнаго гостя. Гетманскій наказный Джебдалла долженъ былъ объявить своимъ

сплеме́нникамъ правду. Ханъ оскорбился страшнымъ пріемомъ, и не срывалъ своего отвращенія къ пьяницѣмъ.

Послѣ взаимнаго пересмотра войска, оказалось, что у Хмельницкаго было 90.000 регулярной пѣхоты, 12.000 конницы и болѣе 100.000 затыжцевъ мужиковъ. Пѣхота была вооружена такъ-называемыми семиндшими пицалами. Конница имѣла такіе же самопалы, но сидѣла на плохихъ лошадяхъ, которыя служили ей прикрытіемъ во время пѣшей палбы. Мужики были вооружены, кто какъ могъ: дроблемъ, вилами, пабившими цѣпами и самопалами, какъ ихъ описываетъ козацкая Іліада:

Котѳрый коза́къ ша́блі була́тної
 Пицалі семиндшо́ї
 Не ма́с,
 Той кия на плечі забіра́с,
 За гетьманомъ Хмельницькимъ у похідъ посли́шає.

На военной радѣ козаки и Татары рѣшили—притвориться отступающими къ Кіеву, согласно посившейся до прихода хана молвѣ, 25 (15) іюня двинуться весьма таинственно къ Берестечку и дать Ляхамъ битву. Ханъ и Хмельницкій, съ 12.000 Татаръ и съ такимъ же количествомъ козацкаго компаньика, должны были явиться первые подъ Берестечкомъ для обозрѣнія поля битвы, и еслибы король, какъ они надѣялись, двинулся къ Дубну, напасть на него въ походѣ. За ними должна была идти Орда и полкъ Богуна, а потомъ пойдуть всея таборы и батовы, войска и козацкія гарматы *).

Когда козаки и Татары готовились къ нападенію, ханы, не позуривъ отъ подѣзда Чернецкаго никакой вѣрной вѣсти и думая, что неприятель отступать къ Кіеву, рѣшались идти къ Дубну.

27 (17) іюня лагерь снялся съ мѣста. Уже нѣкоторые возы выехали въ поле; пѣхота и конница стояли наготовѣ; королевскій отрядъ сидѣлъ передъ навѣсомъ и ждалъ окончанія мши, чтобы выступить вмѣстѣ съ королемъ, какъ изъ подѣзда титулярнаго козацкаго гетмана Забугскаго прискакалъ гонецъ съ донесеніемъ, что ханъ и Хмель-

*) Фальшивые Греки, агенты Гоасаоа, питриговавшіе, какъ и онъ самъ, передъ царемъ въ пользу Хмельницкаго и турецкаго султана, доносили въ Москву, будто бы „съ кіями, какъ бывало прежь сего, въ (козацкомъ) войскѣ ли- либо нѣтъ); но это опровергается польскими пзвѣстіями, а Поляки всячески возвышали одоляніе козаковъ подъ Берестечкомъ.

ниціѣй уже въ походѣ, а Вогунъ, съ нѣсколькими десятками тысячъ народной стражи, достигъ уже рѣки Горыпки, чтобы занять переправу.

Вслѣдъ за гонцомъ Загубскаго, отъ подѣзда князя Іереміи Вишневецкаго пришло извѣстіе, что непріятель двинулся съ Колоднцкаго поля и залегъ по сю сторону Вишневца въ лѣсахъ, чтобы ударить на королевское войско при переправѣ черезъ Ікву. Гетманы стали убѣждать короля, чтобы дозволилъ войску остаться въ лагерѣ еще одинъ день, какъ подѣзды прислали языка, именно шесть козаковъ и одного пона, которые показали единогласно, что два непріятельскіе полка стоятъ уже подъ Черешатынымъ, въ полуторѣ мильяхъ отъ Берестечка, и намѣрены въ тотъ же день напасть на королевское войско.

Немедленно отправили Чернецкаго вернуть возы въ лагерь; войску велѣли занимать валы; послали сильныя отряды для зачатія всѣхъ проходовъ и переправъ; инженеры принялись исправлять окопы и шанцы.

Не было никакого сомнѣнія, что козаки и Татары приближаются. Ежеминутно прибывали новые вѣстники наступающей грозы. Пашскіе подѣзды, столкнувшись съ татарскими, прятались въ лагерь; военныя торопливо переправлялись; возы возвращались въ окопы; а къ вечеру далекое зарево на горизонтѣ и глухой гулъ въ воздухѣ давали знать о приближеніи 300.000-го войска.

Пѣхота и челядь сыпали цѣлую ночь шанцы. Все войско стояло подъ оружіемъ, и было запрещено, подъ смертною казнью, отдаляться отъ лагера. Но дерзкая челядь, зборовскіе герои, несмотря на запрещеніе, выгнали нѣсколько тысячъ лошадей на пашу, и всѣ эти лошади сдѣлались добычею татарскихъ чать.

Расчитывая на походное движеніе пашскихъ ополченій и не встрѣтивъ никакого похода на своемъ пути, Хмельницкій остановился въ недоумѣніи въ полуторѣ мильяхъ отъ пашскаго лагера. Ночью, во вторникъ на среду 27 (17) іюня, сталъ онъ переправлять свое войско и таборъ, устроивъ переправы въ двухъ мѣстахъ. На одной изъ нихъ наткнулся на него подѣздъ князя Вишневецкаго, подъ начальствомъ Бейдковскаго, и былъ совершенно разгромленъ. Бѣглецы принесли вѣрныя вѣсти о непріятелѣ.

Въ то же самое время возвратился изъ разѣзда Чернецкій. По отзыву Освѣцима, онъ уронилъ свою репутацію тѣмъ, что, вмѣсто языка и точныхъ извѣстій о намѣреніяхъ непріятеля, пригналъ лишь нѣсколько тысячъ головъ рогатаго скота, захваченныхъ имъ на Волици и едва не подвергъ все войско величайшей опасности, подавъ ложное извѣстіе объ отступленіи козаковъ и Татаръ. Но мы уже знаемъ, что

сами козаки были поставлены Хмельницкимъ въ невозможность узнать о сго намѣрсіяхъ, и для насъ ясно, что онъ умышленно не тревожилъ скотогонительства Чернецкаго, дабы край показался ему оставаемымъ непріятелемъ, якобы испугавшимся королевской силы. Упрекасть Освѣдимъ знаменитаго воина и въ томъ, что онъ вспомошествовалъ лишь разоренію края. Здѣсь онъ указалъ на самую печальную черту подвиговъ Чернецкаго. Стефанъ Чернецкій всего больше прославился у Поляковъ разореніемъ. Умирая послѣ громкихъ, какъ пустой звукъ, дѣяній своихъ на рукахъ у походнаго исповѣдника іезуита, не могъ онъ утѣшать себя мыслью, что оставляетъ присвоенную Польскою землею, текущею снова молокомъ и медомъ. Напротивъ, сго слава, истинно *польская*, въ дурномъ смыслѣ слова, уподобилась той славѣ *козацкой*, которую восхваляли передъ московскимъ царемъ турецкіе интриганы, Греки, говоря о Хмельницкомъ, что онъ, идучи съ Татарами, „все разоряетъ до основанія, будто никколи ничего нигдѣ не бывало“.

Іюня 28 (18), въ среду, утромъ, было получено извѣстіе, что непріятель переправился и приближается къ панскому обозу, а Татары уже столкнулись съ панскими разъѣздами около переправы черезъ рѣчку Пляшову. Жолперы собрались толпами слушать богослуженіе. Въ лагерѣ протрубили цѣлодневный постъ по случаю капуна Свв. Петра и Павла. Стоявшая подъ Корпнцами панская стража прискакала съ извѣстіемъ, что видѣла непріятеля собственными глазами. Выслали на рекогносцировку князя Богуслава Радвила, генерала отъ инфантеріи. Когда онъ съ полкомъ своимъ достигнулъ базара, ему представилось то, что пани кобзари называютъ великими пылами—туманами, и, около полудня, показались первые татарскіе отряды. Перешедши рѣчку Пляшову, они заняли мелкими отрядами взгорья, поля, лѣса и заросли укрывши въ заросляхъ козацкаго конопника.

Панская конница стояла наготовѣ между валовъ и шанцевъ. Войсковою стражникомъ, Якульскій, расположился съ нѣсколькими отрядами конницы передъ валами, держа непріятельскія куны въ надѣжащемъ отдаленіи, а между тѣмъ коронный стражникъ, Замойскій, проѣзжалъ по рядамъ, и именемъ короля запрещалъ выѣзжать на фрнцы. Только въ 5 часовъ по полудни, когда уже знали навѣрное, что непріятель не выведетъ большихъ силъ на боевое поле, было дозволено самымъ опытнымъ ветеранамъ выѣхать въ поле.

Татары давно уже подѣзжали подъ шанцы и валы панскаго обоза, съ намѣреніемъ, подъ видомъ гарцевъ, навести жолперовъ на козацкія засады. Началась ловитва людей, такъ какъ въ гарцахъ не

о томъ старались, чтобъ убить противника, а о томъ, чтобы схватить его живьемъ. Всѣхъ больше обращалъ на себя вниманіе павздническимъ искусствомъ Татаринъ, сидѣвшій на дорогомъ пѣгомъ копь. Попялся за нимъ старый Мазуръ и, видя, что схватить его живьемъ нельзя, застрѣлилъ изъ ружья. Татаринъ упалъ головой въ тылъ, къ сторонѣ своего войска: примѣта зловѣщая у Татаръ. Раззадоренные удачей польскаго гарцовника, ордынцы сбѣгаются въ одну кучу, строятся и летятъ къ шапцамъ.

Александръ Конецпольскій смылъ уже съ себя пятно Пилявецкаго бѣгства подъ Збаражемъ. Подъ Берестечкомъ, онъ, „въ глазахъ всего войска“ (пишетъ Освѣдимъ) „разыгралъ первую сцену военной драмы“. Съ горстью дружинниковъ онъ врѣзался въ цѣлую тучу Татаръ. За нимъ бросился съ полкомъ своимъ Опалинскій, коронный маршалъ, посланный въ помощь отважному бойцу. Три раза выбивался Конецпольскій изъ татарской тучи, и три раза бросался снова на непріятеля, къ удивленію всего войска. Видя, что онъ рискуетъ головой, послали князя Іеремію Вишневецкаго, съ частью козацкихъ, то есть легко вооруженныхъ хоругвей, и Стефана Чернецкаго съ гусарскою рогою,—двухъ знаменитѣйшихъ Русиновъ на выручку стоявшаго того Поляка. „Цѣлый часъ“ (разсказываетъ Освѣдимъ) „продолжался смѣшанный бой, среди криковъ и замѣнательства. Наконецъ непріятель не выдержалъ боя на сабляхъ, и обратился въ стремительное бѣгство. Пани преслѣдовали его на разстояніи цѣлой мили, до болотной переправы, гдѣ должны были остановиться по причинѣ приближенія ночи... Взято было въ плѣнъ болѣе 20 всадниковъ и одинъ мурза. Они показали, что этотъ передовой отрядъ состоялъ изъ 12.000 отборной козацкой копницы и Бѣлгородскихъ, Крымскихъ, Урумчскихъ Татаръ, отправленныхъ для предварительнаго испытанія пашинъ силъ. Нѣкоторые утверждали, что съ ними находились ханъ и Хмельницкій, но что они заблаговременно удалились“.

Но другимъ польскимъ извѣстіямъ, въ пробномъ бою, какъ это и естественно, пачалствовали оба хана, татарскій и козацкій. Счастливые любовники своихъ женъ-сестеръ, Конецпольскій и Вишневецкій бросились въ кипучую свалку очертя голову. Несчастный любовникъ чужой жены, Хмельницкій, казалось бы, долженъ былъ заглушить свою досаду встрѣчею съ тѣми людьми, которымъ онъ приписывалъ козакопанскую усобицу. Но это былъ герой инаго закала; онъ заглушалъ досаду на свои неудачи пьянствомъ, и вдохновлялся только разчетомъ на успѣхъ войны, кто бы ни помогалъ ему, какими бы средствами ни помогалъ, и чѣмъ бы ни пришлось платить за помощь.

Въ 10 часовъ панское войско сошло съ поля. Изнуренные жолнеры только ночью подкрѣпили силы свои ѣдою.

Въ это самое время (какъ узнали папы въ послѣдствіи) Исламъ-Гирей, недовольный пробнымъ боемъ, созвалъ на раду своихъ беевъ, агъ и мурзь, съ намѣреніемъ войти въ договоръ съ папами. Свѣдавъ объ этомъ, Хмельницкій прибылъ съ полковниками своими на татарское совѣщаніе, и началъ разувѣрять хапа въ его наблюденіяхъ. Онъ уменьшалъ панскія силы, уничижалъ шляхетскій способъ веденія войны, и, между прочимъ, сказалъ: „Это у нихъ только первый пылъ, а лишь только покопнутъ гарматы и куль да попробуютъ лагерной нужды, слякоти, жары, бессонныхъ почей, чатованья, голоду, когда, наконецъ, все повыпыютъ, тогда, непривычныя къ водѣ, къ холоду, голоду и непогодамъ, начнутъ бунтовать, сѣориться, и самого короля своего бросятъ въ полѣ. Намъ бы только пересбитъ квартаковъ; тогда всѣ посполитакы пойдутъ въ разсыпную. Вотъ уже третій день, какъ нѣсколько полковъ, поссорясь съ королемъ, разошлись по домамъ“.

На козакотатарской радѣ было постановлено: завтра хапу со всей Ордой, которая подошла только вечеромъ, и со всею козацкою конницею, переправиться черезъ Пляшову, и, занимая пановъ боемъ, овладѣть берестеческими переправами и равнинами, а между тѣмъ Хмельницкій соединитъ всѣ свои таборы, пѣхоту и гарматы, которые медленно приближались, и приготовится къ переправѣ.

На разсвѣтѣ 29 (19) іюня все панское войско выступило въ поле, и расположилось въ значительномъ разстояніи отъ окоповъ, между тѣмъ какъ остальные полки стояли наготовѣ въ лагерѣ. Лѣвымъ крыломъ командовалъ корошній полевой гетманъ, Мартинъ Калиновскій, въ центрѣ стояли посполитакы, а на правомъ крылѣ—брацлавскій воевода, Станиславъ Лянцкоронскій. Всѣ желали рѣшительнаго боя.

День былъ ясный. Утромъ, со стороны Корыня, появились надъ переправой татарскіе отряды. По нимъ стрѣляли изъ пушекъ, изъ ружей, и прогнали за переправу. Около 11 часовъ ударилъ непріятель большими силами, и овладѣлъ переправами, которыя были слабо защищены отрядами драгунъ и полевыми пушками. Многочудныя толпы Татаръ двинулись на равнины, и начали, по обыкновенію, свои гарцы, подѣзжая къ панскому войску и вызывая на состязаніе въ наѣздническомъ искусствѣ.

Вскорѣ затѣмъ со всѣхъ сторонъ показались столбы дыма: костелы, панскіе дворы, села горѣли на пространствѣ въ нѣсколько миль. Стотысячная Орда и вся козацкая конница разлилась по рав-

ниѣ, въ разстояніи полуторы мили отъ панскаго войска. Поля и лѣса были заняты наступающими.

Черезъ полчаса прискакало множество мелкихъ татарскихъ отдѣловъ, болѣе ступенныхъ, нежели въ прошлый день, и расположилось широко отвореннымъ полукругомъ, въ полумилѣ отъ панскаго войска, зажгши всѣ сосѣднія села, для стращанія Ляховъ. На центральномъ взгорьѣ появился главный татарскій корпусъ, выѣстѣ съ козацкой кочицей, направляясь къ лѣвому крылу панскаго войска. Между тѣмъ какъ оба хана смотрѣли издали въ зрительную трубу, началась битва, какой никто изъ жолнеровъ не видалъ, битва 200.000 всадниковъ.

Лѣвое крыло панское подвинулось впередъ; центръ и правое крыло стояли неподвижно.

Главная татарская сила ударила на лѣвое крыло, и окружила его при первой же стычкѣ. Трижды панскіе полки выбивались изъ татарской массы; трижды она ихъ поглощала снова. Казалось уже, что лѣвое крыло не выдержитъ боя; но сильный ударъ подольскаго воеводы, Стапислава Потоцкаго, который подкрѣплялъ это крыло съ лѣвой стороны, выручилъ его, потерявъ ротмистра и десятка полтора товарищей.

Вся козацкая сила ударила тогда на центръ. Противъ нея выступило ополченіе брестохувявской шляхты. Поддержалъ его Лянцкоронскій. За нимъ слѣпили полевой гетманъ и князь Іеремія Вишневецкій. Изъ самаго центра двинулись полки великаго короупаго гетмана и короупаго маршала. Они ринулись на наступающую Орду, прорвали татарскую массу, и смѣшались съ нею такъ, что только бунчуки и хоругви обозначали въ воздухѣ, гдѣ паны, а гдѣ ордынцы. Наконецъ, удалось имъ отступить подъ полевые пушки, которыя сильнымъ огнемъ остановили Татаръ.

Яростіе всего кипѣлъ бой на лѣвомъ крылѣ. Двѣ свѣжія хоругви, которыя бросились выручать ослабѣвающее войско, вернулись изъ рубленными; оба ея предводителя пали со множествомъ „знаменитыхъ рыцарей“. Здѣсь, на кровавой сценѣ появились творцы ся — козаки. Королевскій полкъ ударилъ на нихъ копьями съ энтузіазмомъ. За нимъ двинулись полки Собіскихъ и подольская шляхта, все паны ополченые, ледополяченые, и переполыченые Русичи, ожесточенные содерники козятчины. Перемѣшанная съ латинцами, папистами и антипапистами Литвицами Русь воевала съ Русью, перемѣшанною съ Татарами, Турками и всякимъ сбродомъ, „вѣрующимъ и невѣрующимъ въ Бога“, какъ доносили панамъ подпанки. Татары дрались яростно, и вездѣ гетманское знамя, причеиъ знаменоносецъ остался невредимъ. По всей

линии битва кипѣла безъ распредѣленія, безъ плана, безъ команды. Каждый вождь предиринималъ, что хотѣлъ. Это пишутъ сами Поляки, свидѣтельствуя тѣмъ самымъ, что европейская тактика въ Польшѣ не далеко ушла отъ азіатской.

Бой прерасщался и возобновлялся нѣсколько разъ. Нѣкоторыя хоругви загнались, въ жару отваги, слишкомъ далеко, и были вырублены поголовно. Бились до двухъ часовъ дня. Наконецъ Орда отступила. Паны понесли страшныя потери, что дѣлаеть ихъ традиціонной жолнери великую честь. Но потери произошли отъ того, что гетманши одновременно и Лигъ Казимиръ, и Николай Потоцкій. Одинъ былъ неспособенъ къ гетманству по природѣ и воспитанію, другой— по своей дряхлости и потому, что потерялъ довѣріе у соратниковъ,— довѣріе къ его счастью; а вѣра въ боевое счастье до того смѣшивалась тогда съ талантомъ полководца, что Потоцкаго стали называть головой немощиою (*niedoleżna*). Съ панской стороны было 200 такихъ воиновъ, которые слыли знаменитыми рыцарями, то-есть такими, которые составляли душу боеваго тѣла, и что еще хуже—непріятель удержалъ за собой позицію, занявши взгорье, проходы, переправы и отрѣзавши нашу для лошадей.

Но и Татары не радовались. У нихъ было до тысячи убитыхъ и раненныхъ, погибло много мурзъ, и въ числѣ ихъ славный Тогай-бей, а Муфачъ-мурзу, молодаго и храбраго воина, близкаго родственника ханскаго и крымскаго казначея, взяли паны въ плѣнъ.

Панское войско упало духомъ, и справедливо ему казалось, что не устоитъ оно, если Татары и козаки ударять на него всеми силами. Но военная рада королевская состояла не изъ однихъ Потоцкихъ да Бисслей, и такіе люди какъ Вишневецкій, Черисцкій, Конецпольскій, Ляницкоронскій, предпочитали смерть позорной жизни, взяли верхъ надъ миротворцами. Было рѣшено—выступить утромъ противъ непріятеля и попытать окончательнаго рѣшенія судьбы: быть или не быть Польшѣ.

Во что бы то ни стало, надобно было новою битвою поддержать колеблющееся мужество въ руководящихъ вопцахъ и оттѣснить непріятеля отъ наши: а то въ панскомъ лагерѣ начинали уже кормить лошадей дубовымъ листьемъ.

Здѣсь выступили на сцену дѣйствіемъ передовики военной науки, представшей за-границею кровавымъ цвѣтомъ на могилахъ миллионовъ, падшихъ за то, чтобы читать или не читать безъ пона Библию, чтобы вѣровать такъ или иначе въ небснаго Отца всего человѣчества, въ исхожденіе Св. Духа, въ пресуществленіе тѣла и крови Хри-

стовыхъ, въ приобщеніе таинамъ его подъ однимъ или подъ двумя видами, и т. п. Эти передовики настояли на томъ, чтобы завтра построить войско въ боевой порядокъ не *таборнымъ*, а *иностраннымъ* строемъ. Главную роль между членами военной рады игралъ генералъ Убальдь, иначе Губальдь, тотъ, который въ страшный день подъ Зборовымъ, явился такимъ же спасителемъ шляхты, какъ и ся челядь.

Въ 2 часа пополудни король слушалъ мшу-не такъ, какъ во время оно, когда онъ забавлялся бывало собаками, карликами и кой-чѣмъ другимъ, а іезуиты прикрывали его забавы своею святостью: слушалъ съ вѣрою и надеждою, но, конечно, безъ любви, которой природа не отпустила на его пай и столько, какъ посадившему его на престолъ козаку. Въ 3 часа, оставивъ 3.000 пѣхоты въ замкнутомъ лагерѣ, вывелъ онъ въ поле все войско, котораго насчитывали 80.000, бывшихъ дѣйствительно въ бою подъ Верестечкомъ. Начали строить войско иностраннымъ строемъ.

Хмельницкій, съ своей стороны, цѣлую ночь перемѣщалъ таборы, гарматы, пѣхоту. Чуть разсвѣло, началъ онъ вмѣстѣ съ ханомъ распредѣлять козакотатарскія силы.

Густая мгла, залившая поля и лѣса, предвѣщала имъ побѣду такъ какъ Татары воевали счастливѣе всего въ такую погоду, подобно тому, какъ ихъ побратимы, козаки, самые гениальныя подвиги свои совершали ночью, которую потому и звали своею матерью. Эта „страшная“ для панскаго войска мгла не давала кровавымъ соперникамъ видѣть себя взаимно до 10 часовъ. Только тогда увидѣлъ каждый и свою и непріятельскую силу.

Грозная теперь для хана боевая линія панскаго войска тяну на цѣлую русскую милю. Передъ фронтомъ стояли пушки, подъ начальствомъ генерала Прішмскаго. Правымъ крыломъ командовалъ Ляцкоронскій, такъ какъ Николай Потоцкій въ этотъ день хворалъ иностраннымъ войскомъ—генералъ гвардіи, Богуславъ Радвиль, князь Велікаго Княжества Литовскаго. На правомъ крылѣ полкомъ и дивизією короннаго великаго гетмана командовали Стефанъ Чернецкій и Адамъ Калиновскій. Кромѣ того стояли тамъ: полкъ Ляховскаго, дивизія Щавинскаго, полкъ Льва Сопіги, подканцлера литовскаго, одноименника знаменитаго канцлера, противника церковной уніи, полкъ познанскаго воеводы, Опалинскаго, и дивизія Собіскихъ, полкъ Юрія Любомирскаго, короннаго маршала, и часть великопольскихъ мазовецкихъ посполитаковъ. Въ арріергардѣ крыла стоялъ Александръ Конецпольскій съ дивизією своею. Лѣвымъ крыломъ командовали польскаго гетманъ, Калиновскій, и русскій воевода, князь Вишневецкій. Въ

ихъ завѣдываніи стояли три регимента иностраннаго войска, которыми командовалъ генераль-маіоръ Убальдъ, а также—съ полками своими Ставиславъ Потоцкій и князь Доминикъ Заславскій. За ними слѣдовали полки гетмана Калиновскаго и его сына, корошнаго обознаго, дивизіи князя Димитрія Вишневецкаго и Ина Замойскаго, а въ арріергардѣ—шляхта воеводствъ Краковскаго и Сандомирскаго. Центромъ командовалъ король. Въ тылу центра находилась полевая артиллерія, подъ начальствомъ генерала Иршіемскаго...

Все это рисуется увлекательно для польскаго чувства подъ перомъ польскихъ историковъ, называющихъ день 30 (20) іюня однимъ изъ великихъ дней національной славы. Но повторяющій повѣсть ихъ по-своему историкъ русскаго воссоединенія въ этой національной славѣ видитъ погибельное для Польши отпаденіе отъ нея Малороссіи, котораго Поляки не видѣли въ описанной побѣдою своею,—побѣдою, не меньше жалкою, какъ и та, которую торжествовали козаки подъ Шлявцами. Берестечское ополченіе Польши представляетъ ему длинную шеренгу древнерусскихъ именъ, выступающихъ вмѣстѣ съ обольстителями Руси, съ похитителями ея святилицъ и фундацій, съ насильователями ея религіозной совѣсти, съ прямыми виновниками зловторнаго развитія козачины, процвѣтанія Хмельнитчины и возвращенія въ Южную Русь Батшевицны,—выступающихъ подъ иновѣрнымъ знаменемъ и противоположнымъ русскою идеѣ девизомъ. Маленькая и слабосильная въ дотатарскую эпоху Польша выросла и расширилась на счетъ разгромленной и разогнанной Батшею Руси. Она прославилась въ Европѣ вооруженіемъ Руси Малой противъ Руси Великой. Она претворяла нашъ русскій элементъ въ польскій, и совершала военные и умственные подвиги посредствомъ талантливыхъ Русичей, но русское наше имя, какъ и русскую нашу вѣру, уничтожала; теперь же выступила противъ той и другой съ ослѣпленною русскою силою, воображая, что недобитое казуистическою политикою возможно добить оружіемъ... Увы! въ торжественный свой день погубила она не нашу, а свою собственную будущность.

Но dokonчимъ картину бѣдственнаго ополченія Польши. Съ правой стороны лѣваго крыла стоялъ генераль Убальдъ съ тремя региментами, а съ лѣвой стороны праваго — полковникъ Боргемапъ на челѣ регимента Замойскаго, командуемаго Богуслаомъ Радивиломъ, такъ его нѣмецкая пѣхота съ праваго и лѣваго крыла входила своими боками въ центръ. За пѣхотой, въ третьемъ ея отдѣленіи, въ самомъ центрѣ, стоялъ король, можно сказать—подъ командою состоявшихъ при его особѣ четырехъ рыцарей. Съ одной и съ другой стороны

короля стояло по 500 гусарь, выбранныхъ изъ всего войска; подѣ командою Казимира Тишковича и Януша Вешля. Сзади короля стоялъ полкъ ибшей гвардіи Фромгольда Вольфа де Людисгаузенъ и при немъ рейтарскіе регименты Людовика Вейера, князя Богуслава Радивила и сокальского старосты, Денгофа. Поляки берегли дарѣ Хмельницкаго, въ избѣжаніе новыхъ выборовъ и новыхъ издержекъ на королеву. Въ резервѣ стояли регименты конныхъ драгунъ Якова Вейера и Янка Розражевскаго, въ числѣ 15 хоругвей. За ними эскадроны Грудзинскаго, Лещинскихъ и 500 человекъ прусскаго князя, наконецъ шляхта воеводствъ Сѣрадзскаго, Лячицкаго и Брѣсто-Куявскаго, къ которой были прикомандированы два полка королевича Карла, подѣ командой Юрія графа Шаунготше и Крембса. За лѣвымъ крыломъ стоялъ резервъ всей арміи, и въ немъ дивизія князя Острожекаго, одного изъ Заславскихъ, посвящаго по наследству это славное и вмѣстѣ позорное имя, а за его *выправны* хоругви воеводствъ Люблинскаго и Русскаго. Панскій лагерь находился подѣ защитой венгерской ибхоты и, въ случаѣ крайности, никѣмъ не признанныхъ героевъ, челядниковъ шляхетскихъ.

Число всего панскаго войскаго доходило до 100.000, а конные *люзакъ*, то есть подпомощники гусарь, еще увеличивали цифру.

Глава XXVII.

Вторая битва под Берестечкомъ.—Вѣгство татарскаго хана и козацкаго гетмана.—Блокада козацкаго табора.—Вѣгство козаковъ.—Находки въ козацкомъ таборѣ.—Окончательное превращеніе польскорусскихъ дворянъ въ Поляковъ.—Католическая Хмельнитчина въ Краковскомъ округѣ.

Еслибы король Владиславъ IV не былъ испорченъ отцовскимъ воспитаніемъ, а шляхта—злоупотребленіями свободы, и сошлись бы они во взаимной оцѣнкѣ, и выставили бы такія, какъ теперь, силы противъ азіатцевъ, обезобразившихъ территорію грекорусской культуры,—не было бы тогда на польскорусскомъ имени корсунскаго, пилявецкаго, зборовскаго пятенъ, и не сидѣлъ бы, по милости козака, на польскомъ престолѣ разстрига іезуитъ, еще менѣе способный царствовать, нежелали тотъ, котораго папы посадили на престолѣ московскомъ, и пользовалась бы Польша разумною вѣротерпимостью, и не погибла бы она, захлебнувшись въ польскорусской крови, и даже положеніе панов, которые гордимся великою Имперіей своею, было бы далеко прогрессивнѣе. Но Римъ и его іезуиты погубили знаменитую своими идеалами Королевскую Республику, а Королевская Республика, процвѣтая, въ видѣ русскаго паразита, подъ ихъ руководствомъ и погибая въ видѣ гонителя Руси по ихъ коварству, панесла намъ такія рапы, которыя будутъ болѣть и тогда, когда мы достигнемъ полнаго развитія духовныхъ и вещественныхъ нашихъ преимуществъ.

Въ изображаемый мною моментъ, силу русскаго генія, дикую силу показалъ на Полякахъ разбойникъ Русинъ, котораго стратегическимъ, организаторскимъ и политическимъ способностямъ пострадавшіе отъ нихъ удивляются больше, нежели мы, восторжествовавшіе надъ ними. Поляки должны дивиться даже субординаціи и едиподушію, которыя панъ Хмѣль умѣлъ поддерживать въ толпѣ сообщниковъ своего бунта, и которыя для нихъ ни въ военное, ни въ мирное время не были возможны. Они должны всего больше дивиться тому, что этотъ могучій въ своихъ злодѣянιάхъ духъ, потерявъ разомъ все, что

создалъ титанически въ короткое время, всталъ изъ своего паденія еще болѣе для нихъ опаснымъ, нежели былъ въ моменты величайшихъ успѣховъ своихъ, тогда какъ они, павъ съ высоты своего политическаго величія, остались навсегда притчею во языцѣхъ и покиваніемъ главы въ людѣхъ.

Два хана, козацкій и татарскій, выставили противъ паповъ Полякоруссовъ 300.000 войска. Громадный таборъ свой расположили они на взгорьѣ, помѣстивши въ немъ окозаченныхъ мужиковъ и гарматы. Лѣвое крыло козакотатарскаго полчища находилось подъ командою султанъ-Амурата, одного изъ ханскихъ братьевъ, лучшаго изъ татарскихъ полководцевъ. Онъ уже далъ себя знать папамъ подъ Збаражемъ и Зборовымъ, и если Тогай-бей былъ для нихъ Татарипомъ-Патрокломъ, то султану-Амурату надобно дать имя Татарины-Ахилла. Правымъ крыломъ командовалъ змѣй горыничъ, дивное донныѣ для Поляковъ чудо-юдо, Зиповій Богданъ Хмельницкій, единовластникъ и самодержецъ козацкій, князь украинскій, стражъ Порты Оттоманской. Одна лапа у змѣя горынича была козацкая, другая татарская. Одно смертоносное крыло его изображали собою подкрѣплѣнія турецкія, правовѣрныя, другое—„и вѣрующіе и невѣрующіе въ Бога“ головорѣзы, поддерживаемые летучими соправителями ханскими, султанъ-галгою и султанъ-нуреддиномъ. Ядовитымъ зѣвомъ и зубами кровожаднаго чудовища были губительныя чаты гарцовниковъ, сверкающія яркими нарядами и блестящимъ оружіемъ, а подобіе пснасытимаго чрева и чешуйчатого хвоста представлялъ далеко тянувшійся позади таборъ, рыгающій изъ себя огонь, дымъ, чугуны и свинець... Цептра въ этой азіятской арміи не было, потому что она, въ общемъ начертаніи, имѣла фигуру священнаго у магомтавъ знака—полумѣсяца, котораго рога, загибаясь на пространство отъ Инда до Гибралтара, долженствовали все человѣчество, въ видѣ борющихся націй, истребить, или же покорить господству правовѣрныхъ.

Въ 10 часовъ утра іезуитская Европа и чужелюдная Азія придвинулись немпого одна къ другой, какъ бы всматриваясь другъ въ друга и поражаясь взаимнымъ безобразіемъ. Папы остановились у послѣдняго своего панца. Орда начала свой обычный *татарскій танецъ*; козаки, по своему обычаю, *закрутили середня*. По выѣзжать и участвовать въ той и другой игрѣ на жизнь и на смерть было запрещено въ панскомъ войскѣ подъ смертною казнью. Оба стражника, коронный и обозный, стояли впереди войска, каждый съ своею командою, которая отпугивали наѣздниковъ и ни давали смѣльчакамъ выѣзжать на боевое состязаніе.

Когда такимъ образомъ два громадныя войска стояли одно противъ друга и каждое ожидало атаки со стороны непріятеля, спустился ханъ со взгорья къ самымъ переднимъ рядамъ Орды своей, осмотрѣлъ въ зрительную трубку панскія силы и сказалъ сопровождавшимъ его козацкимъ полковникамъ: „Ну что? проспался уже вашъ Хмѣль? Онъ обманывалъ меня нелѣпыми баснями, что польское войско слабо и молодо. Ступайте къ нему, пускай идетъ сперва самъ выбирать медъ у этихъ пчелъ, да пускай прогонитъ прочь такое множество жалъ“.

Объ извѣстномъ читателю зазывѣ Татаръ на добычу и о сарказмѣ Исламъ-Гирея можно сказать съ Итальянцами: *si non è vero, è ben trovato* *). Но старшій Хмѣль нашъ дѣйствительно попалъ въ такое положеніе, что и шесть десятковъ его гарматъ, и десятки тысячъ козацкихъ самопаловъ, мушкетовъ, пицалей оказывались безсильными выкурить польскихъ пчелъ изъ указаннаго Чернецкимъ ставовища для пасѣки. Если ханъ, воинъ ума посредственнаго, смекнулъ такъ или иначе дѣломъ, то нашъ гениальный сочинитель столькихъ разбойничьихъ походовъ долженъ былъ предчувствовать результатъ великаго боя. Вся его надежда была на Татаръ, а Татары лизали свои раны съ собачьимъ визгомъ. Созвалъ Хмѣль старшину на совѣтъ, какъ быть,—опъ, въ намѣренія котораго не принимали „ни чуръ козацкіе, ни мужи громадскіе“,—опъ, который никогда не затруднялся вопросомъ: какъ вокругъ Ляховъ *закрутити веремія*? По всей вѣроятности, Хмельницкій, зная о выраженной ханомъ готовности войти переговоры съ королемъ, опасался вновь очутиться между двухъ силъ, какъ подъ Зборовымъ. Но того, что вскорѣ произошло съ Крымскимъ Добрѣдемъ, не могъ онъ допустить въ потомкѣ великаго завосвателя Чипгиса.

Блестящій палскій отрядъ, озиравшій панское войско, обратилъ на себя вниманіе тѣхъ опытныхъ рыцарей, у которыхъ Лянь Казимиръ находился подъ командой. Позвали шляхтича Отвиновскаго, долго жившаго въ Крыму и хорошо знавшаго татарскіе обычаи; дали ему посмотреть въ телескопъ, и спросили: что значилъ бы этотъ отрядъ палвомъ татарскомъ крылѣ? Отвиновскій тотчасъ замѣтилъ три бунчука и показалъ хорошо, гдѣ стоитъ ханъ. Туда велѣли пушкарю нацѣлить пушку. Выстрѣлъ былъ мѣтокъ. Ядро сорвало бунчужнаго, и ханъ, раненный въ ногу, убрался поскорѣе изъ рекогносцировки. Такова была первая версія лагерной молвы; послѣ узнали, что хана ядро не тронуло, но убило нѣсколькихъ мурзъ.

*) Если это несправедливо, то хорошо придумано.

Оба войска стояли бездѣйственно до трехъ часовъ пополудни. Пушки прогнали гарцовниковъ съ поля. Король отуравилъ къ хану парламентера съ вызовомъ на битву, но не получилъ никакого отвѣта. Паны совѣщались уже о томъ, чтобъ отложить битву до утра, а король едва ли не съ тѣмъ и звалъ хана на бой, чтобъ навести его на мысль о переторжкѣ, какъ прискакалъ отъ Вишневецкаго бидговскій староста, Денгофъ, съ настоятельной просьбой не откладывать битвы. Король принялъ гонца за счастливое предзнаменованіе, сдѣлалъ на воздухѣ крестъ и повелѣлъ Вишневецкому начинать.

Затрубили трубы, загудѣли бубны. Изъ лѣваго крыла выскочило въ поле 18 хоругвей въ трехъ эскадронахъ. (Я слѣдую повѣсти польской во всемъ, что касается польской національной славы, равно какъ и безславія). Впереди хоругвей летѣлъ ненавидимый и страшный козакамъ князь Ярема съ обнаженной саблею, безъ панцыря, безъ шапки. Его боевому вдохновенію и быстрому движенію лѣваго фланга приписывали многіе всю славу дня. Въ помощь наступающимъ поднялся вихрь, и ударилъ пескомъ въ глаза хмельничанамъ, а солнечные лучи помогали песку. По козаки бросились навстрѣчу Ляхамъ стремительно всею массою копницы и наступили таборомъ. Они опередили султанскихъ Татаръ, силистрійскихъ Турокъ, и первые приняли панскій ударъ. Въ поддержку Вишневецкому, ринулась въ битву шляхта воеводствъ Краковскаго, Сендомирскаго, Ленчицкаго и другихъ. По почину пламеннаго Русича, Поляки „позволили въ дѣдовскую славу“ не хуже отступниковъ родной національности. „Весь этотъ флангъ“ (пишетъ польскій Самовидецъ) „вскорѣ потерялся въ толпѣ непріятелей, и долго не было видно начинателей боя, только слышенъ былъ гулъ отъ пушечной и ружейной палбы. Наши полагали, что никто изъ нихъ не возвратится. Оказалось, однакожь, что атака увѣчалась успѣхомъ. Стремительнымъ напоромъ они заставили податься все козацкое войско и разорвали было (si é vero) таборъ, хотя при этомъ и сами понесли чувствительныя потери. Въ помощь козакамъ пришли Татары съ лѣваго фланга, и тогда ряды наши, будучи не въ силахъ удержать напора слишкомъ численнаго непріятеля, стали ослабѣвать и отступать къ редутамъ. Но тутъ они оправились, и возобновили нападеніе столь успѣшно, что непріятель, побѣжденный нашею рѣшимостью, долженъ былъ наконецъ податься назадъ. Козаки отступили въ свой таборъ,—хотя онъ въ началѣ и былъ разорванъ, но они успѣли его возстановить,—Орда же удалилась на близъ лежащую возвышенность“.

Между тѣмъ іезуиты научили короля вѣдѣть по рядамъ и захо- чивать войско къ бою, за вѣру, за поруганныя святилища, за „боже- ское право“, нужды нѣтъ, что одинъ изъ его слушателей исповѣдыва- ли „вѣру Хмельницкаго“, послѣдователя „Паливайковой секты“, а дру- гіе истребляли даже своихъ единовѣрцевъ *pro pretextu wiary gu- kiej*, слѣдовательно шли въ бой, какъ невѣрные.

Теперь короннымъ кашцлеромъ былъ бискупъ. Окруженный ду- ховенствомъ, именующимъ національную вѣру туземцовъ схизмою, онъ велѣлъ поднять высоко надъ валами польскій *крижакъ* съ польскимъ *Іезусомъ*, истребляемый всюду козаками, и всего прежде въ могилін- скомъ Задѣбріи. Польскаго короля — іезуита и кардинала окружало много лицъ, подобныхъ Адаму Киселю, а въ рядахъ его воиновъ на- вѣрное было больше православныхъ, полуправославныхъ и вовсе пе- православныхъ Русичей, нежели коренныхъ Полоусовъ, и все это поклонилось до земли подъ католическій гимнъ, прося польскаго Іе- зуса помочь имъ противъ тѣхъ, которые идутъ на брань подъ знаме- немъ русскаго Іеуса и, увы! Магомета. Просимая помощь естествен- но дѣлала ихъ обязанными помощнику: этимъ способомъ они исклю- чали себя изъ состава родной паціи. Ни пацы, ни козаки, ни поль- скіе ксендзы, ни русскіе поны не предусматривали такого раздѣленія польской Руси на ся. Но ксендзовская и поповская работа надъ ре- лигіозной совѣстью нашихъ предковъ увѣчилась въ извѣстной мѣрѣ горестнымъ успѣхомъ. Попы удержали за собой одну часть нашего древняго займища, а ксендзы оторвали на свой пай другую. Но по- клонники папы вмѣстѣ съ землей захватили подъ свою власть и об- разовавшую часть Малорусскаго народа, захватили почти все высшее сословіе наше. Въ этомъ смыслѣ Хмельничина, будучи прямымъ ос- вобожденіемъ черни отъ панской власти, была, вмѣстѣ съ тѣмъ, кос- венною причиною крещенія лучшей части малорусскихъ людей въ папизмъ и въ польщизну. Чего не могли сдѣлать Киссли, Дрвинскіе, Могила, Косы, Тризны, то сдѣлалъ Хмель съ Черевійносами, Неча- ями, Морозенками, Джеджалами. „Національные герои“ нашихъ ко- шакомановъ привели Малороссію къ новому крещенію.

Крещеніе совершалось огнемъ и мечемъ. При громѣ пушекъ, лучшіе Малоруссы пошли мужественно противъ худшихъ вмѣстѣ съ Поляками, которыхъ однихъ видятъ въ панскомъ войскѣ польскіе, да правду сказать, и наши историки. По сказанію ксендзовъ, Полякамъ явился въ воздухѣ *Свѣтлый Михаилъ*, гонящій хана и грозящій ему ме- чемъ. Но свѣтлый Михаилъ не явился своимъ поклонникамъ ни съ панской, ни съ козакотатарской стороны: тамъ не хотѣлъ онъ помо-

гать благочестивымъ, такъ какъ они воевали заодно со злочестивыми; здѣсь еще больше не подобало ему воодушевлять православныхъ, ратовавшихъ подъ эгидою магомстанъ. Онъ предпочелъ сіять спокойно Золотымъ Верхомъ своимъ въ Кіевѣ, въ обители Іова Борсцакаго, зная, что русское благочестіе восторжествуетъ надъ польскимъ злочестіемъ и безъ кровавыхъ пѣяницъ-козаковъ, татарскихъ побратимовъ.

Но каковы бы ни были вымыслы экслюататоровъ нашей знати, нашей духовной и свѣтской интеллигенціи, облака ныли мѣшали имъ видѣть не только воздушныя чудеса, но и земную дѣйствительность. Только изъ позднѣйшихъ реляцій узнали они, что хоругви князя Вишневецкаго, оправаясь подъ прикрытіемъ шанцевъ, сильнѣе прежняго ударили на хмельничанъ,—старшіе братья-недоляжки на меньшихъ братьевъ-потурмаковъ, тѣ и другіе подъ иповѣрною эгидою, и рубились взаимно не хуже древнихъ братьевъ Русичей, не знавшихъ еще злобы разновѣрія и вдохновлявшихся только задоромъ областного соперничества.

Въ это время пуреддипъ-султанъ смялъ Краковянъ и Сандомирцевъ. Но полонизованный Русинъ Вишневецкій, растоптавъ пдохихъ козацкихъ лошадей своими сильными копытами, оборонилъ Поляковъ отъ Татарина. Козаки между тѣмъ заперлись въ таборѣ. Бросился было Байдиць вторично на таборъ, но онъ попрежнему былъ скованъ цѣпями въ десять рядовъ, и стоялъ, точно дышащая огнемъ крѣпость. Не испугался пламенный князь Ярема козацкаго огня, и началъ было разрывать скованные везы, какъ въ оной памятной козакамъ битвѣ на Сулѣ, но въ это время султанъ-галга помогъ оправиться султанъ-пуреддипу, и ханскіе соправители ударили дружно на Вишневецкаго. Польскій Ахиллъ отступилъ грозно къ шанцамъ.

Изъ современнаго разсказа о боѣ на панскомъ центрѣ видно, что легко вооруженные Татары пришли на зовъ Хмельницкаго выбирать польскій медъ, можно сказать, голыми руками. Не мудро, что „Поляки вдохновлялись непобѣдимымъ почти мужествомъ (Polacy niezłuczonego prawie nabierałi serca)“, какъ выражаются ихъ историки. Подъ прикрытіемъ пѣмецкой палубы въ пушекъ и ружей, они были не пчелами, а смертоносными шмелями, обороняющими гнѣздо свое. По старому нашъ Хмѣль и тутъ сдва не пановилъ своихъ сватовъ, какъ бы сказалъ древній баянъ. Онъ притаился съ лучшими стрѣлками въ лѣсу, мимо котораго должно было проходить правое крыло панской арміи. Къ счастью пановъ, засада была открыта во время.

Бой кипѣлъ уже три часа. Видя передъ собой сто тысячъ наѣзтниковъ, наступающихъ по всей боевой линіи, и не догадываясь, что это были атаки фальшивыя, паны не обратили вниманія на то, что главная непріятельская сила, таборъ, пѣхота и гарматы, не принимаетъ никакого участія въ битвѣ, и только защищается. Между тѣмъ змѣй-горыничъ засѣлъ, съ корпусомъ стрѣлковъ, подъ заслоной Щуровецкихъ лѣсовъ. Главное начальство въ таборѣ ввѣрилъ онъ козаку-Татарину, Джебжаллѣ, и велѣлъ ему только тогда двинуться съ таборомъ впередъ, когда самъ онъ займетъ невидимую непріятелемъ позицію. Во все это время Татары должны были развлекать вниманіе пановъ фальшивыми нападеніями.

Въ данный моментъ Джебжалла началъ спускаться со взгорья на боевое поле, грозя королевскому центру тысячами смертей, а между тѣмъ командовавшіе правымъ крыломъ Лянцкоронскій и Любомирскій получили извѣстіе, что въ боковомъ лѣсу скрывается засада. Только тогда стало имъ ясно, что Хмельницкій, располагая втрое большими силами, намѣревается занять лѣса, захватить переправы, запретить непріятеля между болотъ Стыра и Пляшовой съ тѣмъ, чтобъ окружить его шанцами и морить голодомъ.

Грозная опасность заставила командировъ крыла сохранять свою позицію въ то время, когда центръ и лѣвое крыло наступили на Татаръ энергически.

Между тѣмъ Татары принесли нѣсколько десятковъ убитыхъ мурзъ къ ногамъ хана. Наконецъ и ханскій братъ, татарскій Ахиялъ, Амуратъ, палъ среди ужаснувшейся Орды, пораженный ядромъ въ грудь. Орда начала мѣшаться, и вскорѣ за тѣмъ, какъ бы по данному знаку, разсыпалась во все стороны. Побѣжалъ и самъ ханъ, покинувъ свой рыдванъ, огромный призывный бубенъ и палатку на высотѣ, вмѣстѣ со множествомъ ясыра. Изъ всей татарской силы осталось только тысячъ 15 комонника въ арріергардѣ.

При видѣ бѣгущихъ Татаръ, громадный козацкій таборъ остановился, и тихо двинулся вслѣдъ. Паны не смѣли на него ударить; послали только нѣсколько региментовъ занять ближайшія высоты.

Джебжалла отступилъ въ совершенномъ порядкѣ къ рѣчкѣ Пляшовой, и тотчасъ началъ окапываться.

Видя бѣгущую Орду, Хмельницкій оставилъ своихъ стрѣлковъ и полетѣлъ верхомъ къ табору. Тамъ онъ сдѣлалъ на скоро кой-какія распоряженія, и поскакалъ вмѣстѣ съ Выговскимъ за ханомъ, чтобы вернуть его на боевище.

Исламъ-гирей, окруженный трунами своихъ полководцевъ, перемѣнилъ коня и сѣвшиль въ дальтѣйшій путь, какъ 'передъ 'нимъ явился его искуситель. Не давъ Хмелю промолвить слова, назвалъ его ханъ измѣнникомъ, велѣлъ связать ему ноги подъ брюхомъ у коня и гналъ передъ собой двѣ мили къ Вишневу того же дня. Такъ, "по крайней мѣрѣ, говорилъ за столомъ у короля, z uciesna, z najwiêkszą uciesną, какую когда-либо испытывало польское сердце. Богуславъ Радивиль, участникъ боя и преслѣдованія Татаръ, писалъ только, что „Орда, захвативъ Хмельницкаго, ушла“.

Неожиданное, загадочное и во всякомъ случаѣ постыдное бѣгство полководца 200.000 арміи, коменданта несокрушимой для всей Польши подвижной крѣпости, диктатора-героя, называвшаго своихъ противниковъ Жидами, страшнаго змѣя горынича, превратившагося въ поджавшую хвостъ собаку,—это безиримѣрное въ исторіи кровавыхъ споровъ явленіе рѣшило судьбу кампаніи. Половина папскихъ враговъ ушла, а половина осталась безъ головы, какъ бы въ оправданіе давнишнихъ словъ Кисселя: „bellua sine capite“*). Панское войско заняло всеъ взгорье. Александръ Копецпольскій, съ легкими полками; двинулся въ погоню за бѣгущими. Въ 9 часовъ боевое поле опустѣло. На немъ остались только изумленные своєю побѣдой папы съ разноплеменными и разновѣрными жолнерами.

Небо покрылось тяжелыми тучами. Молніи легали въ темнотѣ. Проливной дождь омывалъ кровавую землю. Панское войско, подъ руководствомъ зригелей воздушныхъ чудесъ, ушло на колѣни, и воспѣло лагнскую хвалу Богу за Его, какъ они увѣряли, земное чудо. Русъ свой хвалы не слыхало Берестечко. Туземный элементъ на южномъ займищѣ Рюриковичей представляли теперь, можно сказать, одни разбойники, если не считать чуждавшагося боязливо козачины духовенства да тѣхъ „статочныхъ людей“, въ городахъ и селахъ, которые не дали „дѣволу сдѣлать изъ себя смѣхъ“, какъ сказалъ бы мой Само-видецъ. Среди малорусскаго міра, растлѣннаго папштами съ одной стороны и развращеннаго козаками съ другой, уцѣлѣли нравственно теперь только такія невѣдомыя исторіи личности, какъ опые „прещодобные мужи Россы, житіемъ и богословіемъ цвѣтушіе“. Онѣ-то и не дали бѣднымъ остаткамъ нашего народа потерять свою древнерусскую фізіономію, по которой свободный отъ подобнаго растлѣнья и разврата Великоруссъ признаетъ въ Малоруссѣ своего брата.

*) Чулице безъ головы.

„Разсматривая подробности этого сраженія“ (пишетъ приверженецъ королевской партіи, Освѣцимъ), „всѣ единогласно были того мнѣнія, что война могла бы быть окончена однимъ ударомъ, и отечество освободилось бы отъ дальнѣйшихъ невзгодъ, еслибы битва была начата раньше, такъ чтобы дневнаго свѣта хватило для истребленія врага; и особенно, еслибы правый флангъ дѣйствовалъ такъ же энергично, какъ лѣвый, но крайней мѣрѣ въ то время, когда уже Орда обратилась въ неудержимое бѣгство и козацкій таборъ былъ разорванъ лѣвымъ флангомъ; но правый флангъ сильно опоздалъ и отсталъ на полмили отъ средняго корпуса, вслѣдствіе чего и Орда имѣла время убѣжать, прикрывъ свое бѣгство, и козаки, устроивъ свой лѣвый флангъ, не получавшій подкрѣпленія отъ праваго, успѣли восстановить свой строй, сомкнувши таборы, и отступили къ болотамъ, гдѣ уже труднѣе было съ ними совладать. Король нѣсколько разъ посылалъ брацлавскому воеводѣ и коронному маршалу приказъ поскорѣе занять мѣсто во фронтѣ на одномъ уровнѣ съ другими частями войска, угрожалъ даже смертью за ослушаніе; но тѣ отвѣтили, что предпочитаютъ смерть гибели отечества и короля, оправдывая свою медлительность тѣмъ, будто въ прилегавшемъ къ нимъ лѣсу устроена засада, и требовали, чтобы король прислалъ имъ нѣсколько пушекъ, обѣщая, обстрѣлявъ лѣсъ и удаливъ изъ него засаду, двинуться впередъ и выровняться съ общимъ фронтомъ. Въ послѣдствіи, въ оправданіе этого опасенія они утверждали, что когда regimentъ Крейца съ двумя эскадронами копницы и двумя пушками, присланными королемъ, проникъ наконецъ въ тотъ лѣсъ, то заставилъ удалиться бывшихъ непріятелей. Но странно, что они такъ долго сторожили засаду, и позволили ей отступить невредимо“...

Высказанное здѣсь Освѣцимомъ единогласное мнѣніе *всѣхъ* было мнѣніемъ королевскихъ застольниковъ, которые воображали, что однимъ ударомъ было возможно возвратить Польшѣ то, что католическая партія такъ долго отторгала отъ нея своею соседительною политикою. Бездарное собраніе придворныхъ не щадило даже стратегика Берестечской войны, Стефана Чернецкаго, которому папское войско всего больше было обязано своимъ успѣхомъ; оставило безъ вниманія и то, что Ляпцкороецкій и Любомирскій не были способны ни къ сочиненію грозной засады, ни къ уклончивости въ такой важный моментъ. Но Освѣцимъ точно рукою самого Яна Казимира пишетъ: „Многіе даже изъ числа находившихся на томъ флангѣ утверждали, что никакой засады не было, и что это была лишь пустая выдумка, придуманная для того, чтобы уклониться отъ опасности, предстоявшей при

штурмъ козацкаго табора“. Это мнѣніе характеризуетъ больше своихъ составителей, нежели цѣлый боевой корпусъ и его полководецъ. По словамъ Освѣцима, „вся слава этой побѣды должна принадлежать королю, хотя“ (продолжаетъ онъ спусходительно) „должны быть упомянуты имена и тѣхъ лицъ, которыя помогали ему въ значительной мѣрѣ, а именно: Николая Потоцкаго, князя Іереміи Вишневецкаго, короннаго хорунжаго Александра Конецпольскаго, полеваго писаря Приіемскаго и генерала Губальта“ (что напоминаетъ пріемъ іезуита проповѣдника, поставившаго короля наравнѣ съ героями збаражской осады).

И такое жалкое общество, которое даже въ лицѣ знаменитаго мемуариста, подчинялось кликѣ ничтожнѣйшаго изъ королей, такое общество мечтало покорить себѣ народъ, глубоко проникнутый ненавистью къ нему и въ лучшихъ, и въ худшихъ своихъ представителяхъ!

Но панское сердце, измученное столькими государственными, общественными, и что было всего для него болыѣе, домашними утратами, нуждалось въ живительной отрадѣ. Оно предалось инстинктивно той иллюзіи, которую природа человѣческаго духа хранить въ запасѣ для несчастнѣйшихъ изъ его дѣятелей. Наивный органъ польской жизни, Освѣцимъ, въ заключеніе придворныхъ толковъ о козацкой засадѣ, пишетъ:

„... Пришлось намъ удовольствоваться, хотя и неполною, Богомъ намъ ниспосланною, побѣдою. Она тѣмъ не менѣе была знаменита. Мы побѣдили народы варварскіе, безчисленные, сбѣжавшіеся съ отдаленнѣйшихъ страпъ. Передъ саблею короля преклонились и въ паническомъ страхѣ бѣжали дикія татарскія орды: Силистріійская, Урумельская, Добруджская, также Турки, Волохи, Урумбеки, Пятигорцы, полчища, созвавшія отъ береговъ Ледовитаго моря, отъ подножія Гиперборейскихъ горъ и отъ Каспійскаго моря. Важнѣе всего то, что мы поразили въ полѣ зловреднаго звѣря, Хмельницкаго, и безчисленную запорожскую саранчу, загнали ихъ съ болынимъ урономъ въ таборъ и предоставили дальнѣйшей мести побѣдоноснаго королевскаго оружія. Вѣроятно, со времени битвы подъ Грюпвальдомъ, отечество наше, а, можетъ быть, и весь міръ, не видали столь знаменитаго сраженія. Съ обѣихъ сторонъ въ немъ принимало участіе по меньшей мѣрѣ 500.000 человѣкъ. Этому не повѣрятъ ни иностранцы, ни, можетъ быть, даже наши потомки. Очевидцы сами больше изумлялись, нежели вѣрили. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ случилось то, что мы считали невозможнымъ, именно: произошелъ разрывъ Орды съ Хмель-

нищимъ. Правда съ нашей стороны шагъ былъ отчаянный: мы бросили кости, поставивъ за одинъ разъ на конь существованіе нашего отечества. Но Господу неугодило было допустить посяганія своего помазника, святой католической вѣры и находившихся подъ его охраной костеловъ. Въ этой трехдневной битвѣ мы потеряли до 700 человекъ, главнымъ образомъ изъ числа товарищей и шляхты воссвободителей: Краковскаго, Сендомирскаго и Лѣпчицкаго. Козаковъ легло бесчисленно больше; Татары же своихъ убитыхъ тотчасъ подбирали, стараясь даже не допускать ихъ падать съ лошадей. Объ этой битвѣ можно сказать то, что сказано о битвѣ Римлянъ съ Югуртою: никогда мы не сражались съ такимъ успѣхомъ и со столь малымъ пролитіемъ нашей крови⁴.

Вотъ какой слей отрады проливалъ Шляхетскій Народъ на своихъ рапы, въ предчувствіи безконечной агоніи на рукахъ своихъ губителей, іезуитовъ!

Наступило наконецъ для несчастныхъ паповъ давно желанное время отмщенія за разореніе хозяйства ихъ, за поруганіе ихъ жещицъ, за избіеніе дѣтей и старцевъ ихъ, за изгнаніе ихъ самихъ изъ края, отвоєваннаго ихъ отцами и дѣдами у такихъ же хищныхъ помадовъ, какими были козаки. Боги поднесли таки къ нашимъ устамъ чашу сладчайшаго изъ напитковъ, храпимаго ими для собственнаго употребленія. Ни усталость, ни проливной дождь не подавили въ озлобленныхъ культурникахъ, панахъ, и въ козацкихъ наставникахъ, шляхтичахъ, жажды къ божескому наслажденію. Столь же пылкіе въ начинанія, какъ неспособные къ довершенію дѣла, они тотчасъ наступили на козацкій таборъ. Но, видя, что вломиться въ него при свѣтѣ молній, раздиравшихъ дождевыми тучи, пельзя, рѣшились не дать козакамъ возможности уйти подъ покровомъ ихъ матери—почи. Припоминая знаменитыя почныя ретирады Дмитрія Гуни подъ Кумейками и на Сулѣ, жолнеры остались почевать на боевомъ полѣ. Мстители-землевладѣльцы бодрствовали всю ночь въ виду логова людоедовъ. Напротивъ жолнеры—безземельники, которымъ не за что было слишкомъ злобствовать на козаковъ, ложились боевыми рядами на мокрую землю и спали такимъ крѣпкимъ сномъ, что утромъ пельзя было ихъ добудиться.

Король въ эту ночь не ложился спать. Опъ, какъ и хапъ,—гласила молва—былъ раненъ осколкомъ ядра въ ногу, но, превозмогая боль, объѣзжалъ стражи, въ предупредженіе оплошности, которая могла лишить его славы истребителя драконовъ. Впрочемъ для него

вывезли въ поле каретку, и онъ отъ времени до времени отдыхалъ въ пей.

На другой день усталость людей и лошадей превозмогли въ королевскомъ ополченіи все другія чувства, и торжествующее войско цѣлыя три дня провело только въ охраненіи кровавой добычи своей. Паны всего больше радовались, что въ трехдневной битвѣ подъ Берестечкомъ пало у нихъ только 700 человекъ. Они видѣли въ этомъ особенную милость Божию къ Шляхетскому Народу и, въ упованіи на божескую пощадку ихъ неспособности къ общественнымъ дѣламъ, продолжали бездѣйствовать.

Между тѣмъ безглавое скопище окружало себя все высшимъ и высшимъ валомъ, какъ со стороны панскаго стаповища, такъ и со стороны болота. Оно боялось, чтобы паны не переправились на другую сторону болотистой рѣчки, и грозно гремѣло своими гарматами. Въ козацкомъ таборѣ, заявившемъ почти цѣлую милю, сидѣло не меньше 200.000 человекъ, не считая жещицъ и дѣтей, которыхъ набралось множество. Численностью превосходили козаки вдвое тѣхъ, которые держали ихъ въ западнѣ, и могли бы, даже безъ Татаръ, запереть пановъ между болотъ и затопистыхъ рѣчекъ. По безъ Татаръ козацкая завязанность была противъ пановъ безсильна даже и подъ бунчукомъ Хмельницкаго. Еще стоя подъ Сокалемъ, паны слышали отъ захваченнаго въ плѣнъ „добраго реестроваго козака“, что Хмельницкій, провѣдавъ о расположенности хана къ мирнымъ переговорамъ съ королемъ, ударилъ въ бубны, созвалъ *чернежну* (состоящую изъ одной черни) раду и спрашивалъ у козаковъ: согласны ли они на миръ? по козаки отвѣчали: „Батьку гетьмане! и Богъ, и вѣйсько тогдѣ хдчуть, щобъ мы съ королемъ нѣкъ не мирились: бо на те мы одважились и на те мы сюды прийшли, що хочбы й Орда насъ покинула, до мы всі при твоій повазі поміратимемъ. Абд самі всі згипемо, абд всіхъ Ляхівъ выгубимо“... Казалось бы, чего больше? Но козацкая чернь была предана своему гетману лишь подъ условіемъ успѣха; въ такомъ же положеніи, какъ настоящее, только Татары поддерживали бы ту повазу Хмельницкаго, при которой она была готова *помірати*.

Памѣстникъ гетмана, Джеджалла, былъ однимъ изъ главныхъ участниковъ его первоначальнаго бунта. Онъ прежде всѣхъ возбуждалъ нѣсколько сотенъ реестровиковъ, и привѣтствовалъ съ ними козацкаго Моисея въ пустынѣ, на Желтыхъ Водахъ. Оставшись подъ Берестечкомъ въ самомъ разгарѣ боя, Джеджалла оправдалъ званіе наказнаго гетмана грознымъ отступленіемъ и превосходнымъ выборомъ

становища. Онь помѣстилъ таборъ подъ лѣсомъ и густыми зарослями. По окраинамъ табора стояли мочары, а въ тылу находилсь непроходимый топъ и болотистое озеро. Сидѣлъ онъ точно въ вилахъ и казался неодолимымъ. Оказанные мужики день и ночь работали на окопахъ и шанцахъ.

Поблудивъ отъ перваго жару возмездія, паны поняли, что имѣютъ дѣло не съ толпой возбужденной черни, а съ неистинною крѣпостью. Теперь и самъ Вишисвецкій не отваживался разрывать козацкій таборъ, какъ покушался на это въ пылу боевой горячки, когда пащырь стѣснялъ его завязтое сердце, а подложенная сталью шанка казалась ему охраной недостойною. Въ числѣ 700, купившихъ неожиданно, нежданно торжество надъ ужаснымъ Хмелемъ, пало много людей, которыхъ не напрасно вѣличали знаменитыми рыцарями. Они были знамениты способностью возбуждать въ соратникахъ мужество, какъ знамениты барды, вдохновляющіе словомъ своимъ слушателей. Смерть унесла съ ними самую пламенную часть собирательной души Шляхетскаго Народа. Приступъ къ табору грозилъ этой душѣ утратами многочисленными, и потому паны рѣшились выждать голода или вѣрнѣе—результата козацкихъ дракъ, которыя начались въ таборѣ тотчасъ послѣ бѣгства Хмельницкаго. На военной радѣ своей паны опредѣлили — начать правильную блокаду. Послали въ Броды и во Львовъ за тяжелыми пушками. Генераламъ Губальту и Пріемскому да инженеру Гильдгауту было приказано окружить козаковъ шанцами, подлатать на болотахъ мосты и плотины для штурма съ тѣмъ, чтобы загроздить возами затылки табора, и, если нельзя будетъ взять козаковъ приступомъ, то—выморить голодомъ.

Но голода козаки не боялись: съѣстныхъ припасовъ было у нихъ достаточно. Запасы аммуниціи казались неисчерпаемыми. Полководцы отличались боевыми способностями. Недоставало только того, кто все это организовалъ подъ своеобразною диктатурою, да и ему самому для диктатуры доставало бы Татаръ. Бѣгство гетмана подавляло Козацкій Народъ, задавшійся задачей—или погибнуть, или погубить Народъ Шляхетскій. Отрѣзанный панами отъ поприща своихъ походовъ, убійствъ и грабсжей, не могъ онъ даже провѣдать, что дѣлается съ его путеводителемъ въ безвыходномъ лабиринтѣ злодѣній: палъ ли онъ трупомъ, или бѣжалъ съ Татарами, или бросился къ литовскому своему войску для замѣна имъ Орды, и никому не приходило въ голову, чтобы ханъ поступилъ съ Козацкимъ Батькомъ, какъ поступала нечистая сила съ человѣкомъ, который на нее положился.

Тѣмъ не менѣе исчезновеніе батька изъ 200.000-й семьи въ такой важнѣйшій моментъ возымѣло на нее свое дѣйствіе.

По разказу Освѣцима, козаки уже на третій день, 2 римскаго іюля, въ воскресенье, приехали къ королю письменную просьбу о помилованіи. Другое письмо прислалъ къ Вишневецкому чигиринскій полковникъ Крыса, по фамиліи Великоруссъ (иначе былъ бы онъ не *Крыса*, а *Панюкъ*). Этотъ просилъ увѣрить короля, что козаки черезъ два дня сдадутся.

Было слышно, что Джеджалла не хотѣлъ гетманить козаками, но что сго къ тому принудили, какъ это у нихъ случалось перѣдко съ ихъ избранниками. Все-таки онъ принялъ гетманство лишь на нѣсколько дней, зная, что можетъ заплатить головой за свой высокій санъ, если не теперь отъ козаковъ—въ случаѣ неудачи, то въ послѣдствіи отъ Хмельницкаго—въ случаѣ удачи.

„Многіе хотѣли перебѣгать въ нашъ лагерь“ (шестъ Освѣцимъ), „но король приказалъ стрѣлять по перебѣжчикамъ, а для того, чтобъ они не могли снастись бѣгствомъ, приказано было князьямъ Вишневецкому и Радивилу, съ нѣсколькими тысячами войска, переправиться черезъ рѣчку и занять позиціи сзади козацкаго табора. Но приказъ этотъ не былъ исполненъ, потому что князь Вишневецкій потребовалъ 15.000 войска, а король не хотѣлъ дать ему такого количества“.

Здѣсь невольно воспоминается, какъ долго Янъ Казимиръ держалъ великаго вонна въ Збаражской западѣ, медля выручкою, и какъ охотно далъ вѣру, что онъ предлагалъ окупу. Не смѣя штурмовать козаковъ съ огромнымъ войскомъ и сго челядью, онъ подставлялъ Вишневецкаго подъ 200.000 отчаянныхъ бѣглецовъ съ нѣсколькими тысячами.

„Между тѣмъ“ (продолжасть Освѣцимъ) „совѣщались по поводу просьбы о помилованіи. Одни заявляли, что слѣдуетъ оказать милосердіе, казнить смертью только старшину и выдающихся особено бунтовщиковъ. Другіе настаивали на томъ, чтобы, давъ слово касательно прощенія, отнять потомъ у козаковъ пушки и оружіе, распредѣлить плѣнныхъ по полкамъ, перебить ихъ поголовно, лишить остальныхъ всѣхъ привилегій, запретить на вѣчныя времена оружіе и истребить ихъ вѣру,—въ виду этого предложенія, кievскій воевода, Адамъ Кисель, былъ удаленъ изъ рады подъ благовиднымъ предлогомъ, -- и навсегда уничтожить самое имя козаковъ. Такъ препирались, не пришли ни къ какому окончательному рѣшенію. Противель же, пользуясь нашимъ бездѣйствіемъ, не упустилъ никакого средства къ своему спасенію. Онъ отстрѣливался съ валовъ и, выбирая удобное время, дѣлалъ

вылазки. Въ ту же ночь козаки подкрались ползкомъ къ одному изъ нашихъ редутовъ, напали на утомленныхъ гѣхотинцевъ, 8 человекъ убили, а многихъ переранили косами, чуть было не овладѣли самимъ редутомъ, и только подослѣвшее въ-время подкрѣвленное отгѣснило ихъ“.

Другой участникъ Берестеческой войны писалъ изъ папскаго лагеря, что козаки напали тихо на шанцы въ ночь съ 4 на 5 римскаго іюля и принялись рѣзать жолнеровъ; „но когда начала лаять собака, наши догадались о неприятелѣ и отплатили за свое: 80 козаковъ убили, остальныхъ преслѣдовали до табора. Видя нашу осторожность, козаки для надежнѣйшей обороны стѣснили свой таборъ, въ которомъ для себя и для лошадей рыли ямы (doly) отъ пушечной пальбы. Но это мало имъ поможетъ: ибо они стоятъ возлѣ тоней“.

„Іюля 3, въ понедѣльникъ“ (продолжасть Освѣцимъ), „стали перебѣгать къ намъ шляхтичи, утверждавшіе, что находились въ рядахъ буштовщиковъ по принужденію, и будто ихъ насильно заставляли принимать участіе въ войнѣ. На самомъ же дѣлѣ они, потерявши все имущество, искали исхода въ козацкой службѣ“: свидѣтельство драгоцѣнное. Еще бискупъ Верещинскій, въ 1583 году, слѣдовательно за десять лѣтъ до Косишчины, писалъ въ сеймовой брошюрѣ, что промотавшая свои послѣдства шляхта—или грабитъ на Низу, турецкихъ чабановъ, или вытряхиваетъ въ бору у прохожихъ лукошки. Изъ дебатовъ Посольской Избы мы знаемъ, что вытѣсенные ксендзами да монахами изъ имѣній шляхтичи жили среди козаковъ. Изъ доносеній Кунакова намъ извѣстно, что баниты цѣлыми сотнями вписывались въ реестровые козаки. Вотъ какіе люди были двигателями козацкихъ буштовъ и коповодами козацкихъ предательствъ! Теперь они спасались подъ крыльями тѣхъ, которые были готовы истребить козацкую вѣру, уничтожить на всегда самое имя козаковъ, а потомъ привели развращенную ими массу подъ высокую руку православнаго царя. Подъ высокой царской рукою мутили они воду, для своей корысти, отъ Выговскаго до Мазены, отъ Мазены до Желѣзняка, Голты, Калиныша, Глобы и, между прочимъ, закрѣпостили себѣ героевъ Корсуничины, Шлявцины и т. д., а болѣе крупныхъ своихъ сподвижниковъ ссылали въ Сибирь чрезъ посредство панугашной козацкимъ предательствомъ Москвы, и если титуло Козацкаго Ватка принадлежало Хмелю справедливо, то шляхтичи-баниты и перебѣжчики были его чадами по преимуществу.

„Эти-то перебѣжчики“ (продолжасть Освѣцимъ) „извѣстили, что среди козаковъ возникло несогласіе... Вечеромъ, когда отборные пасмные полки наши вернулись въ лагерь, на горѣ же, возвышавшейся надъ

козацкимъ таборомъ, были оставлены только два полка, — непріятель, сознавая неудобство для себя этой нашей позиціи, наступилъ на нихъ всѣми своими силами, и они, не получивъ подкрѣпленія, должны были, отстрѣливаясь, отступить, не безъ урона, въ лагерь. Непріятель занялъ гору, но недолго могъ удержать эту позицію: ибо на разсвѣтѣ коронный хоружій, выступивъ съ нѣсколькими полками изъ лагера, заставилъ его бѣжать обратно въ таборъ, причемъ козаки во множествѣ были перебиты и потоплены въ озерѣ, позиція же занята нами вновь.

„Юля 4 хотя и происходили военныя дѣйствія, но вообще можно сказать о насъ, что мы разбитому, обътому страхомъ и ожидавшему окончательной гибели непріятелю дозволили отдохнуть, оправиться, совершенно возстановить унашую было бодрость духа и возвести сильныя укрѣпленія, себѣ же затруднили путь къ скорому и окончательному истребленію его и сдѣлали сомнительнымъ результатъ дальнѣйшихъ дѣйствій, которыя, при болѣеи успѣшности, могли увѣнчаться успѣхомъ.

„Чтобы не оставаться безъ дѣла, король въ этотъ день подвинулъ войско изъ пресвятаго лагеря, находившагося у Берестечка, ближе къ непріятельскому табору“ (а въ старомъ лагерѣ были оставлены возы съ челядью и съ нѣсколькими полками нѣхоты подъ начальствомъ Николая Потоцкаго). „Принято было рѣшеніе окружить непріятеля со всѣхъ сторонъ окопами, снабдить ихъ войскомъ, сзади же войско обезопасить возами, и такимъ образомъ подавить козаковъ голодомъ, такъ какъ приступомъ взять ихъ было невозможно. Въ тотъ же день воздвигнули множество шанцевъ, редутовъ и почти вся работа была завершена“.

Въ это время посполитики снова начали бушты и ссоры, какъ бы во свидѣтельство своего родства съ козаками. Имъ не понравилась прикомандировка ихъ къ полкамъ квартирнымъ въ подражаніе Хмельницкому, который оказавшую чернь подблизилъ между козацкихъ полковъ. Шляхта послала къ королю посольство. Король отвѣчалъ раздраженнымъ голосомъ: „Здѣсь вамъ не Посольская Изба! Исполняйте, что вамъ приказано. Вы находитесь въ войсковомъ вѣдомствѣ, и должны повиноваться“. Новій канцлеръ еще усилилъ слова короля, можетъ быть, раскаившись въ своихъ выходкахъ противъ того, кто могъ бы не допустить Хмельниччины, и шляхта принуждена была смириться. Но она ждала случая отплатить королю сугубо. Покаместъ посполитики роптали только на его неумѣнье воспользоваться дарованною Богомъ побѣдой, а это неумѣнье до того было очевидно, что даже

роялисть Освѣдчимъ, какъ мы видѣли, возмущался противъ него до глубины души.

Итакъ, шляхетскія ополченія подѣлили на части и присоединили къ отрядамъ пашаго, ипаче регулярнаго, а еще ипаче—квартирнаго войска. Изъ числа ихъ ополченія Краковское, Сепдомирское, Познанское и Калишское (прихода послѣдняго еще ожидали) присоединили къ полку королевскому. Ополченія Волипское, Подляеское и Русское сопротивлялись этой мѣрѣ, потому что „не хотѣли идти, согласпо приказу, на ту сторону рѣчки, гдѣ козаки часто нападали бы на нихъ“.

„Между тѣмъ непріятель“ (продолжасть Освѣдчимъ), „появъ наше намѣреніе и встревожась отъ приближенія пашаго войска, вышелъ съ большою рѣшимостью изъ своего табора и изъ шанцевъ на гору и отважно рѣшился вступить въ битву; но паша отгѣснили его къ табору, причеъ погибло нѣсколько сотъ козаковъ. Досталась не даромъ эта побѣда и намъ... Пушки цѣлый день гремѣли съ обѣихъ сторонъ, но паша были бѣльшаго калибра и причипали больше вреда, а козацкія ядра, хотя на многихъ наводили страхъ, но немпогихъ подвергали опасности... Почью хлопы безпрестанно старались насъ беспокоить и тревожить и даже рѣшились стремительнымъ папоромъ ворваться въ нашъ лагерь; но ихъ зловредныя намѣренія были разстропы предусмотрительностью короля и региментарей, а также свѣтомъ луны, сіявшей почью въ полночь блескъ.“

„Утромъ 5 іюня, Татаринъ Мегметъ-Челебей, состоящій на службѣ у краковского кастеляна, доставилъ взятаго имъ въ плѣнъ Муртаза-агу. Мурза былъ брошенъ во время бѣгства Татарами, которые не могли увести его съ собою по той причинѣ, что отъ полученныхъ ранъ не могъ онъ сидѣть верхомъ и долженъ былъ ѣхать на повозкѣ. Муртаза-ага—человѣкъ знатнаго происхожденія и родственникъ бывшаго хана. Веѣ дѣла въ Крыму рѣшались по усмотрѣнію его и ханскаго визиря. Онъ былъ раненъ картечью въ руку, въ бокъ и на силу могъ говорить, когда его взяли въ плѣнъ. Теперь онъ предлагалъ 10.000 Мегметъ-Челебею за то, чтобы тотъ препроводилъ его къ хану, а не въ нашъ лагерь. Вообще Татары оставили по дорогѣ до 1.000 человѣкъ раненныхъ и убитыхъ. Этого прежде не случалось: ибо они считаютъ грѣхомъ бросать трупы убитыхъ; но теперь они были въ замѣнительствѣ и въ упадкѣ духа. Утверждаютъ, что въ теченіе трехъ дней было убито 1.000 Татаръ. Дѣло неслыханное, чтобы татары понесли столь великую потерю въ открытомъ сраженіи“.

Отъ 5 іюля одинъ изъ участниковъ Берестеческой войны увѣдомлялъ кого-то, что король разослалъ универсалы къ малорусской черни по всѣмъ городамъ, городамъ, торгамъ и церквамъ, чтобъ она козаковъ и Татаръ всздѣ избивала, и въ этомъ универсалѣ давалъ знать о себѣ, что будетъ стоять лагеремъ подъ Берестечкомъ.

„День этотъ“ (пишетъ Освѣцимъ) „пронесъ спокойно. Ночью козаки приготовлялись къ сильной вылазкѣ; по ливень, продолжавшійся въ теченіе цѣлой ночи, помѣшалъ имъ, причинивъ значительный вредъ и нашему войску, изъ числа котораго 10.000 находилось въ строю и кромѣ того Калишскій полкъ, только что подоспѣвшій въ лагерь, стоялъ на стражѣ. Поздно вечеромъ панъ Балабанъ съ 1.000 человѣкъ перешелъ на ту сторону для того, чтобы стать въ тылу козаковъ, не дозволять имъ выходить за провьяптомъ и мѣшать бѣгству; такъ какъ они начали уходить мелкими отрядамъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ. Притомъ онъ долженъ былъ добыть точное извѣстіе о ханѣ ибо ходили слухи, что ханъ, по просьбѣ Хмельницкаго, остановился въ 4 миляхъ отъ Виницева.

„Іюля 6, въ четвергъ, наша артиллерія открыла сильный огонь съ нѣсколькихъ сторонъ. Около полудня прибыли въ посольствѣ три полковника. Крыса, полковникъ чигиринскій, красивый мужчина, и, какъ говорятъ, расположенный къ намъ, Гладкій и Нерезяславецъ. Ихъ провели прежде къ краковскому каштеляну, который прочиталъ имъ хорошую нотацию, перечисливши всѣ ихъ преступленія. „Вы извинники, которымъ подобнохъ нѣтъ на свѣтѣ“, говорилъ онъ. „Вы уже не христіане, потому что побратались съ Татарами и Турками. Вы недостойны явиться предъ лицо короля“ и т. д. Потомъ, съ разрѣшенія военнаго совѣта, ихъ позвали къ королю. Они съ земными поклонами, просили помилованія, и на всѣ предложенныя ими вопросы отвѣчали только, что просятъ милосердія. Всео виду слагали на Хмельницкаго, а также, по своему обыкновенію, на свои грѣхи. Всѣмъ сенаторамъ они по-очередно цѣловали руки и края одежды; словомъ, заявили достаточно смиренія, лишь бы не притворнаго. Послѣ продолжительнаго совѣщанія король объявилъ имъ черезъ канцлера, что хотя они за совершенныя ими преступленія, равныхъ которыхъ нѣтъ во вселенной, и недостойны помилованія, но что король, яко монархъ милосердый, уподобляясь милосердому Богу, склоняется къ помилованію ихъ, если только ихъ смиреніе будетъ искреннее, и что условія онаго будутъ объявлены имъ завтра, сегодня же они должны, въ доказательство искренности, оставить въ лагерь одного изъ среды себя.

Остался, по собственной просьбѣ, Крыса, хотя не безъ пѣкотораго страха“.

Такъ повѣствуетъ о козаконанской транзакціи одинъ изъ благородныхъ ся свидѣтелей. Къ сожалѣнію, съ 26 римскаго іюня находился онъ въ откомандировкѣ, и конецъ Берестечской войны описалъ въ его дневникѣ по рассказамъ другихъ очевидцевъ. Нѣкто увѣдомлялъ кого-то, что, по показанію языковъ, полковникъ Крыса хотѣлъ еще прежде уйти отъ козаковъ, но чернь караулила его. По этому извѣстію козацкіе послы были одѣты довольно хорошо и прилично, но Крыса—лучше другихъ.

Вѣтеръ начиналъ дуть въ польскіе паруса, но пловцы правили кораблемъ не въ одну сторону. Этому кораблю и въ прошлую войну облегчилъ опасное плаваніе полонизованный литворусскій князь, Янушъ Радивилъ, уничтоживъ Голоту, Подобайла, Кричевскаго. Теперь онъ одолѣлъ Небабу въ самое то время, когда литовскій или бѣлорусскій корпусъ Хмельницкаго могъ бы пріислѣть на помощь осажденнымъ подъ Берестечкомъ.

Одновременно съ походомъ Хмельницкаго на Волинь козацкіе загоны двинулись въ Бѣлоруссію, чтобы захватить войскою литовскія боевыя силы и не дать Радивилу идти въ Украину. Въ іюлѣ наполнили они уже Овручскій край, но здѣсь литовцы били ихъ успѣшно. Въ мѣстечкѣ Парадицахъ заперлись козаки въ церквахъ, но ихъ тамъ поджигали и истребляли. Били ихъ и въ Порпнскѣ. Козацкіе сотники отставали свои прикметы до-упаду. Радивиловы ротмистры напрягали всѣ силы, чтобы взять живыми Лащовца (очевидно, питомца славяго бапитя) и Сагайдачнаго (можетъ быть, родственника Конашевичева), „по острая сабля“ (рапортовали они) „была принуждена положить ихъ трупами“. Что касается Небабы, то пріятельское письмо одного изъ участниковъ битвы, сохраненное для насъ Освѣцимомъ, описываетъ погромъ его корпуса такъ:

„Напѣ стражникъ Мирскій, переправясь на ту сторону Днѣпра, палалъ на козацкій гарнизонъ въ укрѣпленіяхъ, состоявшій изъ 300 всадниковъ. Онъ истребилъ его такъ, что только немногіе спаслись бѣгствомъ. Бѣглецы дали знать Небабѣ о томъ, что Ляхи заняли уже ретраншаменты, но что отрядъ ихъ немощенъ. Небаба, желая разгромить Мирскаго, двинулся изъ-подъ Чернигова со всѣмъ войскомъ, котораго было 15.000. Онъ наступилъ на Мирскаго, не зная о томъ, что въ четверти мили дальше переправляется черезъ Днѣпръ гетманъ Янушъ Радивилъ. Последній, успѣвъ переправить лишь часть своего войска, немедленно атаковалъ Небабу съ фланга. Дѣло обо-

шлось даже безъ выстрѣла: ибо, быстро окруживъ эту сволочь, мы рукопашнымъ боемъ истребили ее на повалъ. Не знаю, спаслось ли ихъ хоть нѣсколько человѣкъ. Небаба, видя опасность, сошелъ съ коня и сражался пѣшой. На него напалъ одинъ товарищъ изъ хоругви мозырскаго старосты. Онъ храбро и долго защищался. Товарищъ долженъ былъ также сойти съ коня и они вступили въ рукопашный бой. Въ это время подоспѣлъ на помощь другой товарищъ и они стали вдвоемъ одолевать. Однако, Небаба не допустилъ взять себя въ плѣнъ. Когда ему изранили правую руку, онъ оборонялся лѣвою, пока его не убили. Послѣ этого счастливаго вчерашняго дѣла, сегодня 200 козаковъ пѣшихъ, вооруженныхъ самопалами, не зная о пораженіи своихъ, препровождали возы съ провіантомъ въ свой таборъ. Наши окружили ихъ и всѣхъ забрали въ плѣнъ. Плѣнные сказывали, что въ полку Небабы было 20.000 человѣкъ, но 3.000 послалъ онъ въ сторону Кричева, а 2.000 отправилъ собирать провіантъ, такъ что при немъ оставалось только 15.000. Черниговскіе мѣщане пріѣзжали къ князю съ изъявленіемъ покорности. Они просили только о сохраненіи жизни своей и своихъ дѣтей и обѣщали выдать нѣсколько тысячъ паробковъ-броварниковъ, которые начали собираться на помощь Небабѣ. Битва эта происходила въ пяти миляхъ отъ Чернигова. Одержавъ побѣду, князь отправился въ Любечъ, а часть войска отправилъ въ Черниговъ“.

Было слышно, что одни бѣлорусскіе паны пошли къ Припечи, а другіе—на выручку Кричева. По пути къ Кричеву встрѣтили паны 500 человѣкъ козацкаго компаника, разбили ихъ, и 150 человѣкъ положили на мѣстѣ. На другой день бились они съ 3000 коплицъ Небабы. Козаки стояли крѣпко, но были разбиты и разсѣяны. Съ панской стороны пало 20 знатныхъ шляхтичей и 200 человѣкъ рядовыхъ. Кричевъ защищался мужественно, и уже семь разъ отразилъ козацкій приступъ. Вообще въ Польшѣ думали, что „Господь покровительствовалъ литовскому войску“, хотя мудро было бы сказать за что. На русскій взглядъ, въ такъ называемой, Литвѣ родной памѣ: элементъ сохранился цѣльнѣе отъ помѣси съ чужезднымъ польскимъ, и самый протестапизмъ, распространенный здѣсь больше, нежели гдѣ-либо, не допускалъ въ бѣлорусской шляхтѣ такого растлѣнія духа и тѣла, какое производило въ польскихъ семьяхъ католическое духовенство. Что касается козаковъ, то видно, что здѣсь ихъ сила, при отсутствіи Татаръ, опиралась на сотниковъ и полковниковъ, вѣрнѣе—на кадры опытныхъ бунтовщиковъ.

„Между тѣмъ подъ Берестечкомъ“ (пншегь Освѣцимъ) „іюля 7, въ пятницу утромъ, пріѣхали козаки, чтобы получить условія капитуляціи. Объ нихъ разсуждали въ военной радѣ такъ, что стыдно и сказать. Успѣхъ разслабилъ насъ до того, что никто энергичнаго предложенія и не высказалъ. Имъ предложили слѣдующія условія: выдать 16 человекъ, перечисленныхъ поименно, старшины, въ видѣ заложниковъ, но не безусловно относительно ихъ, кары; выдать артиллерію; доставить Хмельницкаго, сына его Тимоша и Выговскаго; выдать присоединившихся къ козакамъ шляхтичей; чернь распустить по домамъ; предоставить королевской милости и рѣшенію будущаго сейма дальнѣйшія распоряженія относительно устройства козацкаго войска *). Козацкіе послы отвѣтили, что Хмельницкаго готовы они разыскивать; что старшину, артиллерію и шляхтичей выдать трудно, но что они предложить условія своей радѣ. Крыса остался окончательно въ нашемъ лагерѣ. Вечеромъ козаки дали знать, что старшина и козаки находятся вѣ лагеря на пастбищахъ, а чернь перешлась, и потому не могутъ покаместъ столкнуться. Весь этотъ день прошель мирно, и они допускали нашихъ едва ли не вовнутрь своихъ укрѣпленій“.

Но паны не довѣряли козацкому миролюбію, и совѣтовали одинъ другому держать за пазухой камень (z nimі trzeba traktować kamieci mając w zanadrzu). Это тѣмъ больше было необходимо, что козаки однообразно въ 2 часа пополудни гремѣли своей музыкой и заглушали свои трубы и *шипоши* боевымъ крикомъ, а призывные котлы у нихъ были такіе огромные, что панамъ казалось, будто это бьютъ на майданѣ тревогу.

„Іюля 8, въ субботу“, (продолжаетъ Освѣцимъ) „козаки на предложенныя имъ королемъ условія отвѣтили въ слѣдующихъ приближительно выраженіяхъ:

„Милостивый, свѣтлѣйшій король! умоляя о пощадѣ, мы уповали на милосердіе вашей королевской милости; понамъ предложены условія невозможныя. Выдать старшину мы не можемъ, и не выдадимъ: такъ рѣшила рада войска и черни. Артиллеріи выдать не можемъ. Шляхтичей выдать не можемъ, и не выдадимъ, такъ какъ, по Зборовскому договору, имъ обѣщано прощепіе вашей королевской мило-

*) Въ одномъ увѣдомленіи кого-то изъ-подъ Берестечка, 8 іюля, въ числѣ условій осаждающіе требовали, чтобы чернь присягнула работать своимъ панамъ одинъ день въ недѣлю (dzień ranem swoim gobić), и что козаки отложили отвѣтъ на предложеніе до утра по той причинѣ, что войско было пьяное (bo teraz wojsko pijane).

сти. Хмельницкаго, его сына и Выговскаго, измѣнчившихъ и вашей королевской милости и намъ выдали бы мы охотно, но ихъ нѣтъ среди насъ. Однако, мы обѣщаемъ ихъ разыскивать не только въ нашемъ краѣ, но и въ Крыму, и выдать вашей королевской милости, какъ лицъ, сбившихъ насъ, точно овецъ, съ пути. Обѣщаемъ разорвать всякую связь съ Татарами. Просимъ, чтобы *козаки* и *чернь* оставались на такихъ правахъ, какія были условлены по Зборовскому договору. Папы пускай благополучно возвращаются въ свои мѣстности на Украину, но безъ военныхъ хоругвей: въ противномъ случаѣ, произойдетъ *великій голодъ*. Вообще просимъ вашу королевскую милость принять насъ подъ свое покровительство, какъ дѣтей и вѣрныхъ подданныхъ. Симъ окончивъ, подписываемъ: Войско вашей королевской милости Запорожское со всею чернью⁴ *).

Далѣе слѣдовали подписи полковниковъ; но Джеджалла не подписался, потому что былъ согласенъ, какъ и Крыса, на все условія помилованія. Не было это самопожертвованіе; не было это и безнадѣжность дальнѣйшей борьбы съ папами Ляхами: это былъ благоразумный выборъ меньшаго изъ золъ. Какъ ни ужасною казалась козаку сила европейской тактики противъ его азіатчины, но козацкій терроръ надъ старшиною былъ такое страшилище, отъ котораго самъ Козацкій Батько, послѣ Пилявецкаго успѣха, прятался подъ королевскою властью. Джеджалла былъ прямодушнѣе Хмеля, и откровенно высказалъ свое мнѣніе, что лучше идти подъ королевскій мечъ, нежели подъ козацкіе кін, которые, въ случаѣ псудачи, грозили всякому запорожскому зыцарю, какъ оному славному Филопенку. Охлократія въ нашей козацкой республикѣ имѣла такія же безобразныя крайности, какъ олигархія—въ республикѣ панской.

„Разгнѣванный этимъ отвѣтомъ король“ (продолжасть Освѣцимъ) „приказалъ смеленно налить въ таборъ изъ пушекъ со всѣхъ сторонъ. Нѣсколько большихъ орудій уже доставили изъ Бродъ, другія послѣднѣе везли изъ Львова.

„Юля 9, вновь прибыли козацкіе послы, возобновили просьбу о помилованіи и обѣщали выдать 16 старшинъ. Но король не хотѣлъ этимъ удовлетвориться, и строго пригрозилъ имъ. Они писали письма къ сенаторамъ, постоянно прося помилованія, но вовсе не соглашались на предложенныя условія и настаивали на сохраненіи Зборов-

⁴) Пользуясь этимъ случаемъ (писалъ нѣкто изъ-подъ Берестяка) „переладать къ намъ три козака, а множество другихъ думать о томъ же“.

скаго договора. Ихъ отпустили ни съ чѣмъ. Краковскій кастелянъ разорвалъ присланное ему письмо не читая, и строго сказалъ имъ: „Пошли вонъ, хлопцы! вы скоро узнаете, что такое Зборовскій договоръ“.

„Между тѣмъ наши, лишь бы дѣлать хоть что-нибудь среди этихъ колебаній, стали устраивать плотины на рѣчкѣ, рассчитывая на то, что, если удастся запрудить воду, то большая половина козацкаго дора, расположенная надъ рѣчкой и у болотъ, будетъ потоплена, и что устроеныя ими переправы будутъ наводнены и уничтожены. Сдѣлано было это по совѣту козака Крысы, который остался добровольно у насъ, не смотря на то, что козаки требовали его выдачи, какъ посла. Онъ притомъ указалъ на нашу оплошность въ двухъ обстоятельствахъ: во первыхъ въ томъ, что мы не отравили нѣсколько тысячъ людей въ погоню за Татарами, когда они бѣжали, объятые страхомъ, и когда ихъ легко можно было разгромить и уничтожить; вторыхъ въ томъ, что мы понинѣ позволяли козакамъ имѣть свободное сообщеніе съ другимъ берегомъ. Пока это будетъ продолжаться, до тѣхъ поръ, по его словамъ, невозможно будетъ смирить ихъ, ибо они постоянно будутъ надѣяться на возможность отступленія. Впрочемъ совѣтамъ его послѣдовали слишкомъ поздно, и потому они не имѣли надлежащаго успѣха.

„Притомъ на военной радѣ было рѣшено, чтобы, въ случаѣ, если погода будетъ благоприятствовать, предпринять приступъ. Для участія въ немъ было предложено командировать пѣхоту, челядь и Мазовецкое ополченіе, которое въ этотъ день подошло. Остальные отряды люблинскихъ, — за исключеніемъ прусскихъ воеводствъ, — должны поддерживать приступъ въ качествѣ резерва. Рѣшеніе это было вызвано показаніями Волохоу и козаковъ, перебѣжавшихъ къ намъ въ тотъ день. Они утверждали, что козаки рѣшились бѣжать, и уже въ нѣсколькихъ мѣстахъ съ большимъ стараніемъ готовятъ переправы. Всѣ войско получило приказъ быть готовѣ ночью.

„Въ тотъ же день вновь получено извѣстіе, будто ханъ и Хмельницкій остановились у Вишнева. Наши были этимъ сильно встревожены. Для того, чтобы собрать точныя извѣстія, отравили нѣсколько отрядовъ въ разныя стороны. Съ наступленіемъ ночи, полки полеваго гетмана, русскаго воеводы, брацлавскаго воеводы и короннаго хорунжаго должны были выступить противъ Орды. Въ случаѣ же, еслибы Татаръ не оказалось, имъ было приказано — немедленно вернуться и занять позицію въ тылу козацкаго тора, за рѣчкою, куда наши давно уже собирались. Ночью вернулся изъ развѣзда Суходольскій и объявилъ, что онъ былъ за нѣсколько миль по ту сторону Вишнева, но

нигдѣ нѣтъ и слуха о Татарахъ. Вслѣдствіе чего предположенная экскурсія была отложена. Приступъ же и вообще все другія постановленія рады не состоялись отъ неурядицы и беспорядка. Только брацлавскій воевода отважился переправить на ту сторону въ тылъ непріятельскаго табора 2.000 человекъ“ (тотъ, котораго заподозрили въ умышленной мѣшкотности и боязни).

Частное увѣдомленіе изъ-подъ Берестечка, отъ 8 іюля, говоритъ что еще въ среду вечеромъ панъ Балабанъ, съ отрядомъ въ 200 человекъ, отбивая у козаковъ пашу за рѣчкую, узналъ, что осажденные начали уходить изъ табора по нѣскольку сотъ человекъ, подъ предлогомъ пашни и добыванія дровъ. Но его донесеніе не вызвало никакихъ предупредительныхъ мѣръ въ панскомъ лагерѣ.

Наконцѣ, подъ вечеръ 8 іюля (по извѣстію очевидца) переданъ панамъ молодцоватый (hoży) козакъ, и объявилъ, что въ таборѣ готовятъ переправу черезъ болотистое озеро, груза хворостъ, возы, наметы, кожухи, кобеники, и хотятъ бѣжать; что воезвъ оставляютъ для ретирады только по два на сотню, а съѣстное выючатъ на лошадей. И это донесеніе пустили паны мимо ушей, несмотря на то, что голодъ у нихъ одолевалъ пѣхоту, что конница отбивала вмѣсто нея стражу, и даже лошадыми (по выраженію писавшаго) колыхалъ вѣтеръ (i konie u nas wiatr powiewa).

Когда такимъ образомъ ни представители козацкой, ни представители панской республики не знали, на что рѣшиться и что дѣлать, неожиданное стеченіе обстоятельствъ привело тѣхъ и другихъ въ новое движеніе.

Посланныя козакамъ условія помилованія произвели въ ихъ таборѣ полное разстройство и внутренній раздоръ. Козаки помнили такіе случаи, какъ порывы паливайцевъ къ бѣгству лободишцевъ, какъ бѣгство самого Кремпекаго отъ солоницкихъ педобитковъ,—такіе случаи, какъ стоянье рестровиковъ противъ Тарасова ополченія подъ Череславоуъ,—какъ предательское отступленіе козацкаго компаньика подъ Кумейками и позорное бѣгство Острияницы къ московскому рубежу изъ-подъ Сулы. Даже и теперь перебѣгали отъ нихъ въ пайскій лагерь ихъ руководители шляхтичи, а чигиривскій полковникъ Крыса, сдѣлался даже панскимъ совѣтникомъ на ихъ пагубу. Зная видя все это, козацкая чернь имѣла полное основаніе ожидать всего отъ людей, которые увлекали ее въ свой опасный промыселъ обмена, понуждали къ битвамъ посредствомъ Орды и загребали жаръ ихъ руками. Старшинѣ своей довѣряли козаки и чернь еще меньше, нежели шляхта—своимъ панамъ. Неподписавшій общей петиціи Джедъ

жалла вчера еще былъ въ ихъ глазахъ памѣстникомъ Батька Богдана; сегодня онъ сдѣлался у нихъ зрѣдникомъ и недоляшкомъ: Самъ Батько Богданъ съ его сыномъ и Выговскимъ, эта троица козацкаго поклоненія, обвинены ими всепародно въ томъ, что сбили ихъ съ пути, какъ овецъ, и Запорожское Войско торжественно вызывалось искать ихъ даже въ Крыму для выдачи Ляхамъ... Чтобъ успокоить козаковъ и черпъ, Джеджалла предлагалъ ей выдать королю старшину, въ томъ числѣ и самого его, искупить этимъ общіе грѣхи, и спасти отъ истребленія войско. Но черпъ истолковывала такое самопожертвованіе коварствомъ. Она состояла изъ такихъ же едилицъ, какъ и ся старшина: состояла изъ людей, готовыхъ на всевозможное предательство,—изъ питомцевъ одной и той же козатчины. Напрасно вызывался Джеджалла отдаться первымъ въ руки побѣдителей: этимъ онъ дѣлался, въ ее глазахъ, послѣдователемъ Крысы и перебѣжчиковъ-шляхтичей. „Геть зрѣдника! геть пѣпського підлізу!“ завопила черпецкая рада, и Джеджалла, съ тайною радостью, положилъ Богданову булаву передъ преславнымъ Запорожскимъ Войскомъ.

Еслибы козаки „стали въ раді, якъ малі діти“, по выраженію кобзарской думы; еслибы они вѣрились Джеджаллѣ, какъ самому Хмельницкому,—200.000 бойцовъ за козацкія вольности были бы цѣлы, и, бѣжавъ ночью хотя бы даже безъ оружія, скоро явились бы съ кіями на плечахъ, передъ милостивыми папами, чтобъ отнять у нихъ свое оружіе, подобно тому, какъ помилованные подъ Пяткомъ, дѣды ихъ явились подъ Черкасами, или поцаженныя въ Медвѣжьихъ Лозахъ, ихъ отцы собрались въ мятежныя купы подъ Переяславомъ, и т. д. Что касается козацкихъ вождей, то папы больше восхищались ихъ дикими доблестями, нежели злились на ихъ злодѣйства, какъ это мы видимъ и на современныхъ памъ польскихъ историкахъ. По своей природной, почти женской довѣрчивости, они были готовы повѣрить козацкимъ клятвамъ въ десятый разъ, и, безъ сомнѣнія, въ десятый разъ были бы обмануты.

Но, къ счастью человѣчества, козацкая орда губила сама себя, какъ татарская. Въ настоящемъ случаѣ, гибели ее способствовало греческое духовенство, такъ точно, какъ это дѣлало относительно шляхты духовенство латинское. Купленный окровавленнымъ золотомъ агентъ восточнаго патріарха, коринфскій митрополитъ, противодѣйствовалъ всячески договорамъ съ „врагами Божиими, держащими кривую вѣру“. Слуги его, попы и монахи, бѣгали по всему табору и пугали черпъ такою поголовною рѣзней, какую сочинялъ, или довѣрчиво записалъ велебный авторъ Львовской Лѣтописи. Они убѣждали дожидаться Хмель-

ничего и во всемъ поступать согласно его волѣ. Но ихъ присутствіе въ козацкомъ таборѣ, дотолѣ небывалое и потомъ неповторившееся, еще больше смущало умы сусѣдною примѣтою о поповскомъ окѣ. Въ смущеніи своемъ, казаки забывали о фортеляхъ, которыми былъ окруженъ ихъ таборъ, и обо всѣхъ своихъ преимуществахъ передъ панамъ. Хмельницкій нагромоздилъ подъ Берестечкомъ столько возовъ всяческими запасами, что казаки цѣлый мѣсяцъ, даже два и три мѣсяца, могли бы съ своихъ окоповъ отпускать панамъ такія пушки въ качествѣ осаждаемыхъ, какими угощали ихъ подъ Збаражемъ въ качествѣ осаждающихъ. Будь они только умѣреннѣе въ своей подозрительности къ старшинамъ; будь старшина только меньше напугана правой черни за боевыя неудачи; не прійди только Венякъ съ подобными ему вольнодумцами къ убѣжденію, что и попы, и ксендзы въ сущности одно и то же, — Хмельницкій навѣрное послѣпилъ бы къ осаждаемымъ подъ Берестечкомъ не такъ медленно, какъ послѣпилъ Липъ Казимиръ къ Збаражу, и тогда бы свѣтъ увидѣлъ и въ Польшѣ и въ Литвѣ рѣзную пожесточе кривошосовской въ Полодномъ. Но судьба лишила малорусскую историографію новыхъ восторговъ, и еще однажды дала Полякамъ (хотя, правду сказать, напрасно) время образумиться.

На мѣсто Джеджаллы, козацкая чернь провозгласила своимъ германомъ Богупа. Это былъ ученикъ той школы, которая воспитала не забвеннаго по своему дикому генію Дмитрія Гупи. Онъ унаслѣдовалъ и боевыя способности Гупи, и его искусство ретироваться.

Держа въ рукахъ Богупову булаву, и не подвергаясь, какъ Джеджалла, общему замѣчанію: „до булавы трѣба головы“, Богупъ повелѣлъ козакамъ и черни дѣнь и ночь сыпать три грѣбни черезъ болотистое озеро, съ тѣмъ чтобы ночью съ поведѣльника на вториннѣ переправить весь таборъ на другую сторону рѣчки. Потому ли, что не было времени вагонять сваи и возить землю, или ради самой таинственности работы, на постройку грѣбень употребляли возы, оставляя только по два на сотню, грузили сѣдла, паметы, катраги, упряжь и даже кожухи. Высоко стоялъ Богупъ во мѣшнѣ козаковъ и черни; по прецеденты у него были, видно все-таки не тѣ, что у Гупи, чудеснымъ, сверхъ-естественнымъ способомъ ускользнувшаго отъ козацкихъ побѣдителей, да и бѣгство Козацкаго Батька значило для оставленнаго войска не то, что бѣгство съ береговъ Сулы ничѣмъ не прославившаго себя Острияницы. Притомъ же Богупъ, воспитанникъ Хмельницкаго, долженъ былъ скрывать отъ самихъ чуръ и громадскихъ мужей свои намѣренія. Не впушивъ такого довѣрія къ своему разуму,

какъ Хмельницкій, Богунъ поставилъ свой конгъ и таборъ въ недоумѣніе. Мужики не понимали, что вокругъ нихъ дѣлается, бѣгали съ окоповъ да молили о пощадѣ, а козаки съ своей стороны были настроены тревожно. Вѣра въ непродолимость ихъ крѣпости и въ стойкость вождей была поколеблена. Попы, женщины, дѣти ослабляли козацкій духъ самымъ присутствіемъ своимъ среди бойцовъ. Вспоминали, можетъ быть, козаки, что и Наливайщина изъ-за дѣтей да женщинъ пришла къ погибельному концу. Теперь была нарушена и другая относительно боеваго счастья традиція козатчины. Уже по двумъ этимъ причинамъ могла распространить въ таборѣ суевѣрная боязнь въ перемѣну *фортуны*, тѣмъ болѣе, что козаки ждали рѣшительнаго приступа, не зная всего того безпорядка и неурядицы, которые раскрывались вполнѣ передъ папскимъ мемуаристомъ. Такимъ образомъ одна часть Козацкаго Народа, ведя переговоры съ Народомъ Шляхетскимъ, проволакивала умышленно время и тайнственно готовилась къ отступленію, а другая вдавалась болѣе и болѣе въ малорусскую *тужу*. Упадокъ духа и того единомыслія, которое умѣлъ вселять между козаковъ, съ помощью Татаръ, Хмельницкій, увеличивался еще отъ увѣренности, что Татары не вернутся въ свои кочевья съ пустыми руками, и пахватають ясыру въ Украинѣ.

Но ни въ папскомъ, ни въ козацкомъ стану вообще не знали, что дѣлается и что кому грозитъ. Когда молва гласила, что ханъ погналъ передъ собой Хмельницкаго со связанными подъ конемъ поганми, козаки перебѣгали въ папскій лагерь. Но когда здѣсь разнеслась вѣсть, что ханъ и Хмельницкій остались въ Вишневцѣ и заходятъ королю въ тылъ, перебѣжчики бросались изъ папскаго лагеря среди бѣла дня подъ выстрѣлами, и заставляли паповъ перемѣнять свой лозунгъ.

Первымъ дѣломъ повоеизбраннаго гетмана было импровизировать переправу; вторымъ — обезпечить ретираду отъ переселенныхъ черезъ рѣчку Пляшову жолнеровъ. Взявши съ собой козацкую старшину и доплицу, то-есть надежнѣйшую боевую силу, Богунъ вышелъ, на развѣтѣ 10 (1) іюля, въ понедѣльникъ съ двумя пушками изъ табора, чтобъ, уничтоживъ отрядъ Липцкоропскаго, обидимъ совѣтомъ рѣшить на мѣстѣ, какъ дѣйствовать во время отступленія. Озабоченной важнѣмъ дѣломъ старшинѣ не пришла въ голову мысль, что ея таинственная вылазка можетъ напомнить кой-кому два предательскіе эпизода войны 1637 и 1638 годовъ; а между тѣмъ въ оставленномъ таборѣ пашелся челоувѣкъ, можетъ быть, видѣвшій и самого Хмельна, бѣгущаго изъ-подъ Кумскъ въ составѣ комонника, и Острянина,

покинувшего пѣхоту подъ саблю Князя Яремы на Сулѣ. Поставивъ конницу въ арріергардѣ, Богунъ, съ надежнымъ отрядомъ старшины, двинулся впередъ, чтобъ осмотрѣть позицію Лянцкоронскаго. Въ таборѣ между тѣмъ шли своимъ чередомъ приготовленія къ ночной переправѣ, которая, въ случаѣ успѣха, затмила бы славу и самого Гуни. Вдругъ кто-то закричалъ: „Зрада! старшина втікѣе“!

Еслибъ это пагубное подозрѣніе было справедливо, то старшина, во-первыхъ, бѣжала бы не среди бѣла дня, а подъ покровомъ *козацкой матери*—ночи, или по крайней мѣрѣ при свѣтѣ *козацкаго солнца*—мѣсяца, а во-вторыхъ, уходить ей было бы гораздо безопаснѣе со всѣмъ комонникомъ. Но пускай Поляки остаются при своей мысли, что подозрѣніе было справедливымъ. Дѣло въ томъ, что оно произвело въ остальномъ войскѣ панику хуже пиявецкой. Ближайшіе къ заднимъ переправамъ и возовымъ *брднамъ* козаки выбѣжали смотрѣть, гдѣ старшина и конница. Они увидѣли, что все обстоитъ, какъ слѣдуетъ, но уже не могли вернуться въ таборъ. На нихъ, точно хлынувшая сквозь громадную запруду рѣка, валила безумная масса бѣглецовъ.

Таборныя сторожи были опрокинуты; цѣпи, соединявшія возы, разорваны; возовыя броны сокрушены. Съ неудержимой силой ринулось все живое на греблю и *чаткѣ*, душа и потопляя одинъ другаго въ бѣгствѣ.

Подвигавшаяся въ арріергардѣ за Богуномъ конница, видя громадное толпище и слыша крикъ 200.000 голосовъ, естественно бросилась въ разсыпную, какъ это дѣлали въ опасныхъ случаяхъ Татары.

Крикъ былъ такъ ужасенъ, движеніе было такъ непостижимо, что Лянцкоронскій вообразилъ обратное наступленіе Орды, и полетѣлъ къ своей переправѣ.

Богунъ, съ козацкой старшиной, поскакалъ навстрѣчу валящейся къ нему массы. Но въ то время не было уже для козаковъ и черни и гетмана, ни полковниковъ: козацкая армія, созданная чародѣйскимъ словомъ на *Ляховъ!* расточилась отъ чародѣйскаго слова *зрада!* Обозумѣвшая въ ужасѣ панической кары толпа импровизировала себѣ новыя гребли изъ собственныхъ тѣлъ, растоптанныхъ бѣгущими. Все топуло задыхалось и гибло хаотически.

Къ сожалѣнію, панскій Самовидецъ не присутствовалъ при козацкой катастрофѣ. Онъ вернулся подъ Берестечко только тогда, когда трагедія была сыграна, и окровавленная сцена опустѣла. Всѣ-таки ему принадлежитъ первое мѣсто между современными историками

борьбы разноплеменныхъ и разновѣрныхъ армій въ подзѣву русскаго возсоединенія, и мы за нимъ послѣдуемъ, какъ за сравнительно досто- вѣрнымъ повѣствователемъ.

„Бѣглецы“ (пишетъ онъ) „бросили таборъ со всеѣмъ бывшимъ въ немъ добромъ, и оставили множество скота, лошадей, провіанта, пушекъ, пороху и знаменъ. Когда извѣстіе объ этомъ бѣгствѣ распро- странилось въ нашомъ войскѣ, наши немедленно бросились въ таборъ и стали пользоваться добычей. Кто не полѣнился, тотъ могъ при- обрѣсти значительную долю имущества. Въ то время другія хоругви бросились въ погоню за бѣгущими, но прежде должны были пройти трудныя переправы, весьма узкія и вязкія, такъ что лошади могли по нимъ идти лишь гуськомъ. Между тѣмъ козацкая конница, числомъ до 20.000, успѣла сформироваться и направиться вскачь далѣе. Брац- лавскій воевода, который перешелъ было на ту сторону съ отрядомъ въ 2.000 человекъ, для того чтобы преслѣдовать козакамъ пользо- ваться пастбищами, — жаль, что это было предпринято слишкомъ поздно и съ незначительнымъ количествомъ войска, а то все козаки остались бы въ западнѣ,—увидѣвъ такое множество враговъ, и пола- гая, что это нападеніе сдѣлано противъ него, отступилъ къ Козинну, чтобъ обезпечить себѣ переправу. Между тѣмъ огромное количество нашихъ выступило изъ лагеря, и отправилось въ погоню за бѣгущими, убивая всеѣхъ запоздавшихъ и отставшихъ на пути. Едва ли нашелся бы кто-либо, кому бы не довелось убить козака *). Наконецъ брац- лавскій воевода понялъ, что козаки обращены въ бѣгство, и, оправясь отъ испуга, старался вознаградить потерянное время. Немедленно пустился онъ въ погоню и производилъ ее съ такимъ жаромъ, что вернулся послѣднимъ... Въ это время король дѣлалъ смотръ ополченію Плоцкаго воеводства, и велѣлъ ему преслѣдовать непріятеля... Посполи- таки били козаковъ до пресмыщенія въ лѣсу, въ кустарникахъ и бо- лотахъ. Весь день, пока не стемнѣло, наши, подвигаясь облавою, производили кровавую бойню, вытаскивая козаковъ изъ кустовъ и

*) Это пишетъ одинъ изъ самыхъ незлобныхъ пановъ, извѣстный поэти- ческимъ чувствомъ любви. Долговременное истребленіе пановъ козаками, а ко- заковъ панами по милости польской неурядицы—породило взаимную ненависть, которая донынѣ отражается въ польской и русской литературахъ въ ущербъ достоинству обѣихъ, а часто высказывается и въ самой жизни. Въ одномъ слу- чаѣ мужики били земляка пана. Прохожій мужикъ остановился и сталъ ихъ просить: „Дайте бо и мені хочъ разъ ударили: я зъ рѣду не бивъ пана“. Въ этомъ мужикѣ отзывалось Освѣтцимова чувство.

болотъ, разстрѣливая и рубя головы, хотя и они наносили вредъ нашимъ, въ случаѣ неосмотрительности. Цѣлый день продолжалось убійство и кровопролитіе“.

Роли на широкой сценѣ челоѣконстреленія перемѣнились. Прежде война представляла зрѣлища, воспѣтыя кобзарями Хмельницкаго:

Тоді козакъ в лѣсомъ кондѣмъ бѣжишь,
 Колі жъ дівниця, ажъ куць дріжіншь;
 Колі глинє, ажъ у кущѣ Ляхъ якъ жаўкто, лежіншь.
 То козакъ козакъкий звичай знає,
 Исъ коні ссїдає
 И кѣленомъ Ляхъ по рѣбрахъ торкає...

Теперь кусты дрожали отъ притавившихся козаковъ, а жолперы сдѣлались храбрецами всѣ, отъ перваго и до послѣдняго. Теперь и тѣ, которые побросали знамена въ зборовскихъ конопляникахъ, смотрѣли такими героями, какъ совращенный въ латинство литворусскій князь, Корибутъ Вишневецкій.

Но даже и въ послѣдней бѣдѣ, какая можетъ озадачить воина, когда творецъ отважнаго и безпримѣрно удачнаго бунта покинутъ свое войско, а войско покинуло свою неодолимую крѣпость, — даже и въ этомъ безнадежномъ положеніи, многихъ бѣглецовъ, унесенныхъ силою паники, можно было назвать образцовыми воинами. Нѣсколько примѣровъ геройской рѣшимости, не имѣющей ничего подобнаго въ бѣгствѣ нановъ *пиллячиковъ*, сохранила для насъ польская исторіографія.

800 козаковъ, засѣвшись въ лѣску, защищались такъ, какъ Вишневецкій въ Збаражской западнѣ. Съ одной стороны билъ ихъ свой же братъ, Русинъ, князь Богуславъ Радивилъ, съ другой — такой же Русинъ, Стефанъ Чернецкій. Они отвергли всѣ условія предлагаемой ими пощады, и всѣ легли на мѣстѣ до послѣдняго, давъ урокъ своимъ отступникамъ, какъ надобно стоять за свободу съ болѣе высокими цѣлями, нежели свобода козацкая.

Другой отрядъ козаковъ, состоявшій изъ двухъ или трехъ сотенъ, укрѣпился на островѣ и рѣшился выпить горькую чашу смерти; до два съ такимъ спокойствіемъ, съ каковымъ были распиты и разлиты добрыя горілкі, меда и вина подъ Пилляцами. Долго защищались козаки безъ всякой надежды на спасеніе, превосходя въ этомъ случаѣ героя Збаражскаго, котораго надежда на выручку не покидала до конца. Дивясь ихъ мужеству, Николай Потоцкій предлагалъ имъ по-

милованіе. Не захотѣли они принять помилованіе отъ Ляха, отъ *персертиня*. Въ знакъ презрѣнія къ *пекельникамъ* и ихъ дару, высынали козаки изъ чересовъ деньги въ воду, а сами такъ сильно цоражали нападающихъ, что только пѣхота, наступивъ на нихъ колонною, разорвала ихъ и загнала въ болото. Не поддались и тамъ завязтые. Стоя по поясъ въ водѣ, оборонялись они до тѣхъ поръ, пока не перестрѣляли ихъ поодиночкѣ. Одинъ изъ этой горсти геросовъ-разбойниковъ добрался какъ-то до челнока, и нѣсколько часовъ игралъ съ неминуемою смертью, отвергая помилованіе. Стрѣляли по немъ съ обоихъ береговъ рѣки. „Не знаю“ (нишетъ, пересказывая объ эгомъ Освѣцимъ), „стрѣлки ли въ него не попадали, или, можетъ быть, его не брали нули“. Наконецъ, одинъ Мазуръ, раздѣвшисъ до нага, вошелъ по шею въ воду, и нанесъ ему ударъ косою, а жолдакъ пробилъ коньемъ. „Король“ (говоритъ очевидецъ) „долго смотрѣлъ съ большимъ вниманіемъ и радостію на эту трагедію. Многихъ, точно утокъ, ловили по болотамъ, вытаскивали и убивали; никого не щадили, даже жспницъ и дѣтей, по всѣхъ истребляли мечемъ“.

То была въ самомъ дѣлѣ сцена изъ послѣдняго акта *трагедіи*, которой „начало“ видѣлъ столь же достойный зритель—нащъ „свято-памятный“.

Добыча, полученная въ козацкомъ таборѣ, была значительная, хотя, безо всякаго сравненія, не такая, какая досталась козакамъ подъ Пилявцами, „потому“ (замѣчаетъ Освѣцимъ), „что козаки на серебрѣ не ѣдали и цугами въ каретахъ не ѣзжали“. Взяли побѣдители безъ побѣды весь скарбъ Хмельницкаго, а было въ немъ, по показанію Крысы, двѣ бочки талеровъ для уплаты Ордѣ. Жолнеры такъ поживились при этомъ, что одному товарищу досталось 1.500 дукатовъ. Взяли также паны 60 пушекъ, изъ которыхъ 18 оказались прекрасной работы, съ лафетами, 7 бочекъ пороху, кромѣ того, что было расхватано жолнерами, безчисленное множество огнестрѣльнаго и холоднаго оружія и до 20 знаменъ,—въ томъ числѣ знамя, которое послалъ король Хмельницкому чрезъ комиссаровъ. Оно было краснаго цвѣта, съ изображеніемъ бѣлаго орла и двухъ *русскихъ* крестовъ. Другое знамя, въ томъ же числѣ голубое, было то, которое далъ козакамъ Владиславъ IV въ 1646 году, зазывая въ Турецкую войну. На немъ былъ изображенъ орелъ, пополамъ бѣлый и красный.

Въ нѣмъ взяли турецкаго посла, втоптаннаго въ болото, и посла отъ константинопольскаго патріарха, присланнаго къ Хмельницкому съ благословеніемъ на войну и съ освященною на Господнемъ Гробѣ саблею. Изъ коринесскаго митрополита, Иосафа, Поляки сдѣ-

ляли александрійскаго патріарха, Евдоксія, даже константинопольскаго патріарха, „или, вѣриѣ, обманщика (albo raczej impostora)“... О немъ разсказываютъ и въ наше время польскіе историки, что онъ разсчитывалъ на свою величественную бороду и на важность своего сана, какъ на оборону отъ смерти. Онъ де вышелъ въ золотомъ облаченіи, въ огромной митрѣ изъ краснаго бархата, покрытой кругомъ кусками золота въ видѣ крестовъ, сопровождаемый священствомъ, крестами, свѣчами, церковными хоругвями; по ему тѣмъ не менѣе отсѣкли голову. Это бумагочернильное утѣшеніе подобаеъ намъ предоставить нашимъ шовѣрнымъ завистникамъ, хотя бы въ дѣйствительности смерть постигла Іоасаа безъ всякаго парода. Козаки наши, будучи на ихъ мѣстѣ, говорили бы то же самое з усіеца о смерти бискупа и арцыбискупа въ панчешской давкѣ, а тѣмъ еще паче, когда бы злостная фантазія вмѣшала въ эту давку римскаго папу, котораго наши православники, подзадоренные протестантами, давно уже заклеймили не только пменемъ обманщика, но и антихриста, предоставляя потомству судить, кто насколько дѣйствовалъ обманомъ и поступалъ противно ученію Христа. Польская историографія включила и митрополита Сильвестра Косова въ число бѣглецовъ, ускользнувшихъ изъ козацкаго табора. Но Хмѣль не могъ держать Коса въ своемъ походѣ подъ надзоромъ козацкой полиціи; а что Косъ не вѣровалъ въ его *фортуны*, или гнушался его подвигами, видно изъ его письма къ Радзѣвскому. „Лишь только долетѣло до меня перо вашей милости“ (писалъ онъ), „въ тотъ же моментъ (in eodem puncto) послалъ я къ его милости папу гетману запорожскому свои отсовѣтованія отъ войны во внутренности отечества (dissuasorias od wojny in visceribus patriae) Отвѣтъ получилъ я вотъ какой“ (и прописалъ его цѣлкомъ).

Весь церковный аппаратъ, вмѣстѣ съ тремя колоколами, печатью Запорожскаго Войска и серебрянымъ портфелемъ Хмельницкаго, уцѣлѣлъ отъ расхищенія, какъ трофей панской побѣды. Въ портфель Хмельницкаго хранились: султанскій дипломъ на русское княжество, договоръ съ Ракочіемъ, войсковою ресстръ, счетъ приходамъ и расходамъ. Еслибы въ бумагахъ бѣглаго гетмана были пайдены слѣды казни гетманши, пани Чаплинской, то объ этомъ разгласилъ бы самъ король з wielką усіеца. Но вмѣсто утѣшительныхъ для пановъ и ихъ коронованнаго совѣтника находокъ, оказалась находка весьма печальная и постыдная: въ козацкой канцеляріи были открыты сеймовые *diarjushy* и спеціальныя реляціи всего, что ни дѣлалось пайсекретнѣйшаго на сеймахъ, на сенаторскихъ радахъ и даже въ ко-

ролевскихъ покояхъ. „Доблестные Поляки“ Оссолипскаго продавали разбойнику свое „свободное королевство, охраняемое“ (по словамъ знаменитаго канцлера) „стѣною любви къ отечеству и взаимнаго довѣрія“. Хмельницкій (возьму здѣсь мѣткое слово козацкаго Самовидца) „смазывалъ имъ шкуру ихъ же собственнымъ саломъ“: грабя у нихъ золото, платилъ имъ этимъ золотомъ за предательство милой ойчизны.

Подобно тому, какъ наши козакоманы издавна твердили своей публикѣ о муровавшихъ столбахъ, о мѣдныхъ быкахъ, о звѣрскомъ терзаніи, среди собравшихся въ Варшавѣ сановниковъ, нашихъ героевъ чести и вѣры вмѣстѣ съ ихъ жепами и дѣтьми, о поголовномъ истребленіи Руси за то, что она—Русь, и всю эту ложь завѣщали для обработки пылѣвшимъ ученымъ историкамъ, да гспіальнымъ бсллетристамъ,—подобно этому и въ папскихъ ополченіяхъ разжигатели международной вражды находили множество вѣрующихъ въ то, что козацкій таборъ (хотя это гораздо правдоподобнѣе) былъ полонъ полупедомученныхъ плѣнниковъ, ободранныхъ живьемъ, жаренныхъ на рожнахъ и пр. и пр. Но если въ козацкомъ таборѣ и не было такихъ мучениковъ, то по одному воспоминанію о томъ, что дѣлали козаки надъ папскими женщинами, старцами, дѣтьми и сосуцими младенцами, подогрѣтые своими проповѣдниками жолнеры имѣли теперь случай доказать, что въ безчеловѣчій не уступали они своимъ противникамъ, козакамъ. Здѣсь было много сѣдовласыхъ старцевъ и почтенныхъ матронъ, убѣжденныхъ въ святости козацкихъ дѣяній не менѣе звягельской куширрки,—много красавицъ дѣвицъ и нѣжнаго возраста дѣтей. Во имя церкви и вѣры, сатапа могъ быть угоденъ въ козацкомъ таборѣ такимъ пиромъ, какимъ чествовалъ его въ Полопномъ славный Персебійность.

Я съ удовольствіемъ отмѣчаю, что благородный, пасколько это было возможно подѣ іезуитскимъ режимомъ, Освѣтцамъ не говорятъ о пайдспныхъ въ козацкомъ таборѣ мученикахъ-Ляхахъ. Молчить онъ и о томъ, чтобы жолнеры были такъ жартовливы въ свирѣпствѣ, какъ наши козаки. Убивали безъ пощады все живое—и только. По свидѣтельству же одного изъ очевидцевъ, козацкіе плѣнники, какъ напримѣръ походный памѣтпникъ литовскаго подканцлера, Вилямовскій, вышли изъ табора живыми и здоровыми. Ободраные живьемъ и жареные на рожнахъ Ляхи нужны были только ксендзамъ, братьямъ по ремеслу такихъ ревнителѣй вѣры и церкви, какимъ былъ авторъ Львовской Лѣтописи.

Какъ быстро охватила козацкій таборъ тревога, видно изъ того, что въ немъ жолнеры нашли пылающіе огни, кобеляки, шапки, го-

рохъ въ горшкахъ, говядину въ котлахъ и недоѣденное жаркос. Малорусская поговорка: „покидай печене и варене“ могла явиться послѣ такого случая. Съ хохотомъ разсказывала торжествующая пляхта, что козаки, сидя за своимъ *сиданьемъ* полуодѣтые, бѣжали съ ложками во рту. До самой почти Поляки и полякоруссы рѣзали бѣглецовъ. Легло ихъ подѣ Берестечкомъ, по свидѣтельству папской Цемезиды, болѣе 20.000. По неожданное торжество надъ непріятелемъ отъ веселаго смѣха и радостнаго созерцаиія бойни перешло наконецъ въ горестное сознаніе напраснаго человѣкоистребленія. Никому въ папскомъ войскѣ не пришло въ голову восгнѣть Те Деумъ, какъ послѣ бѣгства Татаръ и Хмельницкаго. Сохранилось даже преданіе, что уединенный отрядъ королевской гвардіи, проѣзжая по молчаливому побѣищу при свѣтѣ мѣсяца, плакалъ.

Если въ самомъ дѣлѣ такъ было, то въ этомъ глубокочеловѣчномъ плачѣ надобно видѣть предчувствіе грядущихъ золъ, которыя были посѣяны и козаками, и папами въ моменты безразсуднаго торжества однихъ надъ другими.

Въ типичѣ ночи, подѣ краткимъ сіяніемъ полнога мѣсяца, еще на избіенія безоружныхъ людей воскресала въ полномъ ужасѣ. Сколько можно было завидѣть окомъ, валялись человѣческія тѣла, и потоки еще не застывшей крови изливались дорѣчьемъ въ Шляшовую. Въ этой крови, точно въ сатанинскомъ подражаніи водамъ Іордана, крестилась теперь папа Русь, еще не докрещенная папистами. Послѣ того, что произошло между представителями двухъ республикъ подѣ Берестечкомъ, солидарность вѣры папской съ вѣрой козацкою во имя Христа—исчезла, и даже толки Кисѣлей объ этой солидарности умолкли. Побѣда подѣ Берестечкомъ была побѣдой не только паповъ надъ козаками, но и Кадлубковъ, Длугошей, Пизоновъ, Скаргъ и прозелитовъ папства, Потѣвъ, Терлецкихъ, Кусевичей, Рутскихъ надъ „преподобными мужами Россами“, которыхъ воззванія и увѣщанія, обращенныя къ польскорусскимъ папамъ, оказались напрасными. Подобно тому, какъ мнимый протекторъ православія, Острожскій, соединивъ судьбы своего дома съ судьбами католиковъ и протестантовъ, былъ православнымъ княземъ только спаружи,—все подобныя ему православники, не попавшіе въ сѣти Лойолы, Лютера и Кальвина, давно уже только назывались послѣдователями греческой вѣры, въ духѣ же своимъ были завосваны римскою церковью, и Берестечко довершило завосваніе.

Кровавымъ днемъ 10 іюля закончилась для паповъ знаменитая кампанія, но не Козацкая война. По мнѣнію Освѣдима, причиною тому была медлительность представителей Польши. „Вмѣсто того“ (ци-

шесть оны), чтобъ ударить на встревоженнаго непріятеля съ рѣшимостью послѣ первоначальной побѣды, мы стали дѣйствовать медленно, будто на досугѣ; дозволили ему опомниться, собраться съ силами и спастись бѣгствомъ. Указывали много причинъ этой медлительности: частыя перемѣны въ рѣшеніяхъ военной рады, безпорядокъ и отсутствіе дисциплины, слишкомъ недостаточное количество пѣхоты, необходимой для приступа: ибо невозможно было дѣйствовать конницею по причинѣ валовъ, окружавшихъ таборъ, широкихъ и многочисленныхъ рововъ, защищавшихъ его внутри... Много повліяло на вялое веденіе дѣла и вѣсть о томъ, будто ханъ и Хмельницкій остановились у Вишневца: она произвела было въ нашихъ войскѣ совершенный упадокъ духа, хотя, по моему мнѣнію, въ виду этой вѣсти, слѣдовало тѣмъ съ болышею энергіей идти на приступъ, чтобы предупредить приходъ новыхъ силъ къ непріятелю: Тѣ лица, которыя, повидному, знали тайныя побужденія и намѣренія короля, утверждали, что какой-то астрологъ увѣрилъ его, будто бы числа 5, 6, 11 и 12 іюля для него несчастны, но что конецъ мѣсяца будетъ для него несомнѣнно счастливымъ... Король рѣшился обождать, пока не минуютъ означенныя дни. Между тѣмъ среди праздности, продолжавшейся 10 дней, силы наши ослабѣвали, войско стало терпѣть нужду, многіе солдаты въ ипостравныхъ и польскихъ regimentахъ умирали отъ недостатка пищи, мужество и пылъ улеглись, и среди насъ воцарился такой безпорядокъ, и чувствовался такой недостатокъ во всемъ, что хотя, повидному, мы осаждали непріятеля, по скорѣе сами чувствовали себя въ осадѣ, подобно тому, какъ сказано въ старой, но остроумной поговоркѣ: „я поймалъ Татарина, но онъ меня не пускаетъ“. Непріятель же нашъ лабирался храбрости, усиливался, возвелъ укрѣпленія и мужественно въ нихъ держался. Козаки беспокоили нашихъ постоянными вылазками днемъ и ночью, и не оставляли безъ вниманія ничего того, что могло послужить имъ въ защиту. Наконецъ, когда они побѣжали изъ табора, то успѣли спастись и ускользнуть изъ нашихъ рукъ, такъ какъ мы не позаботились загородить имъ путь за рѣчкою.

„То, что происходило въ нашемъ лагерѣ послѣ этого бѣгства и догрома козаковъ, досадно и стыдно передавать потомству: ибо опасно, чтобъ оно не вздумало подражать въ подобномъ случаѣ позорному примѣру предковъ *). Не говоря уже о многочисленныхъ упущеніяхъ, допущенныхъ послѣ битвы, происходившей въ пятницу 30 іюня,

*) Одинъ изъ участниковъ Брестечкой войны писалъ къ пріятелю кратко и ясно: „Теперь совѣщаются, что дѣлать? но попросту — у насъ неурядица“.

какъ-то: что мы не преслѣдовали разбитыхъ Татаръ; что сейчасъ же не окружили растерявшихся и встревоженныхъ козаковъ; что въ теченіе десяти дней оставались праздными, и что, наконецъ, оставили свободный проходъ для бѣгущихъ козаковъ,—теперь, послѣ побѣды, какъ тогда казалось, окончательной, было сдѣлано еще больше ошибокъ и упущеній, будто нарочно, къ величайшему стыду нашего народа...

„Король“ (продолжаетъ Освѣцимъ), „слѣдуя совѣту опытныхъ вождей, рѣшился тотчасъ двинуться за разсѣявшимися козаками, чтобы подавить окончательно непріятеля и добиться наконецъ прочнаго мира въ пользу нашей вѣры и отечества. Онъ хотѣлъ увлечь въ дальнѣйшій походъ не только регулярное войско, сильно ослабѣвшее и утомленное, но и посполитое рушеніе. Но лишь только объявилъ это чрезъ посредство сенаторовъ, какъ вся шляхта, составлявшая поголовное ополченіе, подняла вопль. Основываясь на законѣ, что посполитое рушеніе обязано защищать отечество только въ продолженіе двухъ недѣль, шляхта даже сенаторамъ угрожала саблями, и отправила къ королю рѣшеніе, что дальше идти не намѣрена... Король и сенаторы умоляли шляхту; чтобы она оставалась въ походѣ хоть еще двѣ недѣли, или, по крайней мѣрѣ, прошла къ Старому Константину для устраненія непріятеля“.

И князь Вишневецкій, и полевой коронный гетманъ, Калиновскій, теперь болѣе популярный, чѣмъ дряхлый подагрикъ Потоцкій, поддерживали короля въ его увѣщаніяхъ. Ихъ выслушали, какъ и самого короля, молча, а потомъ обвиняли его въ беззаботности, даже въ продажности и измѣнѣ. Подозрѣвали, что онъ добровольно и умышленно выпустилъ козаковъ изъ табора, что онъ взялъ съ козаковъ 800.000 злотыхъ окупа, и рассказывали множество другихъ выдумокъ, „которыя“ (пишетъ Освѣцимъ) „даже и вспоминать позорно для нашего народа“.

„Шляхту“ (говоритъ очевидецъ) „тянуло къ женамъ, хозяйству и къ пуховикамъ. Для прикрытія своей лѣни, выбирала она изъ-подъ земли аргументы“... Сенаторы, съ своей стороны, не слишкомъ усердно ее увѣщевали, потому что угощеніе „младшей братіи“, поддерживавшей старшую на выборахъ и сеймикахъ, а также содержаніе многочисленнаго двора для оказальности, стоили имъ дорого.

Наконецъ шляхта предложила королю уплатить за себя деньги въ видѣ военной субсидіи, или снарядить милицію соразмѣрно съ зажиточностью cadaго изъ нихъ. Принялось принять и эту помощь, при невозможности добиться чего-нибудь болѣе существеннаго. Но то были

только слова. Дѣло кончилось тѣмъ, что собранныя далеко неполнѣ деньги пришлось выдать въ счетъ жалованья болѣе нуждавшимся хоругвамъ регулярнаго войска.

Пока шли переговоры, многіе шляхтичи, то въ одиночку, то цѣлыми толпами, уходили изъ лагеря, и даже цѣлые повѣты бѣжали за Стырь... „Несчастливая наша Рѣчь Посполитая“ (пишетъ Освѣщамъ): „бѣзчинства многихъ цѣнятся въ ней больше, нежели благоразуміе немногихъ избранныхъ... Мы до того выродились, что не захотѣли пожертвовать двѣ недѣли времени для сохраненія того, что предки нѣкогда пріобрѣли, щедро жертвуя кровью.

„Король“ (продолжаетъ онъ) „не захотѣлъ прощаться съ дворянскими ополченіями. За ихъ позорное поведеніе имъ слѣдовало бы, по примѣру Болеслава Храбраго, послать прялки и зямчи мѣха, особенно тѣмъ, которые не были въ битвѣ и съ умысломъ опоздали приходомъ, чтобы битва произошла безъ нихъ. А между тѣмъ эти-то ополченія больше всего настаивали на томъ, чтобы вернуться скорѣе домой, и скорѣе другихъ бѣжали за Стырь, бросая позы съ провизіей и заботясь лишь о томъ, чтобы, не обжавивъ сабли, обезпечить себѣ путь къ постыдному отступленію. Знатные вельможи, особенно изъ Великой Польши, владѣющіе богатыми маестностями и бенефиціями, притомъ придворные чиновники, какъ надворный маршалъ и коронный подканцлеръ, не согласились сопровождать короля даже на разстояніи одной мили“.

Одною изъ загадокъ тогдашнихъ папскихъ и козацкихъ дѣяній остался фактъ, что ханъ предвидѣлъ сопротивленіе шляхты. 30 римскаго іюня написалъ онъ къ королю письмо, полученное 10 іюля. Ханъ извѣщалъ короля, что отступилъ исключительно потому, что, среди окруженной болотами мѣстности, у Берестечка, не имѣлъ достаточно простора, и что будетъ ждать его тамъ, гдѣ нѣтъ болотъ и тѣсовъ, а въ заключеніе прибавилъ: „Хотя Богъ даровалъ тебѣ побѣду, но мы знаемъ, что ты не пойдешь въ Украину, а только твои папята пойдутъ за нами“. Такъ хорошо была извѣстна хану шляхта, эти домашніе козаки польскіе, эти кровные родственники Хмельницкихъ и Выговскихъ, даже въ свосмъ разновѣрїи.

Тому назадъ недѣли двѣ, Янъ Казимиръ, точно въ чудесномъ силѣ, очутился на высотѣ великаго, могущественнѣйшаго и непобѣдимѣйшаго монарха. Ханъ передъ нимъ бѣжитъ. Хмельницкій передъ нимъ бѣжитъ. Сперва 100.000 Татаръ, а наконецъ и 200.000 козаковъ разбѣгаются передъ нимъ въ ужасѣ, бросая все для нихъ дорогое и святое. Но повелѣнія великаго монарха не исполняются; Шляхетскій

Народъ непобѣдимому побѣдителю не повинуется, и даже придворные сановники поворачиваютъ отъ него восвояси. Не могъ, однакожь, Ягъ Казимиръ спуститься въ одинъ день съ высоты своего величія. По словамъ Освѣцима, онъ „предначерталъ собѣ путь въ Украину, съ намѣреніемъ преслѣдовать непріятели до самыхъ его кочевій, и тамъ его истребить“. Онъ выступилъ 14 іюля въ походъ, по словамъ, очевидно произносящаго его Освѣцима, „съ непоколебимою твердостью“, въ сопровожденіи только наемнаго войска, польскаго и иностраннаго, и остановился на почлестъ въ полумилѣ отъ Козина, въ имѣніи пана Фирля. „Здѣсь онъ увидѣлъ“ (пишетъ Освѣцимъ), „что количество его войска уменьшилось въ поражающихъ размѣрахъ“: ибо вмѣстѣ съ посполитымъ рушеніемъ ушли все добровольцы, панскія хоругви, надворныя хоругви воеводъ и другихъ сенаторовъ и при нихъ множество товарищей, челяди и пѣхоты, даже изъ наемнаго войска, подъ тѣмъ предлогомъ, что они намѣрены поступить въ ряды предполагававшихся новыхъ милицій“ (и полководецъ узналъ обо всемъ этомъ только въ походѣ). „Притомъ“ (продолжаетъ Освѣцимъ) „и оставшіяся наемныя хоругви представляли печальное зрѣлище: онѣ имѣли видъ нищенскій. Пѣхота, блиставшая прежде серебряными украшеніями мундировъ, теперь была оборвана; regimenty весьма малочисленны, и Нѣмцы безнаказанно бѣжали изъ нихъ, какъ будто война была уже совершенно кончена“.

Тѣмъ не менѣе великій монархъ, упорный тамъ, гдѣ упорство похоже на дѣтскій капризъ, „продолжалъ предначертанный путь съ намѣреніемъ преслѣдовать врага до самыхъ его кочевій, и тамъ его истребить“. Эти слова панскаго Самовидца, вѣроятно, принадлежали самому королю. „Но, сообразивъ“ (продолжаетъ Освѣцимъ съ прощеской серьезностью), „что, при такой малочисленности своего войска, если онъ отправится лично въ непріятельскую область, то подвергается великой опасности и себя, и всю Рѣчь Посполитую, созвалъ раду для обсужденія, не будетъ ли полезнѣе отправить гетмановъ съ войскомъ въ Украину, самому же вернуться для того, чтобы руководить доставкою новыхъ средствъ для продолженія кампаніи. Тщательно взвѣшены были все побужденія, клонившіяся въ ту и другую сторону; наконецъ, въ воскресенье, ставъ лагеремъ у Орли, въ полуторѣ миляхъ отъ Кременца и въ милѣ отъ передоваго отряда, — съ которымъ шелъ Калиновскій, — король объявилъ, что возвратится со своимъ дворомъ. Многие офицеры протестовали весьма грубо противъ этого рѣшенія, особенно же князь Вишневецкій, требовавшій, чтобы король непременно отправился въ дальнѣйшій походъ съ войскомъ. Изъ при-

дворныхъ сановниковъ къ этому же мѣнѣнію склонялся капцлеръ. Но король заставилъ ихъ замолчать, напоминая Вишисвецкому, что самъ онъ не захотѣлъ отірваться въ тылъ козацкаго табора иначе, какъ въ сопровожденіи 15.000 войска, теперь же требуетъ, чтобы король съ половиною этого количества отірвался въ далекій походъ*).

„Іюля 17“ (продолжасть Освѣцимъ) „король, передъ выѣздомъ, пожелалъ произвести генеральный смотръ войску, и съ этой цѣлью отірвался въ Кременецъ. Но такъ какъ случились въ это время проливные дожди, то онъ отмѣнилъ смотръ, и во вторникъ уѣхалъ въ одномъ только экипажѣ, даже не попрощавшись съ тѣми полками, которые находились въ передней стражѣ. Во время его путешествія, постоянно шелъ проливной дождь. Приходилось ѣхать по грязи, оставивши все везы и подвергаясь всякимъ неудобствамъ. Королю этотъ путь опротивѣлъ въ десять разъ больше, чѣмъ пребываніе въ лагерѣ...

„Іюля 21 король прибылъ во Львовъ. Онъ явился incognito, и до почти остановился въ одномъ частномъ саду. Затѣмъ ночь провести въ забавахъ и развлеченіяхъ, вмѣсто того, чтобы начать съ благодарственнаго молебствія Господу за ниспосланный по его милости неожиданный успѣхъ кампаніи“.

Подъ перомъ придворнаго и ромлиста, въ этихъ словахъ таилась смыслъ, объясняемый слѣдующими за ними словами: „Во Львовѣ король остановился недѣли на двѣ, потому что заболѣлъ вслѣдствіе неудобствъ лагерной жизни. Затѣмъ, излѣчившись, онъ уѣхалъ въ Варшаву“.

Въ отчаяніи отъ королевскихъ порядковъ, Освѣцимъ обо всей выигранной кампаніи написалъ слѣдующее сдержанно высказанное мнѣніе: „...подлинно можно сказать, что самъ Господь за насъ воюетъ: ибо мы сами ничего не дѣлаемъ такъ, какъ слѣдуетъ, хотя наши жолнеры и доблестно сражались въ теченіе трехъ дней“.

Если изъ позорной транзакціи подъ Зборовымъ придворные Яна Казимира сдѣлали такую пышную манифестацію въ Европѣ, то бѣгство хана и Хмельницкаго представило имъ возможность объявить своего короля вторымъ Казимиромъ Великимъ. Появились его портреты съ хвалебными надписями въ прозѣ и въ стихахъ. Французы не умѣли даже назвать побѣжденнаго польскимъ королемъ Кромвеля: онъ былъ у нихъ Smilinski, но трубили въ католическую трубу изъ всей

* У короля было не 7¹/₂ тысячъ, а все таки тысячъ 30, но Янъ Казимиръ могъ сказать именно такъ, какъ написалъ Освѣцимъ.

силы. Было выгодно и нужно темнымъ личностямъ выставять героемъ безпутнаго разстрѣгу іезуита, какъ выгодно было и нашимъ жалкимъ православникамъ трубить по всему свѣту про доблести мизернаго эгоиста и предателя, князя Константина—Василія Острожскаго и другихъ подобныхъ ему низменныхъ созданій своего вѣка и общества. Наконецъ Янъ Казимиръ, подъ перомъ доктора Кубали, явился въ польской исторіографіи съ сѣстственною своею фізіономіей, тогда какъ наши убогіе собиратели чужихъ сужденій и вѣстей все еще славословятъ князя Василія, какъ „даровитѣйшаго и совершеннѣйшаго во всѣхъ отношеніяхъ человекъ“*), а вслѣдъ за нимъ восхваляютъ и другихъ пегодяевъ, еще болѣе постыдныхъ для малорусской народности. Впрочемъ и тогда въ польскорусскомъ обществѣ было не безъ добросовѣстныхъ людей. Въ то время, когда въ Римѣ, Парижѣ и Вѣнѣ торжественно благодарили Бога за пощраіе врага и супостата католичества, въ Польшѣ, наряду съ похвалами Берестечской Викторіи, читались повсемѣстно пасквили. Въ одномъ изъ нихъ сказано прямо, что услугу фортуны подъ Берестечкомъ уничтожила панская факція, а она-то и группировалась вокругъ Яна Казимира.

Въ тотъ опасный и поучительный для гражданскихъ обществъ моментъ, когда трегье сословіе Польскаго государства разъединилось со вторымъ и оба оші съ первымъ, Хмельничина вызвала разъединеніе между шляхтой и тѣмъ народомъ, который не имѣлъ у нея словесныхъ правъ,—вызвала не только въ воеводствахъ, обнятыхъ козацкимъ бытомъ, но и въ католической Польшѣ. Бунтуя всю чернь, которой не было дѣла до козацкаго девиза *за віру*, Хмельницкій звалъ Ракочія въ Краковъ, чтобъ онъ вмѣстѣ съ бунтовщиками подавилъ доматорствующую шляхту въ то время, какъ самъ онъ расправлялся со шляхтою воинствующею.

По есламъ, по шляхетскимъ дворамъ и по городамъ появилось множество чужихъ, никому неизвѣстныхъ поиромаскъ, съ виду здоровыхъ, сильныхъ и наглыхъ. Въ народѣ стали расходиться страшныя вѣсти, неправдоподобныя, но тѣмъ не менѣе повторяемыя: будто бы шляхта выступастъ на рѣконшъ противъ короля; будто бы она замышляеть вырѣзать хлопозъ; будто бы козаки идуть на помощь королю.. Шляхта, конечно, видѣла въ этомъ хлопскую глупость, какъ нынѣ мы видимъ ее въ возобновляющихся среди нашей сельской черни слухахъ о раздачѣ мужикамъ панской земли; однакожъ, предсказываемые въ разныхъ мѣстахъ пожары и угрозы беспокоили ее, и въ такомъ

*) „Кіевская Старина“, 1883, ноябрь, 524, отъ редакціи.

тревожномъ пастроевіи духа двинулись посполитаки противъ Хмельницкаго. Изъ донесеній, полученныхъ королемъ подъ Сокалсмт, они съ ужасомъ видѣли, что рутина козацкихъ бунтовъ, опустошавшихъ Волинь, Бѣлоруссію и Украину въ теченіе полустолѣтія, не чужда и пароду пс-Русскому, пс-схизматическому. Мужичкое движеніе сзади посполитаго рушевія шляхты, въ случаѣ несчастія на боевомъ полѣ, предвѣщало Польшѣ господство кочевниковъ на обѣихъ сторонахъ Вислы. 350.000 хмельничанъ, въ соединеніи со 100.000 отборной Орды, готовы были двинуться въ самую средину объятаго пожарами шляхетчины. Опасность была такъ велика, что, по выраженію польскаго историка, „только незнаніе всей ея громадности могло поддержать въ сердцахъ надежду; только слѣпая судьба могла дать Полякамъ побѣду“.

По замыслу взбунтовать противъ землевладѣльцевъ чернь отъ Тесмина до Одера, отъ Карпатскихъ горъ до Балтики, Хмельницкій принадлежитъ къ такимъ кровавымъ геніямъ, какъ Аттила, Чингисъ и Тамерланъ. Недоставало только исполниться этому геніальному замыслу для уметвеннаго наслажденія людей, возводящихъ козачину въ апогеозъ челоѳической славы. Закулиснымъ движеніемъ польскихъ мужиковъ управлялъ у Хмельницкаго полковникъ Стасенко съ помощію двухъ тысячъ агентовъ. Состоя при канцеляріи козацкаго гетмана, этотъ почтенный дѣятель руины разсылалъ ихъ во все стороны по указанію козака Тамерлана. Пожары и грабежи, подобныя украинскимъ, волиньскимъ, бѣлорусскимъ, должны были начаться по выступленіи посполитаковъ, а повсемѣстная рѣзня отложена *до слѣдующаго чѣсу*: выраженіе, не позабытое и въ наше время малорусскою чернью.

Такъ какъ Хмельницкому не удалось въ этомъ предпріятіи пожать Геростратовскіе лавры, то не буду вдаваться въ подробности. Скажу только, что въ возмущеніи католической и православной черни на западѣ Королевской Земли участвовали и наши пошы. Въ Великой Польшѣ отличался предательскимъ рвеніемъ какой-то Гривовскій: имя, напоминающее одного изъ возмутителей въ Павлюковщину. Но всего больше встревожилось королевское правительство извѣстіемъ объ Александрѣ Лсонѣ изъ Штернберка Косткѣ, иначе Палѣрскомѣ, который поддѣльными королевскими листами вербовалъ въ Силезіи иностранныхъ жолнеровъ и бунтовалъ чернь въ Краковскомъ восводствѣ,—подъ видомъ услуги королю, овладѣлъ пограничнымъ замкомъ Чоритыпомъ *),

*) Переименованное по польскому произношенію Schorstein (дымовая труба).

и готовился къ широкому бунту. Несмотря на предстоящую подъ Берестечкомъ битву, отправили противъ него значительный отрядъ: ибо со стороны Чорнотына надобно было ждать вторженія Ракочія.

Въ этомъ отрядѣ участвовалъ и польскій Самовидецъ. По его разсказу, Костка-Папѣрскій, подобно Хмельницкому, старался приобрести популяриность въ темной массѣ заботами о неприкосновенности святинищъ, и охранялъ ихъ своими универсалами, въ родѣ слѣдующаго:

„Я, нижеподписанный, поручаю и сурово повелѣваю жолнерамъ, находящимся подъ моею властью, чтобы они сохранили въ цѣлости и неприкосновенности монастырь Тыпецъ и принадлежащія ему села, подъ опасеніемъ смертной казни всякому не повиновющемуся сему военному выданному для охраны монастыря повелѣнію, которое скрѣпляю моею подписью и печатью. Данъ въ Тыпецѣ 8 мая 1651 года. Александръ Левъ изъ Штернберка“.

Въ настоящее время козакоманы присоединяютъ уже и Шпака, и Гопту съ Желѣзнякомъ къ героямъ Малорусскаго Народа, разумѣямаго ими по-козацки. Соглашаясь, что это были герои одного и того же пошиба, пачиная съ Грѣшковича и Косинскаго, впошу въ пантеонъ ихъ чествованія Костку-Папѣрскаго, котораго бунтъ захватывалъ и русскую чернь въ Польнѣ, не возбуждающую самимъ Хмельницкимъ. Притомъ же онъ является послѣдователемъ нашего Паливайка по части повлеченія въ разбой мѣщанъ. Подобно тому, какъ царь Паливай сдѣлалъ своимъ наперсникомъ брацлавскаго войта Романа Тиковича, Костка-Папѣрскій сдружился съ Стапиславомъ Лептовскимъ, маршаломъ солтысовъ, или свободныхъ землевладѣльцевъ-пенляхтичей, обязанныхъ только военною службою въ пользу государства. Сохраненное намъ Освѣщникомъ писъмо къ нему Костки сдѣлало бы честь и самому Хмельницкому:

„Милостивый папе Лептовскій, мой милостивый папъ и другъ! Слыша о вашихъ великихъ рыцарскихъ доблестяхъ“ (Лептовскій былъ извѣстенъ разбойни), „я только восхваляю ихъ и благодарю Бога. При семъ униженно прошу, чтобы вы съ вашимъ полкомъ приходили какъ можно скорѣе, въ возможно большемъ количествѣ людей, внушая имъ, чтобы припомнили себѣ всѣ кривды отъ своихъ паповъ, какъ убогій народъ угнетенъ и обремененъ, и что теперь представляется имъ прекрасный случай. Пускай же имъ пользуются: ибо, если теперь пропустятъ его и не освободятся отъ бремени, то останутся вѣчными невольниками у своихъ паповъ. Итакъ приходите поскорѣе сами и другимъ, кому сочтете нужнымъ, давайте знать. Только папа Здановскаго, чтобы оставили въ покоѣ, всю же другую шляхту пускай берутъ

и дѣлають съ сею, что хотять. Вотъ какой пускай будетъ знакъ, когда пойдете съ полкомъ своимъ: сосновый вѣнокъ, на шесть; по немъ опознаемъ. Не забудьте, чтобъ одни брали съ собой топоры, а другіе—заступы. Пойдемъ всѣ подъ Краковъ и дальше по всей Польшѣ, если будетъ (общая) воля. Мы договорились хорошо съ Хмельницкимъ и съ Татарами, и нѣмецкое войско придетъ на помощь. Благоволите же извѣстить прочіихъ, а сами прибывайте. Остальное разскажетъ вамъ изустно податель этого письма. Ожидая васъ нетерпѣливо, остаюсь вашей милости братомъ и слугою—Александръ Левъ изъ Чорштына. 18 іюня 1651 года. Всей братіи нашей, припявшей нашу сторону, блю челомъ. Слѣдуетъ вручить поспѣшно моему любезному другу, папу Стапиславу Лентовскому, маршалу братіи нашей“.

Разница между Косткой и Хмельницкимъ только въ томъ, что одинъ попалъ, а другой не попалъ на колъ. Разница между Косолапомъ, Разнымъ, Пугачевымъ и Хмельницкимъ только въ томъ, что тѣхъ поймали небольшою сравнительно облавою, а на украинскаго змѣя горыпча, разбойнаго чуда-юду не хватало облавы ни у короля польскаго, ни у царя московскаго, ни даже у султана турецкаго. Поэтому каждый изъ троицъ potentатовъ поровиль схватить его за козацкую чуприну и нагнуть къ подножію ногъ своихъ. Здѣсь пужпа была уже не сила, а споровка, и спаровки оказалось достаточно у послѣдника собирателей Русской Земли. Еслибы всѣмъ названнымъ разбойникамъ удалось, какъ Хмельницкому, злодѣйствовать безнаказанно, карта Европы въ настоящее время была бы совсѣмъ иная, и человечество опоздало бы многимъ столѣтіями въ развитіи человечности. По слѣдуетъ помнить, что каждый изъ прославленныхъ и каждый изъ заклеименныхъ позоромъ злодѣевъ былъ продуктомъ своего общества, и что каждый изъ нихъ былъ грозящимъ пальцемъ Судьбы для того гражданскаго общества, которое дало злодѣю славу, или бесславіе. Съ этой точки зрѣнія краковскій Хмельницкій заслуживаетъ такого же вниманія, какъ и чигирискій.

Костка-Напѣрскій былъ побочный сынъ Владислава IV, и назывался Симопомъ Бзовскимъ. Младенцемъ былъ онъ отданъ на воспитаніе въ богатый домъ пановъ Костковъ, весьма уважасмый за свою древность и за родство съ патропомъ Польши, Св. Стапиславомъ. Въ послѣдствіи взяли ребенка къ фрауциммеру королевы Репаты. Тамъ онъ росъ, и получилъ воспитаніе при королевскомъ дворѣ. Не достигнувъ еще 20-лѣтняго возраста, говорилъ онъ на нѣсколькихъ языкахъ, легко писалъ стихи и показалъ себя хорошимъ офицеромъ.

Весьма быть можетъ, что Хмельницкій, бывая въ Варшавѣ, познакомился лично съ побочнымъ королевичемъ.

По смерти короля Владислава, Костка пребывалъ не извѣстно гдѣ, можетъ быть, и среди козаковъ, а можетъ быть—при дворѣ Ракочія, но въ 1651 году появился въ окрестностяхъ Кракова, въ видѣ бунтовщика черпи, съ намѣреніемъ запятъ горные проходы для Ракочія и овладѣть Краковомъ.

Сперва онъ, подъ именемъ Костки изъ Штернберка, проживалъ въ панскихъ домахъ, изучалъ города и дѣлалъ знакомства. Часто гостилъ въ Краковѣ, и вездѣ казался челоѣкомъ знатнаго происхожденія. Роста былъ небольшого, щуплый. Черный усъ едва пробился у него. Посилъ остроконечную бородку. Длинные курчавые волосы были пристрижены у него пошведски. Одѣвался онъ также пошведски въ черный цѣпъ. Обладалъ необыкновенной способностью сблизиться со всякаго рода людьми, причеиъ держалъ себя, что называлось въ Польшѣ — великимъ паномъ, „который никогда не имѣлъ надобности показывать себя гордыиъ и не былъ никогда смиреннымъ“.

Въ апрѣлѣ 1651 года явился онъ въ городѣ Новомъ Таргѣ, лежащемъ въ центрѣ Краковского Подгорья, въ роли королевскаго полковника, имѣющаго повелѣніе вербовать войско на оборону границъ отъ Ракочія по выступленіи въ походъ посполитаковъ. Съ этой вербовки и началась его работа. Онъ вошелъ въ разбойныя связи съ карпатскими горами, которые относились къ жителямъ сосѣднихъ городовъ почти такъ, какъ запорожцы къ городской Украинѣ. Во времена оны эти горцы воевали вмѣстѣ съ нашими козаками противъ Турокъ и Москвы. Они въ своихъ горахъ привыкли къ такому молодчеству, какимъ козаки отличались на Запорожьѣ. Панскія хозяйства они неспавидѣли по подобнымъ же причинамъ, и часто имѣли съ ними столкновения. Двоихъ предводителей горскихъ шаекъ, которыхъ уже вели въ Новомъ Таргѣ на казнь, Костка освободилъ, подѣ предложемъ вербовки въ королевскія дружины, и посредствомъ такого *военнаго экзапта* сдѣлалъ ихъ атаманами своихъ повобранцевъ разбойниковъ.

Въ то же самое время познакомился онъ съ намѣстникомъ повотаргскаго старосты, паномъ Здановскимъ, который уже тридцать лѣтъ сидѣлъ на своей должности и, будучи челоѣкомъ спокойнымъ, сдѣлался образцомъ старопольской захолустной жизни. Старикъ подстаростій полюбилъ блестящаго и угодливаго полковника, какъ сына, вѣрилъ ему простодушно во всеиъ, и своимъ патріархальнымъ авто-

ритетомъ способствовалъ тому, что всѣ кругомъ смотрѣли на молодаго авантюриста его глазами.

Въ самозванствѣ своемъ Костка открылся только одному человеку. Это былъ учитель одной изъ солтысскихъ школъ, Мартинъ Радоцкій, титулуемый изъ учтивости ректоромъ. Радоцкій лѣтъ сорокъ учительствовалъ въ селѣ Ицимѣ Мышеницкой волости, и былъ горячимъ приверженцемъ секты анабаптистовъ, которой остатки сохранились въ краковоподгорской глуши. Онъ всею душою жаждалъ водворенія въ народахъ мира о Христѣ Иисусѣ, а миръ этотъ, по его воззрѣнію, могъ быть достигнутъ лишь полною свободою труждающихся и обремененныхъ, которая бы дала имъ возможность прійти ко Христу для евангельскаго упокоенія. Панская же власть и крѣпостная отъ нея зависимость были препятствіями къ тому, чтобы послѣдовать гласу Спасителя: „Приидите ко мнѣ вси труждающіеся и обремененніи, и азъ упокою вы“... Въ сущности своей, идеаль школьнаго ректора былъ анабаптическимъ воспроизведеніемъ грубаго идеала козацкаго: „коли бѣ хлѣбъ да одѣже, то й итѣ бы козаць лѣжа“. Освѣщымъ называсть Радоцкаго „постояннымъ бунтовщикомъ простонародья противъ всѣхъ краковскихъ кастелянцовъ“, безъ сомнѣнія, въ смыслѣ распространенія мысли о *пановань* черпи, къ которому панскіе завыстинки, козаки, стремились посредствомъ набѣговъ, поджоговъ и убійствъ *). Костка подѣхалъ къ ректору съ этой стороны, и фанатикъ мечтательнаго блаженства труждающихся и обремененныхъ согласился съ нимъ въ іезуитскомъ правилѣ—„цѣль оправдывасть средства“. Будучи искуснымъ каллиграфомъ, Мартинъ Радоцкій скопировалъ приповѣдный листъ короля, выданный годъ назадъ какому-то Напѣрскому, вставилъ въ него имя полковника Александра Льва изъ Штериберка Костки Напѣрскаго и поддѣлалъ съ того же оригинала печать. Съ этимъ документомъ въ карманѣ, Костка выступилъ открыто среди мѣстной шляхты, и сталъ вербовать повобращевъ по всему воеводству, а черезъ своихъ агентовъ—и за-границею, въ Силезію.

Когда такимъ образомъ все было подготовлено къ бунту, Радоцкій и Лендовскій разослали отъ себя къ меньшимъ солтысствамъ и по окрестнымъ селамъ письма, взывавшія къ пароду, чтобъ онъ соединялся подъ предводительствомъ Костки прогнать Жидовъ и шляхты „во имя Христа, котораго Жиды замучили, и найяснѣйшаго короля,

*) „Когда земля, по истребленіи всѣхъ Ляховъ, *счистится*“ (говорили козакн) „тоді вже мы будемо *панувати*“.

противъ котораго шляхта замышляетъ бунтъ“. Сообщникамъ разбой обѣщали освобожденіе отъ чиншей, надѣлы шляхетскими полями и лѣсами, козацкую помощь, и велѣли имъ убирать свои хаты зелеными вѣтками, чтобы проходящія войска не жгли ихъ и не грабили. Все кругомъ начало быстро покрываться зеленью.

Между тѣмъ Костка занялъ во имя короля Чорштынъ, и самъ послалъ въ Краковъ дописаніе, что сдѣлалъ это въ предотвращеніе возможнаго посягательства на него со стороны Венгровъ. Зѣмокъ этотъ лежитъ подъ Дунайцемъ, на скалистой горѣ. Онъ замыкалъ тогда дорогу изъ Венгріи въ Краковъ. Староста чорштынскій, молодой Платтенбергъ, королевскій покоѣвый, отправился съ королемъ въ походъ, и противозаконно оставилъ столь важный стратегическій пунктъ безъ гарнизона. Въ пограничной крѣпости Польши, выставленной на первое нападеніе страшнаго уже тогда Ракочія, жило только нѣсколько Жидовъ, арендовавшихъ старостинскія имѣнія.

Въ Краковѣ, между тѣмъ, получились отовсюду дописанія, что народъ по сламъ танцевенно *отчуетъ* и необычно убирать зеленью хаты. Краковскій бискупъ, Гембицкій, смекувъ дѣломъ, послалъ къ Чорштыну небольшой отрядъ конницы, подъ начальствомъ добчискаго старосты, Гордола. Но Костка отразилъ нападенія, и описалъ свой подвигъ пріятелю своему, Здановскому, въ стихахъ. Онъ изобразилъ себя львомъ, который залегъ на скалахъ, доступныхъ только для орлицы. „Съ кѣмъ Господь Богъ“ (писалъ онъ), „противъ того трудно воевать“, и окончилъ указаніемъ на папское корыстолюбіе и надменность, какъ на причину бѣдствія Польши:

„O nieszczęsne łakomstwo! o przeklęta psycho!
Któraś w Polskę—ach! ach! ach! wprowadziła lichę“ *).

Въ универсалѣ своемъ, сохранившемся вполнѣ, молодой сподвижникъ стараго Хмеля объявляетъ мужикамъ, что шляхта задумала поднять рѣкошъ противъ короля, обѣщавъ всѣмъ всяческія вольности, дарилъ своимъ соратникамъ шляхетскіе дворы и все, что въ нихъ находится, и совѣтовалъ не вѣрить королевскимъ универсаламъ, съ какими бы подписями и печатами они ни были: ибо король долженъ былъ выдавать по принужденію шляхты.

Ректоръ-анабаптистъ Радоцкій сдѣлался, можно сказать, кратеромъ бунта. Отъ 20 іюня писалъ онъ къ своему соумышленнику:

*) „O несчастная жадность! о проклятая надменность! Она ввела въ Польшу—ахъ! ахъ! ахъ!--бѣду.“

„Великомилостивый ко мнѣ панъ Леоиъ, etc. По полученіи такого извѣстія черезъ это ваше писаніе, буду со всякимъ стараніемъ и поспѣшностью объявлять о немъ посольству вмѣстѣ съ вѣрными приверженцами Христовой правды, преданными также его милости найяснѣйшему пану Яну Казимиру, милостію Божією королю польскому. Поспѣшите же слова обослать посольство въ своихъ краяхъ вашимъ писаніемъ, которому дадутъ иную вѣру, и потому охотиѣ будутъ соединяться. Ибо прежде сего многіе изъ нихъ говорили, что еслибы слышали дозволеніе, или голосъ его милости короля, тогда бы даже сами, наступая на шляхетскіе дворы, уничтожали ихъ, дабы не пановала на землѣ гордость и высокоуміе съ тиранскою злостью. Затѣмъ униженно отдаюсь милости вашей. Въ Цимѣ, die 20 Junii 1651. W. R. rector scholae pсіimensis. Слѣдуетъ вручить моему пану, господину Льву, вѣрному подданному его королевской милости“.

Согласно этому письму, Костка прислалъ Радоцкому слѣдующій универсалъ:

„Миръ Христовъ! Всѣмъ вообще и каждому въ особенности поданнымъ его королевской милости, нашего милостиваго пана, желаю, при добромъ здоровьѣ, отъ Всевышняго Господа Бога свободы и вольности, объявляя сперва волю Божію, а также и его милости короля, что шляхта хочетъ поднять рѣкошъ противъ его милости короля, милостиваго нашего пана, и потому, кто приверженъ къ его королевской милости, пускай ютится подъ мои крылья, подъ Чорштынъ, при нацѣ ректорѣ цимскомъ, который, яко вѣрный подданный его королевской милости, приведетъ васъ ко мнѣ и будетъ вами региментовать, давая во всемъ наставленія. При этомъ его королевская милость, милостивый нашъ панъ, обѣщаетъ всѣ вольности всѣмъ тѣмъ, которые теперь будутъ при мнѣ стоять, и дворы шляхетскіе, и что въ нихъ, все будетъ ваше, и потому-то сами старайтесь выбиться изъ этой тяжкой неволи, дорожа пышнымъ временемъ. Вмѣсто того, чтобъ они обратили васъ въ ничто до остатка, лучше вы ихъ обратите. Довольно уже намучили васъ эти панки, что уже голосъ вашъ, плачущихся на нихъ, взываетъ къ Богу. А потому, отписывая уже другой разъ его милости пану ректору, выдаю этотъ универсалъ, предостерегая и въ томъ, чтобы вы, какъ это мнѣ повелѣно отъ его милости короля, не давали вѣры никакимъ универсаламъ, хотя бы и съ печатью и съ подписью его королевской милости: ибо онъ принужденъ ихъ выдавать, боясь шляхты. Но мы дѣлаемъ, что должны дѣлать, какъ возможно скорѣе, а на Св. Яна пойдѣмъ подъ Краковъ. Уже я разослалъ всюду универсалы къ мужикамъ, которые охотно

являются, а въ новотаргскомъ панствѣ всѣ, а панъ Станиславъ, маршалокъ, будетъ ихъ полковникомъ. Только прошу, чтобъ идучи черезъ Новый Таргъ, не трогали его милость наша Здановскаго и тѣхъ всѣхъ, гдѣ увидите на шестахъ вѣнки. Прошу также, чтобъ костеламъ всегда была оборона: ибо мы будемъ воевать изъ-за Бога и кривды людской, изъ-за неповиновенія королю его милости. Дашъ въ Чорштынѣ 22 іюня 1651. Добраго здоровья вамъ желаютъ Александръ изъ Штериберка Костка, староста Чорштынской“.

Польскій двойникъ Хмельницкаго, въ случаѣ успѣха, доконалъ бы шляхетскую республику, и на широкомъ пространствѣ между двухъ морей были бы поруганы преданія о дѣятельности культурниковъ республиками или ордами антикультурными. По шляхта и мѣщане въ время вооружились, и Костка былъ выданъ собственнымъ гарнизономъ. У него нашли универсалы Хмельницкаго, возбуждающіе чернь къ овладѣнію Краковомъ и къ истребленію шляхетскаго сословія. Наливайкова мысль, какъ видимъ, переходила въ Польшѣ изъ поколѣнія въ поколѣніе: она пришлась по душѣ темной, злобной и лѣнливой массѣ, на которой выѣхала Хмельничина.

Съ субъективной точки зрѣнія малорусскихъ лѣтописцевъ и историковъ, польская шляхта должна была бы растерзать своего предателя, какъ терзала въ Варшавѣ измышленнаго ими Острияцу. Въмѣсто того, враги затѣянной Косткою въ Польшѣ козачины относились къ нему безъ всякой суровости, и только сожалѣли о его безумствѣ. Слѣдуетъ помнить, что столь же мягко отнеслись они и къ выданному имъ козаками Наливайку. Съ своей стороны и польскій Хмѣль до конца сохранялъ ясность и присутствіе духа, точно какъ будто считалъ свой замыселъ великодушною попыткою къ спасенію отечества отъ его безпутства. Даже когда его везли привязаннаго къ телѣгѣ черезъ Краковъ, онъ весело поглядывалъ на толпившійся народъ, и такъ какъ всѣ фанатики принадлежать къ идеалистамъ, а идеалистамъ свойственны и въ отчаяннн, какъ въ успѣхѣ, самыя крайнія грезы, то—кто знаетъ? можетъ быть, ему въ толпѣ труждающихся и обремененныхъ видѣлись будущіе мстители хмельничане за погубленную славу его отца, величайшаго по замысламъ изъ всѣхъ монарховъ, особенно въ глазахъ сына...

Государственная Оемида взяла съ несчастнаго Костки полную дань: его пытали самыми жестокими средствами. Но онъ былъ цѣмъ, когда его допрашивали о сообщникахъ; все же, чтò составляло его собственные преступленія, высказывалъ онъ даже въ преувеличенномъ видѣ. Здѣсь проявился въ немъ побочный королевичъ, сынъ Влади-

слава. 11 іюля посадили Костку на колы, что король могъ бы замѣпить иною казнью, но оны былъ—Япы Казимиры. Костка принялъ страшную казнь спокойно.

По поводу этого событія, папы засвидѣтельствовали передъ нами, что Оссолініскіе да Япы Казимиры были между ними вырожденки.

„Не поправилась Полякамъ эта казнь“ (говорить современный нашъ историкъ). „Молодость Костки, уваженіе къ покойному королю, отвращеніе къ Япу Казимиру, все соединилось для того, чтобы преступленіе бунтовщика съ каждымъ днемъ уменьшалось и уменьшалось. Шляхта Краковскаго воеводства (въ инструкціи посламъ на варшавскій сеймъ) назвала своего разбойника легкимъ чловѣкомъ. Въ Гаршавѣ вообще думали, что надобно было пользоваться побѣдою подъ Берестечкомъ и, вмѣсто Костки, казнить Хмельницкаго; а Коховскій отпустилъ королю весьма прозрачный сарказмъ въ слѣдующемъ дусташіи:

„Nie wiem, co to za nowy kucharz się pojawił: .
Miasto pieczeni, Kostkę nam na rożen wprawił“ *).

При этомъ упоминается Петръ Могила, угрожавшій такимъ роженемъ родному брату Іова Борцакаго...

Зато шляхта, вернувшаяся изъ-подъ Берестечка, была вѣ себя отъ того, что ей готовили хлопны. Всюду начались розыски и суды, а въ Краковскомъ воедствѣ цѣлыя села бѣжали въ горы, жили разбосемъ, а не то—перебирались на венгерскую сторону Карпатъ. „Въ глазахъ польской шляхты“ (шестъ польскій историкъ) „хлопское движеніе заслуживало большой кары, нежели козацкій бунтъ, потому что оно было неожиданнымъ, производилось обманомъ, мѣтило въ безоборонныя семейства и означеновало себя измѣною, вопіющею о мщєніи“.

Въ связи съ хорошимъ дѣломъ Козацкаго Батька въ Краковцѣнѣ, шесть русскихъ шляхтичей православнаго исповѣданія работали по его же внушенію въ Познани и въ Великой Польшѣ. Они сперва прикинулись бѣглецами отъ козацкаго террора, но въ самый разгаръ войны составили изъ мѣстныхъ крестьянъ гайдамацкую шайку, которая начала возмущать народъ обыкновенными козацкими способами—соблазномъ и запугиваньемъ. Тогда князь Чорторыйскій, съ пятью сотнями всадниковъ, разогналъ и казнилъ четверыхъ поборниковъ православія; два остальныхъ бѣжали къ Хмельницкому, а разсѣшійся

*) „Не знаю, что это за новый поваръ явился: вмѣсто жаряго, кости воткнулъ намъ на роженъ“.

вслѣдъ затѣмъ слухъ о бѣгствѣ козаковъ изъ-подъ Берестечка окончательно успокоилъ землевладѣльцевъ на счетъ малорусскихъ возмутителей Польши.

Если пастъ, наслаждающихся внутреннимъ и виѣшнимъ спокойствіемъ, воображеніе терзаетъ картинами прошлаго и черезъ два съ половиною столѣтія,—терзаетъ, можно сказать, вчужѣ, то каково было на сердцѣ у тѣхъ, которые принесли столько великихъ жертвъ и потомъ, и кровью для превращенія пустошей въ цвѣтуція колоніи, и теперь видѣли „мерзость запустѣнія“ на святыхъ для нихъ по памяти было мѣстахъ! Освѣщимъ, по возвращеніи изъ экспедиціи противъ Костки, бросилъ на эти мѣста свой поэтически грустный взглядъ, томительный и для польскаго, и для русскаго чувства.

„Августа 21“ (нишеть опъ) „пріѣхаль я въ свое имѣніе Закоморье, которое сильно опустошили и непріатели, и наши собственные жолперы. Я прожилъ здѣсь нѣсколько дней. Въ это время ѣздилъ я въ Берестечко, для того чтобы осмотрѣть мѣстность, прославленную столь важными битвами и побѣдою. Я видѣлъ непріательскіе окопы, весьма крѣпкіе, какъ по мѣстоположенію, такъ и по произведеннымъ фортификаціямъ. Затѣмъ посѣтилъ я Броды, резиденцію покойнаго великаго гетмана, Копецпольскаго. Городъ сожженъ до основанія; остался только замокъ, укрѣпленный на подобіе голландскихъ крѣпостей и превосходящій всѣ другіе замки роскошью украшеній. Въ минувшіе годы крѣпость эта выдержала въ теченіе 12 недѣль осаду отъ 36.000 козаковъ, и успѣнно ихъ отразила. Видѣлъ я также мѣстечко Лесневъ. Оно все было обращено въ пепель Татарами, когда они впервые шли атаковать наше войско. Съ глубокимъ сожалѣніемъ осматривалъ я Подгорцы, славившіеся нѣкогда во всей Польшѣ крѣпостью и прекраснымъ дворцомъ, украшеннымъ фонтанами, гротами и каскадою. Дворецъ этотъ выстроилъ гетманъ Копецпольскій, предназначивъ его служить мѣстомъ отдыха послѣ утомительныхъ военныхъ походовъ и другихъ услугъ Рѣчи Посполитой. Мысль эту выразилъ опъ въ слѣдующей надписи, вырѣзанной на мраморной доскѣ, помѣщавшейся надъ воротами:

Sudaris Martis—victoria,
Victoriae—triumphus,
Triumphii praemium—quies *).

*) Награда военныхъ трудовъ — побѣда, побѣды — триумфъ, триумфа — отдыхъ.

Глава XXVIII.

Походъ панскаго войска изъ-подъ Берестечка въ Украину.—Мародерство производить общее возстаніе.—Смерть лучшаго изъ панскихъ полководцевъ.—Походъ литовскаго войска въ Украину.—Вопросъ о московскомъ подданствѣ.—Бѣлоцерковскій договоръ.

Между тѣмъ папы колонизаторы или съ разстроенымъ и деморализованнымъ королевскими порядками войскомъ для завоеванія своихъ имѣній, не принимая въ соображеніе важнаго обстоятельства, что землевладѣльцы малорусскіе давно уже сдѣлались иностранцами въ глазахъ того класса туземцевъ, который былъ хранителемъ нашей національности и нашей религіозной совѣсти. Не обращали папы вниманія и на то, что даже такіе между ними, которыхъ папы псевдонсторники величаютъ святопамятными, отправляя своихъ сыновей въ чужіе края, папутствовали ихъ словами: „Помни, мой сынъ, что ты — Полякъ“. Какковы бы ни были ихъ доблести и права въ собственномъ сознаніи, но Малороссія отвергла ихъ еще до козацкихъ бунтовъ устами лучшихъ людей своихъ, и теперь имъ оставалось только завоевать родной свой край у худшихъ.

Варшавскій Анонимъ такъ исчисляеть силу этихъ *conquerados* новосозданной Польшею Америки: коннотоваго войска было 18.000, пѣхоты 6.000; посполитое рушеніе, отходя, прибавило къ нимъ нѣсколько способныхъ къ походу (*wurrawnuch*) хоругвей, заключавшихъ въ себя 7.000 человекъ. Въ этомъ войскѣ находились папы съ собственными дружинами, какъ-то: князь Іеремія Вишневецкій, воевода русскій; Станиславъ Потоцкій, воевода подольскій; Лянцкоронскій, воевода брацлавскій; Щавинскій, воевода брестокувявскій; Павелъ Сопіга, воевода витебскій; Одривольскій, кастелянъ черниговскій; Цетцеръ, кастелянъ галицкій; Самуиль Калиповскій, обозный коронный; Пріємскій, генераль артиллеріи; Маркъ Собіскій, Вишневецкіе, Давидовичи и другіе русскіе папы; однихъ Потоцкихъ было девять ротмистровъ, какъ въ Римѣ противъ Вольсковъ (замѣчаетъ наивно Анонимъ) девять Фабіевъ.

Къ панамъ, еще до выступленія въ походъ, приходили о ханѣ и Хмельницкомъ различныя вѣсти. Не обладая козацкою способностью развѣдыванья, паны провѣряли эти вѣсти другими способами, и такъ какъ многое зависѣло отъ того, гдѣ и какъ обрѣтаются два главные бѣглеца, то свидѣтелей допрашивали подъ присягою. Одна шляхтянка изъ-подъ Константинова клялась, что 1 іюля, слѣдовательно на другой день послѣ бѣгства, видѣла въ Константиновѣ, какъ вязали Хмельницкаго къ коню среди народа, и слышала, какъ ханъ кричалъ на него: „Я пошлю тебя къ королю и выкуплю тобою моихъ мурзъ“. Другіе рассказывали, что коня, къ которому привязали Хмельницкаго ногами подъ брюхомъ, гнали пагайками впереди хапа до самаго почлега.

Но скоро видѣли Хмельницкаго свободнымъ. Въ Любартовѣ кормилъ онъ лошадей. При немъ было нѣсколько козацкихъ старшинъ и 2.000 Татаръ. Старый Хмѣль спокойно обѣдалъ, и съ двумя возами, полными съѣстныхъ припасовъ, отправился въ дальнѣйшій путь. Говорили еще, что, отъѣзжая въ Крымъ, ханъ оставилъ Хмельницкому 10.000 Татаръ, которые должны были кочевать за Умансмъ, надъ Сипими Водами, съ тѣмъ чтобы сохранить за Хмельницкимъ его власть, еслибы его подданные вздумали бунтовать.

По всѣмъ этимъ слухамъ, два хапа разстались такъ, какъ бы между ними ничего не произошло, а черезъ мѣсяцъ татарскій ханъ писалъ къ козацкому слѣдующее:

„Пріяель мой, запорожскій гетманъ! посылаю вамъ на помощь брата моего, пуреддипъ-султана, Сеферъ-Казы-агу, Субагазы-агу и другихъ агъ и бесъ со всѣмъ войскомъ, какое нашлось; а въ Крымѣ остаюсь только одинъ. Каковое войско взявши безъ всякой гордости на помощь, давайте отпоръ непріятелю, да прошу, чтобы вы, какъ до сихъ поръ, пьянствомъ не занимались, а просили Бога о побѣдѣ“.

Поляки удивляются увѣренности Козацкаго Батька въ себѣ послѣ неслыханнаго приключенія подъ Берестечкомъ, удивляются его присутствію духа, не поддающагося стыду, бѣшенству и отчаянью въ такомъ позорѣ и несчастѣ. Но передъ нами такихъ удивительныхъ людей проходило множество—и въ видѣ Коснискаго, вчера валавшагося въ погахъ у князя Острожскаго, а завтра наступающаго на князя Вишневецкаго, и въ видѣ Царя Паливал, готоваго ударить на своихъ въ пользу короля, и въ видѣ Сулимы, поклоняющагося папѣ, разоряющаго королевскую крѣпость и принимающаго католичество, и въ видѣ Павлюка, сходящаго съ эшафота для того, чтобы затѣять новый мятежъ. Каждый изъ такихъ представителей козачины, колеблясь на

свользкой вершинѣ, чувствовалъ головокруженіе, замѣчаемое нами и въ Хмельницкомъ, но лѣтя внизъ, хватался за всякую подлость, лишь бы остаться при своемъ безстыдствѣ, не предаваться бесполезному бѣшенству и не впасть въ отчаяніе.

Поляки, народъ, созданный босвымъ счастьемъ да клерикальными интригами, считаютъ Хмельницкаго, талантливаго стратегика и плохаго тактика, неспособнымъ къ такой торговлѣ человѣческой кровью, къ какой тяжкая необходимость принудила бездарнаго во всѣхъ отношеніяхъ Яна Казимира подъ Зборовымъ. Но, чадо ихъ обществѣности, Хмельницкій превзошелъ и самого Царя Наливая въ предательствѣ своихъ соратниковъ. Еслибъ Козацкій Батько въ самомъ дѣлѣ сохранялъ увѣренность въ себѣ и присутствіе духа, то онъ долженъ былъ предвидѣть, что стается съ его дѣтьми безъ его булавы и головы; не оставилъ бы онъ ихъ въ такой моментъ ради надежды вернуть бѣгущихъ въ панскѣ Татаръ... Козацкій ханъ потерялся не меньше татарскаго подъ Берестечкомъ, и, можетъ быть, обязанъ только его угрозамъ тою увѣренностью въ себѣ и тѣмъ присутствіемъ духа, не поддающимся стыду, бѣшенству и отчаянію, которому удивляются люди, не знавшіе террора въ своемъ прошедшемъ и не понимающіе, что террористъ прежде всего подчиняется террористу. Это доказали дѣти Козацкаго Батька по отношенію къ нему самому; это доказалъ и Козацкій Батько по отношенію къ хану; доказала, наконецъ, это и вся козаччина по отношенію къ тѣмъ, которые поставили се во фронтъ и скоандовали *смирно!*

Весьма внушительнымъ былъ для Хмельницкаго фактъ, что бѣгущая домой Орда жгла, грабила и, не довольствуясь ясыромъ, уничтожила 6.000 козаковъ, которые сѣвши поды Берестечко изъ Павлочи, а чигиринцевъ, собравшихся на выручку козацкаго табора, разогнала.

Одинъ изъ панскихъ развѣдчиковъ, Суходольскій, вернувшись поды Берестечко изъ-за Винницы, рассказывалъ, что Татары вездѣ во время своего бѣгства убивали и угоняли въ неволю козаковъ. По словамъ Освѣцима, „Суходольскій утверждалъ положительно, что чернь заирается въ городахъ, и вездѣ, гдѣ встрѣтится съ козаками, убиваетъ ихъ, даже истязаетъ ихъ жегъ въ отместку за свои семьи, угнанныя Татарами въ Крымъ. Такъ поступило“ (продолжаетъ Освѣцимъ) „ополченіе черни, которое, въ числѣ до 15.000, отправилось было въ помощь козакамъ поды начальствомъ павлочскаго войта и, встрѣтивъ по дорогѣ Татаръ, было ими истреблено на половину“.

При такихъ обстоятельствахъ Хмельницкій могъ найти приближище только въ Исламъ-Гирей, на какихъ бы то ни было условіяхъ. Этимъ и объясняется его увѣренность въ себя, которой удивляются враги его, Поляки.

Вѣсть о несчастіи и неволѣ гетмана наполнила Украину тревогой и рономъ. Достигнуть оставленнаго табора не было ему никакой возможности. вспомогательнаго войска взять было негдѣ, а тутъ и Небабу разгромилъ Радивиля. Хмельницкій послалъ подъ Берестечко фальшивое обѣщаніе татарской выручки, но оно пошло въ непріятельскія руки. Ему ничего больше не оставалось, какъ принять отъ хана „безъ всякой гордости“ гвардію, охранявшую особу его отъ раздраженной черни и державную самого его подъ арестомъ. Ему оставалось только воздержаться по мѣрѣ возможности отъ пьянства и просить магомстанскаго, но ужь никакъ не христіанскаго, Бога о побѣдѣ.

Князь Іеремія Вишневецкій еще однажды очутился лицомъ къ лицу съ человѣкомъ, оспаривавшимъ у него господство на восточной окраинѣ Польши. Хотя традиція Рѣчи Посполитой, царившая надъ умами панской факціи, главное начальство предоставило Николаю Потоцкому съ его товарищемъ, Мартиномъ Калиновскимъ, но въ сущности дѣла путеводною звѣздой и падеждою панскаго войска, по вдохновенію указанію Катерины Слоневской, былъ все тотъ же герой, котораго Поляки обыкновенно именovali *русскимъ* воеводою, какъ бы въ сознаніи, что *польскаго* воеводы у нихъ нѣтъ. Но, увы! теперь этому безиримѣрному въ Польшѣ воеводѣ остался всего одинъ мѣсяць жизни, и она прервалась у самаго входа въ созданное имъ удѣльное княжество. У входа въ обѣтованную землю, потерянную Польшею, скончался черезъ три мѣсяца послѣ Вишневецкаго и тотъ, кто былъ правой рукою великаго, какъ и Вишневецкій, колонизатора въ обузданіи рушниковъ,—кто нанесъ имъ тяжкіе удары въ 1637 и 1638 годахъ. Князь Іеремія умеръ въ Павлочи, Потоцкій—въ Хмельникѣ, и на концѣ военной карьеры оба полководца испытали самое худшее, что въ ней встрѣчается: борьбу съ печальемъ, голодомъ и моромъ.

Мартирологія панскаго войска началась въ то время, когда пришедшій се король предавался забавамъ, развлеченіямъ и даже заблѣлъ послѣ забавъ и развлеченій во Львовѣ. Участвовавшій въ Украинскомъ походѣ галицкій стольникъ, Андрей Мясковскій, по особенному порученію, доносилъ Яну Казимиру обо всемъ, касающемся благобытія всего войска. По его донесенію, сперва оно „подверглось ужасной слякоти и непогодѣ, которая сильно повредила и лошадямъ“

и пѣхотѣ, потомъ—такому голоду, о какомъ не слышать на людской памяти, развѣ гдѣ-нибудь при самой жестокой осадѣ замковъ и городовъ. Но ни въ Хотинскомъ, ни въ Московскомъ войскѣ (писалъ Масковский) такого голода не видано. Пѣхота, принужденная къ отвратительной пищѣ (*ad nefandos cibos compellitur*), достать хлѣба не можетъ и за самую дорогую цѣну; а мяса, кромѣ копской падали, не видать; не пренебрегутъ и тѣми лошадьми, которыя уже три дня гниютъ въ грязи (*także i tym, które trzy dni już w błocie putrescunt, nie przerzuszczają*); принуждены питаться сырмъ житомъ, или травой и бурьяномъ, точно какія животныя, къ великой горести и состраданію всего войска. Невольно мы проливаемъ слезы (*gdysz to nam lachrymas elicere musci*), видя столь блестящую пѣхоту (*tam florentem peditatum*) вашей королевской милости безнадежно погибающую отъ голода (*sternie fame pereuntem*), а всего горше то, что нельзя придумать никакого способа къ спасенію голодныхъ: ибо тотъ край, въ которомъ имѣемъ надежду на хлѣбъ, еще далеко, но и онъ такъ опустошенъ, что о немъ можно сказать: „земля же была неустроена и пуста“. Ни городовъ, ни селъ, только поле и несель. Не видать ни людей, ни живыхъ тварей, развѣ птицы на воздухѣ. Панъ Краковский, не смотря на слабое здоровье, идетъ съ возможною скоростью къ хлѣбу (*ea qua potest celeritate ku chlebu ciągnie*), но опять вчерашняя и нынѣшняя страшная непогода замедляетъ движеніе (*retardat cursum*). Не взирая на то, такъ какъ мы посвятили себя на эту службу, то уже придется здѣсь преодолевать фортуна твердостью духа (*fortunam animo superare*) и мужественно бороться съ этимъ голодомъ и съ этими небесными невзгодами (*у z temi injuriis coeli viriliter lucrari*), услаждая горести (*sukrując sobie adversa*) будущими, дастъ Богъ, успѣхами. Воинъ о томъ вѣдь постоянно долженъ думать, къ чему стремится, а не о томъ, что предстоитъ ему претерпѣть (*boć zawsze żołnierz quo tendat, non quid passurus est, ma uważać*). Авось-либо всемогущій Богъ поможетъ намъ прийти въ эту обѣтованную землю, гдѣ мы не только найдемся хлѣба, но и привольно отдохнемъ послѣ своихъ трудовъ. О Хмельницкомъ, между разными вѣстями, самая вѣрная, кажется, та, что онъ освободился уже отъ хана, не извѣстно, искусствомъ ли и хитростью, или деньгами. Онъ долженъ быть нынѣ въ Чигиринѣ, гдѣ хотѣлъ бы возбудить новое смѣшеніе, и разослать универсалы къ черни, но чернь не поддается имъ, напротивъ намѣрена отправлять на Масловомъ Ставу чернецкую раду, на которую зоветъ и самого Хмельницкаго, и, вѣрно, не для чего инаго, какъ для того, чтобы самой подвергнуть его карѣ (*aby supplicium z niego*

sami sumere mogli). Орда вся пошла назадъ; съ козаками вполнѣ разбраться, и даже въ нѣсколькихъ мѣстахъ бились, что весьма благоприятно для нашихъ дѣлъ (co bardzo in gen postram militat). Вунты же черни, хотя бы и были какіе-нибудь, разумію, по приближеніи войскъ корошняго и литовскаго, — совсѣмъ угаснуть, а если кой-какіе и отзовутся, то, вѣрно, только въ глубинѣ Украины: ибо у насъ поется слухъ, что литовское войско вырубало уже Вышгородъ... Войско наше идетъ тремя отрядами (tripartito idzie): первый отрядъ составляетъ набранный изъ однихъ иностранцевъ полкъ воеводы брестскаго, полкъ воеводы брацлавскаго вмѣстѣ съ полесвымъ гетманомъ; второй отрядъ составляетъ полкъ князя воеводы русскаго, воеводы подольскаго и старосты калусскаго (Жна Замойскаго); третью часть составляетъ полкъ корошняго хоружаго вмѣстѣ съ нѣкоторыми дополнительными отрядами. Царь Краковскій посылаетъ къ митрополиту кіевскому съ объявленіемъ, что идетъ съ войскомъ въ Украину для усюкоенія бунтовъ, еслибы какіе были, а добрыхъ и вѣрныхъ подданныхъ увѣрить, что ихъ жизнь и имущество останется неприкосновенными. Изъ Павлочи пріѣзжали уже люди съ повеломъ къ старостѣ калусскому и съ просьбой о гарнизонѣ. Но павлочскій воитъ, наибольшій бунтовщикъ, ушелъ къ Хмельницкому. Волошскій госнодаръ увѣдомляетъ папа Краковскаго, что Хмельницкій все еще держивается ханомъ, а ханъ до сихъ поръ уже въ Крыму: ибо весьма поспѣшно бѣжалъ, бросая множество больныхъ, которыхъ не мало погребено на дорогѣ, и подстрѣленныхъ лошадей; а наши пѣльницевъ, возвращающіеся изъ языческихъ рукъ, утверждаютъ, что ханъ уже подъ Лиманомъ переправился черезъ Дибирь, — потому такъ шизо, что боятся погои за собою, или — чтобы сами козаки не вздумали битъ Татаръ, какъ это сдѣлалъ Глухъ, уманскій полковникъ, сильно громившій Буджацкую Орду на возвратномъ пути, такъ что она была принуждена окунуться“.

Таково было положеніе украинскаго дѣла по слухамъ и надеждамъ, когда несчастные побѣдители козакотатарской силы стояли лагеремъ подъ Вілчами, оставивъ за собой миляхъ въ двухъ Любартовъ. Еще во Львовѣ, 27 іюля, Царь Казимиръ получилъ отъ Потоцкаго доносеніе, что пѣмецкой пѣхоты у него частью вымерло, частью разбѣжалось полторы тысячи.

Стоя подъ Смархшномъ, въ 4 миляхъ отъ Імполя, одинъ изъ участниковъ похода писалъ на родину отъ 31 іюля: „Теперь идемъ все болѣе и болѣе голодными краями; только травъ обиліе повываемос, такъ что пнаго коня едва видать въ травѣ; по хлѣба и доброй

воды для питья трудно добыть. Что у кого есть, тѣмъ и довольствуются, а другіе мрутъ отъ голода, какъ пѣхота, которой убываетъ ежедневно. Ложатся по дорогѣ и пухнуть. Сегодня раннимъ утромъ двинемся далѣе, къ Любартову: чаемъ тамъ хлѣба. О, приведи насъ къ нему, Господи Боже!

Наконецъ, во время холодной слякоти, пришли въ пустки, называвшіяся Любартовымъ. „Очень много людей перемерло и копей переколѣло“ (приписалъ тотъ же корреспондентъ въ своемъ неотправленномъ письмѣ). „Отъ страшнаго горя и вспоминать не хочу. Скажу только, что, видпо, приходится намъ горько, когда уже не только челядь и пѣхота, но и двое товарищей и семь рейтаръ отъ голода и дождя, въ пашихъ глазахъ, упавши съ копей, умерли“.

Отъ 4 августа доносилъ также королю Мясковскій, что страшная непогода, продолжавшаяся пять дней и пять ночей, воспрепятствовала отправить депешу. Не было возможности оставаться и въ палаткахъ сухимъ. Проходя по четверти мили въ день, войско достигло, 3 августа, Любартова, „хотя пустаго и голоднаго, но по крайней мѣрѣ не сожженнаго“, такъ что послѣ столькихъ неудобствъ (*tot incommoda*), могли осушить себя отъ холодныхъ, точно осеннихъ дождей. Въ Любартовѣ застали они не мало хлѣба на корнѣ, и такъ какъ на Случи не были сожжены мельницы, то можно было сколько-нибудь заготовить пѣхотѣ хлѣба, а для полученія скота были распределены между полками ближайшіе города: Сипява, Сѣнявка, Краснополе, Граповъ, Бѣлополе, предоставивъ имъ полную власть (*plenariam facultatem*) какъ возможно больше добыть оттуда продовольствія. Но покаместъ голодные завоеватели роднаго края питались поджаренными на огнѣ зернами.

Здѣсь они провѣдали, что „хлопство“ идетъ къ Хмелю таборами подъ Корсуикъ; что Выговскій бунтуетъ ему черпъ по Задпѣпрію; что подпѣстровскіе хлопни хотятъ выбрать себѣ другаго гетмана; что Богунъ собираетъ хлопство подъ Прилукой надъ Собомъ и съ каждаго хлопа взимаетъ по талеру на Татаръ, которые обѣщали прійти къ нему въ числѣ 40.000.

Между тѣмъ литовскій гетманъ получилъ отъ киевлянъ и прислалъ Потоцкому слѣдующую *сумліку*:

„Ясно освѣщеннымъ, ясно вельможнымъ панамъ региментарямъ войска его королевской милости Великаго Княжества Литовскаго, всему рыцарскому кругу отдавая пажайшій поклонъ.

„Со слезами просимъ милостивыхъ пановъ явить милосердіе, какъ намъ, такъ домамъ Божиимъ и всему городу, не допуская хоругвей до

опустошенія: ибо не только никогда не поднимали руки противъ Божія помазанника и молили Божій маестатъ о счастливомъ его панованьѣ, по еще во время этихъ смуть сохрпаяли жизнь многимъ шляхтичамъ и шляхтянкамъ, которые сами о томъ засвидѣтельствуютъ. Давно бы уже мы отозвались къ вашмосцямъ милостивымъ папамъ съ этою покорою нашею, когда бы памъ былъ дозволенъ вольный проѣздъ. Поэтому просимъ и вторично объ оборонѣ отъ воепныхъ импетовъ. Въ Кіевѣ, у св. Софїи, дня 21 іюли 1651 года.

„Сильвестръ Косовъ, кіевскій, галицкій митрополить.

„Іосифъ Тризна, архимандрить кіевскій-печерскій.

„Войтъ, бурмистръ, райцы города его королевской милости Кіева“.

Потоцкій съ своей стороны послалъ къ митрополиту удостовѣреніе, что идетъ въ Украину для успокоенія бунтовъ, если какіе-либо есть, и предостерегаетъ всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ его королевской милости, чтобы всѣ сидѣли въ своихъ домахъ, не опасаясь никакихъ враждебныхъ дѣйствій (*nullam hostilitatem*).

Въ трудномъ и голодномъ походѣ радовали жолперовъ успѣхи литовскаго войска, о которыхъ 3 августа уѣдомилъ Потоцкаго нарочный изъ Гѣлоруссїи. Короллю великому гетману писали, что по разбитїи Пебабы Черниговъ былъ взятъ и вырубленъ, что князь Радивиль идетъ къ Остру и Пѣжппу, что козаки сильно побиты подъ Дымеромъ, что и Кіевъ прислалъ просьбу о помилованїи (которая и сообщена Радивиломъ Потоцкому). Любартовскіе „обыватели“ рассказывали, что на своемъ побѣгѣ изъ-подъ Берестечка Хмельницкій, съ сотнею конныхъ козаковъ и пятью Татарами, былъ въ Любартовѣ на побасѣ. „Ничего не сказалъ онъ тамошнимъ людямъ“ (писалъ Мясковскій), „кромя того, что идетъ закладывать новый таборъ (*oboz toczyé*) въ Украинѣ для освобожденія полковъ, оставшихся подъ Берестечкомъ. Когда Орда хотѣла жечь Любартовъ, Хмельницкій послалъ къ ней, чтобы этого не дѣлали, а то будутъ наказаны царемъ (крымскимъ), и тотчасъ Орда пошла черезъ Случъ на Острополь. Видно, не совсемъ потерялъ онъ кредитъ у Орды. Это подтверждаетъ и литовское извѣстіе, что Хмельницкій собираетъ хлопство и Выговскій бунтуетъ ему чернь, въ надеждѣ на скорыя вспоможенія татарскія. Каменецкій староста (Петръ Потоцкій) также пишетъ о завязности и остервененїи подѣпробскихъ людей; рассказываетъ, какъ на Днѣстрѣ становятся уже таборомъ, и Ляховъ никогда не хотятъ имѣть папани“.

По походному дневнику, Потоцкій двинулся далѣе 4 августа, но проливной дождь не позволилъ ему пройти больше четверти мили. Зато его порадовало извѣстіе пана Мыслишевскаго, что онъ разгромилъ

подъ Браиловымъ два табора хлоповъ, которые шли къ Хмельницкому. Прислалъ Мыслишевскій и отнятое у нихъ знамя. 5 августа, „переправлялась“ черезъ Любартовъ армата. Офицеры ѣздили подбирать по дорогѣ больныхъ и умирающихъ, а мертвыхъ погребать. Уми- рали больше пѣхотинцы. Больные шли воевать здоровыхъ, голодные— сытыхъ, нищѣ—обезпеченныхъ, иностранцы— туземцевъ. Паны мед- ленно двигались похоронной процессіей умирать въ землѣ предковъ своихъ, послѣ того какъ отвергли ихъ вѣры, пренебрегли ихъ на- родностью. Но русскіе предки не могли ирѣютить колонизованныхъ потомковъ даже въ своихъ усыпальницахъ. Шли паны въ Украину собственно для того, чтобы сдѣлать поддѣлянтъ и поддѣлянтъ еще болѣе завзятыми и остервенѣлыми противъ ихъ ляшескаго господства, пснавистнаго въ своей святости еще больше, нежели въ своей грѣхов- ности. Люди, которыхъ знаменитый дипломатъ, князь Криштофъ Зба- ражскій, заклеилъ названіемъ *scelste genus hominum*, оказались въ проклятіяхъ могущественнѣе тѣхъ, которые прокляли ихъ на Бре- стскомъ синодѣ,— оказались могущественнѣе потому, что, по малорус- ской пословицѣ: „въ своей хатѣ своя и правда“. Проклятiе католическое пропеслось изъ Литовскаго Бреста до самаго Рима пустымъ эхомъ. Проклятiе православное залегло въ милліонахъ малорусскихъ сердецъ, и поразило всѣхъ прямыхъ и косвенныхъ дѣятелей униі козатчиною.

Не поджидая своей арматы, Потоцкій ирощель въ этотъ день три мили съ конницей па Трошлю, такъ какъ въ Боговой Украинѣ про- исходили волпенія, и онъ одной вѣстью о приближеніи жолнеровъ на- дѣялся остановить хлоповъ отъ скопленія въ купы. Въ дорогѣ повстрѣ- чали жолнеры ѣдущаго къ коронному великому гетману городскаго писаря изъ Паволочи вмѣстѣ съ посланцомъ отъ кiевлянъ, которому было поручено удостовѣриться собственными глазами, что коронное войско дѣйствительно идетъ въ Украину. Не довѣряли этому въ Кiевѣ, а между тѣмъ готовы были трактовать съ короннымъ войскомъ охот- вѣе, нежели съ литовскимъ.

„Паволочскій писарь“ (сказано въ походномъ дневникѣ) „много рассказывалъ о Хмельницкомъ, какъ онъ во время бѣгства стоялъ три дня въ Паволочи, и вынудилъ у мѣщанъ 3.000 злотыхъ, которые тот- часъ отсчиталъ находившимся при немъ пяти татарскимъ мурзамъ. Когда мѣщане спросили, почему онъ идетъ одинъ и почему назадъ, онъ сказалъ, что оставилъ двадцать полковъ добрыхъ молодцовъ про- тивъ короля, которые будутъ обороняться четверть года. У нихъ де много живности и пороховъ, а вы знаете, какъ мы обороняемся въ таборахъ, и какъ переносимъ голодъ. Потому его спрашивали о ли-

товскомъ войскѣ, не будетъ ли оно въ Украину. „Не будетъ“ отвѣчалъ онъ: „ибо князь Равидиль далъ мнѣ слово, что только на пограничѣхъ будетъ стоять“. Между тѣмъ шло два дня и двѣ ночи, какъ на третій день бѣжнть измѣнникъ Хмельскій изъ табора и спрашиваетъ о гетманѣ, однакожъ со страхомъ. Проситъ паволочскихъ мѣщанъ, чтобъ смягчили къ нему Хмеля. Лишь только на порогъ, Хмельницкій спросилъ: „А таборъ гдѣ?“ Тотъ, пожавъ плечами, сказалъ: Уже у дьявола таборъ.—Почему же?—Потому что молодцы не хотѣли биться.—А знамена?—И знамена пропали.—А гарматы? а шкатула съ червонными злотыми?—Про шкатулу не знаю.. Тогда Хмельницкій началъ рвать на себѣ чубъ и проклинать. На эту меланхолію приѣзжаетъ Джеджала. Здоровались они съ плачемъ. Потомъ—Гладкій. Но всѣ полковники безъ козаковъ, только во сто, въ полтораста коней. Одинъ Пушкаренко пришелъ съ десятью хоругвями, подъ которыми могло быть коней 600. Другаго войска не было: ибо всѣ пошли въ разсыпную“.

Къ этому разсказу прибавлю изъ письма Мяковского къ королю, что сообщилъ ему хозяинъ, у котораго кормилъ Хмельницкій лошадей (rokałmowa). Садясь уже на коня, Козацкій Батько крикнулъ: „Хто зъ васъ, дітки, не козакувавъ, сидіте й ждіте своїхъ панівъ, а хто казакувавъ, сідайте (на коні) заразъ зо мною въ Украину: бо Ляхи по́топтомъ пійдуть за нами“. Въ отвѣтъ на это, люди начали его проклинать (*дорієго ти ludzie zlorzeczyć poszeli*).

Слышалъ, или нѣтъ бѣглый гетманъ эти проклятія, но паволочане заплатились потомъ за свое охлажденіе къ козацкому промыслу. Стоя между двухъ огней, они, подобно другимъ горожанамъ, просили у своего пана охранительнаго гарнизона и получили его; но хмельничане воспользовались первымъ поворотомъ въ ихъ сторону *фортуны*, гарнизонъ Замайскаго прогнали, а мѣстечко вырѣзали.

„Тамъ же въ Паволочи“ (записано въ дневникѣ) „пришла къ Хмельницкому вѣсть о погромѣ Небабы отъ литовскаго войска. Когда мѣщане упрекали Хмеля, что вотъ и литовское войско наступаетъ, онъ отвѣчалъ на это: „Не додѣржавъ мені слова Равидиль“. Тутъ пришли ханскіе универсалы къ полковникамъ и всей черни, въ которыхъ ханъ оправдывался, что хоть и отступилъ отъ Берестечка, но сдѣлалъ это не изъ боязни, а по причинамъ болота и лѣсовъ; однакожъ не такъ отступилъ Запорожскаго Войска, чтобы не возвратиться; нѣтъ; по всякому увѣдомленію объ опасности отъ Ляховъ, готовъ прибыть со всѣми ордами. Эти универсалы Хмельницкій велѣлъ читать публично, для утѣшенія (*pro consolatione*) черни. Но судьба такъ велѣла, чтобы въ слѣдующій же дець пришли отъ хана противныя письма“.

когда онъ узналъ, что умаскѣй полковникъ, Глухъ, билъ Татаръ на Синихъ Водахъ и на Царскомъ Броду. Очень обидѣлся этимъ ханъ, и въ послѣднихъ письмахъ своихъ отказалъ Хмельницкому въ дружбѣ, чѣмъ очень сконфуженный, уѣхалъ онъ изъ Павлочи“.

Панскіе вѣстовщики прибавляли къ этому разсказъ, что ханъ отпустилъ Хмельницкаго только въ рубашкѣ да въ кожухѣ, отстегавъ его нагайками и содравъ съ него хорошій окупъ.

Легенду свою приправляли они пріятными для панскаго слуха, хоть и неправдоподобными, словами Хмельницкаго, который де хотѣлъ идти на Запорожье, но не желалъ, чтобы хлопство шло за нимъ, и говорилъ: „Я уже больше съ моимъ паномъ (королемъ) воевать не буду, а вы, какъ прежде отправляли свои повинности, такъ и теперь чините своимъ папамъ“.

Носился также слухъ, напоминающій намъ бѣлаго Наливайка—у Пикова и Брацлава, что будто бы чигиринцы не впустили въ городъ ни Хмея, ни Татаръ.

Но вмѣстѣ съ радостными вѣстями о ссорѣ двухъ бѣглыхъ хановъ, паны завоеватели получили печальныя извѣстія о голодѣ въ Барѣ, о составленіи хлопскихъ купъ на Поднѣстріи и при этомъ—о моровомъ повѣтріи въ Каменцѣ, гдѣ перемерло множество и шляхты.

Когда панское войско вступило въ Кіевщину, и остановилось въ полумилѣ по сю сторону Янушполя надъ Озерками, собравшіеся вожди его мѣнялись различными вѣстями. Со смѣхомъ узнали паны отъ князя Вишневецкаго, что Хмельницкій женился на казачкѣ Пилипихѣ. Но имъ было не до смѣху, когда полевой гетманъ объявилъ, что въ Брацлавѣ посланцовъ его съ универсалами перетопили, и что тамошній народъ о подданствѣ не хочетъ и думать. „Въ это время“ (разсказываетъ походный дневникъ) „сѣли мы за столъ у папа воеводы брацлавскаго, который угостилъ насъ порядочнымъ ужиномъ по прибытіи изъ дому отъ Люблина подкрѣпленія въ живности и напиткахъ, какъ прискакалъ брацлавскій чесникъ, панъ Кордышъ, къ пану Краковскому съ письмомъ отъ брацлавской шляхты, вопіющей о спасеніи: ибо хлопы не хотятъ пускать ее въ маѣстности, а нѣкоторыхъ убиваютъ, села жгутъ, у пана воеводы Черниговскаго (полеваго гетмана) все возлѣ Винницы и Брацлава пожгли, а Богунъ собираетъ свое ополченіе подъ Правковыми лѣсами“.

По полученіи такихъ вѣстей, 7 августа сѣли паны въ радѣ, и стали радить, что дѣлать имъ въ предотвращеніе хлопскихъ бунтовъ. Ничего не могли они выдумать по этому великому вопросу, казавшемуся все еще малымъ,—не могли уже по одному тому, что тутъ же

въ лагерѣ присутствовали и руководили ими, какъ школьниками, про-свѣтители и, можно сказать, создатели Польши, агенты римской по-литики.

Предотвратить хлопскіе бунты можно было только въ XVI сто-лѣтіи, когда такіе паны, какъ Острожскіе, не женились еще на ка-толичкахъ, не принимали въ свои дома воспитателями своихъ дѣтей іезуитовъ Скаргъ и не скопляли въ подземныхъ скарбахъ по 20 мил-ліоновъ для передачи ихъ со всѣми добрами своими въ руки наслед-никовъ—католиковъ. Еслибы „даровитѣйшій и совершеннѣйшій во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ“ нашихъ кіевскихъ профановъ дѣйстви-тельно одушевился мыслью собрать 15 или 20 тысячъ воиновъ на защиту свободы русской совѣсти отъ іезуитской казуистики,—онъ упро-чилъ бы за панамъ то, чего не могъ бы отвоевать и князь Вишне-вецкій при самыхъ благопріятныхъ для его таланта обстоятельствахъ. Теперь панамъ не было бы уже спасенія въ Украинѣ и въ такомъ случаѣ, когда бы они тутъ же, передъ глазами паствы Вишенскихъ, Борецкихъ, Копинскихъ, изгнали изсреди себя злаго духа въ видѣ своихъ „душнастрыей“, и стали въ ряды козаковъ, какъ предлагалъ Киселю Хмельницкій въ Переяславѣ,—не было бы потому, что и ко-заки, и мужики съ мѣщанами, и самое духовенство, съ двучленнымъ митрополитомъ во главѣ, были крайне извращены въ своей рели-гіозности, общественности и національности. Теперь осталось Мало-россіи одно прибѣжище для возрожденія въ древнерусскомъ образѣ—сліяніе съ Великою Россією; но и оно, какъ извѣстно, совершилось посредствомъ нашего крещенія отъ польскихъ грѣховъ въ потокахъ благороднѣйшей русской крови.

Надумались несчастные паны залить пожаръ ведромъ воды: по-становили—послать каменецкому старостѣ въ помощь шесть хоругвей съ приказомъ идти къ Винницѣ и дѣлать, чтó велятъ обстоятельства, а все войско рѣшились соединить за Махновкою.

Августа 9 стояли паны въ Махновкѣ, 10 шли подъ Бекловку, мѣстечко, лежавшее уже за козацкой линіей, „и потому“ (говоритъ по-ходный дневникъ) „застали мы уже отмѣнный край: копы на полѣ гу-стыя; много всякаго хлѣба и скота по полямъ. Однако, товары свои хлопы перенесли въ замокъ: ибо это держава пана короля Потоц-каго. Случилось намъ купить живности побожно, кромѣ напитковъ. Едва для пана Краковскаго нашли для покупки бочку меду за 160 злотыхъ, а другую—весьма дурнаго пива за 80“.

Въ это время подъ Кіевомъ произошло, 10 августа, характер-стическое столкновение между огрядомъ посланныхъ впередъ Волоховъ

квѣзя Вишневецкаго и пахоликами литовскаго войска. Въ пяти миляхъ отъ литовскаго лагеря, пахолики, принявъ этихъ Волоховъ за козаковъ, ударили на нихъ стремительно, но получили такой отпоръ, что полтораста человекъ легло трупомъ. Тогда Волохи, узнавъ, что недобитые пахолики принадлежатъ къ литовскому войску, отпустили ихъ съ миромъ, но сперва ограбили. Волохи были люди православные; литовскіе пахолики—тоже православные. Такие случаи показываютъ, что значило единовѣріе для тѣхъ и другихъ bravi.

Августа 11 пріѣхалъ въ панскій лагерь посланный отъ кievскаго митрополита монахъ. Будучи черноризцемъ-могилянникомъ, онъ пріѣхствовалъ Николая Потоцкаго прекрасною рѣчью (mowa wубогна). Потоцкій отвѣчалъ, что отцу митрополиту слѣдовало бы раньше выразить королю долгъ вѣрнооуданства. Монахъ-витія объяснялъ молчаніе Сильвестра Косова „завоеваннымъ краемъ“, и рассказывалъ о себѣ, что его мимовольно завернули къ Хмельницкому, что и письма долженъ былъ онъ одинъ изорвать, а другія утаить, и что сперва хотѣлъ онъ пуститься въ дорогу съ вѣдома Хмельницкаго. По его словамъ, козацкій гетманъ стоялъ тогда на Русавѣ, въ 8 миляхъ за Бѣлою Церковью. У него было 15 пушекъ, но козаковъ не больше 5.000, а Татаръ 150 коней. Мужики не смѣшили собираться къ нему: ибо полки приходили только въ 100 и въ 200 человекъ. Поэтому де послалъ онъ съ полковникомъ Хмелецкимъ въ Бѣлую Церковь одного Татарина, который бы увѣрялъ, будто идетъ 20.000 Татаръ.

Вечеромъ того же дня прибыли папы въ Рожинъ. Титулярный козацкій гетманъ Забугскій прислалъ имъ туда „взятаго на Татарахъ въ Бѣлой Церкви добраго языка“, козака, который показалъ, что хмельничанъ тамъ 6 000. Полковникъ ихъ, Громька, хотѣлъ бы де попробовать счастья съ панскимъ войскомъ, но чернь не допускаетъ, и держитъ его за сторожею. Надѣясь на татарскую помощь, чернь хочеть—или обороняться, или бѣжать къ Хмельницкому, а на королевскіе и польско-гетманскіе универсалы не обращаетъ вниманія.

„Здѣсь уже мы увидѣли“ (пишетъ мемуаристъ) „какъ бы обѣтованную землю, полную хлѣба и пасѣкъ; но, по неосторожности слугъ пана калусскаго старосты, которые сами не держали въ Рожинѣ гарнизона, ни у пана Краковскаго не просили *), пахолки напали съ другой стороны на городъ, полный стараго хлѣба и другихъ живностей, пивъ, медовъ, и при этомъ стали грабить коморы, между тѣмъ

*) Положеніе этихъ слугъ (шляхтичей) среди козаковъ, очевидно, было двусмысленное.

какъ войско съ паномъ Краковскимъ проходило по длинному и дурному мосту, подъ страшнымъ дождемъ и громомъ. Панъ воевода (Вишневецкій) бросился какъ можно скорѣе съ гетманскимъ знакомъ въ городъ, и видитъ хлѣбъ высыпанный, пивницы отбитыя, пчелы разбитыя, а къ замку, въ которомъ хранилось больше всего лучшаго добра мужицкаго, (католическій) монахъ ведетъ на приступъ пахоликовъ, между которыми были и жолнеры-товарищи. Подскочилъ онъ къ одному, къ другому съ буздыганомъ, а одному товарищу досталось такъ, что хлѣба не будетъ больше ѣсть. Двоихъ вожаковъ-пахоликовъ тотчасъ повѣсили; другихъ били кіями въ рынкѣ передъ глазами посольства, и такимъ образомъ разогналъ панъ воевода эту саранчу. Но предводитель монахъ прибѣжалъ къ пану Краковскому съ жалобой, что не позволяютъ отомстить за кривду Божію и костеловъ Божіихъ. На вопросъ нана Краковскаго: какъ такъ? онъ говоритъ, что въ замкѣ хлопцы заперли въ костелѣ скоть, пчелы и поносили туда разные пожитки. Надобно было вамъ штурмовать этотъ замокъ. Тамъ де по пивницамъ спрятацы орнаты. А твоя милость, милостивый пане, запрещашь все это отыскивать. Однакожь, не произвелъ своєю рѣчью никакого зазрѣнія совѣсти: ибо не съ тѣмъ намѣреніемъ благословилъ онъ пахоликовъ, чтобы мстили за Божію кривду, а чтобы нахватили скота и движимости⁴.

Изъ-подъ Рожина Потоцкій хотѣлъ идти черезъ Паволочъ немедленно на Таборовку, прямо къ Бѣлой Церкви, но получилъ извѣстіе, что козаки подъ Хвастовомъ разбили звенигородскаго старосту Гулевича, и рѣшился соединить все войско подъ Паволочью.

Августа 13 передовой отрядъ панскаго войска наткнулся подъ Таборовкой на 2.000 чату Хмельницкаго, при которой было 500 коней Татаръ. Въ этомъ отрядѣ было семь выбранныхъ изъ всего войска хоругвей, по словамъ походнаго дневника, *bardzo dobrych*; но не извѣстно, какой судьбой (*quo fato*), увидѣвъ непріятеля, онѣ тотчасъ начали отступать, бросивъ непріятелю въ добычу везы. За ними гнались до самой Паволочи, и онѣ потеряли двухъ поручиковъ, со множествомъ товарищей. Спасъ ихъ отъ совершеннаго пораженія только ротмистръ князя Вишневецкаго, Войниловичъ, ударившій случайно на козаковъ и Татаръ сбоку, причемъ захватилъ трехъ языковъ татарскихъ⁵). На вопросъ князя Вишневецкаго: почему они загнались

⁴) Дней черезъ десять кто то изъ участниковъ похода объяснилъ это бѣгство въ письмѣ къ пріятелю весьма характеристически: „...Ci wrzód Pawolocz, miasteczko P. Starosty kałuskiego, które mogło najmniej cztery wojska nasze

такъ далеко подь войско? Татары отвѣчали, что ихъ послалъ Хмельницкій для языка. Онъ де получилъ извѣстіе, что король съ войскомъ вернулся домой и всѣ ляшескія войска разошлись, и потому хотѣлъ звать, кто идетъ въ Украину. На вопросъ: давно ли вы здѣсь? языки отвѣчали, что „когда отходилъ ханъ, мы здѣсь остались ради жолду.“— По чемъ же вамъ дастъ Хмельницкій?—Мурзамъ по 200 талеровъ, а намъ по 10.—Много васъ теперь?—Теперь при Хмельницкомъ 2.000 считанныхъ Татаръ. Считали насъ на одномъ мосту при переходѣ, и тотчасъ давали деньги.—А будетъ васъ еще больше?—Будетъ скоро 4.000, а другіе подпасываютъ коней. Однакожь, ханъ, кажется, не будетъ въ эту осень“.

Эти вѣсти заставили пановъ соединить свои отряды, а военная рада рѣшила дожидаться пѣхоты и арматы подь Паволочью, для того чтобы проложить себѣ путь къ соединенію съ литовскимъ войскомъ. Между тѣмъ пановъ печалили получаемыя вновь болѣе точныя вѣсти о ретирадѣ семи отборныхъ хоругвей изъ-подь Таборовки. Проходя черезъ Паволочь, какъ и чрезъ другіе города, доблестные воины набрали множество живности, серебра и другихъ драгоценностей, но, при видѣ козаковъ и Татаръ, бросили попилавецки весь таборъ, заключавшій въ себѣ больше тысячи возовъ. Теперь надобно было ждать еще болѣе смѣлаго отпора со стороны козаковъ. Авторъ походнаго дневника съ горестью пишетъ: „Будутъ эти факты скоро въ Крыму для выставки добычи и для хвастовства побѣдою“. Вмѣстѣ съ возами (прибавляетъ онъ) погибла тамъ и почти вся челядь.

Въ такомъ настроеніи духа, 16 августа, войско достигло Паволочи. Стоя подь Паволочью, паны больше прежняго сѣтовали на разнузданность войска своего. „Господь Богъ“ (писали они) „восхотѣлъ нѣсколько смирить насъ погромомъ семи хоругвей нашихъ и научить насъ большей осторожности: ибо, когда панъ Краковскій, ради важ-

wyżywić, ze wszystkich dostatków tak złota, srebra, jako i wszelakiej żywności napojów złupiwszy, ku Taborówce posli: gdzie jako w doma rozgościwszy się, bezpiecznie się zostawali. W tém czata potężna od Chmielnickiego we 200 Kozaków i 500 Tatarów dla języka wyprawiona, napadłszy na naszych śpiących, srogą zdobycz wozów, więcej niż tysiąc, srebrem, złotem i innemi rzeczami naładowanych azarąwszy, na samych wsiedli i aż w przedmieście pawołockie wpędzili; i gdyby zazrządzeniem Boskiém P. Wojniłowicz, Rolmistrz Xięcia Wojewody ruskiego, trafunkiem z futorów w pięć chorągwi z boku nie przypadł, pewnieby byli wszyscy zniesieni, i P. Starosta kałuski dostałbysię w ręce nieprzyjaciela, który (т.-е. староста) на ten czas w Pawyłoczy był“.

ныхъ соображеній (dla różnych wielkich respektów), послалъ эти хоругви впереди, онѣ — да простятъ мнѣ правду (pascant mihi) — увлеклись больше добычей и волами. Не говорю о добрыхъ воинахъ, а только о волонтерахъ и сволочи, когорые за нихъ цѣпляются. Одна Павлочь могла прокормить четыре такихъ войска, а они ее разграбили. Досталось и коморамъ; но всего больше памъ жаль напитоковъ: ибо въ одной только пивницѣ разсѣкли они 24 бочки вина, которыхъ не могли выиить, а сколько по другимъ пивницамъ испортили медовъ и горѣлокъ, тому нѣтъ конца и счету. А мы теперь, въ эти жары, жаждемъ напитоковъ... Непріятель не хочетъ уже пустить насъ за Бѣлую Церковь, и тамъ укрѣпляетъ сильный таборъ, яко на старожитной нѣкогда козацкой линіи (jako przy starożytnéj quondam linii kozackiej *). Хвастовымъ и Трилісами (козаки) овладѣли, не давая намъ соединиться съ литовскимъ войскомъ. Теперь мы окружены неприятелемъ; хлопы позади насъ взоряютъ мосты и портятъ переправы, грозя намъ, что когда бы мы захотѣли уйти, то и нога наша не уйдетъ. Но мы всю надежду возлагаемъ на свое мужество^а.

Было отъ чего призадуматься и самымъ отважнымъ предводителямъ панскаго войска. Варшавскій Анонимъ изображаетъ этотъ походъ самыми мрачными красками:

„Всего тяжеле было въ немъ голодающей пѣхотѣ. Всадники; чатуя, добывали себѣ живность хоть вдалекѣ, но этимъ подвергали и себя, и пѣхоту голоду: ибо жители не возили и для тѣхъ, кто обходился деньгами. Но и денегъ не было. Или офицеры растрачивали жолнерскій жолдъ, или съ поборцевъ не взыскали. Никакихъ запасовъ не было. А хоть пѣшій жолнеръ и получить жалованье, то пропъетъ и проиграетъ въ кости, потомъ долженъ красть и этимъ питаться. Если нельзя украсть, то голодаетъ, пухнетъ... О, какъ много расходуетъ на нихъ Рѣчь Посполитая! а они, бродя по вербункамъ,^б грабятъ села и мужичковъ. Что схватить новозавербованный жолнеръ, то и пропъетъ. Между тѣмъ офицеры вымученныя деньги берутъ себѣ; Ежедневныя у нихъ сдѣлки, окупы. Получая въ городахъ, мѣстечкахъ, и селахъ побочныя хлѣбы, они покрываютъ себя галунами, а жолнеръ, оборванный точно попрошайка, не скоро доставляется ими въ лагерь, и необмундированный, необученный, принужденъ бѣжать. Всѣ мы стоимъ, ропщемъ, жалуемся, переносимъ терпѣливо такіа грабитель-

*) Вспомнимъ универсалъ Павлюка: „По Кіевъ и Бѣлую Церковь паны жолнеры не должны были стунать и ногой по сю сторону (po Kiow i po Biąłocerkiew P. P. Żołnirze na te stronie i nogą nie mogli bywać“).

ства, падувательства, а предотвращать ихъ не старася, — и теперь вотъ намъ награда, что голодные въ замкнутомъ лагерѣ жолнеры, вымерли во множествѣ отъ заразы“!

Не участвовавшій въ завоевательной экспедиціи Освѣцимъ, по рассказамъ очевидцевъ, даетъ намъ слѣдующій эскизъ похода:

„Едва 30 іюля войско достигло Лабуня. Но городъ этотъ и замокъ въ немъ были сожжены раньше. Во время похода, наемныя хоругви поступали весьма своевольно и, желая вознаграждать себя за то, что не получали жалованья отъ Рѣчи Посполитой, страшно грабили и опустошали мѣстности, по которымъ проходили... Литовскій гетманъ, князь Радивиль, побуждалъ нашихъ вождей, чтобъ они скорѣе двигались къ Кіеву... Но наше войско не могло ускорить своего движенія... Украинскіе хлопы сперва совершенно упали было духомъ, и были готовы отказаться отъ всякихъ бунтовъ, стали подчиняться панамъ и ихъ приказчикамъ, стали исполнять свои обязанности; но когда узнали, что шляхта разѣхалась по домамъ, что король оставилъ войско, и что войско наше еле двигается черепашьимъ ходомъ,—начали тотчасъ помышлять о бунтѣ; вождей нашихъ и войско безъ короля презирали, управителей стали прогонять, распоряженія ихъ и письменныя инструкціи рвали, отъ исполненія повинностей отказывались и, побуждаемые универсалами Хмельницкаго, начали вновь скопляться въ купы... Въ теченіе мѣсяца, непріятель, сразу смутившійся, не только ободрился, но успѣлъ вновь собрать значительныя силы, такъ что былъ въ состояніи вести не только оборонительную, но и наступательную войну... Въ Брацлавщинѣ козаки захватили панскія житницы, а шляхту ограбили и перебили... Среди мужиковъ ходили универсалы Хмельницкаго, говорившіе, что Ляхи находятся у него въ рукахъ, и что уже нѣсколько недѣль назадъ къ нему пришло много Татаръ... Наше войско, углубившись въ страну, столь отдаленную, очутилось какъ бы въ осадѣ. Непріятель захватилъ всѣ дороги и пути сообщенія, прервалъ всѣ наши сношенія, беспокоилъ насъ частыми вылазками и, не допуская къ лагерю подвоза припасовъ, произвелъ страшный голодъ. Хлопы въ селахъ и мѣстечкахъ вездѣ насмѣхались надъ нашими: Ляхи отрѣзали насъ отъ Днѣпра, а мы ихъ—отъ Вислы“.

Но еще живъ былъ полководецъ, во имя котораго войско, въ лицѣ лучшихъ представителей своихъ, возлагало „всю надежду на мужество“. Августа 13, за милю передъ Паволочью, соединились всѣ полки, и гетманы, вмѣстѣ съ региментарями, собрались на раду въ палатѣ князя Вишневецкаго. Опъ былъ здоровъ и веселъ. Его, безъ

смпѣнія, радовала надежда возвратиться въ тотъ край, который онъ колонизовалъ съ такимъ уснѣхомъ. На другой день, во время жажды, онъ поѣлъ съ аппетитомъ огурцовъ, запилъ неосторожно медомъ, испортилъ себѣ желудокъ; врачъ его пивагера, Замойскаго, ксендзь Куназіусъ, не могъ ему помочь; его перенесли въ павлочскій замокъ и утромъ 20 римскаго августа скончался.

Освѣдимъ пишетъ, что войско готово было бы своею кровью искупить его кончину, еслибъ это было возможно. Теперь поняли всѣ, чего лишились. Органъ шляхетскаго возрѣнія, варшавскій Анонимъ, приписываетъ королевской факціи то, что Вишневецкому не дали довершить побѣду подъ Берестечкомъ. Королю внушали, что Вишневецкій соперничаетъ съ ними въ славѣ побѣды, и заставили талаптливаго полководца посторониться передъ королевскимъ триумфомъ: только по этому (говоритъ Анонимъ) козаки ушли изъ табора.

Такъ думала о нашемъ Байдичѣ, можно сказать, почти вся Польша, которой лучшая часть вѣровала въ результаты битвъ, а худшая — въ результаты политической казуистики, и обѣ ошибались вмѣстѣ съ погубленнымъ польщицкою русскимъ героемъ.

Отправивъ залитый смолою гробъ къ безутѣшной Гризельдѣ, панское войско рвалось въ Украину, которая теперь отвергала уже не только отступниковъ церкви и народности предковъ своихъ, но и всѣхъ, кого видала она подъ однимъ съ ними знаменемъ. Съ другой стороны, козаки, слыша, что пѣтъ уже на свѣтѣ грознаго Князя Яремы, вдохновились повой завзятостью противъ Ляховъ и Недоляшковъ. Когда паны подошли къ мѣстечку Трилісамъ, принадлежавшему къ бѣлоцерковскому староству, и остановились въ небольшой милѣ отъ него, охотники-шляхтичи принялись возстановлять по-козацки славу побитыхъ козаками хоругвей. Они грабили и жгли подгородные хутора; они избивали все живое, не сознавая, что сѣютъ въ обѣтованной землѣ драконовы зубы, которые будутъ безъ конца терзать ихъ польское потомство. Козацкая чернь, въ знакъ презрѣнія къ панамъ завоевателямъ, показывала имъ заднія части, а нѣкоторые, среди всякихъ другихъ ругательствъ, кричали имъ: „Ляхи! продайтесь намъ, не псуите кѣсней: атд ні на чому буде втекаѣти въ Краківъ“.

Мѣстечко сохранило въ своемъ названіи память о трехъ лѣсахъ, которые, можетъ быть, видѣлъ Коптарица въ XV столѣтіи, когда *Rossia bassa* состояла изъ безлюдныхъ пустынь. Отъ этихъ лѣсовъ уцѣлѣли вокругъ него великанскіе дубы толщиной въ пивную бочку, а множество другихъ дубовъ употреблено было жителями для устройства частокола, который казался имъ непреодолимымъ. Кромѣ укрѣп-

леннаго такимъ образомъ вала, въ Трилісахъ, какъ и во всякомъ тогдашнемъ городкѣ, былъ замокъ, снабженный пушками. Изъ-за развѣсистыхъ древнихъ дубовъ эти пушки стрѣляли завзято по разорителямъ любезныхъ украинцу хуторовъ и пасѣкъ. Въ Трилісахъ заперлось тысячи двѣ черни и 600 козаковъ, предводимыхъ сотникомъ Богданомъ. Прилегавшес къ мѣстечку длинное, широкое, болотистое озеро придавало еще больше смѣлости его защитникамъ. Даже и женщины вооружилась косами. Корсунскій герой Потоцкій вознамѣрился застрашать своихъ побѣдителей истребленіемъ Трилісь. Остановивъ приступъ къ мѣстечку, дождался онъ нѣхоты, а между тѣмъ велѣлъ приготовиться къ бою по одной хоругви изъ каждаго регимента.

На зарѣ 24 (14) августа грянули пушки. Не устоялъ противъ нихъ частоколь изъ великановъ-дубовъ. Множество волонтеровъ, обдиралъ и руинниковъ даже родной шляхетчины, какъ бы творя поминки по князѣ Вишневецкомъ, вломились въ мѣстечко вмѣстѣ съ нѣхотой и произвели поголовную рѣзню, не щадя ни женщинъ, ни дѣтей. Уцѣлѣли только тѣ женщины, которыхъ служилые Волохи и другіе товарищи вводили къ себѣ въ лагерь за мѣстечко (*które niektórzy ochraniaли, uwodząc za miasto, jako Wolosza i inne towarzystwo, tego sobie nabrawszy*)... „По милости Божіей“ (пишетъ авторъ дневника, мокнувъ перо въ горячую кровь) „теперь есть у насъ чѣмъ оживить нѣхоту; только хлѣба всего трудноѣе добыть, такъ какъ его надобно молотить и печь, а напитоковъ, безъ которыхъ намъ очень худо, если и покажется немного, то дорого: кварта горѣлки по 3 золотыхъ, пива по 1 зл. и 15 грошей, медъ по 2 зл. и 15 гр. гарнецъ, и то самое горшее, вино по 8 зл., петерциментъ (испанское вино) по 10 зл. гарнецъ“.

Возблагодаривъ за Божію милость рѣзнею и грабежемъ, продолжавшимися цѣлый день,—ночью, съ обвлекенными силами, приступили жолнеры къ замку. Служилъ въ региментѣ Богуслава Радвила 60-лѣтній ветеранъ религіозной войны, капитанъ Штраусъ. Этотъ мастеръ своего ремесла вломился въ замокъ первый и гналъ передъ собой цѣлую толпу козаковъ; но храбрый козачка нанесла ему два смертельныхъ удара и пала съ честью подъ мечами его дружины. Погибъ и другой насмный Пѣмецъ, капитанъ королевской гвардіи, Валль, вмѣстѣ съ 30 своими сподвижниками. Замокъ былъ взятъ лишь въ 4 часа утромъ. Осажденные пытались бѣжать вплавъ и на челнахъ черезъ прудъ, но ихъ встрѣчали ружейною пальбою. Спаслись весьма немногіе. „Множество труповъ“ (пишетъ мемуаристъ) „валяется всюду

по ямамъ, пивницамъ, коморамъ, кругомъ мѣстечка и по полямъ, какъ мужинъ, такъ и женщинъ съ дѣтьми... Все мѣстечко съ замкомъ и хуторами обращено въ пепель; погорѣли и церкви; даже дубы, окружавшіе замокъ и мѣстечко, малымъ чѣмъ тоньше пивныхъ варецкихъ бочекъ, и тѣ сожжены; словомъ, все выгублено огнемъ и мечемъ. Скота досталось каждому войску страшное множество (*bydła sroga rzecz wojsku dostała się każdemu*)“.

Мясковский доносилъ королю о разореніи Трилицъ въ качествѣ стратегика и политика.

„Августа 23 остановились мы въ двухъ съ половиною миляхъ подъ трилицскими пасѣками среди необозримыхъ пажитей, и въ одинъ часъ лагерь наполнился всякою живностью съ козацкихъ хуторовъ не только для необходимаго, но и для роскоши (*non solum ad necessitatem, ale i ad delicias*), что трудно было воспретить голоднымъ и гетманскою трубою. Но неукротимая чернь (*effrenis plebs*), видя передъ глазами наше войско довольно огромное, не выслала и живой души съ просьбой о помилованіи, напротивъ, осынала нашихъ тысячь ругательствъ (*mille conviciis impetebant*)... Панъ Краковскій употреблялъ всякія средства, чтобы привести ихъ къ покорности, но они и слышать о томъ не хотѣли. Поэтому въ день св. Варооломея, который, яко мученикъ, хотѣлъ ознаменовать свой день широкимъ кровопролитіемъ (*jako Martyr, effuso cruore dzień swój chciał illustrare*), панъ полевой писарь (Пршіемскій) пошелъ на самомъ разсвѣтѣ, въ Божій часъ, подъ мѣстечко съ 600 пѣхоты, прикомандированной изъ разныхъ региментовъ, и 400 своихъ драгунъ да съ четырьмя полевыми пушками, и, видя, что мы не могли никоимъ образомъ идти далѣе въ Украину, не отворивъ этого прохода черезъ рѣчку Каменицу, которую миновать нигдѣ не могли, а притомъ не слыша никакой просьбы о помилованіи, велѣлъ ударить изъ пушекъ въ крѣпкій частоколъ, составленный изъ цѣльныхъ дубовъ, и, проломавъ его, долженъ былъ уже отважиться черезъ ровъ, хотя сухой, по крутой и глубокой, папристунъ, который, по милости Божіей, совершилъ успѣшно (*feliciter z łaski Bożej successit*): ибо гарнизонные козаки, устрашенные нашею рѣшимостью, начали отступать въ замокъ, болѣе крѣпкій, нежели мѣстечко. По долгомъ козацкомъ сопротивленіи и по долгой кровавой игрѣ, въ которой пало два капитана и одинъ хорунжій (Волетъ) вторгнулись наши въ замочекъ, гдѣ поражениемъ и истреблениемъ всѣхъ, безъ различія пола и возраста, отмстили потсрю своихъ, хотя и невозвратимую,—пощадилъ только тѣхъ, которыхъ разсудительнѣйшіе увлекли отъ ярости воиновъ (*strage et caede kozaków, ulti sunt*

iacturam lubo incomparabilem suorum, sine discrimine poniekąd sexus et aetatis, chyba których baczuiejszy sustraherunt furori militum). И трудно было, поистинѣ, укротить жолнеровъ, жаждавшихъ мести (*avidum vindicatae cohibere militem*)... Сотникъ ихъ, комендантъ старинный съ предковъ козакъ (Богданъ) взять живымъ, и когда его спросили: что васъ привело къ такому упорству? отвѣчалъ, что сегодня хотѣлъ намъ Хмельницкій прислать ночью подкрѣпленія изъ Хвастова, не думая, чтобъ это мѣстечко такъ скоро было взято. Въ Хвастовъ не могли уйти больше 20 козаковъ: ибо и тѣхъ, которые переплывали челнами, наши тотчасъ на берегу перенимали и убивали. Въ одинъ часъ мѣстечко сдѣлалось жертвой огня съ замкомъ и прекрасною церковью... Думали, что это хлопское упорство легче преодолѣть огнемъ и мечемъ (*la chlorska regnikacia facilius dometur szablą i ogniem*), нежели угрозой и списохлденіемъ“.

Хмельницкій въ тотъ же день, когда Мясковскій доносилъ королю (26 римскаго августа) объ истребленіи Трилисъ, прислалъ къ Николаю Потоцкому смиренное, миролюбивое и богобоязненное письмо, а это значило, что онъ готовить ему нѣчто противоположное.

„Видитъ Богъ“ (писалъ старый лицемѣръ), „что мы не желали дальнѣйшаго разлитія крови и довольствовались ласкою его королевской милости. Но вотъ опять зачепка съ обѣихъ сторонъ! Которая сторона больше виновата, пускай судитъ Богъ. Намъ трудно было наклонять шею подъ мечъ: мы были принуждены обороняться. А на его милость короля, нашего милостиваго пана, не поднимали рукъ: ибо и подъ Берестечкомъ, гдѣ войско не испытало милосердія его королевской милости, мы должны были уступить ему, яко своему пану, и идти къ своимъ домамъ, желая уже впродъ мира. Но, такъ какъ ваша милость изволитъ поступать съ войскомъ своимъ, мы знаемъ, что это хлопится не къ миру, а къ большому разливу крови, и что это совсѣмъ (*totaliter*) не съ нашей стороны дѣлается, свидѣтельствуемся всемогущимъ Богомъ. А такъ какъ вашность панъ отправлялъ съ нами экспедиціи неоднократно, то съ обѣихъ сторонъ должна быть невозпаградимая шкода: и теперъ, если не употребишь состраданія, каждый готовъ умереть при своемъ убожествѣ, и восхочетъ положить голову: ибо всякая пташка охраняетъ свое гвѣздо, какъ можетъ... Мы, однакожь, о вашность панѣ думаемъ, что, умилосердясь надъ христіанствомъ, чтобы съ обѣихъ сторонъ не разливалась невинная кровь, благоволишь желать святаго мира. И мы его сильно желаемъ, и вашность пана просимъ, чтобы вашность панъ, яко *primas regni*, мудрымъ своимъ совѣтомъ благоволилъ устроить, чтобъ уже кровавый

потокъ былъ остановленъ, и внести къ его королевской милости, нашему милостивому пану, предстательство о насъ, чтобъ онъ благоволилъ оставить насъ при нашихъ вольностяхъ и возымѣлъ отеческое милосердіе надъ своими подданными. Пускай бы уже въ королевствѣ его королевской милости процвѣталъ желанный миръ, и соединенныя силы были готовы на службу его королевской милости; а чего бы вашмость панъ требовалъ, благоволи вашмость, нашъ милостивый панъ, объявить, не наступая съ войсками: ибо мы уразумѣли, что вашмость панъ, какъ это изволилъ выразить въ универсалѣ своемъ, писанномъ въ Бѣлую Церковь, не желалъ уже больше разлитія крови. И мы также съ войсками своими не будемъ двигаться, а будемъ ожидать милостивой деклараціи отъ вашмость пана, которую надѣмся получить въ понедѣльникъ. Просимъ и вторично вашмость пана, а за дознанное благодареніе и милость доживотно будемъ обязаны отслуживать нашему милостивому пану. Теперь же поручаемъ себя усердно съ униженными нашими услугами. Данъ съ табора Лвезна... августа 1651“.

На письмо Хмельницкаго Потоцкій не считалъ нужнымъ отвѣчать. Отвѣтъ взялъ на себя кievскій воевода, Кисѣль. Узнавъ о судьбѣ Трилісь, козаки оставили Хвастовъ, который былъ очень нуженъ Потоцкому для свободнаго сообщенія съ Полѣсьемъ, для помѣщенія возовъ, которые, увеличиваясь въ своемъ числѣ безмѣрно, затрудняли движеніе войска, а также для больныхъ, которыхъ было въ войскѣ много.

Въ Хвастовѣ не застали паны и одного человѣка: козаки, въ числѣ 4 000, бѣжали въ Бѣлую Церковь, гдѣ стоялъ Богунъ съ значительною силою. Для насъ непонятно, почему сотника Богдана, взятаго въ Трилісахъ, посадили въ Хвастовѣ на колъ. Еще непонятнѣе фактъ, что ночью кто-то укралъ его вмѣстѣ съ коломъ. „Не извѣстно куда онъ дѣвался“ (сказано въ дневникѣ). „Велѣля смотрѣть, не похороненъ ли онъ. Полевой гетманъ грозилъ тому, кто его укралъ (groził się na tego, kto go ukradł), и былъ бы наказанъ“.

„Теперь уже войско приходитъ въ себя“ (пишетъ авторъ походаго дневника): „ибо здѣсь, по милости Божіей, края обильные урожаемъ хлѣбовъ; только надобно молотить, и кто умѣетъ, молотить, или у кого есть такая челядь. И страшно большая здѣсь копа (srodze tu gęsta kopa), какой въ Польшѣ не увидишь“.

Августа 30 (20) явился отъ кievскаго митрополита къ коронному великому гетману монахъ съ выраженіемъ отъ лица греческаго духовенства покорности королю и съ просьбой о покровительствѣ.

„Онъ оправдывался“ (сказано въ дневникѣ), „что, по причинѣ завоеванія этихъ краевъ, не могъ никакимъ образомъ прибыть раньше. Въстѣ съ тѣмъ поздравлялъ съ побѣдой, моля Господа Бога, чтобъ его милость король могъ скорѣе видѣть свое королевство“. А Кутнарскій привезъ письма отъ волошскаго господаря, и вмѣстѣ съ ними отдалъ Потоцкому прекраснаго коня, весьма богато осѣдланнаго, три кисти съ драгоцѣнными камнями, еще отъ Солимана, турецкаго императора, два персидскіе ковра, ткапные золотомъ, и двѣ штуки персидскаго златоглава.

Сентября 2 Потоцкій получилъ отъ князя Радивиля увѣдомленіе, что онъ идетъ на соединеніе съ короннымъ войскомъ, какъ въ это время прибыли и два посла отъ Хмельницкаго, Романъ Катержный и Самара. Ихъ провели сперва чрезъ весь лагерь къ Адаму Киселю, которому вручили покорное письмо Хмельницкаго къ Потоцкому. Съ вѣдома Потоцкаго, Кисель читалъ имъ длинную проповѣдь о томъ, что коронный гетманъ тогда только будетъ трактовать съ козаками, когда они—или Хмельницкаго выдадутъ, или всю Орду, которая пришла къ нимъ, вырѣжутъ, а мурзъ отдадутъ живыми.

На другой день привели Катержнаго и Самару къ Потоцкому въ то самое время, когда войско садилось на коней и вся военная музыка весело и громко играла. „Оба они“ (пишетъ мемуаристъ) „упали къ ногамъ пана Краковскаго и подали письмо. Прочитавъ его, панъ Краковскій выговаривалъ имъ всѣ ихъ злодѣйства, особенно же то ехидство, что Хмельницкій послалъ за Ордой, а они просятъ о помилованіи“. „Поэтому“ (сказалъ имъ гетманъ) „не могу я отвѣчать на письмо Хмельницкаго: ибо не признаю его вашимъ гетманомъ послѣ того, какъ онъ поднялъ руку на его королевскую милость, а къ вамъ, къ вашему войску напишу, что его королевская милость далъ мнѣ въ одну руку мечъ, а въ другую—милосердіе. Не могу я приступить къ трактатамъ съ вами иначе, какъ, если вы сдѣлаете одно изъ двухъ, что вамъ панъ воевода кievскій напишетъ моимъ именемъ; а времени для образумленія даю вамъ три дня, до среды: потомъ немедленно наступлю съ литовскимъ войскомъ, и христіанская кровь должна разлиться“.

Съ этимъ одинъ посолъ тотчасъ поскакалъ на Русаву, а другой остался въ панскомъ лагерѣ.

Въ тотъ же день двинулся Потоцкій къ Василькову. Приведенные къ нему языки показали, что козаки въ Бѣлой Церкви мучили двоихъ плѣнныхъ жолнеровъ, допытываясь, какъ велико панское войско, но тѣ на пыткахъ говорили въ одно слово, что въ Украину при-

шло все войско, бывшее подъ Берестечкомъ, только пѣтъ короля, а посполитаки на свое мѣсто прислали жолнеровъ. „Потомъ ихъ кропили горілкою ѿ медомъ“ (пишетъ мемуаристъ), „и хотѣли вынудить у нихъ число войска; но тѣ говорили то же, что и *на мукахъ*“. Конфессату ихъ послали ночью къ Хмельницкому, съ просьбой, чтобы онъ—или позволилъ имъ—покориться польскому войску, или же позаботился о добрыхъ подкрѣпленіяхъ. Тамъ же посадили на колья десятка полтора Нѣмцевъ, а другихъ жарили на рожнахъ за то, что сотника ихъ, взятаго съ Трилісахъ, покарали коломъ. Поздно ввечеру митрополитъ прислалъ Потоцкому добрыхъ напитковъ. Посланцы его рассказывали „о сожженіи Кіева“, и какая великая добыча досталась литовскому войску, какъ въ деньгахъ, такъ и въ движимости. По ихъ словамъ, ее надобно было считать милліонами: ибо только у трехъ купцовъ нашли 160.000, а сколько же у другихъ въ серебрѣ и драгоценностяхъ, которыхъ большая часть осталась въ Кіевѣ послѣ пильвецкой добычи!

По плану Хмельницкаго, который онъ чертилъ себѣ передъ началомъ войны, Литовскимъ Княжествомъ предполагалось овладѣть одновременно съ Короною. Какъ Напѣрскій-Костка долженъ былъ неожиданно наводнить взбунтованною чернью Краковъ, такъ съ другаго края сшивной Польши былъ посланъ какой-то Тарасенко для внезапнаго нападенія на Рославль. Тарасенко, не тревожа Бѣлоруссіи слухами о пастушеніи поваго Наливайка, провелъ какъ-то 4.000 козаковъ черезъ московское пограничье. Въ Брянскѣ привелъ онъ свое войско въ порядокъ, снарядилъ окончательно, и вторгнулся въ Рославль 16 іюня, почью, „безъ борьбы и кровопролитія“, какъ доносилъ своему воеводѣ подъ Берестечко смоленскій подвоеводій, мстиславскій подкоморій. Находившіеся тамъ въ незначительномъ количествѣ шляхтичи, а также и подстаростій, бѣжали. У Тарасенка было 7 пушекъ. Козаки его сидѣли на прекрасныхъ лошадяхъ и были одѣты въ бѣлыя свитки. Первое извѣстіе о нихъ было получено, когда они отправили впередъ свои чаты для собиранія живности. Былъ слухъ (конечно, распущенный ими самими), что они получили царскую грамоту къ пограничнымъ воеводамъ, разрѣшавшую пропустить ихъ въ Литву еще на русскаго Николая (9 мая). Но брянскій де воевода задержалъ ихъ и послалъ просить вновъ царскаго распоряженія, такъ какъ польскіе послы находились тогда въ Смоленскѣ и рассказывали, будто имъ, отъ имени царя, данъ такой отвѣтъ: „Управьтесь вы сами со своимъ хлопами, а потомъ уже я помогу вамъ противъ Татаръ“. Кроме того, рассказывали они, будто бы съ царскаго разрѣшенія, козаки сами себѣ сгромили въ Московской землѣ мосты для переправы.

Интереснѣе для насъ и самихъ походовъ Тарасенка въ Бѣлоруссію то, что посланный изъ Смоленска въ Брянскъ лазутчикъ привезъ отъ бояръ, жившихъ въ окрестностяхъ Брянска, Леонтьева и Семеева, „весьма обстоятельныя извѣстія“ о томъ, какъ провозжали изъ Брянска козацкое войско, кто были провозачтыя и черезъ какія ссла вели его. „Семсева“ (писалъ подвоеводій), „я полагаю, ваша милость помнить. Вы встрѣчали его веселящагося у меня, въ послѣднюю вашу бытность. Это человекъ очень хорошій. Онъ передалъ мнѣ весьма обстоятельныя извѣстія. По его словамъ, по царскому указу и по распоряженію брянскаго восводы, мѣстные бояре провозжали козацкое войско. Онъ даже назвалъ поименно бояръ. Провозачтыми именно были: онъ самъ, Тимошей Голыновъ, Ѳедоръ Безобразовъ, Алексѣй Требашный, Копстантипъ Мясоѣдовъ и до двадцати другихъ, которыхъ лазутчикъ не помнилъ. Изъ Брянска въ Рославль они вели козаковъ по слѣдующему маршруту: Брянскъ, Леденево, Бирощекъ, Миловники, Клевитовъ, Новоселки, Череминъ, Горошково, Жарево... Сегодня“ (продолжаетъ подвоеводій) „опять получилъ я точное извѣстіе, что начальникъ этой сволочи, Тарасенко, уже разослалъ чаты изъ Рославля: одну въ Прудки и Череповъ, другую въ Ельню и Дорогобужъ. Послѣднимъ городомъ они овладѣли, захватили въ немъ пушки и запасъ пороху, склонили къ бунту всѣ окрестныя волости, и намѣрены изъ Дорогобужа идти въ Кричевъ, Мстиславъ, Могилевъ, Оршу, и затѣмъ, овладѣвъ этими городами, покусятся на Смоленскъ. Пожаръ приближается къ намъ. Уже хлопы у насъ бунтуютъ; а между тѣмъ я не располагаю никакими средствами защиты. Въ подѣзды мнѣ некого послать, кромѣ грунтовыхъ козаковъ. Но они не годятся для разѣздовъ: отправивъ ихъ, я бы только доставилъ непріятелю языковъ: ибо козаки эти на клячахъ, взятыхъ отъ сохи, не въ состояніи ничего сдѣлать, и сами, безъ нужды въ томъ, погибнуть. Изъ помѣщиковъ здѣсь нѣтъ никого. Они медлятъ; затѣяли созвать сеймикъ, а между тѣмъ непріятель опустошаетъ уже край, овладѣваетъ селами, и съ каждымъ днемъ усиливается и становится опаснѣе. При козакахъ находится и отрядъ Татаръ въ 600 коней“.

Хмельницкій сдѣлалъ поджогъ съ обѣихъ сторонъ весьма искусно, да еще умудрился пустить слухъ, черезъ покупныхъ людей, и о царскомъ вмѣшательствѣ въ его каверзы. Но разгорѣться огню не дали, какъ со стороны Кракова, такъ и со стороны Рославля. Мы уже знаемъ, какъ былъ уничтоженъ Небаба. Хмельницкій возлагалъ на него такую же надежду, какъ и на погибшаго въ Бѣлоруссіи Кричевскаго. Сдѣланный Хмельницкимъ въ этомъ важномъ случаѣ выборъ

можно уподобить выбору каррикатурнаго Зевеса относительно каррикатурнаго Енса:

Чи бачишъ, вінъ який парийще?
 На світі мало є такіхъ:
 Горілку, такъ мовъ брѣгу, хлѣще:
 Я въ парубкѣхъ кохаюсь сихъ.

По словамъ Самовидца, козаки Пебабы „оставали безпечно, болшей бавячися пьяпствомъ, анѣжели осторожностію, розумѣючи, же юже пезвитажоними zostали“. Своею *войсковою несправностію*, въ которой упрекасть его Самовидецъ, онъ погубилъ и Тарасенка, въ которомъ украинская историографія лишилась такого же предмета прославленія, какимъ обѣщала ей быть и Костка-Напѣрскій.

Разбивъ Пебабу, князь Янушъ Радивиль отправилъ Гонсѣвскаго на правую сторону Днѣпра, гдѣ Хмельницкій поставилъ на сторожѣ въ Червобылѣ Горкушу, а подѣ Києвомъ — кіевскаго полковника, Антона Ждановича; самъ же Радивиль подступилъ къ Черпигову, гдѣ козаки наготовили множество запасовъ. Козацкій гарнизонъ бѣжалъ изъ Черпигова. Радивиль занялъ городъ и, какъ былъ въ Польшѣ слухъ, опустошилъ поненріятельски окрестныя мѣста.

Между тѣмъ Гонсѣвскій разбилъ Горкушу. Антонъ Ждановичъ встрѣтилъ литовское войско въ 15 верстахъ отъ Кіева, и пытался отразить; но, какъ объясняли царскимъ людямъ въ Чигиринѣ, внявъ совѣту кіевскаго митрополита и печерскаго архимандрита не подвергать козаковъ напрасной опасности и не раздражать Радивиля противъ Кіева, только выполнилъ благой совѣтъ съ такой поспѣшностію, что, по словамъ жившаго тогда въ Печерскомъ монастырѣ Ерлича, побросалъ въ Кіевѣ все, даже пушки.

Радивиль занялъ Кіевъ мирно, на сколько это было возможно при извѣстномъ хищничествѣ литовскаго войска. Лагерь свой расположилъ онъ въ „старосвѣтскихъ валахъ“ около Св. Софіи, обезопасилъ Печерскій монастырь сильною стражею, а самъ занялъ квартиру въ резиденціи митрополита у Св. Софіи („w rokojach Ojca Metropolity“, пишеть Ерличъ). По кіевскіе мѣщане, еще до прихода Литвы, сѣли на байдаки вмѣстѣ съ козаками, и ушли къ Переяславу, Черкасамъ и другимъ поддѣпровскимъ убѣжищамъ, такъ что Радивиль, по словамъ Самовидца, засталъ Подольское мѣсто мало не пустымъ.

Въ это время проѣзжалъ черезъ Кіевъ къ Хмельницкому царскій подъячій, Омишъ, вмѣстѣ съ возвращавшимся изъ Москвы агентомъ Хмельницкаго, назаретскимъ митрополитомъ Гавріиломъ; но въ

донесеніи царю написать о своемъ пребываніи въ Кіевѣ только слѣдующія слова:

„А какъ у козаковъ (Ждаповича) съ Поляки (т.-е. съ Литвою) былъ бой, и кіевскіе мѣщане животы свои изъ Кіева вывозили и сами выбѣжали за Днѣпръ, и въ тѣ поры, съ великого страхованья, другъ друга топтали, и межъ ими въ Кіевѣ по улицамъ и на перевозѣхъ тѣспота была большая. А митрополитъ (Гавріилъ) и подъячій въ тѣ поры отъ польскихъ людей, будучи въ Кіевѣ, были въ великомъ страхованьѣ. А въ Кіевѣ города и никакихъ крѣпостей нѣтъ, и въ осадѣ сидѣтъ отъ воинскихъ людей пегдѣ“.

Сентября 4 Потоцкій получилъ увѣдомленіе, что князь Радивилъ идетъ на соединеніе съ нимъ съ 2.000 войска, оставивъ свой обозъ и войско подъ Кіевомъ. Но еще до прихода Радивила донесли Потоцкому, что 5.000 „хлоповъ“, соединясь въ двухъ миляхъ отъ лагера, идутъ къ Днѣпру, неизвѣстно для чего. Полевой гетманъ двинулся противъ нихъ съ четырьмя полками и съ тысячею пѣхоты, а великій, съ нарядною кавалькадою, встрѣтилъ въ полѣ Радивила. Съ обѣихъ сторонъ (сказано въ дневникѣ) старались показать войсковую роскошь въ лошадяхъ, оружіи, панцыряхъ, щеголяя кирасами, леопардовыми, тигровыми шкурами, серебромъ и золотомъ (z wielkim splendorem wojskowym z obu stron, konno, zbrojno, pancerno, od kirysów świetnych, lampartów, tygrysów, srebra i złota).

Начались взаимныя угощенія, а между тѣмъ Калпновскій, какъ было слышно, положилъ на мѣстѣ 3.000 изъ 5.000 „хлоповъ“, которые намѣревались ударить на литовскіе байдаци подъ Кіевомъ и овладѣвъ ими, осадить немногочисленное литовское войско. Одновременно съ этими „хлопами“ спускались по Деснѣ къ Кіеву козацкія чайки, и еслибъ имъ удалось покушеніе, то оно было бы наддсающимъ коментаріемъ смиреннаго, миролюбиваго и богобоязненнаго письма Козацкаго Батька къ Потоцкому. Козацкая флотилія ударила на литовскіе байдаци 6 римскаго сентября, но безъ пособія пѣхоты ничего больше не сдѣлала.

Въ Кіевѣ между тѣмъ своевольники (какъ пишетъ Ерличъ) зажгли „для грабежа“ Подоль. На другой день пожаръ возобновился. Сгорѣло 2.000 домовъ (однихъ шляхетскихъ 300) и нѣсколько церквей, въ томъ числѣ и Пречистая въ рынкѣ, въ которой хранились градскія и земскія книги; сгорѣли также и (братскія) „школы“.

Козаки чуяли, что конецъ ихъ добычному промыслу приближается; что Ляхи съ одной стороны, а Москали съ другой, какъ народы хозяйливые, должны вступить въ свои права; что только въ единеніи

съ Татарами возможно еще кочевать въ тѣхъ мѣстахъ, которыя панскій плугъ, подъ защитой сабли, отвоевалъ у такихъ же, какъ они сами, чужездниковъ. Къ берестечскимъ бѣглецамъ присоединялись всѣ разоренные, споспшые, развращенные козачиной мужики, которыхъ кобзари тѣсно связываютъ въ своихъ думахъ съ днѣпровскимъ рыцарствомъ:

Тоді козакъ и мужикъ за пана Хмельницького Бога просивъ,
Що не оди́нъ жидівський жупанъ зносівъ.

Все бездомовное, все задорное, хищное, пьяное поднялось въ козаки по-прежнему; а хоть и были такіе селяне и мѣщане, какъ въ Паволочи, которые на призывъ Козацкаго Батька отвѣчали проклятіями, то ихъ, какъ вскорѣ и поволочанъ, не миповалъ козацкій терроръ въ видѣ кроваваго пабѣга. Омужичившаяся Малороссія дышала по-прежнему войною, которую зажигали и мщеніе панамъ за ихъ кары отъ имени королевскаго правительства, и жажда добычи, которою всѣ разлакомились, подобно звягельской кушнѣркѣ, и отвращенія къ труду, отъ котораго всѣ отвыкли.

Интеллигенція церковная, полонизованная Петромъ Могилою, умолкла съ своими наставленіями, обращенными къ Хмельницкому, привѣтствовала классическою польщициною того самаго Потоцкаго, котораго восхваляла за его побѣды надъ *ребеллиантами* Поляки въ облаченіи православнаго митрополита, и хлопотала лишь о томъ, какъ бы остались цѣлы ся духовные хлѣбы. Строгая школа иночества, філія „духовной школы“ Аѳонской, казалось, умерла съ великимъ представителемъ своимъ, столѣтнимъ затворникомъ, преподобнымъ Іовомъ Почаевскимъ, скончавшимся въ этомъ году *). Надъ антианской паствой Іоанна Вишенскаго, Іова Борецкаго, Исаи Кошинскаго господствовалъ безнравственный козакъ, и въ глазахъ пьяной, грязной, кровавой черни былъ божкомъ, достойнымъ поклоненія. Подобно тому, какъ въ Турціи по базарамъ и караванъ-сараямъ каждая побѣда янычаръ и снаховъ немедленно воспѣвалась присяжными турецкими и славянскими бардами,—среди нашихъ малорусскихъ рыпковъ, во всемъ похожихъ теперь на азіятскіе, пѣлись козацкія легенды, имѣвшія цѣлью возбуждать воинственный жаръ въ слушателяхъ. Хотя Хмельницкій говорилъ публично, что воевалъ сперва только за свою обиду, по базарные пѣвцы дѣлали его воителемъ христіанской вѣры съ самаго начала его бунта:

*) 28 октября 1651.

Ой изъ день-годины,
 Якъ стала трівдга на Вкраїні,
 До ніхтò не мòже ся обібрàти
 За віру христийнську одностàйно стати;
 Тільки обізвавъсь Барабашъ та Хмельницькій,
 Та Кліша Білоцерківський, и т. д.

Теперь война за вѣру сдѣлалась кличемъ и такихъ козаковъ, которые держали татарскимъ обычаемъ по нѣскольку жеспъ, и такихъ, которые продавали ихъ на рынкахъ вмѣстѣ съ прочею животиною, или, какъ поется въ пѣснѣ, промѣнивали *жизну за топионъ та лѣмьку*... Смерть недостойнаго кориноскаго митрополита подъ Берестечкомъ сдѣлалась въ козакомужицкой Малороссіи печатью вѣры, и даже татарское людохватство среди козаковъ истолковывалось „гопснѣмъ Ляховъ на благочестіе“. Между тѣмъ азійскіе хищники, въ рукахъ Козацкаго Батька, были мечемъ обоюдоострымъ. Кто бы противился новому походу на *пелѣнниковъ*, кто бы захотѣлъ вернуться къ прежнему порядку вещей, на того были у него налачи, быстрые въ своемъ дѣлѣ, какъ палець коршуна. По маповенію Козацкаго Батька исчезли бы съ лица земли цѣлыя села и мѣстечки, подобно Паволочи, а люди, отвергающіе козачипу, очутились бы въ татарскихъ лыкахъ.

Испытавъ дважды предательство Исламъ-Гирея, Хмельницкій обратился къ его *козакамъ*, къ вольнымъ мурзамъ, относившимся къ ханской власти, какъ запорожскіе баниты къ королевской. Толпы буджацкихъ и другихъ ордынцевъ, составлявшія революціонный элементъ самой татарщины, по соглашенію съ Хмельницкимъ, прикочевали къ Корсуню, и однимъ своимъ появленіемъ обезпечивали ему господство надъ Малороссіей. Объ этомъ знали и въ Москвѣ, которая не упускала изъ виду борьбы, должнествовавшей рано или поздно привести польскорусскую землю подъ высокую царскую руку.

Подъячій Богдановъ, гостившій у Хмельницкаго въ Корсунѣ по 18 іюля 1651 года, доносилъ царю,—что „около Корсуня верстъ по пяти и по шти и по десяти и больши въ поляхъ кочуютъ Татаровя; а начальныя люди у нихъ Камаметъ-мурза, воевода перекопскій, Ширинъ-мурза, Котлуша-мурза, а веѣхъ двадцать четьре человекъ; а Татаръ съ ними, сказывають, тысячъ съ тридцать“ (число, преувеличенное бѣглымъ гетманомъ) „и больши; а остались отъ крымскаго царя и къ гетману пришли на помочь, и кочуютъ подъ Корсунемъ безъ новелѣнья крымскаго царя, своею охотою“.

Тотъ же царскій подъячій доносилъ, что посланныхъ Хмельницкимъ въ Москву пазаретскій митрополитъ Гавріиль, въ его присутствіи, далъ Хмельницкому такой отвѣтъ: „Великій государь, его царское величество, гетмана за то, что онъ его государскіе милости и жалованья къ себѣ ищетъ, милостиво похваляетъ, и впредь онъ, великій государь, его царское величество, его, гетмана, за его службу, въ своей государской милости и въ жалованьяхъ держати будетъ“.

Проговора эти слова, Гавріиль вручилъ Хмельницкому свою рѣчь на бумагѣ. Она была написана „бѣлорусскимъ письмомъ“ въ Москвѣ, „для того“ (какъ объясняетъ Богдановъ), „чтобы ему, гетману, великому государю, его царскаго величества, милостивое заступленья *вразумить доскопико*“. Отнестись къ Хмельницкому прямой грамотой Москва не желала, очевидно, изъ опасенія, чтобы козаки не пустили снова въ ходъ царскаго имени, для большаго уснѣха въ своихъ варварскихъ дѣлахъ.

Прочитавъ написанное, Хмельницкій, по словамъ Богданова, „учалъ плакать“, понимая, конечно, въ досадѣ, что на него въ Москвѣ смотрять, какъ на опаснаго злодѣя, но, плача, выражалъ готовность (писалъ Богдановъ) „быть подъ государскою высокою рукою, такъ же, какъ у него, великаго государя, всякихъ чиновъ люди въ подданствѣ и во всей государской волѣ пребываютъ, и въ томъ всею Малою Русью духовного чину и свѣцкаго дати на себя договорное письмо за руками, и въ томъ учинить присягу отъ велика и до мала“.

Гавріиль одобрилъ его намѣреніе, и что онъ, гетманъ, великому государю служить и его государской милости ищетъ (говорилъ митрополитъ, разумѣется, по московской инструкціи) это его царскому величеству „добрѣ угодно“. Только онъ, митрополитъ, тому дивится, что онъ, гетманъ, православный христіанинъ, а держитъ братство и соединеніе съ бусурманомъ и съ Крымскимъ царемъ и съ Татарами, будучи съ нимъ, гетманомъ, и съ Войскомъ Запорожскимъ въ братствѣ, православныхъ христіанъ побиваютъ и въ полонъ берутъ, и дома ихъ разоряютъ; а нынѣ онъ же, Крымской царь, приходъ къ нему, гетману, и Войску Запорожскому на помощь противъ Поляковъ, во всемъ противъ присяги своей ему, гетману, зрадилъ и самого было его, гетмана, поневолилъ, и знатное дѣло, что хотѣлъ его польскому королю отдать для бездѣльных своей корысти, чтобы ему, бусурману, чѣмъ себѣ большую корысть получить. А о томъ бы онъ, гетманъ, вѣдалъ подлинно: онъ, митрополитъ, въ ихъ бусурманскихъ краяхъ живетъ и ихъ бусурманскіе всѣ обычаи знаетъ, что они, бусурманы, людямъ православные христіанскіе вѣры много присягаютъ, и во

всемъ, присягнуть, лгутъ; да они того себѣ и въ грѣхъ не ставятъ, потому что въ законѣ ихъ написано такъ: будетъ который бусурманъ, съ гауромъ живъ въ братствѣ, умретъ, не учиня ему нѣкотораго зла, за то онъ, бусурманъ, будетъ у Махменя въ вѣчной мукѣ“.

Отвѣтъ Хмельницкаго Богдановъ передалъ въ Москву слѣдующими словами: „И самъ де онъ, гетманъ, знаетъ, что съ бусурманы православные христіанскіе вѣры людемъ братство и соединенье держатъ по неволѣ. Они де, православные христіане, держатъ съ ними братство для того, чтобъ святые Божіи церкви и православную христіанскую вѣру отъ польскихъ и отъ сретическихкихъ рукъ свободить. А они, бусурмацы, съ ними братство держатъ для того, что вездѣ на войнахъ за ихъ головами многую корысть себѣ получаютъ, и, приходя де къ намъ, православнымъ христіаномъ большое дурно чинятъ“.

Умѣлъ Хмельницкій поддѣлываться подъ всякій языкъ и образъ мыслей, по московскаго соловья не удалось ему кормить баснями, какъ польскаго.

О катастрофѣ подъ Берестечкомъ козаки, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, рассказывали царскимъ людемъ, какъ о какой-то побѣдѣ надъ Ляхами, доводя иной разъ ложь до такого безстыдства, что на 6.000 погибшихъ въ бояхъ Ляховъ, съ козацкой стороны падало всего два челоуѣка да раненныхъ было челоуѣкъ восемь, и притомъ побитые Поляки „были, извѣстное дѣло, до бою первые люди: мало не всѣ въ кольчугахъ да въ панцыряхъ“. Такъ отважно не лгалъ и Фальстафъ у Шекспира.

„А вышѣ де“ (писалъ Богдановъ) „и надъ самимъ надъ нимъ, гетманомъ, Крымской царь большое дурно учинилъ, и начомъ присягалъ во всемъ зрадилъ, и его, гетмана, взявъ, отъ козацкаго обозу отвезъ въ дальнія мѣста, и къ войску не отпустилъ, невѣдомо для чего, и держалъ у себя съ недѣлю, и знатное де дѣло, что у него, Крымскаго царя, о немъ, гетманѣ, былъ нѣкакой злой умыселъ. А войско де, видя то, что Крымской царь зрадилъ, и его, гетмана, взялъ съ собою, почаяли того, что Крымской царь сложился съ королемъ и пошелъ украинные ихъ города разорять, и жены и дѣти въ полоуѣ брать, и учинилось Войско Запорожское въ великомъ страхованѣ, и обозъ покинули, и побѣжали на Украину, для того чтобъ Крымскому царю украинныхъ городовъ разорить, и женъ своихъ и дѣтей въ полоуѣ имать не дать“.

До какой степени нужна была теперь Хмельницкому московская протекція, видно изъ дальнѣйшихъ словъ, передаваемыхъ Богдановымъ своеобразно: „И то де самое большое дурно учинилось отъ его, Крым-

скаго царя, зрады, и ему де, гетману, крымской царь какой большой другъ? И только де онъ, гетманъ, и за такое большое дурно роздору пикакова не учинить, и впредь, до времени, роздору учинить не мочно и всякіе обиды отъ него терпѣть, потому: какъ ему, гетману, съ Крымскимъ царемъ учинить раздоръ, и онъ де, Крымской царь, сложася съ польскимъ королемъ, учнетъ на нихъ воевать, и тѣмъ де Крымской царь страшень. А если де великій государь его, гетмана, съ Войскомъ Запорожскимъ и всю Малую Русь всякихъ чиновъ людей приметь, и онъ бы его, великого государя, его царскаго величества, вмеметь былъ Крымскому царю страшень, и обидъ бы отъ него, Крымского царя, пикакихъ терпѣть не сталъ, никакова бъ братства и соединенья и ссылки съ Крымскимъ царемъ, безъ повелѣнья царского величества, держати не сталъ. А съ польскимъ де королемъ сложится ему, Крымскому царю, ни которыми мѣрами не мочно, потому что великого государя подданные, донскіе козаки, Крымскому царю страшны, да и онъ бы, гетманъ, и Войско Запорожское, по указу великого государя, промыселъ падъ ними Днѣпромъ учинилъ, и ему де, Крымскому царю, какъ смѣтъ съ польскимъ королемъ сложится? Да хотя де и будутъ они въ соединеньѣ, и ихъ бояться печево, и противъ великого государя, его царского величества, николи стоять не будутъ. А будетъ великій государь, его царское величество ему, гетману, свое государское изволенье пришлетъ, велить его призвать подъ свою высокую государеву руку, и онъ, гетманъ, служба ему, великому государю, Крымского царя, конечно, учинить подданнымъ“.

Но Москва знала цѣну и слезамъ, и словамъ интригана, принужденнаго переходить отъ Корана къ Евангелію и отъ Евангелія къ Корану. Тотъ же Богдановъ вывѣдалъ отъ Выговскаго, что даже кіевскій митрополитъ, съ партіей свѣтскихъ людей, противныхъ козачишъ, „хотятъ быть въ подданствѣ и во всей королевской волѣ“. Хмельницкій все твердилъ о православной вѣрѣ, а верховникъ православія въ Малороссіи писалъ между отъ лица всѣхъ единомышленниковъ своихъ къ Радивилу, что „если козаки противъ короля стоятъ и войну ведутъ и Кіевомъ владѣютъ, такъ это дѣлается не по ихъ волѣ“. Мало того; самое занятіе Радивиломъ Кіева состоялось по ходатайству предъ нимъ Сильвестра Косова, который убѣждалъ полковниковъ Хмельницкаго не отстаивать города, дабы не навлечь бѣды на православное духовенство и разоренія на кіевскія святыни. Митрополитъ Косъ тѣмъ больше былъ въ правѣ защищать Кіевъ по свосму, что Хмельницкій, разрушая католическіе храмы, не позаботился объ охраненіи православныхъ. „Въ Кіевѣ города и крѣпостей никакихъ нѣтъ, и въ осадѣ сидѣть отъ

воинскихъ людей негдѣ“, доносилъ въ Москву Оомицъ. Даже для спряту паграбленныхъ у пановъ сокровищъ не устроили козаки ни одного замка, не только для охраны древнихъ святынь той вѣры, за которую будто бы они „помирали“.

Видя неподатливость Москвы даже на такія посулы, какъ подданство Крымскаго хана, Хмельницкій обратился къ домашнимъ средствамъ защиты отъ угрожающей ему бѣды. Съ веселымъ и самоувереннымъ видомъ лицедѣй-козакъ появился среди козацкаго вѣча на Масловомъ Ставу, а между тѣмъ распустилъ слухъ, что у него готовится пиръ на весь міръ по случаю новой, третьей женитьбы на сестрѣ пѣжинскаго полковника, Золотаренка. Этимъ союзомъ хотѣлъ онъ упрочить за собой приверженность популярнаго и богатаго полковника, а широкою свадебною попойкою расположить къ себѣ козацкое общество. Между тѣмъ одинъ изъ его агентовъ работалъ въ Царьградѣ, а другой въ Крыму. Козацкое вдохновеніе, ослабѣвъ немного отъ кровопусканія подъ Берестечкомъ, воспріянуло съ новою силой:

„Гей, виріжмо вражихъ Ляхівъ,
Гей, що до одного“!

восклицали козаки въ своихъ кабачныхъ сборищахъ,—и пустыня, лишенная красоты хозяйственной, красовалась лохмотьемъ панскихъ да жидовскихъ жупановъ, развѣвавшимся на голомъ тѣлѣ козаковъ-пѣтягъ въ дикихъ тащахъ. Наступавшее на Украину коронное и литовское войско придавало козацкому разгулу характеръ того пьянства, которому предаются отчаянные пираты на погибающемъ кораблѣ среди бурнаго моря.

Реакцію козакамъ въ Крыму дѣлали съ одной стороны коронный гетманъ, Потоцкій, а съ другой—волошскій господарь, Лупуль. Они успѣли малорусскій бунтъ представить дѣломъ ненадежнымъ, а дружбу съ козаками для хана унизительною. Исламъ-Гирей колебался, и, какъ мы знаемъ, уже послалъ козацкому гетману паставленіе, чтобъ онъ не пьянствовалъ, а просилъ Бога о побѣдѣ. Въ Малороссіи также оказавшіеся шляхтичи противодѣйствовали, сколько могли, завязности боевой массы, которая воображала возможнымъ истребить Ляховъ такъ, чтобъ не осталось ни одного на свѣтѣ, и заставляла самого Хмельницкаго повторять эту вздорную фразу. Козацкое шляхетство старалось устроить компромиссъ между козаками и землевладельцами. Оно составляло свои замкнутые, таинственные кружки и, возбуждая подозрительность общаго вожда, заставляло его тѣмъ самымъ сближаться тѣснѣе съ козацкою голотою, такъ что онъ подни-

сывался уже *Богданъ Хмельницкій и вся чернь Войска Запорожскаго*. Для этого класса такихъ же полу-Поляковъ, какими были Петръ Могила, Сильвестръ Косовъ, Іосифъ Тризна, Адамъ Кисѣль, московское подданство представлялось немного лучшимъ турецкаго. Сравнительно образованный и богатый добычею шляхетный классъ тянулъ и церковную іерархію вспять. Составляя вмѣстѣ съ нею интеллигенцію края, онъ былъ увѣренъ, что церковная іерархія можетъ собственными средствами, безъ козацкой войны, добиться того положенія въ панской республикѣ, какое занимала она до 1596 года, то-есть возвратить духовные хлѣбы изъ рукъ папистовъ въ руки православниковъ: а въ этомъ заключалась для нея и вся суть религіознаго вопроса.

Хмельницкій между тѣмъ зналъ, что польскорусская шляхта не проститъ ему своего поруганія и своихъ утратъ. Козацкая чернь также знала, что се ждетъ возмездіе за тѣ страшныя злодѣйства, которыя она четвертый годъ уже совершаетъ въ Малороссіи подъ видомъ стоянья за православную вѣру. Отсюда между козацкимъ ханомъ и козацкой ордой возникла тѣсная связь самосохраненія; отсюда явилось обязательное для Козацкаго Батка стремление подъ царскую высокую руку, какъ подъ единое надежное убѣжище отъ казни. Хмельницкому надобно было добить Шляхетскій Народъ, „очистить“ землю отъ заклятыхъ враговъ своихъ, или по крайней мѣрѣ совершенно обезсилить ихъ: тогда только могъ онъ эквилибровать между магометанскимъ и христіанскимъ міромъ, которые оба давали щедрый контингентъ козаччинѣ своими гультаями и преступниками. Но что никогда не думалъ онъ быть вѣрнымъ подданнымъ царскимъ, въ этомъ удостовѣряютъ насъ его сподвижники и преемники Выговскій, Тетера и Дорошенко.

Отпраздновавъ свадьбу широкими вакханаліями и вернувъ себѣ популярность у черни Запорожскаго Войска, принялся Хмельницкій за переговоры съ панами, и вотъ онъ встрѣтилъ Потоцкаго сладкоглаголивимъ письмомъ своимъ, которое было прологомъ къ новой козакопанской трагикомедіи.

Сентября 8 прибыли къ Потоцкому послы Хмельницкаго, Андрей Кулька и Романъ Лятошъ. Въ собраніи военной рады Кулька упалъ къ ногамъ Потоцкаго съ мольбой о помилованіи, а потомъ оба посла роздали просительныя письма главнымъ членамъ панскаго ареопага. Въ этихъ письмахъ увѣряли они, что искренно желаютъ приступить къ переговорамъ, а самъ Хмельницкій просилъ прислать какого-нибудь разумнаго человѣка, съ которымъ бы онъ могъ совѣщаться чрезъ посредство писаря Выговскаго. Такимъ человѣкомъ оказался у По-

лонусовъ панъ Маховскій, въ безопасности котораго старшина присягнула.

Переходъ пановъ отъ ожесточенія къ уступчивости и довѣрію показываетъ, что они находились въ обстоятельствахъ крайне затруднительныхъ. 9 сентября отправился къ Хмельницкому Маховскій, а 10 въ походномъ дневникѣ записали они слѣдующее:

„Сегодня мы двинулись изъ-подъ Василькова къ Германовкѣ, и остановились надъ селомъ Троского, куда приходитъ къ намъ извѣстіе, что непріятель вырѣзалъ Паволочь. Гарнизонъ пана старосты калусскаго долженъ былъ отступить къ Котельнѣ, потерявъ 10 человекъ пѣхоты. Хвостовъ также заняли 1.400 козаковъ, которые побили много нашей челяди, а мы со всѣхъ сторонъ окружены непріателемъ“.

Съ своей стороны и Хмельницкій игралъ въ кровавую игру на послѣдніи свои средства. Подъ 11 сентября въ походномъ панскомъ дневникѣ читаемъ:

„Хмельницкій прислалъ двухъ козаковъ подъ Кіевъ, наказывая перемиріе и на водѣ и на сушѣ. И такъ около Кіева остановилась война; а то козаки начали было уже наступать на литовское войско съ дѣбровскихъ острововъ, и оторвали три байдака, хотя и сами потерпѣли не малую шкоду: ибо ихъ поражали изъ пушекъ отъ Никольскаго монастыря, и затопили девять чаекъ съ народомъ. Тѣ же два козака отправились къ Лоеву и Любечу, объявляя перемиріе, чтобы козаки перестали осаждать тамошніе литовскіе полки“.

Сентября римскаго 12 панское войско взяло полторы мили въ сторону подъ Копачовъ ради воды. Тамъ козацкій языкъ далъ панамъ знать, что Хмельницкій стоитъ на Ольшанкѣ, и Татары тамъ же. Одинъ Татаринъ, въ панцырѣ, прискакалъ на бахматъ, для того чтобы сказать о многомъ Потоцкому; но челядь убила его изъ-за панцыря и бахмата. Языки показали, что множество скота не позволяетъ Ордѣ думать о битвѣ; что Хмѣль стоитъ на урочищѣ Рокитна; что козаки требуютъ отъ него мира, и всѣ ропщутъ на Татаръ за похищеніе у нихъ женъ и дѣтей. Далѣе дневникъ рассказываетъ характеристическій случай:

„Нѣсколько десятковъ козаковъ застали 20 человекъ нашей челяди въ пасѣкѣ. Челядь бросилась въ разсыпную. Одного поймалъ козакъ, содралъ съ него кѣнтушъ и кричалъ: „На що вы псуєте зѣмлю? на що лупите пѣсіки? Мы знаємо, що въ васъ протрубили—не псувати, не палити, насікъ запехати.“ Челядь стала оправдываться: „Мы де не знали объ этомъ“. Козаки отвѣчали: „Старші сказали намъ, що

уже миръ бѣде; вы землѣ не псуйте“. Тутъ замѣтили козаки одного чужеземца между челядью, пачали колотить самопалами и рвать на немъ волосы съ крикомъ: „А ты на що зѣмлю псуешь? Ииша (речь) Ляхамъ, а ииша вамъ: бо ты чоловікъ позыченый,—и, оборвавъ на пемъ волосы, отпустили“.

Сентября 13 становился Потоцкій подъ Германовкою, а литовское войско, прійдя изъ-подъ Кіева, расположилось въ полумилѣ. Войска соединились передъ козацкими послами, которые прибыли съ Маховскимъ. Козаки хвалились, будто бы у нихъ 40.000 Татаръ; но Маховскій вывѣдалъ, что всего только 6.000. „Разсказывалъ Маховскій“ (говоритъ походный дневникъ) „о сдѣланномъ ему довольно почтительномъ и пристойномъ прісмѣ, и какіе разговоры и шутки были съ обѣихъ сторокъ, также и о разладѣ съ Ордою, и о Берестечской войнѣ, какъ она сдѣлала страшнымъ королевское имя.. Между прочимъ сама чернь признавала, что подъ Берестечкомъ одна королевская пуля была сильнѣе сотни козацкихъ; что когда въ пятницу били изъ пушекъ, то мы едва не провалились въ землю; какъ хапъ постыдно бѣжалъ, хотя клялся Магометомъ, что вернется за двѣ мили. Хмельницкій же самъ шутя совѣтовалъ пану Краковскому жениться, какъ сдѣлать онъ: „бо тимъ робомъ скорше бѣде миръ: бо и я, и вишь хапати мемось до жінокъ; а поки бѣдемо вдовцями, дакъ бѣльше битимемось, аніжъ сeditимемъ тихо“. Когда Маховскій отдавалъ комиссарскій листъ, Хмельницкій мѣшался въ лицѣ, и былъ очень огорченъ, что ему паны комиссары не дали гетманскаго титула; а полковникъ Джеджалла тотчасъ началъ браниться и кричать, что „не годилось такъ боронити паному добродіеві гетьманьскаго титулу“. Но Маховскій такъ успокоилъ ихъ раціями и примѣрами, что всѣ замолчали и, настороживъ уши (*rodniecionemi uszami*) слушали тотъ листъ, а по прочтеніи его и по удаленіи сторошнихъ (*semotis arbitris*), предложилъ Маховскій Хмельницкому разрывъ съ Ордою. Къ этому онъ отнесся сомнительно и подозрительно, обѣщая лучше вмѣстѣ съ Ордой идти на Турокъ. Три часа препирались они объ Ордѣ. Маховскій нѣсколько разъ порывался отъѣхать, ничего не сдѣлавши; но Выговскій задержалъ его, и съ нимъ опять спорили часа три. Маховскій обнадеживалъ его королевскою милостію и возстановленіемъ чести его на сеймѣ, если приведетъ Хмельницкаго къ войнѣ съ Татарами. Ибо Выговскій владѣетъ сердцемъ и умомъ (*posiada cor et mentem*) Хмельницкаго, и распоряжается имъ, какъ отецъ сыномъ. Послѣ того заперся Выговскій съ Хмельницкимъ и такъ долго усиливался навести его на лучшія мысли, что дошло у нихъ даже до ссоры, и уже Выговскій уходилъ

съ досадою, но Хмельницкій упросилъ его вернуться. Тогда приступили къ другому вопросу, — чтобы самъ Хмельницкій явился съ Выговскимъ въ нашъ лагерь для трактатовъ, довѣрившись нашему слову; что́ они, вѣроятно, и сдѣлали бы, но чернь и полковники ни подъ какимъ видомъ на это не соглашались, говоря, что опасаются, какъ бы они не остались такъ въ лшескомъ войскѣ, какъ и Крыса подъ Берестечкомъ; а когда Маховскій пикоймъ образомъ не хотѣлъ отступить отъ этого порученія, Выговскій почти на колѣнахъ просилъ его, чтобы съѣздъ комиссаровъ съ козацкими депутатами былъ назначенъ въ Бѣлой Церкви: ибо и въ полѣ нельзя было безопасно трактовать въ виду свосвольной Орды. Для большаго удостовѣренія пановъ комиссаровъ, Хмельницкій присягнулъ со всеми полковниками, на колѣнахъ съ поднятыми пальцами, сохранить данное слово“.

Послѣ долгихъ совѣщаній, паны рѣшили — вручить комиссарамъ кремень къ Запорожскому Войску и 24 пункта, о которыхъ они должны будутъ трактовать. Комиссары отправились 16 сентября въ Бѣлую Церковь, подъ прикрытіемъ двухъ полковъ и 500 драгунъ, съ тѣмъ чтобы съ ними остались только драгуны. То были: кievскій воевода Адамъ Кисѣль, смоленскій воевода Кароль Глѣбовичъ, литовскій стольникъ Викентій Гонсѣвскій и брацлавскій подсудокъ Казимиръ Косаковскій. Глядя на богатство, какъ на внушительную эмблему силы и власти, они взяли съ собой скарбовые возы, не сообразивъ того, что въ козакахъ и Татарахъ эта выставка, вмѣсто уваженія къ посланцѣмъ, возбудитъ жажду къ поживѣ.

По отъѣздѣ комиссаровъ, паны тотчасъ увидѣли, съ кѣмъ имѣютъ дѣло. На панскій лагерь наскочили Татары, въ числѣ 1.000 коней, и „сдѣлали не малую шкodu въ челяди“: нахватали людей и лошадей. Пустились жолперы въ погоню, но настигли одного только хищника, который показалъ, что пришелъ Карачъ-бей съ 4.000 Татаръ, а другіе отряды стягиваются, но хапа и султанъ-галги не будетъ, и едвали придетъ больше Орды. Между тѣмъ козаки выказывали крайнее ожесточеніе къ панамъ, и кричали со всехъ сторонъ: „Чого ці бунтовники Ляхи прийшли сюды? Вже жь король вернувся. Се вже не вѣща земля, а царська“. Даже мужикамъ, остававшимся въ тылу панскаго войска, козаки грозили, что будутъ истреблять и ихъ самихъ, и ихъ имущество, а Паволочь, раздѣлившуюся на ся между хмельничанами и пащанами, памѣревались „пустить съ дымомъ къ небу“.

Комиссары не возвращались изъ козакотатарскаго омота, и не было никакой вѣсти о нихъ. На другой день панскій подѣздъ не

могъ узнать о нихъ ничего, а нашелъ только въ полѣ воткнутый въ землю шестъ съ запиской на литовскомъ языкѣ. Коммиссары просили Радивила поскорѣе прислать сильный конвой и спасать ихъ отъ бунтующаго хлоства.

Записка встревожила все войско. Паны горько раскаивались въ своемъ довѣрїи къ варварамъ. Немедленно былъ отправленъ къ Бѣлой Церкви полковой гетманъ со 130 хоругвами для обезпеченія коммиссаровъ. Никто не вышелъ къ нимъ изъ города, и отправленные въ городъ посланцы не вернулись, а между тѣмъ козаки подступили къ Бѣлой Церкви таборомъ, и хоругви, проголодавшись, вернулись въ великой тревогѣ. Былъ уже вопросъ о томъ, чтобы двинуться впередъ всеѣмъ войскомъ и биться за коммиссаровъ на пропалую. Но сперва отправили письмо къ Адаму Кисѣлю, чтобъ осведомиться, живы ли коммиссары. Въ безпокойствѣ, въ мученїяхъ стыда и раскаянїя прошли цѣлыя сутки. Но въ полдень пробѣжалъ гонецъ съ извѣстіемъ, что коммиссары возвращаются, только Татары наѣли на ихъ конвой, и они просятъ помощи. Бросилось все войско къ лошадямъ и оружію. Навстрѣчу коммиссарамъ выскочило тысячи три коронныхъ и литовскихъ охотниковъ, выступила въ поле цѣхота и рейтарія полками, а вмѣстѣ съ ними и множество челяди, которой при коронномъ войскѣ насчитывали не менѣе 15.000, да при литовскомъ было навѣрное 6.000.

Коммиссаровъ благополучно встрѣтили на пути; но скарбовые возы ихъ разграбили уже Татары и козаки, такъ что коммиссары потеряли все свое имущество, и остались только съ тѣмъ, что было на нихъ (*tylko jak chodzili, tak byli zostawieni*). Авторъ походнаго дневника исчисляетъ потерю ихъ, возбуждая сожалѣніе въ своемъ обществѣ и смѣхъ въ нашемъ: „У пана воеводы смоленскаго“ (пишетъ онъ) „и пана стольника литовскаго расхищено не меньше, какъ на 100.000 злотыхъ деньгами и серебромъ, въ томъ числѣ дорогой перстень и діамантоваа запонка съ парюю такихъ же петлицъ; у пана кїевского воеводы—серебро, коней и палатки на 18.000 злотыхъ; у пана брацлавскаго подсудка—на 6.000 злотыхъ*); и которому изъ черни не досталось какой-нибудь драгоцѣнности, тѣ рвали съ рыдлаповъ оны на куски, и потрясая, хвалились, что это—ляцка здобычь. Мы привѣтствовали пановъ коммиссаровъ съ невыразимою радостью: ибо считали ихъ уже погибшими (*obżałowali, jako zgubione głowy*)“.

*) По извѣстію Освѣцима, Кисѣль и Косаковскій утратили болѣе, чѣмъ на 30.000.

Только тогда признали въ лагерѣ безразсудствомъ со стороны полевого гетмана, что онъ вернулся вчера съ сотнею хоругвей, не дождавшись комиссаровъ. Комиссары отдавали справедливость Хмельницкому, что погибли бы въ Бѣлой Церкви, когда бы не онъ, не Выговскій и не полковники Хмелецкій, Гладкій, Богунъ и Бромсцкій. По ихъ разсказу, Хмельницкій искренно желалъ мира вмѣстѣ со всею старшиною; но дерзкая чернь разъ пятнадцать пыталась брать ихъ въ замочкѣ „приступомъ и измѣною“. Полковники рубили своевольныхъ саблями, били обухами, а одного козака Богунъ обезглавилъ, когда тотъ, при видѣ съѣтныхъ припасовъ для комиссаровъ, закричалъ: „Дакъ се мы складатимемо Ляхамъ стацію!“ Выговскій, увидѣвъ смоленскаго воеводу и литовскаго стольника (у которыхъ было больше другихъ *оказалости*), сказалъ: „Не съ ума ли вы сошли панове? пріѣхали къ мужикамъ въ огонь! И мы, обороняя васъ, погибнемъ“. Но такъ усердно всё „трактовали“ комиссаровъ, что и спали вмѣстѣ съ ними, разгоя бунтовщиковъ. „Развѣ по нашимъ трупамъ доберутся до васъ“, успокаивали они своихъ гостей, не въ примѣръ такимъ „совершеннѣйшимъ во всѣхъ отношеніяхъ людямъ“, какихъ прославляютъ кievскіе профаны. Татары всего больше порывались на литовскаго стольника. Одинъ изъ нихъ пустилъ изъ лука стрѣлу въ замковое окно, и едва не убилъ Киселя, а другой стрѣлой—литовскаго стольника.

Вотъ все, что намъ извѣстно изъ достовѣрныхъ источниковъ о пребываніи комиссаровъ среди козакотатарской орды въ Бѣлой Церкви. Что касается самихъ переговоровъ, то въ уцѣлѣвшихъ письменахъ не упомянуто вовсе о трехъ важныхъ пунктахъ, предложенныхъ панами козакамъ, какъ побѣдителями побѣжденнымъ, и упомянутыхъ только въ дневникѣ Освѣцима: 1) чтобы Хмельницкій уплатилъ коронному войску жолдъ за пѣсколько четвертей года; 2) чтобы козаковъ осталось въ реестрѣ только въ 12.000, и 3) чтобы на мѣсто Хмельницкаго былъ выбранъ гетманомъ кто-нибудь другой. Освѣцимъ пишетъ, что козаки въ началѣ согласились было на уплату жолда и на 12.000 реестровяковъ, но Хмельницкій оставленъ гетманомъ попрежнему, и потомъ первыя два условія отвергнуты...

Въ этомъ извѣстіи есть что-то недосказанное. Вѣроятно, Хмельницкій и Выговскій съ братіей согласились на два первыя условія только для того, чтобы комиссары не настаивали на выборѣ гетмана, а когда вопросъ о гетманствѣ былъ рѣшенъ въ пользу Хмельницкаго, тогда онъ—выражусь по-малорусски—изъ ихъ же хворосту да имъ же загнѣвъ и карлючку; а загибая карлючку, онъ больше ниче-

го не долженъ былъ дѣлать, какъ довести подъ рукой до свѣдѣнія черни о ляхескихъ требованіяхъ,—и вотъ Освѣщимъ пишетъ: „Эти условія вызвали среди козаковъ большое волненіе. Чернь вознегодовала на Хмельницкаго: „Ты здобувъ собі славу и збагатівся нашими головами, а тепѣрь еднѣсся зъ Ляхами, выпісуешъ насъ изъ лѣстра, Ляхамъ насъ подаєшь! Вони сідуть намъ на шію, и т. п.“

На всѣ прочіе пункты козаки согласились, но потомъ раздумали, и прислали къ панамъ двухъ полковниковъ, Москаленка и Гладкого, трактовать вновь о трехъ пунктахъ: 1) число реестровиковъ соглашались они уменьшить лишь до 20.000; 2) настаивали, чтобы панское войско въ козацкихъ полковыхъ городахъ не квартировало; 3) не соглашались бить Орду и отдать панамъ татарскихъ мурзъ.

Москаленко и Гладкій боялись въ панскомъ лагерѣ за расхищеніе комиссарскихъ возовъ, и спросили у сендомирскаго хорунжаго: „Пане Черпѣцький! чи насъ не постипають за те, що панівъ комиссарівъ пожакували?“ — „Мы не насилуемъ права народовъ“, отвѣчалъ съ благородной гордостью питомецъ іезуитовъ, не сознавая, что насиліе надъ самымъ священнымъ изъ народныхъ правъ, надъ свободой религіозной совѣсти, вызвало Польшу на боевой судъ съ недополяченною Русью.

Черезъ нѣсколько часовъ козацкіе уполномоченные получили такую декларацію: „Такъ какъ вы бить Орду не хотите, то отскитесь отъ нея клятвенно, а мы сами покараемъ се, безъ вашего вмѣшательства“. Послѣ долгихъ переговоровъ, паны согласились на 15.000 реестровиковъ, а Потоцкій обѣщаль охранить отъ жолнерскихъ постоевъ полковые города: Капевъ, Чигиринъ, Корсунь, Переяславъ и Черкасъ. Что касается кривды комиссаровъ, то они объявили, что, ради благъ мира, отдають ее Богу и отчизнѣ, а такъ какъ передъ ихъ глазами Хмельницкій тотчасъ велѣлъ обезглавить 15 хищныхъ козаковъ, то желали только, чтобъ и гругихъ подвергли такой же карѣ.

„Достойно замѣчанія“ (сказано въ походномъ дневникѣ), „что чернь сожалѣла о литовскихъ панахъ, говоря: „Когда бы Ляхи сами были комиссарами, то не вышли бь отсюда; но эти хорошіе паны (tak grzeszne rano wie) не виновны передъ нами: только это и спасло ихъ отъ разнузданной сволочи (przed wunzdanym motlochem)“.

Давъ знать козакамъ, что идетъ принять отъ нихъ вѣрнопопданническую присягу, Потоцкій двинулся изъ-подъ Германовки 20 сентября. Оба войска, коронное и литовское, шли рядомъ, въ боевомъ порядкѣ. „Строй нашихъ войскъ“ (говорится въ дневникѣ) „казался огромнымъ: ибо и таборъ былъ окруженъ войскомъ. Коронные везы

шли въ 74 ряда, а литовскіе въ 40, по широкой равнинѣ. Чело войска занимало по малой мѣрѣ такую линію, какъ отъ Варшавы до Воли, а въ длину возы тянулись на громадную подольскую милю, въ большомъ порядкѣ... Посмотрѣвъ на такое прекрасное войско, конное, оружное, панцырное, огромное, обстрѣлянное и хорошо обученное, какъ мы посматривали на него съ высокихъ могилъ, надобно было заплакать вмѣстѣ съ Ксерксомъ,—не о томъ, что отъ этихъ людей ни одного не останется черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, а о томъ, что столь огромное войско должно терзать собственныя внутренности, и что оно не обращается противъ оттоманской силы, которой пришелъ бы копецъ“.

Вотъ исповѣдь факта, что не козаки разрушили Польшу, а сама шляхта, продуктомъ которой былъ безнаказанный грабитель, жолнеръ, и безощадный руинникъ, козаки!

„Цѣлую почъ“ (сказано дальше въ дневникѣ), „какъ остановились мы на походѣ, такъ и почевали, не допуская сна къ нашимъ глазамъ“.

Подъ Бѣлою Церковью Потоцкій получилъ отъ Хмельницкаго письмо, въ которомъ тотъ выразилъ удивленіе, что панское войско приблизилось, и просилъ комиссаровъ съѣхаться съ козацкими уполномоченными на урочищѣ Гострый Камень, въ 300 коней съ той и другой стороны.

По вчерашнему соглашенію, съ панской стороны выѣхало 12 особъ для переговоровъ о нѣкоторыхъ пунктахъ относительно присяги. Подъ Гострою Могилою была разбита для нихъ палатка, а въ четырехъ выстрѣлахъ отъ нея стояли три гусарскія хоругви. Козаки требовали, чтобы хоругви отошли къ лагерю; но паны видѣли, что они съ умысломъ скрыли Татаръ въ сосѣдней пасѣгѣ. Хоругви все-таки отступили немного въ сторону. Тогда козаки потребовали отъ пановъ заложниковъ. Дали имъ въ заложники шляхтичей Тишу и Люлю. Наконецъ пріѣхало къ палаткамъ 12 простыхъ козаковъ и только одинъ межъ ними изъ старшины, на прозвище Ордынецъ. Поклонясь панамъ, одинъ козакъ началъ говорить, что гетманъ ихъ и Запорожское Войско требуютъ трехъ пунктовъ: 1) чтобы Зборовскій договоръ былъ сохраненъ вполнѣ; 2) чтобы жолнеръ вышелъ отсюда, и не располагался постоемъ; 3) чтобы паны не разрывали дружбы козаковъ съ Татарами: ибо татары—сторожа козацкой свободы.

Паны съ изумленіемъ указали на состоявшееся уже соглашеніе. Козаки отвѣчали: „Мы разѣхались изъ паномъ гетьманомъ. Не знаемо, не вѣдомо, що міжъ вами було, а войско съ тимъ насъ послало“. Кисѣль съ жаромъ (patetice) сталъ ихъ уговаривать; по козаки

были къ его краснорѣчію глухи. Согласились только посоветоваться съ Выговскимъ, и лишь только уѣхали, тотчасъ возвратили панамъ заложниковъ.

Чтобы застрашать козаковъ, Потоцкій двинулся къ ихъ табору. Правымъ крыломъ вызвался командовать князь Радивиль, по замѣчанію дзевника, жадный къ славі: ему предстояла наибольшая опасность со стороны болота, рвовъ и козацкихъ пасѣкъ. Лѣвымъ командовалъ Калиновскій, центромъ — Потоцкій. Подиженные бочками горілки козаки высыпали съ Татарами въ поле и смотрѣли изъ-за могилъ на движеніе панскаго войска, которое генераль Пршіемскій построилъ въ боевой порядокъ, подобный берестечскому. Языки показали, что непріятель покрылъ все поле. По почину Радивила, произошла весьма серьезная стычка. Козаки нѣсколько разъ были прогнаны подъ самый таборъ. Два панцирные сотника козацкихъ попали въ плѣнъ, но были такъ льняны (по словамъ дзевника), что не могли и говорить.

На другой день, сентября 24 (14) Хмельницкій прислалъ къ Потоцкому плѣннаго жолнера съ выраженіемъ своего удивленія: онъ де не велѣлъ выходить своему войску, и стычка произошла противъ его воли. Это де одни своевольники съ чужеземцами (т.-е. Татарами) вышли. Онъ радуется, что не произошло большаго кровопролитія, и обѣщаетъ выслать своихъ пословъ для заключенія мира. Ему отписали, что согласны на миръ; но со стороны козаковъ продолжалась война, съ участіемъ гарматъ. Татары и козаки заходили со всѣхъ сторонъ, и до поздняго вечера кипѣлъ въ разныхъ мѣстахъ самый разнообразный бой. По сколько хмельничане ни *крутили верелія* Ляхамъ, сколько ни танцевала *татарскій танецъ* Орда, перевѣсъ боеваго счастья былъ на сторонѣ панской. Особенно досталось козакамъ отъ Радивила.

Когда совсѣмъ уже стемпѣло, прибылъ отъ Хмельницкаго вѣстникъ. Онъ де позабылъ включить въ договоръ нѣкоторые пункты, касающіеся святой вѣры (*niektórych punktów do wiary ś. potrzebnych zarownia przed tym*), и завтра пришлетъ пословъ.

25 сентября, въ ожиданіи обѣщаннаго посольства, происходили непрерывныя стычки съ Татарами. Множество панской челяди, возвращавшейся съ фуражемъ, погибло. Литовцы поймали двухъ козаковъ, и узнали, что множество черни вышло къ сосѣдней Руси. Паны вывели свое войско въ поле, а козаки засѣли въ болотѣ и заросляхъ. Но проливной дождь заставилъ всѣхъ убраться въ свои таборы, и не прекращался до слѣдующаго дня.

26 сентября пріѣхали три козацкіе посла съ требованіемъ, чтобы число реестровиковъ было 20.000, и чтобы козаки могли быть въ

Винницѣ, Брацлавѣ и Черниговѣ, по крайней мѣрѣ по королевщинамъ. Коммиссарамъ было не до упорства. Голодъ въ панскомъ войскѣ возрасталъ съ ужасающей быстротою. Отъ непогоды, продолжавшейся трои сутки, умерло 300 иностранныхъ жолнеровъ. Больныхъ было страшное множество. А между тѣмъ еще въ началѣ сентября паны получили изъ Кіева донесеніе, что войско Хмельницкаго возросло до 60.000; что Татаръ у него 15.000; что сжемипутно ожидаютъ изъ Крыма 30.000, тогда какъ панскаго войска, при началѣ похода, считывали только тысячъ 30. Теперь оно поуменилось, позаразилось, ослабѣло силами и, что всего хуже, подъ видомъ болѣзни, множество шляхты и Нѣмцевъ уходило домой, набравши лошадей и скота, а нѣкоторые, отъ великой нужды, передавались козакамъ. Чтобы представить всю грозу положенія, въ какомъ очутились паны завоеватели, достаточно сказать, что, по окончаніи Бѣлоцерковской или Украинской войны, у Потоцкаго и польскаго и чужеземнаго войска осталось всего до 18.000. Въ тылу у разслабленнаго остатка Берестеческой арміи козаки заняли проходы. Любечъ и Лоевъ, занятые литовцами, держали они въ осадѣ; овладѣли Брагинью; сожгли мостъ въ Загалѣ; а на подкрѣпленія отъ короля не было никакой надежды.

Въ силу такихъ внушительныхъ обстоятельствъ, согласились паны и на 20.000 реестровиковъ, но подъ условіемъ, чтобы не было козаковъ ни въ Брацлавѣ, ни въ Черниговѣ, даже и по королевщинамъ. Съ этимъ отвѣтомъ отправили одного изъ козацкихъ пословъ къ Хмельницкому, вмѣстѣ съ Зацвилюховскимъ.

За объѣдомъ у Потоцкаго, одинъ изъ козацкихъ пословъ, Романъ Катержный, сказалъ: „Милостивый пане Кракѳовскій! чомъ вы не пускали пась на море підъ Турка? Не було бѣ у нашої землі сѣго лиха“

На это Потоцкій отвѣчалъ: „Что мы теперь терпимъ, то все ради турецкаго цесаря: ибо мы, охраняя папство его, обратили собственное въ ничто“,—и при этомъ едва ли вспомнилъ, что самъ онъ былъ главнымъ орудіемъ реакціи Владиславу IV въ его порывахъ къ Турецкой войнѣ.

„Теперь же вже“ (сказалъ козакъ) „нехай намъ королівська милость и Річчя Посполита не боронить моря: бо козакъ безъ войны не проживе“.

„Всѣ мы съ этимъ согласились“ (пишетъ мемуаристъ), „прибавивъ, что хоть бы и сейчасъ хотѣли идти, идите!“

Уже паны думали, что совсѣмъ удовлетворили Хмельницкаго, какъ онъ опять прислалъ съ двумя условіями: первое, чтобы до Рождества Христова, пока не выпишетъ онъ козаковъ изъ реестра, жол-

неры не стояли въ Брацлавскомъ и Черниговскомъ воеводствахъ; второе, чтобъ ему Потоцкій уступилъ Черкасы и Боровицу.

Хотя, по мнѣнію пановъ, это были самыя несправедливыя условія (*iniquissimae conditiones*), но, покоряясь бѣдственнымъ своимъ обстоятельствамъ, они продлили срокъ до русскаго Николая, и утѣшали себя тѣмъ, что Хмельницкій шепнулъ Зацвильховскому: „Се я роблю задля поспѣльства. Пропавъ бы я, коли бъ згодився на це при брацлавцяхъ. А якъ ихъ роспущу, дакъ хочъ и заразъ у нихъ стаповітсь“.

Что касается Черкасъ и Боровицы, то Потоцкій объявилъ, что этого не можетъ сдѣлать безъ воли его королевской милости, развѣ на сеймѣ надобно постараться.

Тогда Хмельницкій объявилъ, что желаетъ пріѣхать на присягу въ панскій лагерь, только бы дали ему въ заложники двѣ знатныя особы. Паны дали въ заложники литовскаго подстоля и красноставскаго старосту, Марка Собіскаго. Когда Хмельницкій сидѣлъ уже на конѣ, полковники удерживали его и отговѣывали, но Зацвильховскій своимъ давнишнимъ пріятельствомъ привелъ его къ рѣшимости ѣхать. „Вѣдь мы имѣемъ дѣло съ королемъ и Рѣчью Посполитою“ (сказалъ Хмельницкій своимъ): „намъ трѣба хилітись до нихъ, не имъ до насъ“.

Каковы бы ни были соображенія стараго Хмеля въ этомъ замѣчательномъ случаѣ, мы впервые на коварномъ его пути видимъ оправданіе сдѣланнаго Шекспиромъ наблюденія, что нѣтъ между людьми такого злодѣя, въ которомъ бы не осталось ничего человѣчнаго. Онъ зналъ пановъ настолько, что, послѣ всѣхъ своихъ злодѣйствъ, рѣшился вѣрнуть себя ихъ рыцарской чести. Онъ былъ даже способенъ каятсья.

„Когда привели его въ лагерь“ (пишетъ авторъ походнаго дневника), „онъ, войдя въ палатку пана Краковскаго, упалъ къ его ногамъ (*upadł do nóg*), билъ челомъ въ землю и плакалъ (*czolem w ziemię bijąc i płacząc*) Потомъ, поднявшись, просилъ простить ему прошлое. Панъ Краковскій отвѣчалъ, что давно уже подарилъ свою кривду Богу и отчизнѣ: ибо все это сдѣлалось Господнимъ попущеніемъ; но надѣется, что онъ загладитъ все цѣлотою и вѣрностью. Потомъ Хмельницкій довольно покорно привѣтствовалъ князя Радивила и другихъ; наконецъ были прочтены пункты. Онъ согласился на все, просилъ только о Черкасахъ и Боровицѣ, но панъ Краковскій отдѣльвался учтивостями (*segetonią go zhywał*), такъ какъ это было невозможно. Подписавъ договоръ, тотчасъ присягнули и паны комиссары, и Хмельницкій съ полковниками. За нимъ стоялъ его оруженосецъ (*armiger*) съ булавою. Пока былъ трезвъ, не говорилъ Хмель-

ницікій ничего непристойнаго, намекалъ только обвиняками: „ваши милости завербовали на меня и литовское войско, а этого не было ни подъ Хотиномъ, ни въ другихъ оказіяхъ“. Потомъ обратился къ Радзивилу: „Предки вашей милости никогда не восвали противъ Запорожскаго Войска“. Но въ пьяномъ видѣ, точно бѣшеный песь, излил онъ всю свою злость, обвиняя волошскаго господаря, что обмапулъ Тимоося, сына его, и, назвавъ его измѣшникомъ (zmiennikiem) сказалъ: „Хотя это и тесть вашей княжеской милости, но я и въ Волошской землѣ готовъ съ нимъ биться: мае вѣлъ много грошей, а я — много людей“. Князь обидѣлся, что Хмельницкій такіа вещи высказывалъ съ такой запальчивостью и грубостью, но сдерживалъ свой гнѣвъ. Будучи великимъ полководцемъ въ бою, онъ желалъ бытъ такимъ же и гражданипомъ въ сохраненіи мира. Изъ-за этого безстыднаго пьяницы не хотѣлъ онъ подвергать опасности войско, и потому ловко отвѣчалъ, что господарь ни мало того не боится: у него найдутся свои средства для безопасности. Своимъ безстыднымъ бѣшенствомъ разстроилъ Хмѣль нашу веселость, хотя полковники порицали его и сдерживали. И у насъ, и у него стрѣляли изъ пушекъ за здоровье его королевской милости, и трубачи отзывались на виваты (на allegresse), а онъ, точно бѣшенный, вскочилъ изъ-за стола и вышелъ. Тамъ, однакожь, отдали ему турецкаго коня отъ папа Краковскаго. Поблагодаривъ, сѣлъ на него Хмельницкій, но потомъ его сняли и отвезли въ коляскѣ въ таборъ.

„На другой день“ (продолжаетъ мемуаристъ), „когда войско получило уже приказъ идти въ походъ, пріѣхалъ Выговскій проститься съ паномъ Краковскимъ и просить извиненія за то, что произошло вчера; при этомъ отдалъ турецкаго коня пану старостѣ Каменецкому (сыну Потоцкаго). Князя Радзивила просилъ онъ отдѣльно за вчерашнюю экзорбитанцію отъ имени Хмельницкаго. Князь отвѣчалъ: „Если онъ говорилъ въ пьяномъ видѣ, то я говорю въ трезвомъ, что ни я, ни волошскій господарь не боимся, и всегда найдетъ онъ меня готовымъ. Если бы хотѣлъ и тотчасъ, я жду его въ полѣ, и онъ удостоится, что его пьяная фурія ни мало мнѣ не страшна, и я готовъ расправиться съ нимъ, какъ хочетъ, или съ войскомъ, или безъ войска“. Но Выговскій смиренно (supplex) просилъ князя забыть объ этомъ“.

Съ обѣихъ сторонъ довоевались уже до самаго края, и потому должны были худо миръ предпочитать доброй ссорѣ. Но козаки до того считали миръ неурочнымъ, что не продавали даже татарскихъ бахматовъ панамъ, собиравшимся въ обратный путь. Одинъ изъ пановъ писалъ въ Варшаву съ дороги: „Когда мы пришли въ Бѣлую Церковь,

козаки стояли въ таборѣ, укрѣпленномъ двойными валами. Хмельницкій не хотѣлъ дать намъ битвы въ полѣ, напротивъ, постыдно бѣжалъ съ него въ субботу. Все войскошло невозможнымъ брать приступомъ окопы, въ которыхъ могло быть тысячъ сто войска, кромѣ Татаръ. Намъ было хуже: приходилось вымирать. У нихъ полно живности, а кругомъ насъ (сігсип-сігса) голодъ, такъ что умирало по сто человѣкъ въ одну ночь, а нѣкоторые отъ крайней нужды передавались къ козакамъ. Отступить намъ было жалъ; идти въ глубину Украины—опасность очевидная на переправахъ обоза: ибо не пустая молва, но и всѣ языки предсказывали скорый приходъ султанъ-галги. Вотъ почему согласились мы на почетный миръ“.

Это былъ въ самомъ дѣлѣ почетный для пановъ и постыдный для козаковъ миръ. „Статьи объ устройствѣ и успокоеніи Войска его королевской милости Запорожскаго, постановленныя комиссіею подъ Бѣлою Церковью 28 (18) сентября 1651 года“, гласили слѣдующе:

„Позволяемъ и назначаемъ устроить реестровое войско въ числѣ двадцати тысячъ человѣкъ. Это войско гетманъ и старшины должны записать въ реестръ, и оно должно находиться въ однихъ только добрахъ его королевской милости, лежащихъ въ воеводствѣ Кіевскомъ, нисколько не касаясь воеводствъ Брацлавскаго и Черниговскаго; а добра шляхетскія должны оставаться свободными, и въ нихъ нигдѣ реестровые козаки не должны оставаться; но кто останется реестровымъ козакомъ въ числѣ двадцати тысячъ, тотъ изъ добръ шляхетскихъ, находящихя въ воеводствахъ Кіевскомъ, Брацлавскомъ и Черниговскомъ, также изъ добръ его королевской милости, долженъ переселиться въ добра его королевской милости, находящіяся въ воеводствѣ Кіевскомъ, туда, гдѣ будетъ находиться Войско его королевской милости Запорожское. А кто будетъ переселиться, будучи реестровымъ козакомъ, такому каждому вольно будетъ продать свое добро, безъ всякаго препятствія со стороны пановъ, также старость и подстаростіевъ.

„2. Это устройство двадцати тысячнаго реестроваго войска его королевской милости должно начаться въ теченіе двухъ недѣль отъ настоящаго числа, а кончиться къ Рождеству Христову. Реестръ этого войска, за собственноручною подписью гетмана, долженъ быть отосланъ его королевской милости и вписанъ копіею въ книги городскія кіевскія. Въ этомъ реестрѣ ясно должны быть записаны реестровые козаки въ каждомъ городѣ, по именамъ и прозваніямъ, и общее число не должно быть болѣе 20 тысячъ. А которые козаки будутъ включены въ реестры, тѣ должны оставаться при давнихъ своихъ правахъ;“

тѣ же, которыхъ этотъ реестръ покрывать не будетъ, должны оставаться въ обычномъ замковомъ подданствѣ его королевской милости.

„3. Королевское войско не должно оставаться, ни отправлять лежъ въ тѣхъ мѣстечкахъ Кіевскаго воеводства, въ которыхъ будутъ находиться реестровые козаки, а только въ воеводствахъ Брацлавскомъ и Черниговскомъ, въ которыхъ козаковъ уже не будетъ. Теперь однакоже, до составленія реестровъ къ назначенному сроку Рождества Христова, дабы не происходило никакого замѣшательства, пока не выйдутъ въ свое мѣсто, въ Кіевское воеводство, тѣ, которые будутъ паходиться въ числѣ и реестръ 20.000, войска должны оставаться и далѣе Животова не ходить до окончанія реестра“.

„4. Обыватели воедствъ Кіевскаго, Брацлавскаго и Черниговскаго сами лично, или чрезъ своихъ урядниковъ, должны вступать во владѣніе своими добрами и тотчасъ брать въ свою власть всѣ доходы, корчмы, мельницы, юрисдикціи, по самое собираніе податковъ съ подданныхъ должны отложить до онаго срока составленія реестровъ, дабы тѣ, которые будутъ реестровыми козаками, выселились и оставались уже тѣ одни, которые подлежатъ подданству; такъ же и въ добрахъ его королевской милости будетъ уже извѣстно, кто останется при вольностяхъ козацкихъ, а кто — въ замковомъ подданствѣ и повиновеніи.

„5. Чигиринъ, по привилегіи его королевской милости, долженъ оставаться при гетманѣ, п какъ пыщынній гетманъ, благородный Богданъ Хмельницкій, назначенъ привилегіею его королевской милости, такъ и на будущее время гетманъ должны состоять подъ верховенствомъ и властью гетмановъ коронныхъ, и должны быть утверждаемы привилегіями. Каждый, дѣлаясь гетманомъ, долженъ дать присягу вѣрноподданства его королевской милости и Рѣчи Посполитой; всѣ же полковники и старшина должны быть назначаемы гетманомъ его королевской милости запорожскимъ.

„6. Религія греческая, которую исповѣдуетъ Войско его королевской милости Запорожское, также соборы, церквіи, монастыри и коллегіумъ кіевскій должны оставаться при прежнихъ вольностяхъ по давнимъ правамъ. Еслибы кто-либо во время этого замѣшательства выпросилъ что-либо изъ церковныхъ добръ или подъ кѣмъ-нибудь изъ духовенства, это не можетъ имѣть никакого вѣса.

„7. Всѣхъ шляхтичей римской и греческой религіи, которые во время этого замѣшательства были при Войскѣ его королевской милости Запорожскомъ, также и кіевскихъ мѣщанъ, покроетъ амнистія, и будутъ имъ сохранены жизнь, честь, положеніе и имущество. Еслибы

что подъ которымъ-либо было выпрошено, то должно быть уничтожено конституціею, дабы всѣ пребывали въ королевской милости со своими вольностями, женами и дѣтками.

„8. Жиды въ добрахъ его королевской милости и шляхетскихъ, какъ были жителями и арендаторами, такъ и теперь должны быть.

„9. Орда, находящаяся въ настоящее время въ краѣ, должна быть тотчасъ отправлена и должна удалиться изъ края, не дѣлая никакой шкоды въ областяхъ его королевской милости и не должна кочевать на земляхъ Рѣчи Посполитой. Такъ какъ запорожскій гетманъ обѣщаетъ привести ее къ службѣ его королевской милости, то, если бы это не состоялось до будущаго сейма, въ такомъ случаѣ Запорожское Войско не должно имѣть съ нею никакого союза и дружбы, но должно считать ее неурядителемъ его королевской милости и Рѣчи Посполитой, оборонять границы и противъ нея становиться съ войскомъ Рѣчи Посполитой. Также и на будущія времена не вступать съ нею и съ иностранными государями ни въ какіе сношенія и заговоры, должны оставаться въ вѣрномъ подданствѣ его королевской милости и Рѣчи Посполитой вполнѣ и пенарушимо, какъ нынѣшній гетманъ со всею старшиною и со всѣмъ Запорожскимъ Войскомъ, такъ и всѣ преемники его на будущія времена должны вполнѣ вѣрно и усердно состоять во всякой службѣ Рѣчи Посполитой.

„10. Какъ Запорожское Войско, при составленіи своего реестра, никогда не касалось границъ Великаго Княжества Литовскаго, такъ и теперь не должно касаться, но, какъ сказано выше, должно ограничиваться Кіевскимъ воеводствомъ.

„11. Такъ какъ Кіевъ есть городъ столичный и судебный, то въ немъ какъ возможно меньше должно принимать ресстровыхъ козаковъ.

„...Коропное войско должно тотчасъ двинуться на назначенныя мѣста и ждать составленія реестра, равно и Орда тотчасъ должна выступить изъ края, а Войско его королевской милости Запорожское тотчасъ должно быть распущено по домамъ“.

Освѣдимъ писать, что Бѣлоцерковскій договоръ былъ заключенъ съ козаками на условіяхъ, не соответствующихъ чести и достоинству Рѣчи Посполитой, но вынужденныхъ бѣдственныимъ состояніемъ коронаго войска. „Тѣмъ не менѣе“ (продолжаетъ онъ) „договоръ этотъ удовлетворилъ многихъ, особенно тѣхъ, которымъ надоѣла война и постоянный сборъ цалоговъ на содержаніе войска, и которые, вслѣдствіе того, желали какъ можно скорѣе заключить миръ, полезный какъ для нихъ, такъ и для отчества. Дѣйствительно, несмотря на нашу

неурядицу, на малочисленность и страданія войска, договоръ принесъ Рѣчи Посполитой многія выгоды, а именно“:

„1. Землевладѣльцы трехъ воеводствъ: Брацлавскаго, Кіевскаго и Черниговскаго были освобождены отъ тяжелаго бремени, возложеннаго на нихъ Зборовскимъ договоромъ, разрѣшившимъ записывать къ ресстрѣ козаковъ, жившихъ въ частныхъ имѣніяхъ.

„2. Расторгнуть былъ опасный союзъ козаковъ съ Татарами, который долженъ былъ окончательно прекратиться въ концѣ декабря.

„3. Войска наши получили вновь право квартировать въ трехъ украинскихъ воеводствахъ, котораго были лишены по Зборовскому договору.

„4. Постыдная и позорная граница, признавая по статьямъ того договора, какъ будто отчуждавшая въ пользу козаковъ три воеводства, теперь была уничтожена и предана забвенію.

„Впрочемъ“ (говоритъ характеристически Освѣцимъ) „большинству шляхты и самому королю договоръ не особенно понравился. Они были недовольны тѣмъ, что гетманская булава была оставлена Хмельницкому, что было признано законнымъ слишкомъ большое количество козаковъ, что обязанность уплаты жолду войску, возложенная въ началѣ на Хмельницкаго, потомъ не состоялась; особенно же недовольство происходило отъ того, что, въ виду столь счастливаго начала кампаніи, надѣялись завершить ее крайне выгодными условіями договора. Впрочемъ, если результатъ не оправдалъ надеждъ, то на это были весьма важныя и многочисленныя причины, а именно“:

„1. Разстроенное здоровье краковскаго каштеляна, въ слѣдствіе чего не только военныя дѣйствія не могли быть ведены энергично, но по временамъ войску угрожала серьезная опасность.

„2. Несогласіе вождей, вслѣдствіе котораго въ войскѣ происходили крупныя скандаль: ибо полевой гетманъ публично оскорблялъ друзей и довѣренныхъ лицъ великаго гетмана, изъ-за чего они — стыдно даже сказать — ругались взаимно матерными словами и хватались за сабли.

„3. Войско наше страдало отъ голода, который и безъ битвы можеть привести въ разстройство самыя многочисленныя арміи.

„4. Теряя постоянно людей отъ голода и болѣзней, войско наше не имѣло надежды на полученіе подкрѣпленій, между тѣмъ какъ они безпрестанно прибывали къ непріятелю.

„5. Большая ошибка была сдѣлана въ выборѣ пути: войско наше попало въ уголъ между рѣками Росью и Руткомъ и не могло отту-

да ни возвратиться, ни двинуться впередъ, не подвергаясь великой опасности.

„6. Въ помощь козакамъ приближался многочисленный отрядъ Орды, подъ начальствомъ нуреддина и находился уже подъ Кореунемъ.

„7. Существовало постоянное опасеніе, что литовское войско, скопучась терпѣть голодъ, недостатокъ и паню неурядицу, оставитъ насъ и возвратится домой.

„8. Состояніе погоды также принудило насъ къ уступчивости. Дождь и слякоть, продолжавшіяся непрерывно въ теченіе трехъ сутокъ, до того были вредоносны для войска, что въ одну ночь умерло 300 человекъ изъ иностранныхъ наемныхъ полковъ, остальные же иностранцы, не будучи въ силахъ долѣе выносить нестерпимаго голода и слякоти, стали перебѣгать къ неприятелю.

„9. Наконецъ, почти совершенное отсутствіе управленія, этой души военнаго дѣла, проявилось въ такой же мѣрѣ, какъ и въ предшествовавшихъ событіяхъ, и войско дѣйствовало скорѣе на-угадъ, по волѣ судьбы, чѣмъ по разумно обдуманному плану.

„10. Вслѣдствіе всѣхъ перечисленныхъ причинъ была сдѣлана самая крупная ошибка: въ субботу не послѣдовало рѣшительной битвы, которая могла бы увѣнчать и закончить кампанію полнымъ успѣхомъ. Сами враги впоследствии сознавались, что, когда войско наше въ этотъ день двинулось въ атаку, построенное въ такомъ же порядкѣ, какъ у Берестечка, по совѣту и стараніями полеваго писаря Пріисмскаго, то всѣ хлопы, объятые страхомъ, бросились бѣжать; даже полковники стали отступать за Рось, и самъ Хмельницкій сильно струсилъ. Его любимецъ, Выговскій, говорилъ: мы хотѣли бѣжать, подобно тому, какъ бѣжали подъ Берестечкомъ, но Господь отнял у васъ разумъ.

„Итакъ“ (заключаетъ откровенно мемуаристъ), „принявъ во вниманіе всѣ перечисленные обстоятельства, мы должны возблагодарить Господа за то, что онъ дозволилъ намъ заключить миръ и охранить насъ и Рѣчь Посполитую отъ окончательной гибели, которая могла послѣдовать отъ нашего неустройства“.

Что Хмельницкій струсилъ подъ Бѣлой Церковью, какъ и подъ Берестечкомъ, это для насъ не важно: важно то, что успѣхи его были возможны только въ такомъ обществѣ, какъ польское, и въ такомъ государствѣ, какъ Рѣчь Посполитая. Мысль эту рѣзко высказалъ въ глаза правительствующимъ панамъ царскій посолъ, Рѣпиничъ Оболенскій, какъ объ этомъ будетъ рѣчь въ своемъ мѣстѣ. Если вспомнить здѣсь, чѣмъ былъ Хмельницкій подъ Зборовомъ и чѣмъ сдѣлался подъ Бѣ-

лою Церковью, то въ его нравственной несостоятельности еще больше обнаружится несостоятельность польской общественности и государственности: ибо по плодамъ цѣпится дерево.

Добившись путемъ рѣзни и пожога до 40.000 негербованной шляхты въ Малороссіи, козаки Хмельницкаго разжаловали теперь въ мужики половину реестровиковъ, лишь бы обезпечить за родовитыми представителями своего промысла полумужичкое панованье, а за миллионы земляковъ, погибшихъ подъ саблю и въ татарской неволѣ, вознаградили они свое русское отечество пѣбывалымъ голодомъ и моромъ.

Двукратнымъ изгнаніемъ пановъ изъ наслѣдія по предкахъ и троекратнымъ опустошеніемъ цвѣтущаго края—они приучили мужиковъ къ разгульной жизни на счетъ людей трудолюбивыхъ, и теперь, подъ Бѣлой Церковью, возвратили озлобленнымъ землевладѣльцамъ всѣ ихъ права надъ одичалымъ народомъ, не освободивъ роднаго края даже отъ жидовской эксклюзатіи, которой приписывали папскія преступленія противъ посольства. Церквамъ, козаковавшимъ шляхтичамъ и мѣщанамъ вернули козаки то, чѣмъ они пользовались до Хмельничины; но многія церкви и школы сгорѣли, мѣщане отъ пожаровъ и военныхъ грабежей обнищали, и широкія пространства недавно еще многолюднаго, богатаго, обильнаго даже въ мужичьемъ быту края превратились въ такія пустыни, „какъ будто тамъ никогда ничего не было“.

Изъ-за чего же было пятнать русское имя столькими злодѣянiami, проливать рѣчки человѣческой крови, причинять столько несчастій и страданій не только Шляхстскому, но и Козацкому Народу? Безпутный, безчестный и лишенный чувства своего достоинства Народъ не задавалъ себѣ подобныхъ вопросовъ. Онъ, какъ и его Козацкій Батько, умѣлъ только пьепствовать и злиться. Злился на пановъ за то, что не дали ему истребить и самаго имени ляхскаго. Злился на Татаръ за то, что эти, какъ и онъ самъ, воры по ремеслу, бились отважно только въ задорѣ, а потомъ трусили и вознаграждали себя за походы плѣбніемъ своихъ союзниковъ. Злился на Москалей за то, что не хотѣли участвовать въ его безбожныхъ предиріятіяхъ.

На общечеловѣческомъ судѣ нѣтъ ничего преступнѣе вѣроломства и предательства; но когда эти преступленія дѣлаются причиною гибели многого множества своихъ и чужихъ людей, тогда нашему бѣдному сердцу остается утѣшать себя только надеждою, что широкая картина вѣроломства и предательства, созерцаемая нами въ прошедшемъ, широко распространить отвращеніе къ вѣроломству и предательству въ настоящемъ.

Г л а в а XXIX.

Результатъ козацкихъ бунтовъ.—Неизбѣжность отпаденія Малороссіи отъ Польши.—Козаки переселяются въ московскія владѣнія.—Козацкая интрига въ Турціи.—Походъ въ Волощину.—Битва подъ горою Батогомъ.—Козаки побиты въ Волощинѣ.—Финансовая и нравственная несостоятельность панской республики.

Щечалешъ былъ результатъ подвиговъ Хмельницкаго. Сотни и сотни тысячъ людей тлѣли въ землѣ, валялись непогребенными по лѣсамъ и болотамъ, по заглохшимъ полямъ и несплещамъ, а не то—находились, какъ предметъ позорнаго торга, въ рукахъ у Татаръ, которые появлялись иногда съ этимъ товаромъ даже на козацкихъ ярмаркахъ и отдавали обременявшаго ихъ плѣшника за лукъ и десятокъ стрѣль, какъ бы въ благодарность за то, что козаки бывало отдають имъ шляхтича за пухъ табаку. Множество Руси, освобождаемой Хмельницкимъ изъ-подъ такъ называемаго ляшескаго ига, работало въ турецкихъ сераляхъ, на морскихъ *каторгахъ* и даже за предѣлами Турціи, у Персовъ и другихъ азіатскихъ народовъ. Край былъ теперь малолюдентъ и голодешъ. Многие города и безчисленные села оставили по себѣ только поросшія бурьяномъ *кучугуры*. Широкія пространства, кипѣвшія прежде земледѣіемъ и промыслами, обратились въ такую молчаливую пустыню, какую видѣлъ въ южной Руси Пяно Карини послѣ Татарскаго Дихольгтя.

Ко всему этому присоединилось моровое повѣтріе. Вдоль широкаго козакотатарскаго шляху, отъ Берестечка до Случи, переколѣло множество татарскихъ и жолнерскихъ лошадей, валялись десятки тысячъ козаковъ, побитыхъ восторжествовавшими панами и голодомъ. Вернувшись въ отчуждавшуюся плуга Украину, многолюдныя толпы охотниковъ до козацкаго хлѣба увеличили голодъ остававшихся дома и принесли имъ заразительную смертность. Осень 1651 года была теплая, а зима мокрая. Зараза, извѣстная подъ именемъ черной смерти (*noirs nigra*), по слѣдамъ козакотатарскихъ вторженій вторгнулась въ глубину польскихъ владѣній, точно ядовитое дыханіе Хмеля, и покарала пановъ за тѣ грѣхи, которыми они породили безпощадную ко-

затчину. Черная смерть предвѣщала имъ общее затменіе панской республики, — *ogólne zaciśnienie ziemi naszej*, пишутъ Поляки, — затменіе земли, просвѣщенной обманчивымъ свѣтомъ, при которомъ все русское казалось польскимъ. Черная смерть покрыла заразительнымъ трауромъ своимъ и Малороссію, въ наказаніе за то, что она, въ лицѣ своихъ могиляцъ, польскую тьму начала признавать свѣтомъ.

Въ вѣрнѣя времена Малоруссы, подлучиваемые запорожцами, жаловались на панскіе порядки, на жидовскія арсенды, на жолнерскіе грабежи и насилія, которые казались имъ нестерпимыми. Теперь все это къ нимъ вернулось, но уже не съ прежнимъ характеромъ соглашенія взаимныхъ пуждъ и выгодъ. Паны, отвоевавшіе пѣкогда съобща съ подданными плодородную землю у неприятелей св. Креста, пришли теперь къ своимъ подданнымъ, точно въ неприятельскій лагерь; а подданные, разучившись добывать вмѣстѣ съ ними насущный хлѣбъ, смотрѣли на нихъ, какъ на своихъ поработителей. Даже работать одинъ только день въ недѣлю на пана, какъ требовали отъ нихъ подъ Берестечкомъ, казалось имъ невыносимымъ бременемъ.

Съ другой стороны, ни паны, ни козаки не были довольны Бѣлоцерковскимъ миромъ, также какъ и Зборовскимъ. Тѣ и другіе были приневолены къ нему тяжелой необходимостью. Паны такъ еще недавно шли на Хмельницкаго облавою и думали только о томъ, какъ бы не дать козацкой гидрѣ убраться въ ся „украинскія берлога“. Козаки такъ еще недавно бредили славою, которая донынѣ восхищаетъ ихъ историковъ, повторяющихъ слова кобзарской думы:

Въ той часъ була честь и слава,

Військова сирава:

Самá себе на сміхъ не давала,

Неприятеля підъ ноги топтала.

Корсунскіе и шляхетскіе герои не могли удовлетвориться не только Бѣлоцерковскимъ, да и зборовскимъ компромиссомъ. Современный имъ польскій поэтъ писалъ, что украинскій народъ лишь тогда можетъ быть побужденъ оружіемъ, когда весь край едѣлается безлюднымъ. Относительно правой стороны это были слова пророческія. Они оправдались бы и на лѣвой сторонѣ „обычнаго козацкаго шляха“, когда бѣ эта сторона не попала въ хозяйственныя руки Москвы по Андрусовскому миру (1674). Поссоренныя двумя соперничавшими церквами сословія и состоянія могли вернуться къ былому согласію скорѣе подъ владычествомъ турецкихъ башей, чѣмъ подъ верховенствомъ польскихъ магнатовъ.

Паны, возвращавшіяся въ свои имѣнія согласно 4-й статьѣ Вѣлоцерковскаго договора, видѣли ясно, что надобно готовиться къ новой войнѣ за существованіе въ томъ краѣ, который слился съ Польшею высшими классами, но разошелся низшими. Если принять во вниманіе, кто и какъ соединялъ несоединимыя основанія греческой и римской вѣры; кто и какъ расторгалъ общественную связь въ интересахъ слиянія церковнаго, то новая война долженствовала быть уже не соціальная, а религіозная,—тѣмъ болѣе, что теперь малорусская религіозность, какова бы ни была она въ новыхъ своихъ защитникахъ, абсолютно отвергала все ляшеское и поставила себѣ девизомъ слѣдующія слова козацкой пѣсни:

Та не буде лѣчче, те не буде крѣшче
 Якъ у насъ на Україні:
 Що немає Лѣха, що немає Жіда,
 Не буде уні!

Конечно, ни *вѣры*, ни *церкви*, въ конкретномъ значеніи слова, отъ этой религіозности не здоровилось. Но лучшіе органы древняго русскаго благочестія безмолвствовали, а худшіе проявляли себя соотвѣтственно достоинству своего духовнаго воспитанія. Тѣмъ не менѣе результатомъ религіозныхъ мнѣній, въ которыхъ были воспитаны воюющія стороны, должно было быть расторженіе польскорусской республики. Оно совершилось нравственно уже тогда, когда простой русскій народъ въ Польшѣ, съ голоса подстрекателей своихъ, называлъ всѣхъ русскихъ пановъ и шляхтичей *Лясами*. Оно совершилось политически, спустя два съ небольшимъ года послѣ Вѣлоцерковскаго мира. Тѣ муки и насилія, которымъ, по сказанію нашихъ историковъ подвергали своихъ подданныхъ вернувшіеся на свои пенелища землевладѣльцы, были невозможны по самому ходу житійскихъ дѣлъ. Но естественно, что подданные, попробовавшіе козачины, отбились отъ рукъ у землевладѣльцевъ, отвыкли отъ пониманія взаимныхъ выгодъ, и охотѣе гайдамачили, чѣмъ пасли стада, сидѣли въ насѣнкахъ, пахали землю. Даже тѣ изъ нихъ, которыхъ врожденная робость или разсудительность удерживала отъ гайдамачества, рискуя быть подожженными, убитыми, замученными козацкой гололоу, постоянно колебались между вѣрностью панамъ и проповѣдуемымъ козаками предательствомъ.

Хмельницкій видѣлъ, каковы плоды его разбойной пронагадцы, къ которой онъ долженъ былъ прибѣгать въ своей щербатой долѣ. Теперь онъ самъ боялся „безголоваго звѣря“, разлакомленшаго кровью

и добромъ зажиточныхъ людей. Теперь старательнѣе, прежняго онъ окружалъ себя Татарами. А голодъ между тѣмъ заставлялъ этого звѣря вѣсть среди родныхъ пустынь, изъ которыхъ война изгнала земледѣліе. Голодный вой долетѣлъ и до нашего времени, въ такомъ, напримѣръ, двустиншіи козацкой пѣсни:

И день и нічь войны ждемъ:

Добычи не маешъ...

Ржаной хлѣбъ, рогатый скотъ и овцы сдѣлались въ Малороссіи рѣдкостью. Голодъ свирѣпствовалъ у насъ вмѣстѣ съ черною смертью. Народъ не видѣлъ ничего утѣшительнаго ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ. Онъ былъ беззащитенъ въ малолюдныхъ пустыняхъ своихъ и отъ козаковъ, жолперскихъ подражателей, и отъ Татаръ, козацкихъ братьимовъ. Послѣ искусственнаго возбужденія его физической и нравственной энергіи, онъ впалъ въ ту малорусскую апатію, памятникомъ которой осталась историческая поговорка: „абы не сидѣлого Татары взяли“.

И вотъ чѣмъ козачина способствовала русскому воссоединенію, а не тѣми героическими начинаніями, которыми украшаютъ ее псевдо-историки. Не борьба козаковъ за православную вѣру и русскую народность привела удѣлѣвшіе отъ Хмельниччины миллионы малорусскаго народа подъ власть московскаго царя: привели ихъ неслыханныя бѣдствія, въ которыя Малороссія была повергнута козаками, а дорогу къ Москвѣ указало имъ наше духовенство, у котораго польскіе ставленники отнимали духовные хлѣбы.

Еще въ эпоху Іова Борскаго Московское Царство называли въ Малороссіи страню тихою всѣ монахи и монахини, всѣ попы и поповичи, всѣ благочестивые люди, вздыхавшіе по свободѣ религіозной совѣсти, тѣспимой прямо или косвенно папистами. Эта тихая страна сдѣлалась теперь обѣтованною, богатою хлѣбомъ, которымъ она снабжала даже кievскій рынокъ во славу своего великаго хозяина, царя, разрѣшившаго безпошлинный вывозъ при первомъ приступѣ голода въ 1648 году*). Москва, во многихъ частныхъ случаяхъ, проявляла себя

*) Въ 1650 году лѣтомъ за мацу жита платили въ Кіевѣ по 40 злотыхъ, за осьмачку проса и ишена по 7½ злотыхъ, i to siła Moskwa ratowała (нишетъ Ерлицъ), jakoż car moskiewski dozwolił swoim tu za granicę wozić, i sprzedawać zboże, i naszym jezdzić za granicę a kupować u nich, i rząd posiłek ubogim i ratunek był. Zaczyn ubóstwa od wschodu do zachodu słonka od domów swych nie mogli się obegnać ludzie możniejsi, po ulicach wiele tego umierało i puchło w

варварски; по въ распоряженіяхъ своего двора и царскаго правительства поступала съ удивительной челоуѣчностью сравнительно съ мусульманами и католиками. Одно ея освобожденіе отъ монгольскаго ига достаточно свидѣтельствуесть о преобладаніи въ ней государственной хозяйственности надъ хозяйственностью Турокъ и Поляковъ. Это преобладаніе объясняютъ возрастаніемъ самодержавія московскаго, заимствованнаго якобы отъ монгольскаго деспотизма. По мнимые питомцы монгольскаго варварства, надшіе въ Смутное Время отъ козней цивилизованнаго Рима, встали безъ посторонней помощи, чего никакъ не могла сдѣлать ихъ якобы наставница, Золотая Орда, подпавъ подъ ихъ владычество. Возставъ изъ своего Разоренія, Москва доказала превосходство государственной хозяйственности своей и надъ воспитанною Римомъ Польшею. Она привлекла къ себѣ симпатіи всѣхъ, страдавшихъ въ этомъ государствѣ отъ безсудья и самоуправства, даже католиковъ, коренныхъ Полонусовъ, но всего больше расположила къ себѣ малорусское духовенство.

Отклоняя просьбы козаковъ о дозволеніи имъ переселиться всѣмъ войскомъ въ Московское Царство, и не вѣря слезамъ Хмельницкаго, Москва вѣрила православному стремленію къ ней истинныхъ органовъ малорусской церкви. Это стремленіе поощряла она съ политической послѣдовательностью, по мѣрѣ своей безопасности отъ Польши. Монахи и монахини получали отъ нея „милостыню на церковное строеніе“ безотказно; по сперва пограничныя власти не всѣхъ обращавшихся къ царской благотворительности допускали въ самое сердце Великой Россіи. По царскому указу, многимъ давали милостыню въ Путивлѣ, и затѣмъ возвращали въ „Литовскую Сторону“. Теперь царь подавалъ милостыню не только на церковное строеніе, но и на школы, которыя, какъ жаловался кіевскій митрополитъ, „оскудѣли оскудѣніемъ благодѣтелей своихъ“, разогнанныхъ, разоренныхъ и перебитыхъ козаками (чего не смѣлъ высказать письменно). Теперь въ Москву принимались уходившіе изъ окозачепнаго Кіева эллипсты-богословы „для справки греческихъ книгъ на славянскую рѣчь“, для перевода историкофилософскихъ книгъ съ латинскаго языка и для устройства пѣвческихъ школъ. Накопецъ, въ августѣ 1652 года, было наказано пу-

różne choroby wpadało. od ziela i liscia różnego na pokarm zbierając. Każdy dzień kupamiło się wlekło z różnych krajów, miast i wsi za Dniepr się cisnęło, co³ chłopska swywola jeszcze nie wybiła i Tatarowie nie wybrali. Kraje lwowskie, wo¹⁴łyńskie, podolskie, miasta puste i wsie pozostawiali.

тивльскимъ воеводамъ: всѣхъ приходящихъ изъ Кіевской Земли черноповъ и черницъ, которые выйдуть на государево имя, пропускать къ Москвѣ безъ малѣйшаго задержанья, съ провожатыми, и давать имъ подводы, „чтобъ имъ ни въ чемъ нужи не было“. Вотъ съ кого началось самое искреннее и прочное присоединеніе Малороссіи къ Россіи!

Монахи первые возвѣстили о стремленіи Малоруссовъ къ новому центру русскаго міра; монахи оправдывали его собственнымъ переселеніемъ въ самую среду Великоруссовъ; монахи давали у насъ въ Малороссіи православно-русское направленіе всѣмъ умамъ, оставшимся за предѣлами католическаго вліянія и вообще польщизны. Точнѣе сказать, они сохранили у насъ всецѣло древнее русское благочестіе. Презирая такъ называемое невѣжество этого класса и соединенные съ дѣйствительнымъ невѣжествомъ пороки, игнорировали мы доселѣ великую службу его въ дѣлѣ русскаго воссоединенія, и приписывали это спасительное дѣло отребію польскорусской общественности—дигіпровскимъ гайдамакамъ, черноморскимъ пиратамъ, татарскимъ побратимамъ. Нѣтъ, общественная и семейная жизнь въ тогдашней Малороссіи не давала возможности сохратить въ цѣлости національныя преданія о предкахъ и старинѣ: только порвавъ связи съ міромъ и его житейскими попеченіями, было возможно спасти нашу русскую національность въ будущемъ посредствомъ ясныхъ воспоминаній о быломъ подъ сѣнію древнихъ нашихъ святыхъ, на гробовищахъ отдаленнѣйшихъ нашихъ предковъ.

Деспотическая политика московскаго правительства проникла во мракъ русскаго будущаго глубже, нежели наши питомцы либеральнаго Запада проникаютъ во мракъ русскаго прошедшаго. Москва привлекала къ себѣ элементы строительные, но вовсе не разрушительныя,—вовсе не тѣ, которымъ такъ сочувствуютъ верхогляды малорусской современности. Не изощряла она меча на пагубу сосѣдственной державы, поддерживая въ ней злодѣевъ, какъ это намъ представляютъ; нѣтъ, она своимъ примѣромъ и внушеніемъ воспитывала въ родственной Малороссіи общественное мнѣніе, полюбленное духомъ пагубной польскорусской вольности. Въ лицѣ проповѣдниковъ и хранителей православія, она поддерживала въ польской Руси тѣ правила единовластія и соподчиненности, которыми создавалась политическая свобода Руси Московской. Для этого ей были нужны вовсе не козаки, естественные нарушители гражданскаго порядка. Она козаковъ чуждалась. Она не знала, какъ отъ нихъ отдѣлаться и дома въ своей великой работѣ собранія Русской земли. Наслѣдіе новгородчины съ одной стороны и татарщины съ другой, этотъ разбойный классъ не давалъ

Москвѣ покоя со временъ Іоанновскихъ, колебалъ ся владычество въ эпоху грозныхъ Смутъ и готовилъ ей въ будущемъ Разина да Пугачева. Чтò касается козаковъ дѣпровскихъ, то это разрушительное орудіе было выковано врагами Москвы на ея пагубу, и если Москва запачкала свои руки этимъ орудіемъ въ борьбѣ съ Польшсю, то не иначе, какъ пачкаеть руки чловѣкъ, вырывающій окровавленный ножъ у того, кто покушался его зарѣзать.

Вернувшись отъ Хмельницкаго, Богдановъ легко могъ объяснить себѣ, почему для проходимца, хвалившагося и Польшу, и Нѣмецкую Имперію, и самого папу отдать въ руки турецкому султану,—почему для козаковъ, передъ которыми, по ихъ словамъ, дрожаль весь свѣтъ еще во время Сагайдачнаго, земля сошла съ клипомъ въ Московскомъ Государствѣ. На всемъ пути сего въ Чигиринъ и обратно, какъ допосилъ онъ царю, куда ни прѣзжалъ онъ, духовные и свѣтскіе всѣхъ состояній люди окружали его и со слезами молили Бога о томъ, чтобы московскій царь принялъ ихъ въ подданство *на томъ же основаніи, на какомъ пребываютъ ось сго подданные*. Эта всеобщая мольба была явленіе великое, и если привели къ ней населеніе края козаки, то привели только своимъ безпутствомъ; прямыми же начинателями и творцами русскаго воссоединенія были у насъ на югѣ тѣ, которые, именемъ церкви, воспрещали козакамъ „ходить па Москву, на родъ христіанскій“.

Подчняясь ихъ внушенію, козаки, какъ разноплеменное и разнословное сконнице, не могли выдержать своего обѣта до конца. Въ 1633—1634 годахъ они проторили новый татарскій шляхъ отъ воротъ Россіи, Смоленска, къ центру Россіи, Москвѣ. По, сводя дома кровавые счеты съ землевладѣльцами, они, еще во времена Копецпольскаго, стали переселяться въ сѣверскія и придонецкія пустыни вмѣстѣ съ подпомощниками своими и другими слобожанами. Теперь, послѣ катастрофы подъ Берестечкомъ и неудачнаго отпора подъ Бѣлою Церковью, насталь новый періодъ переселенія козаковъ, а вмѣстѣ съ ними и другихъ людей въ сосѣднія пустыни.

Жолнерскіе переходы и постои, на которые горько жаловался самъ Копецпольскій, заставили служившаго ему инженера Болана называть Польшу панскимъ раемъ и мужицкимъ адомъ. Но и въ тѣ времена къ притѣснителямъ и грабителямъ „убогихъ людей“, жолнерамъ, присоединились уже ихъ враги и подражатели, козаки. Косишчина и Наливайщина были для мѣщанъ и селянъ предзнаменованіемъ тѣхъ бѣдствій, которымъ они подвергались отъ козацкаго разгула впоследствии. Козаки Сагайдачнаго, идучи къ Хотину противъ Турокъ, оу-

стошили столько насккихъ имѣній, что, по донесенію королевскаго агента, зазывавшаго ихъ на войну, едва ли сами Турки съ Татарами могли бы причинить больше вреда. Наконецъ Хмельнитчина ринулась на поприще Косищицы и Наливайщины въ сообществѣ Татаръ, прожгла Волишь во всѣхъ направленіяхъ, недобитковъ меча предала въ татарскія лыка, остальныхъ разогнала по недоступнымъ труппамъ. Голодь и моръ, слѣдовавшіе за козацкими и жолнерскими походеженіями, заставили волищевъ бѣжать изъ несчастной родины, куда глядятъ глаза. Еще до Берестечьской войны, дороговизна съѣстныхъ припасовъ дошла до такой степени, что въ Луцкѣ мацу ржапой муки продавали по 120 злотыхъ, и голодые люди умирали толпами. Одна женщина подъ Луцкомъ (записалъ въ июнѣ 1651 года Ерличъ) сдѣлалась людоедою, и дѣлилась человѣческимъ тѣломъ съ сосѣдями, а другая рѣзала и ѣла собственныхъ дѣтей.

Спасаясь отъ козаковъ, Татаръ и жолнеровъ, волищцы перебѣгали съ мѣста на мѣсто, прятались по болотистымъ труппамъ, переходили за Днѣбрь, и нашли наконецъ безопасное убѣжище въ полтавскихъ пустыняхъ, граничившихъ съ московскими пустошорожкими землями. Многие забрели и въ Московскую Землю, въ которую направлялъ свое бѣгство знакомый отцамъ и дѣдамъ ихъ царь Наливай съ козацкими семьями, и въ которую проторили дорогу, по сказанію очевидца, игумена Филипповича, бѣглецы павляковцы. Этимъ способомъ явились первыя малорусскія слободы около Путивля и Бѣлгорода.

Отъ нужды и бѣды польскіе и русскіе шляхтичи дѣлались козаками. Когда козацкая сила рушилась подъ Берестечкомъ, разочарованные въ ней прозелиты козачины бѣжали за предѣлы козацкаго прѣсуда. Объ одномъ изъ такихъ бѣглецовъ, Дзиковскомъ, сохранилось документальное преданіе, что онъ, предводительствуя тысячею козаковъ острожекаго, повообразовавшагося тогда полка, выпросилъ у царя дозволеніе поселиться на его земляхъ съ предоставленіемъ ему права сохранить въ новыхъ слободахъ полковые и согонимые порядки козацкіе. Примѣру Дзиковскаго слѣдовали и другіе

Московскій царь, пользуясь правомъ, выговореннымъ еще въ Поляновѣ, привлекалъ въ свои украинныя способности къ ихъ защитѣ выходцевъ, какъ заботливый и практическій хозяинъ. Для бѣглецовъ Хмельнитчины строились у него хаты, въ которыхъ они находили даже готовое зерно на засѣвъ нови, никому не принадлежащей, никѣмъ не оспариваемой. Такимъ образомъ возникнуть на Тихой Соснѣ городъ Острожежскъ; такъ получили свое начало богатые впоследствии города и мѣстечки: Сумы, Лебединъ, Ахтырка, Бѣлополье, Короча и дру-

гіе; такъ заселились безпріютныя степи и образовались слободскоукраинскіе поля по рѣкамъ: Дону, Удамъ, Харькову, Коломаку. Ныгѣшній Харьковъ былъ незначительною въ началѣ слободою; по его безопасная позиція среди болотъ и лѣсовъ привлекла къ нему многочисленность и послужила къ его возвышенію, какъ полковаго города, неподвѣдомаго малороссійскому гетману.

Въ свою очередь подиѣстрие и побожае, не видя добра ни въ козацкихъ, ни въ панскихъ порядкахъ, сожигали свои жилища и корма, чтобъ не достались ненавистнымъ панамъ Ляхамъ, истребляли все имущество, котораго нельзя было забрать въ *мандротку* и пробирались въ землю Восточнаго Царя, о которой слышались, какъ о царствѣ скорого правосудія, сытой и мирной жизни.

Хмельницкій искушался повсемѣстной эмиграціи, и пытался остановить се, какъ это дѣлали коронныя власти и землевладѣльцы во времена Острицы. Но приверженцы Хмеля оказались безсильными противъ тѣхъ, которые восплавились коварный режимъ его и возгнушались предательскимъ дѣломъ его. Козацкія ватаги переселенцевъ шли на проломъ, увлекали за собой новыхъ отступниковъ Хмельничины, угоняли чужой скотъ, били тѣхъ, кто хотѣлъ ихъ остановить, и стремились бурнымъ потокомъ въ Слободскую Украину, проклиная Хмеля-Хмельницкаго и его торговлю людьми. Эмиграція принимала такимъ образомъ видъ междоусобной козацкой войны.

Наконецъ и самъ „добродій“ такихъ людей, какъ Дзеджалла, боясь остаться въ своемъ удѣлѣ княжествѣ безъ подданныхъ, просилъ у царя дозволенія перейти на его землю и поселить козаковъ подъ Путивлемъ и Бѣлгородомъ. Мнимое „наслѣдіе Богдана“, Кіевъ, и „святини вѣхъ его гробовъ“ оставлялъ онъ въ рукахъ враговъ древняго русскаго благочестія. По пребыванію козацкой вольницы въ стратегическихъ пунктахъ царской земли повело бы Москву къ новымъ смутамъ. Хмельницкому были указаны пустыни на Дону и Медвѣдицѣ, вовсе не подходящія къ его замысламъ, и онъ остался въ старомъ гнѣздѣ козачины.

Не находя ни съ которой стороны подступа къ великому русскому хозяину, сталъ онъ опять ладить съ панами, подчинялся напоминаніямъ кіевского воеводы, Адама Киселя, и дѣятельно производилъ новую ресетровку козаковъ, какъ и послѣ Зборовскаго мира. Въ концѣ февраля 1652 года, Кисель доносилъ уже королю, что выписы (то есть исключеніе лишнихъ людей изъ условленныхъ 20.000 козаковъ) произведены, ресетры для вписанія въ гродскія кіевскія книги представлены, козацкіе послы на сеймъ посланы, всѣ землевладѣльцы въ

свои добра введены опять (*nobilitas wszytka do dóbr swych reinducta*) и часть короупнаго войска (по Ерличу четыре полка) отправлены за Днѣбрь на зимнія квартиры.

Обманувшіеся столько разъ въ своихъ надеждахъ паны продолжали обманываться неизлечимо. Кисѣль писалъ къ королю, что Хмельницкому можно и вѣрить и не вѣрить, но козаковъ разумѣлъ онъ чѣмъ-то непохожимъ на Хмельницкаго, тогда какъ этотъ каверзникъ былъ самое выразительное созданіе козацкаго ума и козацкой правдивости. „Если вѣрить присягѣ Хмельницкаго“ (писалъ Кисѣль), „то надобно оставить войско въ обыкновенномъ числѣ, издержки же, которыя дѣлала до сихъ поръ отчина, сократить; если же не вѣрить, полагая, что онъ дружбы съ Ордой не разорветъ, въ такомъ случаѣ увеличивать войско и вести войну... Не начиная войны, надобно быть въ готовности на всякій случай... При этомъ обходиться съ Хмельницкимъ какъ можно лучше и привлекать къ себѣ подачкою, о которой онъ просить,—какъ для ускоренія ссоры его съ Татарами, такъ и для возобновленія поля и моря... Надежда на Господа Бога приведетъ наше дѣло къ прежнимъ началамъ (*W Panu Bogu nadzieja gem nobis ad sua revocabit principia*). А что всего важнѣе: когда, не имѣя отъ насъ никакой причины, козаки не будутъ имѣть случая, къ возстанію, напротивъ, оставаясь при своихъ вольностяхъ, полюбить мирную жизнь (*zakochają się w pokoju*)“..

Такія дѣтскія мысли преподавалъ Адамъ Свѣнтольдовичъ безпомощнымъ дѣтямъ—панамъ.

Отправленное за Днѣбрь войско сдѣлало центромъ своей оккупации Нѣжинъ. Отрядами его командовали Войняловичъ, Маховскій и житомирскій староста Тишковичъ, расквартировавшіе жолперовъ по Заднѣбрію и Задессню. Часть литовскаго войска заняла пограничную отъ Литовскаго Княжества Стародубовщину. Край былъ разоренъ до такой степени, что, по мнѣнію Киселя, никакимъ образомъ не могъ прокормить жолпера, „развѣ пришлось бы отпускать провянуть изъ всей Короны“. Поэтому на жолнерскіе постои смотрѣли голодные жители съ крайней досадою; а жолперы всетаки не оставляли своего искоупнаго обычая грабить хозяевъ. Самовидецъ говоритъ, что „козацтво, застающее въ городахъ, волно сходили съ тѣхъ городовъ, кидаючи набытки свои, у города ку Полтавѣ, и тамъ слободы поосажовали, а иппіе на кррунтахъ московскихъ слободы поосажовали, не хотячи зъ жолнерами заставати и стацси оцымъ давати: бо незносную стацсю брали“.

Съ другой стороны томило козаковатыхъ задѣйрянъ и задесѣнцевъ пребываніе въ имѣніяхъ землевладѣльцевъ, отъ которыхъ они поотвыкли. Въ интересахъ и самихъ землевладѣльцевъ, и правительственныхныхъ властей было—задерживать переселенцевъ на мѣстахъ ихъ осѣдлости. Но „жолнеры“ (пишетъ Самовидецъ) „не могли имъ заборопити: бо и зъ гарматами выходили изъ городовъ; але напотомъ хто zostался, гоже оного не пушено, и давати мусѣлъ стацію жолнѣрамъ“.

Волиеніе въ народѣ по поводу переселенія, реестровки козаковъ, расквартированія жолнеровъ, водворенія помѣщиковъ и задержанія на мѣстахъ жительства тѣхъ, кому не удалось убраться изъ козацкой Украины въ Украину царскую,—все вмѣстѣ повело къ обычному въ нашемъ народѣ гайдамачеству. Убогіе, голодные, обиженные, пьяные, лѣнивые и недовольные ни козацкими, ни панскими порядками стали нападать на панскія имѣнія, на мѣщанскіе дворы, на зажиточныхъ реестровыхъ козаковъ, которыхъ называли *дуками срібляниками*, наконецъ и на жолнеровъ, которыхъ брали *дугимандли*.

Хмельницкій издалъ универсалъ, въ которомъ говорилъ, что теперь уже не годится дѣлать того, что дѣлалось прежде, а себя выгораживалъ изъ какихъ-либо бунтовъ посольства противъ пановъ. Онъ грозилъ непослушнымъ строгою карою; но его угрозы оказались безсильными. Подобно тому какъ Татары повиновались турецкому султану только въ поощреніи, но никакъ не въ прекращеніи набѣговъ, отатаренная Хмельницкимъ чернь смотрѣла теперь *скривы* на того, о комъ кобзари пѣли сіи хвалебныя думы за возбужденіе въ поджогу, грабежу и рѣзні. И какъ со времени Косинскаго гербованная шляхта разбойничала вмѣстѣ съ козаками, такъ теперь шляхта негербованная, реестровые козаки, гайдамачили вмѣстѣ съ развращеннымъ козачиною посольствомъ, а во главѣ гайдамачества являлись даже полковники, искавшіе себѣ славу Морозенковъ, Черевійиосовъ, Нечайевъ и прокладывавшіе дорогу къ гетманству по примѣру самого Хмеля.¹¹

Проживавшій въ это время въ Кіевѣ Юрличъ записалъ у себя въ дневникѣ, что въ мѣстечкѣ Срібномѣ (Sybryi), за Днѣпромъ „хлопская сваволя“ измѣною разбила на голову двѣ хоругви (какъ это было сдѣлано при Конецпольскомъ въ Дымерѣ). Но не долго они торжествовали (продолжасть православный шляхтичъ): лишь только дали знать объ этомъ Войпиловичу, командовавшему полкомъ князя Вишневецкаго, онъ тотчасъ вторгнулся въ городъ, вырѣзалъ всѣхъ отъ великаго до малаго, а городъ сжегъ. Въ отвѣтъ на эту энергическую мѣру, появились гайдамацкія ополченія въ разныхъ мѣстахъ. Въ Липовомъ, въ Рябухахъ, принадлежавшихъ къ миргородскому полку, жол-

неры снова имѣли свалку съ мѣстными жителями. Подъ Лубнами появился гайдамака Бугай. Подъ Нѣжиномъ собралась гайдамацкая купа подъ начальствомъ Лукьяна Мозыры. Этотъ былъ золь на Хмельницкаго за то, что онъ ссадилъ его съ корсунскаго полковничества, которос отдалъ своему швагеру Золотаренку. Мозыра, какъ и Перебийпость, воображалъ себя ничѣмъ не хуже Хмеля, и мѣтилъ самъ сдѣлаться гетманомъ. Накопецъ миргородскій полковникъ, Гладкій, заявившій то же стремленіе подъ Берестечкомъ, составилъ заговоръ противъ жолнеровъ, и днемъ ихъ избіенія во всемъ миргородскомъ полку назначилъ день Свѣтлаго Воскресенія, когда жолнеры подгуляютъ. Произошла кровопролитная рѣзня; но, видно, па пьяныхъ напали пьяные: проспавшись, испугались они гайдамацкаго геройства своего, и Гладкій былъ схваченъ хмельничанами. Около Мглина и Стародуба произошло такое же столкновеніе хозяевъ съ постояльцами; а всѣ эти случаи вмѣстѣ выражали раздраженіе Козацкаго Народа противъ гетмана, который столько разъ поднималъ его кончать Ляховъ, и опять возвращалъ Украину къ прежнему порядку вещей. Былъ въ Польшѣ слухъ, что козаки собирались идти на Чигириць и положить конецъ орудовапью Хмельницкаго. Хмельницкій успокоилъ, или разбедипилъ козацкій народъ лишь тѣмъ, что въ прибавку къ 20.000 узаконенныхъ реестровиковъ записалъ въ секретный реестръ еще больше 20.000.

Между тѣмъ онъ просилъ короля назначить военную комиссію для разслѣдованія и кары украинскихъ бунтовъ. Эта комиссія приговорила къ смертной казни Хмелецкаго, Мозыру, Гладкого, войсковаго судью Гуляницкаго и многихъ мелкихъ ватажковъ гайдаматчины. Хмельницкій игралъ при этомъ роль человека подначальнаго, но въ сущности пользовался возможностью извести своихъ недоброжелателей, и особенно тѣхъ, которые, посредствомъ бунтовъ, подкапывались подъ его гетманство. Въ видахъ будущихъ козпей, интриганъ очищаль свой извилистый путь отъ препятствій, и въ то же время сѣялъ въ народѣ новую ненависть къ Ляхамъ, которые, по козацкому воззрѣнію, теряли не только право мести ударомъ за ударъ, но и право государственнаго суда надъ разбойниками. Все-таки ему ставилось болѣе и болѣе жутко среди своихъ „дѣтей, друзей, пебожатъ“. Мирясь по неволѣ съ панами, ища защиты даже въ ненавистныхъ для него постояльцахъ, онъ видѣлъ, какъ его удѣльное княжество таяло вслѣдъ за своимъ возникновеніемъ. Теперь ему больше, нежели когда-либо, нужна была царская помощь. Онъ домогался у царя хоть небольшого отряда ратныхъ людей, лишь бы та слава была, что Москва стоитъ съ нимъ заодно. Но царское правительство на всѣ его

представленія о православныхъ церквахъ, на всѣ его проекты широкихъ завоеваній отвѣчало съ мучительнымъ для него достоинствомъ, что великій государь, его царское величество, милостиво похваляетъ его за то, что онъ государской милости къ себѣ ищетъ, и т. д. Царское правительство помогало голодному малорусскому народу московскимъ хлѣбомъ, и оставляло безо вниманія мольбы и слезы козацкаго гетмана.

Хмельницкій видѣлъ, что и безъ него все въ Малороссіи наклонилось въ московскую сторону. Онъ боялся остаться ли причесть съ ватагой головорѣзовъ да съ Татарами среди края, не имѣющаго ни естественныхъ границъ, ни крѣпостей, и среди народа, проклипающаго его даже въ своихъ пѣсняхъ. вмѣстѣ съ другомъ и обмащникомъ своимъ, Выговскимъ, онъ обольщалъ царскихъ людей перспективою не однихъ военныхъ, но и промышленныхъ успѣховъ; разоритель обольщалъ строителей, расточитель—собираателей, полудикій помадъ—государственныхъ экономистовъ. „Великому государю“ (доносили они со словъ писаря Запорожскаго Войска), „его государскимъ счастьемъ къ великому московскому прострапству и многолюдному государству, и безъ войны, и безъ кровопролитія, учинится прибавленіе большое, и овладѣеть онъ, великій государь, многою землею и городами; и тѣхъ городовъ ему, великому государю, съ мѣщанъ и со всякихъ чиновъ людей и съ ихъ торговыхъ и съ иныхъ и со всякихъ промысловъ учинится сво государской депежной казнѣ прибыль многая, потому что православныхъ христіанъ многолюдство большое, и промыслывсякими промысляютъ въ своихъ городѣхъ, и въ иныхъ государства для всякихъ своихъ промысловъ ѣздятъ такъ же и къ нимъ въ города изъ иныхъ государствъ многіе купецкіе и всякихъ чиновъ люди со всякими многими товары и для иныхъ всякихъ своихъ промысловъ пріѣзжаютъ же“.

А что польскій король издумалъ бы воевать противъ царя (говорилъ имъ Выговскій), такъ этого опасаться напрасно: „польскому де королю противъ великаго государя стоять некъмъ“. Онъ поспѣшитъ прислать въ Москву своихъ пословъ, и пойдетъ на всевозможныя уступки. Если же великій государь пошлетъ на него съ козаками своихъ ратныхъ людей, тогда Польская Корона и Великое Княжество Литовское перейдутъ подъ его высокую руку безъ войны: ибо онѣ дрожатъ отъ страху предъ одними козаками. Другое дѣло (продолжалъ Выговскій), если государь не приметъ козаковъ теперь же въ подданство, а польскій король стапеть подговаривать и прельщать ихъ на совмѣстную войну противъ Москвы, дабы поссорить ихъ съ великимъ государемъ и навсегда отвлечь отъ московскаго подданства. Въ

такомъ случаѣ онъ (Выговскій) сильно опасается, чтобы козаки не пошли съ панами на московское государство войною; а крымскій царь и поготову пойдетъ воевать московское государство. Онъ и теперь пошелъ бы на Москву, да козаки отказались биться съ единовѣрными православными христіянами и проливать между себя христіанскую кровь; „за то де Крымскій на гетмана гнѣвался долгое время“.

Видя, что ни слезами, ни политическими и торговыми посулами пельзя склонить Москву въ свою пользу, Хмельницкій вернулся къ прежней политикѣ запугиванья. „Порази меня Богъ“ (говорилъ онъ), „если не пойду на Москву и не разорю ее пуце Литвы!“ И послѣ такихъ угрозъ онъ снова увѣрялъ москвичей въ своей готовности завоевать въ пользу царя всю королевскую землю. Но увѣрять въ своей преданности, хвалиться своею силою и грозить своею мстью — было ремесломъ Хмельницкаго, которое онъ прилагалъ къ христіанскимъ и къ магометанскимъ государствамъ безъ всякаго стѣсненія.

Заклучивъ Вѣлоцерковскій договоръ, онъ тотчасъ написалъ въ Стамбулъ, что у него была съ Поляками ужасная война, послѣ которой заключилъ онъ миръ, но миръ почетный, безъ нарушенія прежней дружбы съ крымскимъ ханомъ, которую (писалъ онъ) мы желаемъ сохранить до конца дней своихъ, равно какъ и быть вѣрными подданными вашего цесарскаго величества. Онъ просилъ у султана грамоты къ Крымскому хану, повелѣвающей участвовать во всѣхъ козацкихъ войнахъ; а съ пуреддинъ-султаномъ и съ Карачъ-мурзою заключилъ особый договоръ. Предвидя новую войну съ панами, Хмельницкій заручился турецко-татарскою помощью заблаговременно.

Дѣйствительно, сеймъ не утвердилъ статей, стоившихъ Потоцкому послѣднихъ усилій, но не утвердилъ потому, что былъ сорванъ однимъ изъ литовскихъ пословъ, по интригѣ панскихъ партій. Пропившіе свою добычу козаки только того и ждали. Немедленно были призваны Татары, и войско начало готовиться къ походу. Было рѣшено — задѣть Польшу со стороны ея союзника.

Въ октябрѣ 1651 года, Потоцкій послалъ къ Хмельницкому Маховскаго хлопотать о дозволеніи размѣстить коронное войско во всей Брацлавщинѣ. Хмельницкій согласился на это, но ограничилъ право сбора провьянта, и прибавилъ условіе, чтобы жолнеры вели себя во всѣхъ отношеніяхъ сѣромно и сдержанно. „Тягостно было вождямъ и войску“ (пишетъ Освѣцимъ) „получать ограниченія и предписанія отъ подданнаго; но, уступая тяжкой необходимости и не желая нарушать изъ-за мелочи заключенный договоръ, они подчинились. Войско было распределено въ Украинѣ по ссламъ и мѣстечкамъ, начиная съ Са-

враня, по всей почти Уманщинѣ, и, согласно съ требованіемъ Хмельницкаго, получало право на сборъ самага ничтожнаго провьянта. Панъ Маховскій привезъ еще и другую, болѣе серьезную и тревожную новость,—что Хмельницкій намѣренъ отправить свосго сына, Тимоша, съ частью войска, въ Волощину, для бракосочетанія съ дочерью волошскаго господаря. Съ Тимошемъ онъ рѣшился отправить и Татаръ, кочевавшихъ на Капустявой долинѣ у Корсупя, и назначилъ время сбора въ походъ черезъ двѣ недѣли“.

Маховскій, сверхъ того, вывѣдалъ и донесъ Потоцкому, что къ Хмельницкому пришелъ пуреддинъ-султанъ со всею Крымскою Ордою. Хмельницкій скрывалъ его приходъ, и увѣрялъ Потоцкаго, что размѣстилъ пришедшихъ къ нему Татаръ такъ, чтобы они не могли вредить королевскимъ областямъ. „Но Татары“ (писалъ Потоцкій къ королю) „не привыкли возвращаться безъ *облову*. Они будутъ гостить—или въ польскихъ, или въ волошскихъ владѣніяхъ, которымъ и самъ Хмельницкій грозитъ за свое сватовство“. Въ послѣднемъ случаѣ, Потоцкій совѣтовалъ „спасать сосѣда и вѣрнаго слугу“ (волошскаго господаря), о чемъ и завелъ съ нимъ переписку; войска же по квартирамъ не распустилъ, и оставилъ его въ сборѣ у Махновки, подѣтъмъ предложомъ, что въ Брацлавщинѣ не прекратились еще волненія.

Волненія не прекращались во всю Хмельнитчину въ Малороссіи: мужики вмѣстѣ съ козаками бунтовали то противъ пановъ, то противъ самага Хмельницкаго. Кисѣль, по званію кіевскаго воеводы, пѣнялъ Хмельницкому за новыя бунты, и Хмельницкій обѣщалъ ему казнить виновныхъ передъ его глазами; но такія казни служили у него только ширмою замышляемыхъ имъ самимъ набѣговъ. Чтобы отвлечь вниманіе Потоцкаго отъ Волощины, Хмельницкій писалъ къ нему о старыхъ, не додѣланныхъ при Владиславѣ IV чайкахъ, и манилъ его надеждою на совмѣстный походъ противъ Турокъ.

„Видитъ Богъ совѣсть мою“, увѣрялъ опъ въ своей искренности того, которому козаки приписывали „розумъ жиндцькій“. Но сынъ Потоцкаго Андрей, галицкій староста, отзывался о старомъ плутѣ къ Тизенгаузу такъ: „Подозрительна намъ вѣрность нашего пріятеля. Хоть и сладко къ намъ пишеть, но на дѣлѣ та же у него свирѣпость, что и прежде была: Орды не отсылаетъ, стоянки нашему войску откладываетъ на послѣ Рождества Христова, а противъ господаря волошскаго замышляетъ новыя враждебныя дѣйствія (*novam hostilitatem meditat*) за то, что одинъ онъ былъ нашимъ вѣрнымъ сосѣдомъ. Посовѣтуйте королю поскорѣе посылать войска свои въ помощь господарю. Ибо, хоть бы король и написалъ писъмо къ этому пьяни-

цѣ, то онъ только фыркнетъ (za firkeło będzie u niego). Вотъ какой прекрасный миръ устроилъ намъ Кисѣль“!

Но Кисѣль до конца вѣровалъ въ возможность невозможнаго, въ соединеніе несоединимаго, и теперь, въ качествѣ зловреднаго для Поляковъ и для насъ праведника, писалъ королю: „Меня зовутъ не гражданиномъ, а предателемъ Рѣчи Посполитой. Чтѣ же дѣлать? Таковъ умъ человѣческій. Терпѣть самое тяжкое, это—знаки праведника (graviora pati sunt signa beati)“: А Хмельницкій между тѣмъ новымъ ударомъ пожа въ панское сердце еще разъ опредѣлилъ цѣну киселевской политикѣ.

Намъ опять приходится бродить въ кровавыхъ лужахъ растворенныхъ слезами отцовъ и матерей, женщинъ и дѣтей,—опять приходится описывать подвиги „борцовъ за вѣру православную и народность русскую“. Начнемъ съ несчастной женщины, помѣченной Хмелемъ въ число своихъ безчисленныхъ жертвъ.

Въ 1651 году, во время Берестечской войны, Роксанда Лупуловна находилась въ Стамбулѣ. Людямъ, окружавшимъ Яна Казимира, нужно было сочинять о невѣстѣ молодого Хмельницкаго такіе же слухи, какъ и о женѣ стараго Хмеля. Множество ушей, и подлиннѣе, и покороче королевскихъ, внимало этимъ слухамъ z uciesha, и вотъ Поляки до сихъ поръ повгоруягъ намъ, что какой-то агонтъ Лупула продалъ Роксанду, по словамъ турецкихъ лѣтописцевъ, какому-то венгерскому или польскому магнату за 20.000 шастровъ. Этого съ нихъ мало: ею де интересовался нѣкоторое время и великій визирь, Ахметъ. Но бѣгство Хмельницкаго изъ-подъ Берестечка и паденіе великаго визиря освободили Роксанду изъ унижительнаго положенія.

Тотчасъ по заключеніи Вѣлоцерковскаго договора, Хмельницкій, по словамъ Поляковъ, отправился въ Стамбулъ (отлучка, невозможная для Хмельницкаго), и позволилъ мѣшникомъ золота передъ знычарскими очами. Султанъ Мурадъ былъ мамолѣтепъ. Турціей правилъ серальскій триумвиратъ, съ прибавкою женщинъ. Могуществѣннѣйшій изъ триумвировъ, Шѣхтасъ-ага, наименовалъ Хмельницкаго сыномъ своимъ, убѣждая отдаться безусловно въ турецкое подданство. Хмельницкій общалъ Туркамъ все, а Турки предоставили ему въ распоряженіе Волощину.

Николай Потоцкій глядѣлъ на задуманное Хмельницкимъ вторженіе въ Волощину, какъ на великую обиду Рѣчи Посполитой. Но его здоровье требовало отдыха; онъ передалъ свою власть полсвому гегману и уѣхалъ въ Хмѣльшикъ, гдѣ и умеръ.

Пока Тимошъ готовился къ походу, въ Стамбулѣ совершился правительственный переворотъ, и верховная власть перешла къ людямъ враждебнымъ Хмельницкому. Хмельницкій не осмѣлился нападать на Волощину. Въ то время за Днѣпромъ начались противъ него бунты, а до Калиновскаго дошло извѣстіе, что вмѣсто 20.000, въ козацкій реестръ вписано попрежнему 40.000. Коронный гетманъ привлекъ гетмана козацкаго къ отвѣтственности. Хмельницкій отвѣчалъ, что не можетъ совладать съ оказаченною черною, но что впослѣдствіи все придетъ въ надлежащій порядокъ. Калиновскій помогалъ ему карать бунтовщиковъ, не подозревая, что освобождаетъ врага отечества отъ опасныхъ для него людей; а Хмельницкій ждалъ только весны, чтобы наступить съ Татарами на волошское Заднѣстріе. Въ Стамбулъ писалъ онъ между тѣмъ о своемъ вѣрноподданствѣ и грозилъ, что если не поддержать его, то онъ будетъ вынужденъ повиноваться королю и идти, куда ему велятъ, хотя бы даже и на Турокъ.

Турки сами находились въ затруднительномъ положеніи и не могли поддерживать козаковъ. Но Хмельницкому нужно было одно,—чтобъ ему не мѣшали. Къ несчастью для христіанъ, породившихъ такое чудовище, письма его въ Стамбулъ, какъ и письма Крымскаго хана, перехватилъ искусный въ этомъ дѣлѣ Лунуль и передалъ ихъ черезъ Калиновскаго въ Варшаву.

Калиновскій высказалъ Хмелю напрямикъ, что онъ поступаетъ предательски. Онъ воображалъ, что этимъ смутитъ и запугаетъ Козацкаго Батка. Потомокъ убійцы Наливайкова отца не въ состояніи былъ спуститься до самаго дна въ потемки козацкой души. Хмельницкій не только отвергалъ свое предательство, какъ всегда и все, что ему было нужно отвергать, но еще ропталъ на Калиновскаго, что онъ такими выдумками дразнитъ короля, а между тѣмъ подсказалъ Исламъ-Гирею, что Лунуль и Калиновскій нанесли ему смертельную обиду. По малорусской поговоркѣ: „чортъ у чѣрта сповидався, одінь моргнувъ, другой догадався“, татарскій ханъ воспользовался намекомъ хана козацкаго: и къ Лунулу, и къ Калиновскому отправилъ онъ пословъ, гребуя объясненія, по какому праву письма его были перехвачены и вскрыты.

„Да будетъ хвала Господу Богу“ (писалъ къ Лунулу достойный побратимъ Хмельницкаго), „что мы, не довѣряя пактамъ съ королемъ, и лѣтомъ, и зимою и во всякое время держимъ наготовѣ татарскія Ногайскія и Крымскія войска, которыя, прося постоянно о войнѣ съ Польшею, вздыхаютъ къ Богу, о чемъ вы лучше можете знать; а если Поляки, разорвавши пакты, отыравятъ противъ козаковъ свое войско,

то пускай о томъ вѣдаютъ, что наши Татары умилосердятся надъ козаками, и не перестанутъ ихъ спасать, какъ лѣтомъ, такъ и зимою“.

Лулуль оправдывался передъ ханомъ, что это Поляки перехватывали письма, а Калиповскій—что это не его войско сдѣлало, а получилъ онъ извѣстіе о перенискѣ отъ короля.

Послѣ того оба хана написали другія письма въ Стамбуль; но Лулуль подослалъ къ Исламъ-Гирею шпионовъ и узналъ, что весь походъ, къ которому они готовятся, направленъ противъ него.

Не испугался, однакожь, господарь, зная, какъ много значить въ защитѣ отъ непріятеля богатство, навербовалъ 12.000 войска съ польскими офицерами, можно сказать, обученными Хмельницкимъ, призвалъ на помощь Калиповскаго, а королю написалъ отчаянное письмо, заклиная его любовью къ отечеству (которое для нихъ обоихъ не существовало), заклиная его счастьемъ Поляковъ (которые въ глазахъ Яна Казимира были хуже псовъ), чтобъ онъ повелѣлъ Калиповскому защищать отъ Хмельницкаго входъ въ Волощину.

„Эгожь счастливый и дерзкій человекъ“ (писалъ господарь) „домогается, чтобъ я отдалъ его сыну дочку, единственную отраду моеи старости, и грозитъ мнѣ войною, а шпионы мои доносятъ, что у него войска готовы, и на челѣ ихъ стоитъ Тимошей съ Карачъ-бесемъ. Невѣрный сынъ Хмельницкаго, вмѣстѣ съ татарскимъ княземъ, получилъ наказъ—замучить отца и отнять дочку, которая, говорятъ они, при надлежитъ имъ какъ невольница, такъ какъ, два года тому назадъ, разбойничьимъ оружіемъ принудили меня согласиться на это непристойное замужество“.

На свое письмо Лулуль получилъ отъ короля уклончивый отвѣтъ. Король увѣрялъ, что онъ опасается напрасно: ибо Хмельницкій готовится не на него, а на Рѣчь Посполитую; увѣдомлялъ его, что получилъ объ этомъ дѣлѣ самыя обстоятельныя извѣстія, и успокоивалъ господаря, что Хмельницкій не отважился бы нападать на Волощину, землю, принадлежащую султану, подъ опеку котораго самъ онъ теперь мостится.

Получивъ такой отвѣтъ, Лулуль обратился съ просьбой о помощи къ польскимъ панамъ и пошелъ между ними людей, иначе къ себѣ расположенныхъ.

Гетманъ Калиповскій, о которомъ говорили, что и самъ онъ имѣлъ виды на руку Роксанды, велѣлъ сыпать широкіе окопы въ своихъ добрахъ подъ горой Батогомъ и расположилъ въ нихъ обозъ, подъ предлогомъ обезпеченія Рѣчи Посполитой отъ набѣговъ Орды и козацкихъ замысловъ.

Выбранное для лагеря мѣсто было неудобное; но оно стояло на пути Хмельницкаго и заслоняло Волощину отъ козакотатарскаго вторженія. Панята обѣщали прислать сильныя хоругви. Во всѣхъ магнатскихъ замкахъ готовились къ походу, который молодымъ аристократамъ представлялся романтическимъ. Всѣ дали себѣ слово не допустить, чтобы прелестная княжна, миновавъ Потоцкихъ, Вишневецкихъ, Калиновскихъ, очутилась въ объятіяхъ дикаго неотесы-козака. Это говорятъ польскіе историки, забывавъ, что ихъ Потоцкіе, Вишневецкіе, Калиновскіе не брезгали брачнымъ союзомъ съ жёнщиною, находившеюся въ увязительномъ положеніи одалиски, равно какъ и всѣ панята, заграждавшіе рыцарскою грудью дорогу дикому неотесѣ-козаку.

Потоцкіе снабдили гарнизономъ и запасами Подольскій Камень и, чтобъ обезнадежить Хмельницкаго, распустили слухъ, будто бы государовна тайно обѣщала съ Петромъ Потоцкимъ, губернаторомъ Камсца, сыномъ покойнаго гетмана. Калиновскій привелъ въ движеніе всѣ южныя воеводства; агитировалъ противъ Хмельницкаго между козацкими полковниками. Говорили даже, что онъ старался умертвить Хмельницкаго, и съ этой цѣлью подослалъ въ Чигиринъ своего козака, Бублика, но Бубликъ былъ схваченъ, и признался во всемъ на пыткѣ. Этому извѣстію вѣрили тѣмъ больше, что знали, какъ раздражены взаимно козацкій и коронный гетмань. Самъ де Хмельскій рассказывалъ объ этомъ во всеуслышаніе, и на вопросъ: почему не навѣстилъ короннаго гетмана? отвѣчалъ: „мнѣ безопаснѣе жить вдалекѣ: уже нѣсколько разъ были на меня засады“.

Въ такомъ положеніи дѣлъ миновала зима 1651—1652 года. Калиновскій проводилъ ее въ Брацлавѣ, гдѣ изъ любви къ единственному сыну содержалъ многочисленный дворъ и угощалъ весьма роскошно молодежь самыхъ знатныхъ панскихъ домовъ. Вся она бредила рыцарскими подвигами въ отраженіи козакотатарской орды и привлекала подъ свои хоругви цѣлыя молодежи шляхетской, въ качествѣ охотниковъ.

Но наступившая весна не обнаруживала никакихъ признаковъ близкой войны. Въ этомъ виденъ былъ мастеръ козацкаго дѣла. Начали было уже сомнѣваться въ допесеніяхъ Лупула, а коронный гетманъ былъ совершенно увѣренъ, что дѣло обойдется безъ войны. Онъ даже не позаботился стянуть заблаговременно 4.000 жолнеровъ, разставленныхъ по Заднѣпрію. Вдругъ является въ брацлавскомъ дворцѣ козацкій посоль, сопровождаемый внушительнымъ конвоемъ, приветствуетъ величаваго хозяина отъ имени гетмана Запорожскаго Войска и вручаетъ ему письмо слѣдующаго содержанія:

„Не хочу скрывать передъ вашей милостью, что сынъ мой, вихреватый Тимоѳей, собравши нѣсколько тысячъ войска, бѣжитъ въ Волощину, чтобы припудить къ супружескому обѣту господарскую дочку. Поэтому предостерегаю вашу милость, чтобы вы отступили съ войскомъ отъ волошской границы и ушли въ глубину границъ польскихъ: а то, пожалуй, сынъ мой, увлеченный молодецкою запальчивостью, не вздумалъ бы на вашей головѣ попробовать своей военной фортуны“.

Коронный гетманъ поскорѣе соединилъ въ лагерѣ подъ Батогомъ, а по-козацки *на Батозѣ*, всѣ силы, какія были у него подъ рукой, и тотчасъ отправился туда самъ.

Укрѣпленный станъ Калиновскаго былъ замкнутъ съ обѣихъ сторонъ байраками, а съ тыла лѣсомъ, и занималъ равнину близъ рѣки въ длину на цѣлую милю Бога. Внутри стояли огромные скирды соломы, фуража, и было заготовлено съѣстныхъ припасовъ на нѣсколько десятковъ тысячъ войска.

Для 20.000-пой арміи, стянутой сюда Калиновскимъ, былъ онъ слишкомъ обширенъ, такъ что и вдвое большее войско едва ли могло бы оборонять его. Такіе размѣры были ему даны съ тою цѣлью, чтобы въ него могли стягиваться отовсюду польскія и литовскія подкрѣпленія.

Едва силы короннаго гетмана соединились въ этомъ несообразномъ стану, какъ 29 (19) мая 1652 года появились уже на лѣвой сторонѣ Бога бродячія кумы Татаръ. На другой день переправился султанъ-нуреддинъ съ ордой своей пониже Батого, и тотчасъ наступилъ на лагерь. Онъ занималъ *польскую* конницу (я уже не пишу *польскорусскую*) въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, а потомъ отступилъ почти на милю отъ стаповища, между тѣмъ какъ приближающіеся отряды козаковъ остановились не очень далеко на горѣ.

Непріятель обезпечилъ себѣ переходъ черезъ рѣку. Схващенные плѣнники говорили, что Тимоѳей Хмельницкій, съ „великимъ войскомъ“, переправляется пониже, и намѣренъ, минуя Батогъ, идти прямо въ Волощину.

Калиновскій отправился на рекогносцировку и съ ужасомъ увидѣлъ передъ собой тысячъ двѣсти войска. Перейдя Богъ, оно шло, подъ вечеръ, по направленію къ западу, и, повидимому, не имѣло намѣренія переходить рѣчку, которая впадаетъ въ Богъ пониже Батого.

Трудно было допустить, чтобы громадныя козакотатарскія войска оставили у себя въ тылу цѣлую армію польскую; не попытавъ счастья. На военномъ совѣтѣ, генераль Пршіемскій, предводитель артиллеріи и нѣхоты, былъ того мнѣнія, что козаки и Татары не пойдутъ безъ боя за Днѣстръ, а если осадятъ коронное войско, то онъ спасенія не

часть; поэтому совѣтовалъ Калиновскому бѣжать немедленно компаникомъ въ Каменецъ, а онъ, съ пѣхотой, надѣется обороняться до тѣхъ поръ, пока хватитъ съѣстныхъ припасовъ. Между тѣмъ Калиновскій соберетъ войско, и придетъ къ нему на выручку. Приѣмскій обѣщалъ продержаться въ осадѣ мѣсяца два, а потомъ сложить голову честно въ бою.

Долговременная служба его во французской и въ шведской арміяхъ, его подвиги въ недавнихъ битвахъ за отечество и личный характеръ его внушали всеобщее довѣріе. Но коронный гетманъ поддался тому самому демону завязности, который внушилъ мысль окопаться на Солоницѣ сыну старика Наливайка, погибшаго, можетъ быть, и безвинно. Человѣческому сердцу отрадно предполагать невидимую связь между преступленіями предковъ и бѣдствіями потомковъ. Въ своей беспомощности ему отрадно вѣровать, что судьба преслѣдуетъ злодѣянія до седьмого колѣна. Калиновскій дико воспротивился общему мнѣнію вождей, чтобы погибнуть въ безславномъ бою съ единственнымъ символомъ своимъ.

Начали ночью рыть землю и уменьшать объемъ. На другой день со всехъ сторонъ появились козацкія и татарскія чаты. За чатами наступалъ Тимошко, какъ звали его паны, Тимішь или Тимко, какъ звали его казаки. Непроглядная туча Татаръ, козаковъ и окозаченной черни нависла надъ панскимъ лагеремъ. Теперь уже Калиновскому не было возможности уйти компаникомъ.

Панское войско упало духомъ, по сказанію самихъ Поляковъ. Особенно конницу поразили ужасъ. Она металась въ отчаяніи по лагерю, проклиная выборъ мѣста, упорство, несправедливость, наконецъ—измѣну гетмана. Особенно трагическое положеніе было знатныхъ гостей, своихъ и иностранцевъ, которые, протанцовавъ цѣлый сезонъ и пролюбезничавъ начало весны съ дамами, очутились теперь среди козакотатарскихъ танцевъ. Предводители конницы начали составлять круги и совѣщаться о бѣгствѣ. Темою совѣщаній была очевидная и бесполезная гибель конницы въ непрерывныхъ битвахъ съ многолюднымъ непріятелемъ, подъ начальствомъ глупаго старика, тогда какъ пѣхота, имѣя превосходнаго генерала, будетъ въ состояніи обороняться нѣсколько педѣлъ за валами, и, не дождавшись выручки, сдастся на капитуляцію. Между польскими кавалерами были и такіе шляхтичи-казаки, которые совѣтовали связать короннаго гетмана и выдать Орду для умиловленія.

Калиновскому живо представился рѣкошъ, подобный тому, который подняли жолнеры на Цецорѣ и въ которомъ самъ онъ, будучи

ювошей, игралъ не весьма почтенную роль. Онъ прииался увѣщивать и просить своихъ соратниковъ, по примѣру Жовковскаго, который, въ знаменитой ретирадѣ къ Дибѣстру, честно сложилъ премудрую голову. Но, видя, что его никто не слушаетъ, перешелъ отъ смиренія къ запальчивости, невѣдомой Жовковскому, и еще больше повредилъ дѣлу.

Копница выбрала себѣ вождей и, собравши второпяхъ, что было можно, выѣхала за валы въ ожиданіи почи.

Между тѣмъ Пршіемскій сыпалъ, съ помощью челяди, валы, располагая войско и пушки для обороны западной стороны лагеря отъ козаковъ. Коронный германъ, съ своей стороны, взялся за тотъ умъ, о которомъ сами же Поляки сложили не оправданную ими допынѣ пословицу: „*maŋdy lach po szkodzie*“*). Онъ вывелъ другую часть пѣхоты противъ Орды и, построивъ ее въ боевой порядокъ подъ валами, выслалъ впередъ нѣсколько вѣрныхъ ему хоругвей и добровольцевъ, подъ начальствомъ Марка Собіскаго и Одривольскаго, которые мужественно отражали татарскую копницу. Самуилъ Калиновскій, сынъ гетмана, стоялъ съ хоругвями своими въ резервѣ. Онъ получилъ отъ отца приказъ наблюдать за возмутившеюся копницей и, въ случаѣ, когда бы она захотѣла привести въ исполненіе свой замыселъ, принудить ее къ послушанію.

Во все это время непріятель стоялъ бездѣйственно. Былъ слухъ, что Тимкѣ ѣздилъ съ полковниками къ отцу, который находился въ трехъ миляхъ отъ Батога, съ вопросомъ: что дѣлать съ непріятелемъ, котораго держать уже въ рукахъ? Единственнымъ наставленіемъ стараго Хмеля молодому были слова: „Дохлый пестъ не кусается“.

Оставалось два часа до захода солнца. Было ужъ поздно козако-Татарамъ пачинать битву, какъ ихъ чаты доусели, что Ляхи—бьются сами между собой.

Тимкѣ велѣлъ полковнику Зологаренко, съ 30.000 войска, занять панскій станъ съ западной стороны, обороняемой Пршіемскимъ; а между тѣмъ пуредидиъ приблизился къ Батогу, и, видя зрѣлище свиданное, подвигался медленно впередъ. Онъ опасался засады и не смѣлъ сразу ударить на Ляховъ.

Передъ лагеремъ, на широкомъ полѣ, кипѣла бѣшеная битва между пѣхотой и конницей одного и того же войска. Это постыдное для польской паціи и польскаго характера дѣло, по разсказу польской исторіографіи, произошло вотъ какимъ образомъ:

Калиновскій, получивъ отъ сына донесеніе, что коншня хоругви вознамѣрились бѣжать впаавъ за рѣку Вѣгъ, отправилъ пѣхотные ре-

*) „Умень Ляхъ по шкодѣ“.

гименты къ конницѣ, „чтобы поддаты отваги трусамъ (abu (chórgzom narędzić odwagi)“, какъ выразился онъ. Нѣмцы пустили градъ пуль, по больше для острастки, нежели серьезно. Пораженная страхомъ, польская конница сперва не смѣла дынать, ни тронуться съ мѣста. Но, прійдя въ себя, жолнеры стали кричать, проклинать и, доведенные до бѣшенства, метнулись на Нѣмцевъ, чтобы не гибнуть безнаказанно. Нѣмцы дѣлали свое дѣло стойко.

Борьба дошла до наибольшаго ожесточенія, когда ротмистръ Пршіемскаго, Вицентій Зѣлинскій, приближалъ къ гетману, прося подкрѣпленія и донося, что Пршіемскій съ оставленными при немъ 1.500 человекъ не можетъ устоять противъ козаковъ.

Гетманъ, занятый борьбою съ собственнымъ войскомъ, не видѣлъ, что козаки напали съ тылу на лагерь. Узнавъ теперь объ этомъ, приостановилъ палубу и послалъ пѣхоту спасать Пршіемскаго, а самъ, съ вѣрными хоругвями, вышелъ противъ надвигавшихся Татаръ, воображая, что вся конница послѣдуетъ его примѣру. Но взбунтованные полки, при видѣ наступающей Орды, разсѣялись, по выраженію польскаго историка, какъ табунъ дикихъ лошадей. Одни бросились къ рѣкѣ Богу, другіе разбѣжались куда попало. Но Татары захватили ихъ рогами своего полумѣсяца, и почти всѣ они, кромѣ нѣсколькихъ сотъ, переплывшихъ Богу, очутились въ плѣну.

Гетманъ, раненный дважды самъ, ушелъ съ Нѣмцами въ лѣсъ; но, услышавъ, что сына его схватили, вернулся, чтобы отбить его. Здѣсь, окруженный неприятелемъ, палъ онъ вмѣстѣ съ сыномъ, короннымъ обознымъ. Когда его сѣдую голову принесли къ Тимку Хмельвиченку и пуредипъ-султаву, козакъ бросилъ за нее голову рѣзу червонецъ, а Татаринъ сказалъ гетманской головѣ: „Не доплатилъ ты мнѣ, христіанинъ“.

Охвативъ конницу, Татары подвигались впередъ, однакожь осторожно, всё-таки опасаясь военной хитрости. У входа въ окопы, стоялъ молодой Марко Собійскій съ ветераномъ Жковковскаго и Конецпольскаго, Одривольскимъ. Въ славной ретрадѣ съ долины Цецоры къ Дибѣстру Одривольскій поддался паникѣ; за то, послуживъ доблестно во многихъ походахъ противъ Татаръ и козаковъ, не посрамилъ теперь своего имени. Съ ними стояли хоругви добровольцевъ, не желавшіе спасаться бѣгствомъ, стояли офицеры взбунтованной конницы и знатные гости, терпѣвшіе на чужомъ пиру кровавое похмелье.

Орда наступала на нихъ нѣсколько разъ и разбивалась, точно объ стѣну; наконецъ позвала на помощь своихъ побратимовъ. При видѣ сверкающихъ въ лѣтнихъ сумеркахъ пицалей и косъ, польскіе всад-

никъ сѣѣшились, и, стоя за лошадьми, какъ за брустверомъ, ждали въ молчаніи приступа. Произошла дикая бойня лошадей и людей. Тимкѣ помнилъ, что дохлый пѣсь не кусается, и не предложилъ капитуляціи мужественному остатку непріятели; кавалеры не просили ея у варвара. Долго стояли они въ неравномъ бою,—дорогое для потомковъ свидѣтельство, что наны были не всѣ *пиллячки*, -- стояли до тѣхъ поръ, пока легли до послѣдняго и довершили земляные валы кровавымъ валомъ тѣлъ своихъ. Черезъ этотъ ужасный валъ степные людоеды вошли въ польскій лагерь; но тутъ ихъ ожидала сцена поразительная. При громѣ отчаянной пальбы Пршіемскаго, свирѣствоваль пожаръ. Горѣли запасы соломы и фуража, заготовленные на стотысячную армию и не извѣстно кѣмъ подожженные. Подозрѣвая въ поджогѣ предательство, Поляки заявляютъ этимъ въ сотый разъ, что силились подчинить себѣ Русь посредствомъ Руси... Вдругъ огненное море побѣжало бушуя, на жолнерскія палатки и преградило отступленіе Пршіемскому, отступленіе, впрочемъ, бесполезное. Стойкая горсть людей ринулась тогда на разъяренную массу козаковъ, какъ бивъ объятіе смерти. Въ этихъ объятіяхъ погибла и коронная пѣхота, и коронная артиллерія.

Сцена батоховской трагедіи была тѣмъ ужаснѣе, что посреди сгрѣльбы, пожара и рѣзни очутилось множество шляхетскихъ семействъ, выгнанныхъ изъ Брацлавщины печальнымъ появленіемъ козаковъ и Татаръ. Обезпеченные Бѣлоцерковскимъ договоромъ, несчастные землевладѣльцы только что вернулись на свои пустыри, какъ новый слухъ о наступленіи козацкихъ и татарскихъ загоновъ заставилъ ихъ опрометью бѣжать въ безопасныя мѣста. Самымъ безопаснымъ мѣстомъ оказался многимъ гетманскій лагерь, и здѣсь нѣсколько сотъ сельско-хозяйственныхъ семей нашло свою погибель.

Батоховскій погромъ былъ для Поляковъ горестнѣе Кореунскаго. Потери здѣсь была для нихъ ужаснѣе Илявецкой. Какъ велико было смятеніе націи, низведенной разбѣдникомъ съ высоты политическаго величія, видно, между прочимъ, изъ того, что самые серьезные историки ся впаали въ легковѣріе, и до сихъ поръ не въ силахъ возвыситься до правосуднаго безстрастія. Они рассказываютъ, подъ вліяніемъ жажды мщенія въ будущемъ, будто бы 5.000 польскихъ пѣшниковъ были на другой день вырѣзаны Татарами, за что двѣ козаки заплатили имъ 100.000 талеровъ. Противъ этого можно было бы сказать, что козаки были не такъ богаты, не такъ щедры, даже не такъ мстительны, и доказать все это исторически; но я скажу только одно: Если бы козаки купили у Татаръ 5.000-ный ясырь на убой, то этимъ гнуснымъ дѣломъ они величались бы въ своихъ лѣтонисяхъ и даже въ

пѣсняхъ, не сознавая своего позора. Доказательствомъ служатъ ихъ исторіи и поэты, славословящіе козачину передъ культурнымъ свѣтомъ.

Насколько было правды въ чудовищномъ преданіи о козацкой покункѣ ясыра, видно изъ показанія одного татарскаго плѣнника, Вильчковскаго, поручика полка сендомирскаго воеводы. Онъ появился подъ Львовомъ въ сообществѣ какого-то папа Корицкаго. „Обратимъ этого Корицкаго (фактъ замѣчательный), бѣлогородскій Соферь-бей, взялъ Вильчковскаго у Орды и возвратилъ ему свободу. Отъ него Вильчковскій слышалъ, будто бы Хмельницкій велѣлъ снять голову Кашицкому, Пріемскому и всѣмъ инымъ папамъ и товарищамъ, чгдъ отзывается точностію азіатскихъ преданій вообще. Потому де Хмельницкій далъ тутъ же 50.000 талеровъ нурединъ-султану и обѣщаль поддать ему Каменецъ за позволеніе обезглавливать всѣхъ невольниковъ. Но разгромъ де войска, въ понедѣльникъ и во вторникъ снималъ головы съ плѣнниковъ. Въ среду появился *эмиръ*, чтобъ оставили въ живыхъ, кого еще не обезглавили; но уже остались только малые хлопцы да женщины, а прочіе все погбили: потому де погбили, что Хмельницкій останавливался съ султаномъ у всякой переправы, плѣнныхъ отбирали и тотчасъ обезглавливали.

Ибже Николай Длужевскій спасся вылавъ черезъ рѣку Богъ съ однимъ только товарищемъ, прибѣжалъ въ Новый Константиновъ ночью, встрѣтилъ здѣсь королевскую почту, идущую въ Батоговскій лагерь, возвратилъ ее вспать и увѣдомилъ короннаго канцлера о катастрофѣ. По его словамъ, онъ былъ избитъ кистенями, глаза у него были опалены порохомъ; но и въ такомъ положеніи, и въ такой моментъ, когда польской ойчизнѣ угрожала гибель, папъ Длужевскій, подобно Кисселю, просилъ, чтобъ его служба не была забыта.

Но извѣстію изъ Львова, отъ погрома подъ Батогомъ не ушло ни одной сотни жолнеровъ. Польша затренистала изъ конца въ конецъ, и въ тренетѣ своемъ вѣрила даже такимъ ужасамъ, которые не были возможны для козаковъ. Она вѣрила и тому, что теперь Хмельницкій отдастъ Каменецъ Туркамъ.

Въ самомъ дѣлѣ, отъ 17 (7) іюля Хмельницкій писалъ къ каменецкому гарнизону, пазывая себя слугою и пріятелемъ его, и порицая упорство защитниковъ Каменца, которые де возлагаютъ упованіе свое не на Бога, а на крѣпость. „Мы же съ войсками нашими“ (писалъ онъ), „прося Господа Бога, будемъ нескать способовъ и не уйдемъ огъ васъ до тѣхъ поръ, пока не совершится Божія воля. Вы окружены со всѣхъ сторонъ. Рѣшайте сегодня же“.

Ему отвѣчали, что Богъ справедливо караетъ ихъ за грѣхи, за гордость, за преступленія, но что онъ милосердъ, и по его волѣ судьба войны часто бываетъ не та, на которую рассчитываютъ.. Попытка взять Каменецъ опять не удалась Хмельницкому.

Современные Поляки толковали покушеніе козацкаго гетмана на эту крѣпость такъ: Хмельницкій обѣщаль хану расплатиться за походъ на Батогъ Каменцемъ. Литовскій канцлеръ пишетъ, что извѣстіе о Батоговскомъ погромѣ поразило Польшу до отчаянія, что Богъ, въ безконечномъ милосердіи своемъ, заслѣпилъ Хмельницкому глаза, -збы не шелъ онъ далѣе, а пошелъ бы осаждать Каменецъ: „а то навѣрное все подбилъ бы онъ тогда подъ свои ноги“. Но такъ какъ гарнизонъ каменецкій оборонялся сильно (продолжалъ Радвиль, вѣря ходячимъ слухамъ) и много неприятелей пало трупомъ, то татарскій главнокомандующій ударилъ Хмельницкаго нѣсколько разъ канчукомъ по плечамъ, и онъ долженъ былъ переспести такое оскорбленіе отъ варвара. Та же молва, записанная тутъ же почтеннымъ княземъ Альбрехтомъ Станиславомъ, гласила, что, по донесенію Хмельницкаго о новыхъ польскихъ силахъ, турецкій султанъ велѣлъ хану послать противъ Поляковъ возвращающихся Татаръ, но Татары воспротивились, и разгнѣванный де за это ханъ велѣлъ всѣхъ плѣнниковъ обезглавить. „А другіе говорятъ“ (прибавляетъ канцлеръ), „что кровожадный Хмельницкій заплатилъ ему известную сумму, чтобы велѣлъ нашихъ обезглавить, и разлитая такимъ образомъ кровь многихъ вопіетъ къ Богу о мщеніи“.

Въ то время, когда Батоговскій лагерь представлялся еще намъ уютномъ ихъ наповалъ въ Малороссіи, заднѣпровское войско знало уже о грозящей ему опасности и спѣшило къ нему на помощь. Самовидецъ, какъ мы уже знаемъ, рассказываетъ, что тамошніе козаки покидали свои пріобрѣтенія, переселялись въ Полтавщину, а не то — пассяли слободы въ московскихъ земляхъ, не желая оставаться съ жолнерами и давать имъ стачію, которую тѣ взимали въ вѣ нестерпимыхъ -размѣрахъ, дѣлая людямъ кривду по своему жолнерскому обычаю. Теперь жолнеры спасали самихъ себя отъ раздраженнаго народа и спѣшили спасти коронное войско, но тѣмъ не менѣе „чишили не малыя кривды людямъ, простуючи на кievскія переправы“. Въ Кіевѣ воеводствовалъ Адамъ Кисѣль, и жолнеры переправились безиряженственно, какъ въ это время разнеслась вѣсть о Батоговскомъ погромѣ. Кисѣль услышалъ о ней вечеромъ и бѣжалъ изъ воеводскаго города своего ночью. Зимовавшая въ Кіевѣ шляхта Черниговскаго воеводства толпилась вокругъ жолнеровъ и убиралась вмѣстѣ съ ними за

добра ума. Ерличъ разсказывасть, что кто остался въ Кіевѣ до полудня, того уже не выпустили. Жолнеры отъ Кіева направились къ Хвастову, а отъ Хвастова къ Ганчарихѣ и Константину. Въ полѣ, по словамъ Ерлича, обнялъ ихъ страхъ, и они, глядя одинъ на другаго, бросали возы и что у кого было, даже одежду и живность, а военные спаряды (gynstunki) начали жечь, о чемъ впоследствии сердечно сожалѣли, оставшись безо всего. Въ такомъ видѣ достигли Достоянова и тамъ ждали, пока король назначитъ имъ главнокомандующаго.

Поручивъ Вильчковскій разсказывалъ во Львовѣ, что это войско собралось наконецъ подъ Сокалемъ, требуя заслуженнаго жалованья, что король прислалъ ему не въ зачетъ (darowizna) 60.000, но этимъ оно не удовлетворилось и разлѣхалось изъ-подъ Сокала. Осталось на службѣ всего едва 1.000 человекъ.

Какъ паны ликовали послѣ Берестечкаго бѣгства козаковъ, такъ и козаки—послѣ Батоговскаго погрома пановъ. Но, ликуя, Хмельницкій находилъ нужнымъ унижаться и оправдываться передъ людьми, которыхъ желалъ бы стереть съ лица земли.

Король звалъ въ Варшаву пановъ на чрезвычайный сеймъ для свасенія отечества отъ врага, для котораго не существуютъ никакіе законы. На этомъ сеймѣ булава погибшаго на Батогѣ Калиновскаго была вручена племяннику Николаю Потоцкаго, Станиславу Потоцкому; короннымъ обознымъ, на мѣсто его сына, сдѣланъ Стефанъ Чернецкій; на мѣсто Пріемскаго полесвымъ писаремъ назначенъ Соига; Лицкоронскому дано воеводство русское, а Тишковичу, сыну Яна черниговское. Рѣшено было—въ крайнемъ случаѣ, созвать посполитое рушеніе, а покамѣстъ набрать 50.000 пашаго войска.

Хмельницкій прислалъ на сеймъ своихъ депутатовъ съ оправдательными письмами. Онъ былъ тѣмъ ужаснѣе въ своей истребительной дѣятельности, что безпрестанно плакался на пролитіе христіанской крови и обвинялъ представителей Шляхетскаго Народа въ кровожадности. Когда, послѣ Батоговской бойни, всѣ панскіе дома покрылись трауромъ, онъ еще прибавлялъ имъ горечи своимъ крокодиловскимъ плачемъ. Дѣлался изъ виновнаго обвинителя и мѣшая съ оправданіями угрозы, Хмельницкій являлся самымъ жестокимъ изъ бичей, которыми судьба караетъ народы за ихъ безразсудство. Не одинъ каменецкій гарнизонъ—вся Польша видѣла въ казакахъ кару за содѣянные панами въ гордости своей преступленія. Пробудилось наконецъ сознаніе правительственной немощи въ сословіи, присвоившемъ себѣ прерогативы царственности. Поцали наконецъ паны, что верховная власть, раздѣляемая на куски и кусочки, теряетъ въ раздѣльно-

сти свою цѣну. Но уже было поздно. Уже Шляхетскій Народъ обезсилилъ себя своими хвалеными вольностями до того, что не могъ даже карать преступниковъ и и награждать истинныхъ слугъ отечества. Множество бапитовъ, лишенныхъ чести, проживало благополучно въ своихъ имѣніяхъ на правахъ короновавшихъ особъ. Множество заслуженныхъ воиновъ завидовало Жидамъ, получавшимъ за деньги королевскіе замки въ державу съ приписанными къ нимъ подданными и землями *). Люди, бѣжавшіе позорно съ поля битвы, непосредственно затѣмъ дѣлались обладателями староствъ, а люди, отсидѣвшіеся отъ непріятеля съ потерей членовъ, оставались въ тѣни среди правительственной лиги.

Находясь въ такомъ разслабленномъ положеніи, Шляхетскій Народъ, говоря вообще, сознавалъ себя уже народомъ погибшимъ. Онъ утратилъ чутье къ правдѣ, утратилъ любовь къ добру и отвращеніе къ злу. Подъ гнетомъ горя отъ новыхъ несчастій, достигшихъ каждый домъ въ прибавку къ старымъ, онъ впадалъ въ апатію, подобную той, которая предшествуетъ смерти, и только въ апатіи находилъ облегченіе предсмертной агоніи, которой суждено было быть столь продолжительною.

Хмельницкій, между тѣмъ, боялся, чтобы послѣ Батога, какъ послѣ Корсуня и Пилявцевъ, могучая польская жизнь не воспріянула съ новою силою; чтобы утрача однихъ энергичѣскихъ людей не вызвала на сцену боевой дѣятельности другихъ,—и готовился къ войнѣ. Но истощая, въ чрезвычайномъ положеніи своемъ, послѣднія силы Козацкаго Народа, онъ старался отдалить его неизбежное столкновеніе съ Народомъ Шляхетскимъ. Поэтому-то покорность его справедливо называли паны волчьєю (*wileza rokoga*), и его посольство на чрезвычайный сеймъ въ іюль 1652 года было не голосомъ побѣдите-

*) Это было такое застарѣлое зло въ Польшѣ, что и въ самое блестящее время, при Концелинскомъ, на сеймахъ читаны были *petita* въ родѣ слѣдующихъ: „*Jest wiele godnych, zasłużonych w wojsku W K Mści, jako pułkownicy, rotmistrze, którzy sowitym kosztem przykładac się muszą do żołdu, drogo opłacać towarzysza; jest i towarzysztwa wiele, którzy posiwili na służbie W K M... Ukrainne zamki, od żydów administrowane, wieczną ruiną upadły z nicoszacowaną szkodą W K M i Rzpltej. Starosty tam żadnego nie widać, bo tego mają wiele i więcej; jeszcze biorą z miłościwej łaski W K M. Piastowałby na rękę ubogi żołnierz zamek od W K M sobie powierzony, anibn żyda czynił uczestnikiem dobrodziejstw W K M i krwawych zasług swoich.*“

ля, а мольбою побѣжденнаго. Онъ зналъ, съ кѣмъ имѣеть дѣло въ этомъ случаѣ.

Король, изображая въ лицѣ своемъ ту многочисленную клику богачей эгоистовъ, на которую до конца сохранилъ вліяніе Кисѣль вопреки сторопикамъ Вишневецкаго, приостановилъ вооруженіе, и, вмѣсто того, чтобы готовить кару злодѣю, обѣщалъ ему свою милость: политика нравственнаго безсилія, практиковавшаяся въ Турціи. Для подкупа Хмельницкаго готовностью короля къ чрезвычайнымъ пожалованіямъ, были отправлены Зацвиликевскій (котораго Хмельницкій обласкалъ подъ Збаражемъ) и Черный (черезъ котораго онъ дѣйствовалъ на пановъ послѣ Корсунскаго погрома). Но пока они прибыли, виды Хмельницкаго на свою безопасность перемѣнились, и онъ принялъ королевскихъ пословъ съ пренебреженіемъ. На Батогскую бойню, которая, повидимому, изумила и огорчила его, сталъ онъ смотрѣть, какъ на выигрышъ потеряннаго подъ Берестечкомъ дѣла, и потребовалъ возврата козакамъ Зборовскихъ правъ. Тогда папы снова сдѣлались воинственными, и стали готовиться къ вооруженіямъ чрезвычайнымъ. Это было тѣмъ естественнѣе, что во время сейма скопчался проповѣдникъ мирнаго торжества надъ козаками, Адамъ Кисѣль. Съ нимъ умерла и его примирительная политика, сдѣлавшаяся невозможною еще до Хмельнитчины. Вмѣсто посполитаго рушенія, было рѣшено снарядить отъ каждыхъ десяти лановъ по одному копному и по одному пѣшему воину съ мушкетомъ, на подобіе гайдуковъ.

Послѣ Батоговскаго погрома, когда все въ Польшѣ поныкло, точно подъ дыханіемъ всесокрушающей бури, только Стефанъ Чернецкій не потерялъ присутствія духа. Онъ вдохновился самою великостью несчастій дорогаго ему польскаго отечества, и уже въ іюлѣ 1652 года писалъ изъ Пемирова къ коронному маршалу, Юрію Любомирскому, что если только Польша соберетъ соотвѣтственные силы и въ лагеряхъ установится повиновеніе (задача выше польской общественности), то онъ свидѣтельствуется Богомъ, что Поляки могутъ не оставить Русина и на лекарство (*Bogiem świadczę, że na lekarstwo Rusina możemy zostawić*).

Въ этихъ словахъ, при всей нелѣпости ихъ и въ нравственномъ и въ политическомъ смыслѣ, Чернецкій проявилъ тотъ сильный нервъ, который совершалъ великія въ добрѣ и въ злѣ дѣла, соединенныя съ польскимъ импемъ. Чернецкій, любимый герой падающей и падшей Польши, для насъ—герой вредопоснаго мщенія. Онъ предоставляетъ въ себѣ самый печальный результатъ, къ которому двѣ смѣшанныя

націи привело посягательство католической партіи на духовные хлѣбы русскіе и на свободу религіозной совѣсти русской.

Сперва междуособная война въ Польшѣ была чисто экономическая, сословная, социальная; но паписты съ одной стороны, а православники съ другой—превратили ее въ религіозную, а боль отъ напесенныхъ обоюдно ранъ сдѣлала ее религіозною. Чѣмъ дальше забиралась Польша въ лѣсъ экономическихъ, общественныхъ, религіозныхъ и политическихъ недоразумѣній, тѣмъ больше валилось въ этомъ лѣсу дровъ, то есть вповныхъ и безвинныхъ отвѣтчиковъ за недоразумѣнія съ обѣихъ сторонъ. Теперь передовые люди польскіе, такіе, какъ Чернецкій,—большею частью и почти исключительно люди происхожденія русскаго, свидѣтельствовались Богомъ, ипаче—давали Богу обѣтъ—не оставить Русина и на лекарство, какъ разъ въ pendant съ козаками, которые въ своемъ разбойномъ благочестіи, жаждали такъ вырѣзать Ляхотъ, чтобъ не осталось на свѣтѣ и одного. Представитель Руси съ худшей стороны, Хмельницкій, призвалъ представителей Польши съ лучшей до своего уровня,—и вотъ мы видимъ знаменитаго стратегика Берестечской войны козакующимъ съ преданными ему смѣльчаками на поприщѣ козацкихъ пабѣговъ, пожеговъ и рѣзни, по примѣру Перебийносовъ, Нечаевъ, Морозенковъ.

Теперь паны воевали уже не для того, чтобъ открыть себѣ свободный входъ въ отнятыя у нихъ козаками владѣнія, а для того, чтобъ отомстить непокорной имъ Руси, стоявшей за одно съ козаками. Если прежніе походы ихъ были только разжиганіемъ національной вражды, то съ этого времени они дѣлались и разжиганіемъ, и ковкою, и вѣчнымъ закаломъ этой вражды. Судьба велѣла расторгнутымъ частямъ населенія Рѣчи Посполитой поссориться, если возможно, больше прежняго, чтобы никогда уже пельзя было имъ соединиться ни во имя папской, ни во имя козацкой республики, а развѣ только во имя всеобъемлющей и всепретворяющей въ свою суть Россійской Имперіи.

Этотъ новый періодъ вражды открылъ собою Стефанъ Чернецкій, шляхетскій Косинскій или Паливайко. Ему вѣрили 10.000 войска и предоставили свободу опустошать козацкія займища. Чернецкій отличался умѣньемъ вселять въ своихъ соратниковъ единодушіе. Онъ обладалъ искусствомъ довести боевую шляхту до нѣкотораго соподчиненія. Онъ могъ бы быть великимъ полководцемъ и гражданномъ; по сего польское отечество такъ измельчало, что не могло уже производить великихъ дѣятелей войны и политики. Все, что ни дѣлал со времени Чернецкаго талатливые люди въ Польшѣ, не поднимало ся изъ упадка, напротивъ, ускоряло крушеніе и послѣднихъ утесовъ.

Въ началѣ 1653 года Чернецкій неожиданно для самихъ пановъ появился въ Брацлавщинѣ, и началъ истреблять село за селомъ, мѣстечко за мѣстечкомъ, бросаясь отъ одного къ другому въ противоположныя стороны. Нигдѣ не знали, куда направляется войско, со-всѣмъ не похожее на то, которое въ прежніе годы казаки обезси-ливали своими развѣдками. Попады не было никому. Мѣстечки Сам-городъ, Прилуки, Липовець, Якубець, Лінцы, Борщовка и Погребича были вырѣзаны, разграблены, выжжены. Въ короткое время жолнеры Чернецкаго изъ оборвышей сдѣлались богачами *), а вмѣстѣ съ тѣмъ и героями, въ родѣ нашихъ *ліцарей*. Подобно тому, какъ слава козацкая разливалась по всей Украинѣ, слава жолперская разлилась по всей шляхетчинѣ: Чернецкій сдѣлался великою знаменитостью, по плечу своимъ хвалителямъ.

Противъ него выслалъ Хмельницкій Богупа. Не смѣлъ Богупъ дать ему поля, и, ловко маневрируя, заперся въ Монастырицѣ. При-ступъ Чернецкаго не былъ похожъ на всѣ прежніе, какъ и его бы-стрыя передвиженія. Въ горячемъ бою на валахъ палъ знаменитый сотникъ Дрозденко. Уже пылалъ замокъ въ Монастырицѣ; уже ло-мились жолнеры въ окопы; но пуля пробила обѣ щеки Чернецкому, задѣвъ и поднебенье. Онъ едва не захлебнулся кровью. Его вынесли изъ боевой толпы полуживаго. Очнувшись и узлавъ, что мѣстечко не взято, началъ онъ плевать съ досады кровью; но дѣло было проиграно невозвратно. Давъ камертонъ войны новой, чисто рунной, Чернецкій отступилъ, и, до своего излеченія, расположилъ жолперовъ надъ Случью.

Не всѣ, однакожъ, восхваляли подвиги шляхетскаго Нечая. Ли-товскій кашцлеръ отпесся къ нему сурово. „Король“ (писалъ онъ), „неизвѣстно, по чьему совѣту, выслалъ 10.000 пашихъ противъ ко-заковъ, чтобъ нападали на нихъ зимою; по напраспа была эта коро-левская импреза: ибо экспедиція не иной принесла результатъ, какъ тотъ, что хлоповъ пашихъ разогнали, провяпты, которые могли бы пригодиться намъ въ послѣдствіи, переѣли, лошадей замучили и сдѣ-лали къ дальпѣйшей войнѣ неспособными, и ничего не сдѣлали, какъ только край нашъ опустошили, и вернулись назадъ. Да и отъ самого короля слышалъ я, что еслибъ они поймали одного значительнаго бунтовщика, то предпочли бы взять 10.000 злотыхъ, нежели, имѣя уже въ рукахъ, продолжать осаду“.

*) Анонимъ пишетъ: „*Żołnierz ochoczy, a przy szczęściu srożyli się, do- statków wiele narabowali, y z ubóstwa przyszli do fortuny*“.

Но, не смотря на свое распоряженіе, котораго недѣльность показала результатъ, и на порицаніе со стороны людей, во всякомъ случаѣ, достойнѣйшихъ его самого, Япъ Казимиръ продолжалъ говорить языкомъ Чернецкаго, что дѣлала и вся его клика. Слово *козаки* замѣнилось у нихъ словомъ *Русь*, а Русь долженствовала быть уничтожена такъ, чтобы въ ней некому было воевать противъ *Полковъ*. Съ этою цѣлью, въ концѣ марта, созванъ былъ въ Литовскомъ Берестѣ генеральный сеймъ, на которомъ было предположено *кончить* козацкую войну. По отъ слова до дѣла у пановъ было всегда большое разстояніе; а между тѣмъ Хмельницкій продолжалъ свою кровавую интригу. Онъ отправилъ сына къ невѣстѣ, ужасавшейся прихода жениха, и Лупулъ на этотъ разъ не смѣлъ ослушаться „свирѣпаго пьяницы“, какъ справедливо называли Хмельницкаго паны. Свадьба была совершена торжественно, и Тимкѣ вернулся съ женой господаровной въ Украинну. Чѣмъ чортъ не шутить?

Украинскій хамелеонъ мѣнялъ свой видъ и тонъ безпрестанно, смотря по своимъ обстоятельствамъ, вѣчно рискованнымъ. Съ людьми московскими онъ игралъ также нѣсколько противоположныхъ ролей. Давая Москалямъ понять, что, если захочетъ, изломаетъ Москву, онъ покрывалъ угрозы свои извѣстнымъ всему свѣту пьянствомъ; а погубивъ на Батогѣ польскую силу, послалъ къ царю войсковаго судью Богдановича съ низкими поклонами, чтобы великій государь умилосердился надъ козаками, и велѣлъ принять ихъ подъ свою высокую руку. Повернувъ теперь въ турецкую сторону выразительнѣе прежняго, онъ замечалъ лисьиимъ хвостомъ свой слѣдъ передъ силою, которая пугала его съ самаго пачала козацкаго бунта.

Зато Москва выдержала до конца характеръ націи, крѣпкой не одной ратною силою. Она молча выслушала донесеніе Богдановича о Батогѣ, о королевскомъ посольствѣ, о приготовленіяхъ короля къ войнѣ. Не высказалась Москва и въ отиѣтъ на увѣренія козаковъ что хоть бы имъ и всѣмъ пришлось помереть, а за православную христіанскую вѣру и за святыя Божіи церкви будутъ стоять, и въ „уиѣю“ не отдадутъ. Не поразила ее удивленіемъ и похвальба Хмельницкаго, что у него до 300.000 козаковъ, кромѣ Орды. Она знала, что въ то самое время, когда Богдановичъ папѣвалъ ей въ уши про Божіи церкви да православную христіанскую вѣру, другой козацкій посолъ стлалъ подъ ноги турецкому султану древнія русскія области.

Выжидая по-прежнему времени для наступленія на Польшу безъ нарушенія своего достоинства относительно козацкини, царь прислалъ къ Хмельницкому и всему Запорожскому Войску стольника Лихарева

заявить имъ, что онъ, ради православной христіанской вѣры и святыхъ Божіихъ церквей, хочетъ междоусобіе ихъ съ Поляками успокоить миромъ чрезъ великихъ своихъ пословъ.

Хмельницкій разсыпался передъ царемъ въ благодареніяхъ черезъ своихъ посланниковъ, Бырляя и Мужиловскаго, и жаловался царю, что Поляки въ правдѣ своей никогда не стоятъ: обѣщаютъ прислать полюбившую комиссію, а между тѣмъ готовятъ противъ него войско; поэтому просилъ онъ у царя такой милости, чтобъ онъ, ради православной христіанской вѣры, принялъ его со всеѣмъ Запорожскимъ Войскомъ подъ свою высокую руку, и учинилъ козакамъ на ихъ неприятелей, Поляковъ, помощь „думою и своими ратными людьми“. А къ нимъ де писали и присылали много разъ турецкій султанъ и крымскій ханъ, зовучи къ себѣ въ подданство, но они отъ басурманскаго подданства отказались. Между тѣмъ шведская королева послала было къ нимъ своихъ пословъ, но Поляки перепяли ихъ на дорогѣ. Генеръ Хмельницкій просилъ отпуска посланниковъ своихъ въ Шведскую Землю, дабы провѣдать, въ чемъ заключалось посольство королевы. При этомъ Бырляя и Мужиловскій подали царю прехваченными ими статьи литовскаго гетмана, Януша Радивиля, которыя тотъ посылать къ тестю своему, Василию Лупулу, еще передъ сеймомъ въ Литовскомъ Берестѣ. Это былъ проектъ возможнаго по мнѣнію князя Радивиля компромисса между шляхтой и козаками.

Такъ какъ, волею судьбы, Лупулъ былъ теперь въ одинаковомъ родствѣ и съ Радивиломъ, и съ Хмельницкимъ, то Радивиль совѣтовалъ ему употреблять свое вліяніе на короля и примирить шляхту съ козаками. Всѣхъ статей было 13.

Въ статьѣ 2-й говорилось: „Если дѣло дойдетъ до войны, то кровопролитіе будетъ великое: будетъ бой послѣдній—или Полякамъ погибнуть, или Руси. Если побѣдятъ Поляки, тогда въ конецъ погибнетъ родъ и вѣра русская, и вся Украина, съ великою жалостью сердца человѣческаго, будетъ опустошена, на радость и пользу язычества. Если же побѣдятъ козаки, то неужели Поляки поддадутся козакамъ въ нужду и мучительство? Пѣтъ, лучше ужъ имъ погибать и терпѣть нужду отъ Нѣмецкаго императора и отъ Шведовъ“.

Въ статьѣ 3-й: „Хотя бы козаки и побѣдили, то вслѣдствіе ихъ побѣды, Татары опустошили бы всю землю“.

Въ статьѣ 6-й: „По утвержденіи мира, когда развѣдутся польскія войска, Хмельницкій можетъ выпросить у Поляковъ все, чего желаетъ, такъ какъ онъ больше будетъ имѣть власти, нежели король“.

Въ статьѣ 7-й: „Война ли будетъ, или миръ, пускай Хмельницкій будетъ благосклоненъ къ землевладѣльцамъ: у нихъ нѣтъ столько власти, чтобъ дѣлать ему зло, или вредъ, хотя бы и желали. Онъ можетъ достигать почестей паравнѣ съ другими, оставляя за собой все прежнее значеніе. Равно и другіе козаки могутъ, по своимъ заслугамъ, достигать чести и шляхетства“.

Въ статьѣ 8-й: „Онъ могъ бы помѣстить при королевской особѣ младшаго сына, въ видѣ заложника; а если у него есть дочери, и тѣ могутъ быть въ замужествѣ за великими людьми. Этимъ путемъ счастье его дома было бы упрочено больше, чѣмъ пынѣвшимъ. Старшему сыну его также могли бы дать какое-нибудь пограничное староство, чтобы постоянно пребывалъ онъ подъ руководствомъ вашей господарской милости“.

Представляя царю перехваченный документъ, Хмельницкій хотѣлъ показать передъ Москвой, какой великій онъ человекъ въ Польшѣ. Но на Москву не дѣйствовалъ его величество.

Между тѣмъ ему готовилось такое несчастье, которое одинаково сокрушало и самую высокую, и самую низкую душу. Оно поразило его именно въ то время, когда, повидимому, все сложилось для исполненія плановъ его. Хмельницкій билъ на то, чтобы сынъ его, Тимосей, завоевалъ Валахію, по тогдашнему Мультану, чтобы соединить ее съ Волощиной, по пынѣшнему съ Молдавіей, и паложилъ козацкую руку на Ракочія. Ракочій раздосадовалъ стараго Хмеля тѣмъ, что въ 1651 году не овладѣлъ Краковомъ во время шляхетскаго похода подъ Берестечко, и теперь они сдѣлались врагами. Въ слѣдствіе такой перемѣны, валахскій господарь Матвѣй, Бессарабъ, заключилъ союзъ съ Ракочіемъ, прогналъ Василія Лупула, съ господарства и посадилъ на его мѣсто своего великаго логовста, то-есть канцлера Стефана Гергицу. Лупуль бѣжалъ за Дибирь, къ своему зятю.

Старый Хмѣль не принималъ участія въ борьбѣ трехъ князьковъ. Онъ готовился къ войнѣ съ Польшею, набиралъ войско, договаривался съ Татарами и Турками. Но, видя Лупула изгнаннымъ, рѣшился воспользоваться этимъ случаемъ согласно своему плану, и отправилъ посольство въ Стамбуль. Когда Лупуль сидѣлъ еще на господарствѣ, онъ предлагалъ Туркамъ 40.000 войска изъ своей, какъ писалъ онъ, 300.000 арміи на подавленіе донскихъ козаковъ, прося за эту услугу (напоминающую намъ Наливайка) *) отдать ему хотя часть Волощины,

*) Въ оффиціальномъ донесеніи о событіяхъ въ Украинѣ отъ 13 (3) сентября 1653 года говорится, что донцы (участвовавшіе въ Берестечкой войнѣ)

съ намѣреніемъ присоединить къ ней Украину и сдѣлаться наследственнымъ княземъ, подъ опекой Турціи. Тенерь, когда Порта должна была покарать всѣхъ троихъ князьковъ, онъ просилъ у Султана и Волощину и Мультаны. Не имѣя возможности покарать своевольныхъ вассаловъ, турецкое правительство отдало оба придунайскія княжества козацкому гетману, подъ условіемъ ежегодной уплаты такой суммы, какую платили его предшественники. Хану было повелѣно соединить всѣ орды съ козаками противъ Поляковъ, готовившихся къ окончательной борьбѣ съ Хмельницкимъ, а пограничнымъ Туркамъ — помогать козакамъ.

Въ виду открывшейся передъ нимъ перспективы, Хмельницкій посылаетъ сына съ 16.000 войска для подавленія самоуправныхъ гос. подарей, и Лулуль, весною 1653 года, переправляется съ зятемъ обратно черезъ Днѣстръ. Волощина скоро была очищена отъ напастниковъ. Гоня передъ собой враждебныя силы, козаки не уступали имъ въ грабежахъ и опустошеніяхъ. Потомъ Тимошъ присоединилъ къ своему корпусу ополченіе Лулула, вторгнулся въ Мультаны и предалъ ихъ огню, мечу, грабежу, насилію. Не было пощады и самимъ церквамъ; напротивъ, онѣ-то и составляли главный предметъ козацкаго грабежа. Козаки Хмельницкаго поступали съ православными храмами въ Мультавахъ еще хуже, чѣмъ козаки Саграйдачнаго съ церквами и монастырями московскими: они не только разоряли, но и обскверняли христіянскія святилища. Хмельниченко, вмѣстѣ съ тестемъ своимъ, два раза разбилъ мультанское войско; но противъ нихъ поднялось все населеніе края, раздраженное святотатствомъ и кощунствомъ днѣпровскихъ вонтелей за православіе. Они, въ свою очередь, были разбиты на голову у рѣчки Яловицы. Козаки потеряли 18 пушекъ съ принадлежностями, всю свою добычу и 2.000 пѣш-никовъ. Преслѣдуемый въ бѣгствѣ своимъ Тимкѣ заперся въ Сочагѣ вмѣстѣ съ женой, тещей и сокровищами Лулула. Самъ Лулуль бѣжалъ въ Чигиринъ и, играя епова роль союзника Польши, просилъ короля выручить его семью изъ бѣды. Враги Лулула, съ своей стороны, просили короля прислать подъ Сочану вспомогательное войско для окончательнаго пораженія Хмельниченка, и обѣщали за то помогать Полякамъ въ предстоящей войнѣ съ Хмельницкимъ. Въ то же время и Тимкѣ, какъ истинный сынъ своего отца, обратился къ правительствующимъ панамъ съ просьбой о помощи, обѣщая за то воевать для Польши придунайскія области. Король склонился на

продолжали помогать „Хмельницкому въ его войнахъ. (Przyszło do niego Kozaków Dunskich dwa tysiąca“).

просьбу враговъ Хмельницкаго, и послалъ имъ помощь противъ Тимка. Множество шляхетскихъ волонтеровъ отправилось подъ Сочаву на травлю дикаго звѣря, какимъ по справедливости считали Хмельничепка. Крѣпость была сильна позиціей и фортификаціей. Козаки, зная, что предстоитъ имъ за христіянскіе подвиги въ Мультапахъ, защищали ее отчаянно. Накопецъ Тимкъ былъ смертельно раненъ пушечнымъ ядромъ, и кончилъ свою разбойную карьеру. Козаки капитулировали, и доставили старому Хмелю гробъ его сына, съ которымъ у него была связана мечта о княжеской династіи.

Я представилъ только перечень событій въ Молдавіи и Валахіи. Для исторіи русскаго воссоединенія они важны лишь тѣмъ, что развлекали вниманіе, ослабляли силы и обманывали антирусскія надежды и Козацкаго, и Шляхетскаго Народа.

Когда Янъ Казимиръ, еще до этихъ событій, находился на генеральномъ сеймѣ въ Литовскомъ Берестѣ, городѣ озпаменовавшемъ взаимными проклятіями папистовъ и православняковъ, въ этотъ несчастный для Польши городъ пришло письмо, которое повело Полонусовъ къ столь же ошибочнымъ, какъ и церковная унія расчеатамъ. Письмо было отъ Ракоція, который увѣдомлялъ короля, что идетъ противъ волошкаго господаря Лупула, и просилъ не вѣрить слухамъ, будто бы Венгры готовы къ войнѣ противъ Поляковъ. Едва оно было прочитано въ Сенаторской Избѣ, какъ прибылъ въ Литовскую Брестъ (московское названіе города) повѣренный Лупула съ выраженіемъ готовности господаря къ посредничеству между Хмельницкимъ и Рѣчью Посполитою. Сенаторская рада признала Лупула посредникомъ надежнымъ, и король послалъ ему условія, на которыхъ папы готовы помириться съ козаками. Но вслѣдъ за тѣмъ пришло извѣстіе, что Лупуль изгнанъ изъ Волоцины и проситъ у короля скорой помощи. Это извѣстіе разсѣяло надежду на умиротвореніе края. Папы знали, что Турція готова помогать Хмельницкому, и что хану дано повелѣніе идти со всѣми ордами на соединеніе съ пограничными башнями. Въ виду такой грозы, король послалъ новопожалованнаго подканцлера Трэмбецкаго въ Регепебургъ просить Гермапскій Союзъ на помощь предостѣнню христіянства, какъ называла себя Польша, и не иначе, какъ до исгеченія трехъ мѣсяцевъ. Полякамъ казалось, что вся Европа рухнетъ вмѣстѣ съ ихъ доблестнымъ государствомъ, не умѣвшимъ обратиться ни съ жолнерами, ни съ козаками. Въ „декларациі о грозящей Священпой Имперіи опасности“ прямо сказано, что когда передоная стѣна христіянства падетъ, она „засыплеть своими развалинами Нѣмцевъ“.

И венгерскій, и волошскій послы старались въ Брестѣ перетянуть Рѣчь Посполитую каждый на свою сторону. Венгерскій посоль домогался наступательпо-оборонительнаго союза съ Рокочіемъ и мультанскимъ господаремъ противъ Хмельницкаго. Япъ Казимиръ былъ не прочь отъ этого союза, но отложилъ все дѣло до своего возвращенія въ Варшаву на 28 мая.

На генеральный сеймъ въ литовскую Брестъ прибыло лишь нѣсколько сенаторовъ, и королю нельзя было ничего предпринять ко вреду Лупула. Литовскій гетмапъ, Янушъ Радивилъ, былъ его зять, а король пуждался въ Радивилъ для того, чтобы соединить литовское войско съ короннымъ. Поэтому король сдѣлалъ литовскаго гетмана виленскимъ воеводою, не взирая на ропотъ католиковъ, которые, устами проповѣдниковъ, „народныхъ пророковъ“ своихъ, осыпали его съ амвоновъ упреками. Домъ князей Радивиловъ смотрѣлъ на дѣло Лупулово, какъ на свое собственное, а домъ этотъ былъ въ то время могущественнѣйшимъ въ Литвѣ. Громадными владѣніями, можновладнымъ родствомъ и первенствующими дигнитарствами въ княжествѣ достигъ онъ такой силы, что если его приватные интересы не были согласны съ интересами государства, то перевѣшивали ихъ: слова самихъ Поляковъ объ ихъ быломъ отсечствѣ. Поляки подозрѣвали князя Януша даже въ тайной политикѣ, основанной имъ на родствѣ съ Лупуломъ и Хмельницкимъ. Но они въ то время такъ потерялись, что подозрительность доходила у нихъ до безумія.

Король совѣтовался въ Варшавѣ съ приглашенными туда членами сенаторской рады, а отсутствующихъ просилъ сообщить свое мнѣніе о волошскомъ вопросѣ письменпо. Памятный нашъ бискупъ Гнѣвопъ не совѣтовалъ входить въ союзы съ владѣтелями подначальными. Его мнѣніе поддерживали и другіе. Но избравникъ Хмельницкаго, Япъ Казимиръ, былъ для него полезепъ тѣмъ, что изо всѣхъ золь избиралъ всегда наибольшее. Такъ поступилъ онъ и въ настоящемъ случаѣ. Онъ вообразилъ, что Ракочій не только самъ послужигъ ему опорною противъ Хмельницкаго, но заставитъ служить Польшѣ и обоихъ господарей. Нѣкоторые стѣснялись относительно Лупула тѣмъ, что онъ столько разъ доказалъ свое доброжелательство Рѣчи Посполитой; что онъ, какъ польскій шляхтичъ и гражданинъ по индигенату, имѣетъ право на оборону со стороны короля; но король, по отзыву пылѣвшихъ поляковъ, торговавшей человѣческой кровью, успокаивалъ свою совѣсть, или свою безсовѣстность, тѣмъ, что Лупулъ отдалъ дочь свою за Хмельницка, а хотъ и перевелъ свои богатства въ Подольскій Камепецъ, но не написалъ объ этомъ къ королю, слѣдовательно

держался въ двусмысленномъ положеніи между нимъ и Хмельницкимъ. Намъ позволительно думать, что эти то богатства и были на умѣ у короля-іезуита, когда онъ рѣшилъ вопросъ о помощи.

Какъ бы то ни было, только венгерскому послу былъ данъ такой отвѣтъ, что король, сочувствуя справедливому дѣлу Седмиграда и Мультавъ, готовъ на союзъ противъ Хмельницкаго. О Волощипѣ не сказалъ онъ ни слова. Этотъ наступательно-оборонительный союзъ названъ *conjunctio armatum* и, насколько можно судить изъ послѣдовавшихъ за нимъ военныхъ дѣйствій, основывался на обоюдныхъ обѣщаніяхъ воевать противъ козаковъ и Татаръ.

Счастливымъ политическими иллюзіями своими Янъ Казимиръ отправился послѣ того во Львовъ для дѣла не менѣе важнаго и не болѣе для Поляковъ исполнимаго. Надобно было уплатить войску недоплаченный жолдъ и вести его на Хмельницкаго, пока тотъ не вооружилъ еще черни и не призвалъ Татаръ:

Заготовленное для новой козацкой войны коронное войско повополоваанный коронный гегмалъ, Станиславъ Потоцкій, разбѣстилъ хоругвями въ разныхъ мѣстахъ, на далескомъ одна отъ другой разстояніи. Онъ боялся жолперскихъ соглашеній о бунтѣ за неуплаченный жолдъ. Теперь стянулъ онъ войско подъ Глиняны, не вдальскѣ отъ Львова, въ числы 38.000, ожидавшихъ заслуженнаго жолду.

По словамъ самихъ Поляковъ это было не столько войско, сколько собраніе дерзкихъ и нетерпѣливыхъ кредиторовъ панской республики. О военной дисциплинѣ не было въ немъ и рѣчи: оно служило изъ милости. Стоя бездѣйственно вблизи большого города, жолперы входили въ долги у Армянъ и Жидовъ для щегольства, разгула пьянства, и все это на счетъ неуплаченнаго жолду. Не обращая вниманія на строгія запрещенія, выходили они тысячами изъ лагеря, шлялись по улицамъ, устраивали сходбища, затѣвали починя драки, и возвращались въ сопровожденіи нарушенныхъ съѣстною добычею возовъ да веселыхъ жспницъ.

Лагерь гремѣлъ отъ пирушекъ и товарищескихъ сходовъ, называвшихся у жолперовъ *конверсаціею*. Это былъ старинный и пагубный обычай польскаго войска. Жолперъ обыкновенно приглашалъ къ себѣ сослуживцевъ и, прокутивши съ ними въ одинъ день полугодовое жалованье, шелъ въ гости къ такому же кутилѣ. Бережливость у нихъ подвергалась презрѣнію: только расточительностью можно было угодить и товарищамъ, и начальству. Обычай такой *конверсаціи* вела богатая шляхта изъ національнаго гостепрїимства. Но эта добродѣтель польская, практикуемая въ лагерѣ, бывала причиною поединковъ

и дракъ, причиною грабежей и насилій во время похода и на лежахъ. Растративши все, жолнеръ нуждался во всемъ. Не удовлетворяясь платою, заявлялъ онъ требованія неслыханныя, и былъ всегда готовъ къ бунтамъ и конфедераціямъ, чтобы вынудить плату за четверть года не въ зачетъ и обезпечить себѣ амнистію за самоуправство. Въ такомъ положеніи находилось войско и тогда, когда король прибылъ во Львовъ.

16-е іюня было срокомъ взноса денегъ для всѣхъ „скарбовыхъ людей“ Великой и Малой Польши. Въ этотъ день *поборцы* были обязаны явиться во Львовъ съ деньгами и представить счета въ комиссію, которая потомъ долѣла была уплатить войску недоимку.

Всего съ недополученными казною по прежнимъ окладнымъ суммами набралось, по счетамъ подскарбія, больше 8.000.000 злотыхъ. Не смотря на всѣ бѣдствія свои изъ-за денежныхъ затрудненій, Польша вѣчно впадала въ недочетъ. Не исправленная ни Косипщиной, ни Наливайщиной, ни Павлюковщиной, ни самою Хмельнитчиной, она и теперь, когда готовилось послѣднее столѣповеніе Народа Шляхетскаго съ Народомъ Козацкимъ, очутилась въ страшномъ недочетѣ. Одни поборцы не явились въ назначенный срокъ, другіе не привезли всѣхъ денегъ. Въ скарбѣ оказалось только 2 000 000 злотыхъ.

При такихъ обстоятельствахъ, отерли наны во Францинсканскомъ монастырѣ комиссію, составленную изъ 44 членовъ, подъ председательствомъ сендомирскаго воеводы, маркграфа Мышковскаго. Каждая хоругвь прислала въ нее своего депутата. Эти почтенные представители короннаго войска, единственные защитники отечества, послѣдняя опора Рѣчи Посполитой Польской, тотчасъ же объявили, что не приступятъ ни къ чему, пока обиды, причиненныя жолнерами частнымъ лицамъ, не будутъ покрыты амнистіей. Въ противномъ случаѣ грозили „сорвать“ комиссію и „завязать“ конфедерацію. Король обѣщалъ амнистію, и всѣ обиженные, съѣхавшіеся, въ чаяніи правосудія, во Львовъ, уѣхали ни съ чѣмъ.

По сведеніи счетовъ, оказалось, что Рѣчь Посполитая задолжала спасителямъ отечества 6.107.622 злотыхъ. Но жолперы не признавали счетовъ министра фпансовъ, подскарбія. Они требовали уплаты за 13 четвертей года, требовали вознагражденія убытковъ, пошесенныхъ отъ недоимки, и не отступали отъ своего домогательства ни на іоту.

Весь лагерь волновался, твердя, что комиссію уменьшаетъ жолперскій заработокъ, торгуетъ жолнерскою кровью и потомъ. Демагоги сзывали сборища, кричали противъ короля, грозили сенаторамъ, и были готовы повторить козачину надъ королевскими и панскими дѣла

ми. Субординація, на которую Чернецкій возлагалъ всю надежду истребленія Руси, пала окончательно. Польская иѣхота столкнулась на лагерномъ майданѣ съ ипоземпою, и между ними завязалась перестрѣлка, напомнившая панамъ Батоговскую катастрофу. Пока ихъ развели, погибло нѣсколько сотъ человекъ, безъ сомнѣнія, храбрецовъ, которые, при добромъ порядкѣ, вѣсили бы на вѣсахъ боеваго успѣха столько же, сколько паны задолжали войску. Безнаказанность и дерзость дошли до такой степени, что въ самомъ городѣ поднимались крики и драки; даже подъ окнами королевской квартиры въ архіепископскихъ палатахъ происходили убійства.

Въ это время Хмельницкій, родное чадо польской неурядицы, стоялъ уже невдалекѣ отъ памятнаго панамъ Збаража и, еслибы козаки не были видоизмѣненіемъ шляхты, то могли бы повторить падѣ своими учителями Батоговскую кровавую баню. Въ виду грозной опасности, король переселился на нѣсколько дней въ лагерь, чтобы своимъ присутствіемъ возстановить порядокъ и соподчиненность,—онъ, деморализаторъ коронаго войска, выполнявшаго свою функцію со славою подъ управленіемъ Владислава IV и его великаго фельдмаршала. Между жолнерами ходили уже слухи, что никакого жолду имъ не дадутъ. Король хотѣлъ ихъ успокоить хоть съ этой стороны, но долженъ былъ вернуться во Львовъ, гдѣ коммиссія не знала, что дѣлать съ войсковою делегацией.

Польша обнаружила прорѣхи по вѣзмъ швамъ. Были въ ней такія воеводства, которыя на реляціонныхъ (отмѣняющихъ центральныя постановленія) сеймикахъ не согласились ни на какіе налоги. Другія давали меньше того, что опредѣлили ихъ сеймовые послы; третьи, одобрявъ установленныя налоги, отложили ихъ на дальнѣйшее время. Государство, сшитое римской политикой на живую нитку, поролось и распадалось отъ фальшивости своего края и шигья. Когда дѣло дошло до взноса налоговъ, начались обычныя махинаціи и обманы со стороны поборцевъ. Одни уменьшали поборы, установленные вѣками и утвержденные сеймомъ 1633 года; другіе укорачивали своими *саларіями* цифры, опредѣленныя въ пропорціи новыхъ поборовъ; третьи, раздавши квитанціи въ полученіи налоговъ, внесли въ Скарбъ гораздо меньшія суммы, и т. д. и т. д. Словомъ, не оказалось ни одного воеводства, ни одного повѣта и земля, которые бы все то уплатили, что слѣдовало; а Хмельницкій угрожалъ Польшѣ послѣднимъ ударомъ. Не такъ поступали Пожарскіе и Минины въ Смутное Время, когда для Московскаго Государства эта самая шляхта, со своими жолнерами, представляла козакотатарскую орду: фактъ важный въ рѣшеніи

вопроса: кто былъ достоинѣе владѣть широкими областями отъ моря до моря: „кичливый Ляхъ, иль вѣрный Россъ“.

Въ государственномъ Скарбѣ было всего 2.000,000 злотыхъ, комиссія насчитывала недоимки 8.000.000; а жолнеры требовали 15.000.000.

Послѣ разнообразныхъ споровъ и бунтовъ, дѣло кончилось уплатою жолнерамъ небольшой части недоимки и подкупомъ жолперскихъ делегатовъ, а для благовидности, возстановившуюся тишину приписали дѣйствию „королевской комиссіи“. Не имѣя того, чтѣ составляло силу царскаго правительства, несчастные обманывали свою шляхту и людей заграничныхъ, представляя видъ, будто бы и въ ихъ беспорядочномъ правительствѣ есть эта обеспечивающая всякое право сила. Королевская комиссія состояла не изъ Аристидовъ-безсребренниковъ, а все изъ тѣхъ же эксплуататоровъ и расхитителей государственныхъ доходовъ. Прижатые жолнерами къ стѣпѣ, они должны были—или подвергнуться другой Хмельничинѣ, не козацкой уже, а жолнерской, или же подѣлиться съ мелкими обдиралами своею крупною добычею. Изъ двухъ золъ они выбрали меньшее.

Жолнеры согласились принять отъ комиссіи деньги подъ условіемъ, что остальная недоимка будетъ уплачиваться имъ по мѣрѣ поступленія въ Скарбъ налоговъ, а король, коронный гетмаиъ и комиссары дали имъ ассекурацію на своихъ добрахъ, гарантируя окончательную уплату до 15 сентября. Чтѣ же это былъ за король и какія сдѣлки соединяли его съ прочими членами польской олигархіи, явствуется изъ слѣдующихъ строкъ роялиста Освѣцима:

„Ноября 20 скончался краковскій каштелянъ“ (Николай Потоцкій) „оставивъ свободное поле для соискательства лицамъ, желавшимъ воспользоваться оставшимися по его смерти вакантными должностями. При дворѣ долго колебались и отсрочивали ихъ раздачу, но наконецъ преимущество было оказано тѣмъ, которые съ своей стороны *предложили болѣе возмездія*. Должность краковского каштеляна была предоставлена мазовецкому воєводѣ, Варшицкому, несмотря на то, что, по общему мнѣнію, право на нее имѣлъ краковскій воєвода (Владиславъ Заславскій). Варское староство передано князю Богуславу Радивилу, люблинское—сендомирскому каштеляну, Витовскому, подъ тѣмъ предлогомъ, что недавно онъ оказалъ значительную услугу, принявъ на себя должность посланника въ Москву, но въ дѣйствительности это успѣху гораздо болѣе содѣйствовало то обстоятельство, что онъ *поднесъ въ подарокъ королю 15.000 червонцевъ*. Нѣжинское староство предоставлено коронному маршалу (Любомирскому), булаву же вели-

каго гетмана король оставилъ пока при себѣ до дальнѣйшаго усмотрѣнія“...

Орда не пришла еще къ Хмельницкому, а безъ Орды онъ былъ воинъ безъ правой руки. Надобно было пользоваться временемъ. Такъ и думали папы, но выходило у нихъ иначе. Во время передраги съ войскомъ вышли первыя, вторыя и третьи *виши*. Но многія воеводства вооружались такъ медленно, какъ будто не вѣрили, что Польша угрожаетъ ударъ ужаснѣе всѣхъ, нанесенныхъ ей козако-татарами. Король, въ послѣднихъ универсалахъ, оповѣщалъ, что неприятель приближается со всею силою, а это значило въ числѣ 300.000. „Ежечасно, ежеминутно ждемъ его“ (писалъ онъ). „Не думаемъ, чтобы нашелся кто-нибудь нежелающій спасти отечество тамъ, гдѣ дѣло идетъ о цѣлости всего“. Этимъ способомъ падѣялся онъ вызвать шляхту въ поле не позже 10 августа, а ближайшія воеводства увидѣть передъ собой и раньше. Въ отчаянно вопіющихъ универсалахъ рѣчь была уже объ *остаткѣ* Польши. Но патриотизма не было тамъ, гдѣ каждый панскій домъ составлялъ отдѣльное государство, гдѣ каждый городъ былъ самоуправляющеюся республикой, а король не имѣлъ ни самостоятельной власти, ни даже панской независимости.

Хмельницкій, выжидая событій, подвигался впередъ медленно. Остановясь не вдалекѣ отъ Сагапова и зная, что происходитъ въ панскомъ лагерѣ подъ Глицинами, онъ крался къ нему волкомъ, съ намѣреніемъ повторить Батоговскую рѣзню. Въ это время изъ панскаго лагеря былъ высланъ легкій подѣздъ, для освѣдомленія о неприятелѣ. Подѣхавъ подъ Зборовъ, повстрѣчался онъ съ многолюдною козацкою чотою, разбѣжался во всѣ стороны и привезъ во Львовъ такія преувеличенныя вѣсти, что, по словамъ самихъ Поляковъ, всѣ начали думать о бѣгствѣ.

Это былъ для Хмельницкаго важный моментъ. Орда пришла уже къ нему. Дай судьба ему только нѣсколько дней еще для набѣга, -- Польша была бы у него въ рукахъ, и тогда передъ новымъ Тамерланомъ, короновапнымъ королю Казимира Великаго подъ именемъ Богдана I, (Поляки были способны и къ этому) задрожала бы дѣйствительно „весь свѣтъ“, особенно культурный. Можетъ быть, у Хмельницкаго была уже въ рукахъ прокламація другаго испавистника аристократовъ, другаго заклятаго врага папистовъ, Оливера. Кромвели, отъ которой до насъ дошелъ одинъ титулъ, а именно: *Theodatus Cmielnicki, Dei gratia generalissimus ecclesiae Graecorum, imperator omnium cosacorum Zaporoviensium, terror et extirpator nobilitatis Poloniae, fortalitorumque expugnator, exterminator sacerdotum Roma-*

погип, persecutor ethnicorum, Antechristi et judaeorum *). Подавъ одишь другому руку, эти два различные, по страшные каждый по-своему энтузіаста могли бы измѣнить лицо Европы и Азіи. Самыя дикія картины счастья, какъ понимаютъ счастье разбойники, могли представляться Хмельницкому въ этотъ важный моментъ его истребительной дѣятельности. Но демонъ злобы, корысти и властолюбія, служившій ему до сихъ норъ только съ намеками на свое коварство, явился передъ нимъ въ образѣ вѣстовщика, и объявилъ „счастливому человѣку“, какъ называлъ его достойный его свать, что сыщъ его, вмѣстѣ съ господаровною и сокровищами тещя, разбитый на голову, осажденъ въ Сочавѣ... Сообразивъ послѣдствія погрома и осады, Хмельницкій бросился стремглавъ изъ-подъ Сатанова (имя, соотвѣтственное событію) и, дѣлая, какъ Татары, по 10 миль въ сутки, долетѣлъ до Бѣлой Церкви безъ отдыха.

Орда, видя такое несожданное отступленіе, похожее на бѣгство, покинула Хмельницкаго и ринулась на мѣста, гдѣ оставались козацкія семьи съ запасами. Тогда въ козацкомъ войскѣ слышались ужа сающія проклятія и угрозы. Бѣглый гетманъ успокоилъ козаковъ только тѣмъ, что послалъ ихъ по татарскимъ слѣдамъ, и такимъ образомъ не могъ ни воевать съ панами, ни выручить сына изъ опасности. Нечистая сила разыграла съ нимъ одну изъ самыхъ замысловатыхъ своихъ трагикомедій.

Въ Бѣлой Церкви ждалъ нашего Хмеля турецкій посоль съ письмомъ отъ визиря. Это письмо сохранилось въ неясномъ московскомъ переводѣ и, къ сожалѣнію, въ поврежденномъ видѣ. Его привезъ въ Москву царскій подъячій, Иванъ Ѳомицъ, который, можетъ быть, добылъ его и „тайнымъ обычаемъ“, такъ какъ о козакахъ давно уже писалъ Кисѣль по своей комиссарской должности: „любить голубички взять (lubią niebożęta wziąć)“.

Великій визирь, Азесмъ-Магометь-баша, обращался къ Хмельницкому съ дружескимъ привѣтствіемъ, но отъ учтивостей перешелъ къ неприятнымъ для Порты поступкамъ Тимоша въ приданайскихъ княжествахъ. „И то дѣло“ (писалъ онъ) „великому государю нашему учинилось къ прогнѣвленію, что сынъ твой съ ратными людѣми вошелъ въ тѣ государства, а тѣхъ госуд(арствъ люди) межъ собою ссорятся“...

*) Богданъ Хмельницкій, Божию милостію генералиссимусъ грековосточной церкви, вождь всѣхъ козаковъ Запорожскихъ, гроза и искоренитель польскаго дворянства, покоритель крѣпостей, истребитель римскаго священства, гонитель язычниковъ, антихриста и Іудеевъ.

„И такъ какъ сынъ твой“ (продолжалъ визирь) „учинилъ въ Волохахъ нѣсколько непристойныхъ дѣлъ, то по этой причинѣ тамошнія дѣла приведены въ прежній порядокъ, и все возвращено Лупулу, всегда намъ доброжелательному *).

„А ты, достовѣрной другъ нашъ“ (говорится далѣе въ московскомъ переводѣ) „(великаго) государя нашего вѣдаешь: не (какъ иные) государи, онъ—великій государь самодержавный, грозный государь. Всѣ подданные его имѣютъ надъ собою страхъ и пребываютъ въ его повелѣннѣ до единого человѣка и въ послушаннѣ: про то вамъ (козакамъ) самимъ вѣдомо. А безъ его, великаго государя, повелѣнья никто не можетъ въ его государеву отчину вступити, и благосчастная мысль его къ тому не прилжити. И тебѣ бѣ его письма, понеже бо такому (великому) государю училися (вы, козаки) въ подданствѣ, и государскія чести оберегати и (всѣ) государева повелѣнья творити, нич(его не опуская). И какъ учнете симъ путемъ быть и добрострастіе надъ собою имѣти, и вамъ день ото дни передъ нашими подданными чести прибудеть. И аже дастъ Богъ, и узрите. И вамъ бы ратныхъ своихъ людей держать въ уйму, и въ государство государя нашего входить не вслѣтъ, и о томъ учинить крѣпкой заказъ.

„А добрычипскимъ ратнымъ людемъ и той сто(ропы Та)таромъ повелѣнье послано: къ (вамъ) на помощь будутъ. А же дастъ Богъ здѣшнее дѣло совершится, по и паче съ прибавкою къ вашей помощи повелѣнье будетъ. И крымскому цареву величеству повелѣнье послано не единовременно, чтобъ онъ къ вамъ на помощь пошлѣ. И вамъ бы про то вѣдать, и сына своего взять къ себѣ“.

Письмо визиря лишило Хмельницкаго надежды владѣть придупайскими княжествами. Между тѣмъ король могъ ежедневно удовлетворить свое войско и двинуться къ походѣ, а князьки могли ежеминутно взять Сочаву, и прійти къ нему на помощь въ то время, когда Татары будутъ еще въ Добруджѣ и въ Крыму.

Визирь писалъ свое письмо еще до вторичнаго бѣгства Лупула. Теперь Лупулъ сидѣлъ въ Чигирипѣ и сулилъ козакамъ золотыя горы, вербуя войско для освобожденія Сочавы. Хмельницкій поощрялъ вербовку: сокровища значили для него столько же, какъ и отраженіе

*) Эта мысль выражена въ московскомъ переводѣ такъ: „И въ то время, въ которое сынъ твой въ Волохахъ нѣсколько непристойныхъ дѣлъ учинилъ, пристойно къ тому, какъ прежде сего Липоль пришелъ въ Яссы, и отъ благосчастнаго государя нашего повелѣнье къ нему прислано, и Липоловымъ приходомъ, доднесъ, кромѣ дружбы и добра, ничего (не) увидѣтъ“.

союзныхъ князьковъ. Но этимъ самымъ онъ разрушалъ надежду на турецкую помощь, такъ какъ дѣйствовалъ вопреки повелѣніямъ Порты, а между тѣмъ козаки его, ослабленные пораженіемъ подъ Яловицею, были разьединены.

Въ это трудное для стараго Хмеля время, и Поляки, и такая Русь, къ какой принадлежалъ Ерличъ, распространяли и повторяли слухъ, что турецкій посоль требовалъ отъ него дѣйствительной отдачи тѣхъ земель, которыя онъ столько разъ обѣщалъ Портѣ, и въ то же время—присяги на подданство. Говорили, что будто бы козаки, волнущіе духовенствомъ, грозили бунтомъ по этому поводу; что будто-бы полковники Богунъ, Джеджалла и другая старшина, вмѣстѣ съ гетманомъ, были не прочь отъ присяги султану, но эта присяга ничего бы не значила безъ согласія черни, и что будто бы чернь, отвергая и турецкое подданство, и московскую певолу, высказывала готовность „служить старымъ панамъ и королю, который столько разъ далъ ей доказательства своей милости“.

Не таковъ былъ Хмельницкій, чтобы позволить каждому заглядывать себѣ въ карты. Поэтому и такія вѣсти, что будто бы онъ выражалъ Портѣ увѣренность въ расположенности большей части козаковъ къ принятію ислама, повторяемая польскими историками, показываютъ только познаніе ни Хмельницкаго, ни козаковъ, ни самой Порты, которой мало было дѣла до вѣры въ вопросѣ о подданствѣ. Всѣ такіе слухи распускали въ Шляхетскомъ Народѣ—или купленные Хмелемъ люди, или козаки, для того, чтобы предрасположить Ляховъ къ извѣстному обману. Тѣмъ же самымъ способомъ морочилъ Козацкій Батько и Турцію, и Москву, и весь свѣтъ, и никто не зналъ истинныхъ его намѣреній, самъ же онъ перемѣнялъ ихъ съ каждой перемѣной обстоятельствъ.

Глава XXX.

Московскій ультиматумъ. — Царское обладеживающее посольство у козаковъ. — Кому въ Малороссіи было ненавистно московское подданство. — Напскій лагерь подъ Жванцемъ. — Жванецкій договоръ 1653 года. — Козаки поддаются Московскому царю. — Возсоединеніе Малой Россіи съ Великою.

Когда подъ Глипьянами узнали, что Хмѣль отступилъ къ Бѣлой Церкви, было послано вслѣдъ за нимъ двѣ хоругви, чтобъ узнать, не военная ли это хитрость. Но едва онѣ сдѣлали пѣсколько миль, какъ повстрѣчали кievскаго полковника, Антопа Ждановича, въ сопровожденіи 12 козаковъ, и привели его въ лагерь вмѣсто языка.

Козацкій посоль привезъ отъ Хмельницкаго письмо только къ коронному гетману и просилъ его отъ имени гетмана и всего Запорожскаго Войска о предстательствѣ у короля: Ждановичъ говорилъ, что козаки не хотятъ больше воевать, и еслибы король наступилъ на нихъ въ своемъ ожесточеніи, то не будутъ обороняться, а побредутъ куда глаза глядятъ. Кромѣ гетманскаго письма, привезъ онъ просьбу отъ козаковъ къ королю и показывалъ ее каждому.

„Но заключеніи Бѣлоцерковскаго мира“ (писалъ въ козацкой просьбѣ сочинитель такой исторіи, какую сочиняютъ намъ донынѣ), „мы были расположены никонмъ образомъ не нарушать опаго, и потому не мало покарали смертью тѣхъ, которые подавали поводъ къ его нарушенію, какъ-то Гладкого, Мозыру и другихъ. Но Войниловичъ, Маховесій и другіе, которые стояли на Задпѣпріи по ордынцусу вашей королевской милости, напавъ своевольно на людей, обезпеченныхъ миромъ, пемало перебили, и кровь невинную пролили, а другія села и мѣстечки огнемъ и мечемъ истребили. Къ тому же покойный его милосъ панъ Катиновскій, какъ это было намъ достовѣрно извѣстно, соединивъ войска и ставши уже лагеремъ, намѣревался неожиданно на насъ напасть. Поэтому мы, предотвращая сіе, должны были двинуться съ частью войска. Ничего, однакожь, не замышляя противъ вашей королевской милости, и, не идучи въ глубину, вернулись

назадъ. А что случилось по Божію попущенію, то просимъ простить намъ“.

Далѣе козаки писали, будто бы они ждали комиссіи, о которой трактовали съ Зацвильховскимъ, но, вмѣсто комиссіи, Чернецкій и Маховскій произвели у нихъ опустошенія и убійства. Ничего, однакожь, не предпринимая, униженно просятъ они короля оставить ихъ при Зборовскихъ пактахъ, не стѣсня ничѣмъ вѣры ихъ и вольностей. Еслибы же ему число войска по Зборовскимъ пактамъ казалось слишкомъ великимъ, то просятъ прислать въ Паволочъ или въ Бѣлую Церковь комиссаровъ. Козаки просили также объ уничтоженіи церковной уніи въ Коропѣ и Литвѣ. Въ случаѣ же наступленія на нихъ съ войскомъ (сказано въ просьбѣ), козаки не будутъ уже и обороняться, и не желаютъ больше проливать кровь, а будутъ „промышлять о своей жизни всякими иными способами“.

Созвана была рада и рѣшено—трактовать объ этомъ дѣлѣ такъ, какъ будто король ничего не зпалъ. Гетманъ отвѣчалъ частнымъ образомъ Хмельницкому: 1) чтобъ онъ отпустилъ турецкаго посла; 2) чтобъ отдался безусловно на милосердіе короля; 3) чтобы союзъ съ Татарами разорвалъ и, для вѣрности дѣла, далъ заложниковъ, какіе будутъ указаны. Аптона Ждаповича задержали въ Глининахъ, какъ плѣнника.

Отъ козацкихъ языковъ панамъ было извѣстно, что у Хмельницкаго войска мало, что чернь жаждетъ мира и хотѣла отправить къ королю посла изсреди себя. Козаки съ пытки говорили, что приходили къ нимъ Татары, но вернулись, потому что козаки разъединились, а разъединились изъ-за того ясыра, котораго Татары набрали изъ женъ и дѣтей козацкой черни и даже самихъ *реестровиковъ*, и котораго потомъ Хмельницкій выкупилъ собственными деньгами 6.000 душъ. Тѣ же языки рассказывали, что гетманъ и полковники хотѣли присягнуть передъ султанскимъ посломъ на подданство отъ имени всей черни; но чернь и нѣкоторые изъ полковниковъ не согласились на то никоимъ образомъ, „и отсюда-то происходитъ волчья нокорность Хмельницкаго“, объясняли себѣ паны.

Между тѣмъ Хмельницкій игралъ въ самую опасную для нихъ игру. Въ письмѣ къ королю изъ Чигирина онъ въ сотый разъ призывалъ Бога во свидѣтели, что, какъ прежде, такъ и теперь, козаки отъ чистаго сердца желаютъ быть вѣрными королевскими подданными, и при этомъ доносили смиреннѣйшимъ тономъ, что они „упросили Московскаго царя ходатайствовать объ исполненіи ихъ просьбъ,

касающихся вѣры, церкви и вольностей Войска его королевской милости Запорожскаго“.

Это письмо было предвѣстіемъ подпаденія Польши подъ власть государства, которое такъ еще недавно попирала она ногами со всѣмъ его великимъ и священнымъ. 27 римскаго іюля прибыло во Львовъ московское посольство, подъ начальствомъ боярина Рѣпина Оболенскаго. Оно привезло Польшѣ ультиматумъ, согласовавшійся съ чигиринскимъ письмомъ Хмельницкаго. При первомъ же свиданіи съ представителями Рѣчи Посполитой, царскіе послы высказали весьма рѣзко свой русскій взглядъ на ихъ пресловутую республику. Москва выждала наконецъ время для возмездія Польшѣ за всѣ претерѣнныя отъ нея поруганія, и это было начало возмездія.

Одинъ изъ сенаторовъ спросилъ у боярина: не по тому ли дѣлу прибылъ онъ, о которомъ трактовалъ королевскій посолъ, Адамъ Кисель, въ Москвѣ?

Рѣпинъ Оболенскій отвѣчалъ спокойно, что не былъ тогда въ Москвѣ, и не знаетъ, о чемъ трактовалъ Кисель.

„Да вамъ-то что въ эгомъ, папы?“ (сказалъ его товарищъ). „Пока бы вы что-нибудь постановили, такъ не осталось бы и времени на исполненіе. Вы ищете союза съ монархами, а когда чего не достанетъ съ вашей стороны, говорите, что сеймъ не позволяетъ. Когда бъ на нашемъ сеймѣ можно было рѣшать, чего требуетъ ваша честь и польза вашего королевства,—можетъ быть, тогда сосѣдніе монархи соединили бы свои силы съ вашими, для своихъ выгодъ, для подавленія общаго непріятеля. Но вы до сихъ поръ не нашли средства сохранять въ тайнѣ свои сеймовныя постановленія, хоть бы на то время, пока приготовитесь; поэтому и мудро понять, какой бы государь захотѣлъ предпринять съ вами походъ. Развѣ на то предпринялъ бы, чтобъ непріятель на него напалъ, узнавъ тотчасъ обо всемъ“.

Сенаторы представляли посламъ, что они мало знакомы съ дѣлами и образомъ правленія государства свободнаго.

„Что это за отвѣтъ?“ (сказалъ великій посолъ) „Вы говорите, какъ у васъ должно быть; на бумагѣ, да на словахъ устанавливаете го и се, а на дѣлѣ—неурядица, пальцемъ ткнешь“.

Здѣсь одинъ изъ сенаторовъ заговорилъ о силѣ Рѣчи Посполитой и сказалъ, что скоро соберется 40.000 вооруженной шляхты. Тогда она принудитъ Хмельницкаго къ повиновенію и будетъ имѣть довольно времени для того, чтобъ отомстить какому-нибудь сосѣду за пренебреженіе.

„Если таковы силы ваши“ (сказалъ товарищъ великаго посла), „зачѣмъ же эта небольшая часть вашего войска стоитъ въ бездѣйствіи?“

„Не понимаю“ (прибавилъ Рѣпинъ Оболенскій), „что это у васъ за сила, что Ракоцій бьется за васъ. Взбуртовавшійся логоуетъ не испугался сына Хмельницкаго, и если взвѣсить средства, то надѣлала больше вреда козакамъ, въ два-три мѣсяца, чѣмъ ваше королевство въ столько же лѣтъ. Если вы допустите, чтобъ онъ уничтожилъ Хмельницкаго, то едва ли другіе народы повѣрятъ, чтобъ этотъ Хмельницкій былъ такой боецъ и силачъ, какимъ онъ представляется, благодаря вашей неудалости, или неурядицѣ. Когда бъ вашъ Калиновскій былъ такимъ воиномъ, какъ драчуномъ, когда бъ у него въ головѣ былъ голыть, не затѣялъ бы онъ безсмысленно битвы съ Хмельницкимъ и не довелъ бы дѣла до того, чтобъ козаки взяли верхъ и первые нарушили миръ. Если хотѣлъ онъ помѣшать свадьбѣ Тимоша, если думалъ, что этого требуетъ благо королевства, то ему бы слѣдовало расположиться на болѣе крѣпкомъ мѣстѣ, ждать нападенія и тогда голыть восвать. А онъ взялъ деньги (отъ Лупула), и вовсе не забогился о своей ойчизнѣ“.

Все это было высказано такимъ голосомъ и съ такими жестами, что сенаторы обидѣлись. Не обратили на то вниманія торжествующіе наконецъ надъ Ляхами Москали и стояли за свободу личнаго мнѣнія. У нихъ была въ запасѣ пушка, заряженная царскими титулами, и они не замедлили грянуть. Но сперва пустили въ глаза панамъ ракету, изобрѣтенную на ихъ нагубу старымъ Хмелемъ. Заговорилъ о междоусобицѣ, раздрающемъ Польшу, послы оправдывали козаковъ тѣмъ, что они взяли за оружіе, видя свои церкви въ арендѣ у Жидовъ...

Если было чѣмъ возмущаться панамъ до глубины души, то всего больше—этой выдумкою, противною и фактамъ, и здравому смыслу. Но относительно русской вѣры и соединенной съ вѣрою пародности всѣ они были гораздо виновнѣе даже такихъ невозможныхъ притѣснителей, которые бы отдавали въ аренду Жидамъ церкви воинственнаго народа, заставлявшаго, по его собственнымъ словамъ, трепетать передъ нимъ Турцію, Польшу и весь свѣтъ: они были не столько притѣснители, сколько *соблазнители*, и потому имъ лучше было бы, вмѣсто распространенія въ обществѣ папства и еретичества, повѣсить себя на шею жерновый камень и потонуть въ морской пучинѣ: ибо тогда погибло бы одно только поколѣніе пановъ, а польская нація, безъ ихъ козней, благоденствовала бы въ соединеніи. дѣйствительно „равныхъ съ равными“ и въ самомъ дѣлѣ „вольныхъ съ вольными“.

Вмѣсто сознанія непростительныхъ грѣховъ своихъ, паны доказывали какъ нельзя яснѣе, что вѣра не была причиною козацкаго бунта, и что козаки одинаково святотатствовали, какъ въ римскокатолическихъ костелахъ, такъ и въ грекорусскихъ церквахъ. Ухмыляясь въ окладистыя бороды, царскіе послы были глухи къ ихъ доводамъ. Мало обращали они вниманія и на представленія паповъ о томъ, что Хмельницкій недостойнъ царской протекціи: ибо, съ самаго пачала войны, (говорили они) „въ каждомъ своемъ посольствѣ къ представителямъ Рѣчи Посполитой, утверждалъ, что надобно вести козаковъ противъ Москвы. У короля въ рукахъ“ (продолжали паны) „находится множество писемъ, доказывающихъ, что Хмельницкій, во всѣхъ переговорахъ съ Оттоманскою Портою, условливался съ нею восвать Москву. Вотъ и въ декабрѣ 1652 года трактовалъ онъ одновременно съ Москвою, съ Турціей и съ Польшей, и всѣмъ троймъ обѣщаль вѣрноподданство. Наконецъ, въ письмахъ, добытыхъ Ракочіемъ изъ Константинополя, и которыя не дальше какъ 7 римскаго августа Ракочій переслалъ королю, выразительно говорится, что въ то самое время, когда искалъ царской протекціи, предлагалъ онъ подданство султану и убѣждалъ Порту, что ему будетъ легко, съ помощію Татаръ и турецкихъ подкрѣпленій, запать Польшу, Литву и добраться до Москвы. А что хуже всего, одинъ изъ пословъ самого Хмельницкаго объявилъ, что Хмѣль и большая часть козаковъ склонны принять вѣру Магомета...

Такъ сообщалъ свидѣтель этой сцены панскому нунцію, но, спѣдаемый ревностію къ единой спасающей церкви, прибавилъ очевидную небывальщину,—будто бы царскіе послы не захотѣли дальше слушать, называли Хмельницкаго псомъ, воромъ, разбойникомъ, общимъ предателемъ и восклицали: „Да хранить Господь короля!“ (слѣдовательно и ту курію, которая отняла у русскаго свѣта древнерусское дворянство въ польскихъ владѣніяхъ и посягала на всѣ другія сословія).

Такой финалъ религіозно-политической при невѣроятности уже по одному тому, что послы тутъ же грянули въ представителей Польши и соблазнительей польской Руси царскими титулами, точно громомъ. Напрасно паны представляли свои сеймовые декреты, свои королевскія *sancta*;—царскіе послы соглашались помиловать Польшу только подъ условіемъ подтвержденія Зборовскаго договора и уничтоженія церковной уніи, яко главной причины возстанія козаковъ.

Имъ опять, со всей убѣдительною фактовъ, представляли, что религія во всѣхъ козацкихъ бунтахъ была ни при чемъ. Царскіе послы не хотѣли знать исторіи, вѣщавшей устами оіезуическихъ паповъ,

какъ не хотѣли въ свое время паны знать исторіи московской самозванщины.

По своему вѣку и по своей образованности, царскіе бояре и дьяки не могли возвыситься до признанія факта, что греческой религіи нельзя жить въ такомъ государствѣ, какъ Польша: ее можно было только *сворачивать*;—не могли возвыситься тѣмъ болѣе, что философское безиристрастіе въ исторіи, еслибъ оно и было для нихъ возможно, то не было бы выгодно: ибо тогда было бы имъ непристойно оправдывать козацкіе разбои, напротивъ, слѣдовало бы видѣть въ козакахъ то, что видѣли въ нихъ паны рады: общихъ враговъ Москвы и Польши... Теперь же, стоя на почвѣ религіи, которая въ своей свободѣ должна быть неприкосновенна ни для прямаго притѣсненія, ни для казуистики, ни для соблазна,—царскій великій посолъ объявилъ горькественно, что царь, „для православныхъ вѣры и святыхъ Божіихъ церквей“, готовъ забыть личную свою обиду, славъ король и паны рады помирится съ козаками, которые домогаются неприкосновенности православія въ предѣлахъ Польши, и помирится не иначе, какъ на основаніи Зборовскаго договора.

Въ переводѣ на языкъ практики, царское великодушіе, въ настоящемъ случаѣ, значило не больше и не меньше, какъ московскій протекторатъ надъ остаткомъ непревращенной еще въ иновѣрщину Руси въ предѣлахъ сосѣдняго государства,—протекторатъ, отъ котораго оставался одинъ только шагъ до занятія всѣхъ польскорусскихъ провинцій во имя охраненія древней русской вѣры. По пословицѣ: „долгъ платежомъ красенъ“, московскій царь расплачивался съ Польшою за припятаго Сигизмундомъ III подъ покровительство такого же разбойника, и даже большаго, чѣмъ Хмѣль, и за насильственное присвоеніе царскаго права въ Москвѣ Владиславу Жигимонтовичу. Государственное достоинство Россіи требовало отъ Польши, при уязвѣ долга, подлежащихъ процентовъ, и вотъ, при всей фактической правотѣ вѣковой панастницы, она сдѣлана преступницею, требующою казни чрезъ палача, Хмельницкаго.

Царскій великій и полномочный посолъ съ тѣмъ и уѣхалъ, что Польша должна быть казнена за нарушеніе Зборовскаго договора, нарушеннаго козаками. Безпощадный и несправедливый, но вполне заслуженный, приговоръ свой формулировалъ онъ слѣдующимъ образомъ:

„Такъ какъ великій государь, его царское величество, для православныхъ христіанскіе вѣры и святыхъ Божіихъ церквей, желая усюкоть междоусобіе, хотѣлъ простить такихъ людей, которые за оскорбленіе чести великаго государя достойны были смерти,—но король Янъ

Казимиръ и папы рады поставили это ни, во чтѣ, поэтому великій государь, его царское величество, не будетъ торговать такого безчестія и не станетъ къ вамъ посылать своихъ пословъ, а велитъ о всѣхъ вашихъ неправдахъ и о нарушеніи вами договора писать во всѣ окрестныя государства къ государямъ христіанскимъ и бусурманскимъ, и за православную вѣру, и за святые Божіи церкви, и за свою честь будетъ стоять, сколько подастъ ему помощи милосердый Богъ“.

Эти слова были только перифразомъ того, чтѣ говоритъ Іоаннъ III. Мысль Великаго Собирателя Русской земли оказалась безсмертною.

Польша находилась въ отчаянномъ положеніи, какъ это вскорѣ доказали событія, но, по малорусской пословицѣ: „дурень думкою богатѣ“, она готовилась нанести послѣдній ударъ козацкому Минотавру въ такое время, когда онъ, волю историческихъ судебъ, сдѣлался орудіемъ того, „о чемъ“, по его словамъ, „никогда не думалъ“. Польша насчитывала сотни тысячъ союзныхъ силъ. Она утѣшалась извѣстіями, что „хлопы не хотятъ слушать Хмеля“, а съ Ордой едва начинаютъ сговариваться. Творя своего Папа Бога по образу своему и по подобію, она твердила, что онъ „совершитъ свое дѣло“ въ пользу паповъ и шляхты. Наконецъ, она увѣряла и себя, и другихъ, что Москвали прислали Хмельницкому деньги и артиллерію, какъ будто ей отъ этого было бы легче.

Между тѣмъ новый волошскій господарь, Стефанъ Герчица, просилъ у паповъ помощи, королевскихъ совѣтниковъ будто у него подъ Сочавой 200.000 боеваго народа, не считая 50.000 союзныхъ силъ, которые не даютъ козакамъ подойти на выручку Тимоша. За помощь, Герчица обѣщалъ всѣ эти войска вести лично, куда прикажетъ король. Даже силистрійскій баша просилъ короля подъ секретомъ, чтобъ онъ привелъ козаковъ къ невозможности вторгнуться въ Волоцину. У Яна Казимира давно уже была, какъ выражались его клеветы, *mina impregatoriska*; про него, по іезуитскому камертону, трубили во всѣ трубы, звонили во всѣ колокола и, можетъ быть, одна только Москва, стоя за предѣлами іезуитскаго господства надъ европейскими и азіатскими умами, понимала все ничтожество польскаго короля и всю несостоятельность его королевства.

Разсчитывая на командованіе сотнями тысячъ войска и на подавленіе не только польской, но и московской Руси, Янъ Казимиръ послалъ въ помощь союзнымъ князьямъ 40 хоругвей и 1.200 драгунъ съ 6 пушками, подъ начальствомъ Копдрацкаго, по имени Русина. Теперь ему оставалось только ждать отъ совершающаго свое дѣло Пана Бога великія и богатые милости за свои личныя и за патскія

добродѣтели. Но, чтобы тѣмъ скорѣе и блистательнѣе воспользоваться этой милостью, онъ двинулся со все́мъ войскомъ къ югу, гдѣ намѣревался занять удобную позицію для соединенія все́хъ союзныхъ войскъ. Изъ этого мудраго па бумагѣ и па словахъ плана вышла, какъ увидимъ, все та же неурядица, на которую московскіе послы указывали панамъ пальцемъ.

Военная рада представила самому королю назначить мѣстность для лагеря, и король избралъ Галичъ. Разославъ универсалы, возвѣщавшіе, что онъ идетъ на козаковъ, король выступилъ 29 августа изъ-подъ Глинянъ. Онъ подвигался медленно, потому что осенняя слякоть портила дороги.

На пути своемъ получилъ онъ изъ-подъ Сочавы благодарность за подкрѣпленіе и вмѣстѣ съ нею увѣреніе въ общей готовности служить ему. Новый волошскій господарь просилъ его направлять свой походъ въ Украину. Король давно уже думалъ о томъ, чтобъ идти въ Украину, и съ этой цѣлью послалъ литовскому гетману повелѣніе—двинуться къ Киеву въ то самое время, когда коронное войско будетъ приближаться къ этому центру Малороссіи. Но литовскій гетманъ „не послушался“ короля, какъ въ свое время не послушался его брата, Владислава, гетманъ коронный. Ослушаніе свое оправдывалъ онъ тѣмъ, что Москва стягиваетъ войска къ литовскимъ граицамъ. Итакъ Янъ Казимиръ напрасно дразнилъ своихъ пародныхъ пророковъ, отдавъ кальвинисту вилепское воеводство. Все обвиняли Радивила въ измѣнѣ; но въ Польшѣ тогда столько людей было измѣнниками, начиная съ короля, что и самого Хмельницкаго съ его сыновьями, находили возможнымъ уравнивать въ дигнитарствахъ съ Замойскими, Жовковскими, Конецпольскими. Какъ въ Московскомъ Государствѣ, опозоренномъ такъ называемымъ разстригою, великопанскому дому Мишковъ было возможно принять въ свое родство Тушинскаго Вора, такъ и въ королевствѣ „доблестныхъ Поляковъ“, послѣ избранія на престолъ разстриги по волѣ разбойника, слѣдовало допустить и этого самаго разбойника къ участію во все́хъ пожалованіяхъ, предоставленныхъ королю-разстригѣ.

Получивъ благодарственное письмо отъ Стефана Гергицы съ просьбой о походѣ въ Украину, и свѣдавъ, что Хмельницкій, со все́ми своими силами, идетъ на освобожденіе Сочавы, Янъ Казимиръ опять перемѣнилъ свой планъ и рѣшился—часть войска послать комонникомъ подъ Сочаву, а съ остальнымъ подвигаться медленно къ Подольскому Каменцу.

Черезъ нѣсколько дней пришли другія вѣсти,—что Хмельницкій остается въ Бѣлой Церкви, и только часть козаковъ и Татаръ „запустилась“ подъ Коштантиновъ. Опять измѣнили планъ похода окружавшіе своего короля папы: король долженъ былъ остаться въ Галичѣ, а войско идти на козаковъ и Татаръ. Между тѣмъ снова повторились предостереженія, напоминавшія Зборовщину,—что непріятель приближается съ великими силами. Король снова перемѣнилъ свое намѣреніе, и двинулся со всѣмъ войскомъ подъ неприступный Каменецъ, гдѣ онъ могъ дожидаться безопасно обѣщанныхъ ему подкрѣплений изъ-подъ Сочавы.

Еще черезъ нѣсколько дней пришли письма отъ Гергицы и Ракоціи. Одинъ увѣдомлялъ, что два козацкіе полка идутъ на выручку Сочавы, что самъ Хмельницкій выступилъ въ походъ, но не извѣстно, куда, въ помощь ли сыну, или же противъ королевскаго войска, и что ханъ, послѣ байрама, садится на коня. Другой просилъ заградить путь въ Волощину — Хмельницкому на выручку сына, а Лупулу на выручку сокровищъ. Ракоція пугало движеніе силестрійскаго баши съ Турками и Татарами на сю сторону Дуная: баша могъ освободить и сына Хмельницкаго и сокровища Лупула отъ осаждающихъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ король узналъ, что Хмельницкій приближается, но хана съ нимъ нѣтъ. Коронное войско стояло уже тогда подъ Каменцемъ. Папы, имѣвшіе добра въ Подоліи и Покутѣ, боялись жолнерскихъ грабежей, поэтому убѣждали короля отозвать Кондрацкаго изъ-подъ Сочавы, наступить на Хмельницкаго, пока не соединился онъ съ ханомъ, и положить конецъ козацкимъ бунтамъ (*usiąc glowę rebelii*), а потомъ взять Сочаву. Противорѣчилъ имъ въ военной радѣ коронный маршалъ, Любомирскій: онъ совѣтовалъ взять сперва Сочаву, чтобы не оставлять непріятеля у себя въ тылу, чтобы не потерять союзниковъ, чтобы славою, которою стоятъ войны, поразить слухъ непріятеля и ударить на него соединенными силами. Теперь же, (говорилъ онъ), не имѣя ни откуда вѣрныхъ извѣстій о непріятелѣ, не слѣдуетъ рисковать „последними силами“ Рѣчи Посполитой. Много сдѣлалъ коронный маршалъ убѣдительныхъ замѣчаній, но всѣ они представляли короля, вмѣстѣ съ его правительствомъ, въ безотрадномъ видѣ, и чѣмъ были справедливей, тѣмъ были для большинства непріятнѣе. Король согласился съ мнѣніемъ большинства и рѣшился идти въ Украину.

Войско выступило въ походъ къ Бару и шло все безлюдными мѣстами, точно вернулось назадъ цѣлое столѣтіе, когда колонизація не смѣла двинуться дальше Бара въ невѣдомыя пикому паши пустыни,

и когда въ передовомъ редутѣ колонизаціи, Барѣ, помнившемъ еще древнее имя свое, Ровѣ, стояли наши „безупречные Геркулесы“, жаждавшіе, по словамъ стариннаго геральдика, „только кровавой бесѣды съ невѣрными“. Дорога (писали королевскіе спутники) была похожа на „грязное кладбище“. Народъ разбѣжался по лѣсамъ. Отъ многочисленныхъ недавно еще городовъ оставались предогорѣвшія развалины, и отъ богатой Подолии удѣлѣло только небо да поле. Богуславъ Радивилъ, въ своей автобіографіи, сохранилъ двѣ, особенно поразившія путниковъ черты Бара. Одинъ жолперъ, заблудившійся въ буковинскихъ лѣсахъ, ползаль вѣдѣсь передъ ними на колѣняхъ, не находя пищи девятая сутки. Четырехлѣтняя дѣвочка лежала уже шесть дней на дорогѣ у падали, которую грызла собака и въ которую несчастная малютка запускала свои ручки. Дѣвочка казалась здоровою, но, испивъ теплаго супу, тотчасъ умерла.

На второмъ почлегѣ, когда войско стояло подъ Зеленцами, пришло неожиданное извѣстіе, что ханъ, со всею силою, выступилъ изъ Крыма. Оно подтвердилось новыми вѣстями. Походъ былъ остановленъ. Военная рада, послѣ трехъ совѣщаній, постановила—запять позицію надъ Дуѣстромъ, надъ границами Волоцины, дожидаться паденія Сочавы и протянуть войну до тѣхъ поръ, пока союзные князья не подойдутъ съ помощію. При этомъ имѣлось въ виду, что, въ случаѣ паденія, безопаснѣе стоять надъ большой рѣкой, а съѣстные припасы легче добывать изъ Волоцины, нежели изъ собственнаго голоднаго и безлюднаго края.

Итакъ вернулись на свои слѣды и расположились лагеремъ подъ Жванцемъ. Отсюда на правомъ берегу виденъ былъ въ полумилѣ тотъ Хотинъ, подъ которымъ „хлопы козаки“ сдѣлались розовымъ вѣнкомъ на головахъ теперь борющейся съ ними шляхты, а на лѣвомъ, къ сѣверу, въ двухъ миляхъ, „обѣденный“ жолперами Каменецъ.

Зналъ, что ланы рѣшились бороться напропалую, Хмельницкій, въ августѣ 1653 года, разослалъ универсалы, повелѣвавшіе всѣмъ способнымъ носить оружіе идти въ войско, не отговариваясь никакими хозяйственными занятіями, хотя бы то была и уборка хлѣба съ полей. Его агенты подкупали турецкій дворъ. Крымскій ханъ, выигравъ мало своими интригами послѣ бѣгства изъ-подъ Берестечка, готовъ былъ снова предпочесть напамъ козаковъ, нужды имѣть, что называлъ ихъ безумными пьяницами. Но всего важнѣе было для Хмельницкаго—вовлечь въ козаконанскую войну Москву. Онъ умолялъ царя о немедленной помощи, „не желая отдать на поруганіе церквей и монастырей Божіихъ, а христіанъ на мучительство“. — „Если же ты,

великій государь“ (писалъ Хмельницкій) „насъ не пожалуешь и не примешь къ себѣ, тогда миѣ остается свидѣтельствоваться Богомъ, что я многократно просилъ у государя милости и не получилъ. Но съ польскимъ королемъ у насъ не будетъ мира ни за что“.

Въ отвѣтъ на эту мольбу, царь Алексѣй Михайловичъ прислалъ въ Чигиринъ подъячаго Ивана Омина съ грамотой и съ подарками какъ самому Хмельницкому, такъ и Выговскому. Часть Польши была рѣшена въ Москвѣ окончательно.

Переѣздъ Омина черезъ Ромень, Лохвицу, Лубны, Лукомье, Горошинъ и Бужинъ былъ рядомъ овацій въ пользу поступленія козаковъ, какъ онъ выразился, въ вѣчное холодство великому государю. Встрѣчая царскаго подъячаго за городомъ, козаки съ атаманами своими слѣзали съ коней и низко кланялись.

Хмельницкаго не было ни въ Чигиринѣ, ни въ „его городѣ“, Суботовѣ: онъ ѣздилъ гулять по пасѣкамъ, которыя составляли цѣль мезацкаго кочеваго хозяйства. Пользуясь отсутствіемъ гетмана, войсковой писарь сообщилъ царскимъ людямъ „тайнымъ обычаемъ“ подлинныя листы турецкаго султана, Крымскаго хана и великихъ наповъ для прочтенія. Болѣе важныя документы посылалъ онъ черезъ Омина къ самому царю на короткое время.

Когда гетманъ вернулся съ гулянья по пасѣкамъ, царскаго посла, посаженнаго на дорогаго коня, провожали гетманскіе слуги иѣшкомъ отъ его квартиры къ гетманскому дому. Рядомъ съ нимъ ѣхалъ Выговскій; впереди сынъ Омина, также верхомъ на парадномъ конѣ везъ царскую грамоту, а грамотѣ предшествовали царскіе подарки гетману и войсковому писарю, несомые придворными гетманскими людьми.

Хмельницкій встрѣтилъ царскаго посла на дворѣ поклономъ и, поздоровавшись, провелъ черезъ сѣни въ свѣтлицу. Рядомъ съ этой свѣтлицей были другія, въ которыхъ помѣщалась войсковая канцелярія. Царскую грамоту Хмельницкій принималъ, по выраженію Омина, честно и учтиво, цѣловалъ любезно въ печать и въ бумагу и, распечатавъ и прочитавъ, цѣловалъ снова и поклонился въ землю среди свѣтлицы, благодаря Господа Бога и Пречистую Богородицу за неизреченное государево жалованье. Соболи соотвѣтственной цѣны были вручены тутъ же Хмельницкому и Выговскому, но, по просьбѣ Выговскаго, было послано къ нему на дворъ 40 соболей высшаго достоинства.

Можно предполагать, что эта и другія подобныя уловки дѣлались не безъ соглашенія писаря съ гетманомъ, чтобы тѣмъ вѣрнѣе вселить въ Москаляхъ выгоды для Хмельницкаго понятія о преданности вой-

сковаго писаря къ царю. Царскіе подарки во всякомъ случаѣ не были бездѣлицей для нихъ обоихъ. Добычное богатство уходило такъ же быстро въ ихъ бѣдственныхъ обстоятельствахъ, какъ приходило въ счастливыхъ. Откупаясь отъ хана, подкупая султанскій сераль, снаряжая повья войска на мѣсто побитыхъ Вишневецкими да Радивилами и, наконецъ, не умѣя беречь того, что не приобрѣталось честнымъ трудомъ, они жили въ кредитъ у щербатой козацкой доли, по пословицѣ: „не на те козакъ пье, що е, а на те, що буде“. *Про чѣрный день* козацкіе дуки прятали въ землѣ золото и серебро; но роскошничать въ домашнемъ быту имъ было бы и трудно, и опасно, въ виду врожденной у Малоруссовъ зависти бѣдняковъ къ богачамъ. Притомъ же *богатства*, въ истинномъ смыслѣ слова, козацкая Малороссія не имѣла. Ободравши Малороссію панскую, Хмельницкій торговалъ съ Волощиной такими остатками исчезнувшихъ промысловъ, какъ поташъ. Въ качествѣ сельскаго хозяина, онъ удовлетворялся пасѣками, скотомъ, лошадьми, откармливаньемъ свиней въ дубовыхъ лѣсахъ,—словомъ, вернулся на цѣлое столѣтіе къ стариннымъ панскимъ хозяйствамъ. Даже и скотоводство, не говоря уже о земледѣліи, находилось при Хмельницкомъ въ такомъ состояніи, что Татары, приходившіе къ нему на помощь, затруднялись продовольствіемъ, а паны высказывали такое мнѣніе о бывшей землѣ, текущей молокомъ и медомъ, что она едва въ состояніи прокормить самихъ козаковъ съ ихъ подсосѣдками и подпомощниками. Омиръ, представитель благоустроенной въ хозяйственномъ отношеніи Москвы, не могъ не обратить вниманія на жалкое хозяйничанье козаковъ. Въ своемъ статейномъ спискѣ говоритъ онъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Суботовскій атаманъ, Лавриць Капуста, сказывалъ: „Пришли де нынѣ къ гетману на помочь крымскіе мурзы... больши 300 человекъ, а съ ними пришло Татаръ съ 200.000, и стали около Суботова зарѣкою Тесьмою, а иные пошли къ Боркамъ, гдѣ собирается его, гетманское войско. И изъ того де татарскаго войска топерва въ Суботовъ пріѣзжалъ къ гетманскому двору Сакаль мурза съ знаменемъ, а съ нимъ 500 человекъ, для того, *чтобъ гетманъ съ ними шолъ на Ляховъ войною потчасъ*, а имъ де около Суботова стоять печево: живности лѣтъ, ѣсть печево, а ѣдятъ де они свой кормъ—бьютъ лошади““.

Не иначе могла существовать Малороссія подъ козацкимъ режимомъ, какъ въ видѣ широкаго кочевья, по которому изрѣдка были разсѣяны такъ называемые города, то есть огороженные валомъ и частоколомъ села для нѣкоторой безопасности торговыхъ людей, ремесленниковъ и земледѣльцевъ.

Выступая, по требованію Татаръ, въ походъ, на другой день, Хмельницкій слушалъ у церкви Вознесенія Христова молебствіе, а оттуда заѣхалъ къ царскому подъячому, „и слѣзъ съ лошади пьяти у воротъ“ (пишетъ Өминъ). Здѣсь Хмельницкій „говорилъ прежнія рѣчи, съ большимъ прошеньемъ и со слезами“, прося помочь ему какъ можно скорѣе ратными людьми. Опъ обѣщалъ припудить къ царскому подданству и самихъ Татаръ. „Время пришло“ (прибавилъ опъ) „и его царскаго величества счастье поспѣло, что и ниша земли, которыя къ намъ близко подошли, у него, великаго государя, будутъ въ подданныхъ“. Но замѣчательно, что все это опъ говорилъ тайкомъ отъ „козаковъ и своихъ людей“, провожавшихъ его въ походъ, тогда какъ Өминъ объявилъ уже публично важное для него рѣшеніе: „Ты, гетманъ Богдапъ, и ты, писарь Иванъ, и все Войско Запорожское *на государеву милость будьте надежны*“.

Хмельницкому предстояло искать выхода изъ своего опаснаго положенія всюду и рассчитывать въ настоящемъ на будущія связи съ кѣмъ бы то ни было. Призывъ къ войнѣ дѣйствовалъ теперь на оказанный народъ совсѣмъ не такъ, какъ бывало прежде. Для замѣны свободнаго движенія принудительнымъ, Козацкій Батько долженъ былъ прибѣгать къ мѣрамъ до того жестокимъ, что пѣкоторые города приказывалъ жечь. Въмѣсто 200 и 300 тысячъ, какъ бывало прежде, опъ съ трудомъ собралъ 50.000 козаковъ, и съ этими 50 тысячами чувствовалъ себя не совсѣмъ безопаснымъ въ виду 200 тысячной Орды. Кругомъ у него были враги и люди, не вѣрившіе ни одному его слову. Не видѣлъ Хмельницкій на сей разъ другаго выхода изъ опаснаго своего положенія, какъ поддаться царю, перекричавши всѣхъ сеймовыхъ православниковъ, жаловавшихся на гоненіе древней русской вѣры. И вотъ въ такомъ-то положеніи, когда онъ долженъ былъ таиться „отъ козаковъ и своихъ людей“ съ готовностью воевать въ пользу царя съ сосѣдями, когда нечѣмъ было ему кормить въ Украинѣ вспомогательнаго войска, и когда козацкое войско не представляло ему безопасности отъ посягательства Крымскаго Добродія на его особу,— пришло къ нему извѣстіе, что его Тимошъ, Тимошко, Тимкò, его *spes magna futuri*, не существуетъ, а посланное съ нимъ войско уцѣлѣло едва настолько, чтобы конвоировать гробъ сына къ отцу. Чѣмъ и какъ чортъ не шутить?

Еще не зная о такомъ концѣ Лупуловой трагедіи, паны, съ своей стороны, сознавали отчаянное положеніе дѣла своего въ борьбѣ съ козаками. Приближавшаяся зима ужасала ихъ. „Съ такимъ правительствомъ, какъ наше“, (писали сепаторы королю) „ваша королевская ми-

лостъ сдѣлаете голодною всю Польшу“. А войско свое называли паны обдиралами, которые проиали и пролюбезничали (przemilowali) во Львовѣ то, что падрали по Коронѣ и по Литвѣ. По ихъ отзыву, жолнеры были храбры только въ пьяномъ видѣ, но теперь имъ не за что было и пащиться. Хотя козаки, по слухамъ, прижали наконецъ Хмеля къ стѣнѣ и не хотѣли больше ему повиноваться, по тѣмъ не менѣе приводили своихъ соперниковъ къ убѣжденію, что у нихъ у всѣхъ одно желаніе и намѣреніе (jedno serce i intencya): биться до тѣхъ поръ, пока—или погибнуть, или перебыють Ляховъ. Одинъ изъ захваченныхъ въ плѣнъ сотниковъ козацкихъ, высказывая все это, смѣялся надъ легковѣріемъ короля и Ляховъ, которые вѣрятъ Хмельницкому, когда онъ просить о помилованіи (że tak creduli, iż wierzą, gdy z pokoja Smielnicki przysyła). Въ своемъ безконечномъ горѣ ловили они молву, которая въ одно и то же время гласила, что „этотъ бѣшенный песь“ разбить подъ Жванцемъ на голову, и что онъ опять „выпнлъ огромную чашу крови съ языческимъ своимъ полчищемъ“. Во всякомъ случаѣ, вѣрно было то, что *черть* не хотѣла соединить свою судьбу съ его судьбою, и что 50.000 *козаковъ* составляли послѣдніи силы его.

Конецъ августа и весь сентябрь 1653 года протекли для Хмельницкаго въ борьбѣ съ козаками и Татарами. Тѣ и другіе готовы были погубить его, какъ измѣнника ихъ, отдающагося тайно въ московское подданство. Представители произвола, буйства и кочеваго быта въ Украинѣ понимали, что Москва должна будетъ подчинить ихъ безпорядочную жизнь своимъ строгимъ, недалекимъ отъ жестокости порядкамъ. Поэтому московское подданство было равно ненавистнымъ и такою оказавшейся шляхтѣ, какъ Хмельницкій да Выговскій, и такимъ стариннымъ козакамъ, которые были воспитаны въ духѣ личной, шляхетской свободы. Ненавистнѣе чѣмъ кому-либо было оно самому Хмельницкому и его наперснику, который, по наблюденію Маховскаго, владѣлъ сердцемъ и умомъ Хмельницкаго и распоризкался пьѣ, какъ отецъ сыномъ. Но Козацкій Батько потерялъ бы послѣднюю популярность въ Малороссіи, еслибъ осмѣлился высказать свое отвращеніе къ Московскому Государству передъ питомцами пашихъ монаховъ и поповъ. Господь Богъ, Пречистая Богородица, святые Божіи церкви и монашеры, православная христіанская вѣра: эти слова не сходили теперь у него съ языка вмѣстѣ съ его поговоркою: „свидѣтельствуюся Богомъ“, и служили ему какъ бы заклинапіями противъ нечистой силы, готовой растерзать его въ виду опозоренныхъ имъ святилищъ. Онъ пнялся передъ мусульманами къ богобоязливой Москвѣ; онъ ужасал-

ся Москвы въ сознаніи запутанности своихъ клятвъ, союзовъ, договоровъ и, можетъ быть, одиѣ секретныя бесѣды съ ея будущимъ предателемъ, Выговскимъ, облегчали его душу перспективою новыхъ коварныхъ комбинацій.

Между тѣмъ вѣсть о гибели Тимкѣ Хмельниченка была бальзамомъ для тѣхъ ранъ, которыя нанесъ панскимъ домамъ кровожадный, какъ и онъ самъ, его отецъ. Теперь для пановъ открывалось больше прежняго надежды совладать съ домашнимъ разбоемъ. Но разстроенный организмъ Шляхетскаго Народа былъ не способенъ къ правильной дѣятельности. Время проходило въ совѣщаніяхъ, въ отсрочкахъ, въ ожиданіяхъ новыхъ полковъ. При несогласіи между собой и при общемъ недовольствѣ королемъ, вѣчно мѣняющимъ планы, паны не были въ состояніи даже охранить позади себя липію отъ Острога до Львова. По этой линіи Татары въ послѣдствіи распустили свои загонцы, довершая прежнія опустошенія и уничтожая повторенныя въ сотый разъ попытки хозяйственной колонизаціи. Дошло наконецъ до обычнаго явленія панскихъ походовъ: жолперы стали кричать, что срокъ ихъ трехмѣсячнаго пайма кончился, и требовали роспуска. Шляхетское воинство разбѣгалось и, стыдясь появляться въ своихъ мѣстахъ, упражнялось въ козакотатарскомъ промыслѣ. Разбойный элементъ привилегированныхъ сословій проявился во всемъ безобразіи своемъ. Случалось, что шляхтичи попадались на грабелѣ въ руки мѣщаламъ. Но мѣщане шляхтича судить не могли, а градскій и земскій суды были организованы такъ слабо, что оправдывали злодѣевъ именно съ той стороны, съ которой преступленія ихъ надобно было бы карать еще строже: во уваженіе къ ихъ благородному происхожденію, разбойничавшіе и грабившіе шляхтичи, какъ это было и въ Паливайщинѣ, получали свободу.

Панскаго войска въ лагерѣ подъ Жвапцемъ было 60.000. Лагерь былъ защищенъ полукругомъ Днѣстра съ юга, востока и запада. Съ сѣвера обороняли его сильныя укрѣпленія Каменца, въ которомъ пребывалъ съ сенаторами король. Подъѣзды нигдѣ не открывали неприятеля, а между тѣмъ наступала дождливая осень. Бараки, слѣдственные изъ глины и соломы, безъ оконъ, были покрыты дерпомъ. Изорванныя налатки, задѣланныя хворостомъ и высыпанныя внутри на локоть землю, были снабжены сдѣланными въ ней сидѣньями для жолперовъ, обогрѣвавшихся у костра. Все это подмывалъ дождь, въ дырѣя лилась вода. Огонь разводили изрѣдка, потому что кругомъ было трудно добывать дрова. Измокшій и озлябшій жолперъ грѣлся прислонясь къ лошади, и готовъ былъ примириться съ самимъ дьяволомъ, лишь бы до-

браться до сухаго мѣста. Такъ описываютъ сами себя Поляки. Но ихъ разскажутъ, нѣмецкіе *дбериты*, получивъ деньги, морили свой народъ, чтобы плата осталась у нихъ въ кармагѣ. А Подоля и Украина теперь не только не представляли поживы, но были приведены въ такое состояніе, что на эти области „было отвратительно и смотрѣть (*smród i pojrzeć w Ukrainę*)“.

Черниговскій хорунжій, Гулевичъ, (можетъ быть, родственникъ Липы Гулевичевны), въ письмѣ къ пріятелю, дополняетъ эту картину еще такими чертами:

„Рѣшительно не съ кѣмъ продолжать войну. Иностраннй жолнеръ хоть бы и хотѣлъ что дѣлать своимъ искусствомъ (*strojem*), и тотъ не можетъ, потому что голодець и давно былъ въ избѣ. Бродить съ первыхъ чиселъ мал, точно скотина, по полямъ; а наши Поляки-грабители (*szagracze*), что въ Корошѣ содрали, то во Львовѣ пропили, промотали, накупили атласныхъ жупановъ, и уже попротирали ихъ на спишѣ панцырями; а эта модная длина, точно исподпицы, все это у нихъ загрязнилось въ нынѣшнія ненастья; теперь, подрѣзавъ жупаны, ходятъ кургузыми оборвышами. Они готовы скорѣе пропить, чѣмъ сбросать на овесъ коню, да пить не на что“.

Несчастные *шарпачи* щеголи умирали подъ Жванцемъ сотнями отъ холода и голода, хоть и не морили ихъ обершты, какъ Нѣмцевъ. Были въ панскомъ войскѣ люди, которые пашли бы возможность подлѣять на поги жолнера, одушевить его и зачать войною; но король, окруженный такими же неспособными людьми, какимъ былъ самъ, парализировалъ всякую дѣятельность.

Скучное, подавляющее ненастье прерывали изрѣдка ясные дни, а безжизненное уныніе войска—какія-нибудь вѣсти, привозимыя подѣздами, или королевскіе планы, безпрестанно мѣнявшіеся. Наконецъ унылое войско стали оживлять радостныя вѣсти изъ-подъ Сочавы, а потомъ и союзныя силы, приходившія противъ козаковъ и Татаръ, въ небольшомъ, однакожь, числѣ. Короля занимала снова мысль о Турецкой войнѣ, унаслѣдованная отъ несчастнаго Владислава. Ракочій поддерживалъ его завоевательныя фантазіи. Вслѣдствіе соглашенія съ Ракочимъ, послалъ онъ одного посла въ Стамбулъ, а другаго въ Москву; но среди своихъ предначертаній былъ встревоженъ извѣстіемъ, что Орда двинулась изъ-подъ Шаргорода на соединеніе подъ Баромъ съ козаками. Панскій лагерь пришелъ въ движеніе. По слухамъ, ханъ шелъ вдоль рѣки Бога изъ Латычева, а оттуда спустился къ Бару и взялъ въ сторону къ истокамъ Смотрича

Не думали паны, чтобъ онъ осмѣлился къ нимъ приблизиться. Полагали, что Татары постоятъ нѣсколько времени на кочевьяхъ и возвратятся въ Крымъ. Но извѣстіе о появленіи Орды заставило рваться домой лановую милицію, которую нѣкоторые воеводства прислали въ замѣтъ посполитаго рушенія.

На эту, какъ ее называли, „ни къ чему негодную сволочь“, все панское войско смотрѣло съ презрѣніемъ. Ей заплатили за четверть года по 100, по 150 и даже по 200 злотыхъ на коня; но одна часть этого „мѣтлоха“, получивъ плату и за другую четверть впередъ, то-есть за августъ, сентябрь и октябрь, шла въ лагерь такъ медленно, что, пока пришла, четверть истекла уже, и, не видавъ лагеря, она возвратилась домой. Другіе, прибывши подъ конецъ четверти въ лагерь, и услыжавъ теперь о приближеніи Орды, начали дезертировать сперва по одиночкѣ, а потомъ толпами, и панскіе подѣзды грабили ихъ при встрѣчѣ. Когда было получено донсеніе, что непріятель миновалъ Гусятинъ и находится только въ шести миляхъ отъ лагеря, сеп-домирицы и другіе милиціонеры двинулись черезъ лагерный майданъ габоромъ. Ихъ тотчасъ окружила обозная *галастра* и начала грабить ихъ возы. Завязалась такая битва, что самъ гетманъ бросился унимать. Нѣсколько человекъ было убито, множество подстрѣлено, а десятка полтора очутилось на висѣлицѣ. Среди шума и смятенія, остальныхъ „упросили“, и 8.000 лановыхъ жолнеровъ осталось въ лагерѣ.

Венгерское войско, пришедшее изъ-подъ Сочавы налегкѣ, также рвалось домой. Одѣтое по-лѣтнему, оно сильнѣе другихъ страдало отъ морозовъ. Король склонилъ его остаться просьбами и обѣщаніемъ по 2 талера ежепедѣльно на голову.

Между тѣмъ ханъ, расположась подъ Гусятиномъ, заперъ короля со всѣхъ сторонъ и пресѣкъ подвозъ аммуниціи и съѣстныхъ припасовъ. Король хотѣлъ было двинуться на Орду комонникомъ, оставивъ пѣхоту въ таборѣ; но ему не совѣтовали раздѣлять войска. Совѣтъ выслушалъ онъ съ крайней досадой, и, однакожъ, послѣдовалъ ему. Отданъ былъ приказъ исправить валы и готовиться къ отраженію непріятеля:

Но продолжать войну, какъ писалъ Гулевичъ отъ 26 октября, было не съ кѣмъ; а отъ 29-го сообщали въ Варшаву, что настоящаго (реального) войска нѣтъ у короля больше 14.000, „да и тѣ“ (продолжалъ вѣстовщикъ съ отчаяньемъ), „вырывъ Нѣмцамъ могилу, сами себя засыпають“.

Почью 29 октября привелъ подѣздъ мужика, котораго Орда

поймала въ полѣ, вложила ему въ сапогъ письмо, примчала въ 30 коней къ польской сторожѣ и ускакала обратно.

Письмо было отъ ханскаго визиря къ коронному канцлеру, и написано, противъ обычая, по-польски. Визирь освѣдомлялся о своемъ слугѣ, Фетакѣ, не попалъ ли онъ въ руки жолнеровъ и, подъ этимъ предлогомъ, будто бы безъ вѣдома хана, совѣтовалъ, чтобы король—или переговорилъ съ ханомъ, или „далъ ему поле“, вмѣсто того, чтобы сторожить чужія границы, рыться въ землѣ по закоулкамъ, ждаты и смотрѣть, какъ его собственное государство будетъ грабить Орда. Онъ припомнилъ Зборовскіе и Бѣлоцерковскіе пакеты, и прибавилъ, что если козаки провинились, то король былъ обязанъ довести хану, а главпос—уплачивать правильно гарачъ.

Письмо визиря было получено въ 2 часа ночи, и, однакожъ, немедленно созвали военную раду. Визирю отвѣчали, что ханъ не долженъ мѣшаться между государя и подданныхъ, если, вмѣсто подарковъ, не хочетъ получить чего-нибудь такого, какъ подъ Берестечкомъ; но хана готовы встрѣтить и боемъ, и переговорами, если онъ смѣетъ и желаетъ.

Слуга визиря, Фетакъ, находился въ плѣну у короннаго маршала, Любомирскаго; и Любомирскій писалъ къ визирю, якобы частнымъ образомъ, что готовъ возвратить плѣнника.

Въ отвѣтъ на это письмо, ханъ писалъ къ Любомирскому, называя его милымъ другомъ своимъ, выражалъ готовность къ миру, обѣщалъ прислать къ нему пословъ и подарокъ, яко человѣку, при королевскомъ дворѣ всемогущему.

Послѣ того назначили совѣщаніе между визиремъ съ одной стороны и канцлеромъ съ другой, въ полѣ подъ Каменцемъ, съ тѣмъ чтобы одна и другая сторона имѣли при себѣ не больше, какъ по 2.000 войска. Въ залогъ прислалъ ханъ королю Османъ-агу. Король отправилъ къ хану въ залогъ гетманскаго намѣстника, Войниловича, подъ прикрытіемъ нѣсколькихъ десятковъ комонника. Но едва этотъ почтъ отъѣхалъ отъ короля, на него напала татарская чата, однихъ изрубила, другихъ забрала въ неволю. Самъ Войниловичъ пасилу пробился съ нѣсколькими жолнерами и вернулся въ лагерь. Послѣ новыхъ варварскихъ покушеній со стороны Татаръ, съѣхались таки наконецъ уполномоченные съ обѣихъ сторонъ подъ Каменцемъ.

Поляки требовали, чтобы ханъ отступился отъ козаковъ, вернулся домой со всѣми ордами и довольствовался годовою пенсіей отъ короля. Татары требовали, чтобы Рѣчь Посполитая уплатила недоимку гарача, не прештествовала Ордѣ братъ на возвратномъ пути ясырь,

чтобы король далъ въ залогъ сенаторовъ и сверхъ того нѣсколько милліоновъ окуна. Съ обѣихъ сторонъ говорили запальчиво, и между полякотатарскими комиссарами поднялась угрожающая ссора. Но договоръ надобно было довести до конца, во что бы то ни стало, потому что король-главнокомандующій допустилъ Татаръ окружить польскій лагерь и такъ стѣснить поле, что трудно было предпринять военныя дѣйствія.

Коммиссары разѣхались, ничего не рѣшивъ, и Орда, при этомъ удобномъ случаѣ, перехватала собольи шапки съ панскихъ головъ.

На другой день возобновился съѣздъ овецъ съ волками. Татары со всѣхъ сторонъ придвинулись къ лагерю и окружили уполномоченныхъ съ ихъ 2.000-нымъ почтомъ. Поляки боялись и за лагерь, и за комиссаровъ. Пришлось вывести войско въ поле. Тогда ханъ отступилъ и велѣлъ своимъ уполномоченнымъ окончить переговоры поскорѣе, если король согласится на Зборовскій договоръ. Король, съ своей стороны, приказалъ оканчивать, и такимъ образомъ былъ заключенъ миръ, но только на словахъ, потому что ханъ отъ письменнаго договора отказался. Обѣ стороны, положивъ руки на груди и на бородѣ, обѣщали взаимно сохранять этотъ миръ.

Возобновленіе Зборовскаго договора было главнымъ условіемъ Жванецкаго мира. Въ этомъ соглашаются всѣ современники. По словамъ литовскаго канцлера, князя Радивила, подъ Жванцемъ „заключили унижительный миръ, возобновили Зборовскіе пакты, обѣщали обычные подарки и трехлѣтнюю недоимку“. Возобновить Зборовскій договоръ значило согласиться на ежегодный въ гарачъ 30.000 талеровъ и предоставить Ордѣ право „воевать на возвратномъ пути польскія владѣнія вправо и влѣво мечемъ и огнемъ“. Поистинно, почему Радивиль называлъ Жванецкій миръ унижительнымъ. Одни изъ находившихся подъ Жванцемъ пановъ опровергаютъ фактъ новаго предательства, другіе подтверждаютъ. Не подлежитъ никакому опроверженію то, что Татары, но заключеніи мира, распустили загоны по самый Богъ и увели въ Крымъ огромный ясырь, безъ всякаго прещтствія со стороны Поляковъ и безъ всякой позидѣйшей рекриминаціи. Современный намъ польскій историкъ говоритъ, что „Жванецкій договоръ, не написанный чернилами, былъ написанъ кровью и слезами человѣческими на Волыни, въ Полясьѣ, въ Украинѣ“.

И вотъ какъ окончилась шестидесятилѣтняя борьба пановъ съ козаками. Татары примирили Шляхетскій Народъ съ козацкимъ, забравши въ неволю милліоны того и другаго въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ этой постыдной для обѣихъ сторонъ борьбы.

Уже съ половины ноября, когда Орда выступила изъ-подъ Шаргорода, ханъ распустилъ загоны во всѣ стороны. Цѣлыя области лишились населенія, тѣмъ болѣе, что шляхта и мужики, воображая, что находятся подъ защитой королевскаго войска, вовсе не заботились объ осторожности. Имѣя столько тысячъ Орды въ загонахъ, Исламъ-Гирей не думалъ о войнѣ съ Яномъ Казимиромъ. Обремененный ясыромъ, онъ желалъ мира, и началъ самъ переговоры, которые удались ему какъ нельзя лучше. Теперь, по заключеніи мира, распустилъ онъ чамбулами по Волини и Полѣсью, до самаго Люблина и Замостья загоны, которые заполнили безчисленное множество сельскихъ хозяевъ съ ихъ рабочими. Въ Литвѣ Татары взяли 12.000 шляхты, подошли на полмили къ Пинску и выжгли всѣ окрестности, въ которыхъ 120 лѣтъ не стояла и нога татарская. Ударилъ на нихъ Янъ Сомига подъ Острогомъ, чтобъ отбить ясырь, во его не поддержалъ никто, онъ былъ разбитъ, и съ двумя братьями попалъ въ неволю. Потомъ Татары напали на Старый Константиновъ. Тамъ остановился для отдыха визирь съ двумя сыновьями и цѣлый высланный предварительно чамбулъ съ великою добычею.

„Таковы были выгоды пелѣпаго и легкомысленнаго похода“ (говоритъ польскій историкъ): „руина всей Руси отъ Бога до Днѣстра руина войска, котораго не меньше 20.000 пало отъ голода и болѣзней подъ Глинянами и подъ Жванцемъ, руина чести Рѣчи Посполитой, ко , располагая такую массою войска, заключила такой постыдный миръ“.

Шляхетные республиканцы, воспитавшіе безпримѣрную въ лѣтописяхъ Славящины тайну разбойниковъ, были достойны своей унижительной участи, достойны посмѣянія со стороны собственной интеллигенціи въ концѣ XIX вѣка, подводящаго строгіе итоги къ прошлому. Конституціонное государство, дошедшее до торговли человеческою кровью и слезами, лишалось права не только на уваженіе, но и на пощадку со стороны сосѣдей. Какъ ни судить о московской политикѣ, поддержавшей козацкіе возгласы о Божіихъ церквахъ да православной христіанской вѣрѣ,— Польша оправдывала ее, какъ Московскимъ Разореніемъ, такъ и своей неурядицей. Хозяиничая столь безпучно между двухъ живоносныхъ морей подъ знаменемъ общественной свободы, либеральная нація давала законное и даже священное право государству деспотическому взять ее несчастныхъ подданныхъ подъ свою хранительную власть. „Для православныя христіанскія вѣры и святыхъ Божіихъ церквей“: эти пачальныя слова московскихъ требованій, представляющіяся на поверхностный взглядъ лукавыми,

получаютъ, въ итогъ столѣтій, смыслъ истично-религіозный, достойный великаго государства. Польскорусская республика должна была быть расторгнута ради пощады обѣихъ борющихся сторонъ, обѣихъ борющихся церквей и народностей. Члены и жертвы Берестовскаго синода положили начало ея расторженію; герои и разбойники польскорусскихъ усобицъ сдѣлали его неизбежнымъ; царскіе думные люди довершили его и довершили такъ, что дѣло руинное обратили въ дѣло строительное, то есть такое, которое обезпечиваетъ наибольшее число жизней отъ элементовъ чужеродныхъ и истребительныхъ.

Во время Жванецкой кампаніи, которая и съ панской, и съ козацкой стороны была борьбой взаимнаго истощенія, обоюдной выпосчивости, князь Лнушъ Радивиль пытался склонить Хмельницкаго къ уступкамъ перспективою нашествія литовскихъ силъ на козацкія займища. Но Хмельницкій, какъ истинный верховодъ козатчины, отвѣчалъ: „Нападъ Литвы намъ не страшнъ: у насъ ничего нѣтъ (старинное *„козакъ не по чель сыскивать“*). Повернутся по Украинѣ, да и пойдутъ домой. Козацкіе курени трудно разсрить. А хоть бы насъ, побили и обратили Украинну въ безлюдье, Татаръ этимъ не удержатъ Татарамъ тогда останется больше поля на кочевья, и глубже врѣжутся они въ Польшу“.

Пригласивъ хана для совмѣстной войны съ панами, и не имѣя, чѣмъ кормить Орду, Козацкій Батько ограничился предоставленіемъ освобождаемаго имъ Русскаго народа въ жертву ясырникамъ; по видѣлъ, что теперь ему не сдобровать въ татарскихъ кочевьяхъ, и умолялъ хана—не оставлять несчастныхъ козаковъ безо всякой помощи въ борьбѣ съ Ляхами. Но ханъ побилъ его собственнымъ его оружіемъ. „Я сдѣлалъ для тебя, все, что могъ“ (сказалъ онъ Хмелю), „но не могъ кормить голодныхъ Татаръ обѣщаніями и словами“.

Пустынность и убожество Малороссіи сдѣлались для Крымскихъ чужеродниковъ невыгодными условіями союза съ такими же чужеродниками туземными. Они предпочли имѣть своими союзниками пановъ, наполнявшихъ край и людьми и продуктами человѣческаго труда.

Наконецъ, татарская дружба, которою такъ хвастался Хмельницкій передъ панами въ 1649 году, высказалась еще характеристичнѣе: ханъ тайно договаривался съ панами дѣйствовать совмѣстно и противъ Москвы, и противъ козаковъ. Онъ повелѣлъ Хмельницкому немедленно вернуться въ Украину, а уѣзжая послалъ надежнаго человека къ королю со совѣтомъ, чтобъ онъ начиналъ войну съ Москвой и приказалъ бы идти съ собой козакамъ.

Хмельницкій имѣлъ подкупленныхъ людей всюду. Зловѣщій совѣтъ хана былъ передать ему: то, что умышляли козаки съ Татарами противъ Ляховъ, задумавши совмѣстный набѣгъ на Московщину, грозило исполниться падъ ними самими... Онъ поспѣшилъ удалиться въ Чигирищину, скрывая свой страхъ, свой стыдъ, свою злобу.

Мы презираемъ нашихъ Наливайцевъ, которые грабили Могилевъ и другіе православные города безпощаднѣе, нежели сдѣлалъ бы это непріятель иноплемennyй, а потомъ пытались уйти изъ Солоницкихъ окоповъ, бросивши въ жертву панамъ подбитую къ бунту козацкую массу. Больше, чѣмъ Наливайцевъ и другихъ возродившихся отъ этого сконища разбойниковъ, мы презираемъ Хмельничанъ, которые развратили всѣ прикосновенныя къ нимъ сословія, погубили безчисленное множество православныхъ по сю и по ту сторону Диѣстра, проложили Туркамъ дорогу къ обладанію Подоліей и посѣяли въ будущемъ тѣ смуты, которымъ конецъ положили только Пётръ Великій и Екатерина Великая, однимъ уничтоженіемъ двухъ союзныхъ ордъ, остававшихся такъ долго гражданственнос преусибианіе Сѣверной Славянщины. Мы обязаны высказывать искреннія убѣжденія по этому предмету безъ обиняковъ. Пускай панегиристы разбоевъ и всевозможныхъ злодѣяній не превозносятъ безпрекословно стихами и прозою такъ называемыхъ ими украинскихъ національныхъ героевъ на слазнь людей малограмотныхъ и на позоръ нашей прессы!

Плодъ многолѣтней работы аеопскихъ, печерскихъ и другихъ иноковъ, а равно городскихъ и сельскихъ священниковъ, созрѣлъ. Взонли на малорусской почвѣ и московскіе посѣвы: царская милостыня на церковное строеніе обѣщала богатый урожай. Измученный нравственно и разоренный вѣщественно народъ вопіялъ къ царю о спасеніи. Что касается собственно козаковъ, то теперь болѣе, нежели когда-либо, справедливы давнишнія слова ихъ,—что имъ, кромѣ великаго государя, дѣться негдѣ. Не прими ихъ къ себѣ Москва, собственная черпъ выдала бы ихъ панамъ, какъ общихъ враговъ сельско-хозяйственнаго и промышленнаго класса, общихъ разорителей и предателей. Это, конечно, обошлось бы ей не дешево. Козаки были столь же сильны въ Малороссіи страхомъ своего мщенія надъ лучшими людьми, сколько и умѣньемъ вовлекать въ бунты худшихъ. Потому-то всѣ мирные жители и большинство самихъ козаковъ съ крайнимъ нетерпѣніемъ ждали отъ московскаго царя исполненія давнишней просьбы кіевского духовенства.

Съ своей стороны, Москва достаточно выдержала уже характеръ Государства справедливаго. Она дала Польшѣ всѣ шансы на поправку

ея разстроенныхъ дѣлъ, на умиротвореніе междоусобной брани, на преобразованіе жизни, которой механизмъ удовлетворялъ весьма немногихъ, и лежалъ тяжкимъ бременемъ на большинствѣ людей всѣхъ сословій и классовъ, безъ исключенія. Она оставалась вѣрна своему слову, которымъ отвѣтила шведскому послу въ 1626 году: „Только бѣ великій государь нашъ похотѣлъ нынѣ польскому королю и сыну его отомстити прежнюю ихъ недружбу, и имъ нынѣ мочно отомстити. Но великій государь войны на нихъ не посылаетъ, ожидаючи отъ нихъ исправленья“.

Расторженіе польскорусской республики совершилось вслѣдствіе собственныхъ ея беззаконій. Москвѣ оставалось только дать свою санкцію. Этотъ великій актъ правительство Типайшаго Государя исполнило съ религіозною торжественностію.

Созвана была въ царственномъ городѣ Москвѣ Земская Дума, или Соборъ, состоявшій изъ представителей всей Россіи. Народъ, чыпывавшій столь великія неправды, бѣдствія и поруганія отъ Польши, призванъ былъ своимъ царемъ къ рѣшенію вопроса: слѣдуетъ ли еще падить это злочестивое государство, награвливавшее на него не однихъ латинцевъ и люторовъ, но и людей православныхъ, людей одного корня съ нимъ? Въ такомъ чрезвычайномъ дѣлѣ московскій самодержецъ желалъ быть лишь вершителемъ воли своего вѣрнаго народа. Смиранный христіанинъ, не полагался онъ на собственное желаніе, ни на разумъ думныхъ бояръ и дьяковъ своихъ. Представителямъ всѣхъ концовъ Русской Земли подлежало высказать свое мнѣніе, какъ Россіи поступить съ Польшею.

Истинно благочестивый въ жизни своей и возвышенно честный въ начинаніяхъ своихъ, царь Алексѣй Михайловичъ (1 октября 1653 года) помолился сперва у обѣдни и совершилъ торжественный всенародный ходъ въ Грановитую Палату. Ему предшествовали святое образа, съ которыми соединялись воспоминанія народныхъ бѣдствій и избавленій отъ нихъ. Надъ нимъ развивались, блистали, многочисленныя хоругви, а „сорокъ сороковъ“ московскихъ колоколовъ наполняли воздухъ музыкой, въ которой народному собранію слышался хоръ ликующихъ ангеловъ.

Въ Грановитой Палатѣ, сидя на тронѣ Собирателей Русской Земли, среди множества избранныхъ людей царства своего, государь слушалъ письменный докладъ думнаго дьяка, во-первыхъ, о томъ, что польскій король, и его цаны, въ своихъ грамотахъ и письмахъ, умаляютъ государское достоинство царя, переимчивая царскій титулъ его; во-вторыхъ о томъ, что въ польскихъ книгахъ были напечатаны

злыя безчестья, укоризпы и хулы, которыхъ не только великимъ христіанскимъ государямъ, помазанникамъ Божиимъ, но и простому чело­вѣку слышати и терпѣти невозможно; втретьихъ, о томъ, что, не давая государю удовлетворенія на его требованія, Поляки дѣлали разныя притѣсненія порубежнымъ жителямъ Московскаго Государства, и, наконецъ, о томъ, что гетманъ Богданъ Хмельницкій со всѣмъ Запорожскимъ Войскомъ доносилъ царю о гоненіяхъ Рѣчи Посполитой на православную вѣру греческаго закона и на святыя Божія восточныя церкви.

Здѣсь думный дьякъ, будучи органомъ русскаго возмездія за польскія выдумки Смутнаго Времени, то-есть отдавая мѣрою за мѣру и вѣсомъ за вѣсъ, представилъ дѣло въ томъ видѣ, въ какомъ изобразили его въ своемъ донесеніи просители, именно,— что будто бы паны рады и вся Рѣчь Посполитая отвращали запорожскихъ козаковъ отъ истинной вѣры, неволили къ своей религіи, запечатывали Божія церкви, обращали въ унию и причиняли православнымъ такія поруганія и оскорбленія, какихъ не дѣлаютъ надъ еретиками и Жидами. Вслѣдствіе того будто бы козаки ополчились на Поляковъ, принудили ихъ согласиться на уничтоженіе униі, но Ляхи на правдѣ не устояли, и потому Богданъ Хмельницкій со всѣмъ Запорожскимъ Войскомъ просилъ царя принять его подъ свою высокую руку.

Затѣмъ въ докладѣ думнаго дьяка было изложено, что государь ради вѣры и церкви, предлагалъ свою готовность простить оскорбленіе царской чести своей, если только Рѣчь Посполитая возобновитъ Зборовскій договоръ съ козаками, перестанетъ гнать православную вѣру и уничтожить унию; что король и паны рады отказали въ этомъ, и начали снова воевать съ козаками; что Турецкій султанъ зоветъ козаковъ къ себѣ въ подданство, но что козаки предпочитаютъ быть подъ высокою рукою Московскаго самодержца.

Отъ Земской Думы требовалось обсужденіе и рѣшеніе вопроса: принимать ли государю козаковъ подъ свою высокую руку? Это была одна формальность. Органъ царскаго правительства, бояре, выражалъ свое руководящее, лучше сказать обязательное для прочихъ сословій мнѣніе, не взяли на себя даже труда взойти къ началу вопроса о русскомъ воссоединеніи, который былъ поставленъ весьма вырази­тельно Іоанномъ III. Къ вопросу историческому отнесли они канцелярски, на основаніи козацкаго донесенія о гоненіи православія въ Польшѣ и, безъ дальнѣйшихъ справокъ, приписали это гоненіе неповинному въ немъ, хотъ и готовому къ нему, Яну Казимиру, брату оплаканнаго козаками короля и ихъ избраннику. По голословному

козацкому обвиненію, Янъ Казимиръ, вмѣсто того, чтобы, на основаніи своей присяги, оберегать и защищать всѣ вѣроисповѣданія, отличныя отъ католическаго, возсталъ на православныхъ христіянъ греческаго закона, разорилъ многія Божіи церкви, а нѣкоторые обратилъ въ унитскія. Отсюда, сообразно понятіямъ своей публики, бояре вывели заключеніе, что гетманъ Хмельницкій и все Запорожское Войско сдѣлались людьми вольными; „а потому“ (говорили бояре), „чтобъ не допустить ихъ въ подданство Турецкому султану, или Крымскому хану, слѣдуетъ гетмана, со всѣмъ войскомъ и со всѣми городами и землями, принять подъ высокую государеву руку“.

Во времена оны, вопросомъ о присоединеніи Малой Россіи къ Россіи Великой руководила у насъ церковная іерархія, и вела за собой къ русскому единству всѣхъ поборниковъ православія, во главѣ которыхъ естественно стояли создатели, благодѣтели и хранители Божіихъ церквей, то-есть дворянство, мѣщанство и духовенство. Обработанная Петромъ Могилою въ духѣ единенія съ Польшею, церковная іерархія въ козацкой просьбѣ теперь не участвовала, и даже, какъ увидимъ, уклонялась, подъ разными предлогами, отъ присяги на подданство *царю всея Руси*.

Какъ обсуждался этотъ вопросъ предварительно въ боярской думѣ, намъ неизвѣстно. Русскому народу было показано рѣшеніе вопроса только со стороны вѣры, въ виду предстоявшей войны съ Польскимъ королемъ. Всѣ выборные Русской Земли, земли царской, пашли рѣшеніе справедливымъ, и приговорили, вмѣстѣ съ боярами, что государь долженъ объявить Польшѣ войну. Дѣло въ томъ, что выборные, вернувшись въ свои мѣста, распубликовали великое предпріятіе, и сдѣлали его предпріятіемъ всенароднымъ.

Война съ Польшею подъ знаменемъ церкви и вѣры, война, вытекавшая изъ событій, памятныхъ русскому сердцу, хотя и не обнятыхъ еще русскимъ умомъ, пришлась по душѣ всѣмъ сословіямъ и состояніямъ. Царская Земля, каковы бы ни были органы ея чувства и мышленія, сознавала важность момента. Томительное чувство недавняго еще безсилія, къ которому привелъ ее іезуитскій подкопъ подъ русское престолонаслѣдіе, разразилось теперь общою готовностью жертвовать достояніемъ и жизнью за всенародное дѣло. Въ этой готовности вовсе не было того добровольнаго холонства, которымъ русскіе враги объясняютъ полное согласіе народа съ его верховною властью. Сравнительно съ польскими сеймами, московская Земская Дума представляла сцену скромную, тихую, антилиберальную; но невозможно для Польши сдѣлать эту сцену величественною

и по движенію сердець, и по предчувствію грядущаго величія Россіи. Тамъ въ кажущейся свободѣ выражалось польское безсиліе; здѣсь въ кажущейся неволѣ пребывала русская сила. Тамъ обнаруживалась дряхлость шляхетскаго равенства; здѣсь чувствовалась юность общаго соподчиненія. Тамъ теченіе политической жизни видимо приходило къ своему концу; здѣсь оно только начиналось, и широкимъ пачаломъ пророчило развитіе безпредѣльное. Но самую разительную противоположность между той и другою сценами составляли религіозные знаменатели обѣихъ. Въ польскомъ правительствующемъ собраніи высшіе представители церкви ораторствовали въ качествѣ государственныхъ сановниковъ. Въ московской Земской Думѣ, патриархъ, окруженный церковнымъ синеклитомъ, возвысилъ голосъ только для того, чтобы благословить своего царя и всю его державу на подвигъ освобожденія древней Русской Земли отъ иноземной власти, общая просить Бога. Пресвятую Богородицу и всѣхъ Святыхъ о помощи и одолѣніи.

Такъ было санкціонировано въ Москвѣ расторженіе хаотически сложившейся польско-русской республики, отдѣленіе русскаго элемента отъ польскаго и привлеченіе къ русскому центру новыхъ силъ, которыя изъ разрушительныхъ и чужаждныхъ превратились въ стропильныя и производительныя.

Въ критическій моментъ, когда козаки бѣжали домой, гонимые страхомъ союза европейцевъ съ азіятцами на ихъ погибель, къ нимъ готовились ѣхать отъ царя полномочные послы: бояринъ Бутурлинъ, окольный Алферьевъ и думный дьякъ Лопухинъ съ товарищами, для принятія Малороссіи въ московское подданство.

Они достигли Переяслава, козацкой столицы, 31 декабря. Слабый ледъ на Днѣпрѣ не позволилъ Хмельницкому послѣшить навстрѣчу къ нимъ. Вѣрнѣе сказать, Хмельницкій не сталкивался еще со своими сообщниками касательно того,—что москвичи, не стѣсняясь называли вѣчнымъ холопствомъ. Надобно помнить, что кадрами запорожскихъ бунтовщиковъ и воротилами козацкихъ каверзъ были шляхетные баниты. Москва была имъ не по вкусу своею строгою соподчиненностью, а московскіе порядки казались имъ нестерпимѣ турецкихъ. Непріязненный, презрительный и враждебно предубѣжденный взглядъ на Москву былъ дѣломъ систематической пропаганды воспитателей Польши, и въ этомъ то взглядѣ коренились козацкія предательства отъ Хмельницкаго и Выговскаго до Мазепы и Орлика. Москвѣ предстояла рискованная борьба съ Польшей, у которой оставалось еще много людей, способныхъ и къ войнѣ, и къ политической интригѣ, большею частью полопизованныхъ Русичей, но рискъ этой борьбы, какъ

показали событія, заключался всего больше въ предательскомъ характерѣ козачества, который Москалямъ былъ извѣстенъ еще въ XVI вѣкѣ.

Полномочныхъ царскихъ пословъ принимали въ Переяславѣ переяславскій полковникъ Павелъ Тетера, будущій гетманъ царскихъ отступниковъ и основатель іезуитскаго коллегіума въ Варшавѣ. Не могъ онъ относиться въ дѣлу русскаго воссоединенія сочувственно, и смотрѣлъ на него, какъ на неизбѣжное, но *временное* зло,—смотрѣлъ такъ, какъ въ 1632 году папскій нунцій на уступку православникамъ нѣсколькихъ уніятскихъ хлѣбовъ духовныхъ. Козацкимъ воретиламъ сдѣлалось тогда холодно въ Малороссіи,—нагналъ имъ холоду крымскій добродій,—и они ползли къ московскому царю за пазуху отогрѣваться.

Спустя немного времени прибылъ въ Переяславъ Козацкій Батько и въ день, назначенный для присяги на московское подданство (8 января 1654 года), держалъ съ главною старшиною своею *тайную раду*. Изъ этой тайной рады будущіе крамольники вышли къ собравшимся въ Переяславѣ козакамъ. Хмельницкій произнесъ рѣчь, въ которой волей и неволей долженъ взять ноту малорусскаго большинства, переставшаго бояться его соумышленниковъ.

„Нельзя, видно, жить намъ болѣе безъ царя“, говорилъ онъ и назвалъ четверыхъ государей, которые готовы властвовать надъ Малороссіей: турецкаго султана, татарскаго хана, польскаго короля и московскаго царя, „котораго“ (продолжалъ онъ) „уже шесть лѣтъ мы безпрестанно умоляемъ быть нашимъ государемъ и обладателемъ“. (Вмѣсто *шесть лѣтъ*, Хмельницкій долженъ былъ бы сказать *тридцать лѣтъ*, когда бы церковная іерархія не измѣнила русскому чувству). „Сей-то великій царь христіанскій“ (сказалъ онъ въ заключеніе), „скалившись надъ нестерпимымъ озлобленіемъ православной церкви въ нашей Малой Руси, не презрѣлъ нашихъ шестилѣтнихъ моленій и склонилъ теперь къ намъ свое милостивое царское сердце“.

Рѣчь, очевидно, была продиктована ему царскими послами, которые даже хвалить своего государя не позволяли иначе, какъ въ духѣ московскаго вѣрноподданства.

„Возлюбимъ же его съ усердіемъ!“ (воскликнулъ пассивный ораторъ). „Кромѣ его царской руки, мы не найдемъ благоотпущѣннаго пристанища. Кто насъ не захочетъ послушать, тотъ пусть идетъ, куда хочетъ: вольная дорога!“

Козацкая масса, состоявшая изъ московскихъ доброжелателей и враговъ, отвѣчала съ единодушіемъ разбойниковъ, спасающихся отъ кары: „Волимъ подѣ Царя Восточнаго!“

Малорусскія лѣтописи и козацкіе историки присочинили, будто бы вслѣдъ затѣмъ „начали читать приготовленные условія, на которыхъ *Украина* должна соединиться съ *Московією*“. Достоувѣрность этого факта заявилъ передъ ученымъ свѣтомъ Костомаровъ даже и въ четвертомъ изданіи своей трехтомной исторической монографіи „Богданъ Хмельницкій“. Но ни *условіи*, ни такъ называемаго Переяславскаго договора съ царскими уполномоченными не было и, по духу московскаго самодержавія, быть не могло. Козаки цѣлыя шесть лѣтъ безпрестанно умоляли Восточнаго Царя принять ихъ въ подданство, и великій государь наконецъ сжалился—и то не надъ ними, а надъ „нестерпимымъ озлобленіемъ православной церкви въ Малой Руси“. Эти слова Хмельницкаго, кому бы они собственно ни принадлежали, сами по себѣ дѣлають условія и договоръ съ просителями бессмыслицею. Но и произнесенная при этомъ рѣчь Бутурлина, сочянная ему царскою думою, не упоминаетъ ни о какихъ обязательствахъ со стороны царя. Бутурлинъ распространялся о бѣдствіяхъ Малороссіи, о гоненіи за вѣру, о многократныхъ козацкихъ посольствахъ, подвинувшихъ великаго государя на милосердное заступничество; потомъ доказывалъ, что присягнувшій и не сдержавшій присяги король—болѣе не государь Малоруссамъ; наконецъ сказалъ, что, не желая слышать о конечномъ ихъ разореніи, о запустѣніи и поруганіи благочестивыхъ церквей отъ латинцевъ, московскій самодержецъ велѣлъ принять козаковъ со всѣми городами и землями, и приказалъ помогать имъ противъ разорителей христіанской вѣры. „Козаки“ (говорилъ онъ) „за такую царскую милость и жалованье должны служить государю, желать ему добра и надѣяться на его милость. Онъ же, великій государь, будетъ сохранять все Запорожское Войско въ своей милости и оборонять отъ всякихъ недруговъ“.

Милость, милость и милость, больше ничего козаки не слышали отъ царскихъ уполномоченныхъ. Когда дошло дѣло до присяги на московское подданство, Хмельницкій сказалъ представителямъ самодержавнаго государя: „Слѣдуетъ прежде вамъ присягнуть отъ имени его царскаго величества въ томъ, что его величество, великій государь, не нарушитъ нашихъ правъ, даруетъ намъ на права наши и имущества грамоты и не выдастъ насъ польскому королю“.

На это ему отвѣчали слѣдующими словами, устраняющими всякіе условія и договоры:

„Никогда не присягнемъ мы за своего государя. Да гетману и говорить о томъ непристойно. Подданные должны дать вѣру своему госу-

дарю, который не остави́тъ ихъ жалованьсмъ, будетъ оборонять отъ недруговъ, не лишитъ правъ и имѣній вашихъ“.

Будущій измѣнникъ Тетера и миргородскій полковникъ, Лѣвницкій Саковичъ (напоминающій своимъ именемъ отступника Кассіана Саковича) домогались присяги.

„Это дѣло небывалое“ (возразили представители московской царственности). „Одни подданные присягаютъ государю, а государю неприлично присягать подданнымъ“.

Крамольники ссылались на примѣръ польскихъ королей. Имъ отвѣчали, что польскіе короли не самодержцы, и что государское слово переменнo не бываетъ.

Тогда члены тайной рады Хмельницкаго сказали, что козацкая чернь требуетъ присяги за государя. На это имъ отвѣчали строго:

„Вамъ надлежитъ поминать *милость* великаго государя, слѣдуетъ служить ему и всякаго добра хотѣть, Войско Запорожское привести къ вѣрѣ, а незнающихъ людей *унимать отъ непристойныхъ речей*“.

Москва знала, что козакамъ дѣться негдѣ. Москва видѣла, что Малороссія, волею судебъ, сама пришла къ великому государю, и что возврата ей къ польской разнузданности нѣтъ, поэтому и говорила съ козаками повелительно. Но козацкіе историки приводятъ свидѣтельство фальшиваго лѣтописца временъ Мазены, будто бы, послѣ присяги козаковъ, московскіе бояре дали отъ имени царя *клятвенное* обѣщаніе, что онъ будетъ держать всю Малую Россію со всѣмъ Запорожскимъ Войскомъ подъ своимъ покровительствомъ, при испарушеніи сохраненіи *всѣхъ ея древнихъ правъ*. Въ этомъ вымыслѣ Россія сдѣлана другою Польшею, а козакамъ открытъ просторъ къ повторенію надъ Царскою Землею того, что сдѣлали они надъ Землею Королевскою. Но козачина возможна въ Россіи только на бумагѣ, и то не вполне.

Изъ Переяслава царскіе уполномоченные отправились въ Кіевъ, потомъ въ Нѣжинъ и въ Черниговъ, а по всѣмъ другимъ городамъ разослали своихъ стольниковъ и стряпчихъ для приведенія мѣстныхъ жителей къ присягѣ. Въ Кіевѣ обнаружилось, что церковная іерархія, образованная Петромъ Могилою, изъ отступниковъ Исаи Копинскаго, не была расположена къ великому дѣлу малорусскаго духовенства, оставленнаго сю въ тѣни. Бутурлинъ обратился къ Сильвестру Косову съ вопросомъ: отчего онъ не искалъ себѣ царской милости въ то время, когда гетманъ Богданъ Хмельницкій и все Войско Запорожское неоднократно просили великаго государя принять ихъ подъ свою высокую руку? Митрополитъ отвѣчалъ, что происходившая между гет-

мапомъ и государемъ переписка не была ему извѣстна. Царскихъ уполномоченныхъ, сопровождаемыхъ козаками, онъ встрѣтилъ за Золотыми Воротами, и привѣтствовалъ ихъ, какъ посѣтителей наслѣдія древнихъ князей русскихъ. „Войдите въ домъ Бога нашего, на сѣдалище первѣйшаго благочестія русскаго“ (сказалъ онъ), „и пусть вашимъ присутствіемъ обновится, яко брля юность, наслѣдіе благочестивыхъ русскихъ князей“. Прекрасныя слова, но они были вынуждены обстоятельствами, такъ точно какъ и сравненіе Хмельницкаго съ Моисеемъ. По извѣстію православнаго священника, митрополитъ „замиралъ отъ гора“, а все бывшее съ нимъ духовенство „за слезами свѣта не видѣли“.

Съ точки зрѣнія польской аристократіи, смѣстившей церковную іерархію Борецкаго и Копинскаго, московскіе порядки были не многими лучше козацкихъ и татарскихъ. Косовъ уклонился отъ присяги царю, отговариваясь мстью польскаго короля, и не послалъ присягать вмѣстѣ съ кіевскими козаками и мѣщанами служившихъ при немъ и при другихъ духовныхъ особахъ шляхтичей. „Я не хочу отвѣчать за невинныя души“, говорилъ онъ и ссылаясь на пччерскаго архимандрита, Тризну, который, съ своей стороны, не хотѣлъ присягать помимо митрополита.

Пока малорусская церковь воинствовала за православіе, отъ ся іерарховъ исходили такія внушенія, какими проникнуто истинно христіанское Созѣтованіе о Благочестіи, а темные представители предковской вѣры и старины сѣяли въ народѣ такіе вымыслы ко вреду русско-латинской „единности“, какими преисполнена извѣстная „Пересторога“. Но когда могиляне сдѣлали церковную еднѣсть Руси съ Польшею только дѣломъ времени, іерархи малорусскіе расправлялись по феодальному даже съ такими людьми, какъ Исаія Копинскій, а ихъ клеветы сѣяли въ Козацкомъ Народѣ, съ помощью шляхетныхъ банитовъ, такіе же вымыслы ко вреду русскаго воссоединенія, какіе „Пересторога“ сочиняла противъ уни. О московской религіозности, о московскомъ управленіи, о московскихъ правахъ и обычаяхъ было распущено теперъ множество каррикатурныхъ рассказовъ, подобныхъ тѣмъ, которыми Адамъ Кисѣль, съ товарищемъ своего посольства въ Москву, смѣшилъ сеймовыхъ законодателей. Говорили, папримѣръ, что вѣра московская есть вѣра царская; какъ царь прикажетъ, такъ и вѣруютъ. Говорили, что всѣхъ новыхъ подданныхъ будутъ крестить по-московски, что жить подъ московскимъ управленіемъ значить жить въ самой ужасной неволѣ, которая горше турецкой каторги и египетской работы; что подъ московскимъ подданствомъ нельзя будетъ ни-

кому носить *чобіть* и *черевиківъ*, а надобно будетъ носить *постоли* (лапти). До послѣдняго, до нашего времени, въ малорусскихъ козакопанскихъ кружкахъ рассказывались анекдоты и напѣвались пѣсенки, унижающія великорусскій бытъ и осмѣивающія великорусскую пѣсенность. Это—наслѣдіе нашей козачины, рожденной Татарамъ и воспитанной Поляками; это—завѣтъ окозаченной шляхты, которая старалась вооружить общественное мнѣніе противъ московскихъ порядковъ и обычаевъ, поселить въ Козацкомъ Народѣ отвращеніе къ Москалю и презрѣніе къ его нравственности. Всѣ классы безъ исключенія обрабатывались въ Малороссіи посредствомъ ея колонизаторовъ, и много пужно было великорусскимъ дѣятелямъ времени, много умственныхъ подвиговъ, много благородныхъ общественныхъ дѣлъ, чтобы своихъ порицателей персработать въ своихъ послѣдовагелей.

Въ началѣ марта 1654 года, явились отъ Хмельницкаго въ Москвѣ посланниками войсковой судья, Самойло Зарудный, и персяславскій полковникъ, Павелъ Тетера, съ прошеніемъ къ царю отъ всего Запорожскаго Войска и отъ „всего хрестіанскаго міра російскаго“. Они „били челомъ до лица земли и просили вельми“ объ исполненіи 23 пунктовъ представленной ими петиціи.

Козаки просили о томъ, чтобы царскіе чиновники въ войсковые суды не вступались; чтобы Запорожское Войско было всегда въ числѣ 60.000; чтобы шляхта, приставная къ козакамъ, оставалась при своихъ шляхетскихъ вольностяхъ и избрала изъ своей среды старшихъ на должности, какъ было при польскихъ короляхъ; чтобы въ городахъ урядники избирались изъ мѣстныхъ жителей, которые бы отдавали приходъ въ царскую казну и пр.

Все это было козакамъ по царской милости даровано и подъ каждой статьёй подписано: „быть по ихъ челобитью“ или „быть по тому и пр. Запрещалось только ссылаться, безъ государева указа „съ Турецкимъ султаномъ и съ Польскимъ королемъ; подъ статью о жалованьѣ полковникамъ, ясауламъ войсковымъ и сотникамъ подписано: „Отговаривать“, а относительно платы всему козацкому войску: „Хотя число Войска Запорожскаго и велико будетъ, а государю въ томъ убытка не будетъ, потому что они жалованья у государя просить не учнутъ; а говорилъ (объ этомъ) гетманъ при ихъ, при судѣ (Зарудномъ) и при полковникѣ (Тетерѣ), и имъ нынѣ о томъ говорить не доводится“.

При петиціи Запорожскаго Войска было приложено 10 статей отдѣльно. Всѣ онѣ означены въ самой петиціи, но нѣкоторыя въ приложеніи изложены подробнѣе. На эти 10 разъяснительныхъ статей послѣдовало болѣе обстоятельное рѣшеніе. Подъ статью 9 ю написана особенно длинная резолюція, въ которой поставлено козакамъ на видѣ, какъ долго и усердно просили они царской милости и заступничества; какъ съ королевской стороны еще отцу Алексѣя Михайловича, царю Михайлу Ѳедоровичу, и дѣду, патріарху Филарету Никитичу, учинились многія безчестія и укоризны; какъ много великій государь прощалъ Полякамъ ради того, чтобъ они помирились съ гетманомъ Богданомъ Хмельницкимъ и Запорожскимъ Войскомъ по Зборовскому договору; наконецъ, какія рати долженъ былъ царь собрать на защиту ихъ отъ короля, какія понести издержки на ратный строй и на наемъ татарскихъ и нѣмецкихъ войскъ. „Зная все это“ (сказано въ резолюціи) „и видя такую царскаго величества милость и къ нимъ оборону, посланникамъ говорить о жалованьѣ не приходится“. Впрочемъ государь пошлетъ привести въ извѣстность городскіе и другіе доходы, послѣ чего о жалованьѣ Запорожскому Войску, по разсмотрѣнію царскаго величества, будетъ указъ. „А нынѣ царское величество, жалую гетмана и все Запорожское Войско, хочетъ послать своего государева жалованья, по бывшимъ обычаямъ предковъ своихъ, великихъ государей царей и великихъ князей россійскихъ, гетману и всему Войску Запорожскому золотыми“.

Такова была петиція, представленная козаками царю черезъ два мѣсяца по принятіи отъ нихъ безусловнаго подданства, и ее-то козацкіе историки превращаютъ въ „условія, на которыхъ Украина соединилась съ *Московією*“; а какъ условій и договора въ козацкой петиціи вовсе нѣтъ, то козакоманы пускаютъ въ ходъ печатную молву, будто бы договоръ Хмельницкаго съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ *существовалъ*, но какъ-то, кѣмъ-то, гдѣ-то и когда-то потерянь. Отъ этого взаимныя отношенія Русскаго Сѣвера и Русскаго Юга представляются любителямъ козачины въ ложномъ видѣ, и отсюда происходятъ антирусскія стремленія украинскихъ патріотовъ, но извращеніе понятій о Хмельнитчинѣ идетъ у насъ издавна. Подобно тому, какъ во времена Жмайловъ, Тарасовъ, Павлюковъ агитаторы козацкихъ бунтовъ постоянно твердили „людямъ незнающимъ“ о нарушеніи Ляхами какихъ-то старыхъ козацкихъ правъ и вольностей, крамольники временъ Выговскаго, Юрія Хмельницкаго, Бруховецкаго, Тетеры и, наконецъ, Мазены распространяли въ Малороссіи толки о небывалой

присягѣ бояръ за царя и заставляли „незнающихъ людей“ роптать на московское вѣроломство. Посѣянные въ малорусскомъ обществѣ шптомцами іезуитовъ предубѣжденія противъ Москвы были поддержаны фальшивыми лѣтописями, поддѣльными документами, псевдоисторическими монографіями, воздыханіями поэтовъ - невѣждъ о козацкой старинѣ, и эта умственная язва до того въѣлась въ слабые умы, что сказки объ отношеніяхъ козаковъ къ двумъ соперничавшимъ государствамъ находятъ еще и въ наше время довѣрчивыхъ читателей.

К О Н Е Ц Ъ .

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
Глава XXI. Совѣщанія пановъ о спасеніи отечества.—Выборъ боевой позиціи подъ Збаражемъ.—Козаки и Татары осаждаютъ панское войско.—Переговоры представителя козаковъ съ представителемъ шляхты.—Козацкое искусство маскировать военныя дѣйствія.—Король идетъ къ осажденнымъ на выручку.....	3
Глава XXII. Битва подъ Зборовымъ.—Безславный для козаковъ и для пановъ миръ.—Печальное освобожденіе отъ осады.—Малорусскій народъ проклинаетъ Козацкаго Батька.—Развращеніе народа козачиною.....	38
Глава XXIII. Фальшивое представленіе короля героемъ и патриотомъ.—Немногіе обманываютъ многихъ.—Кто собственно былъ угнетателемъ „убогихъ людей“.—Новая реестровка козаковъ.—Замѣна панскаго ига игомъ козацкимъ.—Бѣдствія малорусскаго посольства отъ козацкаго бунта.—Двѣ орды въ виду культурныхъ сосѣдей.—Замыслы Татаръ и козаковъ противъ Московскаго Царства.—Турецкая протекція.—Нагроможденіе горючихъ матеріаловъ.—Грозное посольство московскаго царя.....	79
Глава XXIV. Козакотурецкая политика.—Козакотатарскій набѣгъ на Волощину.—Предпочтеніе варварства турецкаго варварству козацкому.—Козаки вооружаютъ противъ пановъ сосѣдніе народы.—Мѣра за мѣру въ борьбѣ двухъ вѣроисповѣданій.—Чрезвычайный сеймъ.....	122
Глава XXV. Польша перестаетъ быть государствомъ свѣтскимъ.—Партизанская война въ началѣ весны 1651 года.—Покушенія козаковъ на Подольскій Каменецъ.....	157
Глава XXVI. Воюющія стороны, неспособныя къ правотѣ.—Панскій лагерь подъ Сокалемъ.—Война Римлянъ съ Греками посредствомъ пановъ, а Грековъ съ Римлянами посредствомъ козаковъ.—Достоинство московскаго правительства въ виду этой борьбы.—Движеніе панскаго войска къ Берестечку.—Козацкое становище и приходъ Крымскаго хана къ козакамъ.—Первая битва подъ Берестечкомъ.....	193
Глава XXVII. Вторая битва подъ Берестечкомъ.—Бѣгство татарскаго хана и козацкаго гетмана.—Блокада козацкаго табора.—Бѣгство козаковъ.—Находки въ козацкомъ таборѣ.—Окончательное превращеніе польскорусскихъ дворянъ въ Поляковъ.—Католическая Хмельнитчина въ Краковскомъ округѣ.....	231

- Глава XXVIII.** Походъ панскаго войска изъ-подъ Берестечка въ Украину.—
 Мародерство производитъ общее возстаніе. — Смерть лучшаго изъ
 панскихъ полководцевъ.—Походъ литовскаго войска въ Украину.—
 Вопросъ о московскомъ подданствѣ.—Бѣлоцерковскій договоръ... 281
- Глава XXIX.** Результатъ козацкихъ бунтовъ. — Необходимость отпаденія
 Малороссіи отъ Польши.—Козаки переселяются въ московскія вла-
 дѣнія. — Козацкая интрига въ Турціи.—Походъ въ Волощину.—
 Битва подъ горою Батогомъ.—Козаки побиты въ Волощинѣ.—Фи-
 нансовая и нравственная несостоятельность панской республики.. 332
- Глава XXX.** Московскій ультиматумъ.—Царское обнадеживающее посоль-
 ство у козаковъ. — Кому въ Малороссіи было ненавистно москов-
 ское подданство.—Панскій лагерь подъ Жванцемъ.—Жванецкій до-
 говоръ 1653 года.—Козаки поддаются Московскому царю.—Возсо-
 единеніе Малой Россіи съ Великою..... 377
-

О П Е Ч А Т К И.

Во II-мъ томѣ на стр. 372, стр. 30, вмѣсто козацкихъ читай козацкызъ

<i>Стр</i>	<i>Строки.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Читай.</i>
9	31	любимца	любимаго
20	38	наз	наз
21	33	опровергнутый	отвергнутый
22	3	рабѣтї	робѣтї
—	7	воли	воли
25	13	и придавали	придавали
26	38	пановъ	на пановъ
30	4	изведенїя	изведенїе
36	10	Стырною	Стырною
—	12	Стырну	Стырну
—	15	Стырна	Стырна
38	18	Стырны	Стырны
—	29	Метенёва	Метенёва
39	1	Метеневу	Метенёву
—	10	Стырну	Стырну
40	9	Стырну	Стырну
41	10	Стырну	Стырну
42	40	Стырнѣ	Стырнѣ
44	31	Цецарѣ	Цецорѣ
45	19	знаю	зная
48	39	гарномъ	гардомъ
49	10	Королю	Баролю
—	15	Стырну	Стырну
50	30	изъ цѣлости	цѣлости
55	34	zgoniściś	zgoziściś
56	27	60 фр.	60 фл.
—	32	переносить	переносилъ
62	19	300.000	30.000
63	20	были	были довольны
68	15	подняло	поднялъ

71	4	падали	надали
—	19	посольство	посольство
72	35	присягнуты	присягнули
73	5	готовятся	ютятся
75	5	вопросы	допросы
81	13	только	столь
82	3	И инструкція на сеймики	Инструкція на сеймики
83	4	пійшовъ	пйшовъ
—	6	сеймики	сеймики
86	5	Хмельницкихъ	покорность Хмельницкихъ
90	2	отъ Малороссіи	по Малороссіи
91	18	люда	люди
93	28	шерней	шерпей
96	39	Даша	Даша
97	8	миѣнія	имѣнія
—	32	п что	что
98	9	о о двуконь	о двуконь
100	32	Брацловскому	Брацлавскому
102	6	представитъ	предоставитъ
—	40	Но	Только
113	35	разнаго	ратнаго
116	7	нагодни	негодни
119	32	у васъ	и у васъ
121	6	поражали они	царскіе послы поражали
122	8	побратавшихся	побратавшихся
125	34	Клипинскомъ	Килинскомъ
126	32	единовѣрцами	съ единовѣрцами
127	35	они	ани
130	7	угадаивостью	угодаивостью
131	29	изображалъ	изображенъ
132	23	Бессарабы	Бессараба
137	6	покорमितъ	накормитъ
138	15	новинювлювавъ	новинювлювавъ
139	35	изорвешъ	що рвешъ
143	9	посольство	посольство
149	13	папству	паству
151	14	огню и мечу	огню, мечу и пѣненію
152	21	чинитъ	чѣнить
—	37	отъ посольства	этого посольства
153	10	межъ	тежъ
155	24	extremium	extremium
161	17	наны	попы
162	14	съ тѣмъ	съ тѣми

163	38	единодушія	единодушіе
164	25	приласкали	не приласкали
171	30	кўшоньки	кўмоньки
172	39	пуля	свинцовая пуля
175	33	лукавымъ	коварно лукавымъ
—	34	дикимъ	бѣшено дикимъ
183	11	козаками	козацкими
188	22	въ памяти	памяти
190	35	скалу	Скалу
191	16	Стыриѣ	Стыриѣ
192	30	помогалъ	поточалъ
193	11	мечтали	мечтами
—	—	не не были	но не были
204	11	начерназа	черназа
207	8	въ городѣ	въ огородѣ
—	16	порядка	порядокъ
209	1	и передъ	а передъ
210	5	надъ	подъ
212	7	Ляхову	Ляхвѣ
—	37	именуемой	именуемый
213	25	нараменники	нараменники
214	15	остальномъ	остальномъ войскѣ
215	17	паны	поны
216	36	Притомъ же эта	Притомъ же
219	37	Сокаломъ	Сокалемъ
222	2	народной	передней
223	22	Коринцами	Коринцами
224	28	отправленный	отправленныхъ
226	14	войско	полки
230	12	Шауготше	Шауготше
—	15	за его	за нею
233	28	нанскій	ханскій
235	24	Но	Только
242	19	затописныхъ	затонистыхъ
245	31	Голты	Гонты
251	30	понамъ	но намъ
254	28	лободинцевъ	отъ лободинцевъ
256	8	пушки	шутки
—	27	гребни	гребли
257	39	его	ею
258	21	чанкѣ	ганкѣ
262	11	народа	парада
264	29	Кусевичей	Кунцевичей

266	32	выбирала	выдирала
268	29	подвергаетъ	подвергнетъ
274	33	<i>экзамта</i>	<i>экземта</i>
276	9	подъ	надъ
—	13	получились	получались
290	35	боязни	боязни
292	35	короля	Кароля
298	6	скончался	онъ скончался
307	37	градскія	гродскія
308	21	восхваляла	восхваляя
—	—	Поляки	Полякъ
316	6	становился	остановился
333	29	шляхетскіе	пшявецкіе
342	7	гоже	юже (уже)
347	14	помѣченный	намѣченный
350	21	гетманъ	гетманы
358	7	достигли	достигли они
361	6	религіозною	національною
382	5	<i>знать</i>	<i>гнать</i>
383	23	королевскихъ	увѣривъ королевскихъ
394	10	накеты	накты
396	26	тайну	шайку
397	39	со совѣтомъ	съ совѣтомъ
398	29	справедливы	были справедливы
401	19	долженъ	долженъ былъ
406	32	правахъ	нравахъ

